

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
институт славяноведения

**ПРОФЕССОР
СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ НИКИТИН
И ЕГО ИСТОРИЧЕСКАЯ ШКОЛА**

*Материалы международной
научной конференции*

Москва
2004

Сергей Александрович Никитин
1901 - 1979

Оглавление

От редколлегии.....	5
ЧАСТЬ I.	
<i>С.И. Данченко, И.В. Чуркина</i> Научная деятельность С.А. Никитина.....	7
<i>Л.В. Горина</i> С.А. Никитин – заведующий кафедрой истории южных и западных славян (1947 – 1961 гг.).....	22
<i>М.Ю. Досталь</i> С.А. Никитин и кампания борьбы с космополитизмом на Историческом факультете МГУ.....	30
<i>А.Н. Горюнов</i> Семейство Никитиных и формирование убеждений Сергея Александровича в жизненном и научном измерениях.....	48
<i>А.В. Карасев</i> Проблемы истории Сербии в произведениях С.А. Никитина.....	61
<i>И.Г. Воробьева</i> С.А. Никитин о деятельности историка-слависта Н.А. Попова.....	72
<i>Марк Гольберг</i> «Со свиданьем».....	77
ЧАСТЬ II.	
<i>В.Я. Гросул</i> Зарождение русского общества.....	85
<i>В.Н. Виноградов</i> О пружинах балканской политики старой России.....	104
<i>Михайло Криль</i> Славистика в научных исследованиях Бальтазара Гакета.....	112
<i>О.В. Медведева</i> Переселение болгар в Россию в XVIII – первой половине XIX вв.....	120
<i>И.Ф. Макарова</i> Русские старообрядческие поселения в Добрудже в XVIII-XIX вв.....	129
<i>Ю.А. Созина</i> Россия в творчестве Петра II Петровича Негоша.....	140
<i>М.М. Фролова</i> Н.Н. Мурзакевич и болгарское просвещение.....	151
<i>С.М. Фалькович</i> Политика царизма в Королевстве Польском и восстание 1830-1831 гг.....	161
<i>Александровский И.С.</i> Малороссийская тема в русской прессе охранительного направления второй четверти XIX века.....	170
<i>В. Матула</i> «Славянство и мир будущего» Людовита Штура (Новые результаты исследований о возникновении, судьбе и оценке трактата). 177	
<i>О.В. Павленко</i> «Святой мученик» Карел Гавличек-Боровский. Мифологизация национального героя.....	201
<i>Л. Минкова</i> Константин Миладинов в России.....	218
<i>В.М. Хевролина</i> Из истории российского посольства в Константинополе при Н.П. Игнатеве.....	228
<i>А.Л. Шемякин</i> Тайная миссия Н.Н. Раевского на Балканах в 1867 г.....	239

<i>Л.В. Кузьмичева</i> Сербский посланник при русском дворе (1886-1887 гг)	248
<i>Е.П. Аксенова</i> Деятельность славянских комитетов в оценке А.Н. Пылина	255
<i>О.В. Сапрыкина</i> Источники о жизненном и творческом пути Академика В.И.Ламанского	262
<i>Л.П. Лаптева</i> Славист И.И. Срезневский и его отношения с учениками (по данным неопубликованной переписки)	277
<i>Т.П. Чепелевская</i> Из истории российско-славянских связей. Деятельность А.В. Амфитеатрова на Балканах в конце XIX – начале XX вв.	287
<i>М.Л. Ямбаев</i> А.А. Ростовский в Македонии. Начало XX века	297
<i>Г.Д. Шкундин</i> Болгария в российской политике в начале 1916 г.	308
<i>В.И. Журавлев</i> «Славянский аспект» российско-американских отношений в период Первой мировой войны. (по материалам Архива внешней политики Российской империи)	317
<i>Р.П. Гришина</i> Национальный вопрос на Балканах в свете документов Коминтерна начала 1920 гг.	332
<i>А.С. Стыкалин</i> Прокурорская дипломатия в действии. Вышинский в Румынии. 1944-1946, (размышления над книгой)	342
<i>А.Ю. Писаревский</i> Антон Коросец в правительстве Милона Стоядиновича (24 июня 1935 - 21 декабря 1938 гг.)	357
<i>Т.В. Волокитина</i> Судьба эзарха Стефана в контексте советско-болгарских отношений (40-50-гг. XX века)	373
<i>К.В. Никифоров</i> Процессы внешнего доминирования на Балканах В 40-90-е годы XX века. (фашизация, советизация и натолизация)	395
<i>А.З. Нюркаева</i> Косовский кризис: Причины и последствия	403
<i>Н.А. Лучинина</i> Традиции и новации в университетском курсе Истории зарубежных славянских народов	408
<i>З.С. Ненашева</i> Русская Православная Церковь в Праге	412
<i>Н.С. Пильно</i> Советские граждане в рядах Народно-Освободительной армии Словении	431

От редколлегии

Сборник статей составлен на основании материалов международной научной конференции посвященной 100-летию со дня рождения выдающегося российского слависта, профессора С.А. Никитина, прошедшей в октябре 2001 года в Институте славяноведения РАН. Сборник состоит из двух частей. В первой части представлены статьи о жизни и многогранной деятельности профессора С.А. Никитина, написанные на основе новых архивных и историографических материалов. Вторую часть сборника составляют статьи участников международной конференции по тематике, которую разрабатывал в своих трудах профессор Никитин. Круг этой проблематики очень широк: история России XVIII - XIX вв., средневековая история Болгарии, Сербии, Чехии, возрождение славянских народов, революция 1848-1849 гг. в Австрии и участие в ней славянских народов, Первое сербское восстание 1804-1813 гг., освобождение Болгарии от османского ига, русско-славянские связи в XIX веке.

Этот сборник посвящен памяти профессора Московского университета, историка, Сергея Александровича Никитина. В него вошли доклады российских (из Москвы, Твери, Калининграда, Перми, Сыктывкара) и зарубежных (из Львова и Дрогобыча) учёных-славистов, с которыми они выступили на международной научной конференции «Профессор Сергей Александрович Никитин и его историческая школа. К столетию со дня рождения» (Москва, 30-31 октября 2001 года). Кроме того, сборники прислали свои статьи ученики С.А. Никитина из Словакии и Болгарии.

Ученикам, коллегам и всем авторам сборника хотелось рассказать о творческом пути московского ученого - историка и педагога - и не только потому, что он интересен и поучителен. Научное наследие Сергея Александровича включает в себе большое нравственное содержание. Его составляют преданность идеалам науки, сохраненная в самых сложных условиях, уважительное отношение к прошлому, которое уже состоялось и вправе рассчитывать на внимание к себе, особенно со стороны историков.

Изучение трудов С.А. Никитина приводит к мысли: культура - явление неделимое, тысячами нитей объединяет она разные народы, в том числе и славянские.

Сборник делится на две части. Первая включает статьи о С.А. Никитине, содержащая новые данные его биографии, о деятельности ученого в качестве заведующего кафедрой истории южных и западных сла-

вян Московского университета, о важнейших направлениях его научной деятельности.

Вторую часть сборника составляют статьи по тематике, которая входила в круг исследований профессора Никитина. Круг этот очень широк: история России XVIII-XIX вв., средневековая история Болгарии, Сербии, Чехии; эпоха Возрождения славянских народов; революция 1848-49 гг. в Австрии. Особое место в научном творчестве С.А. Никитина занимала история Болгарии: ее крупнейшие национальные деятели, освобождение от Османского ига, строительство болгарского государства после 1878 г. Пристальное внимание С. А. Никитин уделял и русско-славянским связям в XIX веке.

Все публикуемые в сборнике статьи базируются на новых материалах. Надеемся, что они будут интересны не только для историков, но и для политологов, журналистов, дипломатов, для всех, кто увлечен историей славянских народов и их связей с Россией.

ЧАСТЬ I

С.И. Данченко, И.В. Чуркина

НАУЧНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ С.А. НИКИТИНА

Известный ученый славист и педагог, внесший весомый вклад в становление и развитие советского и российского славяноведения и международных научных связей, профессор Сергей Александрович Никитин был учителем для целого поколения ученых, чьи достижения стали гордостью отечественной науки. Его труды высоко оценены не только в нашей стране, но и далеко за ее пределами.

Научной и педагогической деятельности С.А. Никитина посвящены многие работы. О нем писали академики АН СССР В.М. Хвостов, А.Л. Нарочницкий, Ю.А. Писарев, академик Боснийско-герцеговинской, Сербской и Черногорской Академий наук и искусств М. Экмечич. Творчество ученого исследовали его многочисленные ученики, отечественные и зарубежные: В.Г. Карасев, И.В. Чуркина, В.И. Фрейдзон, Л.В. Горина, Б.Н. - Билунов, В.М. Хевролина, С.П. Боброва, Н.П. Данилова, А.Н. Горяинов, Л.В. Кузьмичева, словацкий ученый В. Матула, академик Болгарской Академии наук Н. Тодоров и другие.¹ Уже сам интерес такого большого числа серьезных ученых к трудам С.А. Никитина указывает на то, какое важное место в развитии славяноведения они занимают.

Сергей Александрович Никитин родился 25 июня 1901 г. в Москве. Он происходил из небогатой образованной дворянской семьи, представители которой достойно трудились на ниве науки и просвещения. Так, известно, что отец нашего юбиляра – Александр Васильевич Никитин был преподавателем Николаевского Сиротского института; дядя – Николай Васильевич, медик по образованию, некоторое время являлся личным врачом Л.Н. - Толстого и членов его семьи.

Свое обучение Сергей Александрович начал в 4-й московской мужской гимназии, воспоминания о демократических порядках в которой, царившем там духе товарищества он сохранил до конца своих дней.² В гимназические годы он с увлечением читал исторические сочинения В.О. Ключевского, А.Н. Пыпина и др., поглощая один том за другим и закладывая таким образом фундамент той энциклопедичности, которая всегда поражала в Сергее Александровиче его коллег и учеников.

После 1918 г., после окончания гимназии, С.А. Никитин поступил на историко-филологический факультет Московского университета, который годом позже, в 1919 г., был преобразован в факультет общественных наук. Здесь изучалось множество предметов из области философии, психологии, логики, права, экономики и, конечно, истории, которую преподавали лучшие отечественные ученые и педагоги. Так, историю России Никитин-студент изучал под руководством С.В. Бахрушина, М.М. Богословского, Ю.В. Готье, А.И. Яковлева, а всеобщую историю – у Р.Ю. Виппера, В.П. Волгина, В.М. Лавровского, Д.М. Петрушевского, С.Д. Сказкина.

Учебу С.А. Никитину приходилось совмещать с военной службой, на которую он был призван в 1919 г. и которую проходил до 1924 г. сначала как курсант отделения русского языка Военно-педагогического института, а затем в качестве преподавателя командной артиллерийской школы.

В 1922 г. Сергей Александрович окончил факультет общественных наук Московского университета и наряду с преподаванием стал заниматься профсоюзной работой – он заведовал профсоюзными курсами, был лектором Московского совета профсоюзов. К этому периоду жизни относится появление первых научных статей будущего ученого, посвященных профсоюзной печати в России в 1905-1906 гг.³

В 1924 г. Сергей Александрович стал аспирантом Института истории Российской ассоциации научно-исследовательских институтов (РАНИОН) и начал вести самостоятельные научные исследования. В годы учебы в аспирантуре, а именно в 1927 г., в Большой Советской Энциклопедии была опубликована первая славистическая работа С.А. Никитина, посвященная богомилам. В 1928-1929 гг. он ассистировал профессору С.Д. Сказкину в семинаре по истории связей славянских народов с Россией.⁴

Внимание Никитина-аспиранта привлекла тема: «Русско-турецкая война и русская политика на Балканах в 70-е годы XIX века». На ее выбор, а также на пробуждение у молодого ученого интереса к славяноведению повлияли известные ученые С.Д. Сказкин, В.И. Пичета, М.К. Любавский и А.М. Селищев. Именно они, высоко оценив эту первую серьезную работу С.А. Никитина, посоветовали ему обратиться к его дальнейшим изысканиям к архивным материалам.

С 1928 г. по сентябрь 1930 г. Сергей Александрович работал в библиотеке Высшего совета народного хозяйства, где занимался библиографической деятельностью в должности помощника редактора Технической библиотеки. Л.П. Петровский и А.Н. Горяинов полагают, что то обстоятельство, что он не работал по специальности, было связано с его пребыванием в аспирантские годы в семинаре известного историка Н.А. Рожкова, который в конце 20-х годов полемизировал с М.Н. Покровским и обви-

нялся в меньшевистской интерпретации исторического процесса.⁵

14 сентября 1930 г. С.А. Никитин был арестован. Дело С.А. Никитина рассматривалось в то же время, что и дело академика С.Ф. Платонова, по которому проходили крупные историки: М.К. Любавский, Ю.В. Готье, Д.Н. Егоров, В.И. Пичета и др. Сергею Александровичу инкриминировалась не только связь с группой историков, арестованных по делу «Всенародного Союза за возрождение свободной России», сфабрикованному ОГПУ с целью обвинения в контрреволюционной деятельности большой группы членов АН СССР, но и «участие в антимарксистском кружке Рожкова», а также выступления против Общества историков-марксистов.⁶ Под следствием Сергей Александрович пробыл около 2,5 месяцев и содержался в Бутырской тюрьме. Следователь Н.Н. Соловьев в своем заключении по следственному делу назвал его элементом условно социально опасным. Кроме того, в этом документе, ставшем нам известным благодаря изысканиям в архиве КГБ Л.П. Петровского, содержалась оценка профессиональных качеств молодого ученого с точки зрения полуграмотного следователя. В нем констатируется, что подследственный Никитин – «исключительный путаник и ценности как историк никакой не представляет».⁷

Сосланный на Урал в январе 1931 г. сроком на три года, С.А. Никитин оказался в Свердловске – благодаря ходатайствам матери Глафиры Северьяновны и поддержке Е.П. Пешковой, возглавлявшей в то время политический Красный Крест. Там он устроился на работу в трест «Восток-сталь» на должность старшего экономиста. В июле 1932 г. Сергей Александрович был досрочно освобожден и вернулся в Москву. В первые два года он работал главным редактором организации «Союзоргучет» и лишь в 1935 г. вошел в состав группы, образованной в Историко-археографическом институте с целью публикации документов по истории Средней Азии.⁸

Забегая вперед, следует отметить, что при жизни Сергея Александровича с него так и не были сняты обвинения в «контрреволюционной деятельности». Лишь 3 марта 1989 г., т.е. спустя почти 10 лет после его смерти, его дело было официально признано незаконным, а С.А. Никитин был реабилитирован.⁹

С 1937 г. началась преподавательская деятельность Сергея Александровича. М.Н. Тихомиров привлек его к чтению курса источниковедения России XIX века в Историко-архивном институте. В своих лекциях молодой лектор с присущими ему тщательностью, скрупулезностью и эрудицией представил классификацию источников XIX века по русской истории, раскрывал их значение, характеризовал научные приемы их анализа. Впоследствии этот курс был выпущен отдельной книгой¹⁰, которую в 1941 г.

Сергей Александрович защитил как кандидатскую диссертацию. Этот труд был высоко оценен научной общественностью и стал учебником для студентов и аспирантов, которым они пользовались более 20 лет.

В 1941 г. С.А. Никитин был принят на работу в МГУ им. М.В. Ломоносова в качестве преподавателя исторического факультета. Здесь он трудился до 1961 г., а с 1947 по 1961 гг. являлся заведующим кафедрой истории южных и западных славян. Наряду с этим в 1947 г. Сергей Александрович стал одним из основателей Института славяноведения АН СССР, в котором возглавил сектор новой истории славянских народов.

После окончания Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. научные интересы С.А. Никитина сосредоточились вокруг проблем истории балканской политики России и русско-славянских связей 50-70-х годов XIX в. Изыскания по данной проблематике в отечественных архивохранилищах, детальное и глубокое изучение многочисленных периодических изданий этого периода позволили ученому создать ряд ценнейших исследований и публикаций документов, появившихся в 40-50-е годы XX в. в «Литературном наследстве», «Славянском сборнике», «Славянском архиве».¹¹ Последнее издание было учреждено в Институте славяноведения АН СССР по инициативе самого Сергея Александровича в 1958 г. (он же стал его редактором) и до появления многотомных публикаций по истории связей России с южными славянами было одним из немногих изданий, в которых публиковались вновь открытые источники по указанной проблематике.

В 40-е годы С.А. Никитин в качестве главной определил для себя тему русско-балканских отношений, в частности, вопросы балканской политики и отношения русского общества к событиям на Балканах в период от Крымской войны до конца 70-х годов XIX века. 1947 год – это год завершения монографии, которая была защищена С.А. Никитиным в качестве докторской диссертации – «Русское общество и вопросы балканской политики России в 1853-1876 гг.» Защита прошла успешно, о чем свидетельствовали положительные отзывы крупных отечественных историков, выступивших в качестве официальных оппонентов: Н.М. Дружинина, В.И. Пичеты и тюрколога А.Ф. Миллера. Вскоре после защиты Сергей Александрович подготовил свой труд к публикации отдельной книгой в издательстве АН СССР, однако цензура сочла невозможным его напечатать, и набор был рассыпан.¹² В этой работе, как, впрочем, и в последующих, С.А. Никитину ближе всего был позитивизм с его обстоятельностью в подборе фактов, со стремлением любой вывод базировать именно на них, хотя, разумеется, он, как и многие другие, был вынужден «играть» по правилам господствующей в то время в историографии марксистско-ленинской методологии. Фундаментальность его труда просто поражает. Он был осно-

ван на документах из 12 московских и ленинградских архивов, материалах центральной и провинциальной прессы; им были широко использованы многочисленные опубликованные источники, а также обширная литература на многих языках. Впоследствии часть материалов книги с небольшими изменениями вошла в его монографию «Славянские комитеты в России. 1858-1876 гг.», а ряд разделов был опубликован в «Очерках по истории южных славян и русско-балканских связей в 50-70-е годы XIX в.» Неопубликованные разделы объединялись единой проблематикой – развитие панславистских идей в русской общественной мысли в 40-70-е годы XIX в. Власти не устраивал тот факт, что при сравнении планов русских панславистов с тем, чего достиг СССР в 1945 г., у читателя могли возникнуть нежелательные ассоциации.

Главным научным трудом Сергея Александровича, по признанию большинства исследователей, его учеников и коллег в разных странах, является фундаментальная монография «Славянские комитеты в России. 1858-1876 гг.» (М., 1960). В послевоенные годы вокруг этих общественных организаций среди политиков, публицистов и ученых на Западе ходило немало нелепых легенд, проистекавших оттого, что эта тема была совершенно не изучена, а также из-за неприязненного отношения многих из них к России и затем к СССР. Славянские комитеты, действовавшие в России в 60-70-е годы XIX в., представлялись секретными организациями, созданными русским правительством для сбора агентурной информации в балканских странах. Особенно часто поминались они в связи с приписываемой России политикой панславизма. Взявшись за исследование этой проблемы, С.А. Никитин, как и в предыдущих своих работах, шел от источников, которые во множестве открывал в российских архивах. Наряду с этим он впервые в отечественной славистике широко привлек прессу различных направлений, в том числе, и провинциальные издания, а также обширную мемуарную литературу. Отдав дань уважения своим предшественникам в изучении этой труднейшей темы, С.А. Никитин совершенно по-новому рассмотрел деятельность славянских комитетов в России. Прежде всего, он показал, что славянофилы вовсе не были ретроgrадами, которыми пыталась представить их советская историография, а являлись деятелями умеренно либеральных взглядов, выступавших за проведение постепенных буржуазных реформ. Проследив двадцатилетнюю историю существования славянских комитетов, ученый сделал ряд ценных наблюдений, в том числе и тех, которые не вписывались в существовавшую в те годы официальную концепцию. Со страниц монографии С.А. Никитина славянские комитеты предстают своеобразной общественно-благотворительной организацией с политическими тенденциями, довольно многочисленной и пестрой по

своему составу. Действовали они легально и были единственной организацией в России, которая оказывала разнообразную помощь южным славянам. Комитеты располагали небольшими денежными средствами, но иногда пользовались некоторыми правительственными и церковными субсидиями. Вместе с тем, как показал Сергей Александрович в своем труде, их помощь в деле формирования национальной интеллигенции в балканских странах, развитии там образования, науки и культуры была бесценна. Ее значение в тот неурочный период истории этих народов трудно переоценить.

Книга С.А. Никитина по праву может считаться первой в ряду серьезных трудов по данной проблематике. Ее появление в значительной мере стимулировало научные поиски и изыскания в этом направлении. Современные исследователи, являющиеся в большинстве своем учениками и последователями профессора Никитина или учениками его учеников, к настоящему времени опубликовали множество новых, уникальных документов, создав таким образом прекрасную источниковедческую базу для исследователей нынешнего, XXI века. Но в 1960 году, когда в СССР появился труд С.А. Никитина, вклад славянских комитетов в расширение связей России с народами Балкан уже не мог быть оспорен. Собранные воедино уникальные архивные материалы, публикации в российской периодике, выдержки из мемуаров деятелей того времени позволили ученому сделать обоснованные выводы и, отделив зерна от плевел, показать место и действительную историческую роль славянских комитетов в развитии русской политики в балканском регионе. Эта книга заслуженно получила высокую оценку как в нашей стране, так и за рубежом, в первую очередь, в государствах бывшего соцлагеря. «Этим своим научным трудом он по праву завоевал большой авторитет в мировой науке», – писал известный сербский историк М. Экмечич.¹³ «Тот, кого интересуют такие проблемы, как славянское единство и славянская взаимность, освободительная роль России и различные ее интерпретации, расхождения между русскими славянофилами и славянофилами других стран, должны непременно обратиться к этой работе С.А. Никитина», – подчеркивал директор Института балканистики Болгарской Академии наук Николай Тодоров.¹⁴

Как известно, национально-освободительное движение на Балканах в 50-70-е годы XIX в. находило широкий резонанс в русской периодической печати – центральной и провинциальной. Отклики газет и журналов, выходящих в России, на главные события этого движения способствовали формированию общественного мнения в защиту прав угнетенных народов. Среди советских ученых Сергей Александрович первым обратился к этой теме, показав, что русская периодика представляет большой интерес

для историка-слависта как в плане выяснения позиций различных общественно-политических течений в тогдашнем российском обществе по славянскому вопросу, так и в плане ее связей с зарубежными славянскими народами.

Уже в 50-е годы С.А. Никитин начал публиковать статьи по данной проблематике, а в 1970 г. издал монографию «Очерки по истории южных славян и русско-балканских связей в 50-70-е годы XIX в.» Как отмечалось выше, в ней были собраны некоторые уже опубликованные, а также подготовленные заново исследования по указанной тематике. Центральной проблемой, рассматриваемой в этом труде Сергея Александровича, стало отношение ведущих органов русской периодической печати к целому ряду важнейших событий в истории южнославянских народов, а именно: национально-освободительная борьба в Боснии и Герцеговине, черногорско-турецкие конфликты, создание Балканского Союза 60-х годов XIX в., борьба за церковную самостоятельность Болгарии и переселение болгар в Россию, а также восточный вопрос во всех его проявлениях. Здесь же был помещен обширный очерк об экономическом облике болгарского города в момент освобождения Болгарии от османского ига. Впервые введенные в научный оборот данные уникального источника – русской переписи в Болгарии в 1879 г. – дали возможность расширить и скорректировать существовавшие ранее представления о социально-экономической структуре болгарского города. Однако этими, безусловно, важными сюжетами исследование Сергея Александровича не ограничивается. В нем также рассмотрен ряд вопросов другой темы, которую он разрабатывал на протяжении всей своей творческой жизни. Речь идет о балканской политике России, которая, как отмечал ученый, видела в славянских народах Балканского полуострова, вставших на путь национально-освободительной борьбы, союзную силу, способную создать более благоприятную для русских интересов ситуацию в регионе, что в свою очередь, создавало почву для ответного тяготения к России со стороны южных славян.

Этот и другие новаторские труды С.А. Никитина дали толчок дальнейшим исследованиям в отечественной науке русской периодической печати как источника по истории русско-славянских связей.

Широта научных интересов Сергея Александровича поражает. Он исследовал самые разнообразные темы по истории славянских народов от периода раннего средневековья до современности. Особое внимание он уделил средневековой истории Болгарии. Поставленные им проблемы сохраняют свое значение и по сей день, например, вывод о том, что вторжение славян на Балканы значило «ничуть не меньше, чем вторжение на территорию Западно-Римской империи германских и других племен».¹⁵ В

период, когда македонская историография активно стремилась доказать, что македонская нация существовала уже в раннее средневековье, профессор Никитин осторожно, но твердо выступил против этой точки зрения. Он указывал, что со второй четверти IX в. македонские славяне развивались в рамках Болгарского государства.¹⁶ Начало формирования македонской нации, ее выделения из болгарской Сергей Александрович относил к 1878 г., когда после Берлинского конгресса македонские земли оказались отрезанными от Болгарского государства. Этой точки зрения придерживается современная отечественная наука.

Кроме болгарского средневековья, С.А. Никитин интересовался средневековой Боснией, особенно богомильским учением, имевшим в ней широкое распространение до турецкого завоевания, а также классовый борьбой в Чехии и Моравии в XIV – начале XV в., как раз накануне развернувшегося там гуситского движения.

И все же наибольший интерес Сергея Александровича вызывали проблемы, вопросы и сюжеты славянского возрождения. Он написал ряд статей о крупнейших деятелях славянской культуры: о болгаргах Паисии Хилендарском, Любене Каравелове, Марине Дринове; о словаке Людовите Штуре и его знаменитом трактате «Россия и мир будущего». Несколько работ он посвятил реформатору сербского литературного языка Вуку Караджичу, в которых нашла отражение биография ученого и показаны его отношения с властями Австрии, Сербии и России. С.А. Никитин подчеркивал уважение и благодарность Караджича к России, который писал: «Во всех моих исторических трудах я с чрезвычайной заботливостью охранял имя России от всякой черной тени».¹⁷

С.А. Никитин исследовал также один из самых спорных и сложных вопросов сербской истории – роль воеводинских сербов в революции 1848–49 гг. И хотя он был вынужден придерживаться отрицательной оценки, данной К. Марксом и Ф. Энгельсом славянскому национальному движению, он, тем не менее, выделил первый период сербского движения как прогрессивный, сделав тем самым шаг вперед к отказу от привычных штампов. Особый интерес Сергей Александрович проявлял к Первому и Второму сербским восстаниям, которые стали главной темой его научных занятий в последние годы жизни.

Одним из главных направлений научной деятельности С.А. Никитина являлось его участие в подготовке публикаций документов по истории балканской политики России и русско-славянских связей в XIX веке.

Уже в период работы над докторской диссертацией Сергей Александрович вскрыл громадные пласты в большинстве своем неизвестных ранее документов. Познакомившись с их содержанием, он пришел к выводу, что

выявление, издание и обстоятельное их изучение – важнейшая задача отечественной науки. Они были необходимы для углубленных исследований в области недостаточно и односторонне изученной в те годы балканской политики России.

Следует подчеркнуть, что Сергей Александрович рассматривал этот вид работы как особую форму научно-исследовательского труда, где исторические проблемы, в отличие от монографических исследований, освещаются языком снабженных комментариями и справочным аппаратом документов.

Первой фундаментальной публикацией, организатором которой был С.А. Никитин, стала публикация «Освобождение Болгарии от турецкого ига. Документы в 3-х томах» (М., 1961-1967). В ее подготовке, наряду с учеными, архивными и библиотечными работниками Советского Союза, приняли участие болгарские коллеги: А.К. Бурмов, Н. и Г. Тодоровы и др.) С конца 50-х годов под руководством Сергея Александровича в нашей стране впервые были проведены работы по выявлению архивных документов такого масштаба, осуществленные не только в хранилищах столичных городов СССР, но и в регионах – на Кавказе, европейской части России, в бывших советских республиках, а также за границей.

В период подготовки «Освобождения Болгарии...» был сделан решающий шаг в деле формирования научной школы профессора Никитина. Молодые в ту пору ученые, которых он привлек к выявлению и комментированию документов – А.А. Улуян, Н.В. Зуева, Е.М. Шатохина, Д.Ф. Поплыко, В.Г. Карасев, И.В. Козьменко, В.Д. Конобеев и др., – являлись не только его учениками, но и единомышленниками. Ведя научный поиск под руководством Сергея Александровича, постигая его талант как публикатора, перенимая его мастерство, приобретая опыт и знания, они постепенно превратились в высокопрофессиональных специалистов в области балканской политики России и русско-балканских связей. Все это они впоследствии широко использовали в своей работе и щедро передавали своим ученикам, обеспечивая таким образом преемственность научных исследований.

Следует отметить личное участие Сергея Александровича в подготовке «Освобождения Болгарии...» в качестве ответственного редактора, прежде всего при отборе и комментировании документов. Стремясь к тому, чтобы в публикации возможно полнее были отражены главные аспекты избранной темы, он считал необходимым основное внимание сосредоточить на тех вопросах, которые ранее были слабо разработаны в литературе или не были изучены вовсе.

Несомненной заслугой создателей этого труда является публикация

документов, отражающих общественные связи между Россией и южными славянами. Представленные в первом томе материалы освещают отношение различных слоев русского общества к восстанию в Боснии и Герцеговине 1875 г., к национально-освободительной борьбе других южных славян. Большой интерес представляют документы о русском добровольческом движении в Сербию, которая в 1876 г. вступила в войну с Турцией.

Основным содержанием второго тома являются документы, раскрывающие важнейшие стороны дипломатической истории русско-турецкой войны 1877-1878 гг., освещающие переговоры России с Турцией и международную обстановку в период заключения Сан-Стефанского прелиминарного договора, а также такие вопросы, как деятельность русского Гражданского управления в Болгарии, национально-освободительное движение болгарского народа, русско-болгарское боевое содружество и др.

Материалы третьего тома публикации касаются многих вопросов независимого существования освобожденной Болгарии и формирования ее государственности. Здесь представлены неопубликованные документы о переговорах Е.П. Новикова и Н.П. Игнатьева в Вене и П.А. Шувалова в Лондоне, предшествовавших Берлинскому конгрессу 1878 г., а также впервые полностью приведены инструкции русским уполномоченным на конгрессе, раскрывающие отношение правящей элиты России к различным вариантам решения вопроса о создании болгарского государства.

После выхода в свет публикация «Освобождение Болгарии...» получила очень высокую оценку научной и широкой общественности в нашей стране и за рубежом. По признанию многих, издание стало непревзойденным, классическим образцом советского академического документального издания.

Впоследствии под руководством С.А. Никитина было подготовлено еще два издания документов: «Зарубежные славяне и Россия» (М., 1975), в котором публиковались материалы архива священника русской посольской церкви в Вене в 40-80-х годах XIX в. М.Ф. Раевского (совместный труд ученых СССР, Югославии и Чехословакии), и двухтомник «Первое сербское восстание 1804-1813 гг. и Россия» (М., 1980-1983, кн. I-II – совместно с Сербской Академией наук и искусств). Выхода в свет последней публикации Сергею Александровичу уже не удалось увидеть.

Сборник документов «Зарубежные славяне и Россия» содержит впервые опубликованные письма к М.Ф. Раевскому русских и зарубежных славянских государственных, политических и общественных деятелей, представителей культуры, освещающие вопросы отношений русской научной и политической общественности и славянских народов Габсбургской и Османской империй. Документы публикации касаются многих аспектов

национально-политического, социального и культурного развития южных славян, чехов и словаков в самых разнообразных его проявлениях, а также отношения участников национального движения этих народов к официальной России, их связей с русской общественностью; главным образом, славянофилами, с русскими учеными-славистами. Издание содержит большое число новых фактов о помощи различных кругов русского общества национальным движениям угнетенных народов, роли М.Ф. Раевского и его корреспондентов в установлении и расширении контактов с зарубежными славянами. Большое научное значение имела публикация неизвестных ранее писем ряда выдающихся деятелей – Петра II Петровича Негоша, В.С. Караджича, чешского просветителя В. Ганки, сербского митрополита Михаила, хорватского ученого-историка И. Кукулевича и др. Следует отметить, что на всех этапах работы над этим изданием помощь Сергея Александровича была бесценна. Он являлся не только его ответственным редактором и главным консультантом по всем вопросам, но также высококвалифицированным комментатором документов. Уже в процессе подготовки сборника ученики С.А. Никитина – И.В. Чуркина и словацкий ученый В. Матула – опубликовали ряд интересных статей, в которых широко использовались материалы архива М.Ф. Раевского. После кончины Сергея Александровича работа по его изданию была продолжена – на тех же принципах, которые были установлены при его жизни. В 1989 г. в Белграде была издана первая книга второго тома документов «Югославяне и Россия»¹⁸, в которой были опубликованы письма русских и югославянских корреспондентов М.Ф. Раевского и среди них: камер-фрейлины русской императрицы А.Д. Блудовой, дипломатов Л.В. Березина, В.П. Балабина, А.Е. Влангали и А.С. Ионины; ученых А.Ф. Гильфердинга и В.И. Ламанского; известных государственных и общественных деятелей и ученых – М. Бана, В. Богишича, Дж. Даничича, Н. Дучича, И. Кукулевича и др.

К сожалению, в 90-е годы в силу причин, связанных с изменением политической ситуации в России и славянских странах, это научное сотрудничество, установлению которого столько сил отдал С.А. Никитин, было прервано и до сих пор, к сожалению, не восстановлено. Неизданными остались вторая книга второго тома «Югославяне и Россия», уже подготовленная к печати, а также многочисленные выявленные материалы о связях России с чехами и словаками в XIX веке.

Как уже отмечалось выше, под научным руководством Сергея Александровича в 1970-е годы осуществлялась подготовка дипломатических документов по истории Первого сербского восстания из архивов тогдашнего Советского Союза (совместный проект Института славяноведения и балканистики АН СССР и Института балканистики Сербской Академии

наук и искусств). Хотя ему уже не пришлось увидеть вышедшей в печать эту фундаментальную работу, однако он успел вложить в нее немало своего труда, знаний и таланта, передать свой опыт ученикам-коллегам.

Двухтомная публикация содержит материалы, которые впервые систематизированно освещают политику России в сербском вопросе в начале XIX века. В ней широко представлены документы об отношении русских правящих кругов к повстанцам, о русской военной помощи; значительная их часть характеризует некоторые формы общественных связей России и Сербии, например, поездки сербских делегаций в Петербург и штаб Молдавской армии. Представленные в издании материалы позволили исследователям сделать вывод о том, что Россия на протяжении всего хода национально-освободительной борьбы сербов оказывала им всестороннюю дипломатическую, военную и материальную помощь, сыграв тем самым положительную роль в деле создания национального Сербского государства.

В.М. Хевролина подсчитала, что под руководством С.А. Никитина в 1960-1970-е годы было подготовлено и частично издано около 300 печатных листов исторических документов.¹⁹

Говоря в целом о публикаторской работе профессора Никитина как составной части его научной деятельности, следует подчеркнуть ее новаторство и своеобразие. По его настоянию в вышеуказанных сборниках документов в научный оборот вводились материалы различного характера: дипломатическая переписка, официальные записки, а также документы личного происхождения – письма, дневники, прошения, принадлежащие как известным деятелям, так и рядовым свидетелям той эпохи. Подобный отбор исторических свидетельств, наряду с другими достоинствами публикаций, выполненных под руководством Сергея Александровича – тщательной археографической подготовкой документов, развернутым справочным аппаратом, блестяще написанными предисловиями и комментариями, содержащими большой объем научной информации и часто являющимися небольшими исследованиями, – выделяет их из ряда подобных трудов, издававшихся в СССР, и по-прежнему, спустя годы и десятилетия, вызывает большой интерес к ним. Подготовленные под руководством и при участии С.А. Никитина документальные издания являются важнейшей частью его научного наследия.

Еще одним аспектом научной и научно-организаторской деятельности С.А. Никитина являлось его активное участие в объединении историков-славистов Советского Союза и налаживании их сотрудничества с учеными славянских стран. Он был одним из инициаторов и организаторов всесоюзных межвузовских научных конференций историков-славистов,

проводившихся в СССР с целью развития и координации славяноведческих исследований; улучшения учебно-методической работы и подготовки кадров славистов. Сергей Александрович являлся членом Комиссии историков СССР и Болгарии. За заслуги в укреплении советско-болгарского научного сотрудничества он был награжден болгарским орденом Кирилла и Мефодия I степени.

В связи с научно-исследовательской и научно-организационной работой Сергею Александровичу приходилось неоднократно бывать за рубежом. Он был участником нескольких международных конгрессов и встреч историков: V Международного конгресса славистов в Софии, XII Международного конгресса исторических наук в Вене, коллоквиума Международной славянской комиссии в Париже и др. Широкое международное признание научных заслуг С.А. Никитина выразилось в том, что на Венском конгрессе историков он был избран вице-президентом Славянской комиссии при Международном комитете исторических наук, а на Московском конгрессе историков в августе 1970 г. – президентом этой комиссии.

Активное участие принимал С.А. Никитин в общественно-научной жизни нашей страны. В 1947-1957 гг. он входил в состав редколлегии издававшегося Славянским комитетом СССР журнала «Славяне»; являлся членом комиссии ученых по содействию Комитету борьбы за мир. В течение многих лет он отдавал много сил и времени работе в Обществе советско-болгарской дружбы, являясь членом его Центрального правления.

Несомненной заслугой С.А. Никитина явилось то, что он сумел не только сохранить, но и передать своим ученикам лучшие традиции российского дореволюционного славяноведения: научную добросовестность, использование сравнительно-исторического метода, опору при выводах, прежде всего, на факты. Он стал как бы связующим звеном между дореволюционной историографией и отечественной славистикой.

Сергей Александрович создал свою школу историков-славистов. В год его смерти (1979) среди его учеников было 9 докторов и 25 кандидатов исторических наук.²⁰ Его роль как учителя очень емко охарактеризовал Н. Тодоров: «Благодаря его поощрению и поддержке несколько десятков советских исследователей смогли утвердиться как талантливые слависты и посвятить себя изучению истории славянских народов. Среди его учеников немало болгарских, чехословацких, польских и румынских исследователей».²¹

Как учитель С.А. Никитин был очень строг. Ему было достаточно взглянуть на провинившегося или сказать всего несколько слов, чтобы человек осознал свою ошибку – будь то неточное приведение исторического факта в работе; или же недостаточно обоснованный, фундированный вывод.

«Страх перед оценкой учителя всегда незримо присутствовал у меня, вплоть до его кончины», – вспоминает доктор исторических наук Искра Васильевна Чуркина.

Хвалебные оценки С.А. Никитина отличались лаконичностью и были чрезвычайно скупы: «Это пойдет», «Приемлемо», «Занимательно» и т.д. Особенно раздражала Сергея Александровича неряшливость в приведении и интерпретации фактов, которые он считал основой исторического исследования. Однако в том случае, когда в качестве доказательства использовалась цитата из трудов классиков марксизма-ленинизма, он обычно ничего не говорил.

Из учеников наибольшим доверием у С.А. Никитина пользовался университетский профессор Виктор Георгиевич Карасев. Именно он посоветовал Сергею Александровичу, когда об этом встал вопрос, остаться не в МГУ, а в Институте славяноведения, и Никитин к нему прислушался и поступил именно таким образом.

Иногда Сергея Александровича упрекали в том, что он не помог некоторым сотрудникам написать диссертации. Но все дело в том, что он был твердо уверен: каждый должен выходить из сложной ситуации самостоятельно, тем более в науке, иначе из него никогда не получится настоящий ученый.

Завершая рассмотрение научной деятельности профессора Никитина, следует подчеркнуть, что его вклад ученого в развитие отечественного славяноведения трудно переоценить, ибо во многих направлениях его можно назвать первопроходцем. Крупные ученые продолжают жить на Земле в своих трудах. Научное наследие С.А. Никитина насчитывает около 300 больших и малых работ. И главное их значение в том, что они и сейчас востребованы, к ним обращаются молодые исследователи и студенты. Они не только часть историографии, достойные лишь упоминания. Они по-прежнему поражают захватывающим повествованием о далекой эпохе, богатой событиями и личностями.

Благодаря активной научной и преподавательской деятельности Сергея Александровича в отечественном славяноведении сложилось научное направление, связанное с изучением связей народов России и балканских стран. Опосредованное влияние С.А. Никитина на историческую науку продолжается и сегодня, так как его мысли, воззрения, идеи и концепции продолжают развивать его ученики и ученики его учеников. И это, безусловно, говорит о продуктивности и огромном значении его научного наследия.

Примечания:

¹ Хвостов В.М., Нарочницкий А.Л., Валев Л.Б., Писарев Ю.А., Карасев В.Г. Профессор Сергей Александрович Никитин. Предисловие к сб. статей «Славяне и Россия». М., 1972. С. 3-11; Зуева Н.В., Данилова Н.П. Юбилей видного советского ученого С.А. Никитина // Советское славяноведение. 1971, № 6. С. 112-113; Хвостов В.М., Нарочницкий А.Л., Валев Л.Б., Писарев Ю.А. Профессор Сергей Александрович Никитин // Новая и новейшая история. 1971, № 6. С. 199-203; Matula V. S. A. Nikitin 70 roiny // Historické zprávy. Bratislava, 1971, № 2. S. 312; Todorov N. Le professeur S. A. Nikitin // Etudes balkaniques. Sofia, 1971, № 1. S. 150-153; Боброва С.П. Сергей Александрович Никитин (из истории советского славяноведения) // Вопросы истории славян. Воронеж, 1972. С. 97-112; Фрейдзон В.И., Чуркина И.В. Исследования С.А. Никитина в области русско-славянских отношений в 50-70-х годах XIX в. // Славяне и Россия. М., 1972. С. 11-19; Боброва С.П. Об исследовательской методике С.А. Никитина // Там же. С. 20-26; Чуркина И.В. Сергей Александрович Никитин // Вопросы историографии и истории зарубежных славянских народов. М., 1987. С. 46-56; Екмениж М. Sergej Aleksandrovič Nikitin // Jugoslovenski istorijski zbornik. 1979, № 1-2. S. 230-231; а также: Путь ученого. К 90-летию со дня рождения С.А. Никитина. Балканские исследования. Вып. 14. М., 1992. / статьи Л.В. Гориной, И.В. Чуркиной, Б.Н. Билунова, Л.В. Кузьмичевой, В.М. Хевролиной, С.П. Бобровой, В.Г. Таранова, Э.Г. Вартаньян, Н. Тодорова, М. Экмечича, А.Н. Горяинова и Л.П. Петровского.

² См.: Воспоминания о гимназических годах (публикация А.Е. Москаленко) // Из истории университетского славяноведения в СССР. М., Изд-во МГУ, 1983. С. 120-142.

³ Никитин С.А. Очерки по истории профессиональной печати в России // Материалы по истории профессионального движения в России. М., 1924. Сб. 2. С. 141-158; М., 1925. Сб. 3. С. 43-59.

⁴ См.: Билунов Б.Н. Болгарское Возрождение в трудах С.А. Никитина // Балканские исследования. Вып. 14. Путь ученого. К 90-летию со дня рождения С.А. Никитина. М., 1992. С. 49.

⁵ См.: Петровский Л.П., Горяинов А.Н. Неизвестная страница биографии С.А. Никитина (По материалам ОГПУ начала 1930-х годов) // БИ. Вып. 14. С. 13.

⁶ Там же. С. 13-15.

⁷ Там же. С. 18.

⁸ Там же. С. 18-19.

⁹ Там же. С. 19.

¹⁰ Источниковедение истории СССР. XIX век (до начала 90-х годов). Курс

источниковедения истории СССР. Т. 2. М., 1940.

¹¹ См.: Письма и записки Н.А. Киреева о балканских событиях 1876 года // Славянский сборник. Славянский вопрос и русское общество в 1867-1878 годах. М., 1948; Письмо Огарева Бакунину // Литературное наследство. Т. 63. М., 1956; Неопубликованный проект государственного устройства Болгарии // Славянский архив. М., 1959 и др.

¹² См. об этом подробнее: Чуркина И.В. Неизданная книга С.А. Никитина // БИ. Вып. 14. С. 22-35.

¹³ Экмечич М. Сергей Александрович Никитин (1901-1979) // БИ. Вып. 14. С. 93.

¹⁴ Todorov N. Le professeur S.A. Nikitin // Etudes balkaniques. Sofia, 1971, № 1. S. 150-153.

¹⁵ Никитин С.А. Образование болгарского народа и возникновение Болгарского государства // ВМУ. Серия общ. наук. 1952, № 1. С. 134.

¹⁶ История Югославии. Т. I. М., 1963. С. 70.

¹⁷ Никитин С.А. Очерки по истории южных славян... С. 318.

¹⁸ Јгословени и Русија. Документи из архива М.Ф. Рајевског. 40-80.-е године XIX века. Београд, 1989.

¹⁹ Хевролина В.М. С.А. Никитин и издания документов // БИ. Вып. 14. С. 68.

²⁰ Чуркина И.В., Горина Л.В. С.А. Никитин // Там же. С. 9.

²¹ Тодоров Н. Профессор С.А. Никитин // Там же. С. 91.

Л.В.Горина (МГУ)

С.А.НИКИТИН - ЗАВЕДУЮЩИЙ КАФЕДРОЙ ИСТОРИИ ЮЖНЫХ И ЗАПАДНЫХ СЛАВЯН (1947-1961)

Осенью 1947 г. на кафедре истории южных и западных славян МГУ появился новый заведующий. Это был С.А.Никитин, сменивший акад. В.И.-Пичету - основателя кафедры. К тому времени это был зрелый ученый и человек со сложной личной судьбой, которая была к нему весьма сурова. Ведь годы его юности пришлось на трагичные времена в истории нашего отечества - годы революции и гражданской войны, а в нач. 30-х гг. он был репрессирован.

Историко-филологический факультет Московского университета С.А.-Никитин закончил в 1922 г. Сразу же отметим - студент С.А.Никитин имел в университете блестящих учителей. Историю России вели С.В.Бахрушин, М.М.Богословский, Ю.В.Готье, А.И.Яковлев, всеобщую историю - Р.Ю.-Виппер, В.П.Волгин, Л.Н.Егоров, В.М.Лавровский, Д.М.Петрушевский и

С.Д.Сказкин. В годы учебы в аспирантуре в 1924-1928 гг. в Институте истории российской ассоциации научно-исследовательских институтов он специализировался у Н.Е.Преснякова и Н.А.Рожкова, не прекращая связей с М.М.Богусловским и А.И.Яковлевым.

Еще будучи аспирантом, молодой ученый публикует свою первую печатную работу - статью по истории профессиональной печати в России¹. С.А.Никитин активно публикуется и всю вторую половину 20-х гг. Удачно начавшаяся научная деятельность затем прерывается на долгие 7 лет в связи с арестом по политическим мотивам в сентябре 1930 г. Лишь в 1938-м г. им был написан обширный раздел по истории Сербии в Хрестоматии по истории средних веков под ред. Н.П.Грацианского и С.Д.Сказкина и несколько разделов в учебнике "Краткий курс истории СССР" под редакцией А.В.Шестакова.

Первый фундаментальный труд ученого вышел в 1940 г. Это была книга "Источниковедение истории СССР XIX в." (т. II), которую С.А.Никитин защитил как кандидатскую диссертацию в том же году. К тому времени, когда С.А.Никитин получил предложение занять пост заведующего кафедрой им были написаны статьи о политике России на Балканах в XIX в. и о Московском славянском комитете².

К 1947 г. была пройдена и известная часть педагогического пути: в 1928-1929 гг. С.А.Никитин, будучи студентом С.Д.Сказкина, вел студенческий семинар по истории связей славянских народов с Россией на этнологическом факультете МГУ. В 1937 г. С.А.Никитин стал читать курс источниковедения и историографии истории СССР XIX в. в Историко-архивном институте, а затем и в Московском институте истории, философии и литературы (МИФЛИ). В 1941 г. ученый преподает на кафедре истории СССР МГУ, а в 1942 г. по приглашению акад. В.И.Пичеты становится преподавателем кафедры истории южных и западных славян.

Разумеется, тяжелые годы Великой Отечественной войны не способствовали развертыванию широкой научно-педагогической деятельности. И все же, как раз на первую половину 40-х гг. пришлось подготовка докторской диссертации ученого на тему "Вопросы балканской политики России и русское общество в 50-70-х гг. XIX в.", которая была защищена в 1947 г.

В 1946/1947 г. С.А.Никитин читал лекции по истории южных славян в XIX в., которые охватывали историю Сербии, Болгарии, Хорватии, Черногории и Воеводины, лекции по источниковедению и историографии южных славян, руководил также семинаром по истории Сербии и Болгарии в XIX в. В 1945 г. защитили свои работы первые дипломники С.А.Никитина, и появились первые аспиранты - И.В.Козьменко, В.Г.Карасев и Л.В.Воро-

бьев³.

Научный талант помогал С.А.Никитину на посту зав. кафедрой овладеть нелегкими организационно-административными обязанностями, выявлять и решать проблемы учебного процесса. Таких проблем было немало. Одна из них - написание учебника по истории южных и западных славян на долгие годы стала основной задачей нового заведующего.

А пока - 23 октября 1947 г. С.А.Никитин проводит заседание, посвященное памяти В.И.Пичеты, выступив на нем с основным докладом⁴. Сразу же отметим, что С.А.Никитину было свойственно глубоко уважительное отношение к своим учителям и старшим коллегам. Этому чувству он не изменял и в тяжелые времена репрессий и гонений.

С первых шагов заведования С.А.Никитин обращается к проблеме возможности соединения активной преподавательской деятельности с интенсивной научной работой. Самому заведующему это удавалось, а вот кафедральная молодежь должна была этому научиться. Речь заведующего на одном из заседаний кафедры звучит ободряюще: "Молодой состав кафедры ведет большую педагогическую работу. Курсы по истории отдельных славянских стран, спецкурсы и спецсеминары требуют весьма большого труда и предварительной подготовки. Часть сотрудников готовит диссертации, часть работает в Академии Наук СССР"⁵.

Малыми силами кафедры приходилось делать многое, поэтому к работе подключили аспирантов. Так, В.Г.Карасев и Л.В.Воробьев стали ассистировать в семинаре С.А.Никитина "История Сербии и Болгарии в XIX в." Стали регулярными выступления аспирантов с научными докладами по теме диссертации на заседаниях кафедры.

Заведующий хорошо видел и еще одну проблему, а именно уникальности кафедры истории южных и западных славян: она резко выделялась в общефакультетской структуре, т.к. преподавание истории зарубежных славян велось с древнейшего периода и до современности. Это создавало дополнительные трудности для преподавания.

В конце 40-х гг. к плану написания учебника по истории славян присоединился новый - издание сборников учебных пособий для студентов. И среди первых таких пособий планируется "Сборник польских конституций". 1948/1949 учебный год обогатился палеографией, исторической географией и просеминаром для студентов II курса. Тогда же планировалась работа над хрестоматией по истории южных и западных славян весьма солидного объема - 40 п.л.⁶

Отметим одно важное обстоятельство - кафедра работала и развивалась отнюдь не в безвоздушном пространстве: она часть факультета, университета и всей общественно-политической атмосферы, складывающей-

ся в государстве. В конце 40-х - нач. 50-х гг. кафедру не миновал мощный идеологический натиск. В апреле 1949 г. на заседании Ученого совета истфака, а затем и на заседании кафедры зазвучала тема "буржуазного космополитизма", в котором был обвинен С.А.Никитин. От маститого профессора потребовалось все его незаурядное мужество, чтобы пережить это нелегкое время. Ведь тогда он вынужден был слушать и такие слова из уст студента III курса: "Общий курс по истории южных и западных славян С.А.Никитина - это буржуазно-объективистская история. Курс не дает возможности правильно понять историю славянских стран и для студентов он неприемлем." Заведующий вынужден был объясняться почему, например, студентам кафедры рекомендуется читать "буржуазные работы" Ю.В.Готье и Л.Нидерле. От С.А.Никитина потребовалось не только мужество, но и еще одно немаловажное качество, которым профессор обладал в полной мере, а именно способность сохранять человеческое достоинство в сложнейших и крайне неблагоприятных условиях.

Наступили 50-е годы. С.А.Никитин вновь и вновь демонстрирует умение определять общее направление работы кафедры и ориентировать коллег на изучение мало исследованных проблем истории славянских стран. К таковым он относил тогда проблемы феодализма у южных славян, период между первой и второй мировыми войнами, развитие капитализма.

Думаю, что большой научный потенциал С.А.Никитина позволил ему совмещать сразу два заведования - кафедрой на истфаке МГУ и сектором в Институте славяноведения. В 50-е гг. профессором было написано значительное число научных работ по самым различным проблемам истории зарубежных славян. Для пишущего эти строки совершенно очевидно, что страницы научных трудов заведующего становились базой для написания учебников и учебных пособий, озвучивались на лекциях, помогали аспирантам. В самом деле, монографическая статья С.А.Никитина "Балканские связи русской периодической печати 60-х гг. XIX в." очевидно демонстрировала научной молодежи надежность и неисчерпаемость периодической печати как исторического источника. Ученый работает над перспективной проблемой "славянский вопрос и русское общество в 60-70-х гг. XIX в.", предлагая, таким образом, своим ученикам актуальнейшую тему - "славяне и Россия". История славянских съездов в России - та проблема, изучение которой позволяет увидеть, что документы можно анализировать объективно, а выводы следует строить только на основании документальных источников. С.А.Никитин - мастер источниковедения, он публикует, комментирует и анализирует документы. История славяноведения в России - еще одна тема, которую профессор предлагает своим ученикам, делая очевидным вывод, что славяноведение органично и не

стоит выделять в нем прогрессивных и реакционных славистов.

Работы С.А.Никитина по истории южных и западных славян помогали при чтении общего курса, поскольку в них освещались узловые вопросы истории славян, начиная от глубокой древности и вплоть до конца XIX в. Ученый обращался к темам - "Образование болгарского народа и возникновение болгарского государства", "Сербия в XII-XV вв.", "Южные славяне, молдаване и валахи под властью Турции в XVII-XVIII вв.", "Классовая борьба в Чехии и Моравии в XIV-XV вв.", "Борьба народов Балканского полуострова за национальную независимость", "Освобождение Болгарии от турецкого ига", "Участие славян в революции 1848 г."

Необходимым для студенчества и важным для нужд преподавания стали обобщающие работы С.А.Никитина, вошедшие в состав коллективных трудов по истории Болгарии, Югославии и Чехии, а также главы по истории зарубежных славян, вошедшие в целый ряд вузовских учебников, хрестоматий и обобщающих трудов по истории СССР⁸.

Любимым детищем заведующего стал учебник по истории южных и западных славян, появившийся на свет в 1957 г. С.А.Никитин, несомненно, способствовал его рождению. Обратимся к документам.

Еще весной 1947 г. вопрос об издании учебника был обсужден на заседании кафедры. Тогда кафедрой заведовал В.И.Пичета, который сообщил, что комитет высшей школы предлагает приступить к работе над учебником. В.И.Пичета предложил примерный объем текста - 20-25 п.л. для истории южных славян и 30 п.л. - для западных. Предлагалось также не привлекать большое число авторов⁹.

24 марта 1948 г. заседанием кафедры руководит ее новый заведующий. Принимается решение подготовить учебник по истории южных и западных славян в течение 2-х лет. К началу 1949 г. стало совершенно очевидно, что только силами сотрудников кафедры учебника не написать, и С.А.Никитин предлагает привлечь ученых из Института славяноведения, а сам учебник считать базой для создания курсов лекций по истории отдельных славянских стран, издания новых документов и написания монографических работ¹⁰.

Написание учебника, пусть медленно, но продвигалось вперед, осложненное в 1952 г. идеологическим прессингом. Так, 24 октября 1952 г. кафедра обсуждает вопрос "О практических мероприятиях в работе кафедры в связи с решениями XIX съезда партии и опубликованием работы т.Сталина "Экономические проблемы социализма в СССР". Авторам учебника предлагалось "учесть и соответствующим образом отразить проблемы, затронутые в работе т.Сталина"¹¹.

23 февраля 1953 г. кафедральное заседание отдается единственному

вопросу - учебнику. Доклад "О ходе работы по написанию учебника по истории южных и западных славян" делает заведующий. Основное в докладе: сроки подачи авторского материала нарушаются, а поданные тексты нередко превышают намеченный объем. С.А.Никитин предложил обсуждать уже готовые части учебника дабы ускорить работу над ними¹².

Рождение учебника приближалось. Но еще до этого события С.А.Никитин предлагает перейти к чтению общего курса по проблемам, опираясь на материалы учебника.

Заведующий печется о судьбе учебника и после его выхода в 1957 г., предлагая организовать его обсуждение в Ленинграде, Воронеже, Киеве, Львове, Горьком, Свердловске и Тбилиси. И на основании материалов обсуждения переиздать учебник в дополненном виде¹³.

Появление учебника не сняло, но возможно обострило еще одну проблему, а именно судьбы общего курса по истории южных и западных славян. Дело в том, что над этим курсом, представляющим по сути лицо кафедры, периодически нависала угроза ликвидации. Уникальный курс приходилось защищать от нападков чиновников. По предложению заведующего вопрос об общем курсе стал центральным на всесоюзных совещаниях историков-славистов, которые получили жизнь благодаря инициативе проф. С.А.Никитина.

К наиболее благоприятному периоду деятельности С.А.Никитина на посту заведующего кафедрой истории южных и западных славян вполне можно отнести вторую половину 50-х гг. В это недолгое время первой демократической оттепели в стране С.А.Никитин вновь и вновь демонстрирует умение определять общее направление работы кафедры и ориентировать коллег на изучение мало исследованных проблем истории славянских стран. Профессор получает возможность опереться и на творческие контакты, установившиеся между советскими и зарубежными славистами. С.А.Никитин участвует в работе международных съездов и конференций, работает в составе Комиссии историков СССР-НРБ, избирается президентом Славянской комиссии при Международном комитете исторических наук, публикует свои работы в зарубежных научных изданиях, становится научным руководителем иностранных стажеров.

В плане научно-исследовательской работы кафедры ученым была заявлена проблема - "Русско-славянские связи и отношения", а в качестве ее первой темы - "Россия и освободительная борьба болгарского народа в 40-е гг. XIX в.". В 1959 г. заведующий представил программу спецкурса на тему "Спорные вопросы так называемого болгарского возрождения"¹⁴. В конце 50-х гг. обсуждались проблемы развития кафедры, специализации преподавателей, сокращения учебной нагрузки, подготовки специалис-

тов по “малым славянским странам”, преподавания на кафедре венгерского, греческого и турецкого языков.

Успешно сочетающий научное творчество и административно-педагогические обязанности С.А.Никитин, постоянно убеждающий своих коллег в том, что такое совмещение возможно, вынужден был осенью 1961 г. решать сложный вопрос “о разъединении” научной и административной работы, т.к. появился указ соответствующих ведомств о невозможности соединения должностей. С.А.Никитин, как известно, был одновременно и зав. кафедрой истории южных и западных славян и зав. сектором в Инславе. Трудное решение было принято в пользу академического института. На посту заведующего кафедрой С.А.Никитина сменил И.А.Воронов - начался новый период в жизни кафедры.

С конца 1961 г. С.А.Никитин сосредоточился на работе в Институте славяноведения. Это вовсе не означало, что он перестал быть профессором-славистом. Он продолжал воспитывать своих учеников аспирантов. Продолжала развиваться и его научная школа, существование которой бесспорно.

На 60-70-е гг. пришла интенсивная и плодотворная работа профессора, которая помогала учебной работе кафедры. При чтении общего курса по истории зарубежных славян преподаватели кафедры опирались на фундаментальные сочинения ученого - “Славянские комитеты в России” и “Очерки по истории южных славян и русско-балканских связей в 50-70-е гг. XIX в”, а также солидные разделы в коллективных обобщающих трудах - “История Югославии”, «История Болгарии», “Освобождение Болгарии от турецкого ига”, “Зарубежные славяне и Россия” и др. Огромное значение имели публикации, выполненные под руководством Никитина.

Еще одна сторона дела и личности профессора С.А.Никитина - его работа по налаживанию связей с другими университетами страны и зарубежья. В панораме этих связей - наиболее впечатляющими являются связи с воронежскими славистами. И здесь необходимо одно отступление: автор этих строк, которому посчастливилось учиться у проф. С.А.Никитина и писать под его руководством кандидатскую диссертацию, убежден в том, что закрытость и известная неприступность проф. С.А.Никитина вовсе не были его истинным лицом. Это была вынужденная обстоятельствами оборонительная позиция, которую ученый избрал для себя в сущности в экстремальных для него обстоятельствах. Ведь речь идет не только о годах ареста и преследований по политическим мотивам в нач. 30-х гг., но о всем последующем периоде жизни вплоть почти до сер. 50-х гг., когда в адрес С.А.Никитина звучали обвинения в космополитизме, буржуазном объективизме и поддержке реакционного славянофильства, что в те годы было

равносильно приговору. Думаю, что за кажущейся суровостью ученикам и коллегам открывался человек, которого с гордостью можно назвать истинно московским профессором, любящим и знающим взрастивший его город, сохранивший черты старой русской интеллигенции с ее любовью к литературе и искусству, тяготением к прекрасному, неспешностью и известной наивностью. Именно эти качества, на наш взгляд, сделали столь дружескими отношения С.А.Никитина и воронежских славистов: ведь у кафедры истории южных и западных славян МГУ не было никакого специального плана учебно-научного сотрудничества. В самом деле, чем иным можно объяснить следующие факты - 7 раз в течение 50-60-х гг. С.А.Никитин посещает Воронеж, устанавливает тесные научные контакты с проф. И.Н.Бороздиным - видным русским историком, заведующим кафедрой всеобщей истории ВГУ, а затем и с медиевистом А.Е.Москаленко - заведующим кафедрой истории средних веков и зарубежных славянских народов того же университета. Разумеется правы авторы очерка о С.А.Никитине и его воронежских связях, утверждая, что московский профессор считал настоятельной необходимостью создание славистических центров на периферии. Верно и другое - С.А.Никитин питал к воронежцам необычайно теплые, дружеские чувства. Поэтому буквально опекал научную молодежь, помогал выбирать темы диссертаций, выступал в качестве официального оппонента, участвовал в научных форумах, организуемых воронежской кафедрой всеобщей истории, отправлял письма в адрес воронежских славистов - Н.П.Мананчиковой, Н.Т.Сапроновой, С.П.Бобровой. Правы воронежцы, подчеркивая, что С.А.Никитин служил единой Науке, не деля ее на столичную и периферийную¹⁵.

Примечания:

1. С.А.Никитин. Очерки по истории профессиональной печати в России. Печать 1905 г. // Материалы по истории профессионального движения в России. Сб.2. М., 1924.
2. С.А.Никитин. Русская политика на Балканах и начало Восточной войны // Вопросы истории, 1946. №4; Возникновение Московского славянского комитета // Вопросы истории, 1947, №8.
3. Архив МГУ, ф.9 (исторический факультет), оп.8, ед. хр.136, л.3.
4. Архив МГУ, ед. хр. 135, лл. 6-13.
5. Там же. ед. хр. 136, л.3.
6. Там же. ед. хр. 135, л.5.
7. Там же. ед. хр. 159, л. 41.
8. С.А.Никитин. Россия и славянские народы: Русско-турецкая война 1877-1878 гг. // История СССР. II: Россия в XIX веке / Под ред. М.В.Нечкиной.

М., 1949.; Русская культура 1860-1880 гг. // История СССР...; Сербия XII-XV веков // Хрестоматия по истории средних веков. / Под ред. Н.П.Грацианского и С.Д.Сказкина, 2-е изд. Т. II, М., 1950. Сербия XII-XV веков // Хрестоматия по истории средних веков. / Под ред. Н.П.Грацианского и С.Д.Сказкина, 3-е изд. Т. II, М., 1953; История Болгарии. Т. I. М., 1954. / Гл. I, II, III, разд. 1-3; Гл. IX, Гл. X, разд. 1-2.; Славяноведение // Очерки истории исторической науки в СССР. Т. I. М., 1955; Русское общество и национально-освободительная борьба южных славян в 1875-1876 гг. // Общественно-политические и культурные связи народов СССР и Югославии. М., 1957.; Борьба народов Балканского полуострова за национальную независимость // Новая история. Т. II: 1789-1870. М., 1958; Народы Балканского полуострова в 50-60-х гг. XIX в. // Новая история. Т. II...; Народы Балканского полуострова в 1789-1815 гг. // Новая история. Т. I. М., 1958.

9. Архив МГУ, ед. хр. 110, лл. 15 и сл.

10. Там же.

11. Там же. ед. хр. 271, лл. 18 и сл.

12. Там же. ед. хр. 320, лл. 44-49.

13. Там же. ед. хр. 554, лл. 3 и сл.

14. Там же. ед. хр. 610, л. 3.

15. См. С.П.Боброва, В.Г.Таранова. С.А.Никитин и историческая славистика в Воронежском университете // Путь ученого. К 90-летию со дня рождения С.А.Никитина. М., 1992.

М.Ю.Досталь

С.А. НИКИТИН И КОМПАНИЯ БОРЬБЫ С КОСМОПОЛИТИЗМОМ НА ИСТОРИЧЕСКОМ ФАКУЛЬТЕТЕ МГУ

1949 год принес новые тяжелые испытания для советской интеллигенции. Мир стоял на грани новой «холодной войны» и организационного оформления блоковой системы, как тогда говорили, лагеря капиталистических стран и лагеря стран «народной демократии». В связи с этим советское руководство решило начать новую кампанию по разоблачению буржуазной идеологии, происков империализма, которая нашла свое оформление и идейное завершение в очередной идеологической «атаке», объектом которой на этот раз стал «буржуазный космополитизм». В ней самым причудливым образом переплелись элементы прошлых кампаний: по возвышению русской нации среди прочих советских народов (1944), плавно

перетекшей в борьбу с «низкопоклонством перед Западом» (1946), приведшим к разгрому Еврейского антифашистского комитета и аресту его членов (начало 1949 г.) и одновременно погромных «походов» против буржуазного идеализма и объективизма, за «чистоту» марксистской науки, проведенных в области биологии (разгром генетики), физики, философии и пр.¹

В 1949 г. кампания развернулась прежде всего в области театральной и литературной критики, постепенно распространяясь на сферы гуманитарных наук². Ее особенностью был негласный, но четко ощущаемый интеллигенцией антисемитизм. В апреле ее волны докатились и до исторической науки. Затем кампания по указанию И.В.Сталина была внезапно свернута, хотя ее отголоски, долго отзывались в поломанных человеческих судьбах.

25, 26 и 28 марта 1949 г. на Историческом факультете МГУ состоялось расширенное заседание Ученого Совета, посвященное вопросам «борьбы с космополитизмом» в советской исторической науке³. Аналогичное мероприятие было проведено и в Институте истории АН СССР, в Академии общественных наук и др.⁴

На заседании Ученого совета Истфака МГУ выступили почти все его члены. Космополитизм был объявлен «идеологией воинствующего американского империализма» и одновременно «идеологическим орудием войны против СССР и стран народной демократии»⁵. Следствиями уступок ему определялось: 1) принижение роли русского народа в его истории, 2) стремление ослабить чувство советского патриотизма и принизить достижения социалистического строительства, искусства и науки⁶. Объектами нападок и обвинений в космополитизме стали историки преимущественно еврейской национальности (хотя напрямую это не афишировалось). Среди них: академик И.И.Минц и члены его «группы» по изучению истории Гражданской войны в СССР И.М.Разгон, Е.Н.Городецкий, Б.Г.Верховень, а также историограф Н.Л.Рубинштейн, американист Л.И.Зубок, специалисты по истории Англии И.С.Звавич и Ф.А.Коган-Бернштейн, востоковед А.Ф.Миллер и др. Критике была подвергнута также деятельность медиевистов: академика Е.А.Косминского, А.И.Неусыхина, византиниста Б.Т.Горянова и др. В отношении первой группы предлагались строгие административные взыскания, вплоть до увольнения из университета и АН СССР, в отношении второй - требовалась «покаянная» самокритика и исправление идеологических ошибок. В развернутой резолюции, принятой на заседании, предлагалось подобные «разборки» провести на всех кафедрах Исторического факультета. В частности, там указывалось: «Ученый совет считает своим долгом обратить внимание кафедр на то, что в учеб-

никах и учебных пособиях, которыми пользуются студенты Исторического факультета, а также в курсах и спецкурсах, которые они слушают, имеется ряд серьезных ошибок. Значительное распространение в курсах и учебниках имеет буржуазный объективизм и рецидивы кадетских либеральных концепций⁷⁷. Кроме того, предполагалось «предложить зав. кафедрами строить всю свою работу по руководству кафедрой на основе самой непримиримой борьбы с малейшими проявлениями безродного космополитизма, низкопоклонства и буржуазного объективизма, являющихся питательной средой для любых космополитических тенденций⁷⁸».

Основываясь на итогах расширенного Ученого совета Истфака МГУ подобное заседание «по борьбе с космополитизмом» было проведено и на кафедре истории южных и западных славян. Оно состоялось 9 апреля 1949 г. в присутствии большинства преподавателей, аспирантов и студентов кафедры, представителей партийной и комсомольской организаций и декана Г.А.Новицкого. Отсутствовали Б.М.Руколь, Б.Т.Горянов и Г.Э.Санчук, деятельность которых в большей или меньшей степени подвергалась критике.

Несколько слов о том, что представляла собой кафедра южных и западных славян и ее заведующий Сергей Александрович Никитин к апрелю 1949 г. Как известно, кафедра начала свою работу в сентябре 1939 г. Ее основателем и идейным вдохновителем был выдающийся историк-славист широкого профиля Владимир Иванович Пичета (1878-1947). Большой вклад в организацию работы кафедры внес и замечательный чешский историк Зденек Романович Нееды (1878-1962). Этим двум крупным историкам удалось наладить преподавание на кафедре основных славистических дисциплин и воспитать первые кадры советских славистов, не прерывая этот процесс общения и в годы Великой Отечественной войны. С.А.Никитин пришел на кафедру в 1942 г. После отъезда З.Нееды на родину (лето 1945) и смерти В.И.Пичеты (июнь 1947) именно ему, как наиболее опытному преподавателю кафедры, защитившему докторскую диссертацию «Вопросы балканской политики России и русское общество в 50-х - 70-х годах XIX века» и подготовившего книгу по ней, было поручено заведывание кафедрой. Одновременно в 1947 г. он стал сотрудником нового Института славяноведения АН СССР и возглавил там Сектор истории славянских народов периода феодализма и капитализма. После смерти В.И.Пичеты он был назначен также зам. директора Института. Большая научная и организационная нагрузка не позволили С.А.Никитину в полной мере посвятить себя заботам кафедры, что составляло объективную основу ряда критических нападок на состоявшемся заседании. К тому же, и по характеру и манере человеческого общения он разительно отличался от В.И.Пичеты.

Последний посвящал много времени общению с научной молодежью, был окружен ею, выступал в роли генератора идей и благодаря своей феноменальной памяти и большому опыту педагогической работы мог брать на себя, часто импровизационно, чтение больших общих курсов. С.А.Никитин по натуре был человеком более закрытым, сдержанным, много времени посвящал скрупулезной источниковедческой работе, анализу литературы и потому не был готов сразу, без предварительной подготовки начинать чтение обширных общих курсов по славяноведению. В результате из-за недостатка квалифицированных кадров на кафедре возникли трудности с преподаванием ряда курсов и ведением практических занятий. Здесь в то время работали И.М.Белявская, Б.М.Руколь, Б.Т.Горянов, Н.Н.Улащик, А.А.Никольская, И.Н.Частухин, М.А.Бирман, Г.Э.Санчук. Заключивали аспирантуру И.А.Воронков и В.Г.Карасев. Аспирантами первого курса были В.И.Владимирская, В.И.Фрейдзон, Т.Г.Свистунова, В.М.Ендакова. В 1949 г. кафедра своими силами начала работу по составлению учебника истории южных и западных славян и хрестоматии по истории южных и западных славян (2 тома), работу над первым объектом предполагалось завершить в 1952 г., вторым - в 1953 г. Разумеется, учебник предполагалось разрабатывать на основе методологии марксизма-ленинизма. В перспективном плане научных работ кафедры указывалось: «Это будет первое целостное изложение истории славян, основанное на марксистско-ленинской методологии и охватывающее все периоды исторического развития. При разработке его будут учтены опубликованные в последнее время работы и внимание составителей будет направлено на разоблачение националистических взглядов славянских ученых и антиславянских воззрений немецких авторов»⁹.

К 1949 г. члены кафедры выпустили в свет несколько сборников статей и книг, которые значились также в планах нового Института славяноведения АН СССР, сотрудниками которого по совместительству были многие ее преподаватели. Было выпущено в свет, подготовленное во время войны популярное издание «История Чехии» (под ред. В.И.Пичеты. М., 1947)¹⁰, два «Славянских сборника». Один был издан в 1947 г. и был посвящен проблемам образования Сербского, Польского и Чешского государств¹¹. Его авторами были ученые старшего поколения Ю.В.Готье, В.И.Пичета и З.Р.Неедлы. Второй «Славянский сборник» имел подзаголовок: «Славянский вопрос и русское общество в 1867-1878 годах» (М., 1948), Здесь перу С.А.Никитина принадлежали «Введение», статья «Славянские съезды шестидесятых годов XIX века» (С. 16-92), публикация «Письма и записки Н.А. Киреева о балканских событиях 1876 г.» (С.93-120)¹². Никитин же написал «Предисловие» к солидному и до сих пор сохраняющему свою уникаль-

ность изданию «Документы к истории славяноведения в России». (М.; Л., 1948)¹³.

Во всех этих работах С.А. Никитин представил свое видение истории славяноведения и истории славянофильского движения в России, находя в них прямые соответствия и стараясь подчеркнуть некоторую преемственность идей дореволюционного и советского славяноведения, что было позволено сделать в нашей историографии в период Великой отечественной войны¹⁴. Точно также, славянофильское движение представлялось в основном в позитивном ключе, хотя не скрывалось, что его адепты придерживались консервативных, монархических взглядов, разделяли идеи панславизма. Но наступили другие времена. В историографии снова начал акцентироваться сугубо классовый подход к анализу исторических явлений, и советская наука стала представляться совершенно самостоятельным продуктом марксистской мысли, лишенным отечественных корней и всякой преемственности с дореволюционной наукой. (Исключение делалось только для творчества революционных демократов).

В подходе к общему курсу, читаемому студентам 4 курса Истфака МГУ С.А. Никитин исходил из убеждения о сбалансированном представлении разных периодов истории славянства, хотя понимал, что от него будут требовать большего внимания к периоду новейшей истории.

В чем же заключалась главная суть «разоблачительного» заседания, проходившего на кафедре южных и западных славян 9 апреля 1949 года?

Задачей заседания, установленной деканатом Истфака и ректоратом университета, а также его партийной организацией было, как уже указывалось, разоблачение идей буржуазного космополитизма в среде славистов. Разумеется, что никаких оснований для этого не существовало. Ни зав. кафедрой Н.А. Никитин, ни ее молодые сотрудники никогда не стремились принизить роль русского и славянских народов в истории, наоборот, здесь еще жили отголоски настроений времен Великой Отечественной войны, когда славянское движение представлялось как искони противостоящим «натиску на Восток» немецких феодалов, а в современности - агрессии и злодеяниям фашизма. К тому же такая крупная фигура в тогдашнем славяноведении, как С.А. Никитин, не был евреем, а преподаватели-евреи еще не приобрели какой-либо известности в науке, потому против них не было смысла разворачивать шумную кампанию, тем более, что главные жертвы кампании борьбы с космополитизмом уже были намечены Партбюро Истфака МГУ на уровне факультета. Поэтому главные стрелы критики и самокритики, как было тогда принято на партийных собраниях, были направлены в привычное русло разоблачения буржуазного объективизма, безыдейности, беспартийности в науке.

Собрание кафедры, по-видимому, было заранее срежиссировано Партбюро факультета, потому что объектом научной критики были избраны те же объекты, которые обсуждались на открытом и закрытом партсобраниях Института, состоявшихся 20 и 26 октября 1948 г. За неимением новых работ критиковались старые, в том числе - «История Чехии», «Славянские сборники», «Документы к истории славяноведения в России».

В выступлениях преподавателей, аспирантов, студентов кафедры и приглашенных критике были подвергнуты все стороны ее деятельности: организационная, педагогическая, научная.

Общая преамбула выступлений наиболее четко была определена И.М.Белявской: «Партия ведет борьбу против буржуазной идеологии, космополитизма, аполитичности, объективизма. В известной мере ошибки кафедры ведут к космополитизму. Я это подчеркиваю. Партия исходит [из необходимости борьбы] за чистоту, за большую принципиальность, партийность в науке»¹⁵.

Со стороны организации работы на кафедре Никитину ставилось в вину, что он недостаточно полно руководит преподавательской деятельностью, не планирует заранее темы спецкурсов, особенно по новейшему времени, мало внимания уделяет аспирантам и студентам, давая им на откуп выбор тем дипломных и диссертационных работ. В то время как, по выражению тогдашней аспирантки В.И.Владимирской, при бедности литературы «для нас даже дипломная работа является вкладом в нашу науку. Поэтому необходимо заранее намечать темы дипломных работ, а не предоставлять их выбор только студентам»¹⁶. Для таких обвинений были некоторые основания, хотя по протоколам заседаний Сектора видно, что Никитин стремился обеспечить учебный процесс на кафедре как можно в более полном виде. Беда была в отсутствии необходимых кадров или в их неопытности. В выступлении И.М.Белявской прозвучали претензии к стилю руководства С.А.Никитина, обвинения в «формализме» и «хвостизме», отражавшие настроения бывших учеников В.А.Пичеты и собственные амбиции. «В этом году, - замечала И.М.Белявская, - С.А. не взял ни одного семинара, спецкурса, недопустимо отсутствие практического общения со студентами. Необходимо вкладывать больше энергии, времени в дело работы кафедры. Традиции Пичеты нельзя забывать, его общение со студентами. Он ставил студенческие доклады на кафедрах»¹⁷. Она же поставила вопрос о идейно-политическом воспитании студентов кафедры: «На кафедре такие вопросы не ставились. Необходимо преодолеть недостатки. Это можно сделать, создать творческий коллектив, а не формальное заседание кафедр, это хвостизм, с которым необходимо покончить»¹⁸. Ту же мысль развивала другой активный партиец, тогдашняя аспирантка

В.И.Владимирская, распространяя идею идейного воспитания не только на студентов, но и на преподавателей кафедры. «Заседания нашей кафедры, - сказала В.И.Владимирская, - не являлись творческой борьбой за партийность в науке. На заседании кафедры не ставились большие теоретические вопросы, не подвергалась критическому разбору ни одна вышедшая научная работа. Нельзя забывать, что партийности надо учить, надо прививать критическое отношение к прочитанному»¹⁹. В этом требовании также невольно напрашивалось сравнение с заседаниями кафедр, проводимыми В.И.Пичетой, хотя в последних не было специальной партийной назидательности.

В.И.Владимирская также требовала от руководства кафедры большей напористости в достижении ее «материального» благополучия, в чем также выражались общие настроения партийной молодежи: «Больше мы не должны терпеть бедность нашей кафедры в кадрах, литературе, помещении. Кафедра слишком малочисленна и не удовлетворяет возросшим потребностям. Руководители кафедры должны проявить больше настойчивости в своих требованиях. Если не идет на помощь деканат, надо требовать помощи от ректора, министерства. Ставить вопрос о кафедре вплоть до ЦК ВКП(б)... Надо говорить о нашей кафедре настойчиво громко. Руководители кафедры должны жить жизнью кафедры, творчески ей руководить. Мы живем слишком медленно. Надо идти в ногу с событиями, попартийному обсуждать новые партийные вопросы»²⁰. В этих обвинениях тоже чувствовался политический подтекст.

Предметом обсуждения стало обсуждение структуры и содержания нового общего курса истории славян от древности до современности. Курс на кафедре только формировался. С.А.Никитин признавал: «Я сам недоволен своим курсом. Дефекты его: этот курс еще недостаточно сбалансирован, его пропорции еще не найдены. Это необходимо устранить и выправить. Курс недостаточно отточен, мне оставалось подчеркнуть то новое, что мне удавалось в него внести, курс не отточен политически, встречаются неправильные, неточные формулировки. Я работаю над курсом, считаю, что это основная моя работа»²¹. И.М.Белявская, оценивая общий курс, нашла в нем «фактологизм, отсутствие точных политических формулировок»²².

Владимирская пошла еще дальше и увидела «в несоблюдении пропорций» в курсе, отмеченных самим Никитиным, «крупную политическую ошибку». Она сказала, что «нельзя забывать важность новейшего периода истории» и «совершенно недопустимо выпускать из чтения курса такой важный вопрос, как роль Советского Союза в установлении народной демократии в славянских странах. Показать значение Советского Союза дол-

жна именно наша кафедра. Упущение этого в дальнейшем потребует политической оценки²³.

Примечательно, что наиболее категорическую оценку общего курса С.А.Никитина дал студент 3 курса из Польши Ю.Г.Боген, судя по всему, получивший в СССР хорошую марксистскую подготовку. Он также считал, что наибольший интерес курса представляет новейшая история славянских стран, логически завершающаяся победой «народных демократий»: «Задачи курса - показать пути борьбы рабочих и крестьян и завершение *революций* (Слово неразборчиво. Вариант прочтения. - М.Д). У нас прочитан курс, изолировавший славянские страны друг от друга, изолированный от всемирной истории, изолированный от России, Советского Союза. Эта изоляция, отсутствие классово-борьбы значит по сути дела это объективистская буржуазная история, не дающая принципиальную оценку событиям, происходящим в славянских странах. Прочитанный курс не дает нам возможности правильно понять историю славянских стран, этот курс для нас неприемлем, нуждается в коренной, радикальной переработке»²⁴.

Молодой преподаватель кафедры В.Г.Карасев также развивал мысль о «высоком предназначении» общего курса и даже его некой «мессианистской» роли в утверждении идей социализма в славянском мире: «Мы должны разобраться в настоящем славянских стран, помочь им узнать свою подлинную историю, помочь им в строительстве социализма, показать великую роль Советского Союза, это наш патриотический долг»²⁵.

Критиковались также спецкурсы преподавателей кафедры. О спецкурсе Г.Э.Санчука по истории Чехии студент Ю.В.Бромлей сказал: «Главный недостаток в нечеткости выводов, в множестве характеристик чешских историков. Например, Палацкому дано так много характеристик, что студенты не могут в них разобраться - нечеткие формулировки»²⁶. Было признано, что А.А.Никольская не справилась со спецсеминаром по истории Болгарии XIX века на 4 курсе, который был передан И.Н.Частухину, но вина за это была возложена не на преподавателя, его неопытность и недостаточную квалификацию, а на зав. кафедрой, который дескать не планировал заранее работу спецсеминаров. Сама Никольская говорила в свое оправдание: «О том, что я должна вести семинар, сказано в начале года, я была неподготовлена. С.А. не проявил достаточного внимания к работе семинара, не было оказано достаточной помощи, хотя и были сигналы со стороны студентов»²⁷. Б.М.Руколь критиковалась не за слабость содержания курса, а только за то, что историю Чехословакии читает слишком медленно, хотя «читает курс она не впервые»²⁸.

Более всего досталось спецкурсу Б.Т.Горянова по истории Болгарии и

его программе. (На ученом совете Истфака МГУ Е.А.Косминский критиковал Горянова, за то, что он «не понял, что советская наука стоит на принципиально других позициях, чем буржуазная русская дореволюционная наука» по византиноведению²⁹) Аспирантка Т.Г.Свистунова отметила, что в нем большее внимание уделяется «древнему периоду, а не новой истории...», только 1/3 программы посвящена народной демократии. Горянову необходимо было исправить программу после борьбы с космополитизмом. У него [в списке] рекомендательной литературы [работа] космополита Вайнштейна³⁰. Студент В.Д.Вознесенский критически оценил лекции византиниста Б.Т.Горянова об эпохе национального возрождения Болгарии, показав основные принципы тогдашнего понимания марксистского подхода. «Тов. Горянов, - сказал он, - не выяснил базу, на какой возможно было возрождение Болгарии. Он не начал лекции с экономического положения Болгарии, а начал ее с общих положений о развитии производительных сил и т.д. В лекции говорилось о том, что уже всем известно, как в средней школе. Не упоминались высказывания Маркса, Энгельса, Ленина, не были применены их положения к обстановке в Болгарии. Совершенно не были упомянуты труды Благоева». После марксистского ликбеза делался политический вывод: «У болгарского историка Натана есть определение типа буржуазного историка, как историка, который плавает по поверхности, не опускаясь в глубинные воды. Именно такое впечатление оставляют лекции т.Горянова». В следующей лекции студент не нашел характеристики мировоззрения Ботева и упоминания о влиянии на него революционно-демократического движения³¹. В третьей лекции студенту не понравилась картина образования болгарской социал-демократии 90-х годов, характеристика тесняков только как одной из парламентских фракций: «Ничего не сказано в лекции о борьбе социал-демократии, о рабочем движении, о борьбе Благоева за курс развития Болгарии. Ничего не говорилось о влиянии русской социал-демократии на болгарскую, о влиянии революции 1905 года³². «В важнейшем вопросе о Балканских войнах, - назидательно заключал студент, - совершенно не упомянуто о том, что говорил по этому поводу Ленин. В лекции говорилось только о буржуазном правительстве, о монархе и их действиях³³. Вывод делался в духе погромных дискуссий тех лет, и студента несколько не смущало то, что речь шла о его достойном уважения преподавателе: «Тов. Горянов стоит на буржуазно-объективистских позициях, льет воду на мельницу идеологических врагов... Горянов разоружился в момент, когда наука стоит на передовой позиции. Это можно квалифицировать как дезертирство. О Горянове стоит давно вопрос. Его несколько раз предупреждали, но он не сделал из этого выводов³⁴.

Если для критики организационной и педагогической сторон деятельности кафедры и ее руководителя еще были определенные объективные и субъективные основания, то критика их научных взглядов была явно политически ангажирована. В ней можно усмотреть некоторые ключевые моменты изменившегося подхода к анализу исторических явлений, проявившихся в этот период развития марксистской историографии.

Наибольшую полемику вызвал вопрос о преемственности дореволюционного русского и советского славяноведения, «неправильный» подход к решению которого связали с проявлением космополитизма. И хотя С.А.-Никитин во вступительном слове пытался оправдаться («неправильно, что я не понимаю различия между старой и новой исторической мыслью, что русское славяноведение продолжает линию Ламанского и др, что или недоразумение или незнакомство с моими работами»³⁵) и даже привел в подтверждение цитату из одной из своих статей, его продолжали критиковать именно за это понятие преемственности, которое не отвергалось в историографии в период Великой Отечественной войны.

Аспирант Л.В.Воробьев указал, что из предисловия к изданию «Документы к истории славяноведения» можно заключить «о преемственности советского славяноведения буржуазному славяноведению. Туманные формулировки, отсутствие политической остроты приводит к тому, что неискушенный читатель сделает выводы, что существует общеславянская наука, которая развивается и в настоящее время. Нет характеристики истории славяноведения, как борьбы двух направлений. Если С.А. признает эти ошибки, то он должен исправить свою диссертацию при издании своей работы (Это часть диссертации)»³⁶.

Выступление Воробьева поддержал аспирант В.И.Фрейдзон. Он утверждал: «Рецензия в журнале «Вопросы истории»³⁷ отмечает два направления в науке славяноведения и недооценку роли революционных демократов. В сборнике дана правильная характеристика идеологов буржуазного славяноведения (Ламанского, Флоринского), но затем делается упор на изучение именно этих буржуазных историков, а не революционных демократов» И далее: «Неправильно также утверждение С.А.Никитина о том, что Октябрьская революция прервала преграды единению славян. Наоборот, славянские связи были ослаблены в результате антисоветской пропаганды империалистов. Буржуазной науке славяноведения была невыгодна новая советская наука славяноведения, [которая] не является продолжением буржуазной славяноведческой науки. В советское славяноведение надо внести новый революционный марксистский дух»³⁸.

Наиболее четко «партийную» позицию по этому вопросу выразила И.М.Белявская, указав какие именно традиции дореволюционной науки

должно развивать советское славяноведение. Она утверждала: “В прошлом существовало славяноведение буржуазное и революционно-демократическое (Герцен, Чернышевский). Это революционно-демократическое славяноведение замалчивается С.А.Никитиным в его статьях в “Славянском сборнике” и в сборнике “Документы”. Останавливается внимание только на буржуазных славяноведах, мракобесах. Можно писать о Погодине и Каткове, но надо их разоблачать, показать как они боролись против революционного движения, как они ненавидели русский народ и все славянские страны”. Из сказанного делался категорический вывод: “Преимущество советской наукой революционных традиций не показана С.А. в его научных работах и очень мало в учебной. *Забвение роли русских революционеров, октябрьской революции в истории славянских стран - есть космополитизм*”³⁹. (Выделено нами. - М.Д.). Не стоит говорить, что дальнейшие исследования показали правоту взглядов С.А.Никитина.

Другой принципиальный для Никитина вопрос, подвергнутый критике, касался оценки им славянского движения и его главных деятелей. Ученый стремился не навешивать на них ярлыков реакционеров и прогрессистов, старался показать их вклад в развитие национальной культуры. (Хотя, заметим, и он был человеком своего времени и ему также были присущи некоторые упрощения и политизированные характеристики). В этой связи аспирант Л.В.Воробьев упрекал своего руководителя в том, что он “недостаточно останавливается на отношении революционных демократов к движению в славянских странах, отсутствуют классовые характеристики, характеристика Каткова и прочих реакционеров... Не указывается, что Славянский комитет поддерживал национальное движение, не говоря [о том], что этот комитет не поддерживал демократические слои славянских стран. Отсутствуют характеристики реакционных кругов славянских комитетов. О национализме славянофилов сказано слабо. Неправильно дана характеристика славянофилов 60-х гг., они были националисты и в 60-х и в 70-х гг. Неправильна характеристика Каткова, получается объективно, что Катков не был реакционным деятелем той поры”⁴⁰.

Эту же тему развивала Белявская: «С.А.Никитин идеализирует Каткова, Погодина, славянофилов 60-х гг. Катков, Погодин мешали связям славянских народов. У С.А. получается наоборот... Выходит, что, по мнению С.А., революционеры 70-х гг. отмахнулись от славянского движения. Не отмахнулись Катков, Погодин?! Неправильна в статье оценка славянофильства, которое стало реакционным. Здесь дело в объективном содержании и политическом значении, оценке русского освободительного движения и реакции Сергеем Александровичем. В сборнике дана типично буржуазно-объективистская оценка Каткову, Соловьеву, Погодину»⁴¹.

Резкой критике подвергались научные работы и других преподавателей кафедры. Среди них Н.Н.Улашика. Он читал в 1948/49 году часть общего курса и спецкурс «Разложение феодально-крепостнической системы в Польше», ранее опубликовал по этой теме статью «Крепостная деревня Литвы и Западной Белоруссии накануне реформы 1861 г.» (Вопросы истории. 1948, № 12. С.51-56). Статья удостоилась перевода на польский язык, но на данном заседании стала объектом критики аспирантов Свистуновой и Воронкова. «Тов. Свистунова, - говорилось в протоколе заседания кафедры, - правильно отмечала недостатки статьи тов. Улашика. Действительно, в ней слишком много цитат при небольшом размере статьи. В статье 1 мало внимания уделяется классовой борьбе перед крестьянской реформой 1861 г. Не обрисовано положение деревни перед реформой. Мало освещен вопрос о землеустройстве. Создается впечатление, что у крестьян Литвы и Западной Белоруссии было слишком много земли. Недостаточно подчеркнута связь мелких и средних крестьянских хозяйств с рынком»⁴².

На фоне обсуждения работы Никитина и других преподавателей кафедры основательный, суперкритический разбор А.Х.Клеванским популярного издания «Истории Чехии», выполненной в рамках Института славяноведения АН СССР под руководством В.И.Пичеты и получившей благожелательные рецензии⁴³, выглядит некоторым диссонансом и несет в себе некую закулисную интригу. Можно предположить, что это выступление было заказано Парткомом. Выступавший ставил вопрос ребром: является ли этот «первый опыт советских славяноведов осветить историю отдельной славянской страны с древнейших времен по сегодняшний день первой марксистской работой» и отвечает категорично: «Нет, не является», потому что «книга идеализирует и потому искажает историю». Более того, «книга игнорирует не только общие, но и непосредственные высказывания классиков марксизма-ленинизма о Чехии и даже больше, книга спорит с ними, пытается опровергнуть без достаточных доказательств»⁴⁴. (Почему-то молодой критик не обратил внимания на то обстоятельство, что в книге нет ссылок на литературу, только на труды И.В.Сталина, которого он опрометчиво не отнес к классикам). Далее Клеванский скрупулезно, во всех периодах истории Чехии, представленных в книге, ищет подтверждения своему главному тезису. Примечательна здесь критика оценки Славянского съезда в Праге 1848 г., которая обсуждалась и пересматривалась в семинаре В.И.Пичеты. Критик заметил: «Автор сказал, что на славянском съезде в 1848 г. в Праге не было панславизма, т.е. того, в чем обвинял съезд Маркс. В книге же он говорит (С.145), но если на съезде не выдвигалась идея государственного объединения славян, то выдвигалась

идея общеславянского союза (Бакунин, Либельт), кому на руку была такая идея в тогдашних конкретных условиях? Только на руку царскому самодержавию, главному врагу европейской революции. И так одна часть съезда объективно играла на руку самодержавию, другая выдвигала идею австрославизма, на руку реакционной Австрии. В обоих случаях оно было на руку реакции. Поэтому и сам съезд был реакционным и Маркс был прав так оценивая его. Но об этом в книге вы не найдете ни слова”⁴⁵.

Клеванский утверждал новый тогдашний подход советской историографии к вопросу о причинах распада Австро-Венгрии. По его мнению, “крах империи Габсбургов “не совпал”, а был одной из причин образования Чехословацкой республики. А главной причиной была борьба чешского народа под непосредственным воздействием Великой Октябрьской социалистической революции”⁴⁶.

Выступление было завершено категорическим выводом: “Книга ничего общего с марксизмом не имеет. Героическая и прекрасная история чешского народа не нуждается в идеализации. Не идеализация представителей господствующих классов, а показ героической борьбы народа против них, не изоляция в рамках чешских земель, а освещение значения борьбы одного из славянских народов в истории народов Европы, в истории борьбы человечества за коммунизм - задача партийной советской науки славяноведения”⁴⁷.

Студент В.Д.Вознесенский верно передал тогдашнее ощущение “передовых” студентов, которые в области освоения марксизма опережали своих преподавателей. “Перед нами, студентами стоит крепость. Нас ведут на штурм этой крепости с другой стороны. Мы хотим штурмовать эту крепость современным оружием, каким является наука марксизма-ленинизма”⁴⁸. В этом отношении А.Х.Клеванский искренне считал, что студенты могут помочь своим преподавателям: “Прислушавшись к голосу студентов, по мере своих сил, старающихся помочь в этой большой работе, наши научные руководители воспримут сегодняшнюю критику как сильный вклад своих младших товарищей в наше общее большое дело”⁴⁹. Этот момент отметила и И.М.Белявская, одобрявшая политически направленную критику студентов: “Выступления присутствующих преподавателей ограничены чисто критическими замечаниями. Не было дано политической оценки своих ошибок. Уровень выступлений преподавателей ниже, чем выступлений студентов и аспирантов. Преподаватели не почувствовали задачи, стоящие перед кафедрой”⁵⁰.

На фоне задиристых критических выступлений студентов, аспирантов и молодых преподавателей заключение декана Г.А.Новицкого выглядело совсем “миролюбиво”. Он пожурил С.А.Никитина за то, что он считает

себя только “председателем кафедры”, а не полноценным заведующим, вникающим во все ее дела. Он отметил: “Большие недостатки имеются на кафедре, и С.А. и я отвечаем за курс Горянова. Хотя критика Горянова была со стороны профессора Тихомирова, и в Академии наук зав. кафедрой не председатель, у него большая власть, он руководитель кафедры, обладает большими правами, как и по отбору кадров, так и по другим”⁵¹. Тем самым был сделан явный намек на предполагаемое увольнение Горянова, которое могло послужить неким оргвыводом развернутой кампании. Никитин, сказавший во вступительном слове, что всем преподавателям кафедры, включая Горянова и его самого, предстоит исправлять ошибки, в заключительном слове, не стал его добивать, остановившись на общих проблемах кафедры и пытаясь оправдаться по критике в свой адрес.

С.А.Никитин, в частности, сказал: «Выступления правильно отражали работу кафедры. Это очень важно, так как критика и самокритика не всегда имеет место на наших кафедрах. Необходимо понять о необходимости скорейшего появления учебника. Это первоочередная работа, не позднее осени 1950 г. Ибо учебник нужен не только нам, но странам народной демократии... Учебник необходимо писать коллективно»⁵².

В заключительном слове С.А.Никитин пытался ответить на выдвинутые обвинения и как-то оправдать себя и других членов кафедры. Момент был серьезный, так как могли последовать репрессивные «оргвыводы». Понятно, что он не принял обвинений в «буржуазном космополитизме», прозвучавших в двух выступлениях, старательно обойдя этот вопрос. Из всех «политических» ошибок он признал только отсутствие «ясных и отчетливых формулировок» при разоблачении реакционных идеологов и то с оговоркой, что в «в другом месте мною написано о Каткове иное»⁵³. На определенную заданность обвинений указывал и тот факт, что, по признанию Никитина, статья из «Славянского сборника», «вызвавшая такие бурные прения» в свое время «была обсуждена на заседании кафедры и не вызвала сомнений». Главную задачу кафедры Никитин увидел в том, «чтобы раз навсегда отказаться от той трактовки вопросов, которая приводит к указанным ошибкам, покончить с объективистским изображением, которое имеет у нас место. Вопрос этот имеет характер далеко не личный и только общими усилиями всей кафедры можно выйти из создавшегося положения»⁵⁴. Наилучшим образом такую задачу, по его мнению, можно будет реализовать в подготовке учебника по истории славян, которую по заданию деканата необходимо было выполнить в короткий срок. Эта работа должна «явиться тем оселком, на котором кафедра должна показать свою способность к работе. Вопрос об учебнике практический, вопрос не далекого плана, а текущей [работы]: над созданием учебника должны ра-

ботать все звенья кафедры”⁵⁵.

Никитин признал также, что «положение совместителя не всегда дает возможность уделять кафедре достаточно внимания, столько сколько она требует. Начало года, связанное с составлением плана в Институте славяноведения оторвало меня от кафедры. Наиболее неприятное заключается в том, что не хватало времени побывать на занятиях у всех сотрудников кафедры. Это моя вина». Из этого следовал вывод: «Общая организация дел на кафедре требует принятия самых решительных мер, для того, чтобы перестроить всю работу. В этом сошлись все выступающие»⁵⁶.

Никитин специально остановился на вопросе о работе с кадрами, что, как указывалось, косвенно служило обоснованием сохранения коллектива кафедры: «Привлечение работников со стороны очень трудное дело. В Институте славяноведения мало людей, которых можно было бы в полном объеме привлечь к работе на кафедре. Надо делать ставку прежде всего на самих себя. Надо смело привлекать к работе аспирантов. Надо попытаться привлечь работников из Академии общественных наук... Специалистов по новому периоду очень мало, что затрудняет возможность быстро укомплектовать кафедру. Но, повторяю, надо использовать все возможности»⁵⁷.

Тяжелый осадок несомненно оставил у старших по возрасту преподавателей кафедры моральный аспект обсуждения. Несмотря на это, Никитин вынужден был признать, скрипя сердце, результаты обсуждения положительными: «Кафедра получила сегодня встряску, которая будет полезна для совершенствования ее работы. Мы не всегда интересовались работой друг друга. До сегодняшнего дня я не слышал таких суждений о моей научной и учебной работе, хотя и обращался с вопросами к товарищам. Только общей работой кафедры можно достигнуть улучшения работы кафедры»⁵⁸.

Для выработки текущего решения на заседании была избрана комиссия в составе Новицкого, Никитина, Белявской, Владимирской и Улащика, текст которой не сохранился. Инициатором ее составления выступила Белявская.

В заключение, следует отметить, что к счастью для развития отечественного славяноведения, это заседание не имело серьезных административных последствий ни для кафедры, ни лично для С.А.Никитина, вероятно, потому, что в конце апреля кампания по борьбе с космополитизмом по указанию Сталина была свернута. По свидетельству очевидца, Партбюро постановило снять все обвинения с Никитина в космополитизме, как «обвиненному не правильно». Б.Т.Горянов, правда, вскоре вынужден был уйти с кафедры, а Н.Н.Улащик впоследствии был арестован. Одно несомненно: С.А.Никитин получил еще одну глубокую моральную травму, от

которой долго не мог оправиться, замкнувшись в себя. За эту закрытость и чрезмерную осторожность его впоследствии не раз упрекали на партсобраниях в Институте славяноведения АН СССР.

Примечания

¹Об этих идеологических кампаниях 1940-х гг. в настоящее время написано много работ. Укажем наиболее важные из них: Ахундов М.Д., Баженов Л. Б. У истоков идеологизированной науки // Природа. 1989. №2. С. 90-99; Азадовский К., Егоров Б. О низкопоклонстве и космополитизме // Звезда. 1989. №6. С. 157-176; Борщаговский А.М. Записки баловня судьбы. М., 1991; Александров В.Я. Трудные годы советской биологии. Из записок современника. СПб., 1992; Батыгин Г.С., Девятко И.Ф. Еврейский вопрос: Хроника сороковых годов // Вестник Российской академии наук. 1993. Т. 63. №1. С. 61-72; №2. С. 143-151; Медведев Ж. Взлет и падение Лысенко. История биологической дискуссии в СССР (1929-1966). М., 1993; Есаков В.Д. К истории философской дискуссии 1947 г. // Вопросы философии. 1993. №2, Сойфер В. Власть и наука. История разгрома генетики в СССР. М., 1993; Костырченко Г.В. В плену у красного фараона. Политические преследования евреев в СССР в последние сталинские десятилетия. Документальное исследование. М., 1994; Он же. Кампания по борьбе с космополитизмом в СССР // Вопросы истории. 1994. №8. С. 47-60; Левин Е.С. Вавилов, Лысенко, Тимофеев-Ресовский... // Биология в СССР: История и историография. М., 1995; Поляков Ю.А. Весна 1949 года // Вопросы истории. 1996. №8. С.69-73; Еврейский антифашистский комитет в СССР. 1941-1948. Документированная история. М., 1996; Из дневника Сергея Сергеевича Дмитриева [публикация Р.Г.Эймоковой] // Отечественная история. 1999. №3. С. 142-163; Досталь М.Ю. «Борьба с космополитизмом» на историческом факультете МГУ весной 1949 г. // Интеллигенция и власть. М., 1999. С. 167-175; Люкс Л. Еврейский вопрос в политике Сталина // Вопросы истории. 1999. №7; Костырченко Г.В. Тайная политика Сталина. Власть и антисемитизм. М., 2001 и др.

²Подробнее см.: Борщаговский А.М. Записки баловня судьбы... С.229; Костырченко Г.В. В плену у красного фараона... С.179-191.

³См.: На историческом факультете МГУ // Вопросы истории. 1949. №3. С.154-156; Поляков Ю.А. Весна 1949 года... С.69-73; Досталь М.Ю. «Борьба с космополитизмом» на историческом факультете МГУ весной 1949 г... С. 166-175; Из дневника Сергея Сергеевича Дмитриева... С. 142-163 и др.

⁴В Академии общественных наук при ЦК ВКП(б). Хроника // Вопросы истории. 1949. №2. С.151; Поляков Ю.А. Весна 1949 года... С.69-70 и др.

⁵Досталь М.Ю. «Борьба с космополитизмом»... С. 168.

⁶Там же. С.169.

⁷Архив МГУ. Ф.9.0п.2.Д.36.Л.221.

⁸Там же. Л.222.

⁹Там же. Ф.9.0п.8. Д.160. Л.3. (План научно-исследовательской работы кафедры на 1949 г.)

¹⁰Авторами книги «История Чехии» являются В.И.Пичета (гл. 1 дофеодальный период и 2 Феодальная Чехия), Б.М.Руколь (гл. 3 Реформация в Чехии и гл. 4 Феодально-крепостническая Чехия) А.К.Целовальникова (гл. 5 Возникновение капитализма и нац.возрождение Чехии), И.И.Удальцов (гл. 6 1948 год в Чехии и 8 ЧСР), Н.Д.Ратнер(гл. 7 Чехия в1860-1914 гг.), Г.Э.Санчук (гл. 2.§ 7 Возрождение Чехии при Карле I; гл. 3,§ 1 Феодализация Чехии)

¹¹Славянский сборник. Образование Сербского, Польского и Чешского государств. М., 1947.

¹²Сборники получили положительную оценку в печати. См.: Ефимов К. Сборник статей, посвященный прошлому славянских народов (Славянский сборник. I. Образование Сербского, Польского и чешского государств; II. Исторические связи славян)// Славяне. 1948.№9. С.53.

¹³Публикация оценивалась в двух рецензиях. В первой - в основном положительно, второй - более критически. См.: Ростов С. Публикация писем ученых из славянских земель (Документы к истории славяноведения в России (1850-1912). Изд-во АН СССР. М.;Л.;1948)//Славяне. 1948. №8. С.54-57; Бернштейн С.А., Дитякин В.Т. Рец. на кн.: Документы к истории славяноведения в России (1850-1912).М.;Л.;1948//Вопросы истории. 1949.№1.С.132-135.

¹⁴Подробнее см.: Досталь М.Ю. Славянская идея и славяноведение в годы Великой Отечественной войны // Славянский альманах 2001. М.,2002 (в печати).

¹⁵Архив МГУ. Ф.9.0п.8. Д.159. Л.43.

¹⁶Там же. Л.30 об.

¹⁷Там же. Л.45.

¹⁸Там же.

¹⁹Там же. Л.30.

²⁰Там же.

²¹Там же.С.26об.

²²Там же. Л.45.

²³Там же. Л.30 об.

²⁴Там же. С.41.

²⁵Там же. С.45 об.

²⁶Там же.Л.29.

²⁷Там же. Л.27.

²⁸Там же. Л.26 об.

²⁹Там же. Ф.9.0п.2. Д.36. Л.38 об.

³⁰Там же. 0п.8. Д.159. Л.28.

³¹Там же. Л.42.

³²Там же. Л.42-42 об.

³³Там же. Л.42 об.

³⁴Там же.

³⁵Там же. Л.25 об.

³⁶Там же. Л.28.

³⁷См. сноску 13.

³⁸Там же. Л.31 об.

³⁹Там же. Л.43 об.

⁴⁰Там же. Л.27 об.

⁴¹Там же. Л.43 об.

⁴²Там же. Л.30.

⁴³См.: Яцунский В. История братского народа ("История Чехии". Под ред. академ. В.И.Пичеты) // Славяне. 1948. №2. С.59; Никитин С.А., Миллер И.С. Рец. на кн.: "История Чехии". Под ред. В.И.Пичеты // Вопросы истории. 1948. №6. С.109.

⁴⁴Там же. Л.32.

⁴⁵Там же. Л.36 об.

⁴⁶Там же. Л.37 об.

⁴⁷Там же. Л.38.

⁴⁸Там же. Л.42 об.

⁴⁹Там же. Л.38.

⁵⁰Там же. Л.43.

⁵¹Там же. Л.45 об.

⁵²Там же.

⁵³Там же. Л.46.

⁵⁴Там же. Л.46 об.

⁵⁵Там же.

⁵⁶Там же.

⁵⁷Там же. Л.47.

⁵⁸Там же.

СЕМЕЙСТВО НИКИТИНЫХ И ФОРМИРОВАНИЕ УБЕЖДЕНИЙ СЕРГЕЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА В ЖИЗНЕННОМ И НАУЧНОМ ИЗМЕРЕНИЯХ

Два обстоятельства побуждают заняться разработкой темы о родственниках Сергея Александровича Никитина: во-первых, полное отсутствие материалов о формировании его личности в семье и, во-вторых, наличие некоей тропинки, которая дает возможность прийти к интересным и неожиданным находкам, связанным с юностью Сергея Александровича. Тропинку автору указал много лет тому назад незабвенный Виктор Георгиевич Карасев, обмолвившийся однажды, что дядя Сергея Александровича был личным врачом Л.Н. Толстого. Предстояло выяснить, есть ли какие-нибудь материалы об этом враче и могут ли они помочь в изучении периода молодости маститого историка.

Для получения материалов о враче Никитине естественно было обратиться в Государственный музей Л.Н. Толстого. Это обращение сразу же обнадежило: в музее нашлись ценнейшие материалы о Никитиных. Хотя эти материалы относятся прежде всего к дяде Сергея Александровича, в них рассеяны крупницы различных сведений и о других членах семьи. Материалы о личном враче Л.Н. Толстого интересны также тем, что характеризуют его взгляды, которые оказываются во многом созвучными убеждениям молодого Сергея Александровича Никитина (о них см. нашу с Л.П. Петровским статью в сборнике, посвященном 90-летию Сергея Александровича).¹

Основой нашей статьи являются хранящиеся в книжном и рукописном фондах Государственного музея Л.Н. Толстого два варианта рукописи врача Григория Андреевича Кулижникова: одна в составе машинописного сборника его воспоминаний «Встречи»² и другая - в виде переплетенного машинописного текста на 75 листах.³ Г.А. Кулижников, ныне уже покойный, в конце 1930-х годов, будучи студентом, слушал лекции бывшего врача Толстого. Позднее по материалам Музея Толстого и личным воспоминаниям он написал подробную биографию Дмитрия Васильевича Никитина. Были использованы также его письма к членам семьи Л.Н. Толстого и некоторые другие материалы.

Прежде всего необходимо остановиться на биографии домашнего врача Л.Н. Толстого. Дмитрий Васильевич Никитин родился 14 сентября 1874 г. в селе Дмитровский Погост Егорьевского уезда Рязанской губернии в многодетной семье. Его отец, дед Сергея Александровича, был сельским

священником, а мать -учительницей французского и английского языков. Хотя родители Дмитрия Васильевича были сельскими жителями, они имели хорошее образование: о. Василий Никитин получил подготовку сначала в духовной семинарии, а затем в Московской духовной академии⁴, его жена окончила пансион князя Волконского в Зарайске⁵ и в 1856-1858 гг., до выхода замуж, преподавала в этом учебном заведении.⁶

В семье и в 1-й Рязанской мужской классической гимназии, которую Дмитрий окончил в 1897 г. с золотой медалью⁷, он получил отличное воспитание, изучил французский, английский и немецкий языки. Затем Д. Никитин стал студентом медицинского факультета Московского университета, где вскоре проявил склонность к научной работе.⁸ Там сформировались также его демократические убеждения. В итоге получивший в 1897 г. диплом молодой Никитин поехал в следующем году в качестве врача-консультанта на строительство Павелецкой железной дороги, где изучал условия работы, быт и состояние здоровья рабочих (впоследствии впечатления об этой поездке он изложил в журнале В.Г. Короленко «Русское богатство»⁹).

Недолгая работа земским врачом в Рязанской губернии сразу после окончания университета убедила молодого медика в том, что он еще недостаточно подготовлен к самостоятельной врачебной деятельности. Дмитрий Никитин уехал в Москву и стал ординатором в клинике известного русского терапевта А.А. Остроумова. Весной 1902 г. ординатура была успешно окончена, врач уверился в своих силах и, видимо, решил заняться частной практикой.¹⁰ И именно в этот момент Д.В. Никитин получил приглашение стать домашним врачом Л.Н. Толстого, который по настоянию медиков жил в то время в Крыму, в Гаспре.

Никитин хорошо понимал ответственность, ложившуюся на него в случае принятия предложения. Он знал также от своих коллег, лечивших ранее Л.Н. Толстого, что тот недоверчиво и даже негативно относится к медицине. В то же время Дмитрий Васильевич дважды видел Льва Николаевича, и тот произвел на него неизгладимое впечатление. По свидетельству близкого знакомого семьи Толстых В.А. Дунаева, Никитин «был очень рад поехать, так как любит Льва Николаевича и очень ценит его».¹¹ И тем не менее, ответ на лестное для него предложение Никитин дал не сразу. Предварительно он советовался с матерью, приехавшей в Москву, и с другими родственниками,¹² а также, видимо, с пользовавшимися доверием Л.Н. Толстого врачами и другими коллегами.

30 марта 1902 г. Дмитрий Васильевич прибыл в Гаспру и, как пишет Г.А. Кулижников, «довольно-таки быстро обрел авторитет у своего знаменитого, но не очень-то послушного пациента».¹³ Впрочем, С.А. Толстая

признала его за своего человека не сразу. В первые дни пребывания у Толстых Дмитрия Васильевича она характеризовала его в своем дневнике как «довольно легкомысленного» человека.¹⁴ Затем между ней и Никитиным возник конфликт в связи с настоятельным желанием Софьи Андреевны перевезти мужа в Ясную Поляну, при том, что врач Толстого считал «такую поспешность ненужной и даже опасной...» В результате Никитин заявил, что проводит Толстых в их имение, а спустя 3-4 дня «уедет совсем», однако отказался от этого намерения, приняв извинения Софьи Андреевны. «Меня очень тронула прямота С.А. и то, что она не постеснялась признаться в своей неправоте, мы помирились, и я остался...», - писал Д.В. Никитин в своих неопубликованных воспоминаниях.¹⁵

Д.В. Никитин сравнительно быстро стал своим в семье Толстых. Он познакомился и подружился также со многими людьми, окружавшими великого писателя или бывавшими у него, в том числе с М. Горьким (которого тоже лечил в Крыму), А.П. Чеховым, В.Г. Короленко, Л.Н. Андреевым, Ф.И. Шаляпиным, В.В. Стасовым, А.Ф. Кони, А.Б. Гольденвейзером. Скиталец набросал в своих воспоминаниях живой портрет Никитина. Вспоминая о пребывании в Крыму, он писал: «Тогдашний домашний врач (Л.Н. Толстой - А.Г.), Никитин, частенько заходил ко мне... Мало-помалу мы подружались с этим симпатичным юношей, каким он тогда был: по внешности Никитин походил больше на студента последнего курса, чем на врача...»¹⁶

Дмитрий Васильевич успешно выполнял свои врачебные обязанности, и Лев Николаевич высоко ценил его знания и опыт. «Он очень внимательный человек и знает все, что знает теперь медицина», - писал Толстой брату Сергею.¹⁷ В свободное время Д.В. Никитин помогал Толстому в переписке рукописей, выполнял отдельные секретарские дела, вел амбулаторный прием крестьян. Последнее вызвало негативную реакцию местных властей, потребовавших от Никитина предоставления медицинской отчетности. Соответствующая переписка была прекращена только после отъезда Дмитрия Васильевича из Ясной Поляны.¹⁸

В начале 1903 г. у Д.В. Никитина серьезно заболела мать, и 1 февраля он надолго уехал в Дмитровский Погост. Похоронив мать, Дмитрий Васильевич снова вернулся к Толстым,¹⁹ но вскоре уехал совершенствоваться в Париж, где посещал клиники и лекции широко известных в медицинском мире профессоров Видаля и Шеффера, выезжал в Англию, где встречался с В.Г. Чертковым и П.А. Кропоткиным. У последнего он в компании с русскими революционерами отмечал Новый год по старому стилю, причем, хозяин был очень любезен и много говорил о политике, предсказав, между прочим, скорое начало русско-японской войны.²⁰

Впоследствии Дмитрий Васильевич, любивший путешествовать, побывал во многих странах и часто писал из них Толстым о своих впечатлениях. Он отмечал характерную для западноевропейских государств высокую культуру населения, умение людей работать, изящество и остроумие французов, основательность, простоту и любовное отношение к детям немцев. В Париже Никитин усердно знакомился с музеями, посещал выставки. Он писал С.А. Толстой во время первого посещения французской столицы, что в Лувре или Люксембургском дворце «не замечаешь, как проходит время». Передавая свои впечатления о выставке французских художников начала XX века, Дмитрий Васильевич показал, что хорошо разобрался в манере их живописи, но отметил, что она ему понравилась. «... большинство картин, - писал он, - декадентские; краски какие-то необыкновенные: лица зеленоватые или желтоватые, какие-то экзотические платья, и все это окутано каким-то лиловым туманом и сделано очень грубыми мазками; кроме того, конечно, *le nu* играет большую роль.»²¹ В преддверии Первой мировой войны Д.В. Никитин оказался в командировке в Германии. «Я вижу, что можно не любить немцев, - писал он из Берлина дочери Л.Н. Толстого Александре Львовне, - но нельзя их не уважать».²²

Вернувшись в феврале 1904 г. в Ясную Поляну, Никитин пришел вскорее к решению расширить рамки своей врачебной деятельности. Он мечтал занять вакантное место врача в Тульской земской больнице, где смог бы продолжать «быть полезным» Л.Н. Толстому и его семье, но в результате «интриг в Туле»²³ был, видимо, признан неблагонадежным (сохранился запрос Тульского губернского жандармского управления губернатору с просьбой сообщить сведения о благонадежности врача²⁴) и в результате не был избран земством. Пришлось обосноваться в Звенигороде, где Дмитрию Васильевичу была предоставлена должность старшего врача местной больницы. В этом, как он писал С.А. Толстой, «маленьком, но прекрасном городе»²⁵ Д. В. Никитин проработал свыше 20 лет. Здесь он не только практиковал как врач, но и вел научную работу в области бактериологии: одним из первых начал применять прививки против скарлатины, готовил по этому «чрезвычайно важному, по его общественному и научному значению» вопросу²⁶ доклад к всероссийскому Пироговскому съезду врачей.

И во время работы в Звенигороде, и позднее Дмитрий Васильевич постоянно поддерживал связи с семейством Толстых, иногда гостил у них в Ясной Поляне. Он называл «счастливым» время, проведенное под одной кровлей с Л.Н. Толстым, оценивал его как «несколько лучших лет моей жизни».²⁷ Как отмечал в своих воспоминаниях сын Л.Н. Толстого Сергей Львович, «Дмитрий Васильевич был другом нашей семьи» и «при каждом заболевании отца с готовностью приезжал в Ясную Поляну... Он ле-

чил отца и в предсмертной его болезни».²⁸ Накануне первой годовщины смерти Толстого в газете «Русские ведомости» появились воспоминания Д.В. Никитина «Последние дни Л.Н. Толстого», получившие впоследствии широкую известность и неоднократно перепечатывавшиеся в посвященных Льву Николаевичу сборниках.²⁹ Корреспондент «Русских ведомостей», побывавший в траурный день в Ясной Поляне, отметил, что на собравшихся в имени Толстого родственников и друзей писателя «особенно сильное впечатление произвела статья доктора Никитина. Слушатели, следя за его рассказом, еще раз переживали астаповские дни».³⁰

В 1916 г. Дмитрий Васильевич, которому было «как-то совестно сидеть в тылу»³¹ в качестве врача отправился добровольцем на Западный фронт, но вскоре был ранен и вернулся в Звенигород. Он восторженно встретил Февральскую революцию, стал активно работать в органах новой власти как товарищ (т.е. заместитель) комиссара Временного правительства по Звенигородскому уезду, поддерживал правительственный курс на продолжение военных действий. Октябрьский переворот Д.В. Никитин в письмах к Толстым считал причиной «ужаса, который всех нас окружает»³². Он писал, что под властью большевиков «Россия пропала навсегда и стала рабой Германии, которая вправе теперь смотреть на нас действительно как на славянский народ для удобрения немецких нив».³³

В 1924 - 1929 гг. Дмитрий Васильевич пытался перебраться в Москву, но закрепиться на работе в столице ему не удавалось. Лишь в 1929 г. Д.В. Никитин смог занять никак не соответствовавшую его опыту и знаниям должность ординатора московской Бабушкинской (бывшей Старо-Екатерининской) больницы. Впрочем, он, очевидно, показал себя там с самой лучшей стороны, поскольку после последовавшего вскоре преобразования больницы в Московский клинический институт был сразу назначен старшим научным сотрудником, а в конце 1931 г. по просьбе М. Горького получил командировку в Италию и два с половиной месяца пробыл в Сорренто, где лечил писателя³⁴.

Вскоре после возвращения из-за границы Д.В. Никитин был арестован и в октябре 1933 г. сослан на четыре года в Архангельск. Как предполагает ученик Дмитрия Васильевича Г.А. Кулижников, ссылка была связана с темами бесед между Горьким и Никитиным. «За возможную опасность этих тем Никитин, видимо, и пострадал», - пишет Кулижников.³⁵ В Архангельске ссыльный Никитин работал в больницах и показал себя прекрасным врачом. По истечении срока ссылки, который, как он пишет, оканчивался в феврале 1936 г.,³⁶ Дмитрий Васильевич решил остаться в Архангельске, где в декабре 1932 г. открылся медицинский институт. В 1936 г. в институте была организована кафедра инфекционных болезней, и Д.В.

Никитин был избран ее заведующим, а через три года ему было присвоено звание доцента. Г.А. Кулижников, слушавший лекции Никитина в 1939/1940 учебном году, вспоминает о нем как о лекторе несколько старомодного облика, но вызывавшем уважение слушателей с первого взгляда. Читал Дмитрий Васильевич без конспектов, «строго академично и настолько четко, что при желании его лекции можно было записывать почти что дословно». ³⁷ «Его эрудиция поражала, - пишет Кулижников. - Мы прозвали его «ходячей энциклопедией». Он... стал нашим кумиром». ³⁸ Вместе с тем, по словам Кулижникова, «по натуре своей Дмитрий Васильевич был ... врачом-практиком» ³⁹, и все его исследования имели научно-прикладной характер.

Когда осенью 1940 г. отмечалось 30-летие со дня смерти Л.Н. Толстого, Дмитрий Васильевич выступил с воспоминаниями о великом писателе, но его доклад разочаровал студентов отсутствием иных сюжетов кроме чисто литературных. «Впечатление было такое, - вспоминает Кулижников, - что он побаивался говорить лишнее, а тем более как-то афишировать свои связи с Толстым и его семейными...» ⁴⁰ Впрочем, в неофициальной обстановке Д.В. Никитин был более словоохотлив. Среди собранных Г.А. Кулижниковым и приложенных к его работе мемуаров учеников Дмитрия Васильевича есть краткие воспоминания Т.Л. Комоликовой, которая несколько раз по договоренности с зав. кафедрой собирала у себя дома знакомых врачей, и Никитин рассказывал им о Толстом. «Он всегда говорил о нем с каким-то благоговением, считал, что это - титан, который рождается раз в столетие», - пишет мемуаристка. ⁴¹

В годы Отечественной войны 1941-1945 гг. Дмитрий Васильевич Никитин напряженно работал. В 1944 г. мединститут торжественно отметил его 70-летие, впоследствии ему был присвоено звание «Отличник здравоохранения». В январе 1954 г. после тяжелой болезни Д.В. Никитин вышел на пенсию, получил инвалидность и перебрался к родным в Москву. Здесь он скончался 9 января 1960 г. и был похоронен на Востряковском кладбище.

У Дмитрия Васильевича Никитина были две сестры и три брата. Из братьев старше Дмитрия были Николай и Александр, младше - Валериан. О Николае нам известно только, что он скончался в 1924 г. ⁴² Валериан, как сообщал Д.В. Никитин в 1959 г. рязанскому краеведу С.П. Шульгину в одном из писем, ⁴³ был сельским учителем, долго болел и умер в возрасте около 40 лет. Видимо, именно к нему в 1903-1905 гг. Дмитрий Васильевич совершал поездки в Дмитровский Погост, о которых неоднократно упоминает в письмах к Толстым. Сестра Екатерина «была замужем в Петербурге и умерла там от голода» вместе с двумя своими детьми. ⁴⁴ Немного больше известно о сестре Лидии (в замужестве Булатовой). Она жила в Москве,

на Большой Полянке, у нее в дореволюционные годы Дмитрий Васильевич обычно останавливался во время поездок в Москву. У Лидии Васильевны была дочь Людмила Андреевна Воскресенская, с которой Г.А. Кулижников беседовал при подготовке биографии Д.В. Никитина. Перебравшись в Москву, Никитин жил сначала на «оставшейся от сестры» площади в коммунальной квартире, и лишь в 1958 г. обрел собственное жилье.⁴⁵

Обрате Дмитрия Васильевича Александре, отце С.А. Никитина, некоторые первоначальные сведения содержатся в письме близкого знакомого Толстых В.А. Дунаева Л.Н. Толстому от 1 марта 1902 г. Характеризуя рекомендуемого Льву Николаевичу в качестве домашнего врача Д.В. Никитина как умного, спокойного, обстоятельного человека и не новичка в своем деле, он отмечал, что в его кандидате «есть некоторая кривинка: он попович, и брат его даже поп; но по свидетельству Михайлова, с которым он вместе учит в одном из учебных заведений, поп он очень добропорядочный...»⁴⁶

Как известно, Лев Николаевич Толстой, отлученный от церкви, не питал добрых чувств к духовенству, и Дунаев не мог не предупредить писателя о происхождении его будущего врача. Вместе с тем он передал Толстому положительное мнение об отце Сергея Александровича последователя и хорошего знакомого Толстого художника Константина Анемподистовича Михайлова, преподававшего в ряде учебных заведений Москвы. Поскольку имя «попа» в письме Дунаева не было названо, следовало выяснить, где и вместе с кем преподавал К.А. Михайлов. Это удалось сделать при просмотре адрес-календаря «Вся Москва» за 1902 г.⁴⁷, в котором Михайлов числится преподавателем Николаевского сиротского института – одного из благотворительных учреждений, занимавшихся призреванием, воспитанием и обучением девочек-сирот. Среди коллег Михайлова назван Александр Васильевич Никитин, магистр богословия, преподаватель института и одновременно священник церкви Святой Екатерины Великомученицы при нем. Кроме службы в благотворительном учреждении, А.В. Никитин был членом общественной благотворительной организации – «Общества вспомоществования воспитанницам Николаевского сиротского института», что также отмечено в адрес-календаре. В адрес-календаре «Вся Москва» на 1917 г. А.В. Никитин снова упоминается как преподаватель и священник Сиротского института, но он уже протоиерей.⁴⁸

Что Сергей Александрович Никитин – сын протоиерея А.В. Никитина видно из материалов так называемого следствия ОГПУ по его делу, о котором подробно рассказано в упомянутой уже выше статье из сборника «Путь ученого». 19 сентября 1930 г., отвечая на вопросы следователя о своих родителях, С.А. Никитин вынужден был сказать, что его отец –

«преподаватель, позднее священник», и назвал своих ближайших родственников - мать Глафиру Северьяновну 58 лет, сотрудников московских научных учреждений - брата Николая 36 или 37 лет, и сестру Екатерину 32 лет, а также дядю Дмитрия Васильевича Никитина, врача Бабухинской больницы.⁴⁹ В 1930 г. Глафира Северьяновна и, повидимому, все другие упомянутые С.А. Никитиным родственники проживали вместе с ним в квартире № 1 дома 37 по Большому Козихинскому переулку. Во всяком случае такой адрес фигурирует и в ордере на арест Сергея Александровича, и в заявлениях в ОГПУ Глафиры Северьяновны,⁵⁰ и в письмах 1920-х годов Д.В. Никитина; кроме того, согласно протоколу обыска в этой квартире, произведенного при аресте Сергея Александровича, были конфискованы золотые рубли дореволюционной чеканки, принадлежавшие как С.А., так и Е.С. и Д.В. Никитиным.⁵¹

Как следует из воспоминаний Е.А. Никитиной,⁵² в 1930 г. главы семейства Никитиных уже не было в живых - он скончался до 1925 г. Глафира Северьяновна умерла после тяжелой болезни в 1942 г. на руках у Сергея Александровича. Его брат Николай (1893-1972), физик, и сестра Екатерина, химик, стали докторами наук и профессорами, оба они, как и Сергей Александрович, возглавляли кафедры в высших учебных заведениях - Энергетическом и 2-м Московском медицинском институтах.

До Октября 1917 г. семейство Никитиных жило не слишком богато, но в достатке. На следствии по сфабрикованному против него «делу» С.А. Никитин отмечал, что «недвижимости никогда не имел»,⁵³ однако вынужден был признать, что отец арендовал 5-комнатную дачу с десятиной земли⁵⁴ (Е.А. Никитина писала в воспоминаниях, что в детстве «летом Сергея Александровича вывозили на воздух в Подмоскowie, куда обычно выезжала вся семья».⁵⁵) и что его сбережения в 1917 г. составляли 2 тысячи рублей.⁵⁶

Отец Сергея Александровича А.В. Никитин, в отличие от многих других духовных лиц, был прогрессивно мыслящим человеком. Сменивший Д.В. Никитина на посту врача Толстого Д.П. Маковицкий записал 24 декабря 1906 г., во время Первой русской революции, что Лев Николаевич расспрашивал приехавшего в Ясную Поляну своего бывшего доктора о его брате-священнике. Тот ответил, что брата «огорчают убийства», но он «признает и что-то доброе в революции», поскольку «некоторые старые порядки нельзя удержать». В ответ Толстой сказал об Александре Васильевиче, со взглядами которого был уже, видимо, хорошо знаком по предыдущим рассказам Дмитрия Васильевича, что преподаватель Сиротского института - «исключительный экземпляр», не принадлежащий ни к какому политическому направлению, ни к одной политической партии, но воп-

лошающий «без всякого усилия» «редкий признак разумности».⁵⁷

Прогрессивные взгляды отца, его приверженность христианству, его благотворительная деятельность неизбежно должны были повлиять на формирование взглядов Сергея Александровича Никитина. Не могло не сказаться на их становлении и мировоззрение Дмитрия Васильевича, жившего вместе с племянником в первые годы его творческой деятельности. Д.В. Никитин, как это видно из его писем и работ о нем, придерживался скорее народнических, чем толстовских идеалов. Он, по его собственному признанию, грязную и пьяную русскую деревню любил больше, чем уважаемых им немцев. «Как бы я хотел, чтобы она была лучше, чтобы даром не пропадали в ней ее лучшие силы и таланты...», - писал о русской деревне Дмитрий Васильевич в одном из писем 1914 г.⁵⁸ А в другом письме, датированном 8 января 1918 г., с ужасом отмечая проявившиеся в ходе Октября 1917 г. и последующих событий «борьбу классов», всеобщее озлобление, взаимную ненависть, разнузданность, с тоской вспоминал, что верил в «русскую душу» и сожалел, что эта вера оказалась беспочвенной. Разочаровавшись в своих идеалах, он винил во всем социализм, «который не только не сумел внести равенства, но внес силу и насилие туда, где их еще не было».⁵⁹

Вера в народ сочеталась у Д.В. Никитина с приверженностью православию. По свидетельству знавших его людей, даже в архангельской ссылке он посещал церковь. Вместе с тем, религиозные взгляды Дмитрия Васильевича были широкими, он был сторонником свободы совести. В 1928 г. Д.В. Никитин был крайне возмущен тем, что празднование 100-летнего юбилея Л.Н. Толстого, «величайшего художника и религиозного мыслителя нашего века»⁶⁰ газета «Известия» отметила статьями, в центральной из которых Толстой был назван «юродивым во Христе», а его учение «безусловно утопичным и по своему содержанию реакционным».⁶¹ «Борьба с религией, в каких бы формах последняя ни выражалась... есть по-видимому сейчас одна из главных задач партии. Разрушать московские церкви, ссылать духовенство и сектантов, фальсифицировать празднование Толстого - все это явления одного и того же порядка. Рабство и гнет коммунизма так тяжело легли на всех, они так сковывают проявления мысли и чувства, что хочется пойти и публично крикнуть все наболевшее и накопившееся в душе чувство протеста...», - писал он А.Л. Толстой.⁶²

Хотя взгляды Толстого на религию оказали на него определенное влияние, Дмитрий Васильевич в целом относился к ортодоксальным толстовцам с некоторой иронией, а отдельные его рассуждения в письмах к Толстым были, по всей вероятности, вызваны стремлением не огорчить своих корреспондентов. Показательно в этом отношении письмо Д.В. Никитина

Т.Л. Сухотиной-Толстой от 18 января 1905 г. Возмущаясь событиями 9 января, он писал, что «мы переживаем очень тяжелое чувство; возмущению и негодованию нет границ, но нет и выхода... Я вовсе не сторонник насилия, но временами возмущаюсь так, что готов все оправдать... Я верю, что истинного счастья человечество достигнет нравственным совершенствованием людей, но думаю, что совершенствование легче совершится в обстановке свободы совести, чем при произволе и насилиях».⁶³

Хотя, вероятно, и меньше, чем его брат, Дмитрий Никитин также занимался благотворительностью. Он бесплатно лечил крестьян в Ясной Поляне, есть его письма с упоминаниями об уходе за больным товарищем, поездке по делам сестры в Петербург, намерении выполнить завещание знакомой Толстых А.Г. Архангельской об устройстве земской школы или библиотеки.⁶⁴

В заключение попытаемся сопоставить некоторые взгляды братьев А.В. и Д.В. Никитиных со взглядами молодого Сергея Александровича. Наиболее отчетливо последние были сформулированы самим С.А. Никитиным во время допросов на Лубянке. Заявив, что считает себя «близко стоящим к марксизму», он тут же уточнил: «Воспринимаю только одну часть марксова учения - учение о критике основ капиталистического способа производства»⁶⁵ (заметим, что пафос этой критики в наибольшей степени из всего учения К.Маркса и Ф. Энгельса был созвучен взглядам русских народников, близких Д.В. Никитину). В то же время С.А. Никитин отметил, что не разделяет философской концепции марксизма и отвергает философские взгляды диалектиков-марксистов, поскольку стоит «на позициях христианства». Он разъяснил при этом, что не только верит в Бога, но и признает особую роль церкви в плане ее воздействия на отношения между людьми.⁶⁶ На следующем допросе «уточняя» (видимо, под давлением следователя, лишившего арестованного передач)⁶⁷ свои предыдущие показания, Сергей Александрович вынужден был заявить, что «логически» выводит из своего христианского мировоззрения свое отношение к советской власти: «Я себя вполне советским человеком считать не могу», - с удовлетворением записал следователь в протоколе сделанное под давлением «признание» подследственного. А далее имеется следующая приписка, подписанная С.А. Никитиным. «По тем же самым вышеуказанным убеждениям я не могу встать на путь активной классовой борьбы с классовыми врагами советской власти, и требовать от меня этого невозможно».⁶⁸

Таким образом, Сергей Александрович, как и старшие члены его семьи, был убежденным христианином. Он не пожелал отказаться от своих убеждений, хотя его вынудили заплатить за них дороговую цену. А слова С.А.

Никитина о невозможности для него встать на путь «активной классовой борьбы» хорошо перекликаются с высказыванием его дяди об ужасах борьбы классов.

В заключение следует сказать несколько слов об общем для всех поколений Никитиных культурном фоне их деятельности. Выше он уже был, в пределах возможного, показан применительно к деду и бабке Сергея Александровича и особенно к его дяде. Историки, работавшие с С.А. Никитиным, и его ученики хорошо представляют себе высокую культуру и огромную эрудицию ученого. Как вспоминает сестра профессора, еще в университетские годы Сергей Александрович интересовался поэзией. Он хорошо знал и прекрасно декламировал стихи Маяковского, интересовался творчеством других русских поэтов, высоко ценил произведения зарубежных писателей, следил за современной литературой. Екатерина Александровна пишет также, что запомнившийся студентам своей невозмутимостью маститый профессор «немного играл на рояле, пел и рисовал».⁶⁹

Продолжая традиции семьи, Сергей Александрович занимался благотворительностью. По рассказам близко знавших его людей, он в трудных условиях послевоенных лет оказывал материальную помощь нескольким студентам.

Наконец, поражает одна бытовая черта, роднящая Сергея Александровича с дядей Дмитрием Васильевичем - их холостяцкое житье. Дядя С.А. Никитина так и не женился (Г.А. Кулижников предполагает, что он был влюблен в Александру Львовну Толстую, но какие-то обстоятельства помешали их браку), а Сергей Александрович женился уже на закате своей жизни.

Выше была сделана, на минимальных еще пока материалах, попытка показать воздействие семьи на формирование взглядов и убеждений выдающегося отечественного историка-слависта Сергея Александровича Никитина. Автор уверен, что для разработки этой темы со временем найдутся многочисленные неизвестные пока источники, изучение которых позволит значительно обогатить наши представления о молодых годах ученого, о его становлении как исследователя, педагога и человека.

Примечание:

¹ *Петровский Л.П., Горяинов А.Н.* Неизвестная страница биографии С.А. Никитина: (По материалам ОГПУ начала 1930-х годов) // Балканские исследования. Вып. 14. Путь ученого: К 90-летию со дня рождения С.А. Никитина. М., 1992.

² *Кулижников Г.А.* Первый домашний врач Льва Толстого // *Кулижников Г.А.* Встречи. - М., 1992 (хранится в Книжном фонде ГМТ). Далее

ссылки на эту рукопись даются только с указанием фамилии автора и страниц.

³ Кулижников Г.А. Первый домашний врач Льва Толстого. Рукопись 1978 г. с дополнениями 1980 г. (хранится в ОР ГМТ).

⁴ Шульгин С. Друг Л.Н. Толстого // Приокская правда. - Рязань, 1960. - 27.XII. - С. 4.

⁵ Касаткин В.М. Врач и друг Льва Толстого // Рязанский следопыт. - Рязань, 1995. - № 4. - С. 27-29.

⁶ Шульгин С.П. Письмо директору Музея с материалами биографии Д.В. Никитина. - ГМТ.

⁷ Касаткин В.М. Врач и друг Льва Толстого... - С. 27.

⁸ Г.А. Кулижников указывает, что в студенческие годы Д.В. Никитин выполнил «два исследования относительно определения и нахождения мышьяка в органических соединениях, имевшие практическое судебно-медицинское приложение», которые были напечатаны в «Журнале Физико-химического общества» и в «Вестнике судебной медицины». (См.: Кулижников Г.А. Первый домашний врач Льва Толстого...).

⁹ Никитин Д.В. Рабочие на железнодорожных постройках: Из заметок врача // Русское богатство. - СПб., 1904. - № 6. - С. 205-220.

¹⁰ В адресной и справочной книге «Вся Москва» на 1902 г. (М., 1902. - Стб. 885 и 962) Дмитрий Васильевич Никитин упомянут среди практикующих врачей, проживавших в Большом Трубном переулке.

¹¹ Дунаев В.А. Письмо С.Л. Толстому 23 марта 1902 г. - ГМТ.

¹² Кулижников Г.А. Первый домашний врач Льва Толстого... - Л. 3.

¹³ Кулижников. - С. 117.

¹⁴ Цит. по статье: Свадковский Б.С. Надо жить: Из крымской летописи Л.Н. Толстого // Литературная Армения. - Ереван, 1989. - № 2. - С. 70-80.

¹⁵ Никитин Д.В. Воспоминания о Л.Н. Толстом, 10 января 1932 г. - ГМТ.

¹⁶ См.: Скиталец С.Г. Лев Толстой // Л.Н. Толстой в воспоминаниях современников. - М., 1978. - Т. 2. - С. 271-279.

¹⁷ Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений. - Т. 74. - С. 145.

¹⁸ Петухов А.А. Врач Л.Н. Толстого под надзором полиции // Советские архивы. - М., 1971. - № 4. - С. 104-105.

¹⁹ Поповкина Т. Л.Н. Толстой и его близкие на любительских фотографиях домашнего врача Д.В. Никитина // Неизвестный Толстой в архивах России и США: Рукописи: Письма: Воспоминания: Наблюдения: Версии. - М., 1994. - С. 399-403.

²⁰ Кулижников Г.А. Первый домашний врач Льва Толстого... - Л. 25.

²¹ Никитин Д.В. Письмо С.А. Толстой 28 декабря 1903 г. - ГМТ.

- ²² *Он же.* Письмо А.Л. Толстой 26 мая 1914 г. - GMT.
- ²³ *Он же.* Письмо С.А. Толстой 20 сентября 1904 г. - GMT.
- ²⁴ См.: *Петухов А.А.* Врач Л.Н. Толстого под надзором полиции...
- ²⁵ *Никитин Д.В.* Письмо С.А. Толстой 24 октября 1904 г. - GMT.
- ²⁶ *Он же.* Письмо С.А. Толстой 20 апреля 1907 г. - GMT.
- ²⁷ *Он же.* Письмо Т.Л. Сухотиной-Толстой 30 ноября 1919 г. - GMT.
- ²⁸ *Толстой С.Л.* Очерки былого. - Тула, 1975. - С. 214.
- ²⁹ *Никитин Д.В.* Последние дни Л.Н. Толстого // Русские ведомости. - М., 1910. - 6.XI.
- ³⁰ *Гальберштадт Л.* Вчера в Ясной Поляне // Русские ведомости. - М., 1911. - 8.XI.
- ³¹ *Никитин Д.В.* Письмо С.А. Толстой 1 марта 1916 г. - GMT.
- ³² *Он же.* Письмо Т.Л. Сухотиной-Толстой 8 января 1918 г. - GMT.
- ³³ *Там же.*
- ³⁴ *Касаткин В.М.* Врач и друг Льва Толстого... - С. 28.
- ³⁵ *Кулижников.* - С. 28.
- ³⁶ *Никитин Д.В.* Письмо С.Л. Толстому 21 ноября 1936 г. - GMT. Из этого письма следует, что Г.А. Кулижников вряд ли был прав, утверждая, что по ходатайству родственников срок ссылки Никитина вскоре после его отправки в Архангельск был сокращен до одного года.
- ³⁷ *Кулижников.* - С. 134.
- ³⁸ *Кулижников.* - С. 133.
- ³⁹ *Кулижников Г.А.* Первый домашний врач Льва Толстого... - Л. 54.
- ⁴⁰ Там же. Л. 40-41.
- ⁴¹ Там же. - Л. 60.
- ⁴² Там же. Л. 43.
- ⁴³ Гос. архив Рязанской области. Ф. Р-5354. Д. 11. Л. 14.
- ⁴⁴ Там же.
- ⁴⁵ Там же. Л. 68.
- ⁴⁶ *Дунаев В.А.* Письмо Л.Н. Толстому 1 марта 1902 г. - GMT.
- ⁴⁷ *Вся Москва: Адресная и справочная книга на 1902 год.* - М., 1902 - Стб. 699, 1097 и с. 305
- ⁴⁸ *Вся Москва: Адресная и справочная книга на 1917 год.* - М., 1917. - Стб. 243, 313, 928 и с. 353.
- ⁴⁹ Центральный архив КГБ СССР (в дальнейшем ЦА КГБ). Д. Р-34558. Л.4.
- ⁵⁰ Там же. Л.1, 15, 17 и др.
- ⁵¹ Там же. Л. 2.
- ⁵² *Никитина Е.А.* Из воспоминаний сестры о брате - профессоре Сергее Александровиче Никитине (1901-1979) // Из истории университетского

славяноведения в СССР: сборник статей к 80-летию С.А. Никитина. - М., 1983. - С. 143-145.

⁵³ ЦА КГБ. Д. Р-34558. Л. 3.

⁵⁴ Там же. Л. 4.

⁵⁵ Никитина Е.А. Из воспоминаний сестры... - С. 143.

⁵⁶ ЦА КГБ. Д. Р-34558. Л. 4.

⁵⁷ Маковицкий Д. П. У Толстого, 1904-1910: «Яснополянские записки» Д.П. Маковицкого. - М., 1979. - Кн. 2. - С. 338. - (Лит. наследство. - Т. 90. Кн. 2).

⁵⁸ Никитин Д.В. Письмо А.Л. Толстой 12(25) июня 1914 г. - GMT.

⁵⁹ Он же. Письмо Т.Л. Сухотиной-Толстой 8 января 1918 г. - GMT.

⁶⁰ Он же. Письмо А.Л. Толстой 29 сентября 1928 г. - GMT.

⁶¹ Полонский В. Ленин о Толстом // Известия. - М., 1928. - 9.IX.

⁶² Он же. Письмо А.Л. Толстой 29 сентября 1928 г. - GMT.

⁶³ Он же. Письмо Т.Л. Сухотиной-Толстой 18 января 1905 г. - GMT.

⁶⁴ Он же. Письма Т.Л. Сухотиной-Толстой 15 января 1905 г., 25 августа 1905 г.; письмо С.А. Толстой 21 апреля 1907 г. - GMT.

⁶⁵ ЦА КГБ. Д. Р-34558. Л. 5об.

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ См. заявление Г.С. Никитиной в ОГПУ от 16 октября 1930 г. - ЦА КГБ. Д. Р-34558. Л. 9-9об.

⁶⁸ ЦА КГБ. Д. Р-34558. Л. 14.

⁶⁹ Никитина Е.А. Из воспоминаний сестры... - С. 144.

А.В.Карасев.

ПРОФЕССОР С.А.НИКИТИН И В.Г.КАРАСЕВ – УЧИТЕЛЬ И УЧЕНИК

Профессор В.Г. Карасев очень высоко ценил своего учителя, профессора С.А. Никитина, который своей фигурой олицетворял связь лучших традиций русской дореволюционной славистики с развитием отечественного славяноведения в 40-70-х годах XX века. С.А. Никитин был научным руководителем аспиранта В.Г. Карасева. Позже преподаватель, а затем доцент В.Г. Карасев работал на кафедре под началом профессора С.А. Никитина в бытность последнего заведующим кафедрой историй южных и западных славян Исторического факультета МГУ. Но и после ухода С.А. Никитина с поста заведующего кафедрой продолжалось их научное сотрудничество. Надо сказать, что как и С.А. Никитин В.Г.Карасев всегда

стремился воспитать у своих студентов чувство уважения к отечественным ученым, их учителям. Он считал, что только таким образом можно развивать и сохранять лучшие традиции отечественной науки. Профессор В.Г. Карасев поддерживал проведение научных конференций, студенческих чтений памяти крупных ученых-славистов, работавших на кафедре. По инициативе В.Г.Карасева на кафедре были открыты мемориальные доски первому заведующему кафедрой, академику В.И.Пичете и профессору С.А.Никитину. Нужно отметить, что С.А.Никитина, человека со сложным характером, связывали с В.Г.Карасевым не только научные, но и теплые личные отношения, которые сохранились до конца жизни профессора С.А.Никитина.

В данной публикации вниманию читателей предлагаются некоторые материалы из личного архива профессора В.Г.Карасева, проливающие свет не только на научные и личные взаимоотношения С.А.Никитина и В.Г.Карасева, но и на различные аспекты научной и политической жизни того времени.

Из архива профессора В.Г. Карасева

Речь на заседании кафедры истории южных и западных славян исторического факультета МГУ, посвященного памяти профессора С.А. Никитина

25 июня 1981 г.

Уважаемые коллеги, наши дорогие гости, товарищи!

Все Вы знаете, по какому поводу мы собрались сегодня здесь. И тем не менее я хотел бы напомнить некоторые факты, быть может не для всех пока очевидные.

В 1978 году наша кафедра отметила 100-летие со дня рождения В.И. Пичеты. (Здесь вот доказательство)¹

В 1979 году мы широко отметили 40-летний юбилей нашей кафедры. (о чем есть специальный сборник. Вот он). *Помета чернилами* Пригласили С.А.(Сергея Александровича Никитина) - не смог.

Сегодня, 25 июня 1981 года в день 80-летия С.А.Никитина мы собрались здесь, чтобы открыть мемориальную доску-барельеф в честь 2-го заведующего нашей кафедрой, который вместе с В.И. (Пичетой-А.К.) по праву считается ее основателем.

Может возникнуть вопрос: зачем мы это делаем и кому это нужно?

В этой связи я хотел бы напомнить содержание замечательного произведения средневековой светской болгарской литературы – Сказания о пись-

менах Черноризца Храбра.

Пусть это не покажется слишком смелым и даже дерзким, но в моем представлении, а, смею думать, что и в представлении некоторых других, В.И. и С.А. – это Кирилл и Мефодий нашей кафедры Первый, то есть В.И. (Пичета) ее основал, а второй (С.А.Никитин) поставил ее на ноги, ибо без стабильного учебника нет и не может быть фундаментальной науки в вузе. Но как известно первый марксистский учебник по истории южных и западных славян был создан под руководством Сергея Александровича Никитина.

Я не собираюсь много говорить т. к. большинство присутствующих сгорает от нетерпения увидеть барельеф нашего заведующего и учителя, изваянный - как и барельеф В.И.П(ичеты) – известным советским скульптором Христофором Богдасаровичем Геварклием.

Я только хочу, забегая вперед, отметить, что взоры их обоих обращены к входу на кафедру, как бы приветствуя молодую поросль талантливых историков-славистов, которые призваны продолжать дело, начатое нашими кафедральными Кириллом и Мефодием, - В.И.Пичетой и С.А.Никитиным.

Думаю, что этим я ответил на поставленный выше вопрос – зачем и для чего мы это делаем.

Да, мы не Иваны не помнящие родства... Да, мы – молодая кафедра, но у нас уже есть свои хорошие традиции, заложенные нашими учителями, традиции, которые мы должны, мы обязаны чтить, преумножать и развивать дальше каждый в меру своих сил и способностей.

Нет нужды говорить о значении традиции в воспитании молодого поколения. Это для всех очевидно. Именно поэтому кафедра и провела 2 и сегодня проводит свое 3-е, говоря казенным языком, мероприятие именно в связи с этими традициями (во имя их).

Товарищи! Мне доставляет огромное удовольствие и, если хотите, большую радость, что на нашем первом так называемом мероприятии присутствовала родная дочь В.И. Пичеты – Ксения Владимировна Пичета.

А на нашем сегодняшнем собрании присутствуют: родная сестра С.А. Никитина – доктор химических наук, профессор медицины Е.А. Никитина, супруга С.А. (Никитина) к.и.н. В.И. Короткова и любимый болгарский ученик С.А.(Никитина) академик БАН Николай Тодоров.

Товарищи! Ни для кого не секрет, что лучшие песни своего таланта историк С.А.Никитин посвятил Болгарии. Именно поэтому делегация нашей кафедры на I международном конгрессе болгаристики преподнесла Историческому факультету Софийского Университета портрет С.А.Ники-

тина, с выражением глубокого сожаления, что он не дожил до такого события.

А теперь разрешите мне открыть мемориальный барельеф 2-го заведующего нашей кафедры, д.и.н., заслуженного деятеля науки РСФСР – профессора С.А. Никитина.

Письмо В.Г. Карасева к Е.А.Никитиной

Час ночи 9 декабря 1979 г.

Дорогая Екатерина Александровна!

Прошлую ночь я долго не мог заснуть, буруеваемый воспоминаниями о Сергее Александровиче, Оценивая все содеянное им в области советского исторического славяноведения за 30 с лишним лет, я прихожу к выводу, что среди нашего брата не было и пока нет равных ему... Все это снова и снова возвращало мои мысли к вопросу об увековечении его памяти. Выношу на Ваш суд результаты моих раздумий на сей счет.

1/ Если я правильно понял /интуитивно, разумеется/ намерение покойного, то Вере Ивановне надлежит жить в Его и Николая Александровича (Н.А.Никитин – брат С.А.Никитина – А.К.) квартире с тем, чтобы всю оставшуюся жизнь посвятить систематизации и обработке оставшихся бумаг и библиотеки Сергея Александровича.

2/ Думается мне /эта мысль пришла в голову на поминках/, что хорошо было бы сохранить поелико возможно комнату Сергея Александровича как; мемориальный кабинет, нечего там не изменять, а только работать с означенной в пункте №1 целью.

3/ Памятую о судьбе рукописного наследства В.И. Пичеты /академика!/, которое до сих пор не обработано, я твердо убежден в необходимости создания авторитетной официальной комиссии, составленной главным образом из учеников Сергея Александровича, для оказания научной и всякой иной помощи Вере Ивановне Коротковой в ее работе. Комиссия должна собираться не реже одного раза в два месяца /в одну из сред/ для подведения итогов и определения плана работы на очередной срок. В комиссии должны быть представлены по возможности все специалисты по тем отраслям исторических знаний, в которых творил Сергей Александрович. Членами Комиссии должны быть в первую очередь представители Института Славяноведения АН СССР и кафедры, Истории южных и западных славян Исторического факультета МГУ. Комиссия имеет своей задачей:

а/ Подготовку к публикации и обработку рукописных материалов и эпистолярных источников.

Дать квалифицированное заключение о необходимости передачи рукописных и иных материалов по истории нашего славяноведения в Архив АН СССР после необходимой их систематизации и обработки.

б/ Определить научную ценность личного архива Сергея Александровича и его личной библиотеки.

4/ Комиссия должна в течение ближайшего года подготовить и провести научную сессию, посвященную памяти Сергея Александровича; материалы сессии обработать и издать отдельной книгой.

5/ Не откладывая дело в долгий ящик, необходимо изготовить бронзовые барельефы Сергея Александровича на мраморной доске, поместив один из них на кафедре Истории южных и западных славян МГУ, а второй в секторе Института славяноведения и балканистики АН СССР, которым многие годы заведовал Сергей Александрович.

6/ На кафедре необходимо ставить дипломные работы и писать кандидатские диссертации, посвященные творческому наследию Сергея Александровича в области советского исторического славяноведения.

7/ Хорошо бы записать на магнитофонную пленку воспоминания о Сергее Александровиче и в первую очередь Ваши собственные. Вообще это можно делать регулярно в мемориальном кабинете С. А. по упомянутым выше средам.

8/ Насколько мне известно в связи с 225-летием МГУ будет принято решение правительства о строительстве большой научной библиотеки МГУ на Ленгорах. Если в бумагах С. А-ча не окажется специальных пожеланий относительно его личной библиотеки, то я полагаю бы целесообразным после каталогизации подарить её в библиотеку МГУ в качестве специального дара ученого, профессора МГУ, под его именем.

И, наконец,

9/. Все упомянутые выше мероприятия необходимо обсудить в Инстлаве и на Кафедре. Что лично до меня касается, то все эти вопросы в порядке инициативных предложений я готов поставить на ближайшем заседании кафедры, которое состоится 17-го декабря, но прежде мне необходимо иметь Ваше и Веры Ивановны согласие по означенным выше позициям. Для этого в любое удобное для вас время я готов встретиться с Вами.

Всегда готовый к услугам Ваш В.Г. Карасев.

Письмо Деканата Исторического факультета МГУ в правление жилищного кооператива «Работники Академии наук СССР»

№28-е 17 декабря 1979 г.

В ПРАВЛЕНИЕ ЖИЛИЩНОГО КООПЕРАТИВА «РАБОТНИКИ АКАДЕМИИ НАУК СССР»

Деканат, общественные организации и кафедра истории южных и западных славян Исторического факультета Московского орденов Ленина и Трудового Красного Знамени Государственного Университета имени М.В. Ломоносова обращается к членам Правления ЖСК «Работники АН СССР» с просьбой принять в члены-пайщики Вашего кооператива супругу скончавшегося 5. XII. 1979 г. известного советского ученого Сергея Александровича Никитина, проживавшего по ул. Д. Ульянова д.4, корпус 2, кв.329, - Короткову Веру Ивановну.²

Наша просьба вызвана тем, что Заслуженный деятель науки РСФСР, доктор исторических наук, профессор С.А. Никитин в течение 20 лет работал на Историческом факультете МГУ и 14 лет (с 1942 по 1961 год) заведовал кафедрой истории южных и западных славян. С деятельностью этого выдающегося советского историка-слависта связан важный период в становлении и развитии кафедры.

Поскольку Научный координационный Совет по проблемам славяноведения в МГУ в настоящее время трудится над созданием обобщающей работы по истории дореволюционной и советской славистики в Московском университете, то Исторический факультет МГУ и его кафедра истории южных и западных славян, как головная организация по написанию означенного выше обобщающего труда крайне заинтересованы в использовании личного архива покойного, а также его огромной библиотеки, которую он завещал Московскому университету.

В реально сложившихся условиях работать по систематизации наследия покойного ученого может только его супруга - Короткова В.И. Для этого ей необходимо проживать в квартире своего умершего супруга.

Исторический факультет и кафедра истории южных и западных славян МГУ могут оказать посильную помощь В.И.Коротковой в обработке архива и каталогизации библиотеки путем организации архивно-производственной практики специализирующихся на кафедре студентов IV курса в Мемориальном кабинете покойного профессора С.А. Никитина, на что есть предварительное согласие его супруги.

Декан
Исторического факультета МГУ
Член-корр. АН СССР, профессор

Ю.С. Кукушкин.

Секретарь парткома

В.Н. Горохов.

Председатель профкома

Л.Г. Захарова.

Зав кафедрой

истории южных и западных славян

профессор

В.Г. Карасев.

С.А. Никитин – В.Г. Карасеву

12 августа 1959 года.

Дорогой Виктор Георгиевич!

По поводу Вашего замдеканства я думаю так:

1. Никакой пользы Вы от этого сейчас не получите. Чаще всего люди делали это за квартиру: она у Вас есть.

2. Осложнений возникло бы много. Первое – педагогическая нагрузка может быть проведена лишь за счет передачи Ваших поручений Очаку (И.Д.Очак, преподаватель кафедры Истории южных и западных славян Исторического факультета МГУ в то время – А.К.). так как я не так занят другими делами, что не смогу что-либо взять на себя. А такое мероприятие не в интересах Ваших, и не в интересах кафедры, и не в интересах моих.

3. Вот уже сколько лет я Вас пытаюсь побудить к научной работе. В этом Ваше будущее. Вы не раз собирались и в архиве начать работать, но все недосуг да некогда. А стоит занять начальственный кабинет, как и самая мысль об этом пропадет. Между тем за Вами долгов и грехов множество, и долготерпение может лопнуть. В Ваших ли это интересах?

4. Я думаю, что Вам следует укреплять связь с Институтом (Институт славяноведения АН СССР, ныне Институт славяноведения РАН – А.К.), чаще бывать на заседаниях, администрация же Вас затянет и оторвет.

5. Федосову (И.А.Федосов, в то время декан Исторического факультета МГУ – А.К.), конечно, Вы подходящий заместитель, так как он может быть уверен, что Вы ему свиньи не подложите. Но во имя чего раскрывать свою крышу, чтобы покрыть у другого? Я не вижу ни одного разумного

соображения в пользу принятия этого предложения, хотя и понимаю, что для нас, для кафедры, возникли бы некоторые преимущества. Все же они не так велики, чтобы толкать Вас на это дело. Наконец, последнее. Если бы у Вас был административный опыт и способность легко относиться к делам, можно бы браться за это дело. Но Вы в нем погрязнете, а это было бы в ущерб Вашему же росту, который и так замедлен общественными делами.

Я наслаждался все это время теплом и отдыхом, покоем и свободой. Доволен, что никуда не поехал в этом году. Поездка в Болгарию утомила меня, и работал я много, и постоянное напряжение дало себя знать. Последний месяц (после возвращения) был тяжелым. Я прочел Бромлея (Ю.В.Бромлей – А.К.) книгу Зеленина (В.В. Зеленин – А.К.), большой минимум Поплыко (Д.Ф.Поплыко – А.К.), 2 вступительные аспирантские работы и что еще, наконец, читал историографию, а погода была жаркая. Все это еще более утомило меня, никакого желания сдвигаться с места не возникало.

Перед уходом в отпуск я видел Сусанну А. (издательский редактор – А.К.) и снял вопросы после вычитки. Был возмущен размером тиража – 1 тысяча!, протестовал, но успеха не достиг. При такой тиражной политике что удивительного, если они не выходят из убытков даже при бесплатном авторском тексте.

В Москву стараюсь не показываться. Надеюсь собраться к Вам. Напишите, какие у Вас планы в августе и напишите, если ехать на машине, где сворачивать с шоссе. (речь идет о возможном посещении С.А.Никитиным дачи В.Г.Карасева в Снегирах – А.К.)

Может быть в одну из поездок в Москву заедете ко мне? Буду рад Вас видеть.

Всего хорошего. Привет Гале и И. Ф. (Жена В.Г. Карасева Г.Б. Карасева и ее мать И.Ф. Щепилова – А.К.)

Никитин.

Письмо С.А. Никитина В.Г. Карасеву в Белград

24 января 1962 года.

Дорогой Виктор Георгиевич,

Я с огорчением прочел Ваше письмо, так как очень для нас важна ожидаемая стенограмма³. Вы, ведь, знаете, что мы записывали только крупные замечания, а частных упреков, которых было много, записать не уда-

лось, да и не стремились, надеясь на стенограмму и письменные отзывы. Думаю, что нужно будет пытаться нажать и отсюда, но Вас очень прошу не давать Тадичу (Й. Тадич – югославский историк – А.К.) покоя, да и Павичевичу также (Бранко Павичевич – историк из Черногории – А.К.). Сейчас мы занимаемся доделками! Я говорил с авторами по своим и Вашим записям – февраль пойдет на переделку. Очень прошу и Вас заняться – по первой главе Вы можете подробно говорить с Перовичем (Р.Перович – югославский историк А.К.) Надо нажимать на получение письменных отзывов. Почему Вы не поговорите с Чубриловичем (В. Чубрилович – известный сербский и югославский историк – А.К.), он обещал, с Гавриловичем? (С.Гаврилович – сербский историк из Воеводины) Прошел уже месяц, а Вы ничего не выжали. Очевидно, наш полпред не очень активно действовал в этом направлении, а больше занимался Жуевичем.⁴

Что касается Вашего настойчивого желания писать о нем, могу только повторить то, что говорил Вам устно. Если и раньше считали узкие темы непроходными для докторской диссертации, то сейчас тем паче. У нас снимают с планов, исключают из подлежащих печати узкие темы, биографические статьи, специальные работы. Поэтому, советую не тратить времени на работу, которая окажется непригодной для защиты. Берите свой вопрос во всей широте, чтобы дать широкую картину общественно-политической жизни и борьбы. Не замыкайтесь только в газетном материале, хотя он необходим, обследуйте архивы. Я сожалею, что недостаток времени не позволил мне осуществить эту задачу. Просил бы если возможно, прочесть два документа в архиве САН (Сербская академия наук – А.К.), где мы с Вами были. Это биография В.П. Балабина шифр 8647/ кут С!. Нет ли там данных о его деятельности в 60-х гг. (XIX века – А.К.) Также интересует меня письмо Алимпия Васильевича Ч. Миятовичу о займе в России – (шифр) 10512. Думаю, что и себе, просмотрев эту большую картотеку, Вы найдете кое-что.

Что касается Ваших издательских планов⁵, сейчас ничего не могу так как И.И. (И.И. Удальцов, в то время Директор Института славяноведения АН СССР – А.К.) находится в отпуске и вернется к 10 февраля. Тогда будет видно не только можно ли поднимать (и как) этот вопрос, но и общая постановка вопросу. Бромлей (Ю.В. Бромлей – А.К.) говорил об этом Хренову (Хренов И.А. зам. Директора Института славяноведения в то время – А.К.), да тот ничего не сделал, а мне проявлять особую активность нельзя, так как надо вопрос прежде всего решать наверху. Как только он вернется, вновь пойдут разговоры на эти темы, тогда вопрос разъяснится.

Что касается Радослава (Радослав Перович, сербский историк – А.К.), не знаю, в чем состоят его претензии⁶. Объясните ему, что книг тех лет, о

которых он просит, переслать ему невозможно, да их и нигде не найдешь. Предложите ему, если он имеет какие либо претензии ко мне и другим, их формулировать и попробуйте найти способ расчетов. Вряд ли кто хотел его обижать или наживаться за его счет. Я понимаю, что он Вам очень интересен и как советами и как источник книжных редкостей. Однако подумайте, если к нему отношение такое, какое выражено издателями Марковича⁷, можно ли его предлагать в соредакторы Жуевича. Боюсь, что тут Вы не все продумали. (Так же Вы не учли, что при резком ограничении издательских возможностей, у нас не найдется издателя на автора, совершенно не известного).

Книги мы ждем, чем скорее они придут, тем лучше⁸. Идет интересная подготовка к конференции⁹. Знаю, что переписываетесь с Воронковым (И.А. Воронков – преподаватель кафедры истории южных и западных славян в то время – А.К.) – вероятно знаете о ходе дел. Приходится кое-что поправлять. Они¹⁰ историографический доклад решили разбить на 4, дав один Очаку. Тот представил ужасные тезисы, и я запротестовал. К тому же недавно был прием в посольстве¹¹ по поводу возвращения и там зашел разговор о конференции. Посол спросил, может ли присутствовать представитель прессы. Я ответил положительно.

Материалы 2 тома готовят¹². Я смотрел и начал подбирать литературу для вводной статьи. Если найдете что-либо интересное, присылайте.

Очень доволен подробностью Вашего письма. Жду таких же.
Никитин.

Письмо С.А. Никитина В.Г. Карасеву.

20 сентября 1971 года.

Дорогой Виктор Георгиевич,

Я прочел Ваш автореферат (докторской диссертации – А.К.) и могу написать отзыв. Но не делаю этого, так как мне пришло на ум сделать Вам одно предложение. Докторские диссертации как правило посылают на дополнительную рецензию. В вашем случае это тем более вероятно, что будут черные (то есть голоса «против» при голосовании на защите – А.К.) Могут ли Бромлей (Ю.В. Бромлей – А.К.) и другие известные члены экспертного совета (при Высшей аттестационной комиссии – А.К.) гарантировать, что им удастся провести дело без рецензии? Это надо уяснить. А если придется посылать, кто будет рецензент? Думали ли Вы об этом? Я знаю одного искусствоведа, замечательного знатока своего дела. Ему на защиту насыпали целый том отзывов. А когда экспертная комиссия стала посылать на рецензию, она не могла найти человека, который не принимал бы участие в обсуждении и не писал бы отзыва. Пока что-то придумали, прошел год.

Обдумайте это и скажите, что Вы хотите от меня. Время еще есть – я перееду в город 26-го – сырость одолела. А наши предсказатели сулили до 26 С!

Привет Вашим Никитин.

Примечание:

¹ Виктор Георгиевич по всей видимости имеет в виду барельеф В.И. Пичеты, установленный на кафедре – А.К.

² Дело в том, что супруга профессора С.А.Никитина В.И.Короткова (ныне покойная) не была прописана в квартире С.А.Никитина и по действовавшим в то время законам могла лишь наследовать сумму паенакопления (стоимость квартиры), но не саму квартиру. Благодаря усилиям Исторического факультета МГУ и не в последнюю очередь В.Г.Карасева, для В.И.Коротковой было сделано исключение, и она получила право проживать в квартире супруга.

³ В это время большой коллектив ученых Института славяноведения при участии ряда ученых из других научных и вузовских центров (в том числе и В.Г.Карасева) завершал работу над двухтомной «Историей Югославии». Главы рукописи обсуждали югославские ученые в Белграде.

⁴ Имеется в виду сербский общественный деятель середины XIX века Живоин Жуевич, творчество которого стало предметом докторской диссертации В.Г. Карасева.

⁵ Речь идет о планах В.Г.Карасева издать творческое наследие Живоина Жуйовича, прежде всего его многочисленные статьи в русских газетах.

⁶ В это время В.Г.Карасев находился в Белграде на стажировке для подготовки докторской диссертации. Он имел задание от С.А.Никитина по сбору иллюстративного материала для готовившейся двухтомной «Истории Югославии». Поскольку на эти цели денег практически официально не выделялось, то Р.Перович дела многие иллюстрации за свой счет в обмен на книги из СССР. Эти книги для него собирали В.Г.Карасев и В.В.Зеленин..

⁷ Речь идет об издании в СССР произведений сербского философа и публициста, революционного демократа С.Марковича)

⁸ В.Г.Карасев и В.В. Зеленин также пытались наладить книгообмен через Р.Перовича

⁹ Имеется в виду славистическая конференция, которую готовила кафедра.

¹⁰ Сотрудники кафедры истории южных и западных славян Исторического факультета МГУ

¹¹ Посольство Югославии в Москве.

¹² Речь идет о подготовке 2 тома «Истории Югославии».

С.А. НИКИТИНО ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИСТОРИКА-СЛАВИСТА Н.А. ПОПОВА

С.А. Никитин стал первым советским историком, возродившим традиционное для отечественной историографии направление, — исследование российско-южнославянских связей. Все его работы показывают глубокое знание этой традиции и умение вести с ней диалог. Poleмика, которую вел С.А. Никитин со своими предшественниками, оказалась продуктивной. Этому, видимо, способствовала его длительная работа над курсом «Источниковедение истории СССР» и освоение известных в то время методов прочтения исторических текстов.

В числе русских историков, к трудам которых С.А. Никитин часто обращался, был Н.А. Попов (1833-1891). И это не случайно. Книги Попова «Россия и Сербия» и «История Московского славянского комитета», публикация писем М.П. Погодина, а главное, собранный Поповым огромный архивный фонд, содержащий сотни писем из всех славянских земель, — значительный этап в изучении славяно-русских отношений в XIX веке¹. Сам Сергей Александрович писал о Попове: «Важным фактом в истории славяноведения было появление в 60-70-х годах исследований по истории Сербии XIX в., принадлежащих профессору Московского университета Нилу Александровичу Попову. Впервые в историографии Попов предпринял исследование внешней и внутренней истории Сербии 1806—1856 гг., основанное на обширном материале, только вводившемся в науку. В последующие годы он продвинул свои разыскания еще дальше, охватив в ряде своих работ период времени с 1858 по 1867 г. Такого широкого охвата истории Сербии XIX в. наука в то время не знала»².

Проявлением исследовательского интереса к истории межславянских научных связей стала публикация в 1948 г. документов из Архива Академии наук, проделанная Институтом славяноведения, Комиссией по истории Академии наук и Ленинградским отделением Института истории. Предисловие к публикации документов написал С.А. Никитин. Письма Попова в Архиве АН имелись, но в выборку они не попали.

Еще раньше С.А. Никитин подготовил в Институте истории АН СССР докторскую диссертацию «Русское общество и вопросы балканской политики России. 1853—1876 гг.» (1947 г.) В ней впервые использовались документы из личного фонда Попова и фонда Московского славянского комитета, также впервые анализировались некоторые славистические труды историка. С.А. Никитин постоянно обращался к наследию Попова, о чем

свидетельствуют его статьи в научной периодике в 1946—1947 гг.

В то же время И.В. Козьменко, аспирантка С.А. Никитина, защитила кандидатскую диссертацию «Болгарский вопрос и русское общество в период восточного кризиса 70-х годов XIX века» (1945). Изучая русско-болгарские связи, по предложению С.А. Никитина, она приступила к обследованию личного архивного фонда Попова. Именно Козьменко провела описание фонда, сохранившееся доньше и имеющее самостоятельное научное значение³. В дальнейшем часть переписки Попова с болгарями опубликована ею в издании «Освобождение Болгарии от турецкого ига», подготовленного при участии С.А. Никитина.

Докторская диссертация С.А. Никитина легла в основу книги, которую тогда не издали, набор был рассыпан в 1948 г. Правда, в дальнейшем историк напечатал, с небольшими исправлениями, почти все ее материалы, кроме глав «Крымская война», «Панславистические теории и критика», «Панславистические теории конца 60-х годов». Нам повезло: экземпляр верстки книги сохранился, и она доступна исследователям.

Можно согласиться с И.В. Чуркиной, видевшей причины цензурного запрета издания книги в 1948 г. в возникавших параллелях между идеями русских панславистов и деятельностью советского правительства в послевоенное время⁴. Но не ясно, почему ученый так и не опубликовал несколько глав позднее, с ослаблением цензуры.

В неизданных главах Никитин привлекал для характеристики панславистских идей в России после Крымской войны сочинения К.С. и И.С. Аксакова, В.И. Ламанского, М.П. Погодина, Н.Я. Данилевского, А.Н. Пыпина, Р.А. Фадеева, обильно цитировал материалы архивного фонда Попова, провел источниковедческий анализ его сочинений.

Для характеристики панславизма М.Н. Каткова С.А. Никитин процитировал статью Попова «Вопрос об общеславянской азбуке», опубликованную в «Современной летописи» в 1865 г. В ней русскому читателю сообщалось о попытке создать единую кириллическую азбуку чехом Ф. Изеброй и словенцем М. Маяром (в книге Никитина он ошибочно назван хорватом). В 1865 г. Попов считал, что для всеславянского единства первоначально необходимо создать пространство общего языка, допускал возможность панславистской реформы на основе лингвистических опытов. Реакция на его статью, особенно в письмах чеха А. Патеры⁵, критика панруссизма, общение со славянами на Этнографической выставке, деятельность в Славянском благотворительном комитете внесли корректировку в его взгляды. После славянского съезда в Москве в 1867 г. почти все филологи-слависты, как и Попов, сочли идею создания общеславянского литературного языка нереальной.

Жанр статьи Попова «Вопрос об общеславянской азбуке», как и положено, был публицистическим, а стиль эмоциональным. Никитин увидел в ней дополнение развивавшегося Катковым тезиса «о едином языке с предложением о принятии единой азбуки». В качестве аргумента приводилась цитата из статьи Попова: «Отсюда уже не труден будет переход к сближению между двумя родственными языками: ибо общее правописание может со временем значительно сгладить фонетические различия между ними». Никитин делал следующий вывод: «Это вскрывает последнюю и самую далекую цель – постепенное стирание всех особенностей отдельных славянских языков и растворение их в особенностях русского, т.е. русификации. Вот так в конечном счете выглядел катковский панславизм»⁶. И так, взгляды Попова оценивались Никитиным как панславистские, катковского толка.

Разберемся с этим суждением, т.к. оно и сегодня повторяется в литературе⁷. Во-первых, цитаты, которую приводил Никитин, в статье Попова нет. Он писал лишь о возможном сближении между родственными языками посредством введения кириллицы. Во-вторых, речь шла о родственных южнославянских языках – сербском (кириллический алфавит) и словенском (латиница). Русский язык вообще не привлекался, даже для сравнения. В-третьих, Попов излагал чужие взгляды о возможности введения кириллицы, но отнюдь не внося собственных предложений. Сделанный Никитиным вывод, будто автор статьи ратовал за русификацию, не может быть принят.

В публикации Никитиным в 1948 г. документов из Архива Академии наук Попову дана нейтральная характеристика: «Историк России и южных славян, славянофил; с 1883 г. член-корреспондент АН»⁸. Как видим, к числу идеологов панславизма он, в отличие от В.И. Ламанского, не был причислен.

В «Очерках истории исторической науки в СССР», в главе «Славяноведение», написанной Никитиным, Попов отнесен к «группе видных славянофилов и представителей панславистской школы». Рядом с ним названы имена В.В. Макушева, Ф.И. Леонтовича и Ф.Ф. Зигеля. Получалось, что все, кто профессионально занимались историей славян, автоматически причислялись к славянофилам. Как сейчас установлено, эти историки придерживались весьма разных политических и методологических взглядов.

В книге 1960 г. «Славянские комитеты в России» С.А. Никитин провел классификацию русских участников Славянского съезда в Москве в 1867 г. по политическим взглядам. В ней Попов отнесен к категории «славянофилы разных оттенков», но не к группе консерваторов, где, по его мнению, должны значиться Катков и Иловайский⁹.

Что это: эволюция взглядов Никитина или новое прочтение Попова?

Поскольку основой любого исследования о славянских комитетах служили именно работы Попова и архивный фонд, им собранный, то для Никитина в этой книге Попов — постоянный оппонент. Вопреки убеждениям самого Попова, он настаивал на панславистской ориентации комитета, правда, отрицая представление о нем, как о секретной организации русского правительства, в чем солидаризировался с Поповым.

С.А. Никитин несколько раз высказывал претензии к публикаторской деятельности Попова. Он выявил случаи, когда тот неправильно называл авторов документа или опускал указание автора и дату. Исследуя историю Славянского съезда 1867 г. в Москве, Никитин обратился к публикации Поповым в «Московских университетских известиях» протоколов Славянского комитета и его статьи и обнаружил, что в ней в отдельных случаях дан не полный, а сокращенный текст, в котором опущены целые абзацы без указаний на это, иногда передавался только общий смысл выступлений. Никитин указал и на то, что важнейшие документы съезда — речи, произносившиеся на нем, — звучали сильнее и заостреннее, чем это представлял их текст, опубликованный Поповым.

Он отмечал также, что Попов использовал в публикации периодическую печать, но зачастую без всяких ссылок на нее, хотя происхождение почти каждой страницы могло быть указано. Никитин подчеркивал, что, проводя редакционную обработку, Попов усиливал славянофильскую окраску текста: «Он стремился оттенить единодушие, крепость славянского единства». Выявив случаи тенденциозной обработки автором материала, Никитин заключил, что «при всей важности этого источника одного его совершенно недостаточно для создания сколько-нибудь отчетливого представления о съезде»¹⁰. Приходится согласиться с Никитиным в том, что необходимо изучение зарубежных архивов и личных материалов участников поездки в Москву.

Для реконструкции событий Славянского съезда Никитин обильно цитировал письма славян к Попову. Но ни эпистолярное наследие Попова, ни фонд славянского комитета не давали основания для вывода автора книги о том, что съезд был организован деятелями комитета, действовавшими по собственной инициативе. Создание славянского отдела на выставке и приглашение гостей было инициировано профессурой и лицами, имевшими отношение к научным университетским обществам, но все они действовали с согласия департамента народного образования, т.е. официальных чиновников. На самом съезде некоторые члены комитета выступали с панславистскими речами, газеты обсуждали вопрос о сути панславизма, но вывод Никитина о том, что славянские комитеты выступили в

качестве русской панславистской организации, не увязывался с документальным материалом. Как только в зарубежной прессе появились статьи, обвиняющие Россию в панславизме, один из организаторов выставки В.А. Дашков писал Попову: «Взгляните на статью и на ответ и не надо ли отвечать что-либо посерьезнее?»¹¹

Как показал С.А. Никитин, значительную роль в деле сближения славянских народов с Россией во второй половине XIX в. сыграли славянские комитеты, особенно Славянский благотворительный комитет в Москве. Московский комитет расценивался современниками как всероссийский, к его деятельности и высказываниям руководителей внимательно присматривались за границей. Недаром в середине 1870-х гг. в Константинополе появились подложные документы о комитете под названием «Ответственность». С.А. Никитин сумел разоблачить фальшивку и наметил основные пути будущих исследований деятельности комитета на основе подлинных документов. Эти документы в основном были собраны, описаны и сданы в архив Н.А. Поповым, он же стал первым и на долгое время единственным историком комитета. Материалами Попова постоянно пользуются зарубежные и отечественные историки разных политических и мировоззренческих позиций, оценивая по-разному и роль секретаря: иногда его называют тайным агентом правительства, но чаще идеологом и практиком панславизма.

Источниковедческие исследования С.А. Никитина дали возможность увидеть разнообразные формы деятельности лидеров общественной организации, каковой были славянские благотворительные комитеты в России, и наметить пути дальнейших архивных разысканий, в том числе таких, которые высветили бы весь объем и направленность деятельности историка-слависта Нила Александровича Попова.

Примечания:

¹ См.: Воробьева И.Г. Нил Александрович Попов // Историки России. Биографии / Составитель, ответ. редактор А.А. Чернобаев. М., 2001. С. 281-289.

² Никитин С.А. Славяноведение // Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1960. Т. 2. С. 494.

³ См.: ОР РГБ. Опись фонда № 236. Попов Нил Александрович.

⁴ Чуркина И.В. Неизданная книга С.А. Никитина // Путь ученого: К 90-летию со дня рождения С.А. Никитина. М., 1992. С. 34.

⁵ См.: Воробьева И.Г. Профессор-славист Нил Александрович Попов. Тверь, 1999. С. 136-137.

⁶ Никитин С.А. Русское общество и вопросы балканской политики Рос-

сии. 1853-1876 гг. Верстка. С. 88.

⁷ Павленко О.В. Панславизм // Славяноведение. 1998. № 6. С. 57.

⁸ Документы к истории славяноведения в России (1850-1912)/ Под ред. Б.Д. Грекова. М.; Л., 1948. С. 393.

⁹ Никитин С.А. Славянские комитеты в России в 1858-1876 годах. М., 1960. С. 216.

¹⁰ Там же. С. 166.

¹¹ ОР РГБ. Ф. 239. П. 8. Д. 8.

Марк Гольберг (Дрогобыч, Украина)

«СО СВИДАНИЦЕМ!»

У Бориса Пастернака есть такие строки:

... Не надо заводить архивы,

Над рукописями трястись.

Можно ли согласиться с этим советом великого поэта? Во всяком случае я, пусть и бессознательно, следовал ему. За долгие годы своей жизни встречался и переписывался со многими интересными людьми, но дневников не вел, большинство писем как-то не сумел сберечь, а те, что сохранились, не приведены в порядок. Не сберег я два или три кратких, но весьма содержательных письма Сергея Александровича Никитина. Они, в основном, касались моего участия в симпозиумах и конференциях, которые организовывали С.А.Никитин и его сотрудники. Симпозиумы проходили в Институте славяноведения, в том памятном многим особняке на Трубниковском.

Мои выступления, в основном, были посвящены украинско-сербским культурным связям. Правда, было и сообщение о славянофильском послании «К сербам».

В своих письмах, предлагая темы, я кратко излагал основные положения докладов. Получал благожелательные ответы Сергея Александровича, а вслед за тем и приглашения на симпозиумы. В одном из писем Никитин, как бы шутя, спросил меня: «Так кто же Вы: историк, или литературовед?». Этот вопрос впоследствии звучал и в наших беседах.

Не помню, когда я впервые встретился с С.А.Никитиным, скорее всего, это было в 1964 году. До того, начиная с 1961 года, я часто бывал в Институте славяноведения, установил дружеские связи с литературоведами-славистами. Теперь, благодаря С.А.Никитину, я познакомился и с историками, причем не только московскими. Ощение с ними обогатило меня.

Впоследствии я был свидетелем и в какой-то мере участником создания той комплексной программы изучения истории и культуры славян, которая разрабатывалась в Институте славяноведения под руководством академика Д.Ф.Маркова.

Встречался я с профессором Никитиным и во время тех симпозиумов, о которых шла речь, и во время других моих поездок в Москву.

У меня сложилось впечатление о С.А.Никитине как о доброжелательном, отзывчивом, а то же время требовательном и слегка ироничном человеке. Он был скромен, хотя и знал себе цену. Во время конференций, организатором и душой которых он был, Сергей Александрович никогда не выпячивал эту свою роль и старался держаться в тени.

Он умел не только четко и лаконично излагать свои мысли, но и был чутким слушателем, неизменно внимательным к своим собеседникам. С живой заинтересованностью слушал ученый и выступления своих коллег на конференциях и семинарах. В шестидесятые годы в работах молодых тогда славистов-историков и культурологов рождались новые подходы к историко-культурным проблемам. С.А.Никитин проявлял живой интерес к ним. Большую работу по организации конференций историков-славистов выполняла Н.П.Данилова. Всегда с теплотой и благодарностью думаю о ней. Впрочем, многое можно было бы рассказать и о других учениках С.А.Никитина. Долгие годы я переписывался с В.И.Фрейдзоном, редактором материалов никитинских конференций.

Во многом именно благодаря С.А.Никитину в конференциях историков на Трубниковском принимали участие ученые из различных славистических центров бывшего СССР. Мне запомнился такой эпизод. После окончания одной из конференций ее участники собрались отметить это событие не то в кафе, не то в ресторане на Новом Арбате. Как всегда бывает в таких случаях, произносились радостные тосты, связанные с надеждой на то, что прозвучавшие на конференции доклады положат начало новым разысканиям, что их авторы углубят выдвинутые положения. Так оно и было. Запомнились выступления И.В.Чуркиной, Е.П.Наумова, Д.Ф.Поплыко, Н.И.Хитровой. Царила непринужденная, дружеская атмосфера. Звучали стихотворные экспромты, которые сопровождали выступления участников. Так, предоставляя слово Н.И.Хитровой, которая тогда начала публикацию своих исследований по русско-черногорским связям, тамада объявил:

А теперь имеет слово
Черногорочка Хитрова.

Мы все, за исключением нашего мэтра С.А.Никитина, были молоды, полны надежд, в сущности начинали свой путь в науке. Когда слово было

предоставлено С.А.Никитину, он начал его словами: “Со свиданием!”. Потом пояснил, что это значит. В его словах было выражено пожелание, чтобы наши контакты продолжались, чтобы мы чаще встречались и обменивались научными идеями, рассказывали друг другу о результатах своих работ. Выражение, которое употребил Никитин, было колоритным, почерпнутым из глубин истории русского языка. Оно свидетельствовало о прекрасном знании народной речи.

Как-то во время одной из наших бесед я рассказал Сергею Александровичу, что начинал как русист и первые мои работы были посвящены русской поэзии XX в. Мой собеседник заметил, что и он начинал с работ в области русской истории и только потом пришел к славистике. С.А.Никитин говорил об определенных преимуществах такого пути. Важно только, чтобы он был органичным. Одной из проблем, к которой Сергей Александрович пришел, было изучение русско-славянских культурных связей. Этой теме посвящены и многие работы его учеников.

Когда речь идет об ученом такого масштаба как С.А.Никитин, большую роль играет не столько воссоздание бытовых подробностей, деталей внешнего облика, сколько характеристика внутреннего мира, разговор о тех идеях, которые этот исследователь реализовал в своем творчестве. И в беседах со мной Сергей Александрович высказывал мысли, которые в значительной мере характеризовали его.

Доклады, с которыми я выступал на конференциях славистов-историков, были в значительной мере основаны на архивных материалах и на изучении периодики. Это получило одобрение С.А.Никитина. Теперь я понимаю и недостатки своих работ, на основе которых были сделаны эти доклады, и причину одобрительного отношения к ним Сергея Александровича. Для него было важно то, что я обратился к первоисточникам, заглянул, говоря словами Юрия Тынянова, за кулисы фактов. В разговоре со мной С.А.Никитин касался вопроса о материальной базе исследования. Это были беглые замечания, порой сделанные на ходу, но для меня они много значили. Известно, что сам Никитин был и великолепным знатком российских архивов, и инициатором публикации архивных материалов.

Другой вопрос, которого касался Никитин в наших разговорах, - роль России в славянском мире. Сергей Александрович был одним из тех, кто с должной мерой объективности решал этот вопрос. В те годы это было непросто. Он проявил интерес к моей статье о полемике вокруг славянофильского послания “К сербам” и способствовал ее публикации. И здесь С.А.Никитина привлекла фактическая сторона работы. Проявляя снисходительность, он не стал прямо говорить о ее недостатках. Сейчас они мне ясны. Дело было в односторонней оценке славянофилов, в непонимании

того, что славянофильство было отнюдь не однородным: между А.С.Хомяковым и И.С.Аксаковым существовали серьезные различия. Я это понял гораздо позднее.

Из всех сюжетов, над которыми я работал, С.А.Никитин особый интерес проявлял к украинским. Его опять-таки интересовали накопленные мною факты. Вместе с тем он, по всей вероятности, находил в них подтверждение некоторых своих идей. В процессе исследования украинско-сербских литературных связей я пришел к выводу, какую роль в их развитии играли освободительные движения. И здесь я нашел взаимопонимание у С.А.Никитина, который уделял большое внимание вопросу о роли освободительных движений в развитии связей между славянскими народами. В этом отношении показательны его статьи “Караджич и Ранке”¹ и “Вук Караджич и Россия”².

С.А.Никитин был одним из тех, кто вырабатывал многоаспектный подход к истории. Социально-экономическое развитие южных славян, национально-освободительные движения, культура, связи славянских народов – все это входило в круг интересов Сергея Александровича, определяя его начинания как организатора и наставника молодых историков.

Как я уже упоминал, в одном из писем С.А.Никитин спросил меня, ктоя: историк или литературовед. Замечания Никитина заставляли меня снова и снова задумываться о взаимодействии истории и филологии, в частности литературоведения.

Будучи человеком большой культуры, Никитин знал и любил русскую литературу и искусство, его речь была образна, поэтична. Знал он и культуру других славянских народов. Потому он не мог не обращаться к вопросам истории культуры и в своих работах, и в своей деятельности организатора науки.

Связи истории и литературоведения в славистическом комплексе имеют давнюю традицию. Можно упомянуть немало ярких ее представителей в науке славянских стран. Достаточно назвать хотя бы А.Пыпина, И.Шишманова, М.Мурко. Но на какое-то время эта традиция была прервана. Состоявшийся в 1958 г. в Москве IV Международный съезд славистов, был по сути филологическим. Я не собираюсь преуменьшать значение этого форума. Большинство докладов, сделанных на нем, были серьезным вкладом в филологическую науку. Но общая концепция съезда была неоправданной. В восстановлении давней традиции понимания славистики как комплекса гуманитарных дисциплин большую роль сыграло Координационное совещание по актуальным проблемам славяноведения, состоявшееся в Москве 24-27 января 1961 г. На этом совещании была и историческая секция. На одном из межсекционных заседаний С.А.Никитин сделал док-

лад : “Задачи в организации работы по проблеме “Генезис капитализма, национально-освободительные движения, формирование национальной культуры в зарубежных славянских странах»³. Тогда, увлеченный чисто литературоведческими проблемами, я не мог надлежащим образом оценить этот доклад. Я осознал его значение много позже, когда столкнулся с проблемой отражения национально-освободительной борьбы южных славян в украинской литературе. Еще более ясными для меня стали положения С.А.Никитина после встреч и бесед с ним, после знакомства с его работами. Сейчас, перечитывая этот давний доклад, вижу, насколько он опередил свое время. Следы этого времени он, разумеется, на себе несет; это было неизбежно. Но как актуальны некоторые его положения сегодня! Речь шла о том, что политическая и социальная история и история культуры должны дополнять друг друга. Впоследствии, обращаясь к проблематике доклада 1961 г., но не упоминая о нем, учёный говорил о роли междисциплинарных исследований.

Задачи, поставленные С.А.Никитиным, требовали для своего решения объединения усилий историков, культурологов, литературоведов.

Была еще одна тема, которой С.А.Никитин касался в наших беседах. Речь идет о балканских событиях 70-х гг. XIX в., во время которых в освободительной борьбе южных славян приняли участие русские и украинские добровольцы. В 1957 г. С.А.Никитин опубликовал большую статью “Русское общество и освободительная борьба южных славян в 1875-1876 гг.”⁴. С этой работой связан и в определенном смысле навеян ею мой, впоследствии опубликованный, доклад “Балканские события 70-х гг. XIX в. и некоторые вопросы развития украинско-сербских общественно-политических и культурных связей”⁵. Я ссылаясь на работу С.А.Никитина, подчеркивая важность и ее теоретических положений. Исследование С.А.Никитина, построенное на солидной источниковедческой основе, и сегодня сохраняет свою актуальность. В наше время, когда мы являемся свидетелями того, каким новым искажениям подвергается идея славянской взаимности.ю славянской общности, работа С.А.Никитина приобретает особое значение.

В своей работе С.А.Никитин упоминал и о роли украинских добровольцев на Балканах. Справедливости ради, следует заметить, что здесь не все его оценки украинских политических деятелей точны; на них более всего наложило свой отпечаток время, когда писалась работа. Но постановка вопроса была точной и перспективной. В сущности С.А.Никитин намечал программу исследований, которая впоследствии была реализована украинскими исследователями⁶.

В своей работе С.А.Никитин писал: “...следовало бы проанализиро-

вать не только участие русских добровольцев в ходе войны, но и действия сербской армии, разобраться во взаимодействии добровольческих отрядов и сербских войск”⁷. Как я впоследствии понял, это замечание можно было отнести и к украинским добровольцам, хотя их численность была меньшей.

Из замечаний С.А.Никитина, который вначале познакомился с темой моего доклада, а затем прослушал его, вытекала мысль о важности рассмотрения балканских событий в широком общеславянском контексте. Сергей Александрович проявил интерес к приводимым мною документам из архивохранилищ Киева и Львова, которые содержали материалы, связанные с балканскими событиями и участием в них украинских добровольцев. Особенно заинтересовала его личность Феофана Василевского, которому была посвящена значительная часть моего доклада. Человек яркой и драматичной судьбы, Ф.Василевский оставил глубокий след в истории межславянских отношений, в истории национально-освободительной борьбы славян.

Остановлюсь еще на одном моменте. С.А.Никитин был принципиальным сторонником идеи научного сотрудничества ученых славянских стран. Эта идея предполагает и наличие единого информационного пространства, которое ныне разрушено. Речь идет именно о научном сотрудничестве, когда каждый вносит свой посильный вклад в решение тех или иных проблем. Я вспоминаю конференции на Трубниковском, когда звучали голоса ученых многих славянских стран. Разумеется эта общность должна развиваться на новой основе. В ней каждый из участников будет обладать своим голосом, правом свободно высказывать свои суждения. Непременным условием здесь является методологический плюрализм, освобождение от тех догм и стереотипов, которые в прошлом так мешали нашей науке.

Сейчас, когда есть возможность оценить сделанное С.А.Никитиным во всей полноте и целостности, можно сказать о том, что позволило его работам сохранить свое значение, свою ценность. Я думаю, что это прежде всего их насыщенность фактическим материалом, опора на выверенные и представленные с максимальной полнотой факты. Не случайно в своей научной деятельности Никитин так много внимания уделял проблемам источниковедения. Разумеется, признавая роль материальной базы исторического исследования, следует помнить и положение, к которому пришла современная наука: источник только тогда начинает говорить, когда исследователь умеет задать ему вопросы. Происходит своеобразный диалог: мы задаем источнику вопросы на своем языке, источник отвечает на своем⁸. Здесь встает вопрос об историческом факте, который отнюдь не

является голой эмпирией.

Прошло почти четверть века со дня смерти С.А.Никитина. В сущности мы оказались в иной эпохе, чем та, в которую он жил. Снова и снова, обращаясь к сюжетам, связывающим историю и литературу славянских стран, я мысленно пересматриваю основные работы ученого; передо мной встает его облик. Я слышу его речь. Задумываюсь над теми уроками, которые я от него воспринял. Главный из них связан с тем, что Сергей Александрович заставил меня серьезно задуматься над многими вопросами, в первую очередь над проблемой взаимодействия наук в славистическом комплексе.

Вспоминая те далекие годы, когда я общался с историками из Института славяноведения, я снова думаю о вопросе, который задал мне С.А.Никитин в начале нашего знакомства. Ведь этот вопрос помог мне впоследствии придти к простой мысли: задача заключается в том, чтобы, как говорил Э.Кассирер, во множестве форм Духа найти его единую сущность.

Но, наверное, еще важнее был иной урок. Гуманитарные науки, науки о человеке, о Духе по самой сущности своей предполагают высокую духовность того, кто посвящает себя им. В моей памяти С.А.Никитин остался как воплощение подлинной интеллигентности, духовности, честного служения науке.

Конечно, те кто знал С.А.Никитина ближе, кто работал с ним и под его руководством, могут рассказать и расскажут о нем гораздо больше, подробнее. Но если мне удалось добавить хотя бы два-три штриха к его портрету и выразить уважение к его памяти, я буду считать себя счастливым.

На своем пути я встречал немало добрых, благожелательных людей, настоящих ученых и заботливых наставников, которые помогали мне в моей скромной работе. Сергей Александрович Никитин был одним из них.

Литература:

1. Никитин С.А. Караджич и Ранке // Проблемы историографии. Воронеж, 1960.
2. Никитин С.А. Вук Караджич и Россия // Новая и новейшая история. 1964. №3.
3. Никитин С.А. Задачи и организация работы по проблеме "Генезис капитализма, национально-освободительные движения, формирование национальной культуры в зарубежных славянских странах" // Краткие сообщения Института славяноведения АН СССР, вып.33-34. Актуальные проблемы славяноведения. М. 1961.
4. Никитин С.А. Русское общество и национально-освободительная

борьба южных славян в 1875-1876 гг. // Общественно-политические и культурные связи народов СССР и Югославии. М. 1957.

5. Гольберг М.Я. Балканские события 70-х гг. XIX в. и некоторые вопросы развития украинско-сербских общественно-политических и культурных связей // Развитие капитализма и национальные движения в славянских странах. М., 1976.

6. См. напр. работы Ю.Фомина, обобщенные в его кандидатской диссертации: Фомин Ю.Ю. Общественность Украины и национально-освободительные движения южных славян в 1878-1879 гг. Автореферат дис. канд. исторических наук. Киев, 1976.

7. Никитин С.А. Русское общество и национально-освободительная борьба... с.69. •

8. Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. М., 1981. С. 7-8.

В.Я.Гросул

ЗАРОЖДЕНИЕ РУССКОГО ОБЩЕСТВА

Слово “общество” в русском языке используется в нескольких смыслах. Нас же интересует то его понимание, которое вкладывает в это слово представление об обществе как об особом социальном организме, находящемся между властью и народом. Именно так понимали общество в конце XIX- начале XX вв. Между обществом и общественностью ставили тогда знак равенства, хотя полного тождества между ними не было. Общество тогда особенно противопоставлялось власти и считалось невозможным хоть какое-либо вписывание общественности в правительственные структуры.

Однако в чистом виде не бывает ни общества, ни власти. Поэт А.С.-Пушкин будучи чиновником Министерства иностранных дел, а затем камер-юнкером как бы был причастен ко власти, но он, все-таки, был прежде всего представителем общества и таких примеров можно привести еще довольно много. И при всем этом, общество, конечно, отличалось от власти и противостояние между ними заметно усиливалось, пока не привело к острым коллизиям на стыке XIX и XX столетий. Конфликт между обществом и властью, несомненно, приблизил три революции. И февральская революция 1917 г. во многом считалась революцией общества. Этот процесс в свое время очень хорошо осознавался и, например, В.О.Ключевский в своем дневнике от 4 января 1902 г. сделал следующую запись: “В настоящую минуту правительство и общество в России находится между собой в отношении двух враждебных сторон, воюющих за власть. Общество всякими способами, в разнообразных формах старается дать почувствовать правительству, что хочет, требует властного участия в управлении; правительство с прикрытой откровенностью дает почувствовать обществу свою решимость отстаивать полновластие самодержца”¹.

Один из крупнейших историков страны В.О.Ключевский по-существу поставил важную исследовательскую задачу изучения истории русского общества, задачу не решенную по сей день. И это несмотря на великое множество частных работ по тем или иным эпизодам истории общества, по общественной мысли и общественному движению.

К числу важнейших, можно сказать, кардинальных вопросов истории общества в России следует отнести его генезис, самое начало его функционирования, без чего, собственно, вся история общества будет непонятной, неполной, деформированной. К вопросам зарождения общества обращался ряд исследователей, дававших свое, нередко, весьма отличное от коллег толкование. Это можно проследить по работам таких видных исследователей как Н.Д.Чечулин, А.А.Кизеветтер, В.А.Мякотин, П.Н.Милюков и ряда других историков, филологов, правоведов². Чечулин усматривает зарождение общества во второй половине XVIII в., Кизеветтер видит его раньше, а И.С.Аксаков, создатель специальной концепции общества, развернутой им в начале 60-х гг. XIX в., связывает зарождение этого общества с деятельностью Петра I. При всех отличиях, которые можно усмотреть в работах отечественных обществоведов специально или попутно занимавшихся генезисом русского общества, большинство из них видят его зарождение именно в XVIII столетии.

Но XVIII век слишком насыщен разного рода событиями, чтобы не попытаться с большей степенью достоверности определить появление такого феномена как общество. И.С.Аксаков вполне определен и недвусмыслен в этом отношении. Он четко писал: "В представлении нашем о допетровской Руси нет и места обществу, да и вообще нет места, всем этим вопросам"³. Не только Аксаков, но и большинство других исследователей при зарождении общества обращали внимание на политические и культурные факторы, а также рассматривали их с позиций общественной психологии, порой даже в социальном плане. Но связь появления общества с заметными экономическими сдвигами обычно уходила у них на задний план. Даже В.О.Ключевский при всем его большом интересе к экономической истории не видит в освободившихся от обязательной государственной службы дворянах ни класса сельских хозяев, ни руководителей русского народного хозяйства. По его словам "помещики из землевладельцев постепенно превратились в душевладельцев и полицейских управителей своих крестьян"⁴. И некоторые современные исследователи после отмены обязательной государственной службы интересы дворянина, особенно в среде чиновной верхушки, более связывают со служебной карьерой нежели с поместным бытом⁵. Однако специальное изучение настроений дворянства приводит к выводу о том, что подавляющее большинство дворянства желало уйти от обязательной государственной службы и превратить условное землевладение в безусловное. Безземельное же чиновничество всячески стремилось к земельным приобретениям и, например, практика XVII в. показывает как приказной люд стремился к обогащению и прежде всего к концентрации в своих руках земельной собственности, пре-

имущественно крупной».

Укрепление помещичьего хозяйства, рост его продуктивности, связь с внутренним и внешним рынком за счет использования крестьянского труда стали экономической основой создания русского общества. Причем не только в провинции, но и в городе. В провинции как бы микрокосмосом общества становится помещичья усадьба, в городе - дворянский двор. И те и другие жили преимущественно за счет доходов от сельского хозяйства. Отсутствие экономической основы не позволило бы создать общества XVIII в., на зарождение которого повлиял и ряд других факторов.

Кроме экономической основы, существовали и основы социального характера. Речь прежде всего идет о консолидации дворянства, все более чувствовавшего свою силу. Традиционная аристократия княжеского или боярского происхождения постепенно сливается со служилым, а затем и землевладельческим дворянством. Это объединенное дворянство получает свою особую организацию, став четко выраженным сословием со своими сословными интересами. Дворянские собрания при всей их зависимости от администрации, все-таки были определенной формой общественной самостоятельности и, вообще, общественной жизни.

На складывание общества повлияли и другие обстоятельства. Среди них настойчивая вестернизация, особенно характерная для XVIII в., была, отнюдь, не на последнем месте. Она повлияла на усиление светского характера общества - расширение светского образования, светской науки, светской литературы, в частности, на создание русской периодики - газет и журналов, ставших в значительной степени проводниками общественного мнения.

Существенно изменился образ жизни прежде всего верхних слоев, которые меняют одежду, свой облик, а затем и язык. Если еще в 30-х гг. XVIII в. из иностранных языков как языков обучения и общения на первом месте стоял немецкий язык, то во второй половине века господствующее положение занимает французский язык, который становится непременной составляющей дворянского общества. Верхние слои дворянства, особенно столичного уже к концу XVIII в. русскому языку нередко предпочитали французский и появились примеры, когда на этом языке лучше говорили, чем на том языке, который считался их родным.

Переход на другой язык общения во многом завершил становление другой культуры, культуры резко отличавшейся от культуры крестьянства, мещанства и купечества. Дворянское общество четко различалось уже от других сословных организаций и по своим внешним данным, и по внутренней наполненности - по своему мироощущению и мировоззрению. Различия в социальной структуре общества в XVIII в. не только не сглажи-

ваются, а, наоборот, усиливаются, что было чревато будущими социальными конфликтами.

Однако общество как таковое, зародившись как своеобразная, в подавляющем своем большинстве, дворянская Среда, не было только дворянским. Ситуация была все-таки сложнее и многообразнее. Даже в XVIII в. не было оно ограждено от других социальных элементов. Нельзя полностью отрицать причастности к обществу духовенства, купечества и даже крестьянства, в том числе и крепостного, разумея под ним определенный отряд крепостной интеллигенции.

Но все-таки при своем зарождении как в столицах, так и в провинции русское общество этого нового типа было в подавляющем своем большинстве дворянским, носило четкий корпоративный характер и поначалу не только не было оппозиционным власти, а именно властью и создавалось. Роль самого Петра I в его зарождении и последующем становлении была огромной и многогранной. Он способствует тому, что русское общество стало более открытым, более связанным с Западом. Его реформы также способствовали вовлечению в общественную жизнь женщин, прежде всего женщин из высшего света, и эта причастность женщины к общественной деятельности стала одной из характерных черт формировавшегося общества.

Интересно, что проводя свои многочисленные реформы Петр I в официальных документах подчеркивал, что руководствуется при этом “общим благом”. Как отмечается в современной литературе, этот термин вошел в обиход еще в XVII в. и, например, фигурировал в сочинениях Ю.Крижанича, а также в указе царя Федора Алексеевича об отмене местничества в 1682 г. При Петре I понятие “общего блага” используется уже в 90-е гг. XVII в. и присутствует в царском манифесте о приглашении иностранцев в Россию от 1702 г⁷. В современной литературе также отмечается протестантское происхождение этой концепции, весьма популярной в тогдешнее время⁸. Вообще, впервые в русской общественной мысли происходит осознание общественного долга, стоящего перед каждым членом общества⁹.

Слово общество в XVIII в. было в России весьма распространенным и прослеживается и по официальным документам, и по частной переписке, и в художественной и публицистической литературе, в том числе и в периодике. Именно в XVIII в. появляются понятия дворянского и городского общества, тогда же создаются и первые общественные организации носившие в своем названии обозначение общества, например, “Вольное экономическое общество”, “Общество любителей русской словесности”, “Общество, старающееся о печатании книг” и др.

В письменном наследии русских царей, пожалуй, больше всего использовала понятие общества Екатерина II, причем как в официальных документах, так и полуофициальных и частных. В “Манифесте императрицы Екатерины II о свободном поселении иностранцев в России” от 4 декабря 1762 г., то есть вскоре после ее вступления на престол, пишется, что иностранцы могут “...поселясь в России, пожить спокойно и в благоденствии, на пользу свою и всего общества”¹⁰. Несомненно, здесь слово общество используется в широком его понимании, как население в целом.

В таком же понимании использует она слово общество и в своем “Наказе”. Например, высказывая свое мнение по поводу смертной казни, она подчеркивает: “...в обыкновенном состоянии общества смерть гражданина не полезна... Я здесь говорю: в обыкновенном общества состоянии...”¹¹ Используется слово общество и в отдельных наказах присланных с мест. Так, в наказе депутату от дворянства г.Кадья отмечается, “что же принадлежит до рассуждения в обществе, о том вам, выбранному от нас депутату, поступать по присяжной должности и по точной силе законов Ее Императорского Величества”¹².

Под обществом в последнем случае разумеется собственно сама “Комиссия об уложении” 1767 г., для которой был составлен и “Наказ” Екатерины II и указы с мест. Термином общество широко пользуется и один из депутатов этой Комиссии - М.М.Щербатов, в частности, в написанной им книге “О повреждении нравов в России”. Неоднократно упоминает об обществе знаменитый баснописец И.А.Крылов. В “Письмах из журнала “Почта духов”, которые относятся к 90-м гг. XVIII в. он пишет о том, кто может называться в обществе честным человеком. В этих же “Письмах” Крылова имеется и такая фраза “... искусство притворяться учеными - вот одно достоинство, приличное благородному человеку и которое делает его милым в глазах общества!”. В таком же плане, в понимании, конечно, светского общества Крылов пишет и несколько далее¹³.

К XVIII в. относится в русской литературе и упоминание гражданско-го общества. О нем пишет никто иная как Екатерина II. В 250 пункте X главы ее “Наказа” можно прочитать следующие слова: “Гражданское общество, как и всякая вещь, требует известного порядка. Надлежит тут быть одним, которые правят и повелевают, и другим, которые повинуются”¹⁴. В другом понимании, а именно общество в понимании Среды отличной от верхов и низов прослеживается в письмах литераторов XVIII в. 1 мая 1757 г. А.П.Сумароков сообщал И.И.Шувалову: “Я время провожу вместо сочинения драм, милостивый государь, в одних только бесполезных двору и обществу беспокойств/ах/...”¹⁵ Несколько позднее, 30 марта 1761 г. Сумароков пишет тому же Шувалову “не давайте меня за услуги общества и за

пользу, учиненную мною по российскому языку, графу Сиверсу мучить”¹⁶. Под обществом здесь, естественно, разумеется высшее общество, знакомое с драматургией Сумарокова. В таком же смысле общество упоминается и в письмах некоторых других русских литераторов¹⁷.

Источники XVIII в. дают множество других упоминаний об обществе в самых различных смыслах, но изучение их в комплексе позволяет сделать вывод и о постепенном осознании общества как самого себя, пока еще, конечно, как высшего общества. Сам же процесс складывания общества как такового шел как бы на двух уровнях. Прежде всего формировалось столичное общество, а затем, с некоторым, хотя и не очень большим опозданием формируется общество провинциальное. Существует представление об особом петербургском обществе, как об обществе первого европеизированного города России. Во многом это так, но Петр начинал с того, пытался прежде всего европеизировать Москву, в которой имелись определенные для того предпосылки.

Москва уже столетиями жила по своим законам, диктуя их всей стране. Она при всех особенностях русской истории, все-таки не была замкнутым городом, совершенно не связанным с другими странами. Постоянно существовала связь с Востоком и Югом, то есть, например, с татарами, наложившими свой отпечаток на жизнь города. Но не было непроницаемой стены и для контактов с Западом и Севером, откуда прибыли в XVI в. первые английские мореходы.

Шли в Москве и свои внутренние процессы приводившие к общественным связям нового типа. Считается, что первый кабак в Москве был построен в 1552 г. при Иване Грозном. В 1626 г. в Москве существовало 25 кабаков, а в 1775 г. на 200 тыс. жителей города был уже 151 кабак. Почти через 100 лет, в 1866 г. в Москве насчитывалось уже 1248 кабаков.¹⁸ Это был особый мир, со своими традициями, дурной и не всегда дурной славой. Многие кабаки имели свои названия. Одно время над ними были гербы и по праздникам вывешивались знамена, флаги или вымпелы. По свидетельству большого знатока старой Москвы И.К.Кондратьева “кабак это был клуб простого народа, где велись беседы по целым дням и ночам”¹⁹. Существовали кабаки царские, монастырские, боярские²⁰ и в них, нередко, встречались люди разных сословий. При всех колоссальных негативах этих заведений там шла своя общественная жизнь повседневная и неумолимая. Там сообщались последние новости, совершались сделки, устраивались места свиданий. Общественный характер приобретают постепенно бани, кулачные бои и разного рода праздники. Они приводили к скоплению большого или меньшего числа народа, нередко, связанного отнюдь не церковными узами.

Своей особой жизнью жили в Москве иноземные слободы, первая из которых возникла в Замоскворечье еще в первых десятилетиях XVI в. Всего было известно семь иноземных слобод²¹, среди которых заметную роль играла Немецкая слобода, оказавшая особое воздействие на Петра I. Немецкая слобода культивировала иной образ жизни нежели та, которая была характерна для остальной Москвы. Она сыграла свою роль в распространении в России ряда ремесел и других занятий. Пастор И.Г.Грегори основал в Немецкой слободе училище при кирке, где обучались дети как лютеранского, так и православного вероисповедания. Именно Грегори основывает в Москве первый театр, где еще в сентябре 1672 г. устраивается первое представление.²²

Примечательно, что на представлениях театра Грегори присутствовал не только царь Алексей Михайлович, но и царица с царевичами и царевнами. С этого во многом начинается история русского театра, которому будет суждено сыграть заметную роль в жизни русского общества. Немецкая слобода сыграла заметную роль и в развитии русской медицины. За Лефортовским мостом через Язу, на Лефортовской площади устраивается Военный госпиталь, при котором затем создается Хирургическая школа.²³ Содержание госпиталей станет вскоре одним из важнейших направлений общественной деятельности.

Именно в Москве, а, отнюдь, не в Петербурге был устроен первый в России бал. Произошло это 19 февраля 1699 г. в Лефортовском дворце, где была прощальная аудиенция бранденбургского посла, которая завершилась пиром с участием женщин. Среди прочего, были устроены танцы. Если учесть, что до этого на общественные собрания женщины не допускались и даже на свадьбах женщины и мужчины сидели в разных комнатах, это было знаменательным событием в русской повседневной жизни. Петр I ввел новые праздники, стал устраивать маскарады, народные гуляния, широко праздновал победы русского оружия в Северной войне. Победы под Полтавой, Лесной, Калишем стоят в числе первых светских праздников, отмечавшихся соответственно 27 июня, 28 сентября, 18 октября.²⁴

В Москве, после возвращения из-за границы Петр I стал вводить европейские мундиры и кафтаны, отменять старинную одежду, традиционные усы и бороду. Соответствующий царский указ 1700 г. прежде всего был распространен на Москву.²⁵ При всем том, что Петр I поддерживал православие в России, он являлся сторонником веротерпимости и при нем представители других религий, прежде всего протестантизма, почувствовали себя свободнее. Католический пастор Глюк в той же Москве в 1703 г. основывает школу для обучения русских юношей, получив значительное денежное вспомоществование выделенное по личному повелению русско-

го царя. Своими действиями, особенно после подавления стрелецкого восстания, Петр I стремился показать неприязнь к прошлому и поддерживал начала новой жизни в государстве, экономике, армии, духовной культуре и повседневном быту.

Однако, хотя европеизация Москвы прослеживается раньше и именно там положено начало созданию нового общества, этот процесс шел значительно быстрее в другой столице, в Петербурге. Именно там этот процесс был более быстрым и глубоким. Петербург в большей степени чем Москва и другая Россия ощутил на себе петровскую политику открытости. Новый город вскоре ставший столицей, собетвенно, и выполнял свою важнейшую функцию вестернизации страны в целом, испытывая при этом и ряд серьезных трудностей. Русский народ, как писал С.М.Соловьев, "должен был иметь дело с учителями из чужих живых и сильных народностей, почему юный народ, долженствовавший заимствовать у них плоды цивилизации, осужден был гнаться за ними без отдыха, с страшным напряжением сил"²⁶.

Петербург сыграл особую роль в введении новых праздников, переходе на новый календарь, в организации общественных развлечений. Он был признан и в значительной степени сыграл эту роль в повседневном просвещении прежде всего верхних слоев, а затем и в определенной степени всего народа. Светская культурная жизнь Петербурга сыграла весьма значительную роль в становлении общества как такового, повлияв на страну в целом.

Петровские ассамблеи, введенные после его очередного возвращения из за границы по указу 1718 г. стали проводиться три раза в неделю с четко определенным временем начала и отъезда гостей. Время приезда было установлено от 4 до 5 часов, время отъезда до 10 часов вечера. Был четко определен и порядок собраний в частных домах и лица, которые в них участвовать не могут. То есть с самого начала были предусмотрены и соответствующие запреты для отдельных категорий населения. По указу определялось: "В ассамблеи могут приходить: чиновные особы, все дворяне, известнейшие купцы, корабельные мастера и канцелярские служители с женами и детьми"²⁷. Интересно, что допускались не только жены, но и дети соответствующих прослоек населения, допущенных для участия в ассамблее.

После перевода в 1712 г. столицы в Петербург число светских праздников заметно увеличивается и складывается их новая система - светский праздничный календарь. Как отмечают специалисты, вся эта новая система светских праздников была особенностью прежде всего петербургской общественной жизни²⁸. Это приводило к увеличению времени, которое

затрачивалось на светскую культурную жизнь Петербурга, причем учитывались и церковные праздники, и то время, которое было занято непосредственно работой.

Новым явлением в жизни русского общества стало посещение музеев, например, первого из них - Кунсткамеры, затем общественной библиотеки, зимнего сада. В крупное мероприятие было превращено катание невской флотилии - буерного флота, в котором активное участие принимала петербургская знать²⁹.

Все эти сборища стали элементами складывания нового общества, начинавшего жить по новым законам, по новому календарю и по новым обычаям. Зарождались новые формы общения. И хотя, порой, они приобретали дикий характер, в целом имели место и многие позитивные изменения. Как подчеркивал В.О.Ключевский, все эти изменения во внешности, в одежде, обучении, новой службе "входили составными частями в один общий и широкий план - образить, облицевать русских людей внутри и снаружи по подобию просвещенных народов, дать их наружности, управлению, мышлению и самому общежитию склад, не отчуждающий, а сближающий с европейским миром, с которым историческая судьба связала русский народ"³⁰.

Все более усиливавшийся светский характер нового общества нашел свое отражение и в создании нового печатного шрифта, так называемого русского гражданского шрифта, введенного в 1708 г. для печатания книг не духовного содержания. Не случайно первой книгой набранной этим шрифтом стало пособие по геометрии и землемерию, лично выверенное Петром I. Все более увеличивающееся количество издаваемых книг, как оригинальных, так и переводных, набиралось новым шрифтом и получило широкое распространение прежде всего в высших слоях общества. За новым шрифтом вскоре последует и создание гражданской литературы, основателем которой считают А.Д.Кантемира. Много позднее, Н.В.Гоголь писал: "Уже в то время, когда Ломоносов настраивал свою лиру на высокий лирический лад, князь Кантемир находил пищу для сатиры и хлестал ею глупости едва начинавшегося общества"³¹.

Новое, прежде всего петербургское общество, требовало и новых правил общения, которые были изложены в переводной книге в 1717 г. под названием "Юности честное зерцало, или показание к житейскому обхождению". В книге проповедовались разного рода добродетели и добрые поступки, ставшие важнейшими правилами как вести себя в обществе и при дворе. В соответствии с этими правилами молодой дворянин должен был быть обучен языкам, танцам, верховой езде, фехтованию, красноречию, знанию книг и т.д. Благородные молодые дворянки должны были

иметь 20 добродетелей.

Хотя дворянство в этом пособии противопоставляется деревенским мужикам, по мнению В.О.Ключевского, Петр I был выше сословных пред-
рассудков и работал на пользу всего народа, но потом высшее русское общество повернуло все в пользу одного господствующего сословия и обособило его от других классов, особенно от крестьян и холопов. По словам Ключевского, “ничтожная немецкая книжонка недаром стала воспитательницей общественного чувства русского дворянина”³². При Петре I она выпускалась три раза и затем ее переиздавали многократно.

Уже на петровских ассамблеях не только устраивались танцы, в которых участвовали и женщины, но существовали комнаты для игры в шашки и шахматы, имелась комната для курения, еще не очень привычного на Руси. Карты также еще не были распространены. Порой танцы, игры и курение происходили в одном помещении, что порождало различные неудобства, создавая повышенный шум, копоть, даже смрад. На ассамблеях предлагались различного рода напитки, в том числе и крепкие, и прочие угощения.

На ассамблеях не только играли и пили. Они были не просто танцевальными вечерами. Здесь толковали о текущих делах, они выполняли роль биржи, клуба, приятельского журфикса³³. Посещение ассамблей для дам и кавалеров из высших слоев было обязательным и буквально на глазах менялись не только одежды, но повадки и манеры. Праздники устраивались и летом, и зимой и вскоре стали неперменной характерной чертой высшего общества. Новые праздники, балы, гулянья были лишь одним из элементов складывавшегося нового общества, общества столичного. По сравнению с провинцией здесь наблюдалась и лучшая внешняя обстановка, распространяется любовь к чтению, особое внимание стало обращаться на воспитание детей, естественно, в европейском духе. Вообще, как писал Н.Чечулин, наблюдается “большая общественность, большее разнообразие жизни: тут встречаем рядом, в пестром смешении, и крайнее уже увлечение новым, и упорную еще защиту старого; новое общество формируется тут в борьбе противоположных крайностей...”³⁴

Уже в последние годы правления Петра I, как свидетельствуют иностранные наблюдатели, петербургский двор не уступал по внешности любому германскому. Еще в начале века иностранцы могли застать Петра в каком-нибудь московском кабаке, где он устраивал бурные оргии. В 20-х гг. господствовал придворный званый обед. с довольно строгим этикетом. появились официозные журфиксы у наиболее видных членов петербургского света. Те же иностранцы, побывавшие в Париже и Берлине и затем приехавшие в Петербург, отмечали, что уже в 20-х гг. петербургские

дамы не уступали ни немецким, ни французским ни в светских манерах, ни в умении одеваться, краситься и причесываться³⁵. Хотя во времена Петра I музыкальные занятия еще не были модными и из русских светских дам только княгини Кантемир, Черкасская, а также графиня Головкина умели играть на фортепиано, все более распространяются концерты в Петербурге, а также в Москве³⁶. Как писал П.Милоков, “светское житие” начинает складываться в такую же бессознательную традицию, какую было “духовное житие” до петровских реформ³⁷.

Петербург, поглотив часть московского населения, порой, насильно переведенного Петром I, на пути создания нового общества вскоре заметно опередил Москву. Москва становится как бы оппозиционной, недовольной и традиционалистской, далеко не всегда восприимчивой петербургские новшества. Д.И.Фонвизин уже во второй половине века ощутил воздействие петербургского общества с его критическим отношением к старым порядкам и старой вере, но приехав в Москву, быстро утерять вольтеррианские настроения, столкнувшись здесь с явно другим настроением. Не случайно уже в “Бригадире” он сатирически изобразил дворянские нравы, с их пристрастием ко всему французскому. Французская мода и французский язык все более пронизывают высший свет. В XVIII в. процесс размежевания двух культур все более усиливается и можно говорить о существовании в России культуры низов и культуры верхов. С культурой верхов и было тесно связано формирующееся русское общество.

Столицы не были единственной средой, где шел довольно стремительный для XVIII в. процесс становления этого общества. Он также затронул и провинцию, в которой создается новая ячейка этого общества, а именно дворянская и купеческая усадьба. Считалось, что эта усадьба была порождением XVIII столетия. Однако последние исследования дают нам достаточно убедительный материал о ее складывании еще в XVII в. Они показали отличие между понятиями “усадьба” и “феодальный двор” и на конкретном материале продемонстрировали процесс складывания усадебных комплексов как постоянного места жительства, выносившегося за пределы села или деревни, обращаясь к данным уже второй половины XVII в.³⁸ Изучены изменения не только в хозяйственной деятельности, в типе самих построек и в культурной жизни еще на рубеже XVII - XVIII вв., что напрямую связано с процессом “обмирщения” и становления “новой” культуры, в связи с заметным интересом проявившимся в области духовной культуры, с определенной тягой к светской науке, литературе, искусству. Подмечено стремление богатых землевладельцев уже в последней трети XVII в. следовать за царским примером и летняя резиденция Алексея Михайловича в Измайлове привлекает их взоры и прямо влияет на их собственные

загородные поместья. Владельцы поместий, а также крупных боярских вотчин стремятся к возведению каменных хором и каменных храмов³⁹.

Более того, как отмечают исследователи, обращение к началу XVIII в. в Европе привносит на русскую почву сложившееся там именно оптимистическое мировоззрение на достижимость счастья в земной жизни. Поэтому усадьбы петровского времени как бы открыты миру и вместе с тем рациональны и скуповаты в декоре. Усадьба дочери Петра - Елизаветы - открыта, активно взаимодействует с внешним пространством и в ее оформлении отражается динамизм, стремление к роскоши. Еще несколько позднее усадьба претерпевает новые изменения и рождается новый феномен - возникновение русской усадебной культуры⁴⁰.

Уже с конца XVII в. владельцы сельских усадеб начинают постепенно ориентироваться на новую для них - светскую культуру, культуру своего сословия, тесно связанного с абсолютизмом⁴¹. Вместе с тем, эти новые явления проявляются пока еще в единичных имениях и не были характерны для боярства и дворянства в целом. Обязательная гражданская и военная служба не позволяли подавляющему большинству представителей дворянского сословия, еще находившегося в стадии становления, превратить свои дома в настоящие усадьбы и путем объединения усилий с другими усадьбами создать новое сельское общество. В литературе даже было принято говорить о закрепощении в России не только низов, но и верхов. Ни кто иной как А.А.Кизеветтер писал, что при Петре I государственное закрепощение высшего общественного класса не ослабилось, а усугубилось⁴².

Долгое время было принято писать о ликвидации этого "закрепощения" лишь после Указа о вольности дворянства в 1762 г. Петра III, которого затем не только сбросили с престола, но и ликвидировали. В действительности, процесс ухода дворянства в свои поместья был постепенным и довольно длительным и прошел несколько этапов. Уже в 1726 г. было разрешено отпустить по домам две трети офицеров и рядовых из шляхетства для приведения в порядок своих деревень. Более того, столица при Петре II переносится снова в Москву и туда возвращается часть переселенных прежде москвичей⁴³, явно приблизившихся к своим усадьбам. Следующий важный этап на этом пути - известный указ Анны Иоанновны от 31 декабря 1736 г., по словам С.М.Соловьева, "составивший эпоху в истории русского дворянства в первой половине XVIII века"⁴⁴, что подтверждают и последние специальные исследования⁴⁵.

По мнению А.А.Кизеветтера, "...со второй половины XVIII века начинается в нашей истории процесс раскрепощения общества, процесс образования под покровом обширного государственного союза - самодетель-

ных общественных союзов, развивающихся по своим внутренним мотивам, преследующих самостоятельные задачи”⁴⁶. Указ 31 декабря 1736 г., вводивший обязательную службу с 20 лет и на срок до 25 лет, освободивший от службы по болезни и ранениям, конечно способствовал возвращению в имения определенной части дворянства, но решающим, конечно, был указ 1762 г. В сочетании с положением о губерниях, а затем с жалованной грамотой дворянству от 1785 г. Еще Чечулин, собравший значительный материал об этих процессах, посчитал необходимым обратить внимание и на роль Семилетней войны, когда годами “чуть ли не все молодые русские дворяне, которыми была наполнена армия во всех чинах, побывали за границей, увидели там совершенно новую жизнь, более развитое общество, имели под рукой обширную литературу, сделавшуюся им теперь доступною, и пользовались ею, узнали новые, лучшие способы хозяйства...”⁴⁷

Эти заграничные инъекции, известные и раньше, например, во время Северной войны, когда части русской армии побывали в Прибалтике и Польше, но сейчас они были более основательными и результативными. Тот же Чечулин дал подробное описание русской провинциальной жизни и в первой, и во второй половине XVIII в., собрав довольно значительный материал. Он показал, что в малых городах население состояло из мелких купцов, мещан и небольшого числа низших приказных⁴⁸. Тогдашние же сельские усадьбы по своей величине и устройству мало отличались от крестьянских изб и, как правило, состояли из двух комнат, разделенных сенями, из которых одна служила зимним, а другая летним жильем или для поселения гостей. Сени, впрочем, были огромными и служили кладовыми и прочими помещениями. Простоте жилищ соответствовал и образ жизни дворян. Простой хотя и обильной была еда, бесхитростными забавы и игры. Помещики вели почти уединенную жизнь, между собой виделись редко и довольно часто враждовали между собой, поскольку не были четко разграниченными их владения, хотя в целом гостеприимство было законом. В тех случаях, когда приезжали гости, характер бесед был посвящен хозяйству, охоте, сравнительно отдельным поездкам, перемежаясь с пресными шутками. Язык был далеким от литературного и нередко были словечки, которые в пристойной компании применять бы не полагалось⁴⁹.

Значительные изменения наблюдаются в 60-70-х гг. Происходит становление нового эстетического направления русского классицизма, все более распространяется просветительская философия о главенстве разума, гармоничности человеческой личности, явно заметна ориентация на культуру античного мира. Это сочетается с принципами хозяйственной практики направленной на решительное увеличение собственного произ-

водства. Представление о личной независимости, все большее освобождение от опеки государства определяют специфику повседневного поведения провинциального дворянства, формировавшего новый тип культуры⁵⁰. Если еще недавно отсутствие постоянного общения в культурной среде порождало и особый тип личности - людей угрюмых и нелюдимых или, наоборот, горячих и вспыльчивых, то возвращение в усадьбы людей еще относительно молодых и повидавших мир, посетивших зарубежные страны, внесло в повседневность провинции динамизм и веселость. В 60-70-е гг. жизнь провинции становится более общественной. Как пишет Н.Чечулин, “вновь поселившиеся помещики значительно увеличили число провинциального дворянства, принесли с собой и сообщили и прежним помещикам большую привычку к обществу, большую потребность во взаимном общении; круг знакомств необходимо становился шире и знакомые чаще виделись между собою; вошло в обычай раза три-четыре в год выезжать из своих домов и недели в две-три объехать всех знакомых на довольно значительном расстоянии”⁵¹.

Меняется отношение к прошлому и появляется стремление идти в ногу со временем, не отставать от соседа, привить детям чувство изящного, соответствующего новым вкусам. В деревнях и селах у провинциальных дворян постепенно появляются собственные библиотеки, их хозяева читают книги не только на русском, но и на иностранных языках. Начинаются споры на литературные и философские темы, идет обмен мнениями о политической жизни. Недавно прибывшие со службы дворяне еще, нередко, своими мыслями были там, в своих полках, коллегиях, прочих государственных учреждениях. Дошло уже до того, что в провинции стали выписывать газеты и журналы, незнание их встречалось с осуждением. Все чаще и чаще становится нормой посещение Петербурга и Москвы, где делались значительные покупки, среди приобретаемых предметов нередко были книги и журналы.

Губернская реформы привела к тому, что в городах стало больше дворян и местное городское общество все больше старается подражать столицам. В больших домах, обычно у губернатора устраиваются балы и представители местного общества не только играют в карты, танцуют и участвуют в разного рода играх, но и ведут разговоры о политике, литературе и искусстве. Явно замечается проявление умственных интересов, вплоть до занятия наукой - ботаникой, астрономией, физикой. В провинции широкое распространение получают визиты, сочетавшиеся с обменом мнениями не только по хозяйственным вопросам, но и о политике, литературе, даже философии.

Строительство больших домов из камня, разведение садов, парков,

привлечение музыкантов^{5 2}, званые обеды на десятки гостей, модная одежда, распространение карет привело к большим тратам и, как следствие, усиление требований к крестьянам^{5 3}. Стремление жить как все приводило, порой, к жизни выше средств, к разорению. Это была обратная сторона этого процесса приобщения к цивилизации. Все более усиливается карточная игра, принявшая характер эпидемии. Карты - новый источник разорения. Распространение получает разного рода коллекционирование, прежде всего дорогих предметов искусства, тоже требовавших значительных трат^{5 4}.

XVIII век - век создания и становления нового общества стал и веком дальнейшего наступления на права крестьян. Известно, что обыкновенно барщина занимала половину всего крестьянского рабочего времени, но нередко она достигала четырех-пяти дней. В апреле и сентябре рабочий день составлял 11-13 часов, а в летние месяцы - 14-16 часов^{5 5}. Это была крестьянская плата за требования дворян-помещиков и его своеобразный вклад в становление дворянского общества. Помещики, однако, не были заинтересованы в разорении крестьян. Существовала и система ссуд, и создание помещиками запасных хлебных магазинов и совместные крестьян и помещиков помощи погорельцам и т.д.^{5 6} Но не случайно, что именно в первой половине 70-х гг. происходит самое крупное в истории восстание Е.И.Пугачева. Это была реакция на наступление дворянства, прозвучавшая очень серьезным звонком предупреждения. В какой-то степени он был услышан, но не всеми и не навсегда. К концу XVIII в. при всех значительных изменениях в дворянском обществе во многих свидетельствах очевидцев отмечается падение нравов в высшем обществе. Правда, Н.Чечулин специально изучавший этот вопрос считает это явным преувеличением и доказывает, что нравственность XVIII в. была не ниже других времен. Но не только известная книга М.Щербатова, но и ряд других свидетельств показывают в области нравственности колебания и в лучшую, и в худшую сторону. Элементы развращенности в обществе находят отражение во многих источниках. Это еще одна часть издержек общественного прогресса. Несомненно также и падение роли церкви и религиозности общества в XVIII в.

Еще С.М.Соловьев, сам вышедший из духовной Среды и хорошо знавший ее, писал: "в XVIII веке смотрели на религию с презрением и не могли не радоваться унижительному состоянию служителей религии"^{5 7}. Такая тенденция объяснялась несколькими причинами. Петр I, несомненно, ослабил роль высшего духовенства. Не случайно в широко задуманном заговоре, в центре которого стоял царевич Алексей, принимали участие и многие духовные лица^{5 8}. Антидуховные, антицерковные выпады просле-

живаются и в тогдашней литературе. Исследователи давно обнаружили их и в сочинениях А.Д.Кантемира, осудившего “русское высшее духовенство”, и в сатире М.В.Ломоносова “Гимн бороде”, где известный ученый выступал не только против старообрядцев, но и официального православного духовенства, которое под “покровом святости” было врагом знания и прогресса. Как известно, эта сатира обратила внимание Синода и Ломоносов привлекался к церковному суду за дерзость и свободомыслие. На этом суде он вступил в полемику со своими судьями, но все-таки сатира его была сожжена⁵⁹. Вместе с тем, отношение властей и общества к церкви в XVIII в. было довольно сложным и неоднозначным. Тот же Соловьев упоминал о принятии Петром I самых действенных (Соловьев писал действительных) мер для поднятия материального благосостояния белого духовенства⁶⁰. Твердую ориентацию власти на сохранение традиционной православной религиозности и усиление контроля за ее соблюдением отмечают и исследователи изучавшие петровскую эпоху в наше время⁶¹. Но особенности тогдашней религиозности были налицо, заметно было и умножение числа богохульств прослеженных на основе изучения архивов специально наблюдавших за этим карательных органов.

В Тайной канцелярии и Тайной экспедиции Сената число так называемых “богохульных” дел умножилось. То что ими занимались организации политического сыска - не случайно, поскольку богохульство тесно связывало с борьбой против существующего строя в целом. Простой народ видел связь церкви с государством, с властью и освещению ею крепостного права. Не случайно, как отмечал еще В.О.Ключевский, даже в Комиссии по Уложению требовали расширения крепостного права “классы, его не имевшие, например, купцы, казаки, даже духовные, к их стыду”⁶². В комиссии представители церкви не только не выступали против крепостного права, но добивались его расширения. Такие настроения духовных лиц не могли не замечаться в народе и следовала соответствующая реакция не только по отношению к церкви, но и к религии.

Как не без основания отмечают исследователи специально занимавшиеся проблемами антицерковного протеста любое “богохульное дело” несло в себе социальный протест, вплоть до того, что иногда богохульство приобретало и политическую окраску. По их данным к концу XVIII в. богохульству были подвержены практически все слои населения и как писал в 1792 г. митрополит Новгородский и Санктпетербургский “многие епархии, особливо нижегородская, до того доходят, что церкви лишаются своих приходов”⁶³.

Даже в XVIII в. в России еще было довольно популярно язычество, точнее некоторые его составляющие. В 1737 г. Синод обеспокоенный мас-

совостью языческих обрядов строго предписывал их искоренять. Это, конечно, свидетельствовало о неглубоком распространении христианства и в XVIII столетии⁶⁴. Отнюдь, нельзя говорить в этом столетии и о каком-то глубоком уважении к служителям культа. Как отмечал Чечулин даже в семидесятых годах встречаются еще отзывы о сельских священниках, совпадающих с отзывами о них Посошкова и Татищева, “что от них “несет навозом” и что они совсем от пахотных мужиков неотменны”⁶⁵.

В XVIII в. шел еще один своеобразный процесс. По мере того как помещики все более приобретали светский облик, заметно повышали образование и свое, и своих детей, все более европеизировались и предпочитали, нередко, французскую речь, священники, тоже, впрочем, не остававшиеся на одном месте, заметно утратили свое влияние в помещичьих семьях и “стали сами смотреть на дворян скорее как на господ, чем на равных, ездили к ним не в гости уже, а на поклон; дворяне со своей стороны, стали относиться к духовенству как к низшим, а не как к равным”⁶⁶. Этот процесс стал достаточно заметным в русской провинции и явился одной из особенностей складывавшегося провинциального общества.

Свои особенности в этом отношении наблюдаются и в столичных городах. В литературе отмечается иное положение двора и царской семьи в Петербурге, нежели в Москве и в плане их религиозности, поскольку участие в религиозных действиях перестает быть стержнем, основой официальной придворной жизни. Происходит формирование нового подхода к религиозным обычаям предков. Особенностью петербургского общества было и ослабление законопочитания, и исчезновение слепой веры в чудеса, и падение веры в святых мощей, хотя почитание святых продолжалось. Но внимание акцентируется всего лишь на нескольких святых, прежде всего на Александре Невском и Андрее Первозванном. При Петре I резко сокращается число официальных канонизаций, меньше стали соблюдаться посты⁶⁷. Все это новые черты формирующегося петербургского общества. В Москве этот процесс был более замедленным. Но и там, при всей московской оппозиционности, тоже наблюдаются те же тенденции, но с заметным опозданием.

Там, однако, более сильным было традиционное боярство, но оно было ущемлено Табелью о рангах 1724 г., лишившись своих прежних привилегий. Это повлекло за собой и появление их идеологов, таких как Б.И. Куракин, отстаивавших фамильные привилегии и сокрушавшихся по поводу ослабления роли “первых фамилий” прежде всего княжеских. Но и раньше их первенство было тоже относительным. Не случайно современный историк пишет, понимая общество расширительно, “...русское общество многие века состояло не из иерархии господ, а из иерархии холопов, попиравших один другого”⁶⁸.

Примечания:

- ¹ Ключевский В.О. Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории. М., 1968. С.471.
- ² Чечулин Н. Русское провинциальное общество во второй половине XVIII века. Исторический очерк. Спб., 1889; Кизеветтер А. Русское общество в восемнадцатом столетии. Ростов-на-Дону, 1904; Мякотин В.А. Из истории русского общества. Этюды и очерки. Спб., 1902; Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры в 3-х томах. Том 3. Национализм и европеизм. М., 1995.
- ³ Цит. по: Цимбаев Н.И. И.С.Аксаков в общественной жизни пореформенной России. М., 1978.С.178.
- ⁴ Ключевский В.О. Сочинения в девяти томах. Т.V. М., 1989, с.140.
- ⁵ Марасинова Е.Н. Психология элиты российского дворянства последней трети XVIII века (По материалам переписки). М., 1999, с.209.
- ⁶ Демидова Н.Ф. Служилая бюрократия в России XVII в. и его роль в формировании абсолютизма. М., 1987.
- ⁷ Агеева О.Г. "Величайший и славнейший более всех градов в свете... град святого Петра. Петербург в русском общественном сознании начала XVIII века. Спб., 1999, с.44.
- ⁸ Анисимов Е. Дыба и кнут. Политический сыск и русское общество в веке. М., 199, с.17.
- ⁹ Черная Л.А. Проблема человеческой личности в русской общественной мысли второй половины XVII- начала XVIII века. Автореферат дисс. канд. ист. наук. М., 1980, с.20.
- ¹⁰ Под стягом России. Сборник архивных документов. М., 1992, с.408.
- ¹¹ Наказ императрицы Екатерины II, данный комиссии о сочинении проекта нового Уложения. Под ред. Н.Д.Чечулина. Спб., 1907, с.71.
- ¹² Сборники русского исторического общества. Т.IV, с.351-353.
- ¹³ Крылов И.А. Письма из журнала "Почта духов"/Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века. Т.1.М., 1952, с.308-30, 363, 367, 387.
- ¹⁴ Наказ императрицы Екатерины II, с.74.
- ¹⁵ Письма русских писателей XVIII века. Лг., 1980, с.71.
- ¹⁶ Там же, с.91.
- ¹⁷ Там же, с. 240, 304, 328.
- ¹⁸ Кондратьев И.К. Седая старина Москвы. М., 1996, с.444-446.
- ¹⁹ Там же, с. 446.
- ²⁰ Петришев А. Из истории кабаков в России. Пг.-М., 1917, с.5-9.
- ²¹ См. Снегирев В.Л. Московские слободы. Очерки по истории Московского посада XIV-XVIII вв. М., 1956.

- ²² См. История русского драматического театра. Т.1. М., 1977.
- ²³ Кондратьев И.К. Ук. соч., с.438.
- ²⁴ Захарова О.Ю. История русских балов. М., 1998, с.5-6.
- ²⁵ История Москвы. XII-XVIII века. Т.1. М., 1997, с.373.
- ²⁶ Соловьев С.М. Публичные чтения о Петре Великом//Соловьев С.М. Сочинения в восемнадцати книгах. Книга XVIII.
- ²⁷ Захарова О.Ю. Ук. Соч., с.7.
- ²⁸ Агеева О.Г. Ук. соч., с.252-253.
- ²⁹ Там же.
- ³⁰ Ключевский В.О. Курс русской истории //Ключевский В.О. Сочинения в девяти томах. Т.IV. М., 1989, с.229.
- ³¹ Гоголь Н.В. Избранные места из переписки с друзьями. М., 1993, с.204.
- ³² Ключевский В.О. Ук. соч., с.231-232.
- ³³ Там же, с.230.
- ³⁴ Чечулин Н. Русское провинциальное общество... с.54.
- ³⁵ Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. Т.3. М., 1995, с.190.
- ³⁶ Захарова О.Ю. Ук. соч., с.8.
- ³⁷ Милюков П.Н. Ук. соч., с.210.
- ³⁸ Кузнецов В.И. Дворянская усадьба XVII столетия//Русская усадьба. Сборник. Вып. 1.(17). Москва-Рыбинск, 1894, с.83-84.
- ³⁹ Дворянская и купеческая сельская усадьба в России XVI-XX вв. Исторические очерки. М., 2001, с.266.
- ⁴⁰ Байбурова Р.М. Русская усадьба XVIII в. как отражение внутреннего мира современников//Русская усадьба, с.96-97.
- ⁴¹ Дворянская и купеческая сельская усадьба, с.267.
- ⁴² Кизеветтер А. Русское общество... с.11.
- ⁴³ Милюков П.Н. Ук. соч., с.188.
- ⁴⁴ Соловьев С.М. Сочинения. Книга X. М., 1993, с.456-457.
- ⁴⁵ Петрухинцев Н.Н. Царствование Анны Иоанновны: проблемы формирования внутривластного курса. Рукопись докт. дис. М., 2001, с.15.
- ⁴⁶ Кизеветтер А. Ук. соч., с.15.
- ⁴⁷ Чечулин Н. Русское провинциальное общество, с.55.
- ⁴⁸ Там же, с.28.
- ⁴⁹ Там же, с.33.
- ⁵⁰ См. Минц С.С. Социальная психология российского дворянства последней трети XVIII - первой трети XIX вв. в освещении источников мемуарного характера. М., 1981.
- ⁵¹ Чечулин Н. Ук. соч., с. 58-59.

- ⁵² Греч А.Н. Музыка в русской усадьбе//Русская усадьба. Вып.4.(20), М., 19, с.171-179.
- ⁵³ Чечулин Н. Ук. соч., с.90.
- ⁵⁴ Дворянская и купеческая сельская усадьба в России, с.282.
- ⁵⁵ Кизеветтер А. Русское общество, с.32.
- ⁵⁶ Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998, с.424-425.
- ⁵⁷ Соловьев С.М. Мои записки//Соловьев С.М. Сочинения в восемнадцати книгах. Кн. XVIII. М., 1995, с.540.
- ⁵⁸ Церковь в истории России (XI в. - 1917 г.). Критические очерки. М., 196, с.171.
- ⁵⁹ Сиповский С.М. Этапы русской мысли. Пг., 1924, с.37-39.
- ⁶⁰ Соловьев С.М. История России с древнейших времен//Соловьев С.М. Сочинения. Кн. XII. М., 1993, с.243.
- ⁶¹ Агеева О.Г. Ук. соч., с.315.
- ⁶² Ключевский В.О. Курс русской истории. Т.5. с.127.
- ⁶³ Кауркин Р.В. Антицерковный протест как одна из форм социального протеста народных масс во второй половине XVIII в. в России//Феодализм в России. Тезисы докладов и сообщений. М., 1985, с.210-211.
- ⁶⁴ Анисимов Е. Дыба и кнут. Политический сыск и русское общество в XVIII веке. М., 1999, с.26.
- ⁶⁵ Чечулин Н. Ук. соч., с.38.
- ⁶⁶ Там же, с.39.
- ⁶⁷ Агеева О.Г. Ук. соч., с.316-321.
- ⁶⁸ Анисимов Е. Россия без Петра. Спб., 1994, с.147,186.

В.Н.Виноградов

О ПРУЖИНАХ БАЛКАНСКОЙ ПОЛИТИКИ СТАРОЙ РОССИИ

Выдающаяся американская балканистка, проф. Барбара Елавич, попыталась разобраться в пружинах балканской политики самодержавной России, и зашла в тупик. Итоги русско-турецких войн она запечатлела в формуле: "За это скудное (в другом переводе - жалкое) вознаграждение Российское государство уплатило громадную цену". В самом деле - девять успешных войн - и ни клочка балканских земель. Б.Елавич пишет далее: "Как отсталая страна, Россия не могла позволить себе подобные внешне-

политические авантюры”. Но позволила! Госпожа Елавич уподобила Россию храброму рыцарю, который вырвал деву (т.е. Балканы) из лап дракона (Османской империи), а красавица, вместо теплой благодарности, устремилась к другому возлюбленному (понимай - Западу), а спасителя (Россию) обвинила в низких побуждениях.¹

Маститый автор подошел к балканской политике России с обычной оценкой, которая включает набор материальных выгод и корыстных побуждений. В данном случае он недостаточен, а значит непригоден.

Неотъемлемым компонентом балканской политики России являлся идейно-психологический фактор, включавший такие понятия как единство православного мира, позднее - филэллизм и сознание славянской общности. Приведем выдержку из обращения Петра I к балканским христианам перед Прутским походом 1711 г., документа, замечательного по прозорливости и проникновению в будущее: “...В сей войне никакого властолюбия и распространения областей своих и какого-либо обогащения не желаем, ибо и своих древних и от неприятелей своих завоеванных земель и городов и сокровищ по Божьей милости предовольно имеем...” Далее следовал важнейший принципиальный постулат о возрождении, под российским покровительством, попранной османскими завоевателями государственности христианских народов: “...Позволим под нашу протекцией избрать себе начальников от народа своего и возвратим и подтвердим их права и привилегии древние, не желая себе от них никакой прибыли, но содержим их яко под протекцией нашу”.²

Разумеется, сводить побудительные причины балканской политики самодержавия к понятиям психологическим и моральным значило бы впасть в ошибку. В основе ее лежал государственный интерес. Балканское направление внешней политики естественно и органически выросло из южного, а последнее родилось потому, что иначе быть не могло.

Крепнувшей Российской державе после бедствий Смутного времени стало тесно в пределах, урезанных Литвой, Польшей и Швецией. На юге располагались обширные земли Крымского ханства. Более беспокойного соседа трудно было даже представить. Налеты степняков на южное побережье с грабежами и угоны жителей в рабство не прекращались. На границе сооружались засечные черты, - линии укреплений, состоявшие из поваленных крест-накрест деревьев на дорогах и крепостей в стратегически-важных пунктах. А за чертой лежала широкая полоса земли, красочно именовавшаяся Диким полем.

Сложилась аномальная ситуация - на севере мужик ковырял сохой убогие суглинистые почвы, добывая скудный урожай. А за засекой располагалась сказочно плодородная черноземная целина с травой в пол-роста

человека, по которой изредка проносились ватаги степных всадников, устремлявшихся в Московию за добычей.

Целинная земля манила земледельца. Московское царство при Алексее Михайловиче исправно отправляло ханам “подарки”, скрытую дань, лишь бы они не тревожили Русь набегами. Подарки принимались, набеги продолжались, и никакие засеки не могли их остановить.

Петр I “прорубил окно в Европу” на Балтике. Но что можно было вывозить через холодное, замерзающее на зиму море? Лес, чугуны, пеньку, льняное полотно, меха? Что еще? Урожай с бедных почв севера едва прокармливали население. Будущее сельского хозяйства было связано с плодородным югом, и никакие набеги не могли воспрепятствовать освоению причерноморских степей. Интересы обитателей крестьянской избы, боярского терема и царского дворца сомкнулись. Одни мечтали о хлебе насущном для семьи, да и об освобождении от крепостной кабалы, в умах других рисовались соблазнительные картины выхода на европейский рынок зерна. Соображения стратегические, необходимость обеспечить безопасность рубежей, переплетались с экономическими. Движение на юг не воспринималось как посягательство на что-то чужое, как агрессия, в народном сознании там располагались земли предков, отторгнутые от отечества в годину тяжких испытаний. Поскольку же Крымское ханство являлось вассалом Османской (Турецкой) империи, то столкновение с ним неизбежно и закономерно приводило к войнам с Турцией.

Как только Российское государство окрепло, последовала серия войн с Турцией: 1676-1681, 1687-1700 (начавшаяся со злосчастных крымских походов В.В.Голицина и завершившаяся взятием Азова). Они велись вдали от Балкан, но балканские сюжеты вплетались в ткань связанных с ними переговоров. Посланцы от сербов, греков, молдаван и валахов осаждали Петра I просьбами о помощи и освобождении от ига неверных агарян. Валашский господарь (князь) Константин Брынковяну держал в Москве особого ходатая, грека Г.Кастриота, который соблазнял царя видением быстрой и легкой экспедиции на Дунай: “Унгро-влахийское государство в глубине несчастья, тиран Агарянский грозит передать его в пленение татарам, если жители не исполнят тяжких требований его... Просим, чтобы государь Российский принял нас под свою державу в подданство”. Достаточно трех или четырехтысячного войска, уверял Кастриот, чтобы, подняв восстание, добиться освобождения его страны.³

Если бы это было так!

В 1710 г. Высокая Порты, как тогда именовалось турецкое правительство, навязала России новую войну. Готовясь в поход, Петр, несомненно, возлагал большие надежды на поддержку христианского населения: “Кня-

зья Молдавии и Валахии с войском нашим совоюпятся и весь свой народ многочисленный побудят к восприятию оружия против турок, на что глядя сербы, также и болгары и иные христианские народы против турок восстанут, и оные к нашим войскам совоюпятся, иные же внутри их турецкой области возмущения учинят”.⁴

В апреле 1711 г., находясь в Луцке, царь откликнулся на прошение молдавского господаря Димитрия Кантемира о желании его “со всею землею и народом волоским быть под протекциею” короны российской. В подписанных Петром “Дипломе и пунктах” говорилось, что принц “с сего времени под защищением нашего царского величества и, яко верным подданным надлежит, и вечно”. Петр гарантировал самоуправление княжества (“...Вся правительственная власть будет при князе волоском” и по “прежнему обыкновению да имеет, без всякого возобновления их”). Престол в Яссах становился наследственным в роде Кантемиров.⁵ Пункты явились как-бы моделью для будущих отношений с населением Балкан, в них проявилась черта, ставшая традиционной для России - уважение к законам, образу жизни и культуре присоединяемых народов.

Прутский поход 1711 г. завершился катастрофой: окруженная под селением Стэнилешти втрое превосходящими силами турок и татар, армия с трудом вырвалась из вражеского кольца. Петр подписал тяжелый мир, уступив неприятелю Азов. Неудачно завершилась и четвертая по счету русско-турецкая война 1735-1739 гг. После четырех изнурительных кампаний, потеряв 100 тыс. человек, и больше не в боях, а от усталости и болезней в бесконечных переходах по опаленной солнцем безводной степи, Россия вернула себе место, на котором располагался Азов, ибо сама крепость подлежала срытию. Турки не разрешили плавание российских судов даже по азовскому мелководью.

Но “бег к морю” отмене не подлежал, хотя после трагедии на реке Прут и прервался на полстолетия. Возвращаться на юге ко временам царя Алексея Михайловича страна не желала. Задачу утверждения России на Черном море пришлось взять на себя Екатерине II. При ней получили развитие и заложенные Петром принципы отношений с балканскими народами. Самодержавие, отказавшись от грубого аннексинизма на Балканах, изыскивало иные, более мягкие формы утверждения своего влияния в регионе. Выдающуюся роль в этом плане сыграла пятая по счету русско-турецкая война 1768-1774 гг.

Война выдалась долгая и трудная. Интриги французского двора, угроза удара австрийцев во фланг Дунайской армии, великое восстание Пугачева... На дипломатическом фронте пришлось лавировать и маневрировать. Не удалось добиться независимости Дунайских княжеств - запрет

наложила Вена. Но в 1772 г. Крым был отторгнут от Османской империи, Черное море перестало быть “турецким озером”, Россия установила над ним стратегический контроль. Однако выход к нему сам по себе мало что давал, и прежде всего в экономической сфере. По его берегам расположены плодородные земли, обитаемые самодостаточным в продовольственном отношении населением. В зерне, в перспективе самой многообещающей статье российского экспорта, оно не нуждалось. Для выхода на европейские рынки нужен был прорыв к океану, иными словами - свобода плавания по Босфору и Дарданеллам. А согласие на их открытие можно было вырвать у Высокой Порты лишь нанеся ей сокрушительное поражение не где-нибудь в степях Украины, а вблизи жизненных центров империи, на Дунае, а то и за ним. В 1774 г. фельдмаршал П.А.Румянцев перенес операции на правый берег великой реки. Южное направление внешней политики России с железной закономерностью переросло в балканское. Освобождение православного народа, страдавшего под игом неверных, выступавшее ранее как возвышенная и угодная Богу задача, превратилась в конкретную цель войны, ранее терявшиеся во мгле неизвестности пути освобождения выявились, - в опоре на великую северную державу и ее единоверную армию. Петербург стал местом паломничества балканских эмиссаров, призыв - “Освободите!”, - звучал с берегов Дуная.

Нельзя поэтому ограничивать задачи войны стратегическими и экономическими соображениями, фактор христианской солидарности в них звучал явственно.

Предстояло изыскать формулу защиты православного населения в мирном договоре, об отторжении обитаемых ими земель от Порты не могло быть и речи, - Турция еще прочно стояла на ногах. Прямого вмешательства в свои внутренние дела в виде российского протектората над немусульманскими подданными султана она не допускала.

Выход из трудного положения нашел дипломат-практик, бывший резидент в Стамбуле Алексей Михайлович Обресков. Именно он в ходе многомесячных переговоров с турками выдвинул идею покровительства православной церкви со стороны российской короны. Она оказалась приемлемой для противной стороны: султан считался духовным главой всех мусульман, халифом, независимо от их государственной принадлежности. Логично было признать подобный статус и за царями по отношению к православным и признать их особые права в этом плане. Прозорливость Екатерины проявилась в том, что она подхватила и одобрила мысль своего представителя.

Знаменитая седьмая статья Кючук-Кайнарджийского мирного договора от 10 (22) июля 1774 г., на которой базировалось влияние России вплоть

до Крымской войны, на поверхностный взгляд выглядела архискромно: она предусматривала право ее посланников делать в пользу православной церкви “Разные представления” и содержала обещание султана “принимать оные в уважение яко чинимые доверенною особою соседственной и искренно дружественной державы”.⁶ И все.

Глубинное значение статья приобретала ввиду специфики социально-го и политического строя Османской империи. Балканские народы пребывали в бесправии не потому, что были сербами, болгарами или греками, а потому, что являлись христианами. Понятие этноса было размыто, любой человек, принявший ислам, считался турком, хотя бы у него насчитывалось десять поколений славянских предков. Вся система угнетения базировалась на религиозном принципе, христиане являлись основным податным сословием. Но, введя подобную дискриминацию, османы признали в то же время православный миллет (общину) во главе с патриархом Константинопольским. Вся жизнь миллета, не только духовная, но и социальная, сосредотачивалась вокруг церкви, право и мораль тесно переплетались. Летописи, песни и сказания о старине, о времени существования Византийской империи, королевства Неманей в Сербии, двух Болгарских царств навевали мысли об унижительном настоящем и звали к борьбе. Представления “доверенной особы” петербургского двора подкреплялись всей мощью Российской державы и отличались необыкновенной убедительностью. Конечной целью демаршей являлось обретение православными равноправия, что означало крах всей системы турецкого господства, основанного на религиозной розни. Невинный на вид седьмой артикул Кючук-Кайнарджийского договора подводил мину замедленного действия под храмину Османской империи.

Развивалась высказанная еще Петром I идея о возвращении и подтверждении древних прав балканских народов, возрождении их государственности. Утопический в условиях 80-х гг. XVIII в. Греческий проект Екатерины II содержал и определенный позитив, - мысль об образовании Греческой империи и Дакийского (Румынского) государства; но в нем начисто отсутствовала идея славянской солидарности, равно как и стремление придерживаться при перекройке карты Юго-Восточной Европы принципа национальностей, что отражало слабое еще знакомство с балканскими реалиями. Крепнувшие контакты с сербами, черногорцами и болгарами способствовали преодолению этой оплошности. Выдающиеся представители балканского Возрождения внесли свой вклад в поиски конкретных форм освобождения. В 1806 г. появился план князя А. Чарторыйского, возглавлявшего тогда российское ведомство иностранных дел, предполагавший создание в Юго-Восточной Европе двух государств, славянского и

греческого.⁷ Возникла и прошла апробацию жизнью схема, - через автономию к независимости. В результате двух победоносных войн с Турцией, - 1828-1829 и 1877-1878 гг., через эти этапы прошли Сербия, Греция, Черногория и, частично, - Румыния и Болгария.

По своим побудительным мотивам война 1877-1878 гг. явилась подлинно народной, общественный энтузиазм увлек за собой дипломатию, объятую страхом перед возможностью столкновения с европейской коалицией и видевшую немало терний на пути сотрудничества с молодыми балканскими государствами. Опытный и проницательный канцлер А.М.-Горчаков сознавал, что процесс освобождения балканских народов имеет для официальной России и оборотную сторону: "Что укрепляет наше традиционное влияние на Востоке, так это ненависть к туркам. Будучи освобождены от их ига, христиане последуют дорогой своих материальных интересов. Мы для них - прежде всего конкуренты, которым нечего продавать и у которых нечего покупать." И тут как тут поспевают западные державы со своими товарами и капиталами и предпринимательским духом, поддерживаемые таким весомым аргументом как готовые к появлению в желательной точке эскадры. С малыми странами, как показывает опыт, хлопот не оберешься: "им угрожает внутренняя анархия, внешнее соперничество, открывающее широкое поле для иностранного влияния".⁸ Но и он, как царский министр, о некоторых вещах помалкивал. К Западу приходившие к власти в возрождавшихся государствах силы влекли не только открывавшиеся экономические перспективы, но и господствовавшие там политические порядки: конституционный строй, парламентарные режимы, широкое развитие гласности, набор гражданских свобод. Несмотря на реформы 60-х гг., Россия оставалась отсталым государством с самодержавным правлением, феодальными пережитками в сельском хозяйстве, отсутствием какого-либо намека на народное представительство и всевидящим оком жандармерии. Превращаться в зону интересов царизма молодая балканская государственная поросль не желала.

Оппозиции войне, как организованной силы в России, не существовало. Раздавались отдельные голоса, которые С.С. Татищев именовал холодными и рассудочными (хотя чего-чего, а холодности в них не было, а, напротив, наблюдалось горячее желание предостеречь общественность от иллюзий). Князь Петр Андреевич Вяземский в письме к другу, которое он просил сохранить, изливал свои чувства: "Все, что делается по Восточному вопросу - настоящий и головоломный кошмар. ... Война теперь может быть для нас не только вред, но и гибель. Она может наткнуться на государственное банкротство... Главная погрешность, главное недоразумение наше, что мы считаем себя более славянами, чем русскими. Рус-

ская кровь у нас на заднем плане, а впереди - славянолюбие... Лучше иметь для нас сбоку слабую Турцию, старую, дряхлую, нежели молодую, сильную, демократическую Славянию, которая будет нас опасаться, но любить не будет. И когда были нам в пользу славяне? Россия для них - дойная корова, и только. А мы даем доить себя, и до крови..."¹⁹

В письме своем расстроенный князь сгустил мрачные краски; но он не выдумками занимался, а затрагивал возможные последствия войны 1877-1878 гг., принесшей России и торжество побед, и горечь мирного урегулирования. Но, главное, он рассуждал с позиции голого государственного интереса. А голый государственный интерес к российско-балканским отношениям не применим.

Признательность не значится в числе атрибутов международной политики. Многие из мрачного предсказания князя П.А.Вяземского сбылось: сербская династия Обреновичей притулилась к Вене; Румыния вошла в направленный против России Тройственный союз Германии, Австро-Венгрии и Италии; отношения с новорожденной Болгарией испортились настолько, что были прерваны по дипломатической линии (1886 г.). Позиции победоносной России на Балканах оказались ослабленными. Рассказанная Барбарой Елавич притча о рыцаре и вырванной им из лап дракона деве вроде бы сбылась.

Ситуация представляется иной, если ее подвергнуть макроанализу, рассматривать исторические процессы крупным планом; государственный интерес России во все времена состоял и состоит в том, чтобы стабильность и безопасность царили на порубежье. Это могло быть достигнуто лишь в условиях более или менее удовлетворительного решения национальных проблем, а сие требовало возрождения национальной государственности населявших Юго-Восток Европы народов. Эпохальный шаг в этом направлении был осуществлен (при всех недостатках берлинских решений) в 1878 г. В этом плане российско-балканские интересы смыкались. И, когда в начале XX столетия начался германо-австрийский "Дранг на зюд-остен", произошло сближение позиций.

Освобождение христианских народов Юго-Восточной Европы являлось исторической миссией России. Она эту миссию выполнила.

Примечания:

¹ Culture and Nationalism in the XIX-th Century Eastern Europe. Columbus, 1985. P.60,66.

² Письма и бумаги Петра Великого. Т.11. Вып. I. М., 1962. С.226-227.

³ Устрялов Н. История царствования Петра Великого. Т.3. Спб., 1858. С.472-474.

⁴ Молчанов Н.Н. Дипломатия Петра Великого. М., 1991. С.285.

⁵ Письма и бумаги... С.363.

⁶ Дружинина Е.И. Кючук-Кайнарджийский мир 1774 г. М., 1955. С.355.

⁷ Станиславская А.М. Россия и Греция в к. XVIII-нач. XIX в. М., 1976. С.242.

⁸ Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф.Отчеты. 1866 г. Л.97-98.

⁹ Татищев С.С. Император Александр II. М., 1996. С.296-297. Т.2.

Михайло КРИЛЬ (Львов, УКРАИНА)

СЛАВИСТИКА В НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ БАЛЬТАЗАРА ГАКЕТА

Бальтазар Гакет (1739–1815) – известный австрийский путешественник, представитель европейского Просвещения, ученый-энциклопедист. Учился экстерном в разных учебных заведениях Франции. Учебу закончил в 1764 г. в Венском университете. Как военный хирург принимал участие в Семилетней войне (1756–1763). Был членом более 20 европейских академий наук и ученых обществ. Работал профессором естественных наук Люблянского лицея (1773–1787), Львовского (1787–1805) и Краковского (1805–1810) университетов.

Сорок четыре года своей жизни (1766–1810) ученый провел в славянской среде. За это время он пешком или верхом на лошади обошел почти всю Центральную и Южную Европу, побывал практически во всех славянских землях Австрийской монархии, а также на юге Украины и в Крыму, которые в последней трети XVIII в. отошли к России. Ко всем своим научно-познавательным поездкам Б.Гакет основательно готовился, предварительно читал литературу о посещаемом регионе, обозначал маршрут и время его прохождения, искал проводников и т.п. Личный опыт дал ему возможность составить специальную инструкцию для путешественников, в частности в горные местности. Эта инструкция, опубликованная в 1796 г., является, наверное, первым в Европе пособием для путешественников и альпинистов¹.

Б.Гакет одним из первых пытался комплексно изучать различные аспекты жизни современных ему славянских народов. Его перу принадлежит более сотни работ, посвященных землям и народам Центрально-Вос-

точной Европы². Написанные немецким, французским, латинским и итальянскими языками, они опубликованы в различных изданиях. К сожалению, во многих больших европейских библиотеках в настоящее время обнаружены только отдельные его издания.

Б.Гакет – ученый с разносторонними интересами: изучал минералогию, геологию, растительный и животный мир, исследовал минеральные источники, работал медиком и ветеринаром, проявил себя как знаток военных искусств, альпинист, этнограф, историк, культуролог, политолог, социолог. Среди его работ, различных по содержанию, есть основательные исследования, а также работы чисто описательного, протоколно-статистического характера, с вкраплениями услышанных вестей, небылиц (к последним он относился с юмором и всегда это подчеркивал в своих исследованиях) и т.п.

Знакомиться с неизвестными ему землями, их жителями, описывать их жизнь во всех ее проявлениях ученому помогало хорошее знание языков. Кроме официального в Австрии немецкого, он в совершенстве владел французским, английским, латынью, а также несколькими славянскими – чешским, словенским, польским. На тогдашнем украинском языке (“языке русинов”) он читал лекции в “*Studium Ruthenum*”, открытом в 1787 г. – подготовительном институте при Львовском университете. Знание языков не только позволяло ему знакомиться с современной европейской научной литературой, но и располагало к беседам с ним местное население, которое к неизвестным относилось настороженно, а иногда и враждебно и не всегда охотно объясняло им особенности своей жизни, в частности в духовной сфере.

Хотя основной сферой научных занятий и исследований Б.Гакета были природа и полезные ископаемые на территории монархии Габсбургов, большое внимание ученый уделял гуманитарным студиям, в том числе и славистике. Во время своих путешествий он постоянно изучал быт местного славянского и неславянского населения. Его работы содержат статистические сведения о национальном и религиозном составе населения, элементы исторического прошлого славянских народов, этнографические и антропологические наблюдения над ними, фрагментарные записи особенностей их языка, материальной и духовной культуры и т.п. Примечательно, что при написании славянских топонимов, а также названий орудий труда, предметов быта, элементов одежды, обычной еды и т.д. ученый придерживался славянской фонетики, передавая ее латинской транскрипцией, хотя все его работы печатались готическим шрифтом.

О заинтересованности Б.Гакета историей и культурой славян в общих чертах свидетельствуют также его разговоры с австрийским императором

Йозефом II, с которым ученый встречался на Буковине в 1788 г. В ходе беседы Б.Гакет объяснял ему причину своего изучения славян: две трети всего населения монархии составляет славянское население и, безусловно, оно заслуживает пристального изучения под углом зрения значения славянства для австрийского государства³. Монарх высоко ценил научные занятия Б.Гакета и поощрял их.

Ученый собирал различные материалы, но практически научно их не обрабатывал. Специально к славистической проблематике Б.Гакет обратился только в начале XIX в., когда решил обобщить собранные им более чем за четверть века материалы по истории и культуре славянских народов. Они и составили основу специальных исследований в этой сфере науки, которые публиковались в Лейпциге на протяжении 1801–1810 гг. под общим названием “Изображение и описание юго-западных и восточных венедов, илиров и славян” (“Abbildung und Beschreibung der suedwest- und ostlichen Wenden, Illyrier und Slaven”).

О решении заняться славистикой узнаем из его немногочисленных писем, впервые опубликованных в Берлине в 1908 г. вместе с автобиографией ученого. Украинский перевод этих документов появился во Львове в 1997 г.⁴ В одном из писем Б.Гакета к его другу князю Карлу Эренберту фон Молле, датированном 1 октября 1800 г., читаем: “Протившись с какими-либо работами по истории природоведения, я начал свой труд о нациях славян и иллирийцев. Поскольку издание этого труда окажется очень дорогостоящим, то я не знаю где найти хорошего издателя, который бы истратился на это, поскольку мой труд будет состоять из 10 тетрадей с 60 рисунками в четырех из них: все разрисованные в цвете”⁵.

В “Автобиографии”, написанной в 1812 г., Б.Гакет отмечал, что с началом века он “посвятил себя полностью новой литературной деятельности, а именно – описи славянских народов от Адриатики и до Черного моря. Первая тетрадь и первый том были опубликованы в Лейпциге в 1801 г.”⁶

Современник Б.Гакета, комиссар львовской полиции Й.Рорер, в своих опубликованных в 1804 г. путевых записях, которые он вел по дороге из Вены во Львов, добираясь на место новой службы, упоминает, что “профессор Львовского университета Б.Гакет закончил писать книгу о славянах с той разницей, что я уже в 1801 г. подал свое исследование⁷ на рассмотрение цензора в Вене... Но поскольку мы во время написания своих работ не обменивались мыслями, то сопоставление их может иметь значительный интерес для ученых и всех, кто интересуется национальной жизнью...”⁸

Последнее прижизненное славистическое исследование Б.Гакета издано в 1810 г, когда, как обозначено в “Автобиографии” ученого, он в “Лейпциге отдал в печать первую тетрадь второго тома о славянах”. Всего

же он на протяжении десяти лет подготовил и опубликовал пять тетрадей о славянах, проживавших на территории монархии Габсбургов. О шестой тетраде, отданной издателю, сведений не обнаружено. В 1996 г. словенец Растро Швайгар переиздал лейпцигское издание трудов Б.Гакета о славянах, в котором помещены только 17 цветных иллюстраций⁹ из 30, опубликованных в прижизненных изданиях трудов Б.Гакета.

Наверное, в замыслах Б.Гакета было обобщить также материалы, касающиеся западных и восточных славян, но, по неизвестным нам причинам, он этого не сделал. “Изображение и описание...” касается исключительно южных славян, и его можно рассматривать как первую часть обобщающей работы. О планах относительно западных и восточных славян косвенно можно судить из того, что из 60 иллюстраций Б.Гакет только 30 поместил в книгу о южных славянах. Кроме того, на титульном листе “Изображения и описания юго-западных и восточных венедов, илиров и славян” помещены профили трех славянских типов с надписей над ними: Slavus – Venedus – Illyricus. Как видно из последующего объяснения Б.Гакета, профиль славянина изображает сармата из Северных Карпат, а иллирийца – жителя Хорватии.

Б.Гакет интересовался различными вопросами славистики: этногенезом, историей, этнологией, фольклором, языком, статистическими сведениями, взаимоотношениями с другими народами и т.п. Одни из них ученый анализировал особенно тщательно, опираясь на научные исследования, статистику, официальные документы; другие же сюжеты отражены фрагментарно или вскользь только по собственным впечатлениям.

Опубликованные материалы позволяют утверждать, что славистические интересы Б.Гакета, а именно проблема славянского этногенеза и расселения племен на территории, которые они занимали в его времена, связаны с подготовкой четырехтомника “Мир Крайны” (“Ogustographia Carniolica”), посвященной землеописанию Крайны, Истрии и близлежащих земель. Так, во вступительной части названного труда, текст которой датирован 20 июля 1787 г., приведен план-проспект будущего исследования. Из него следует, что Б.Гакет задался целью не просто изложить отдельные исторические сюжеты о славянах, а описать славянство в целом. В частности, он отмечает, что “славянский народ, без сомнения, самый большой в мире и занимает наибольшую территорию... Этот народ имеет различные названия, проникнув от Адриатического до Северного моря, где Берингов пролив разделяет Азию и Америку... Славянский язык пришел в Сибирь примерно как немецкий на Цейлон и Нью-Йорк... Русские являются одними из самых древних европейских народов, который быстро научился европейским манерам и культуре”¹⁰.

Все его размышления сегодня ценны прежде всего тем, что ученый не только ставил различные проблемы славистики, но и пытался объяснять их на основании достижений современной ему науки. Так, славянской пра-родиной Б.Гакет считал юг Европы, а именно – территорию современной Словении. Оттуда, по его мнению, начался процесс расселения славянских племен в другие регионы. Эту идею ученый аргументировал тем, что малые славянские народы на Балканском полуострове, несмотря на вековую экспансию римлян, турков и других завоевателей, сохранили свой язык и культурную идентичность.

Аргументы, подтверждающие расселение славян, он искал в их названиях: название *славяне* он выводил от слова “славный”, *поляки* – от их поселения в низменной части континента, *русские* – от самого понятия “расселение” и т.д. Русских он разделяет на *московитов*, живущих на севере и *козаков* – на юге.

“Изображение и описание...” содержит краткие, но емкие тексты с известиями о территории и самоназваниях таких славянских этнографических групп, которые Б.Гакет причислял к “вендам или словенцам”: зияны, крайнци, истрийци, яподи, чичи, доленци, випавци, гочевары, либурнци, приморские лахи, хорваты, ускоки, личаны, далматинци, клементинци, рашци. В этих очерках ученый не ограничился словесной характеристикой, описанием обычаев, быта и т.д. В зависимости от уровня сведений Б.Гакета об этих группах, освещается их история, характерные этнологические черты, занятия, диалектические особенности языка, религия. Подробно описаны жилые постройки, предметы быта, орудия труда, духовная сторона (ритуальные действия, суеверия) и т.д.

Этот труд Б.Гакета, безусловно, является важным источником для этнографического изучения словенцев и хорватов того времени. Рассказ о каждой из перечисленных групп, проживающих на территории современных Хорватии и Словении, сопровождают его собственные цветные зарисовки основных типов жителей на фоне местного ландшафта. Рисунки дают представление о характерных чертах лица, мужской и женской национальной одежде и т.д. Приведены также нотные записи народных песен южных славян.

Значительное внимание ученый уделял разностороннему изучению населения восточных провинций Австрийской монархии. Свои наблюдения он обобщил в фундаментальном четырехтомном исследовании “Новые физико-политические путешествия по Дакии и Сарматии через Северные Карпаты в 1788–1795 годах”¹¹. В нем Б.Гакет рассматривал национальный и религиозный состав населения Галичины и Буковины, его этнологические и этнографические особенности. Описывая свои наблюдения,

ученый делал краткие экскурсии в историю этих земель. При написании этого труда Б.Гакет пользовался специальной научной литературой, которую брал в библиотеке Львовского университета, а также в монастырских и частных книгохранилищах¹².

Освещая украинско-польские отношения, Б.Гакет указывал на автохтонность украинцев на территории Галичины, отмечал, что Польша в свое время захватила эти земли. В частности, австрийский ученый акцентировал внимание на опустошительных результатах многовекового господства польской шляхты в Галичине. Главной причиной крестьянских движений, например выступление 1768 г., Б.Гакет считал бесчинства польской шляхты и верность украинцев православной религиозной традиции. Ученый обратил также внимание, что анархическая шляхетская политика ускорила падение польского государства.

Определенный интерес представляют этнологические зарисовки Б.Гакета об украинцах, в частности опись гуцулов – одной из украинских этнографических групп. Он первый описал быт и духовную жизнь гуцулов, тип их жилья, оригинальность одежды, особенности свадьбы, народные пляски, менталитет и т.п.

В своем карпатоведческом исследовании Б.Гакет представил различную информацию, зафиксировал сотни украинских названий местностей, рек, озер, гор, равнин и перевалов, городков, жилья, одежды, еды, обычаев, верований, болезней населения и скота, народных лекарств и способов их применения и т.п. Отдельно он описывал города, их внешний вид, географическое расположение, архитектурные сооружения, количество храмов, дома центральной части, состав и количество населения, его быт, религию, городское управление, учебные заведения, досуг и т.п.

Большинство славистических работ Б.Гакета посвящены славянам, проживающим в австрийском государстве. Однако в некоторых его исследованиях содержатся также фрагментарные сведения о славянах под османским владением. Выявлена также одна работа, написанная в виде письма к другу, о путешествии Б.Гакета на юг Украины, в Крым и Запорожье, под названием “Путешествие по новозавоеванным провинциям России в 1797 г., с учетом торговли, мануфактур, фабрик, географии, статистики, политики, экономики, природоведения, ботаники и т.д.”¹³.

Эти путевые заметки Б.Гакета содержат ценные наблюдения о природе края, о многих городах (Жаменец-Подольском, Умани, Одессе, Херсоне, Николаеве, Симферополе и др.), о состоянии торговли на указанной территории, о сети медицинских учреждений и уровне медицины в них и т.п.

В путевых записках Б.Гакета по южным украинцам Российской империи имеются также сведения о мерах, принятых российским правитель-

ством с целью предотвратить проникновение в страну идей французской революции конца XVIII в. Так, ученый отмечал, что таможенная служба на границе, которой являлась р.Збруч, более всего интересовалась наличием писем и книг, и все французские издания безоговорочно конфисковывались. На вопрос, почему эту литературу нельзя провозить, он услышал ответ: “Все французские книги плохие, и поэтому запрещены”. Одновременно ученый замечал, что это была только видимость, поскольку таможенники не знали никаких языков, кроме русского, и в большинстве случаев о содержании книг судили по ответам их владельцев. А переводчика, который по штату у них числился и, судя по бумагам, знал по крайней мере шесть языков, на этой таможне со времени установления новой русско-австрийской границы еще не было¹⁴.

Вызывают определенный интерес сюжеты социального характера, в том числе о дискриминационной политике российского царизма по отношению к татарскому и украинскому населению, особенно крестьянам. Так, увидев в степи большую группу крепостных, которых солдаты сопровождали в Крым к новым хозяевам, Б.Гакет в свойственной ему манере нетерпимости к деспотии поддал уничтожающей критике указ Екатерины II о закрепощении крестьян на Украине. При этом он приводил негативные отклики европейской прессы на эту тему и называл порабощение народов в России самым жестоким в мире. России он противопоставлял Австрию как “свободное государство, где людей не продают, где учреждения работают справедливо, а письма за небольшую плату можно отсылать по любому желанию”¹⁵.

Основываясь на собственных наблюдениях политики России в этом регионе, ученый сделал смелое, как на то время, обобщение: он заклеймил деспотизм в любой форме его проявлений – захватнических войн, кровавых революций или тиранических политических режимов. По мнению Б.Гакета, массовое уничтожение людей и плодов их труда и духа не способствует историческому прогрессу и противоречит его естественным эволюционным законам.

Подавая правдивые, достоверные ведомости об увиденном во время путешествия, Б.Гакет одновременно опровергал ложную информацию о России, которую распространяла зарубежная пресса, в частности о нечеловеческом отношении врачей к раненым в военных лазаретах. Таким образом, эта публикация Б.Гакета в лейпцигском журнале, адресованная европейскому читателю, способствовала более широкому и правдивому его ознакомлению с Россией и ее внутренней политикой.

Не обошел Б.Гакет и сферы международных отношений, в частности деятельности австрийского генерального консульства в Херсоне, крити-

чески отозвавшись о его работе. По мнению австрийского ученого, в херсонском консульстве должны работать образованные и высококультурные чиновники, которые надлежащим образом представляли бы свое государство, устанавливали выгодные для него связи в сфере государственных, культурных и торговых отношений. Между тем Б.Гакет встретил там людей, не знавших не только иностранных языков и языка страны пребывания, но и собственной истории и культуры.

Всесторонне изучить научное наследие Б.Гакета еще предстоит. Оно важно также потому, что в проанализированных его отдельных работах, особенно в эпистолярном наследии, часто содержатся категорические негативные суждения о славянах, противопоставление их другим европейским народам. Почему же ученый в черных красках описывает народы, среди которых прожил и изучению которых отдал более четырех десятилетий своей жизни?

В связи с этим первоочередной задачей является обнаружение тех работ, которые известны только своими ориентировочными названиями и неточными сведениями о печатных изданиях (их Б.Гакет привел в “Автобиографии” по памяти, передав точные названия в изложении).

Таким образом Б.Гакет впервые попытался комплексно исследовать не только славянские земли, но и их население. В его работах отражены сюжеты славянской истории, этнографии, языка, культуры, взаимосвязей и взаимоотношений с другими народами, как славянскими, так и неславянскими. Заслуги Б.Гакета в том, что он лично или объехал на лошади практически все славянские земли, зафиксировал автентичный материал и личные впечатления. Его исследования в наше время имеют характер источника, во многих случаях единственного и в связи с тем они уникальные.

Комплексные славистические исследования Б.Гакета позволяют считать его одним из основателей славистики, наряду с Й.Добровским, А.Х.-Востоковым, П.Й.Шафариком и другими.

Примечания:

¹ Ее украинский перевод с комментариями помещен в сборнике: Балтазар Гакет – дослідник Південно-Східної і Центральної Європи. Дослідження і матеріали / Упорядкування та наукова редакція Марії Вальо і Михайла Кріля. Львів, 2000.

² Подробная библиография трудов Б.Гакета и литературы о нем помещена в указанном в ссылке 1 сборнике.

³ *Hacquet B. Veneti–Iliri–Slovani / Poslovenil R.Љvajar. Nova Gorica, 1996. S.11.*

⁴ Бальтазар Гакет і Україна. Статті і матеріали / Автор-упорядник М.Вальо. Львів, 1997. С.77–99.

⁵ Бальтазар Гакет і Україна. С.92.

⁶ Там же. С.109.

⁷ Оpubліковано в Вене в 1804 г. под названием “Versuch ьber die slawischen Monarchie”.

⁸ Rohrer J. Bemerkungen auf einer Reise von der Tьrkischen Grdnze ьber die Bukowina durch Ost- und Westgalizien, Schlesien und Mдhren nach Wien. Wien, 1804. S.93–95.

⁹ Hacquet B. Veneti–Iliri–Slovani. S.11.

¹⁰ Hacquet B. Veneti–Iliri–Slovani. S.11.

¹¹ Neuste Hacquet’s physikalisch-politische Reisen in den Jahren 1788–1795 durch die Dacischen und Sarmatischen oder Nьrdlichen Karpathen. Nьrnberg, 1790–1796. Theil I–IV.

¹² Государственный архив Львовской области. Ф. 26. Оп. 5. Д. 342, Л. 10б.

¹³ Бальтазар Гакет – дослідник Південно-Східної і Центральної Європи. С.37.

¹⁴ Бальтазар Гакет і Україна. С.52–53.

¹⁵ Бальтазар Гакет і Україна. С.72.

О.В. Медведева

ПЕРЕСЕЛЕНИЕ БОЛГАР В РОССИЮ В XVIII - ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВВ.

Эмиграция болгар на север от Дуная: в соседние страны, в том числе и в Россию, - непрерывный процесс, продолжавшийся на протяжении всего периода, пока болгарский народ находился под османским игом. В истории заселения болгарами русских, в основном южнорусских, земель следует различать несколько периодов, связанных с событиями в истории Болгарии и России.

В ХУШ в. в Османской империи происходили процессы, которые к постоянно действующим причинам исхода христиан из болгарских земель: желание свободной жизни, тяжелое политическое и духовное рабство - добавили новые. Глубокие экономические и общественно-политические изменения, происходившие в Османской империи, привели в конце XVIII века и начале следующего к массовым переселениям болгар, оказавшим

влияние не только на этническую структуру народа, но и повлиявшим на развитие национально-освободительного движения и на процесс формирования национального государства у болгар.

Изменения в османском хозяйстве на практике привели к ослаблению султанских постановлений, стремившихся удержать крестьян в их родных местах. За исключением отдельных случаев насилия, крестьяне фактически не были прикреплены к ленному владению как прежде. В результате изменений форм землевладения, захвата личных и общинных земель болгарских крестьян происходило их обезземеливание.

Эти перемены в аграрном статусе османского хозяйства, хотя еще не регламентированные, давали возможность большому числу болгар искать средства к существованию в новосоздаваемых болгарских городах и на чужбине. Социальный состав беглецов был неоднородным: обезземеленные крестьяне, состоятельные люди, располагающие значительными средствами для того, чтобы развернуть широкую деятельность на новом месте, а также люди, которым нечего было терять у себя на родине.

В основе популяционистской политики российского правительства со времен Петра I лежала необходимость путем колонизация пустить в народохозяйственный оборот огромные степные пространства на юге, чтобы одновременно укрепить свои южные границы и ослабить там мусульманский элемент.

Из пробиравшихся в Россию сербов, валахов, молдаван, болгар создавались легкие войска, которые поселялись на южной границе для сторожевой службы. Однако в этот период наиболее многочисленными были валашские и сербские переселенцы. О болгарях встречаются, только отдельные упоминания¹.

Политику Петра I по заселению южных окраин Российского государства христианами-выходцами из Османской империи продолжили его преемники.

В царствование Елизаветы Петровны этому вопросу было уделено первостепенное внимание. Наряду с приглашениями, обещаниями льгот стала широко практиковаться система приглашения иностранцев в Россию в качестве офицеров и полковых чиновников, которые получали для этой цели разрешение отправляться за границу².

Но только с середины XVIII в., когда началось официальное заселение чужеземцами южных областей Российского государства, можно говорить о переселении болгар как о нарастающем процессе. Именно тогда (1752 г.) в специальном указе российское правительство положило начало серии документов, направленных на регулирование нарастающей волны болгарской эмиграции³.

В годы правления Екатерины II переселение иностранцев, в том числе болгар, разрасталось. Манифест от 4 декабря 1762 г., в котором призывались иноземцы на поселение в Россию, последовавшая за ним серия указов о правах и привилегиях иностранных колонистов, а также учреждение «Опекунства иностранных поселенцев»⁴ определенно показали, что правительство не удовлетворится только военными поселениями, что настало время действовать в гораздо больших масштабах.

В результате успешных для России русско-турецких войн 1768-1774 гг. и 1787-1791 гг. к ней отошли южные области, освобожденные от татар и турок, которые особенно нуждались в земледельческом населении для обработки новых пустующих земель. Несмотря на то, что вызов иностранцев в Россию был прекращен с 1766 г., христиане-переселенцы из балканских областей Османской империи продолжали привлекаться для поселения в южных областях государства.

Все русско-турецкие войны сопровождались эмиграциями христиан из Османской империи. Особенно часто болгары переходили через Дунай и селились в Молдавии или в южных областях Российского государства. Это было обусловлено как ситуацией, складывавшейся в болгарских землях, так и политикой российского правительства.

После заключения Кючук-Кайнарджийского мира в 1774 г. много болгар убежало в Валахию и Россию. В Добриче, например, тогда не осталось ни одной болгарской семьи. Большинство болгарских переселенцев предпочитало в это время устраиваться в южнорусских степях.

Убегая от турецкого гнета, болгары, естественно, рассчитывали на лучшие условия жизни. Многие из них преодолевали длинный и трудный путь, чтобы добраться до России, поверив обещаниям царского правительства. Так, по окончании войны 1768-1774 гг. Румянцев уверял болгар, воевавших в его армии, что под покровительством русской державы они найдут спокойную жизнь и будут вознаграждены выгодными для поселения землями. Причем им был объявлен манифест, обещающий 30-летнюю льготу.

Однако в действительности их ожидало разочарование: голая степь, удаленность от городов - вот что зачастую было на самом деле. Да и обещанными льготами они пользовались только 8 лет. Местные власти чинили произвол, в селениях царил казарменный порядок. Поэтому бегство было довольно обычным в Новороссии не только в те годы, но и позже. Такое же положение было в других местах поселения⁵.

«Ласка» и льготы нужны были как средство привлечения на свою сторону. Затем наступал момент принуждения и постепенного приобщения к порядкам новой родины. Но, несмотря на трудности, большинство переселенцев обустранивалось на новых местах и навсегда оставались в России.

Официальное разрешение свободно торговать в России, данное Портой своим подданным по условиям Кючук-Кайнарджийского мира, усилило болгарскую эмиграцию в Нежин, Москву, южнорусские города.

Следующая волна болгарского переселения связана с войной 1787-1791 гг. В эти годы на землях, занятых русскими войсками, - в Бессарабии, оседало много болгарских купцов, ремесленников, крестьян. Многие остались здесь и после ухода оттуда русских войск. Они селились в городах Рени, Измаил, Бендеры, Аккерман, Кишинев, Килия или на землях молдавских бояр. Но до заключения Бухарестского мирного договора 1812 г., когда Бессарабия отошла к России, их положение было сложным - они находились в Бессарабии как иностранные «бенажеры», т.е. выходцы и под непрочным покровительством господаря занимались земледелием, виноградарством, садоводством.

По подсчетам А.А.Скальковского, в Бессарабию с 1769 по 1791 гг. прибыло около 2 тысяч болгар⁶. Большое число болгар было поселено в Херсонской и Таврической губерниях, Буджаке, заселение которого началось с 1787 г. Точных данных о количестве переселенцев-болгар до начала XIX в. не существует, но, суммируя данные, приводимые исследователями, можно говорить о значительной цифре.

После заключения Ясского мирного договора в 1792 г. началась новая волна переселения болгар. По условиям Кючук-Кайнарджийского и Ясского мирных договоров и до заключения Бухарестского мира право на свободное переселение в Россию получали только жители Дунайских княжеств и тех территорий, где во время войны находились русские войска, и на строго определенный срок: один год после первого и 4 месяца после второго. Переселение христиан из других областей Османской империи не предусматривалось никакими договорами. Российские дипломаты в Османской империи получили самые серьезные распоряжения воздерживаться от вмешательства в вопросы переселения.

Однако переселение продолжалось, но тайным путем. Переходы по собственному почину - нередкое явление в последние годы царствования Екатерины II. Российское правительство, ввиду договорных отношений с Портой, не могло официально вывозить болгар, желавших переселиться в Россию. Но местным властям было разрешено принимать всех, кому удастся добраться до российских пределов, поселять их на пустующих землях и помогать им в обустройстве на новом месте.

Это было актуальной мерой, поскольку с конца XVIII века случаи бегства из внутренних областей Румелии в земли на север от Дуная приняли характер массового выселения в силу того, что в этот период внутренние неурядицы, борьба аянов с центральной властью и кирджалийские бесчин-

ства приняли масштабы национального бедствия и угрожали не только жизни мирного населения, но и самому существованию Османской империи⁷.

Со времени основания Одессы (1794 г.) и принятия «Двух положений об устройении в г. Одесса и окрестностях одного селения единоверных нам народов» (1795 г.) болгар, прибывших из Османской империи, по указу императрицы, стали поселять в степь вокруг Одессы⁸. Таким образом, здесь, в практически безлюдной теперь татарской области, создавались славянские поселения, что, в свою очередь, укрепляло русскую оборону во время войны.

Наиболее остро процессы, происходившие в болгарских землях на рубеже ХУШ - ХІХ веков, проявились в 1800-1808 гг. Это был период массового выселения болгарского населения в два Дунайских княжества и Россию.

С начала 1800 г. и до начала русско-турецкой войны в ноябре 1806 г. территория Балканского полуострова не была ареной войны Турции с каким-либо государством. Кроме того, агрессивные планы Наполеона в отношении Османской империи принуждали Россию не только сохранять мирные отношения с Портой, но и заключить с ней в 1799 г. оборонительный союз, в результате чего Россия была вынуждена сдерживать преждевременный, по мнению российского правительства, подъем национально-освободительного движения на Балканах⁹. Следовательно, основными причинами массовой эмиграции болгар в 1800 - 1806 гг. являлись внутренние процессы, происходившие в этот период в Османской империи.

Спасаясь от жестокой эксплуатации и физического истребления, болгарские беженцы обращались за помощью к представителям российской дипломатической миссии в Константинополе и к русским консулам в Дунайских княжествах. Российские дипломаты в Османской империи получали строгие указания не обострять отношений с Портой и были вынуждены воздерживаться от вмешательства в вопросы переселения.

Павел I не решался вмешиваться, зная болезненную реакцию Порты. В этих условиях российский посланник в Константинополе В.С.Томара мог направлять в Одессу только небольшие группы болгар. Александр I, хотя и продолжал сохранять с Османской империей союзнические отношения, дал Томаре разрешение тайно от османских властей отправлять болгарских беженцев в Россию. Финансирование перевоза было возложено на российского посланника в Константинополе и российских консулов в Дунайских княжествах¹⁰. Задача заселения иностранными колонистами южнорусских земель оставалась для российского правительства весьма актуальной. Поэтому, несмотря на союзнические отношения с Портой, российское правительство старалось привлечь беженцев из Османской империи выгод-

ными условиями.

Эти условия излагались в специально изданной в 1800 г. прокламации. Вместе с тем, для того чтобы сократить расходы по устройству переселенцев на новых землях и заручиться гарантиями от возможного их бегства, в том же году для переселенцев был введен имущественный ценз.

Приток беженцев из Османской империи и особенно болгарских земель в начале XIX в. был столь велик, что в этот период была отменена практика «вызывателей», а льгота в повинностях была сокращена до 10 лет¹¹.

Представители российской миссии в Константинополе, а также российские консулы в Валахии и Молдавия тайно направляли болгарских беженцев в Россию двумя путями: на кораблях по Черному морю и сухим путем через территорию Дунайских княжеств. По второму пути в этот период переселение в Россию шло менее интенсивно, так как этому препятствовали турецкие власти, независимые от Порты аяны и государи Дунайских княжеств¹².

К этому времени относится появление десяти болгарских поселений в Крыму¹³, после чего массовое переселение болгар в Южную Россию прекратилось на несколько десятилетий. Это объясняется тем, что политика поселения болгар была перенесена с юга Украины и Крыма на новый участок территории, который надо было закрепить. Это была Бессарабия, присоединенная к России в 1812 г. Главным колонизаторским элементом здесь были «задунайские выходцы», в первую очередь, болгары.

Начавшаяся в ноябре 1806 г. русско-турецкая война вызвала невиданное доселе по своим масштабам переселение болгар в Россию. В соответствии с предписанием Александра I М.И.Кутузову «вывести как можно больше жителей в Россию для заселения Новороссийского края» при Главном штабе Дунайской армии была создана канцелярия по гражданским делам во главе с А.П.Коронели, призванная заниматься и вопросами переселения. В связи с переселением были изданы специальные императорские указы, дополнявшиеся временными постановлениями и распоряжениями¹⁴. Так постепенно вырабатывались правила организации подобных акций, использовавшиеся до 1819 г.

1 сентября 1807 г. был опубликован указ о дополнительных льготах болгарским переселенцам в Россию, предусматривавший предоставление каждому семейству по 60 десятин земли в наследственное владение, освобождение от налогов на 10 лет (позднее этот срок был сокращен до 3 лет), материальная помощь особо нуждающимся. Кроме того, давались гарантии, что они никогда не будут закрепощены. Гражданская канцелярия помогала переселенцам деньгами и оформляла документы, чтобы беженцы могли беспрепятственно добраться до намеченных областей¹⁵.

Нельзя забывать, что эти весьма благоприятные для переселенцев условия пропагандировались в то время, когда болгарские земли были ареной набегов банд кирджалиев, противостояния и борьбы аянов, а также стали театром военных действий. Поэтому болгары, стремясь сохранить жизнь и имущество, покидали родные земли, организованно и неорганизованно переходя через Дунай.

После заключения Бухарестского мирного договора поток болгарских переселенцев увеличился. Целыми селами болгары уходили за Дунай. Большинство осталось в Дунайских княжествах. По некоторым данным, число болгар и гагаузов, переселившихся в 1806-1812 гг. в Валахию, Молдавию и Россию, достигло почти 97 тысяч человек¹⁶.

Переселение продолжалось и в последующие годы. Так, Дм. Димитров приводит данные о том, что в 1819-1822 гг. в Бессарабию переселилось несколько десятков тысяч человек. А к 1850 г. в Бессарабии имелось 83 болгарские колонии, насчитывавшие по 150-300 дворов каждая¹⁷. Несомненно, что устремившийся в Бессарабию основной поток переселенческой массы должен был ослабить и даже на время совершенно прекратить переброску болгар в Южную Россию. С другой стороны, совершенно не случайно, что возобновление болгарского переселения в южнорусские земли совпадает с создавшимися затруднениями для российского правительства именно на «бессарабском фронте».

С этой проблемой столкнулось царское правительство во время следующей русско-турецкой войны 1828-1829 гг., которая вызвала самое массовое в истории болгарского народа переселение.

После подписания Адрианопольского мирного договора, не принесшего болгарам освобождения, на которое они надеялись, активно участвуя в военных действиях на стороне русских войск, из опасения жесточайших репрессий со стороны турок болгарские земли покинуло 130-140 тысяч человек¹⁸: Предоставляя болгарам, принимавшим участие в военных действиях в 1828-1829 гг. на стороне русских, право переселения в любую страну по их выбору, Петербург не ожидал столь массового эмиграционного движения, которое в обстановке только что окончившейся войны могло вызвать конфликт с Османской империей. К тому же свободных земель на юге России оставалось мало, а устройство большого количества переселенцев потребовало от правительства огромных затрат. Стремясь не осложнять отношений с Портой и в то же время не потерять престиж, среди православного населения Османской империи, правительство Николая I оказывало помощь желающим переселиться болгарам, но предпринимало меры, чтобы ограничить эту эмиграцию.

Тактика Петербурга заключалась в контроле за соблюдением статьи

XIII мирного договора, предусматривавшей амнистию всем принимавшим участие в военных действиях. С этой целью в Сливен как главный центр областей, население которых стремилось к переселению, был назначен российский консул — первый дипломатический представитель России в болгарских землях. Это назначение преследовало и другую цель - остановить эмиграцию болгар, «которая весьма мало соответствует интересам России»¹⁹.

Как видно из вышеизложенного, позиция российского правительства по вопросу болгарской эмиграции в этот период в корне отличалась от прежней. Размеры эмиграции и ее последствия заставили и османское правительство принять беспрецедентные меры, чтобы остановить уезжающих и вернуть уже уехавших²⁰.

Деятельность российского консула, трудности, с которыми пришлось столкнуться беженцам в пути, а также в определенной степени меры османского правительства привели к тому, что с сентября 1830 г. эмиграция болгар стала сокращаться, а несколько позже почти прекратилась. С этого времени начался спад переселенческого движения болгар в Россию в первой половине XIX в.

Как следует из вышеизложенного, эмиграцию болгарского населения из Османской империи в Россию не всегда следует связывать с аспирациями российского правительства, как зачастую делают исследователи данной проблемы. Политика России по вопросу болгарских переселений в разные периоды претерпевала изменения, связанные с ее политическими интересами и экономической ситуацией в стране.

Примечания:

¹ Шишмарев В.Ф. Романские поселения на юге России. Л., 1975. С. 15-31.

² Там же. С. 37; Скальковский А.А. Хронологическое обозрение истории Новороссийского края. 1731 - 1823. Ч. 1. Одесса, 1836. С. 29.

³ Полное собрание законов Российской империи (далее - ПСЗРИ). Т.ХVIII.№№9919, 9921.

⁴ ПСЗРИ. Т. ХIУ. №11880.

⁵ Лобачевский В. Бугское казачество и военные поселения. // Киевская старина. 1887. Т. XIX. Кн. 12. С. 596.

⁶ Скальковский А.А. Болгарские колонии в Бессарабии и Новороссийском крае. Одесса, 1848. С. 4, 12-13.

⁷ Мутафчиева В., Виану Ал. Феодалните размирици в Северна България в края на ХУШ и началото на ХIХ век и тяхното отражение във Влахия. //Българо-румънски връзки и отношения през вековете. Т. I(ХII-ХIХ вв.). София, 1965. С. 224-234 и др.

⁸ Писаревский Г. Из истории иностранной колонизации в России. М., 1909. С. 339.

⁹ Достян И.С. Россия и балканский вопрос. М., 1972. С. 44-45.

¹⁰ Грачев В.П. Към въпроса за преселването на българи в Русия в началото на XIX в. (1800-1806 гг.). //Българското възраждане и Русия. София, 1981. С. 277-278; Гросул В.Я. Дунайские княжества в политике России 1774-1806. Кишинев, 1975. С. 27-28.

¹¹ Державин Н.С. Болгарские колонии в России. Т. 1. София, 1914. С.30.

¹² Грачев В.П. Указ. соч. С. 283-285.

¹³ Димитров Д. Болгарское переселение в Украину и Крым (к истории южнославянских передвижений ХУШ-ХІХ вв.). //Сб. работ студентов и аспирантов Ленинградского историко-лингвистического института. Л., 1931. С. 10- 12.

¹⁴ Устройство задунайских переселенцев и деятельность Юшневского. Кишинев, 1957. С. 201 и др.

¹⁵ Дойнов Ст. Преселнически движения от българските земи по време на руско-турските воюни през първата половина на XIX в. // Българското възраждане и Русия. София, 1981. С. 296; Устройство задунайских переселенцев... С. 551.

¹⁶ Дойнов Ст. Указ. соч. С. 301.

¹⁷ Димитров Д. Указ. соч. С. 15.

¹⁸ Дойнов Ст. Указ. соч. С. 311.

¹⁹ Медведева О.Б. Деятельность российского консула в Сливене Г.В.Вашенко (1830-1833 годы). // Славяноведение, 1999. № 4; она же. Проблемът за българската емиграция в Русия през 1830 г. в дейността на руската дипломация (по непубликувани документи на АВПР). // Известия на държавните архиви. Кн. 57. София, 1989. С. 175.

²⁰ Медведева О.В. Проблемът... С. 162-164, 192 и след.

РУССКИЕ СТАРООБРЯДЧЕСКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ В ДОБРУДЖЕ В XVIII-XIX ВВ.

История русских старообрядцев в Добрудже стоит несколько особняком в общем контексте русско-южнославянских связей. Связано это сразу с двумя моментами. Прежде всего, в данном случае речь идет о миграционном потоке с вектором направленности прямо противоположным традиционному для данного региона. В отличие от многих других православных подданных турецкого султана, русские староверы видели не в России, а именно в нем гаранта своей жизни, прав и свобод. Кардинальным образом отличалось и отношение к Российской империи. Если южные славяне зачастую были склонны связывать с ней надежды освободительного мессианского характера, то для старообрядцев русский царь был живым воплощением пришедшего в мир антихриста, бегство от которого, а тем более борьба с которым была святым, богоугодным делом. В XVIII в. переселенческое движение старообрядцев в Османскую империю получило массовый характер. В результате его в малонаселенных областях Добруджи и на северо-востоке Болгарии возникли крупные обособленные поселения русских. По статистике 60-70-х гг. XIX в. число их в этом регионе колебалось вокруг 8,5 тысяч человек (1). При этом необходимо иметь в виду, что к этому времени весьма значительная масса старообрядцев уже перебралась на жительство в Малую Азию.

Однако необходимо сразу оговориться, что источниковедческая база по данной проблематике более чем скупа, путана и противоречива. Количество официальных документов минимально. Основным источником являются наблюдения этнографов и путешественников XIX в., имеющих довольно фрагментарный характер. Наибольшее количество информации сохранилось о пребывании за Дунаем так называемых некрасовцев, что не в последнюю очередь объясняется их чрезвычайно агрессивной антироссийской жизненной позицией. Относительно других согласий сведения носят самый общий характер, не позволяя делать сколь-либо определенных выводов относительно ареалов их распространения и местной специфики.

Первыми убежища на турецкой земле в середине XVIII века попросили так называемые некрасовцы - донские казаки-старообрядцы. История этого переселения тесно связана с событиями булавинского бунта, вспыхнувшего на Дону в 1707. После гибели самого Кондрата Булавина один из его ближайших сподвижников атаман Есауловского городка Игнатий Фе-

дорович Некрасов увел несколько тысяч казаков с семьями (в песнях говорится о 40 тысячах) на Кубань, бывшую тогда во владении крымских ханов. Беглецы поселились в районе современной Анапы, принесли хану присягу и в течение многих лет составляли одну из наиболее боеспособных единиц его армии.

Вплоть до своей смерти в 1737 г. Игнат Некрасов стоял во главе своего казачьего войска. Авторитет его был непререкаем. В память о нем потомки ушедших с ним казаков и стали называться игнат-казаками или некрасовцами. По преданиям именно он создал не только организацию Кубанского войска, сохранившуюся в основных чертах и после переселения казаков в Османскую империю, но составил ревностно чтимый его последователями свод правил жизни и нравственности - так называемую Игнатову книгу. По свидетельствам очевидцев, эту книгу видели в одной из малоазиатских казачьих станиц и в XX веке (2).

Но на Кубани некрасовцы задержались недолго. Продвижение русских войск теснило их все дальше на юг. Когда войска Анны Иоанновны взяли Анапу, казаки были вынуждены начать переселение в Османскую империю. Происходило оно в 1740-е - 1760-е годы через территорию Малой Азии, откуда игнат-казаки постепенно перемещались на северо-восток Балкан. По преданиям переход в подданство турецкого султана сопровождался драматическими событиями. Первоначально их просьба была отклонена, несмотря на уверения в ненависти к царю-москалю и на практике подтвержденную готовность воевать с ним. Ситуация изменилась только после принесения страшной с точки зрения конфессионального сознания клятвы. Казаки решились стрелять в четвероконечный крест - эмблему не только православия, но и православной Руси, засвидетельствовав тем самым полный разрыв с ней (3). Только после этого им было разрешено поселиться на землях империи с обязательством участия в военных кампаниях в качестве отдельного кавалерийского отряда в составе турецкого войска.

К последней четверти XVIII в. некрасовцы практически уже в полном составе осели в Добрудже, в устье Дуная и на берегу лимана Разельм. Самыми старыми старообрядческими селами здесь считались Дунавец и Сарикий. По мере роста населения и переселения в Добруджу все новых партий казаков была основана Журиловка и Слава, в 70-80-е годы XVIII в. Татарика недалеко от Силистры, затем села Камень или Каркаликой (Мачинско), Новенькое или Кыздырегити и Гиздар-Кийо (Гирсово) (4).

Однако новые партии старообрядцев, прибывающие в Добруджу в конце XVIII в. далеко не всегда были игнат-казаками. Есть информация, что значительную часть их составляли так называемые слобожане, т.е. жители

стародубских слобод Черниговской, Харьковской и Орловской губерний (5). В отличие от некрасовцев, считавших себя потомками древних новгородцев и питавших к царю-москалю ненависть не только на почве церковного раскола, но и политических претензий, это были простые русские мужики, не желавшие изменять старой вере и одновременно терпеть гонения за нее. Они влились в казачьи поселения и невольно повлияли на их состав. Возможно, со временем это обстоятельство сыграло не последнюю роль и в изменении наименования жителей некрасовских сел в среде окрестного населения. Для многоязычных обитателей Добруджи и северо-восточной Болгарии все они превратились в XIX в. в так называемых липован.

Этимология этого термина не вполне ясна. Существует версия, что он был принесен в этот регион из Буковины вместе с очередной переселенческой волной староверов (6). По преданиям первые русские старообрядцы поселились в 1724 г. на берегу р. Сучавы в обширном липовом лесу, получив в дальнейшем от него и свое наименование в среде местного населения. Но, скорее всего, термин “липоване” мог оказаться производным от “филипоны” (филипповское согласие) - наименования одного из старообрядческих толков, чьи последователи первыми расселились по территории Румынии, а затем и Добруджи, дав имя всем последовавшим за ними староверам (7).

Главным занятием игнат-казаков на новом месте стал обычный для них рыбный промысел и охота. Земледелием также занимались, но оно носило скорее подсобный характер. Вид основной хозяйственной деятельности был обусловлен прежде всего исторической традицией, ведущей свое начало с времен донской казачьей вольницы. Ему казаки оставались верны и на Кубани, и в Малой Азии, и в Добрудже. На Балканах липованским рыболовецким артелям удалось максимально сосредоточить этот промысел в своих руках и ко второй половине XIX в. именно они уже стояли во главе всего добруджанского рыболовецкого хозяйства.

Компактное проживание всей колонии игнат-казаков в одном регионе продолжалось до 1811 г., когда напуганная приближением русских войск, значительная их часть переселилась в Малую Азию на берег озера Майнос и в Македонию на берег Эносского залива. В Малой Азии они разместились первоначально в пяти станицах, где более или менее благополучно прожили вплоть до начала XX в., когда началось обратное движение на северо-восток Балкан. Колония в Македонии просуществовала недолго. Возможно, это также было связано с приходом в регион русских военных отрядов, а возможно и с просьбой майносцев, чьи поселения в Малой Азии понесли большие человеческие потери в результате постигшей их

чумы.

Добруджанская колония потеряла в свою очередь часть остававшихся в ней некрасовцев еще и в 1828-1830 гг., когда относительно большая группа игнат-казаков приняла решение о переселении в Бессарабию. Но данный пример был скорее исключением из правил. Основная масса покидать Османскую империю не собиралась, т.к. предоставляемые здесь условия практически идеально соответствовали пожеланиям старообрядцев.

При основании поселений колонисты получали от османских властей льготы, немыслимые для их исторической родины. Заинтересованное в заселении малолюдных регионов, правительство раздавало в них земли на основании так называемых колонизационных патентов. Участки земли, размер которых в Добрудже зачастую ограничивался лишь возможностью освоения, раздавались бесплатно, освобождаясь при этом на шесть лет от поземельных платежей в казну. Через двадцать лет они переходили в полную собственность (за исключением сенокосов, пастбищ и лесов, которые оставались в бесплатном пользовании при сохранении статуса государственных). Кроме того, казаки имели особую налоговую льготу, нетипичную для других христиан. В связи со службой в военное время в турецкой армии, они были освобождены от обязательного для немусульман подушного налога джизие, являвшегося отчасти платой за освобождение от воинской повинности. Эту льготу игнат-казаки сохраняли вплоть до 1864 г. Возникшее после Крымской войны намерение властей превратить их эпизодическую воинскую обязанность в регулярную повинность, привело к официальному отказу некрасовских общин от казачьего статуса. Несмотря на нежелание Порты, некрасовцам удалось настоять на своем и добиться перевода в категорию христианской райи (соответственно без обязанности несения воинской службы).

Что касается социального устройства казачьей общины, то в Османской империи переселенцы получили возможность сохранить практически в полном объеме порядки, принятые в Кубанском войске. Это касалось прежде всего внутреннего самоуправления, включая институт судебно-административной автономии. Кроме того, им гарантировалась полная свобода в вопросах культа.

Основой внутренней жизни их общин в Добрудже стали порядки, введенные еще Игнатом Некрасовым. Во всяком случае так было вплоть до переселения части некрасовцев на территорию Малой Азии. Судя по некоторым сведениям, там эти порядки продолжали сохраняться и в дальнейшем, в то время как на Балканах подверглись постепенной эрозии (8). Все общественно значимые дела принято было решать на кругу, куда был обязан являться каждый казак. Здесь происходил выбор атамана и есаулов,

проверялись общественные приходы и расходы, происходил суд. Допрос провинившихся осуществлялся атаманом и старейшинами, но приговор выносил круг. Вот, к примеру, список казачьих наказаний за провинности: за прелюбодеяние - плети, за сквернословие - плети, за неумышленное убийство - выдача родственникам пострадавшего (на их милость или немилость), за умышленное - расстрел, за измену войску - закапывание живого по плечи в землю, за богохульство - расстрел, за брак с иноверцами - смерть (9).

Говоря об административной и судебной автономии, которой пользовались некрасовские поселения, необходимо отметить, что сам факт ее возникновения не был связан с их появлением. Более того, даже привлечение христиан к воинской повинности в обмен на налоговые льготы для Османской империи не было новостью (пример тому - так называемая привилегированная райя - войнуки, дервентджии, доганджии, марголысы). Столь комфортное устройство быта игнат-казаков на новом месте находилось всего лишь в соответствии с османским законодательством и определялось основополагающими принципами построения всей государственной социально-административной системы; ведущей свое начало с XV века.

Созданная османами система конфессионально-юридической автономии реально способствовала усилению внутренней замкнутости общин, консервации традиционного быта и культуры, т.е. выполняла по существу этнозащитные функции. В тех же случаях, когда размеры территориально-церковной общины совпадали с границами этнической, как это чаще всего было в поселениях русских, происходило оформление крайне замкнутого социума, члены которого могли при желании жить в условиях практически полной изоляции от внешнего мира. А это была именно та цель, к которой стремились русские староверы.

Османы невольно законодательно оформили один из заветов Игнатовой книги, гласивший - "никто не имеет права общаться с турками" (10). Естественным образом возникал паритет: согласно старообрядческим традициям, староверам было разрешено общаться с османами только через специально выделенного общиной представителя, а по турецким законам именно таким образом христианские общины и должны были сноситься с местной администрацией. В результате обе стороны оставались в высшей степени довольны друг другом. Судя по некоторым свидетельствам, прожив в иноконфессиональном и иноэтничном государстве около полутора столетий, старообрядцы очень позитивно оценивали свое пребывание в нем. Так в конце XIX в., уже после падения Османской империи, на вопрос о турецких притеснениях старики однозначно отвечали, что таковых не

было. “Турок честный человек, хоть и не в нашего Бога верует...обиды никакой от него не было...десятину свою возьмет, а больше пальцем не тронет” - говорили они (11).

В турецких владениях нашли себе приют старообрядцы различных толков. Первоначально это были некрасовцы поповского согласия, но с течением времени в Добрудже расселились многочисленные группы различных беспоповцев. Независимо от имевшихся между ними различий, учение о приходе и воцарении в лоне православия антихриста было краеугольным камнем староверческого мировоззрения. На родине сопротивление антихристовым порядкам вызывало жесточайшие гонения. В Османской же империи это ровным счетом никого не касалось. Старообрядцы вполне законно получили автономный от греческих архиереев статус, исправно платили причитающиеся налоги и могли в остальном строить внутреннюю жизнь своих общин так, как считали необходимым.

В соответствии с разделением на поповцев и беспоповцев отчасти различались и порядки, принятые в их среде. К сожалению, имеющиеся данные не позволяют сколь-либо определенно проследить распространение даже этих двух основных согласий на территории империи. Вполне достоверно известно, что собственно некрасовцы вначале все были поповцами, а следовательно это относится и к наиболее старым русским поселениям на северо-востоке Балкан. Поповцами вплоть до настоящего времени остались и потомки игнат-казаков в с.Татарница (12). Однако их собратья, как переселившиеся в начале XIX в. в Малую Азию, так и вернувшиеся впоследствии на Балканы, священство утратили (13). Это относится и к большинству староверов, оставшихся в Добрудже после переселения из нее собственно некрасовцев. Однако в середине XIX в. значительная их часть приняла духовенство от вновь образованной старообрядческой Белокриницкой иерархии (14).

Что касается различий, бытовавших в среде поповцев и беспоповцев, то они были связаны прежде всего с наличием или отсутствием в их общинах духовенства. Поповцы принимали по необходимости священников, переходящих (бегствующих) от господствующей церкви. Основным условием было принятие от ереси и согласие соблюдать старые обряды. Однако эмиграция осложняла реализацию этих условий. К тому же в действие вступал еще и этнический фактор. Естественным следствием стало все большее распространение среди них беспоповства.

Принято считать, что вплоть до середины XVIII в. в своей основной массе староверы воспринимали отсутствие духовенства как временное вынужденное и тяжкое испытание. Однако постепенно все большее распространение начала получать точка зрения, что с воцарением антихриста

истинное священство на земле искоренено, а потому лучше обходиться совсем без оногo. В результате количество беспоповцев все более увеличивалось. В их среде из церковных таинств сохранялся лишь необходимый для спасения минимум - крещение и исповедь, которые по канонам в исключительных случаях можно было совершать и при отсутствии священника. Необходимо сразу отметить, что на бытовом уровне вынужденный отказ от церковных таинств приводил прежде всего к расшатыванию института брака. В условиях господства полусредневекового конфессионального мышления неосвящение этого важнейшего для общества акта нередко вело к нестабильности брачных связей и возникновению сложностей в процедуре наследования имущества. Поэтому многие беспоповские общины относили обряд бракосочетания к разряду таинств, разрешенных к исполнению при отсутствии священника.

К сожалению, практически отсутствует информация, которая позволила бы характеризовать отношения, складывавшихся между турецкими старообрядцами различных согласий. Имеющийся в распоряжении этнографов собственно русский полевой материал (т.е. собранный в различных регионах России) свидетельствует, что неприязненный и даже враждебный характер между общинами разных толков - явление достаточно распространенное. Однако даже намеков на нечто похожее в среде липован обнаружить не удалось. Скорее наоборот. В частности, существуют данные о распространенности в их среде обычая заключения смешанных браков, т.е. браков между представителями разных толков, осуществляемых после процедуры перекрещивания одного из брачующихся (15). Вероятно, внутренняя веротерпимость была в Добрудже необходимой мерой выживания, т.к. поиски брачного партнера в иноэтничной среде были весьма проблематичны.

Что касается быта турецких старообрядцев, то подобно всем своим собратьям, особенно тем, кто оказался на чужбине, они на протяжении столетий продолжали сохранять свой этнокультурный облик, язык, обычаи и обряды, вынесенные с родины на момент переселения. Исследователи отмечают, что и в настоящее время они в основном продолжают говорить на достаточно чистом южно-великорусский диалекте (16). Не утрачен и фольклорный багаж переселенцев. Изучение современными болгарскими исследователями песен и обычаев некрасовских сел Татарица (Силистринско) и Казашко (Варненско) показывает их не только типологическое сходство, но зачастую и буквальное совпадение с фольклором донского, а шире южнорусского типа (17).

Очевидцы также отмечают их строгую приверженность национальному отечественному костюму, маниакальную склонность к чистоте, вплоть

до уничтожения домашней утвари, которой в силу каких-либо обстоятельств пользовались иноверцы (даже православные), явную тенденцию к изоляционизму. Известно, в частности, что браки старообрядцев с местным православным населением сначала Турции, а затем Болгарии и Румынии едва ли не вплоть до середины XX в. были запрещены (18). Почти в соответствии с Игнатовой книгой, которая, как уже упоминалось, высказывалась по этому поводу весьма недвусмысленно - "за брак с иноверцами - смерть". При этом различий между конфессиями иноверцев попросту не делалось.

В целом складывается впечатление, что на бытовом уровне у турецких старообрядцев прослеживалась тенденция к фактическому превращению старого русского православия в религию изолированной этнической группы, т.е. по-сууществу к сектанству. В условиях созданной османами фактической системы апартеида эта цель была в принципе вполне достижима. Но после падения Османской империи и становления на Балканах унитарных национальных государств не только ее достижение, но и перспективы выживания стали весьма сомнительны. И, вероятно, не случайно, что именно с начала XX в. впервые началось массовое переселение староверов в Россию, которое с новой силой возобновилось после окончания Второй мировой войны.

Отдельно следует остановиться на отношениях, складывавшихся между старообрядцами и их исторической родиной. Особой непримиримостью в этом отношении отличались некрасовцы. Крайняя идеологизированность спасала их от двойственности сознания. На протяжении всей своей истории они находились с ней в состоянии почти непрерывного военного конфликта. Сначала их военную доблесть на этом поприще имел возможность оценить крымский хан. Затем они стали бесстрашными героями русско-турецких военных кампаний, получая за них от султана высокие воинские награды, которые потом бережно хранили в своих церквях. Особенно прогремели подвиги некрасовской кавалерии под предводительством атамана Ивана Солтана в войне 1828-1829 гг. и в составе корпуса Садык-паши в период Крымской войны.

Таким образом, сами некрасовцы достаточно определенно ставили себя в положение врагов собственного отечества. Но реакцию России в данном случае однозначной никак назвать было нельзя. Она была откровенно двойственной. С одной стороны, Россия устраивала гонения на старообрядцев, делая, кажется, все возможное, чтобы подтолкнуть их к вынужденной эмиграции, а с другой, добившись вроде бы своего, проявляла завидное постоянство, пытаясь амнистией и льготами привлечь их обратно. Во всяком случае история контактов русских властей с некрасовцами

выглядит в целом именно таким образом. После того, как во времена правления Петра I, а затем Анны Иоанновны попытки добиться выдачи некрасовцев потерпели провал, началась тактика заигрываний.

Одним из первых актов на этом пути стал Высочайший приказ Екатерины II от 15 апреля 1784 г., обращенный к некрасовцам, проживавшим в Малой Азии. И хотя он сулил в случае возвращения царские милости и прощение, однако услышан не был. Не дала результатов и прокламация генерала Михельсона, направленная за Дунай в 1806 г. Наибольших успехов на данном поприще дважды удалось добиться генералу С.Тучкову. В 1811 г. и в 1828-1830 гг. ему удалось склонить к переселению в Бессарабию (исключительно в нее и обязательно вблизи границы) две группы некрасовцев. От имени императора им были обещаны все мыслимые милости: амнистия, льготы от податей и повинностей; свободное вероисповедание, беспрепятственное построение своей церкви и ведение богослужения по старому обряду; избрание рода жизни и состояния, какой пожелают; отвод земли под усадьбы в достаточном количестве; освобождение от рекрутской повинности; вступление в казачье ведомство, если желают считать себя казаками (19). На столь льготные условия после длительных переговоров и торгов согласилось в 1811 г. 100 семей, а в 1828-1830 гг. 1042 человека (20). Под Измаилом переселенцы основали две станицы - Старую и Новую Некрасовку. К сожалению не представляется возможным проследить их дальнейшую судьбу в России, однако известно, что на этом вплоть до начала XX в. миграция закончилась.

Довольно своеобразным было и поведение русских войск в отношении некрасовских поселений на турецкой территории. Создается впечатление, что в целом оно было несколько растерянным. Сами же некрасовцы не питали, по видимому, особых иллюзий по поводу итогов встреч с русскими войсками. Об этом свидетельствует их массовое бегство в Малую Азию в 1811 г., откуда они в свое время были вынуждены уйти, замученные нашествиями моровой язвы. Даже закончившаяся вполне благополучно встреча с русскими отрядами на берегу Энесского залива не повлияла на сложившиеся стереотипы. Казаки встретили их хлебом-солью, но затем тут же бежали в Майнос (21). Недоверие было вполне обоснованным. Известно, в частности, что в период Крымской войны, когда некрасовцы совершали свои боевые подвиги в составе корпуса Садъкпаши, некоторые их станицы после прихода русских были подвергнуты опустошениям. В ту же кампанию генерал Ушаков, подчеркнуто вежливо обращавшийся со старообрядческим духовенством, был вынужден по распоряжению высших инстанций отправить тем не менее двух их епископов Аркадия и Олимпия, а также тульчинского попа Федора в Россию, где

они были заточены в суздальский Спасо-Евфимиевский монастырь (22). Одновременно с этим, в соответствии с конвенцией, подписанной между Россией и Турцией, тем же самым старообрядцам предлагались на льготных условиях земли в Крыму и на Кавказе, освобождающиеся после переселения в Добруджу черкесов и крымских татар. Не удивительно, что предложение не вызвало среди них интереса.

Вместе с тем, известны примеры и прямой защиты русским командованием интересов старообрядцев. В этом отношении особенно показательны события войны 1828-1829 гг., после которой, вероятно, не случайно и произошло единственное за XVIII-XIX вв. сколько-либо масштабное возвращение некрасовцев на родину. Прежде всего, был предпринят неожиданный, но чрезвычайно эффективный для формирования общественного сознания шаг - русское командование вдруг вмешалось в давнюю распрю игнат-казаков с запорожцами. Была предпринята попытка выявления среди бывших запорожцев лиц, участвовавшие в начале XIX в. в кровавой резне некрасовцев на Дунавце. Судя по рассказам очевидцев, они арестовывались и отправлялись в Россию (23).

И, наконец, что особенно важно, русское командование сделало публичный шаг для защиты старообрядческих поселений от превратностей военного времени. Относится он к истории жителей некрасовского села Кочук-Диоли, располагавшегося между Силистрой и Тутраканом и получившего от русского командования в 1828-1830 гг. пять различных Охранных листов (24). Первый из них повелевает "охранять селение русского сословия Кичук-Диол от обид, притеснений и притязаний и оказывать оному всякую защиту и помощь, под опасением в противном случае, тяжкого наказания по военному уголовному уложению" (25). Последующие связаны с защитой жителей этого села в период их временного переселения на новое место жительства, а затем возвращением обратно. По свидетельствам очевидцев событий, злключения некрасовцев были связаны с конфликтом, возникшим между ними и мусульманами соседних сел и вылившимся в разбойные нападения со стороны последних. В этой ситуации русское командование безоговорочно встало на защиту своих бывших соотечественников. В качестве жеста благодарности, а, возможно, и соображений обеспечения дополнительной безопасности некрасовцы выразили пожелание "выйти из турецкого подданства...и присягнуть на верность Державе Российской"(26). Воплотилось ли это намерение в жизнь - неизвестно. Информация такого рода отсутствует. Известно только, что после войны 1828-1829 гг. эта некрасовская станица не возродилась: часть ее жителей ушла в с.Татарица, судьба остальных неясна (27). Сами же Охранные листы, а вместе с ними соответственно и благодарная память

вплоть до 1902 г. береглись в с. Татарица - крупнейшем в XIX-XX вв. поселении игнат-казаков.

Примечания:

1. Тонев В. Добруджа през Възраждането (културен живот, църковно-национални борби, революционни движения). София, 1973, с.21.
2. Критска-Иванова Е.Ф. Типология и еволюция свадобного обряда и фольклора в Болгарии (села Татарица и Казашко)//Русские: семейный и общественный быт. М.,1989, с.218.
3. Очерк истории старообрядцев в Добрудже//Славянский сборник. Т.1. СПб.,1875, с.608.
4. Там же, с.609; Кирилэ Ф. Русская липованская община в Румынии//Традиционная духовная и материальная культура русских старообрядческих поселений в странах Европы, Азии и Америки. Новосибирск, 1992, с.270; Штайнке К. Старообрядцы в Болгарии//Традиционная духовная и материальная культура русских старообрядческих поселений в странах Европы, Азии и Америки. Новосибирск, 1992, с.253-257; Липинская В.А. Названия селений старообрядцев в Румынии//Старообрядчество: история, культура, современность. М.,1995. Вып.3, с.31-32.
5. Очерк..., с.609.
6. Кирилэ Ф. Русская липованская община..., с.269-271.
7. Сайко М.Н. Возникновение старообрядческих поселений на Буковине (70-80-е гг. XVIII в. - XIX в.)//Старообрядчество: история, культура, современность. М.,1994. Вып. 1, с.32.
8. Очерк..., с.608.
9. Вургафт С.Г., Ушаков И.А. Старообрядчество. Лица, события, предметы и символы: Опыт энциклопедического словаря. М., 1996, с. 183-184; Очерк..., с.607-608.
10. Вургафт С.Г., Ушаков И.А. Старообрядчество..., с.183-184.
11. Лупулеску И. Русские колонии в Добрудже//Киевская старина. 1889. - №2. - 334-335.
12. Штайнке К. Старообрядцы в Болгарии..., с.254-256; Критска-Иванова Е.Ф. Типология и эволюция..., с.218.
13. Штайнке К. Старообрядцы в Болгарии..., с.254-256; Вургафт С.Г., Ушаков И.А. Старообрядчество..., с.184.
14. Вургафт С.Г., Ушаков И.А. Старообрядчество..., с.184.
15. Кирилэ Ф. Русская липованская община..., с.272;
16. Там же, с.272; Леонидова М. Один восточно-славянский диалект в южно-славянском окружении//Славистични изследвания. София, 1973. Т.3, с.224-230.

17. Романска Ц. Фолклор на русите некрасовци от с.Казашко, Варненско. София. 1959; Критска-Иванова Е.Ф. Типология и еволюция...; Кауфман Н. Песни на казациите некрасовци от България//Българска музика. 1963. - №5. - С.35-40.

18. Штайнке К. Старообрядци в Болгарии..., с.255; Кирилэ Ф. Русская липованская община..., с.272.

19. Короленко П.П. Некрасовские казаки//Известия Общества любителей изучения Кубанской области. Екатеринодар. 1900. Вып.2, с.54-55.

20. Там же, 54-55, 59-60.

21. Там же, с.54.

22. Очерк..., с 618.

23. Лупулеску И. Русские колонии в Добрудже... -№2. - С.332.

24.Бахметьев П. Към историята на старите руски поселища въ сегашната България//Периодическо списание на Българското книжовно дружество въ София. София.1907. Т XLVIII. №3-4, с.294-300.

25. Там же, с.296.

26. Там же, с.297.

27. Там же, с.299.

Ю.А. Созина

РОССИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ ПЕТРА II ПЕТРОВИЧА НЕГОША

Великий государственный деятель, реформатор, владыка Черногории с 1830 по 1851 годы Петар II Петрович Негош (1813-1851), человек исключительной одаренности, стал для черногорского и – шире – сербского народа крупнейшим поэтом первой половины XIX века. Он оставил после себя богатое литературное наследство – стихи, поэмы, прозу, переводы, письма. Всемирно известны его философская поэма “Луч микрокосмоса” (1845) и драматические сочинения в стихах “Горный венец” и “Самозванец Степан Малый” (оба относятся к 1847 году). В основе творчества Негоша лежит глубокая связь с народной песенной традицией, а в основе его политики, вероятно, столь же глубокая уверенность в жизненной необходимости для Черногории, борющейся за независимость, ориентации на Россию. Верность этому самобытный талант сохранил в течение всей своей короткой жизни. Россия переплелась с его судьбой и творчеством удивительным образом.

Тема России вошла в творчество Негоша уже с одним из его первых

стихотворений¹ – “Новой песней черногорской о войне русских и турок, начатой в 1828 году” (поэту было в ту пору около 16 лет). Написанное в духе народных сказаний стихотворение возносит русского царя Николая I как справедливого, преисполненного достоинства былинного героя, который отправляет гневное послание турецкому султану с вызовом на бой. В этом письме Негош особо выделяет благородство потомка Петра Великого, чуткого к людским горестям, сердцем болеющего за угнетенные православные народы (сербов, болгар и греков):

Когда внял я сербам славным воинам,
сердце мое оскорбленное сильней забилось,
и печаль меня великая объяла,
когда услышал я о смерти Черного Георгия²,
моей правой от плеча руки.
Но и это я хотел перетерпеть
до начала нашего поединка,
и что было, то миновало.
Как вдруг разом три тысячи греков,
три тысячи греков и болгар,
все одетые в черный траур,
Роняли слезы белые лица;
все упали ниц на голые колени,
каждый надрывается от крика:
“Николай, немеркнушее солнце,
или помоги, или предай нас смерти,
чтобы не душила нас рука безбожных!...”³

Готовые отразить нападение любого из своих соседей и наказать восставших турецкие военачальники понимают нешуточность войны с Россией, уже не раз показывавшей им свою мощь: “с ними воевать нам бесполезно” (с. 19). Для усиления контраста между величием русской и бессилием турецкой армий, а также для передачи народных настроений в Османской империи, автор вводит в повествование героя восточных сказаний Насреддина. Он изображен 460-летним старцем, воплощающим в себе народную мудрость и смекалку. Рассказывая о своем опыте сражения с русскими, спасением от которых служит лишь безоглядное бегство, Насреддин пытается отговорить своего правителя от бессмысленной войны. Несмотря на предостережения окружающих, султан не желает пойти на уступки, собирает огромное войско и принимает бой. На смерть схватились две огромные силы – русские и турки, но:

...бегут паши, бегут визири,
за ними все их войско многолико,

а следом русские – нещадно гонят... (с. 34)

В этом произведении, несомненно, симпатии юного автора принадлежат России. Оно было создано по горячим следам исторических событий, которые возымели большое влияние на судьбы Балкан, и отразило в себе подъем русофильских настроений среди сербов и черногорцев того времени. Большую популярность этого произведения в народе отмечает в своей монографии о Негоше П.А. Лавров: “В заметке к отдельному изданию этой песни говорится, что народ черногорский так ее полюбил, что почти всякий черногорец знает ее наизусть и охотно поет под звуки гуслей. Неудивительно, что некоторые меткие выражения ее и до сих пор уцелели в народе”.⁴

Примечателен тот факт, что в публикации “Новой песни черногорской...” в 1837 г.⁵ Негош оставляет ее первоначальное название: “о войне, начатой в 1828 году”, тем самым, вероятно, подчеркивая актуальность и незаконченность миссии России на Балканах.

Постепенно знания Негоша о мире и литературе расширяются. Большую роль в становлении будущего владыки и поэта сыграл его учитель, наставник и друг Сима Милутинович-Сарайлия (1791-1847), личность примечательная. Известный сербский поэт не имел начального образования, но прослушал ряд лекций (в частности по философии) в университете в Лейпциге. В 17 лет он стал секретарем совета при Карагеоргии, несколько лет прожил на юге Российской империи, в Кишиневе, где им была создана знаменитая поэма “Сербияда” (“Сербијанка”, Лейпциг, 1826)⁶, был знаком с Гете, одобрительно отзывавшимся о его поэме, и с рядом других известных немецких литераторами. При владыке черногорском Петре I Петровиче Негоше, в последние годы его жизни, Милутинович состоял секретарем народным. С 1827 по 1830 гг. Раде⁷ имел возможность не только познакомиться с ним, но и перенять его обширные, хотя, вероятнее всего, и неупорядоченные знания о мировой литературе, в том числе и русской. Возможно, не меньшую роль в развитии личности Негоша сыграла его огромная любовь к чтению. Сербский писатель Любомир П. Ненадович (1826-1895) в своем сочинении “О черногорцах” (1878), основанном на воспоминаниях С. Милутиновича, которые он слышал еще ребенком, на рассказах черногорцев во время своих поездок в их прекрасный и суровый край и на впечатлениях от личного знакомства с владыкой, пишет: “Раде остался на Цетине, чтобы изучать книги. /.../ Гусли говорят лишь с теми, кто может слышать их голос; книга говорит и с теми, кто далеко, - она говорит через века. /.../ Он прочитал все книги, что были в монастырской библиотеке. За короткое время он знал столько, сколько знали те, кто его учил. Старый владыка отправляет его в Боку Которскую, в монастырь Са-

вина, близ Нового. Но и здесь у него не было таких учителей, которых бы за короткое время своим вчитыванием в науку не превзошел. Житиями Святых отцов в монастыре он не мог удовлетвориться. Он одалживал светские книги в городе и читал их”.⁸

Благодаря общению с Милутиновичем и беспрестанному чтению Негош, видимо, начинает ощущать себя и свое творчество уже в контексте развития общеевропейской литературы. Вероятно, особенно этому способствовало знакомство с произведениями русских поэтов и писателей, а также с русскими переводами мировой классики – произведениями Гомера, Данте, Мильтона, Байрона и др.

Среди книг библиотеки Саввинского монастыря, где Раде “должен был научиться церковному правилу и служенью”⁹, было первое оригинальное издание “Риторики” М.В. Ломоносова 1748 г., одного из литературных учителей тогда еще тринадцатилетнего Раде Томова. Два полных собрания сочинений Ломоносова хранились и в библиотеке владыки Петра I. Значение Ломоносова для Негоша проявилось в появлении и развитии в его произведениях определенной схожести внутренней философской направленности со взглядами русского ученого, которая, претерпевая изменения, в своеобразном виде сохранилась и в зрелом творчестве черногорского поэта.¹⁰

18 (30) октября 1830 г. умирает владыка Петар I. Его заветом юному наследнику стало предсмертное напутствие: “Теперь я тебе ничем не могу помочь, но вот тебе эти самые последние слова от меня: молись Богу и держись России”. Об этом мы узнаем из письма Негоша российскому вице-консулу в Дубровнике Е.М. Гагичу от 30 октября того же года. Это одно из первых официальных писем Негоша примечательно тем, что в нем автор раскрывает свое отношение к России, представлявшейся ему “единородной покровительницей и охранительницей нашей”, которая “все славянство прославила, а всех турок унизила, – Русь, глава Славян под покровительством всевышнего”. Можно полагать, что подобные восхваления были написаны молодым владыкой, еще только осваивавшим искусство политики и дипломатии, как дежурные общепринятые обороты речи, но в этом случае, как нам кажется, можно было бы обойтись лишь первой фразой, экспрессивно-эмоциональная окрашенность второй, содержащей противопоставление России и ненавистной Порты, утверждает подлинность чувств Негоша по отношению к великому северному брату. Кроме того, трудно ожидать от 17-летнего, неопытного и темпераментного, вместе с тем умного, талантливого и прозорливого человека проявлений политического лицемерия.

19 (31) октября скупщина старейшин Черногории и Брды провозгла-

сила семнадцатилетнего Радивоя Петровича престолонаследником, подтвердив тем самым завещание митрополита Петра I, желавшего видеть младшего племянника своим преемником. Юноша сразу же принял монашеский постриг и был посвящен в архимандриты.

1833 г. Негош впервые приезжает в Россию. 6 (18) августа в Преображенском соборе Санкт-Петербурга в присутствии Николая I его торжественно посвящают в архиерейский сан епископа. Он стал первым черногорским владыкой со столь высоким званием. Позже, в 1834 г., Святейший Синод по предложению русского императора посвящает его в архиепископы. Приезд Негоша был заметным событием в жизни петербургского высшего общества. На родину владыка вернулся воодушевленным, полным надежд, очарованным величием и красотой российской столицы, уверенным в поддержке русских. Кроме того, он получил существенную денежную помощь, а также привез иконы, церковную утварь, шрифт для типографии и большое количество книг (только книг на сумму 10 тысяч рублей)¹¹.

Результатом первой поездки Негоша в Россию можно считать появление сборника “Отшельник цетинский” (Цетине, 1834). Наряду с произведениями философского (“Черногорец всемогущему Богу”) и историко-мифологического содержания (“Пленный вилой черногорец”) в книгу вошли семь стихотворений, посвященных России. Среди них – два стихотворения, посвященные лично Николаю I, по одному – цесаревичу Александру, известному филантропу и влиятельному государственному деятелю князю А.Н. Галицыну и обер-прокурору Святейшего Синода С.Д. Нечаеву, принимавшему Негоша в кругу своего семейства. Бесславно окончившемуся нападению Наполеона на Россию посвящено сатирическое стихотворение “Дунул ветер сильный на Россию...” (известное также под названием “Орел и курица”), где неудачливого французского императора поэт сравнивает с курицей, а императора российского с орлом. Центральными мотивами стихотворений “Отшельника цетинского” стали мотив общеславянского единства, мотив свободы, или “глас свободы”, мотив сочетания добродетелей и воинской храбрости русских: “Ты же всех возрадуйся сильнее, / о великое, русское племя, / что шагаешь римскими шагами / под началом Николая...” (71). Интересны параллели с древнегреческой мифологией – Николай I именуется Марсом и Зевсом на славянском Олимпе. Сборник написан под сильным влиянием образцов классицизма, в том числе и русских. Так, П.А. Лавров отмечает, что стихотворение “Черногорец всемогущему Богу” написано под явным воздействием оды Державина “Бог” (ученый находит в нем ряд подражательных моментов).

Среди произведений сборника особое место занимает посвящение

Неве – возвышенное, эмоционально насыщенное стихотворение, выражающее чувства юного черногорского владыки к России:

Нева-река, зеркало человечества,
Славой ты прославила свой исток
Больше, чем Дунай и Нил, и Евфрат древний. /.../
Берега свои осыпала жемчугом –
Просвещеньем – самым драгоценным камнем;
Из тебя выросли цветы
Истинного знания и человеколюбия. /.../
О, Нева, ты всегла текла со славой,
Тобою гордились народы –
Твой русский храбрый с братьями-славянами! (80-81)

Завершает книгу ироничная “Ода султану турецкому”, усиливающая характерную для творчества молодого Негоша антитезу Россия – Турция.

Посещение России в 1833 г. произвело на поэта неизгладимое впечатление. В письме Вуку Стефановичу Караджичу он так писал о своих впечатлениях: “...Я и не знаю, нахожусь ли я на земле, но поднимаюсь на крыльях Дедала и с высоты смотрю, или во сне вижу столицу единоверного и единоплеменного царя славянского, столицу в полном смысле слова царя и действительно великого”.¹²

О своей приверженности России Негош не раз говорил и писал. Если бы это было лишь политической игрой, он не развивал бы так последовательно данную тему в своем художественном творчестве. Доказательством искренности его чувств может служить и сравнение некоторых особенностей поэмы “Свободиада” (1835), и ее предвестницы – поэмы “Глас из каменных гор” (1833), оригинал которой, к сожалению, не сохранился, но в архивах города Задара на побережье Далмации был найден ее перевод на итальянский язык.

Поэма “Свободиада” была написана в тот же период восторженного отношения к России, что и стихотворения сборника “Отшельник цетинский”. При жизни поэта она не была издана.¹³ Произведение посвящено более чем столетней истории войн черногорцев (и сербов), начиная с битвы войск владыки Данилы и войск турецкого султана Ахмеда III в 1712 г. и заканчивая решениями Венского конгресса 1815 г., согласно которым завоеванная черногорцами Бока Которская, дававшая столь необходимый им выход к морю, отошла к Австрии. Одним из центральных мотивов поэмы становится идея славянской взаимности. Главной причиной слабости славян поэт называет их разобщенность. Последняя, десятая, песня поэмы изображает доблестную битву черногорцев плечом к плечу с русскими войсками против французов. Три тысячи русских моряков под командова-

нием адмирала Д.Н. Синявина и шесть тысяч черногорцев вели успешную борьбу против экспансии Далмации наполеоновской армией. Не может оставить равнодушным отношение Негоша к русским – “братьям единокровным славянам”. Солдат российской армии поэт называет “новой силой, новым чудом неслыханным”, что пришли на помощь черногорцам в их непрекращающейся борьбе за свободу. Он отмечает их доблесть, ценные военные навыки, природную храбростью. Для него объединенное русско-черногорское войско, т.е. войско общеславянское, является символом непобедимости:

Но упорные славянские
хитроумные орлы и соколы
венца своих витязей великих
никогда с главы не снимут,
пока живо имя славного Урана,
силу гордую Мармонта
разбивают, разрубают.../.../
Галл затравлен и испуган
силой правой славянина,
и бежит...¹⁴

В поэме “Свободиада”, которую Негош хотел посвятить цесаревичу Александру, но так и не получил на это высочайшего согласия, чувствует себя неподдельное восхищение русским воинством, хотя автор с горечью и отмечает, что интересы черногорцев в этой войне остались неудовлетворенными. Список произведения в 1835 г. был отправлен для получения разрешения на посвящение российскому престолонаследнику в Петербург, где хранится до сих пор в публичной библиотеке им. М.Е. Салтыкова-Щедрина.

“Глас из каменистых гор” с подзаголовком “Песня о героических делах Черной Горы с 1711 по 1813 годы” по существу является первоначальным воплощением замысла поэта описать беспрерывные кровопролитные войны, которые вели черногорцы во имя свободы. Произведение было закончено еще до поездки Негоша в Россию. В Вене он передал его Вуку Караджичу для публикации, которая так и не состоялась из-за сомнений цензуры. Здесь расставлены несколько иные акценты. Так, например, повествование начинается с описания неудачной для России войны с Турцией, в которую призывами Петра Великого были вовлечены и черногорцы (этот факт опущен в “Свободиаде”). Заканчивается произведение хвалами в честь австрийского престола, от которого в свое время Черногория получала некоторую военную помощь (обозы с порохом). Торжественное обращение к Иосифу содержит благодарность, но в них нет и доли того вос-

хищения к русским, которое отражено в “Свободиаде” и в “Пустыннике цетинском”. Да и в самом “Гласе” Негош обращается к черногорцам: “Вместе с русскими вы проливаете кровь, / зная, что принадлежите одному племени, / и все по распоряжению царя самодержца, настоящей короны сербского народа...” (с. 277).

После первой поездки Негоша в Россию значительно пополнилась его личная библиотека. В ней были произведения Пушкина, Державина, Жуковского, русские переводы мировой классики. Пушкин и Байрон стали любимыми поэтами черногорского владыки. По воспоминаниям секретаря владыки М. Медаковича: “Его библиотека была полна почти одних русских книг, которые почти все получены из России в дар. /.../ Всегда получал по несколько политических газет, больше же всего читал сербские и русские, а потом и французские”.¹⁵

Тяжелое экономическое и политическое положение Черногории заставили Негоша еще раз обратиться за помощью к России и отправиться туда в канун 1837 г. Хитросплетения внешней политики, известная осторожность к его деятельности со стороны некоторых недоброжелателей в Петербурге задержали Негоша в Европе. Вторая поездка в Россию была долгой и утомительной, потребовала от владыки много сил, но, к счастью, результаты ее оказались весьма полезными для Черногории.¹⁶ По этому поводу П.А. Ровинский пишет: “Поездка эта хотя и сопровождалась самыми невыгодными для него (Негоша – Ю.С.) обстоятельствами, в конце концов, дала ему веру, что он никогда не будет оставлен Россией и ее строгим, но великодушным монархом”.¹⁷

В конце 30-х – начале 40-х годов Негош почти ничего не создает, посвящая свободное время, которого у него, как правителя, было крайне мало, расширению своих знаний в области общеевропейской культуры. С 1845 г. практически одна за другой выходят его книги – “Луч микрокосмоса”, “Зеркало сербское” (сборник народных песен, 1846), “Горный венец” и “Самозванец Степан Малый”. В отношении Негоша к России, у которого с годами, естественно, менялись взгляды на мир, пропала былая юношеская восторженность, безоглядное упование на ее мощь и доблестный героизм ее сынов. В “Горном венце” он устами Владыки Данилы скажет:

Отовсюду злая сила давит.

Хоть бы брат был где-нибудь на свете,
пожалел бы, уж и тем помог бы.¹⁸

/ Перевод Ю. Кузнецова./

Но Россия все равно оставалась для него великой страной с богатой и такой близкой культурой. Примечательно в этом отношении произведение “Самозванец Степан Малый”, которое многие традиционно называют

драмой, писательница Исидора Секулич считала комедией исторической ситуации, а сам поэт не стал обозначать его жанр, указав лишь в подзаголовке: “Историческое событие 18 века”. В основу положены реальные факты из истории Черногории, когда несколько лет в ней правил самозванец, выдавший себя за русского царя Петра III.

В этом произведении Негош показал, насколько глубоко в сознании черногорского народа жива была вера в великого русского брата, так что слова “император российский” не просто действовали магически, но служили в течение шести лет, когда Черногорией правил самозванец, объединению разрозненных племен. Прибывший из Петербурга князь Георгий Долгоруков с миссией от Екатерины II разоблачает Степана Малого, но народ требует вернуть царя, обосновывая это так:

В сравненьи с царем что князь такое?

Пред сильным котом мышонок малый!

/Перевод В. Корнилова./ (299)

Интересны строки, где некоторые черногорские старейшины высказывают свое отношение к России в связи с возникшим спором из-за лжецаря. Так сердар Вукале говорит:

Князь, у вас все совсем по-иному.

Я однажды побывал в России;

Тянутся везде у вас равнины,

Им не видно ни конца, ни краю;

И куда там человек ни взглянет,
видит, что с равниной слито небо...

Мы поступаем неодинаково,

В чем-то вы правы, а мы не правы,

В чем-то мы правы, а вы не правы... (297)

Словно с укором за то, что в Петербурге могли поверить наветам недругов, Негош вкладывает в уста Попа Андрии слова:

Какая же это любовь братская,

Ежели ее в раздражении

Один человек разорвать волен? (298)

Конечно, в этом произведении с особой остротой чувствуется понимание Негошем глубоких различий между двумя народами – черногорским и русским, у которых отличаются историческая судьба, традиции, характеры, да и сама природа, их окружающая. Тем не менее, у этих двух народов есть общее, великое, исконное начало, что роднит их, заставляет оставаться братьями, несмотря на все обиды. В драме о них напоминают черногорцам турки, на что Феодосий Маркович отвечает:

И еще скажи, Мадьяр, визирю,

что русские нам родные братья,
что на свете силы не сыщется,
которая бы нас рассорила. (288)

Обращение Негоша к драматической форме “не обошлось без усвоения пушкинского опыта в создании драматических произведений и прежде всего “Бориса Годунова”.¹⁹ А.С. Пушкин был любимым поэтом великого черногорца, он у него учился. Негош был потрясен безвременной кончиной своего кумира.

Существует предание о том, что во время своего вынужденного пребывания в Пскове в 1837 г. владыка черногорский посетил могилу Пушкина в Святогорском монастыре и даже отслужил там панихиду по погибшему поэту.²⁰ Так, о “странном пилигриме”, почтившем “святой прах”, написал хранитель Пушкинского заповедника С.С. Гейченко в одном из рассказов сборника “У Лукоморья”²¹. Эта прекрасная легенда отвечает тому трепетному чувству, которое испытывал Негош к Пушкину.

Свой сборник черногорских народных песен “Зеркало сербское” Негош посвятил “Памяти Александра Пушкина”:

Над великим всемогущим сводом,
над далью, что доступна взгляду,
под единовластным небосклоном,
где молодые солнца непрестанно,
зажигаемы магической рукою
нашего творца, роятся будто пчелы:
там твой гений дивный зародился
и на пение он миром был помазан;
с тех высот, где зори расцветают,
он оттуда к нам слетел незримо.
Счастлив ты, певец великого народа,
к праху твоему священному, земному
подвиги, что воины, сберутся,
чтобы встать пред алтарем прекрасным.²²

Негош скднчался от тяжелой болезни в возрасте 37 лет. В книге “Черногория и славянские земли” лично его знавший Е.П. Ковалевкий писал: “Владыка родился поэтом; изучение своего родного языка и народных преданий подготовило у него заранее богатые средства к занятиям литературным. Все прочие познания приобрел он тогда, когда уже был правителем, когда был обременен делами в течение дня и только у ночи заимствовал время для учения. Владыка был одним из образованнейших людей нашего времени”.²³ Если вдруг представить себе на минуту, случилось бы так, что творчество Ломоносова, Державина, Пушкина, труды русских

переводчиков – множество тонких нитей, накрепко связавших судьбу Негоша с Россией, оказали бы гораздо меньшее влияние на него или даже не оказали бы его вовсе, то самобытный талант его все равно рано или поздно вылился бы в прекрасные песни и вознесся бы на вершину поэтического Парнаса, но песни эти были бы уже иными.

Примечания:

¹ Известно, что Негош складывал песни еще совсем юным – до того, как благодаря своему дяде владыке Петру I Петровичу Негошу, выбравшему его своим наследником, получил возможность учиться.

² Георгий Петрович (1768-1817), по прозвищу Черный, вождь Первого сербского восстания 1804-1813 гг., вошедший в историю под именем Карагеоргия. Сербские повстанцы действовали в союзе с Россией, однако только после войны России с Турцией 1828-1829 гг. сербский вопрос получил свое частичное разрешение.

³ Негош П.П. Целокупна дела. IX издање. Књ. 1. Пјесме. Београд, 1981. С. 14. Дальше страницы указаны в тексте. – Там, где это специально не указывается, перевод принадлежит автору статьи.

⁴ Лавров П.А. Петр II Петрович Негош владыка черногорский и его литературная деятельность. М., 1887. С. 218.

⁵ “Новая песня черногорская о войне русских и турок, начатой в 1828 году” вошла во второе издание “Песен черногорских и герцеговинских” С. Милутиновича (Лейпциг, 1837).

⁶ Произведение было создано под влиянием поэмы М.М. Хераскова “Россияда”, одного из ярких образцов русского классицизма. Подробнее об этом см. главу о сербской литературе Р.Ф. Дорониной во II томе “Истории литератур западных и южных славян” (М., 1997. С. 249-250).

⁷ Раде (или Радивой) Томов Петрович - мирское имя Петра II.

⁸ Ненадовић Љ.П. Одабрана дела. Нови Сад – Београд, 1971. С. 376. Этот же факт особо выделяет и русский исследователь П.А. Ровинский в своей монографии “Петр II (Раде) Петрович Негош владыка черногорский (1830-1851)” (С.-Петербург, 1889. С. 185-186).

⁹ П.А. Ровинский. Ibid. С. 13.

¹⁰ Интересную и результативную попытку проанализировать эту схожесть предпринял известный философ и литературовед Душан Неделькович в 1965 г. в своей статье “Ломоносов и Негош”, посвященной 120-летию поэмы Негоша “Луч микрокосмоса” и 200-летию смерти Ломоносова (Стваране. Титоград, 1965, № 11-12. С. 1147-1158). В ней исследователь проводит убедительные параллели в наследии Ломоносова, в том числе и естественно-научном, и творчестве Негоша, касающиеся “культы” огня, све-

та, искры (конечно, это условное название). Ученый доказывает, что этот “культ” (в кавычках) носил отнюдь не религиозный или романтический характер, но имел в своей основе и научно-философские воззрения.

¹¹ Подробнее об этом см.: Аншаков Ю.П. Становление Черногорского государства и Россия (1798-1856). М., 1998. с. 190-193.

¹² Његош П.П. Целокупна дела. IV издање. Књ. 6. Изабрана писма. Београд, 1975. С. 42.

¹³ Поэму в 1854 г. в Земуне издал Л.Н. Ненадович по просьбе самого владыки, с которым он познакомился во время своего путешествия по Италии в 1850 г., о чем позднее он написал в своей книге “Письма из Италии” (Ненадовић Љ.П. Ibid. С. 105).

¹⁴ Његош П.П. Целокупна дела. Књ. 2. Свободијада. Глас Каменштака. С. 196.

¹⁵ Цит. по: П.А. Ровинский. Ibid. С. 203.

¹⁶ Аншаков Ю.П. Становление Черногорского государства и Россия (1798-1856 гг.). Москва, 1998.

¹⁷ П.А. Ровинский. Ibid. С. 209.

¹⁸ Негош П. Горный венец. Самозванец Степан Малый. Ред. О. Кутасовой. Москва, 1988. С. 68. Далее страницы указываются в тексте.

¹⁹ Кутасова О. Жизнь поэта. / Негош П. Горный венец. С. 31.

²⁰ Все за и против этого предания были подробно проанализированы в работах Н. Мартиновича. См., напр., статью: Мартиновић Н. Његош у Пскову. // Стваране. 1971, № 6. С. 776-799.

²¹ Гейченко С.С. У Лукоморья. 2-е изд. Ленинград, 1973. С. 113-120.

²² Његош П.П. Целокупна дела. Књ. 5. Огледало српско. С. 9.

²³ Ковалевкий Е.П. Черногория и славянские земли. С.-Пб., 1872. С. 206-207.

Фролова М.М.

Н.Н. МУРЗАКЕВИЧ И БОЛГАРСКОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ

Научная и общественная деятельность Николая Никифоровича Мурзакевича (1806-1883) неотделима от истории г. Одессы, превращения его в центр культурной и научной жизни активно осваиваемого Новороссийского края. С именем Мурзакевича связано создание в 1839 г. и плодотворная работа Одесского Общества истории и древностей (ООИД), редактирование фундаментальных 12 томов Записок ООИД, организация истори-

ческих музеев в Одессе и Феодосии, реорганизация публичной библиотеки Одессы и основание библиотеки в Тифлисе. Мурзакевич плодотворно занимался историей России ХУ-ХУШ вв., историей Новороссийского края и Бесарабии, археологическим изучением античных и средневековых памятников Причерноморья и обеспечением их охраны, нумизматикой, эпиграфикой, что отразилось в его работах, число которых достигает до 130 наименований. Именно эти аспекты деятельности Мурзакевича отражены в дореволюционной и современной историографии¹. Внимание исследователей привлекают также взаимоотношения Мурзакевича с гр. М.С. Воронцовым, с митрополитом Евгением, чешскими учеными П.И. Шафариком и В.В. Ганкой². Но только Б.Н. Билунов в краткой статье в библиографическом словаре «Славяноведение в дореволюционной России» отметил важное значение научно-педагогической деятельности Мурзакевича для развития болгарского просвещения³. Привлечение же переписки одесского ученого с московскими коллегами М.П. Погодиным, О.М. Бодянским, А.Д. Чертковым, как опубликованной, так и неопубликованной, позволяет обогатить биографический очерк о Мурзакевиче новыми данными и дополнить картину развития русско-болгарских культурных связей в первой половине XIX в.

Николай Никифорович Мурзакевич родился в 1806 г. в г. Смоленске в семье дьякона Успенского кафедрального собора. Отец его был знатоком Смоленска и его окрестностей и составил первую историю родного города. Богатая его библиотека пополнялась дарами от ректора Московского университета И.П. Тургенева и канцлера гр. Н.П. Румянцева, с которым он состоял в переписке. Николай Никифорович рано научился читать. «Охота к чтению, со дня на день увеличиваясь, вытеснила механическое школьное заучивание уроков»⁴. Любовь отца к родной старине не могла не увлечь и Николая Никифоровича, который в детстве загорелся желанием «...отыскать сложенные старинные архивы, ...открыть древние склады оружия и монет»⁵. Позднее неутомимые поиски Мурзакевича привели к счастливым открытиям Псковской Судной грамоты (изд. 1847 и 1869 гг.), подлинных писем царевича Алексея Петровича (изд. 1849 г.), нескольких вариантов «Русской Правды» и др. В Смоленской семинарии Николай Никифорович проучился 7 лет, и в 1825 г. он поступил в Московский университет на этико-политическое отделение философского факультета. По окончании университета (1828 г.) он, прослужив некоторое время домашним учителем, приехал (в 1830 г.) в Одессу по приглашению своего университетского товарища М.М. Кирьякова. Служба в Таможенном ведомстве, хотя и обеспечивала определенный достаток, однако, не привлекала Мурзакевича. Душу свою он отводил в ученом кружке, который до своего отъезда в

Москву посещал Ю.И.Венелин, только что возвратившийся из Болгарии и Молдавии, где собирал славянские памятники. О знакомстве с чешским ученым Иосифом Шафариком и с академиком санскритологом Сталем рассказывал Кирьяков. В 1831 г. Мурзакевич поступил в Ришельевский лицей, в котором он прослужил 27 лет, начав с должности учительского помощника в младших классах и надзирателя за внутренними воспитанниками. В 1838 г. после защиты в Московском университете магистерской диссертации «История генуэзских поселений в Крыму» он был утвержден адъюнктом, в следующем году - профессором по кафедре российской истории и статистики. В 1852 г. Мурзакевич стал ректором лицея, но в 1857 г. вышел в отставку из-за разногласий с попечителем Одесского учебного округа Н.И.Пироговым.

Выбор Одессы местом жительства определил и направление научных изысканий Мурзакевича, который согласно решению членов ученого кружка взялся обработать древнюю историю Новороссийского края. Первая его работа была посвящена описанию античных монет собственной коллекции, что послужило причиной знакомства ее автора во время его поездки в Москву в 1835 г. с известными нумизматами гр. С.Г. Строгоновым, попечителем Московского университета, и А.Д. Чертковым, с 1836 г. вице-президентом, а с 1848 по 1857 гг. президентом Общества истории и древностей российских (ОИДР). С учреждением в 1835 г. кафедры славяноведения при университете московские ученые стали проявлять повышенный интерес к зарубежным славянам. Славянская тематика присутствовала и на заседаниях ОИДР, кои Мурзакевич не преминул посетить. «Этому Обществу я признателен за то, что оно после митрополита Евгения, первое меня поощрило к занятиям по отечественной истории»⁶, - вспоминал с благодарностью Мурзакевич, ставший в 1836 г. действительным членом Общества истории и древностей российских. В Москве Мурзакевич встретил радушный прием у Черткова, который принял живое участие в дальнейшей судьбе коллеги из Одессы. Мурзакевич восхищался коллекцией русских монет Черткова, которая показала ему единственной в своем роде. Чертков, также как и Мурзакевич, был страстным библиофилом. Он задумал создать библиотеку, «посвященную познанию России и славянства в историческом, археологическом, литературном и других ученых отношениях». Мурзакевич, всецело разделяя идею создания Чертковской библиотеки, взял на себя труд доставлять в Москву издания на болгарском языке. Болгарские книги он посылал также О.М. Бодянскому, с которым познакомился в очередной свой приезд в Москву в 1837 г. С.Г. Строганов предложил Мурзакевичу в спутники до Киева магистра О.М. Бодянского, ехавшего за границу для усовершенствования в славянских наречиях. По-

видимому, к этому времени у Николая Никифоровича установились уже контакты с представителями болгарской колонии в Одессе. Как известно, болгарские семейства Одессы предпочитали посылать учиться своих детей в греческое коммерческое училище. И только в 1832 г. болгарские ученики появились в Ришельевском лицее. В своей автобиографии Мурзакевич писал: «Болгары с 1833 г. стали обращать на себя мое внимание. Имея в 3-м классе гимназии трех братьев Мутевых, случайно спросил, какой они нации? - отвечали: болгаре. Привыкнув с Университета считать болгар потомками болгар волжских, следовательно мусульманами, обратился к лучшему из них Дмитрию: каким языком пишут у вас и читают? - Почти таким, как и русские! На другой урок они принесли мне печатные церковнославянские книжечки и этим разрушили мое понятие о их татаро-турецком происхождении и, напротив, убедили в славянском нашем единоплеменстве»⁷. На эти-то книжечки, которые были большей частью буквари, грамматики и богослужебные книги, обратил внимание Мурзакевич, составив их каталог, который был отослан Бодянскому и знаменитому чешскому ученому П.И. Шафарику по их просьбе.

Мурзакевич посылал Бодянскому в бытность его в славянских землях и Шафарику просимую ими Болгарскую грамматику, редкий Букварь Беровича. Для Бодянского, странствовавшего по славянским областям Австрии и Пруссии и желавшего также посетить и Болгарию, Мурзакевич беспокоился о получении от одесских болгар рекомендательных писем к соплеменникам, поскольку из поездки Венелина стало известно о недоверчивости турецких болгар к путешественникам⁸. Таковыми рекомендациями был снабжен и В.И. Григорович, посетивший болгарские земли во время своей заграничной командировки 1844-1847 гг. Мурзакевич попытался организовать среди одесских болгар работу по сбору статистических сведений о болгарских селениях в Османской империи (название, численность населения и расстояние между ними) с тем, чтобы на их основании составить карту Болгарии. Понимая сложность предприятия, Мурзакевич сообщал Бодянскому о необходимости достаточно длительного ожидания результатов⁹. В 1845 г. он отправил в Москву Черткову и Бодянскому болгарскую карту, изданную в Страсбурге в 1843 г. В свою очередь Мурзакевич собирал данные о болгарях, живших в Новороссийском крае, которые он высылал Шафарику и Бодянскому¹⁰. В 1844 г. одесский историк писал Черткову об ожидании из Болгарии новостей, которые должен был привести один из его слушателей, проживший в Болгарии целый год и получивший поручение от Мурзакевича собрать топографические, этнографические, палеографические сведения и материалы. Он вез также несколько рукописных и печатных книг¹¹. Однако и самое разыскивание, и

доставка болгарских книг было делом весьма нелегким. Так, о Болгарском Евангелии в переводе Сапунова Николай Никифорович хлопотал целых 2 года. Строгий запрет, наложенный на него Константинопольским патриархом, перевел его в разряд редких¹². Книжные посылки часто не доходили. В 1845 г. Мурзакевич писал Черткову о гибели в декабре у Дунайского устья корабля, на котором находились и заказанные им болгарские книги. Мурзакевич вновь повторил запрос¹³. Благодаря неустанным заботам Мурзакевича книжные собрания московских ученых пополнялись болгарскими изданиями, что отразилось, в частности в изданном в 1845 г. Прибавлении к каталогу Чертковской библиотеки. В Москву из Болгарии через Мурзакевича приходили не только книги, но и газеты и журналы.

Свои же болгарские книги Николай Никифорович, став библиотекарем, передал в Одесскую городскую библиотеку, которую он принял в весьма плачевном состоянии. В 1843 г. Мурзакевич писал, что библиотека «уже красуется 18 названиями разных болгарских книг», среди которых была очень редкая книга, изданная в 1806 г. Софронием Врачанским. «Хочу при библиотеке составить отделение чисто славянское: в него войдут все попадающиеся мне в руки книги болгарские, сербские, чешские и всякие другие. Да будет одесская книжница рассадницею славянства»¹⁴. С просьбой о присылке дубликатов славянских книг и книжечек он обратился к Черткову, Бодянскому, Погодину и другим москвичам, а также к Шэфарику и Ганке. Мурзакевич составил, а затем и издал систематический каталог книжного собрания Одессы, которое только за первые 5 лет его заведования удвоилось. Улучшение работы библиотеки немедленно отразилось на количестве посетителей: с 400 человек в 1843 г. до 2659 человек в 1848 г.¹⁵, что свидетельствовало о плодотворности усилий ее нового библиотекаря по превращению ее в подлинный центр просвещения.

Николаю Никифоровичу болгары привозили не только печатные издания, но и рукописные книги, которые он пытался опубликовать. Так, Мурзакевич заказал скопировать «неважную в ученом значении, но примечательную как первый опыт в отечественном бытописании болгарского монаха Паисия» «Историю славяно-болгарскую» со списка, имевшегося у болгарского купца и радетеля просвещения В.Априлова (Жеравенский список)¹⁶. Чертков решил ее опубликовать как первую работу по истории Болгарии, написанную болгаринном. После смерти Черткова Мурзакевич, который не располагал необходимыми для этого средствами, предложил Бодянскому напечатать ее сначала в «Чтениях», а затем сделать до 600 экземпляров особых оттисков, для чего Мурзакевич сделал список со своего манускрипта слово в слово, букву в букву. Он готов был заплатить за особые оттиски и бумагу. «Для водворения в болгарях ны-

нешних старой их грамотности» ученый загорелся желанием также издать доставленное ему болгарами с Афонской горы болгарское Евангелие, писанное на пергамене, по его суждению, в XII в. Николай Никифорович продумывал варианты публикаций рукописей или в Праге во избежание «прицепок и медлений цензурных» или в Москве. Он просил Бодянского, владевшего старым шрифтом, принять участие в этом деле. Затем, «когда цензура не помудрит над Евангелием», Мурзакевич планировал напечатать Апостол, привезенный из Зографского монастыря¹⁷.

Мурзакевич очень внимательно следил за разработками истории Болгарии. Узнав о решении Общества истории и древностей российских опубликовать Московский список болгарского перевода летописи Константина Манассии, за что взялся было Бодянский, Мурзакевич немедленно поддержал это начинание, отписав в Москву, что в Одессе живет много болгар, истинных любителей своей отчизны, и потому содержание труда Манассии было бы для них небезынтересно¹⁸. С вышедшей в 1842 г. книгой Черткова «О переводе Манассиной летописи на словенский язык, с очерком истории болгар» Мурзакевич сначала познакомил одесских болгар. «Хватают наперерыв»¹⁹, - отмечал он. Чертков щедро одарил своей книгой Одессу: Мурзакевич сообщал, что все гимназические библиотеки Одесского округа ее получили. «Болгары с восторгом приняли труд Ваш. Пошлю в Бессарабию: там живет более 60000 болгар, пускай там читают историю своего народа»²⁰. Следующую книгу Черткова «Описание похода великого князя Святослава Игоревича на болгар и греков в 967-971 годах» (1843) Мурзакевич отослал и в саму Болгарию в разные болгарские училища. Сообщая Черткову об отзывах болгар на его книги, Мурзакевич присовокуплял, что после Венелина они признают Черткова «двигателем своего просвещения и национальности»²¹. Исследование Черткова «О числе русского войска, завоевавшего Болгарию и сражавшегося с греками во Фракии и Македонии, в 967-971 гг.» было помещено в Записках ООИД (1844. № 1). Из московских ученых только Чертков откликнулся на просьбу Мурзакевича присылать свои работы в Одессу для нового научного журнала. Несмотря на все усилия Николая Никифоровича, щедро предоставлявшего страницы ЗООИД для материалов, посвященных славянам и в частности болгарам, таковых опубликовано было немного.

Мурзакевич, будучи в курсе научных исследований в области болгарской истории и стремясь содействовать их разработкам, тем не менее не считал себя специалистом в этом вопросе. Примечательно его признание в одном из своих писем к Бодянскому. Он просил московского коллегу регулярно помещать рецензии на присылаемые им из Одессы болгарские книги, «за исключением Нового Завета, о коем не лет есть разглагольство-

вать, в Московитянин. Да будет этот журнал единственным вещателем славянизма! Самому и недосужно, да и мало знаю по этой части. Ученому же и книги в руки»²². Только в 1838 г. появилась статья Мурзакевича «Нынешнее состояние просвещения у болгар», к которой он прилагал каталог изданных болгарских книг. Он также писал о вытеснении славянского языка греками, о запрещении турецкого правительства заводить высшие училища, что должно было бы привести к падению болгарского языка, если бы не усилия некоторых светских лиц и представителей духовенства по организации болгарских школ и переводу на болгарский язык и публикации учебников. Мурзакевич подчеркивал, что в ученом отношении эти издания не имеют значения, но для просвещения болгар они чрезвычайно важны. Николай Никифорович, как свидетельствуют его письма и статья, всегда был неплохо осведомлен о намерениях болгарских авторов. В данном случае он сообщал читателям о готовящихся к печати Нового Завета иеромонаха Неофита, Болгарской грамматики Кипиловского и других книг. Мурзакевич призвал соотечественников к содействию в распространении образованности и просвещения в болгарском народе²³. Однако не каждое болгарское издание вызывало у него радость. В письме к Черткову Мурзакевич сетовал на то, что в Смирне издается «под влиянием англичан каким-то безграмотным Фотиным журнал. Пускай Бодянский полюбуется возрождающеюся грамотностью безграмотных», - восклицал ученый. «Этим же Фотиным издана преглупая География по-болгарски. В ней говорится о Пруссии, Англии и проч. И наравне с турками, персианами о русских. Каково!»²⁴. В 1838 г. Николай Никифорович, сообщая об успехах болгарского просвещения, подчеркивал, что они совершаются под русским влиянием²⁵. Но в 1844 г. Мурзакевич сожалел о чрезмерной осторожности в отношении с болгарями, чрез которую «утрачивается всякое влияние на преданную нам единоверную массу, в то время как англичане потихоньку их влекут к себе». Мурзакевич с тревогой указал на усиливавшуюся тенденцию увеличения английского влияния на развитие болгарского просвещения при одновременном умалении на него русского воздействия.

Большой вклад в развитие болгарского просвещения внес Николай Никифорович на педагогическом поприще. Среди учеников Мурзакевича мы видим имена многих деятелей болгарского Возрождения, оставивших в истории своего народа яркий след. Это Спиридон Палаузов, Найден Геров, Добри Чинтулов, Иван Богоров и другие. Когда ученики его заканчивали курс обучения, Мурзакевич стремился поддерживать с ними отношения, интересовался их судьбой. Так, в 1845 г. он спрашивал Бодянского о Палаузове, который под его руководством занимался славистикой и вы-

держал экзамен на степень кандидата философских наук при историко-филологическом отделении Московского университета. В 1862 г. Палаузов был избран в действительные члены Одесского Общества истории и древностей. В 1875 г. Мурзакевич написал некролог своего бывшего ученика Палаузова, в котором прослежена его судьба на фоне развития национального самосознания у одесских болгар. Познав особенно в студенческие годы нужду и лишения при страстном желании учиться, Мурзакевич прилагал все усилия, чтобы помочь одаренным юношам получить образование. Так, узнав о свободной вакансии в Московском университете после смерти казенного студента болгарина Бусилина, Мурзакевич спешит порекомендовать Василия Шопова, уроженца Калофера, который учился сначала в Афинской гимназии, затем в Одесской и частным образом изучал русский язык, математику и латынь²⁶. Заботам Бодянского и Черткова Мурзакевич поручал Хаджи Захария Княжеского, кончившего курс в Одесской духовной семинарии, принявшего русское подданство и направлявшегося в Москву, чтобы в Синодальной типографии выучиться набору книг и по возвращении на родину там внедрить это полезное дело. Мурзакевич охарактеризовал Княжеского как доброго человека, поведения честного и ревнителя славянства, известного в Болгарии своей грамотностью по маленьким брошюркам, изданных Обществом английских миссионеров. Княжеский мог сообщить москвичам об успехах болгарской книжности и о болгаршине основательнее, чем те, которые уже нечто им рассказали²⁷. С рекомендательными письмами Мурзакевича приехал в Москву Мутев, а также архимандрит Рильского монастыря Стефан Ковачевич, направлявшийся по разрешению Синода в Петербург для «испрошения пособий на счет учреждения типографии церковной в Рильском монастыре»²⁸. Знакомство с ним, по мысли Мурзакевича, было бы не бесплодно и для науки. О развитии просвещения у славян Мурзакевич думал даже перед смертью, включив в проект своего завещания пункт о передачи части своих ценных бумаг в правление московского университета для учреждения именных стипендий по 300 рублей для студентов-христиан²⁹.

В 1857 г. Мурзакевич предпринял давно желанное путешествие по Европе. Он побывал в Константинополе, на Афонской горе. В Зографском монастыре он пересмотрел все хрисовулы и рукописи, которые монахи ему, как их народолюбцу, радушно показывали. В Праге он виделся с полубольным Шафариком и бодрим Ганкой.

Таким образом, поездки в Москву и знакомство с учеными, занимавшимися славяноведением, а также установление прочных контактов с одесской болгарской колонией сообщили новый аспект научной, педагогической и общественной деятельности Мурзакевича, ставшего подвижником

на ниве болгарского просвещения. Обучая болгарское юношество в стенах Ришельевского лицея, талантливый педагог возбуждал в своих учениках стремление изучать прошлое и настоящее своего народа, служить своему отечеству. К поиску изданий на болгарском языке он привлек широкий круг болгарской эмиграции, которая также озаботилась сбором статистических, этнографических сведений о своем народе. Содействие Мурзакевича в снабжении московских ученых, таких как Чертков, Бодянский, Погодин, а также чешского историка Шафарика изданиями, вышедшими из-под пера болгарских авторов, действительно неоценимо. Расширение фондов библиотек московских ученых прежде всего Черткова, который щедро делился сокровищами своего богатейшего книжного собрания, ставшего после его смерти единственной публичной и бесплатной библиотекой в Москве, связано с именем Мурзакевича. Будучи в курсе болгарских новостей, Мурзакевич с тревогой указал на усиливавшуюся тенденцию в процессе развития болгарского просвещения, связанную с увеличением английского влияния при одновременном умалении русского воздействия. Николай Никифорович Мурзакевич внес важный вклад в дело развития болгарского просвещения и установления контактов российских научных кругов с деятелями болгарского возрождения.

Примечания:

¹ Мурзакевич Н.Н. (некролог) Журнал Министерства народного просвещения. 1883. Декабрь. С.81-89. Брун Фф. 30-летие Одесского Общества истории и древностей, его Записки и археологические собрания. Одесса. 1869.; Марков А.К. Императорское Одесское Общество истории и древностей. Обзор его деятельности за 1839-1888 гг. Одесса. 1888.; Дабижа В.Д. Н.Н.Мурзакевич (1806-1883). Спб., 1886. Юргевич В. Черновой проект заветования, найденный в бумагах бывшего вице-президента Общества Н.Н.Мурзакевича. Записки Одесского Общества истории и древностей. 1889. Т.15. С.844-846.

² Левина Р.Ш. Митрополит Евгений и Н.Н.Мурзакевич. Археологические вести. 1999, №6, С.479-488. Чертняков И.Т. 150 лет Одесскому Обществу истории и древностей 1839-1989. Одесса. 1989.

³ Билунов Б.Н. Мурзакевич Н.Н. Славяноведение в дореволюционной России. М., 1979. С.244-245.

⁴ Мурзакевич Н.Н. Записки Н.Н.Мурзакевича (1866-1883). Автобиография. Спб. 1889. С.33.

⁵ Мурзакевич Н.Н. Записки... С.35.

⁶ Там же. С.217.

⁷ Там же. С.126.

⁸ Материалы для истории Императорского Общества истории и древностей российских. Переписка гг. Действительных членов Общества. Письма Н.Н.Мурзакевича к О.М.Бодянскому (1838-1866). Чтения в Обществе истории и древностей российских. 1887. Кн. 1. С.189,190.

⁹ Там же. С.191.

¹⁰ Там же. С.192, 193.

¹¹ Отдел письменных источников Государственного Исторического музея (далее ОПИ ГИМ), ф.445.Д.305.Л.264об., 270.

¹² Там же. Л.220.

¹³ Там же. Л.278об.

¹⁴ Материалы для истории... С.211.

¹⁵ Одесская городская публичная библиотека. Новороссийский календарь на 1849 г. Одесса. 1848. С.408.

¹⁶ Мурзакевич Н.Н. Чертков А.Д. (некролог). Записки Одесского Общества истории и древностей. 1858. №4. С.422.

¹⁷ Материалы для истории... С.211.

¹⁸ ОПИ ГИМ. Ф.445.Д.305.Л.200.

¹⁹ Материалы для истории... С.194.

²⁰ ОПИ ГИМ. Ф.445.Д.305.Л.242.

²¹ Там же. Л.267.

²² Материалы для истории... С.193.

²³ Мурзакевич Н.Н. Нынешнее состояние просвещения у болгар. Журнал Министерства народного просвещения. 1838. Ч.18. №4.С.123.

²⁴ ОПИ ГИМ. Ф.445.Д.305.Л.267.

²⁵ Мурзакевич Н.Н. Нынешнее состояние... С.123.

²⁶ Материалы для истории... С.197,200.

²⁷ Материалы для истории... С.199. ОПИ ГИМ. Ф.445.Д.306.Л.10.

²⁸ Материалы для истории... С.205.

²⁹ Юргевич В. Черновой проект завещания... С.846.

ПОЛИТИКА ЦАРИЗМА В КОРОЛЕВСТВЕ ПОЛЬСКОМ И ВОССТАНИЕ 1830-1831 г.г.

29 ноября 1830 г. в Варшаве вспыхнуло национально-освободительное восстание. Оно охватило Королевство Польское - ту часть польских земель, которая, по решению европейского конгресса в Вене в 1815 г. была отдана под эгиду российского самодержавия, получив при этом довольно широкую национальную автономию и весьма либеральную по тем временам конституцию. Император России являлся одновременно королем польским; Королевство имело собственную законодательную и исполнительную власть (сейм, правительство, административный аппарат), свою армию, польскую школу и просвещение. За польским населением закреплялись права, провозглашенные буржуазным Кодексом Наполеона: с одной стороны, это подтверждало неприкосновенность частной собственности помещиков на землю, в т.ч. и на крестьянские наделы, с другой, - означало признание личной свободы крестьян, свободы слова и печати, т.е. всего того, чего было лишена население самой России, скованной гнетом самодержавия и крепостничества.

В этой парадоксальной ситуации конституция Королевства Польского не могла служить надежной гарантией ни национальной автономии, ни гражданских прав, тем более, что она была предметом зависти передовой части русского общества, а с другой стороны, вызывала ненависть российских реакционеров, побуждавших царя к ее ликвидации. В первые годы после Венского конгресса произвол царизма еще не ощущался поляками в полной мере, но постепенно самодержавный гнет усиливался, все более частыми стали нарушения конституции, урезывание автономии, цензурные ограничения и преследования. Политика царизма вызывала недовольство даже тех кругов, которые примирились с потерей Польского независимого государства и которых в основном удовлетворяла автономия Королевства Польского как известная форма национальной государственности. Что же касается патриотов, мечтавших о воссоединении польских земель и возрождении независимой Польши, то для них ужесточение политического курса, проводившегося наместником царя в Королевстве Польском великим князем Константином и его администрацией, было толчком к усилению конспиративной деятельности по подготовке вооруженного выступления против царизма и других угнетателей польского народа.

С 1817 г. стали возникать тайные общества и кружки главным образом в польской армии, в среде студентов и интеллигенции Варшавы, Вильно и

других центров польского просвещения и культуры. С 1821 г. действовало Патриотическое общество, которое вело с декабристами переговоры о союзе в борьбе против самодержавия. Выступление на Сенатской площади Петербурга 14 декабря 1825 г., жестоко подавленное новым самодержцем Николаем I, нашло отклик в сердцах поляков и содействовало созреванию повстанческих идей. Этому способствовали также как сложившаяся к 1830 г. в Королевстве Польском внутренняя обстановка /вызванные неурожаем экономические трудности и социальное брожение, всеобщее недовольство в связи с усилившимся политическим гнетом/, так и международные события - вспыхнувшие летом 1830 г. революции во Франции и Бельгии.

Слух о том, что польская армия будет брошена на подавление революционной Франции, заставил варшавских конспираторов ускорить вооруженное выступление. Инициативу взяли на себя члены революционной организации в Школе подхорунжих. Восстание, начатое силами варшавского гарнизона, поддержали широкие городские слои - мещанство, интеллигенция, студенческая молодежь. Это и обеспечило первый успех: русская администрация во главе с наместником покинула Варшаву. Но повстанцы не имели ни программы, ни плана борьбы; не был подготовлен состав революционного правительства, и руководство движением захватила аристократия. Она боялась революционной энергии масс, но хотела использовать ее для давления на царизм, соглашения с которым не переставала добиваться. Консерваторы стремились сохранить социальный и политический строй, гарантированный Венским трактатом 1815 г., обеспечить соблюдение автономных прав Королевства Польского и присоединение к нему украинских, белорусских и литовских земель, бывших в составе Речи Посполитой; об этом вели переговоры с Петербургом Ф.К. Друцкий-Любецкий, А.Чарторыйский и другие. Либеральная шляхта /группа "калишан"/ отличалась от консерваторов тем, что стремилась к восстановлению независимой Польши и проведению в ней некоторых социальных реформ /проекты очиншевания крестьян и выкупа ими чинша в государственных имениях/, но путь к осуществлению этого видела не в революционной борьбе «по французскому образцу», а в мирной «парламентской» деятельности.

Существовало и левое крыло восстания, объединявшее радикальную часть шляхты и городских слоев. Идеологи этого направления, представленные шляхетской интеллигенцией, выступали за глубокие социальные преобразования /отмену феодальных повинностей крестьян, ликвидацию сословного неравенства/, призывали к более решительным, революционным методам борьбы за национальную независимость. Под давлением

этих сил, группировавшихся вокруг Патриотического общества, было создано Временное, а затем и Национальное правительство. Однако вследствие слабости «левых» в правительстве оказался лишь один их представитель - И.Лелевель, а главой правительства стал А.Чарторыйский. Консерваторы и либералы имели перевес в сейме. И в дальнейшем, в период военной диктатуры генерала Ю.Хлопицкого, руководство оставалось в руках консерваторов, которые направляли репрессии против Патриотического общества и его деятелей, препятствовали разворачиванию революционного движения масс, продолжали попытки договориться с самодержавием.

Лишь полная неудача этих попыток привела к тому, что 25 января 1831 г. сейм принял решение о лишении Николая I польского престола. С февраля 1831 г. начались военные действия между царскими войсками и польской армией, во время которых повстанцы одержали ряд побед и нанесли урон силам противника. Однако героизм польских патриотов не мог возместить отсутствия революционного руководства, да и численное превосходство было на стороне царской армии. В мае 1831 г. повстанцы потерпели решающее поражение под Остроленкой. 8 сентября царские войска овладели Варшавой. Подавление восстания явилось сигналом к новому наступлению на польский народ сил российской и международной реакции: конституция 1815 г. была отменена, на край обрушилась волна репрессий.

Восстание 1830 г. проходило на польских землях, захваченных Россией но было направлено не только против нее. Идея независимости, выдвинутая восставшим народом, определяла его враждебность всей системе, навязанной Венским трактатом, подчеркивала единство польской нации. Восстание стало школой патриотизма, важным фактором развития национального самосознания. Большое значение в этом плане имело то обстоятельство, что приблизительно 140 тыс. поляков прошли через повстанческую армию. Среди участников борьбы были добровольцы с Познанщины /2 тыс. чел./, из Галиции /5 тыс. чел./ и вольного города Кракова /несколько сот человек¹. Из этих польских земель шла и материальная помощь восстанию. Под его влиянием пробудились национальные чувства населения Силезии, Мазур, Вармии - исконных, польских территорий, еще в средние века захваченных пруссаками и подвергшихся активной германизации. Прусские власти усилили бдительность во время восстания, а после его поражения применили репрессии против его участников из Великого княжества Познанского, ужесточили политику немецкой колонизации на польских землях. Эта реакция на восстание подтверждала факт его общенационального значения.

Такой вывод отнюдь не противоречит известным словам Ф.Энгельса о том, что восстание 1830 г. не было национальной, социальной или полити-

ческой революцией. Говоря о «консервативной революции», Энгельс подчеркивал, что польская аристократия в 1830 г. стремилась не допустить никаких перемен ни во внутренней жизни народа, ни в его международном статусе, т.е. хотела лишь отстоять от посягательств царизма права, приобретенные ею по решению Венского конгресса. Именно этот консерватизм, узость и ограниченность программы, обусловленные эгоизмом господствующего класса, обрекли восстание на гибель². Но сам факт поражения «консервативной революции» имел важные последствия.

Восстание 1830 г. завершило этап польского национально-освободительного движения, характеризовавшийся безраздельным господством шляхты /это касалось не только руководства и идеологии движения, но и его движущих сил/. Варшавский городской плебс, сыгравший важную роль в Ноябрьскую ночь, и в дальнейшем выступал как активная сила, стремился побудить руководство к энергичным действиям. Летом 1831 г. в Варшаве не раз возникали стихийные выступления городского люда против «изменников», чинился самосуд. Такие «бунты» Национальное правительство умирало военной силой. Против «улицы» была направлена диктатура Хлопицкого, который отнюдь не благоволил к состоявшим из бедноты отрядам «маневренной гвардии». Опасением перед революционной энергией масс был продиктован и отказ консервативного руководства от созыва «посполитого рушения» /всенародного ополчения/. Но и в регулярной армии сражались много представителей городских низов и крестьянства. Активная, сознательная, патриотическая позиция этой нешляхетской части польского народа возвещала о грядущих изменениях в характере польского национально-освободительного движения, в первую очередь, его движущих сил.

В 1830-1831 гг. наметились основные линии, по которым в дальнейшем шла идеологическая и политическая борьба внутри польского патриотического лагеря. Четко обозначилось стремление консерваторов ограничить восстание «той небольшой областью, которую Венскому конгрессу угодно было назвать Королевством Польским», т.е. исключить «три четверти Польши», сдержать освободительный порыв на польских землях под властью Австрии и Пруссии³. Хотя радикальная оппозиция в Патриотическом обществе требовала распространения освободительной борьбы на Галицию, повстанческое правительство соглашалось лишь на участие в восстании добровольцев из Галиции и Великого княжества Познанского. Хлопицкий объявил о неприкосновенности австрийских и прусских границ; Я.Скшинецкий, сменивший Хлопицкого, а затем и М.Радзивилла на посту военного главы, стремился к переговорам с Австрией и Пруссией.

Эта позиция, исходным пунктом которой было безусловное призна-

ние решений Венского конгресса по польскому вопросу, определила всю политику партии Чарторьских на долгие годы. Проявившиеся в 1830-1831 гг. попытки представить борьбу польского народа как легальное, конституционное движение, расчет на европейскую дипломатию, на интервенцию западных держав по поводу нарушений Россией Венского трактата - все это можно проследить на следующих этапах польского национально-освободительного движения вплоть до восстания 1863 г. и даже после него. Столь же живучей оказалась надежда чарторыщины на симпатии Габсбургов к Польше: корни австрославизма Отеля Лямбер восходили к 1830-1831 гг., когда А. Чарторьский стал делать ставку на Австрию, разработал план передачи польского престола одному из Габсбургов и побуждал повстанческое правительство к принятию проавстрийской декларации.

Концепция национального движения, представленная его правым крылом, получила в 1830-1831 гг. перевес. Но против этой концепции выступали радикальные элементы, и тот факт, что в восстании прозвучали их голоса, имел огромное значение: он знаменовал активизацию процесса размежевания польской аристократии и демократии. Борьба «левых» против ограничения территории восстания, против дипломатической игры и расчетов на вмешательство извне была тесно связана с оценкой ими внутренних сил нации, с осознанием необходимости вовлечь в национальное движение широкие массы, прежде всего крестьянство. Крестьянский вопрос находился в центре внимания патриотов еще в период, предшествовавший восстанию. За ликвидацию феодальной барщины, передачу крестьянам в собственность их наделов высказывались «филареты», радикальные элементы варшавского масонства. Таковую же позицию во время восстания заняло левое крыло Патриотического общества, однако конкретная реализация идеи о наделении крестьян землей отступала для него на задний план: существовал проект создания фонда для выкупа крестьянской земли. На помещичьи земли вообще не посягали, хотя в широкой политической дискуссии о свободе и равенстве звучала и такая мысль: «каждый человек, кто не зарабатывает на хлеб собственными руками, а ест его, - обманщик и вор»⁷⁴.

Подобные крайне радикальные идеи были достоянием одиночек, но они отражали глубокий сдвиг в идеологии польского освободительного движения, который, в свою очередь, являлся результатом все более активных действий масс. Конспираторы 20-х гг. XIX в. не считали народ инициативной силой, способной к самостоятельному действию. Восстание 1830-1831 гг. показало, что они ошибались и этот вывод стал важнейшим для левого крыла польского патриотического лагеря: в трудах И. Лелевеля, Я.Н. Яновского была отмечена творческая роль народных масс как субъекта истории, демократизм и республиканизм рассматривались в ка-

честве национальных польских традиций. Возникла новая концепция единства нации в борьбе за новую демократическую Польшу; отныне борьба за независимость страны тесно связывалась с программой социальных преобразований, т.к. старая консервативная идея национального освобождения на основе неприкосновенности социального строя дискредитировала себя в Ноябрьском восстании. Восстание дало, таким образом, важнейшие политические уроки польской «левице»; оно обозначило веху в развитии радикальной идеологии. После восстания происходила «скрытая, тайная, но решительная борьба», о которой писал Энгельс, «борьба угнетаемых поляков против поляков-угнетателей, борьба польской демократии против польской аристократии». «Огромный прогресс, совершившийся в самой несчастной, окровавленной, растерзанной Польше» в период между восстаниями 1830 и 1846 гг., обусловил, по определению Энгельса, различие в облике этих двух освободительных выступлений польского народа, причем второе было подготовлено первым, выросло из его поражения⁵.

После поражения, восстания 1830-1831 гг. за пределами Польши, прежде всего в Западной Европе, возникла многочисленная польская эмиграция, получившая название Великой. Этот эпитет отражал не только массовый характер выезда с родины поляков-участников патриотического движения, но и ту роль, которую эмиграция 30-50-х гг. XIX в. сыграла в отмеченном выше процессе изменения облика революционной Польши. Политическая эмиграция стала важнейшим специфическим фактором польского национально-освободительного движения: именно сюда оказалась перенесенной открытая борьба основных его направлений, здесь в острых дискуссиях происходило осмысление итогов восстания 1830 г., анализировались его уроки, вырабатывались новые идейно-политические программы; здесь же сосредоточивались усилия по реализации разработанных программ и планов, отсюда нередко направлялась и координировалась борьба на польских землях. Эмиграция предоставляла Польше трибуну для свободного выражения своих взглядов, она же оказывала материальное, организационно-техническое, посредническое содействие национально-освободительному движению польского народа. Огромное значение имел непосредственный контакт польской эмиграции с Западом, в первую очередь, с европейской общественной мыслью, политической борьбой, революционным движением. Через эмиграцию осуществлялось взаимное ознакомление и идейное взаимовлияние Польши и Запада, что обусловило специфическое преломление и восприятие одной и другой стороной тех или иных идей, явлений и фактов действительности. Эмигранты способствовали и установлению практических связей между польским

освободительным и европейским общественным движением; они активно участвовали в выработке польскими и западными революционерами планов совместной борьбы.

Эти планы революционного сотрудничества опирались на объективную основу: существовала реальная связь между делом восстановления независимости Польши и победой в Европе сил демократии и прогресса. К.Маркс и Ф.Энгельс неоднократно подчеркивали, что трещина, которую провели через Польшу Пруссия, Австрия и Россия, является цепью, связующей эти три реакционные державы, а на их союзе зиждется сила всей европейской реакции. Революционные выступления поляков все крепче приковывают угнетателей Польши к контрреволюции, заставляют «сохранять патриархально-феодальной строй не только в Польше, но в своих собственных странах», стоять на страже «порядка» в Европе. Именно поэтому каждое такое выступление, даже направленное против одной из участниц Священного союза, является ударом по нему, подрывает международную реакцию, облегчает развитие революционного освободительного движения в европейских странах⁶.

С этих позиций оценивалось и международное значение восстания 1830-1831 гг., которое окончательно утвердило польский вопрос в качестве фактора международной политики, наглядно показав связь держав Священного союза - угнетателей Польши и определив польское национально-освободительное движение как часть общеевропейского революционного движения. В резолюции Генерального совета I Интернационала, принятой в 33-ью годовщину Ноябрьского восстания, говорилось: «Польша вела борьбу за независимость в интересах всех народов Европы, а в результате ее поражения дело цивилизации и прогресса человечества потерпело тяжелый удар»⁷. Но и побежденная, польская революция сумела нанести реакции моральный урон, заявив протест против европейского «порядка». Она успела повлиять и на общий ход борьбы сил революции и контрреволюции в Европе, помешав Священному союзу выступить на подавление революционной Франции. «Восстание в Варшаве спасло Европу от второй антиякобинской войны», - подчеркивал К.Маркс, отмечая и эту сторону международного значения борьбы польского народа в 1830-1831 гг.⁸

Левое крыло польского национально-освободительного движения осознавало связь польского вопроса с делом европейской демократии. Международный характер Ноябрьского восстания был ясен и радикальным элементам повстанческого лагеря, которые в этой связи рассчитывали на помощь и поддержку народов против правительств. И действительно, борьбе поляков сочувствовали все демократические и либеральные группиров-

ки на Западе, выступавшие против господства Священного союза, против установлений Венского конгресса, задушивших свободу в Европе. Не исключено, что польские радикальные повстанцы находились в непосредственном контакте с этими группировками, в частности, с карбонарскими течениями, имевшими тесную связь с революциями во Франции и Бельгии⁹. Карбонарский элемент был главной силой, определившей характер революций в Италии - они вспыхнули в княжествах Модены и Пармы, в Папском государстве вскоре после польского восстания. Влияние восстания сказалось и в той широкой борьбе за конституцию, которая развернулась в немецких землях.

Таким образом, национально-освободительное выступление польского народа в 1830-1831 гг. не было обособленным явлением. Оно стало в ряду других явлений аналогичного либо близкого характера, частью европейской революционной волны 20-30-х гг. XIX в. Внутренние предпосылки Ноябрьского восстания и его ярко выраженная специфика не противоречат тому факту, что борьба поляков вспыхнула во многом под влиянием революционного примера Франции и Бельгии. В свою очередь, огонь борьбы польских повстанцев широко разбросал искры революции на давно уже начиненные порохом страны Европы. Взрыв не был столь мощным, чтобы разрушить европейское здание феодально-абсолютистской реакции, но он пробил в ней еще одну брешь и тем приблизил ее падение.

В системе связей польского национально-освободительного движения с общественным движением европейских стран особое место занимает вопрос о значении восстания 1830-1831 гг. для взаимоотношений русского и польского народов. Восстание носило общенациональный характер, но вспыхнуло на территории российского захвата, и польская армия, сражалась с российской. Именно русские войска подавили восстание, а царизм обрушил на польский народ репрессии и приступил к проведению в Королевстве Польском политики русификации. Все это не могло не отложиться тяжким грузом в сознании поляков и определило их отношение к России и русским в дальнейшем. Этому способствовало и то, что в русском обществе поляков считали «неблагодарными», их «коварством» возмущались даже представители просвещенной элиты /можно вспомнить, например, соответствующие стихотворения Пушкина, Лермонтова, Жуковского, Тютчева и др./¹⁰ Образ поляка-бунтовщика также стал формироваться в сознании русских именно после 1830-1831 гг.

В то же время как раз в период восстания родился лозунг российско-польского революционного союза «За нашу и вашу свободу!». Он опирался на осознание необходимости совместной борьбы народов России и Польши против самодержавия, на веру в революционную Россию, которая устами

своих передовых представителей выражала польским повстанцам сочувствие и поддержку. Знаменательно, что в тот же день, 25 января 1831 г., когда была провозглашена детронизация Николая I, в Варшаве состоялась многолюдная манифестация - панихида по казненным декабристам. Тем самым польские революционеры заявляли, что враждебность к царизму они не распространяют на русский народ и стремятся к союзу с ним¹¹. После 1830-1831 гг. традиции революционного сотрудничества развились и окрепли, лозунг совместной борьбы занял существенное место и в русской, и в польской демократической мысли, идея союза не раз получала практическое осуществление, в частности во время польского восстания 1863-1864 гг. Вместе с тем развитие национально-освободительной борьбы поляков, в т. ч. восстание 1863-1864 гг., усиливало настроения взаимного отчуждения, недоверия, неприязни и враждебности. Переплетение этих двух тенденций сказывалось на формировании отношений между народами России и Польши.

Примечания:

¹ Koberdowa I. Miedzy Pierwsza a Druga Rzecz Pospolita Polska. Dzieje Polski 1795-1918. Warszawa, 1976. S.105.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.V.C.264-265.

³ Там же.

⁴ Kieniewicz 8. Przemiany społeczne i gospodarcze w Krolestwie Polskim (1815-1830). Warszawa, 1951. S.464.

⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Указ.соч. С.264,266.

⁶ Там же. Т.VI. С.382-383.

⁷ Генеральный Совет Первого Интернационала. 1864-1866. Лондонская конференция 1865 г., Протоколы. М., 1961. С.19-20.

⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Указ.соч. Т.XIII. Ч.I. С.190.

⁹ Koberdowa I. Op. cit. S.90.

¹⁰ См.: Хорев. В. Польское восстание 1830 г. и развитие стереотипа восприятия Польши в русской литературе. //Polacy a Rosjanie. Materiały z konferencji «Polske - Rosja. Rola polskich powstan narodowych w kształtowaniu wzajemnych wyobrazien». Warszawa-Plock 14-17 maja 1998. Warszawa, 2000.S.97-105; Филатова Н. Русское общество о Польше и поляках накануне и во время восстания 1830-1831 гг.// ibid.S.107-117.

¹¹ См. Очерки революционных связей народов России и Польши. 1815-1917. М., 1976.

МАЛОРОССИЙСКАЯ ТЕМА В РУССКОЙ ПРЕССЕ ОХРАНИТЕЛЬНОГО НАПРАВЛЕНИЯ ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX в.

В результате разделов Речи Посполитой и объединения в составе Российской империи малороссов, белорусов и великороссов, к началу XIX в. были созданы определенные предпосылки для складывания единого восточнославянского этноса. Наряду с административным аппаратом Российского государства проект “большой русской нации” разрабатывался многими учеными и общественными деятелями того времени и находил поддержку у образованного общества. Деятельность печатных органов, и в особенности “официальной” прессы, которая выступала популяризатором и, в значительной степени, разработчиком правительственного курса в русле пропаганды “благонамеренных патриотических воззрений”, проповеди преданности престолу, охранительной морали, “теории официальной народности”, также была очень важна в формировании общественного мнения по интересующему нас вопросу.

Традиционно к официальной прессе второй четверти XIX в. принято относить журналы “Сын Отечества”, “Библиотека для чтения” и газету “Северная пчела”.¹

Литературно-политическая газета “Северная пчела” выходила в Петербурге в 1825 - 1864 гг. Издателем и редактором газеты был один из крупнейших, если не самый крупный журналист второй четверти XIX в., и видный литератор своего времени Ф.В. Булгарин. С 1831 до 1860 г. газету издавали совместно Булгарин и Н.И. Греч. “Северная пчела” являлась единственной частной газетой в России, имевшей право помещать не только отечественные, но и зарубежные политические известия. Газета уделяла пристальное внимание “научным изысканиям”, особенно способствующим познанию России, помещая информацию о литературе, быте и нравах, истории народов империи.

Исторический и политический журнал “Сын Отечества” выходил в Москве в 1812 - 1844 гг., 1847 - 1852 гг. Это был один из старейших русских журналов, сыгравших важную роль в развитии общественной жизни в России первой половины XIX в. “Сын отечества” был основан Н. И. Гречем в 1812, и с тех пор сменил немало редакторов и издателей, среди них: Н. И. Греч, Ф. В. Булгарин, А. Ф. Воейков, О. И. Сенковский, А. Ф. Смирдин и др. В 1829 г. “Сын Отечества” слился с альманахом Ф. В. Булгарина “Северный архив”.

“Библиотека для чтения”, журнал словесности, наук, художеств, промышленности, новостей и мод, выходил в Петербурге в 1834 - 1865 гг. Журнал начал издаваться по инициативе О. И. Сенковского, который был его редактором до 1856 г.

Наибольший интерес представляют литературно-критические отделы данных изданий, отразившие отношение авторов к малороссийской проблематике. В “Северной пчеле” это был отдел “Новые книги”, в “Библиотеке для Чтения” - “Литературная летопись”, в “Сыне Отечества” - “Критика и библиография”. Эти рубрики были посвящены обозрению новой отечественной и зарубежной литературы. Списки новых книг как правило печатались с рецензиями и аннотациями; нередко этот раздел, как например в “Библиотеке для чтения”, превращался в библиографический фельетон. Литературными обозревателями и критиками, касавшимися малороссийской проблематики в 30-50-е гг. были В.С. Межевич, Я. Стороженко, В. И. Даль, Л.В. Брант, А. Афанасьев. Она также неоднократно затрагивается самими редакторами и издателями указанных изданий.

Пробуждение интереса в российском обществе к малороссийской тематике было обусловлено целым рядом причин: началом периода романтизма, польским восстанием 1830-31 гг., раскрытием в 1847г. в Киеве Кирилло-Мефодиевского общества, наконец, оформлением взглядов на “славянский вопрос” в высших правительственных кругах к концу 40-х гг.

В официальной прессе второй четверти XIX в. отразилось неоднородное отношение русского общественного мнения к Малороссии. В России первой половины XIX в. малороссийские сюжеты вызывали интерес и симпатию. Но это были симпатия и заинтересованность по отношению к одной из частей русской земли и русского народа.² Литературные опыты на “малороссийском наречии”, отражавшие специфику местной жизни и наполненные этническим колоритом, вызывали благожелательный интерес в Петербурге и Москве как часть русской литературы, однако любые попытки трактовать это наречие как отдельный от русского самостоятельный литературный язык были для сторонников концепции большой русской нации неприемлемы.

Главным предметом полемических нападок многих исследователей и публицистов того времени были малороссийский язык и малороссийская литература. В тот период язык считался одним из обязательных условий определения этноса. Малороссийский же язык многие исследователи, например, И. Кулжинский оценивали как “нечто среднее между польским языком и русским, так точно, как уния в свое время была среднею религиею между католичеством и православием”³. В одном из фельетонов “Северной пчелы” за 1851 г. и сам Булгарин, поляк по происхождению, говоря

об малороссийском языке, употреблял термин “язык униатский”, т. е. “плохой полу-польский”⁴.

В 20-30 гг. центром развития малорусской романтической культуры являлся Харьков с его университетом.⁵ Существенный вклад в соби́рание народного творчества и этнографическое изучение малороссов внесли М. А. Максимович, И. И. Срезневский, А. Л. Метлинский, О. М. Бодянский. Подобная инициатива находила поддержку официальной прессы. На страницах интересующих нас изданий периодически появлялись хвалебные отзывы о деятельности Грицка Основьяненко, Е Гребенки, М. Максимовича, И. Котляревского, а также “неутомимого собирателя украинских памятников” Срезневского.⁶

Когда же ученые и литераторы занимались разработкой литературного украинского языка, авторы “Северной пчелы”, “Сына Отечества” и “Библиотеки для чтения” занимали весьма жесткую позицию. В качестве примера можно привести критические отзывы на появление в печати книги А. Могилы (псевдоним профессора Харьковского университета А. Метлинского)⁷ “Думки и песни, та шчс де шчо”, (Харьков 1839 г.). В тот период раздел критики в “Сыне Отечества” вел Н. Полевой. Свою рецензию он начал словами: “Признаемся: мы вовсе не понимаем издания книг на малороссийском наречии!”. По мнению автора рецензии, если любовь уроженцев Малороссии к родной культуре понятна и заслуживает уважения, то этого нельзя сказать по поводу попыток написания и издания книг на “малороссийском наречии”, переводов на него целых поэм и стремления создать “целую литературу малороссийскую”. Молодые уроженцы Малороссии люди чисто русские, и, следовательно, зачем им писать по-малороссийски? Мысль автора достаточно ярко выражает сложившийся в российском консервативно настроенном обществе взгляд на украинскую проблематику в тот период: “Думать, что может образоваться отдельная малороссийская словесность - странно; да если бы и могла она образоваться, разве малороссыяне, прежде всего, не русские, не должны посвящать своего дарования русскому, богатому, общему нашему, национальному языку? Не потребует ли после того особой словесности зырянин, олончанин, белорус, вотяк, все племена и наречия, слившиеся в одну могучую громаду, Россию?”⁸ В заключении своего обзора Полевой приходит к выводу, что современные произведения на малороссийском языке - есть не что иное как прихоть умных людей, литературная шалость.

В Литературной летописи “Библиотеки для чтения” за 1839 г. мы встречаем рецензию О. Сенковского на “Думки” Метлинского. Редактора журнала также весьма занимает проблема существования малороссийского языка. Согласно Сенковскому этот язык “доселе не имеет правописания, и

люди, занимающиеся обработкой его, беспрестанно придумывают новые способы выражения его слов". В предисловии к "Думкам" Метлинский привел образцы пяти различных систем правописания или, скорее, произношения на малороссийском языке - Максимовича, Котляревского, Срезневского, Гулак-Артемовского и, наконец, свою собственную. Сенковский приходит к выводу, что система Метлинского является одной из самых неправильных, а самая близкая к чистому и настоящему выговору - система Гулак-Артемовского.⁹

Одного из ведущих журналистов в рубрике "Новые книги" "Северной пчелы" В. С. Межевича также отличал достаточно критический взгляд на малороссийскую литературу и язык: "Возможна ли теперь малороссийская литература? Посмотрите на Малороссию в теперешнем ее положении - и получите ответ отрицательный"¹⁰. В своих публикациях Межевич не раз с почтением отзывается о Срезневском, Котляревском, Гулак-Артемовском и о том вкладе, который они внесли в изучение "украинской народности". Однако на попытки развития малороссийского языка и создания малороссийской литературы Межевич смотрит как на "усилия несбыточные и почти бесполезные... Котляревский, Гулак-Артемовский составили удачные опыты, но они не имели последствий, как и всякое действие в начале своем лишнее или неосновательное"¹¹.

Весьма показателен отзыв Межевича на сборник сочинений на малороссийском языке "Ластовка". В него вошли произведения таких видных литераторов как Г. Основьяненко, И. Котляревский, П. Кулиш, Т. Шевченко, П. Боровиковский и др.¹² В обзоре книги журналист подробнейшим образом обосновал невозможность существования малороссийской литературы. "Мы совершенно согласны с мнением тех, которые думают, что в наше время писать на малороссийском языке значит идти вовсе ложным путем," - так начинает критик свою статью, и далее: "Малороссийская литература, преимущественно или, лучше сказать, исключительно народная, совершила свой круг так же точно, как и отдельная, самобытная история Малороссии, как и сама жизнь малороссийского народа". Это высказывание хорошо демонстрирует стремление к политике унификации. Произведения новейшей малороссийской литературы автор характеризует как "нетвердое повторение задов", плохую переделку старинных песен и сказок или неудачное подражание двум-трем талантливым писателям, появившимся в Малороссии в последнее время, писателям, "которые вовсе не думали *воссоздавать* литературы малороссийской, а написали, можно сказать, для шутки несколько повестей и т.п. на малороссийском языке". Далее Межевич приводит доказательства того, что в Малороссии нет ни одного из условий для создания, развития и процветания литературы. Пер-

вое условие всякой литературы - язык. “Но существует ли язык малоросский? - спрашивает автор. - Если существует, то где именно? В памятниках старины, в песнях и думах древней Малороссии? Но это язык мертвый, язык отжившего народа; как же вы хотите создать новую свежую, живую литературу на мертвом языке?”. Межевич не отрицает малороссийского языка “простого народа”, однако, по его мнению, “простой народ, plebs, не составляет еще целого народа”. По мнению автора в настоящее время только простой народ является в Малороссии хранителем национального языка. Языка искаженного, утратившего свою чистоту: “Где еще он сыскал себе приют и опору? Есть ли это язык религии, язык правительства, по крайней мере. Какие дела на нем производятся? Какие истины возвещаются? И почему после этого вы не хотите признать языком какого-нибудь наречия суздальского, олонецкого и т.п.”. Следующее условие существования литературы автор видит в жизни, которая обуславливается просвещением, стремлением к прогрессу: “Где же это образование? Где же это стремление вперед?”. Межевич обвиняет малороссийскую литературу в косности, в неподвижности: “возьмите все новейшие произведения на малороссийском языке, везде вы увидите одну манеру, одни приемы, одну форму, везде малороссиянин низшего класса, простолюдин с его особенностями материальной жизни, галушками, варениками, вишневкой и т.п.”. Вывод следует весьма жесткий: “На галушках и вишневках литературы создать невозможно ..., что для нас и для вас толку в дурных стихах, да в плохих повестях новейшего изделия, которыми вы так усердно наделяете весьма мало читающую Малороссию? Плохие писания и на русском языке порядочно всем надоели”. В заключение автор рекомендует использовать книгу “для домашнего обихода”. Остается добавить, что это была одна из самых резких рецензий на интересующую нас тему в “Северной пчеле” за двадцать первых лет ее существования.

Появление сборника “Ластовка” не осталось без внимания и редактора “Библиотеки для чтения”. Продолжая свои рассуждения о малороссийском языке, Сенковский утверждал, что авторы сборника, в особенности Г. Основьяненко, используют искусственный язык, который “непохож даже и на малороссийский язык, самый непохожий на русский из всех языков, ни на что не похожих”. Далее Сенковский приводит сведения о том, что в Малороссии новый литературный язык называют русским, в то время как в Великороссии он, напротив, почитается чистым малороссийским. Таким образом по мнению автора рецензии, в книгах, написанных на “неизвестном”, “гибридном” языке, который ни один народ не признает своим, нет никакой пользы.¹³

Близкую позицию занимали авторы “Сына Отечества”. Собрание

малороссийских дум и песен, пословиц, загадок и летописей, словом, всего, что “поясняет народную местность, нравы и характер Малороссии”, есть, по их мнению - предприятие, достойное всяческих похвал. Однако, новейшие произведения на малороссийском языке определялись журналом как “шалость” или “прихоть” украинских литераторов. В своих рецензиях авторы “Сына Отечества” искренне недоумевали, почему, вместо того, чтобы приумножать русскую поэзию замечательными произведениями, талантливые малороссийские литераторы “уродуют мысль и русский язык, подделываясь под хохляцкий лад!”¹⁴ Современная малороссийская литература, в первую очередь поэзия, определялась журналом как искусственная, не заслуживающая внимания читателей. Такая литература никак не может быть “зеркалом украинской народности”.¹⁵

Итак, в поле зрения журналистов “Северной пчелы”, “Сына Отечества” и “Библиотеки для чтения” находилось несколько вопросов. Первый и, пожалуй, центральный заключался в отношении изданий к возможности существования малороссийских языка и литературы. Примерно к началу 40-х гг. авторы приходят к отрицательному выводу на сей счет. Малороссийская литература должна “иссякнуть, умереть в архивах”. Всякие попытки возродить ее объявляются критиками “бесплодными” и “неосновательными”. Малороссийским литераторам указывался другой плодотворный и полезный род занятий в духе эпохи романтизма, а именно - изучение и разработка местной истории, фольклора и быта. Не только малороссы, но и читателей всей России издания призывают знакомиться с культурой Малороссии. История и характер Южной Руси дополняли своими романтическими красками, мотивами и колоритом историю и характер Руси Московской. Окрашенные малороссийской спецификой ранние произведения Гоголя восторженно принимались московской и петербургской публикой.¹⁶ Любопытен тот факт, что, когда Гоголь прибыл в Петербург, он не собирался писать на малороссийскую тему, намереваясь идти дорогой современной литературной моды. Однако некоторое время спустя, он уже писал родным письма с просьбами прислать подробное описание малороссийского быта.¹⁷ Этот пример может послужить яркой иллюстрацией настроений в российском обществе.

Для всех выявленных публикаций характерно отсутствие чувства опасности, исходящей от малороссийской специфики. Вопрос об угрозе целостности русской нации ни разу не поднимался. Все же, при общем умеренно-либеральном направлении интересующих нас изданий, в отношении к малороссийской проблематике их авторы занимали скорее реакционную позицию. Если учесть популярность данных изданий по крайней мере до конца 40-х гг., то вряд ли позиция их журналистов оставалась без

влияния на общественное мнение. Суждения авторов “Сына Отечества”, “Библиотеки для чтения” и “Северной пчелы” могут служить ценным источником для воссоздания истории изучения Малороссии и исследования воздействия прессы на общественное сознание в плане внедрения в него идеи “большой русской нации”.

Примечания:

¹ George S. N. Luckyj. *Between Gogol's Shevchenko. Polarity in the literary Ukraine: 1798 - 1847.* Munchen. 1971. P. 74.

² Миллер А. И. “Украинский вопрос” в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX в.). СПб., 2000. С.53.

³ Барабаш Ю. Почва и судьба. Гоголь и украинская литература: у истоков. М., 1995 С. 66.

⁴ “Северная пчела” 1851. № 25.

⁵ Пыпин А. Н. Этнография малорусская. СПб., 1891. С 234.

⁶ “Сын Отечества”. 1839. Т. 9. С. 141.

⁷ Прим. Автора.

⁸ “Сын Отечества”. 1839. Т. 8. С. 150 - 151.

⁹ “Библиотека для чтения”. 1839. Т. 34. С. 26 - 28.

¹⁰ “Северная пчела” 1834 № 248.

¹¹ там же.

¹² “Северная пчела”. 1841. № 143.

¹³ “Библиотека для чтения”. 1841. Т. 48. С.43-45.

¹⁴ “Сын Отечества”. 1840. Т. 2. С. 837.

¹⁵ “Сын Отечества”. 1839. Т. 9. С.142.

¹⁶ См. Барабаш Ю. Почва и судьба. Гоголь и украинская литература: у истоков. М., 1995.

¹⁷ Ульянов Н. И. Происхождение украинского сепаратизма. М., 1996. С.144.

“СЛАВЯНСТВО И МИР БУДУЩЕГО” ЛЮДОВИТА ШТУРА
(Новые результаты исследований о возникновении,
судьбе и оценке трактата)

В сочинении “Славянство и мир будущего” Л.Штур вполне определенно выразил свои взгляды на славянский вопрос и Россию. Нам представляется, что это самое проблематичное (спорное) его произведение. И не только с точки зрения его содержания, выводов и их интерпретации, но и - его генезиса (имеется в виду авторский замысел, обстоятельства возникновения, четыре реализованных и несколько планировавшихся, но не осуществленных изданий).

Впервые это сочинение Штура было опубликовано через 11 лет после смерти автора в переводе на русский язык в научном журнале “Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете” (М., 1867. Кн. 1). Главные заслуги в его издании принадлежат русским славистам В.И.Ламанскому (как издателю и переводчику большей части рукописи, написанной на немецком языке) и О.М.Бодянскому (как многолетнему секретарю указанного общества и редактору его журнала). Оба ученых были очень заинтересованы в том, чтобы это шуторовское “Послание словаков с берегов Дуная” (название подзаголовка этого сочинения) вышло накануне открытия известного московского Славянского съезда как своего рода программный документ.

Этот “яркий, в полном смысле слова, злободневный документ”, как охарактеризовал сочинение Штура видный русский историк-славист С.А.-Никитин в своей монументальной монографии о славянских комитетах и съездах в России, “явился своего рода политической программой съезда и особенно для его русской части, обоснованием идеи славянского объединения и славянской взаимности. В силу большой близости к славянофильскому кругу идей, мысли Штура могли быть легко усвоены близкими к славянофильскому кругу лицами, а отсутствие ряда специфических для славянофильства черт, как преклонение перед стариной, церковность воззрений, и в то же время звучавшая у Штура теория славянского прогресса, его внимание к современным политическим отношениям и понимание их вне религиозной метафизики славянофилов - все это могло вызвать интерес в аудитории более широкой, чем славянофильская”¹.

Уже после этого первого издания было высказано много сомнений в аутентичности этого “Послания”. Их выражали те, которые знали все предшествующее творчество и деятельность Л.Штура и особенно искрен-

ний демократизм его убеждений и связанную с этим непреклонную борьбу за социальное и национальное освобождение своего и других славянских народов, находившихся под чужеземным гнетом. Поляк Агтон Гиллер, который хорошо знал словацкие реалии выразил серьезные сомнения в том, что взгляды, высказанные в сочинении “Славянство и мир будущего”, вообще принадлежат Штуру, а не русским издателям его сочинения, и открыто подозревал их в фальсификации. Наибольшее сомнение вызывало восхваление царизма и вообще отношений в России, которое, как ему казалось, в сочинение “вставлено чужой рукой”². В том, что Штур написал свое сочинение так, как оно вышло в русском переводе, сомневался и известный словенский славист Матия Мурко. Подобные сомнения выразили вскоре и другие авторы работ о Людовите Штуре³.

Второе, также русское издание историко-политического трактата Штура вышло в С.-Петербурге в 1909г. в виде отдельной книги: с портретом автора, предисловием В.И.Ламанского к первому изданию, обширной вводной статьей Т.Д.Флоринского о Штуре и его сочинении “Славянство и мир будущего” и с дополнительными примечаниями к тексту. Актуальность этой книги обосновывали ее издатели и редакторы - Константин Яковлевич Грот и уже упомянутый Тимофей Дмитриевич Флоринский, которые были старшими учениками профессора В.И.Ламанского. Они указывали как на новый рост славянского национального самосознания в русском общественном мнении и связанные с этим планы созыва нового Славянского съезда в России, так и на стремление вывести из незаслуженного забвения эту воодушевленную “лебединую песнь великого славянина” и дать ей достойное место в русской литературе. Но именно эту актуальность нового издания сочинения Штура однозначно отрицал со своей либерально-позитивистской точки зрения Н.М.Петровский, который критически высказался о самом трактате, указав на его бесполезность для общества и малую ценность для специалистов⁴. Соображения другого порядка высказал П.В.Петров. Уже в 1903 г. он объявил, что владеет оригиналом сочинения, то есть написанном на немецком языке латинским шрифтом автографом Людовита Штура. Именно эту рукопись получил от своего приятеля в 1862 г. В.И.Ламанский и потом обменял ее у священника при русском посольстве в Вене, известного организатора славяно-русских связей и сотрудничества протоиерея Михаила Федоровича Раевского на, как писал Ламанский, “исправленный сочинителем и начисто написанный экземпляр”. Добавим, что этот экземпляр был написан по-немецки готическим шрифтом, то есть швабахом. Последний автограф Штура находился у Раевского, вероятно, до самой его смерти (1884). Потом, по мнению Ламанского, по всей видимости, он попал к профессору С.-Петербургского университета, слависту И.В.Помяловскому. В 1900 г. внук М.Ф.Ра-

евского М.Ф.Смирнов подарил его П.В.Петрову. Некоторое время рукопись находилась в библиотеке его брата, Александра Владимировича Петрова, заведующего Отделом старинных изданий Рукописного отдела Библиотеки имп. Академии наук, откуда она попала после революции в Ленинградское отделение Архива АН СССР (ныне ПФ АР АН), где я с ней ознакомился в 1957 г., а в 1965 г. получил ее фотокопию.⁵ П.В.Петров в своей рецензии на 2-е издание трактата Штура упрекал издателей в том, что они не использовали этот оригинал или хотя бы не сравнили текст перевода Ламанского с этим автографом Штура, который имеет значительные расхождения с первым. В доказательство этому он приводит ряд, как сам подчеркивает, случайно выбранных мест из обеих рукописей. Одновременно он предложил издать “в интересах истины и в признательную память о деятельности великого славянского патриота и друга России” к 100-летию со дня рождения Штура (1915) его предсмертное сочинение параллельно на немецком и русском языках и обозначить все отличия от первоначального текста в двух уже изданных русских переводах. Такое издание, по мнению П.В.Петрова, положило бы конец тем сомнениям и упрекам, которые подрывают веру в действительные достоинства сочинения Штура⁵.

Й.Ирасек искал оригинал сочинения Штура именно потому, что сомневался, что тот вообще мог написать подобное произведение, а если и написал, то едва ли в том виде, в каком представлены оба перевода. И когда он получил, наконец, от престарелого К.Я.Грота немецкий оригинал трактата (видимо, речь шла о написанной швабахом чистовой копии) и год спустя очень скрупулезно издал его с обширными примечаниями и обозначением расхождений между двумя русскими изданиями, он был убежден, что тем самым положил конец всем сомнениям вокруг предсмертного “Послания” Штура славянским народам⁶. Но уже в 1934 г. русский славист В.Н.Кораблев в своей рецензии на издание Ирасека снова указал на известный нам факт существования двух рукописных экземпляров сочинения Штура: написанного латиницей автографа и начисто переписанной швабахом и правленной Штуром копии, которая была положена в основу обоих русских изданий и немецкого издания Йозефа Ирасека.

До сих пор речь шла о трех реализованных изданиях сочинения Людовита Штура “Славянство и мир будущего”. Четвертое, словацкое издание состоялось много позднее, в 1993 г. Но прежде, хотя бы коротко остановимся на упомянутых планировавшихся, но не осуществленных изданиях этого сочинения. Если не принимать во внимание планов самого Штура по опубликованию своей работы, то таких проектов и попыток было по крайней мере восемь (!).

В.И.Ламанский считал необходимым, чтобы с историко-политическим трактатом Штура познакомилась широкая славянская и неславянская общественность. На русский язык он хотел его перевести еще во время своей заграничной научной стажировки (1862-1864). В письме П.А.Бессонову из Белграда от 18 (30) сентября он писал о том, что его друзья словаки дали ему автограф Штура, нечто вроде его завещания славянскому миру, который представляется ему чрезвычайно выдающейся вещью. Зимой он собирался перевести это сочинение и послать в Москву адресату для опубликования. Ламанский находил здесь много глубоких мыслей об общей славянской истории, о предназначении России, о характере православия⁷.

Это намерение Ламанскому, видимо, не удалось осуществить и он ограничился только тем, что в своей статье “Их записок о славянских землях”, посланной в “Отечественные записки”, использовал некоторые идеи из сочинения Штура для обоснования своего взгляда на русский язык как язык всеславянский и процитировал относительно длинные пассажи из этого еще не изданного сочинения “незабвенного Штура”⁸.

В Россию, а именно, издателю славянофильской газеты “День”, он послал в 1863 г. немецкую рукопись сочинения Людовита Штура. Она пролежала у И.С.Аксакова целых два года так и не прочитанная ни самим редактором, ни кем-то из его окружения. Когда Ламанский в марте 1865 г. потребовал ее назад, обосновывая это тем, что она ему срочно требуется, Аксаков ему написал, что рукопись Штура такая немецкая по своему внешнему облику (имелся в виду швабах, которым она была написана), что он, естественно, ее не прочитал и, к сожалению, не нашел заинтересованных в ней и среди своих знакомых. Ламанский потребовал вернуть рукопись сочинения Штура, конечно, в связи с намерением опубликовать ее по случаю готовящейся Всероссийской этнографической выставки и Славянского съезда в Москве в начале мая 1867 г.¹⁰ Но Ламанский хотел, чтобы одновременно с русским изданием трактат вышел и на немецком языке своего оригинала, и потому послал рукопись сочинения Штура в Германию - серболужичанину Я.А.Смолеру, редактору журнала “Zentralblatt für slawische Literatur und Bibliographie”, выходившем в Будишине, для публикации. Из ответа последнего Ламанскому мы узнаем, что он намеревался предпринять книжное издание сочинения (для журнала оно слишком велико). Причем цена одного экземпляра составила бы примерно один талер. Из Словакии, куда Смолер обратился с вопросом, сколько экземпляров туда можно было бы послать, он получил ответ, что за такую цену он не может рассчитывать на распространение большого количества оттисков, потому что теперь каждый словак все свои

денежные излишки передает на нужды Матицы словацкой. По этой причине пришлось отказаться от книжной формы издания сочинения Штура¹¹. Ламанский обратился также к издателю Виенганду, но тот не выразил желания публиковать трактат¹². Ученый хотел тогда как можно скорее издать трактат Штура на немецком языке в Петербурге. Он верил, что это сочинение вызовет большой интерес в Германии и Австрии, хотел разослать его по редакциям различных немецких, французских, венгерских и английских газет, чтобы дать ему возможно большее паблисити. Он просит И.С. Аксакова подумать и сообщить ему, поддерживает ли он этот проект и сможет ли найти кого-нибудь, кто способен купить 200 экземпляров по 50 коп., которые потом можно было бы послать в славянские земли. Сам Ламанский готов был вложить в это предприятие 25-50 рублей. У него была договоренность с цензором, и книга могла быть через две недели уже готова¹³. Но это намерение Ламанскому не удалось реализовать, безуспешной была и новая попытка 1870-1872 гг. издать сочинение Штура у Пеха в Лейпциге¹⁴. Для этого издания он хотел подготовить краткую биографию Людовита Штура, а после того, как ему пришлют корректуру, сделать несколько поправок и замечаний. Он собирался также приложить портрет Штура. Выручку от продажи этого издания он намеревался передать Матице словацкой или какой-либо словацкой гимназии. И.С. Аксаков, на помощь которого В. И. Ламанский и в этот раз очень рассчитывал, бездействовал, как о том с удивлением писал Фрейганг Ламанскому еще в ноябре 1872 г.¹⁵ Следующая, уже шестая по счету, попытка также принадлежит Ламанскому и относится к 1875-1876 гг., когда он снова с помощью И.С. Аксакова и Н.А. Попова стремился выпустить в свет в книжном варианте исправленный русский текст первого издания сочинения Людовита Штура на средства Московского славянского комитета. Ламанский послал выправленный текст И.С. Аксакову в Москву 8 ноября 1875г. (Речь шла не только об устранении предшествующих, часто весьма «юношески запальчивых» примечаний ученого к первому изданию, но и о языково-стилистических поправках текста, а также о его разделении на главы, обозначенные римскими цифрами)¹⁶. Одновременно он требовал, чтобы тот прислал ему вторую корректуру, в которую он вставит предисловие с биографическими данными о Штуре и о содержании и значении его трактата. Вместе с тем он предлагал напечатать побольше экземпляров по самой низкой цене, деньги от продажи которых, можно было бы передать в пользу герцеговинских повстанцев, а также австрийских словаков и венгерских русинов. Через некоторое время Ламанский напоминает Аксакову и Попову об их обещании найти возможность издания сочинения Штура и осведомляется, почему они изменили свое

намерение. В виду того, что издать книгу в Москве не удастся, он требует вернуть свой исправленный экземпляр, пытается найти издателя в Петербурге. В своем ответе Ламанскому И.С.Аксаков сообщает, что Штура необходимо издать и что Московский славянский комитет определенно выступает за это, но требуется лишь официально одобрить это намерение на его заседании. В письме к И.С.Аксакову (июнь 1876 г.) Ламанский настойчиво требует, чтобы ему прислали сочинение Штура, с тем, чтобы он незамедлительно мог отдать его в печать. На что Аксаков отвечает, что Штура вышлет, хотя уже отдал рукопись Попову для печати¹⁷. Этот план Ламанскому, горячему пропагандисту сочинения Штура, также по неизвестным причинам не удалось осуществить. По всей видимости, он и далее не отказался от намерения опубликовать трактат Штура, задумав новое издание. Об этом свидетельствует кроме всего прочего примечание автора статьи “Панславист Людовит Штур и его учение”, опубликованной в “Известиях С.-Петербургского Славянского благотворительного общества” в 1884г. Автор, скрывшийся под псевдонимом Янко Краль (!), в примечании об истории первого русского издания сочинения Штура, которое является уже библиографической редкостью, пишет, что надеется на скорое издание немецкого оригинала вместе с русским переводом. Нам недавно удалось идентифицировать имя автора - это Дмитрий Петрович Никольский, историк права и магистр С.-Петербургского университета. Так как последний был близко знаком с Ламанским (консультировался с ним по поводу своей статьи о Л.Штуре и тот ее одобрил), то можно предположить, что он знал о ближайших намерениях ученого¹⁸.

Все это были попытки издания сочинения Штура “Славянство и мир будущего” со стороны В.И.Ламанского, которые он предпринимал в России и отчасти в Германии.

Первая попытка издать этот трактат на родине, в Словакии, в переводе на словацкий язык относится к периоду после первой мировой войны и имеет свою интересную историю. Идею издания сочинения Штура обновленной Матице словацкой подал Милан Иванка уже в январе 1926 г., причем предложил попытаться найти немецкий оригинал рукописи у наследников В.И.Ламанского, возможно, в музее, в котором хранится его фонд. За перевод второго русского издания (1909) в 1928 г. взялся Микулаш Гацек. В издании “Citanie studujucej mladeze” [“Чтение учащейся молодежи”] (1931. Вып.31) он опубликовал несколько отрывков из него. В том же году Йозеф Ирасек опубликовал немецкий оригинал сочинения, и словацкое издание было отложено. Словацкий перевод трактата Штура, который Микулаш Гацек еще раз сравнил с русским текстом и изданием Ирасека (речь шла в особенности об отличиях русского издания от немец-

кой первоосновы, на которые Ирасек прямо указывал в примечаниях), должен был выйти из печати в Матице словацкой в 1944 г. Он был уже набран, но в свет так и не вышел¹⁹.

Последней, восьмой, попыткой или скорее планом должно было стать издание сочинения Штура “Славянство и мир будущего” как особого тома академического издания “Сочинения Людовита Штура” (Spisy Ľudovita Stura), о котором серьезно думали в Словацкой Академии наук, проект которого подготовил Йозеф Амбруш. Вопрос о его реализации остался открытым и не потерял своей актуальности, а с моральной точки зрения остается важной задачей до сих пор. Для ее осуществления необходимо будет очень тщательно сравнить оба экземпляра рукописи Штура и в его чистовой копии, в которой есть много дополнительных зачеркиваний, новых вставок и исправлений, попытаться определить их причины и обстоятельства. Этой работе может помочь и история попыток Ламанского по изданию трактата в разное время, которую я попытался набросать на основе архивных материалов немного подробнее.

Как исследователь истории высшей фазы словацкого национального возрождения и ее широких славянских связей, я уделял большое внимание сочинению Штура “Славянство и мир будущего”. Особенно после того, как в 1965 г. при систематическом изучении очень обширных и разбросанных по разным архивам материалов из собрания М.Ф. Раевского, я отыскал 14 до тех пор неизвестных, адресованных ему писем Л.Штура²⁰. В одном из них я нашел, как мне тогда казалось, ключ к решению вопроса о возникновении сочинения Штура. Это письмо от 30 июня 1855 г., из которого следует, что Людовит Штур, с большим интересом следя за новейшими событиями в России в связи с Крымской войной и определенной политической оттепелью, связанной со вступлением на престол нового русского императора Александра II (19 февраля 1855г.), решил послать свои размышления о современном состоянии и будущем Западной Европы и славянского мира (в антиномии Восток-Запад) высшим представителям “славянского духа” в России, а именно, великому князю Константину Николаевичу, младшему брату царя. Последний еще при жизни отца сыскал славу защитника прогресса и решительного сторонника экономических и социальных преобразований в России, а также покровителя освободительной борьбы зарубежных славянских народов. Исходя из этих новых фактов, я в своем докладе, посвященном трактату Штура (“Людовит Штур и славянская взаимность”), прочитанном на международной научной конференции в Историческом институте САН в июне 1966г., сделал много важных выводов о возникновении и оценке этого, как мне до недавних пор казалось, предсмертного “Послания” лиде-

ра словацкого национально-освободительного движения 40-50-х годов XIX в.²¹ В обширной дискуссии по этому вопросу профессор Я.Шидак из Загреба обратил мое внимание на известного хорватского публициста Имбра Игнатьевича Ткалаца и на его взгляды, очень схожие со взглядами Л.Штура, на славянский вопрос и его решение, представленные в его брошюре “Сербская нация и ее значение (в решении) восточного вопроса и (судеб) европейской цивилизации”²², изданной в Лейпциге в 1853 г. Как я выяснил вскоре при исследовании архива М.Ф.Раевского, эту небольшую работу Ткалац написал еще в 1850г. Первоначально она называлась “Россия и славяне на юге”. Автор старался в ней представить различия в жизни, стремлениях и истории славянских и западноевропейских народов и на основе этого показать, что единственным спасением для славян есть их объединение в национальной и общественной жизни и в единой церкви²³. Работа написана в том же духе, как и серия статей Ткалаца “Uber das religiose Element im Sudslawenthum”, опубликованная в январе 1850г. в загребской газете “Zudslawische Zeitung”²⁴. Издавал и редактировал ее Иосип Праус, чех по происхождению, член хорватской делегации на пражском Славянском съезде, где с ним близко сошелся и Людовит Штур. Публицистической деятельностью И.И.Ткалаца, (очень активного сотрудника известного, и после закрытия пражского “Union”а” и “Slovan”а” Гавличка в 1850 г., единственного либерального всеславянски ориентированного печатного органа) и изучением самой газеты я потом занимался самым детальным образом. В результате этого исследования я нашел много интересных соответствий между материалами, опубликованными в загребской всеславянской газете, оригинальными и взятыми из других изданий (например, известной статьей К.Гавличка “Русские” и “Славянская политика” 1850г.) и выводами Л.Штура, сформулированными в сочинении “Славянство и мир будущего”. Эти сведения я использовал, к сожалению, только в очень скромной мере в своей статье “Сочинение Штура “Славянство и мир будущего” (К вопросу о его возникновении и оценке)”, опубликованной в “Историческом журнале” в юбилейном штуровском номере 1990г.²⁵, где стремился суммировать тогдашние результаты своего исследования и сформулировать свой взгляд на поставленный вопрос.

Выводы, к которым я тогда пришел, очень коротко можно сформулировать следующим образом: Людовит Штур в своем историко-политическом трактате поднял много принципиальных и актуальных общественно-политических проблем своего времени, старых и новых, которые вырисовывались после поражения буржуазно-демократической революции 1848-1849 гг., и стремился дать на них ответ. Он сделал это на уровне обществен-

но-политической мысли своего времени и в соответствии с его собственной историко-философской концепцией, личными знаниями и опытом, как политик, чувствующий ответственность за судьбы своего и других славянских народов и ищущий в новой политической ситуации новые средства и способы обеспечения их счастливой жизни и обосновывающий новую концепцию их общей освободительной борьбы. Она сформировалась в соответствии с аналогичными усилиями ведущих деятелей других несвободных славянских народов, которые, подобно Штуру, искали после неуспеха революционных акций и разочарования в политике Вены столь необходимую для них живительную и творческую силу. Они видели ее в самом большом по численности славянском народе и его независимом государстве - России. Поэтому он решил обратиться к своим славянским братьям и особенно к России со своим "Посланием с берегов Дуная", которое подготовил на основе многих своих предыдущих работ, а также материалов и набросков по всеобщей славянской истории, над которой работал в последние годы своей жизни. При общей оценке сочинения Штура, включая требования и условия, при которых Россия может стать во главе славянских народов, высказанных в чрезвычайно категоричной форме, я подчеркнул, что остается открытым вопрос, в какой мере Штур рассматривал интеграцию славян под эгидой России, с общим литературным языком (русский язык) и религией (православие) в качестве конкретной программы на ближайший период. Славянская концепция этого автора является скорее проектом политического освобождения славян, чем моделью будущей организации славянского мира. Главной непосредственной целью штуровского "послания", по моему мнению, было побудить официальные круги великой славянской державы к более активной политике в пользу несвободных славянских народов, ищущих после крушения надежд, связанных с революционными 1848-1849 годами, новые перспективы и концепции своей национально-освободительной борьбы. Относительно датировки возникновения трактата Штура я указывал, что это проблема, по которой в специальной литературе распространено множество самых различных взглядов. Я высказал мнение, что его следует относить к периоду 1851-1854 гг. Что касается работы над ним, то временем его завершения следует считать первую половину 1855г., когда Штур просил Раевского взять его сочинение в Россию. Я тогда исходил при этом, в особенности, из писем Штура и находился под влиянием авторитетного мнения их издателя, который при всех упоминаниях о его работе над славянской историей пояснял, что речь идет о сочинении "Славянство и мир будущего". Но мне все же было непонятно, почему Штур в своем трактате пишет, например, еще о Франции как республи-

ке и о Наполеоне III как о президенте, хотя стало известно о их падении (это произошло 2 декабря 1851 г.) и обновлении империи (реализовано годом позднее 2 декабря 1852 г.), и он это место в рукописи не исправил. Мое удивление вызывало и то, что нигде не упоминалось о таком значительном историческом событии, как Крымская война (1853-1856). Я предполагал тогда, что это можно объяснить тем, что работа готовилась в определенном временном цейтноте и была составлена из многих готовых и достаточно разнородных кусков. Свой анализ я, естественно, не считал исчерпывающим, а свои выводы и оценки полагал относительными. Напротив, я подчеркнул, что необходимо дальнейшее изучение как самого сочинения, так и всех обстоятельств, связанных с его возникновением и изданиями, включая анализ и скрупулезное сравнение обоих сохранившихся рукописей сочинения, то есть шуруповского написанного латиницей по-немецки автографа и его чистой копии, написанной готическим швабахом, а также большей части сохранившейся рукописи его перевода для нового русского издания. Эти мои предварительные сопоставления сразу же показали, что в шуруповском автографе есть много поправок и вставок, что в чистой копии содержится также много зачеркнутых предложений и целых абзацев, которые, правда не во всех случаях, заменены новыми, как правило, более лаконичными предложениями и формулировками. При чем эти поправки, вероятно, делались разными людьми и в разное время. Все это я считал необходимым обнародовать при подготовке словацкого издания этого сочинения Штура, сопровождаемого всеми атрибутами научной публикации, которая до сих пор является не только нашим нравственным долгом по отношению к Штуру, но и важнейшей предпосылкой для действительно научной оценки трактата и его творчества в целом.

Между тем на исходе 1993 г. силами Словацкого института международных исследований был издан перевод сочинения Штура на словацкий язык, сделанный с немецкого издания Й.Ирасека 1931 г. Адамом Бжохой. Это четвертое по счету реализованное издание шуруповского трактата. Речь идет о так называемом читательском издании без каких-либо примечаний и комментариев. Недоумение специалистов вызвало то, что издатель непосредственно перед самим трактатом Штура весьма неорганично поместил в переводе с немецкого текст его народно-патриотической брошюры "Деятнадцатое столетие и мадьяризм" (1845). Значительные возражения и несогласие встретила также в особенности вводная статья Светослава Бомбика под названием "«Славянство...» как шуруповское отрицание Запада", которая вместо того, чтобы соответствующим образом включить это сочинение в контекст своего времени и всего творче-

ства Штура, показывает его автора в кривом зеркале довольно претенциозных взглядов. Это связано с суггестивным и очень трудным языковым вопросом, изложенным очень неточно по устарелой книге Милана Годжи “Чехословацкий раскол”²⁶, “направил ли Штур духовную жизнь в Словакии в нужную колею”²⁷. Я посчитал своим профессиональным долгом выразить свою точку зрения по поводу этого целенаправленного искажения взглядов Людовита Штура и его сочинения. Я сделал это кратко в дискуссии о словацком издании сочинения Штура в упомянутом Институте и более подробно в лекции в рамках “Дней Людовита Штура” в 1994 г., далее в статье в “Литературном еженедельнике”²⁸ и в обширной статье в сборнике “Nad Tatrou sa blyska”, изданном “Штуровским движением национального объединения”²⁹. Моей реакцией на него было и участие в выставке “Людовит Штур и славянство”, организованной в Университетской библиотеке в апреле 1994 г. Ситуация, которая возникла в связи с первым словацким изданием сочинения Штура “Славянство и мир будущего”, побудила меня к новому исследованию этой проблематики. Его результаты были для меня самого удивительными и воодушевляющими. На титульном листе автографа Штура, которому доселе никто не уделял надлежащего внимания, в последнем предложении первоначального титула “Das Slawenthum und die Welt der Zukunft. Eine Botschaft an alle slawischen Volker. Von der Donnau im Jahre...” под исправленной датой 1854, позже вообще зачеркнутой, я нашел зримые следы первоначальной последней цифры, которая могла читаться только как I с заметной черточкой наверху. Это открытие, подкрепленное другими двумя доказательствами из писем Штура, привело меня к убеждению, что *написание сочинения Штура можно точно датировать весной 1851 г.* (здесь и далее выделено авт. - В.М.) и что первоначально оно предназначалось для иных целей, чем я до тех пор предполагал. Первым доказательством является упоминание Штура в его письме митрополиту Й.Раячичу от 28 апреля 1851 г., что он пишет большие и малые работы, из которых что-то опубликует в “Sudslawische Zeitung”³⁰. Это упоминание, по моему мнению, касается сочинения “Славянство и мир будущего”, все остальные (а их в издании писем Штура в т. II и III известно 22) относятся к подготавливаемой всеславянской истории; над которой Штур начал работать в июне 1852 г., закончив сочинение “О народных песнях и преданиях славянских племен”. Вторым доказательством являются слова из письма Л.Штура к М.Ф.Раевскому от 20 июля 1853 г., вскоре после начала Крымской войны, где он просит, чтобы “ту вещь”, о которой они говорили, он взял с собой в Россию и предложил ее тем, имена которых называл, и чтобы не забыл, о чем ему говорилось, *добавить, что это написано весной 1851 г.* Когда я опублико-

вал письма Штура Раевскому я не вполне владел этим вопросом и потому в своем комментарии, сформулированном в гипотетической плоскости, оставил его более-менее открытым³¹. Сегодня я могу аргументированно сказать, что “этой вещью” было сочинение “Славянство и мир будущего”. Что касается действительного авторского намерения и цели написания трактата, я убежден, что сочинение Штура было его вкладом в дискуссию о дальнейших судьбах славянских народов и формирование новых концепций их национально-освободительных стремлений (борьбы), которые находили тогда широкое отражение на страницах славянской и неславянской периодической печати. Полагаю, что это была та “большая вещь”, которая, как пишет он в письме Раевскому, должна была быть напечатана в 1851 г. в “*Sudslawische Zeitung*”, уже в фактически единственном оппозиционном славянском печатном органе в Австрии. Штур эту газету и ее издателя, а также некоторых сотрудников, включая И.И.Ткалаца, не только хорошо знал, но и сам с ними сотрудничал и предпринимал соответствующие шаги через М.Ф.Раевского и Михаила Обреновича в поддержку этой важной общественной трибуны славян. Свою работу он планировал опубликовать, вероятно, в форме серии статей с продолжением, как это делал Ткалац и другие авторы. О том же свидетельствует трудно объяснимый с другой точки зрения факт, что свой первоначально написанный латиницей на немецком языке автограф он дал кому-то переписать швабахом - как печаталась загребская всеславянская газета. Естественно, я предпринял все возможное, чтобы убедиться в том, были ли там напечатаны все сочинение Штура или хотя бы какая-нибудь часть из него. К сожалению, именно все номера “*Zudslawische Zeitung*” за третий квартал за 1851 г. и начало 1852 г. в загребских библиотеках отсутствуют, и мне не удалось их найти и в других библиотеках. Но весьма вероятно, что это сочинение вообще не было опубликовано. Газета именно в это время должна была решительно преодолевать неприязнь правящих кругов, открытые и тайные рогатки цензуры. Ее редактор встретился с большими финансовыми трудностями, не сумев избежать судебного процесса. Кроме того, чтобы заставить его вообще замолчать, Прауса призвали на военную службу³². А историко-политический трактат Штура с его острой критикой политической и этнически неоднородной Австрийской империи, (этой, по его словам, “гальванизированной мумии”, которая не имеет никакой исторической перспективы), с откровенной пропагандой объединения всех славян под эгидой России, был чересчур “крепким табаком” даже для такой либерально-оппозиционной газеты. Могли, разумеется, существовать и иные причины упущенной возможности того, почему Штур в конце концов не послал трактат для публикации, но обо всех них можно рассуж-

дать только на уровне гипотез.

Из этих недавно выясненных фактов и реалий вытекает много конкретных и важных выводов для нового подхода к решению вопроса о возникновении сочинения Штура “Славянство и мир будущего”, его общей оценки и особенно для более правильного объяснения и понимания многих тех мест, которые оправданно вызывали и до сих пор вызывают как минимум недоумение у читателей. В первую очередь, однако, считаем необходимым в своих констатациях и заключениях, высказанных в статьях, посвященных трактату Штура и в других работах, исправить и, может быть, уточнить или подтвердить, а также подчеркнуть несколько принципиальных вещей.

Людовит Штур не намеревался написать свое сочинение как своего рода “меморию” или памятную записку для официальных правящих кругов России, а именно, для великого князя Константина Николаевича, младшего брата нового царя Александра II, его создание не было связано ни с “политической оттепелью” после его вступления на престол, ни с Крымской войной и надеждами славянских народов на их возможное скорое освобождение. Это сочинение Штура возникло в органической, не только идейной, но и прямой временной связи с рассуждениями и дискуссиями о дальнейших перспективах и концепциях национально-освободительной борьбы австрийских и турецких славян после их разочарования в результатах революции, которые до конца 1849 г. в широких масштабах подвергались переоценке на страницах славянской и неславянской печати. Штур считал данную работу своим вкладом в решение этого ключевого вопроса: он приравнивал ее содержание к публикации в загребской либеральной “всеславянской” газете “Zudslawische Zeitung”. Его конкретные попытки познакомить со своими взглядами представителей православных кругов в России, приближенных к царскому двору, носили вторичный характер. Причем первая такая попытка относится уже к лету 1853 г., а хлопоты о том, чтобы его сочинение попало в руки великого князя Константина Николаевича летом 1855 г., были уже повторной попыткой. Ошибочным оказалось и мое предположение, очень, правда, осторожное, что некоторые явно выпренные хвалебные слова по адресу русских царей и их правительства следует понимать прежде всего как определенное *carpatio benevolentiae*, понятное, именно исходя из характера сочинения Штура как конкретной адресной памятной записки, предназначенной брату царя. Я с удовольствием поправил бы и свое утверждение, что предложение “Но пора, в высшей степени пора, России сознать свое признание и значение и приняться за славянскую идею; ибо долгое промедление может, по нашему мнению, иметь дурные последствия” в латиницей

написанном автографе он вставил в текст дополнительно, в связи с решением послать его летом 1855 г. в Россию. Но это предложение, как я выяснил, есть уже в швабахом написанной копии³⁴. Что касается датировки завершения написания трактата Штура, то на основе вновь выясненных фактов можно полагать, что однозначно это произошло весной 1851 г. В связи с этим необходимо скорректировать не только мою точку зрения, что он был начат в 1851-1854 гг. и относительно завершен в первой половине 1855 г., но и все предшествующие очень разноречивые утверждения других исследователей. Следовательно, “Славянство и мир будущего” Штура не было его последним сочинением (после этого он написал книгу “O narodnych piesnach a povestiach plemien slovanskych” и издал свои “Spevy a piesne”) и едва ли можно обоснованно считать его “предсмертным посланием” и “лебединой песней” великого словака и славянина.

С другой стороны, новые факты о времени и обстоятельствах возникновения сочинения Штура подтверждают высказанные взгляды о главной и непосредственной цели его написания, которой является стремление создать новую концепцию национальной борьбы словаков и других славянских народов и желание побудить официальные круги великой славянской державы - России - к более решительной и активной политике в ее поддержку. С этим связано и намерение Штура послать свою до тех пор неопубликованную рукопись в Россию и именно незадолго до начала Крымской войны, в которой многие видели начало исполнения этой ее исторической миссии. Также правильным следует считать и мнение, что этой цели были подчинены, следовательно, вторичные, хотя и очень важные призывы Штура к интеграции славян под эгидой России, к принятию православия в качестве их общей религии и русского языка в качестве общего литературного языка. Эти положения он более подробно не конкретизировал, ограничившись констатацией, что на этот великий шаг в пользу славян решился только под давлением важных политических событий. И из всего контекста его соображений вытекает, что он имел в виду освобождение славянских народов из-под чужеземного господства. В этом смысле, полагаю, можно еще больше подчеркнуть справедливость моих прежних выводов, что концепция Штура должна была быть в большей степени или в первую очередь *проектом политического освобождения славян* (выделено авт. — В.М.), чем моделью будущего политического устройства славянского мира³⁵.

Рассуждения Штура, разумеется, звучат несколько иначе, если мы примем во внимание, что они относятся к весне 1851 г., особенно если их оценивать в контексте всей атмосферы периода вскоре после поражения европейских революций 1848-1849 гг. и сравнивать с очень схожими

взглядами представителей национально-освободительного движения других славянских народов того времени. С такими, например, как бескомпромиссный чешский либеральный политик Карел Гавличек, твердый приверженец концепции австрославизма, который однако вскоре после революции изменил на определенное время свое однозначно отрицательное отношение к русским любителям славянства, “славяно-православной партии” и самой России и начал о ней рассуждать, как о возможной покровительнице и патронессе всех других славян, борющихся против угнетателей³⁶. В этом, и во взглядах на здоровые и перспективные основы русской социальной жизни, в первую очередь, на крестьянскую общину, он солидаризировался с русскими славянофилами, с революционным демократом, эмигрантом А.И.Герценом, с И.И.Ткаляком и с Л.Штуром, а также со многими другими политиками, объективно подходящими к вопросу о славянах и России. О таком объективном независимом взгляде на славянский вопрос и Россию у Штура речь шла, пожалуй, более всего³⁷. Еще хотя бы два примера из многих. Участник революции, радикально-демократически настроенный политик Антон Г.Шпрингер, который, будучи доцентом Пражского университета, читал лекции по истории революционного века, в 1849 г. писал: “Славяне предназначены по своему свежему характеру, общественному способу (жизни - *V.M.*), по своей склонности к федерациям и правовым обычаям для того, чтобы создать социальное государство и тем самым дополнить стремления бриттов, французов и немцев. Англия... старается с помощью промышленности освободить человека от господства природы, как пример для подражания во всем мире, в Германии возникло свободное, гуманистическое мировоззрение. Но чтобы социальные идеи могли найти чисто политическое выражение, для этого, как мне кажется, почва истории всех этих стран уже исчерпана, зато по многим признакам для этого предназначен Восток Европы”³⁸. Другой пример относится к периоду подготовки московского Славянского съезда, когда снова на первый план вышел вопрос об отношении славянских народов к России. Это мнение сербского демократа Живоина Жуевича, высказанное в корреспонденции от 15 февраля 1867 г., опубликованной в “С.-Петербургских ведомостях”. Жуевич в связи с рассуждениями о славянском возрождении и усилении славянской идеи о славянском единстве и свободе писал: “Я не верю в возможность осуществления панславизма в смысле московских славянофилов, но что панславизм в смысле сознательного морального единства, откуда ни одному славянскому народу не грозит никакая внешняя опасность, и в смысле политического единства под условным предводительством России, в минуту опасности хоть малейшему славянскому народу, говоря, такой

панславизм возможен и крайне нужен для всех славян одинаково и не только для славян, но и для человечества вообще, в этом вряд ли возможно серьезно сомневаться”³⁹. То, что понятие панславизма было во времена Людовита Штура (и не только тогда?) в негативном смысле не только пугалом, но и аргументом против всех национально-освободительных и интеграционных усилий словаков и других славянских народов, нас в этом случае не должно смущать.

Национально-освободительные и интеграционные тенденции, которые являются типичным и закономерным явлением истории нового времени, представляют у Людовита Штура две стороны одной монеты. Тут взаимно диалектически связаны и сцеплены и их отражение и решение проблемы их отношений (полагаю, что точно в смысле гегелевского понимания целого и части). Это составляет содержание всех его историко-политических и политических рассуждений и конкретных действий, целей многосторонней богато структурированной деятельности. Просто хрестоматийно это проявилось в решении Штуром кардинального вопроса словацкого национально-освободительного движения - формирования современной национальной идеологии словаков как самобытной славянской нации и ее отношения к славянскому целому с упором на новый общенациональный словацкий литературный язык и новую концепцию славянского единства и взаимности⁴⁰. Людовит Штур всегда считал языковое и вообще национальное обособление словаков неизбежным, но не конечным этапом их развития в рамках дальнейшего исторического выхода на авансцену истории славянства и всего человечества. Поэтому между его предреволюционным представлением о необходимости собственного национального литературного языка и послереволюционным рассуждением о русском языке как общем языке всех славян не нужно видеть какое-то противоречие, и уж вообще нельзя говорить, что он предал свое самое большое дело и что сочинение “Славянство и мир будущего” является его “самообвинением”, как его характеризуют некоторые поверхностные критики. Ибо Штур далее в духе своего последовательного понимания единства в разнообразии развивал представление о славянском наднациональном целом (которое у него на редкость неизменно!). Он выдвинул на передний план в то время явственно ощущаемую и актуальную идею единства славянских народов с ее практическими предпосылками и последствиями, в то время как перед тем, особенно в период борьбы за литературный словацкий язык, понятно, более акцентировал идею разнообразия, то есть национальную самобытность отдельных частей этого славянского целого. При этом он очень хорошо сознавал, что формирование такого единства, включая принятие

общего литературного языка, будет нелегким делом и что малым славянским народам будет очень тяжело отказаться от своей по-человечески понятной национальной самобытности. Но для той великой цели, которая определяется как славянская жизнь, где каждый найдет сам себя, необходимо было отречься от любых сепаратистских стремлений, от всех односторонних национальных интересов, правда, не в пользу какого-либо народа, а в интересах той общей жизни. Что касается самого общего литературного языка, то Людовит Штур, естественно, предполагал, что и после его принятия отдельные славянские народы будут создавать литературу, прежде всего поэзию, на своих языках. Он подчеркивал только, что множество языков и литератур только препятствуют взаимопониманию⁴¹, развитию духа и общности действий, а так как славяне захотят, когда выступят на авансцену всемирной истории, соответствовать великим требованиям развития человечества, то они должны будут создать единую великую литературу: это их человеческая, политическая и историческая обязанность⁴². В заключение своего послания славянам с берегов Дуная он снова возвращается к идее неизбежности славянской интеграции и ее общечеловеческого смысла призывом: “Воспряньте же духом, славяне, и, с Божьею помощью, принимайтесь смело за дело! Пусто всякое народное высокомерие, не содержащее в себе никаких глубоких зародышей. Главная суть все-таки заключается в человечестве, которого мы члены, вместе с другими народами”⁴³.

И в вопросе о необходимости общего литературного языка славян, поднятом в сочинении Штура, отразилась конкретная ситуация начала 50-х годов позапрошлого столетия, когда эта проблема начала широко обсуждаться на страницах славянской печати и когда даже говорили о созыве съезда славянских филологов, который должен был по этому вопросу занять определенную позицию. При оценке взглядов и точек зрения Штура в этом деле необходимо принимать во внимание и ситуацию в собственно словацкой среде, новые споры о литературном языке в связи со стремлением Я. Коллара и его приверженцев, поддержанном правительством, снова ввести чешский литературный язык и обновить чешско-словацкое языковое и литературное единство. С другой стороны, необходимо учитывать в целом и реально усиливавшееся ощущение Штура, все более сознававшего ограниченность значимости и пользы сочинений, главным образом, научных, издаваемых только на словацком языке.

Интересно проследить отклики на сочинение Л. Штура в различных кругах русского общества его влияние на формирование теоретических и политических основ русского панславизма.

Об отношении официальных правительственных кругов к “Посланию”

Штура у нас нет релевантных сведений кроме в целом снисходительного отношения царской цензуры к его первому изданию⁴⁴. Мы можем судить о нем только косвенно, на основании известного нам отношения царизма к славянофилам и панславистам типа М.П.Погодина, В.И.Ламанского и др. Также косвенно, на основании критики славянофилов и панславистов, мы можем судить об отношении русских революционных демократов к идеям, высказанным в сочинении Штура⁴⁵. Поэтому отклики на славянскую концепцию Людовита Штура, а в определённой мере и “борьбу за Штура” мы можем проследить прежде всего в рамках славянофильско-панславистского общественного мнения и взглядов его оппонентов из буржуазно-либерального лагеря русской интеллигенции. Отклики на первое издание “Послания славянам с берегов Дуная” были, естественно, самыми заметными в тех кругах, которые представлял его издатель В.И.Ламанский. Сам ученый сделал очень много не только для первого издания историко-политического трактата Штура, для осуществления его новых изданий, но и для пропаганды его идей в своих работах, лекциях и публичных выступлениях. Большую и очень активную работу по пропаганде идей Штура он провел в С.-Петербургском Славянском благотворительном обществе, как его видный деятель и редактор его “Известий”. Сочинение Штура в духе своих панславистских политических взглядов популяризировали и такие видные сторонники петербургской “славянофильской” группы, отмеченной узко националистическими “народно-самобытными” теориями и схемами, как А.С.Будилович, О.Ф.Миллер, позднее К.Я.Грот, И.С.Пальмов, Т.Д.Флоринский и другие. Об их одностороннем и тенденциозном понимании и толковании славянской концепции Штура можно привести много свидетельств. В целом таким же образом понимается и излагается концепция Штура в рецензиях на первое и особенно второе издание трактата “Славянство и мир будущего” и в публицистических рассуждениях, вызванных к жизни этим сочинением и касающихся славянского вопроса вообще и роли России в его решении⁴⁶. Что касается влияния сочинения Штура, как реального, так и мнимого, на формирование идейных основ русского панславизма, то его можно будет выяснить только на основе тщательного научного анализа и сравнения с такими основополагающими теоретическими работами, как “Россия и Европа” Н.Е.Данилевского, “О историческом изучении греко-славянского мира в Европе” В.И.Ламанского и другими.

Против односторонней оценки “панславизма” идеологов национально-освободительного движения угнетенных славянских народов и, в частности, Л.Штура славянофильско-панславистским лагерем, выступил известный историк и филолог-славист А.Н.Пыпин, как выразитель мне-

ния прогрессивных демократических и либеральных кругов русской интеллигенции. Уже в своей статье по поводу смерти известного чешского русофила Вацлава Ганки (1861), он подчеркивал, что в отношении этого “панславизма” к русскому миру “было много иллюзий незаметно входивших с обеих сторон: одни слишком верили в тесное славянское братство, приписывали ему политическую силу, какой оно далеко не имело; другие - в могущественную поддержку России, которая, говоря строго, об этом и не думала. Западные панслависты ловили редкие случаи, в которых русское правительство руководилось, по-видимому, славянской идеей, и радовались, когда могли объяснить их в свою пользу. Им никто не противоречил: западная Европа в те годы часто заговаривала о славянском вопросе, много раз немцы пугались за себя, и боязливые голоса их способны были еще больше укрепить скрываемые надежды. Славяне расположены были верить всем завоевательным планам, какие приписывались тогда России: они готовы были думать, что Россия уже начинает исполнять ту грандиозную миссию, которую определила ей их горячая любовь к национальной свободе. Они жили этими мечтаниями; небольшой кружок людей, развивавший перед ними свою теорию, полную благородного чувства, они принимали за ту могущественную Россию, которая была способна делать политические чудеса, и отдавались своей иллюзии: никто не разубеждал их и не говорил им прозаической истины”⁴⁷.

Позднее в своем фундаментальном исследовании о панславизме в прошлом и настоящем Пыпин характеризовал Штура как одного из наиболее выдающихся деятелей славянского возрождения и подчеркивал, что в сочинении “Славянство и мир будущего” полностью проявился характер этого горячего патриота. Пыпин разделял мнение Штура о том, что с точки зрения общеславянских интересов необходимо поддерживать языковую самостоятельность отдельных малых славянских народов, и высоко оценил его критику русского общественного устройства и настойчивое требование его общей демократизации. Свою оценку сочинения Штура, которая одновременно является полемикой с односторонним славянофильско-панславистским толкованием и пропагандой его идеи и своего рода борьбой за Людовита Штура и его наследство, А.Н.Пыпин заключает словами, которые полезно процитировать полностью: “В его взгляде на Россию есть идеализация, есть незнание частных фактических ошибок; но это не помешало ему сделать и существенно верные замечания о русской внешней и внутренней политике - и указать, что в ней должно быть изменено, чтобы славянство могло довериться русскому союзу. Тем нашим шовинистам, которые в последние годы считали “расхолаживанием” всякое напоминание о наших внутренних нуждах и недостатках, было

бы очень полезно вникнуть в приведенные сейчас слова Штура об этих предметах: они увидели бы, что для разумных славян даже с величайшей привязанностью к России, эти предметы составляют пункт величайшей важности, -такой, что без изменения в наших внутренних делах самый союз с Россией, столь крайне необходимый для славянства, казался им невозможным... Хоть бы это прямое свидетельство научило чему-нибудь наших новейших славянолюбцев. От них станется (если напомнить им о Штуре, которого, может быть, впрочем, они и совсем не знали), что они найдут у Штура одни только панегирики русскому первенству в славянстве, станется, что его идеалистическая и вместе глубокая привязанность к России может послужить только лишним поводом к национальному самохвалству и что они не поймут всего серьезного смысла его слов о внутреннем русском быте⁴⁸.

Это была, на наш взгляд, самая реалистическая и при этом самая высокая в России оценка сочинения Людовита Штура и одновременно серьезное слово, сказанное в этой связи в адрес самого русского общества, в которое Штур так верил и на которое возлагал такие большие надежды.

В заключение мне хочется вспомнить слова философа Д. Чижевского, который довольно подробно исследовал сочинение Л. Штура "Славянство и мир будущего" по изданию Ирасека в немецком оригинале. Завершая свое рассуждение об этом сочинении в особом дополнении к своей книге "Философия жизни Штура" (1941), он писал: "Выводы, к которым пришел Штур, не вступают в противоречие с его предположениями (философскими. - В.М.), но их нельзя понять без дополнительных пояснений. Можно ли считать сочинение не совсем законченным, либо свидетельством внутреннего кризиса Штура, который он пережил в минуту, когда все надежды славян потерпели крушение?" Этот вопрос Чижевскому казался тогда неразрешимым. Но все же он выразил надежду, что "может быть разъяснение этому столь загадочному сочинению принесут находки каких-нибудь писем, рукописей или другие публикации"⁴⁹. Думаю, что этот прогноз и надежда ученого сейчас в значительной мере осуществились.

Примечания:

¹ *Никитин С.А.* Славянские комитеты в России в 1858-1876 годов. М., 1960. С. 189-190.

² *Ciller A.* Z podrozy po kraju slowackim. Lwow, 1871. S. 14-3 15.

³ *Murko M.* Kollarova vzajemnist slovanska // Jan Kollar 1798-1852. Vieden, 1893. S.226. Pozn.4, *Osusky S.* Filozofia sturovcev. Myjava, 1926. I. S.160-161 и др.

¹ Петровский П.М. Славянство и мир будущего // Журнал министерства народного просвещения. 1909. Новая серия. Ч.2. №7. С. 194-200.

² Петров П.В. Подлинная рукопись Л.Штура // Известия С.-Петербургского благотворительного общества. 1903; *Он же*. По поводу нового издания трактата Л.Штура "Славянство и мир будущего" // ЖМНП. 1910. Новая серия. 1910. №1. С.212-216.

³ См. предсловие Ирасека к изданию: *Štur L. Das Slawentum und die Welt der Zukunft*. Bratislava. 1931. S.4.

⁴ Письмо обнаружила Т.Ивантышинова в фонде П.А.Бессонова в Отделе письменных источников Государственного исторического музея в Москве (Фонд 56. Д.498. Л.57-59), но его авторство ошибочно приписала П.А.Лавровскому. Из этого она сделала ошибочный вывод, что рукопись сочинения Штура отыскал в Словакии в 1862 г. Лавровский. См.: *Ivantsynova T. Cesi a Slovaci v ideologii ruskych slavjanoslaňov*. Bratislava. 1987. S.215.

⁵ Отечественные записки. 1864. №5.

⁶ Письмо В.И.Ламанского к И.С.Аксакову от 18 марта 1865 г. // ПФ АРАП. Ф.35. Оп.1. Д. 1727 и письмо И.С.Аксакова к В.И.Ламанскому от 21 марта 1867 г. // Отдел рукописей ИРЛИ (ПД) №2968М 8. 17.

⁷ Интересные сведения о подготовке этого издания содержит взаимная переписка В.И.Ламанского и О.М.Водянского этого периода, то есть с осени 1866 г. до весны 1867 г., которая хранится в ПФ АРАН (Ф.35) и в Отделе рукописей Института литературы им. Т.Шевченко в Киеве (Ф.99). См. мою статью: *Matula J. Šturovo dielo Slovanstvo a svet buducnosti. (K otazke jeho vzniku a hodnotenia)* // *Historicky casopis*. Bratislava. 1990. №4. S.524-525.

⁸ Письмо Я.А.Смолера В.И.Ламанскому. Будишин, 8 апреля 1866 г. // ПФ АРАН. Ф.35. Оп.1. Д. 13 19.

⁹ Письмо В.И.Ламанского И.С.Аксакову. Май 1867 г. // Там же. Д. 1727. Л.78-79.

¹⁰ Там же.

¹¹ Письмо В.И.Ламанского А.В.Фрейгангу от 9 марта 1872 г. // Там же. Ф.220. Оп.5. Л.3.

¹² Фрейганг писал, что Аксаков до сих пор не ответил по поводу издания Штура. Ему это непонятно, но это так. // ПФ АРАП. Ф.35? Оп.1. Д. 1478.

¹³ Это подразделение сочинения Штура на 9 глав приняли и редакторы второго русского издания К.Я.Грот и Т.Д.Флоринский.

¹⁴ Письма В.И.Ламанского И.С.Аксакову // ПФ АРАН. Ф.35. Оп.1. Д. 1727. Л.90,93,95,103. Письма И.С.Аксакова В.И.Ламанскому // ОР ИРЛИ

(ПД) № 2968 М 8.

¹⁸ Письмо Д.П.Никольского А.Н.Пыпину от 12 августа 1883 г. // Отдел рукописей РГБ. Ф.621. Д.597. Из него следует, что статью он закончил уже летом 1883 г. и о Штуре писал с точки зрения современной очень интересной политической ситуации (распространение идей пангерманизма под руководством Бисмарка) и некоторых других доводов, поэтому его побуждают опубликовать ее в либеральном “Вестнике Европы”. См. также его письмо В.И.Ламанскому от 11 января 1888 г. (ПФ АРАН. Ф.35. Оп.1. Д. 1016). Есть данные, что эту статью опубликовала и сербская газета “Valjevske novine” (1887. I. №29 и II. 1888. 1-2). Было бы интересно выяснить, нет ли там ее окончания, которое, вероятно, по цензурным доводам, не было опубликовано в русском журнале. Но скорее всего речь идет только о перепечатке опубликованного русского текста.

¹⁹ Подробнее см.: *Matula V. Sturovo dielo Slovanstvo a svet buducnosti...* S.552-553.

²⁰ *Matula V. L'udovit Stur a M.F.Rajevskij. (Nove materialy k otazke slovensko-ruskych vzťahov v 40. - 50.rokoch 19 storočia)* // Slovenska literatura. 1966. VIII. №4. S.361-384. См. также: Зарубежные славяне и Россия. Документы архива М.Ф.Раевского 40-80-е годы XIX века / Составитель В.Матула и И.В.Чуркина. М., 1975. С.473-478. Все 14 писем изданы с более подробными исправленными комментариями. См.: *Listy L'udovita Stura. Dodatky / Na vydanie pripravil Vladimir Matula.* Bratislava, 1999. D.IV.

²¹ *Матула В. Людовит Штур и Россия // L'udovit Stur und die slawische Wechselseitigkeit.* Bratislava, 1969. С.361-393.

²² *Das serbische Volk in seiner Bedeutung für orientalische Frage und für die europäische Civilisation.*

Eine Denkschrift. Leipzig, 1850.

²³ Письмо И.И.Ткалаца Ф.М.Раевскому от 20 июня 1851 // Зарубежные славяне и Россия... С.425.

²⁴ *Sudslawische Zeitung.* 1850. II. № 8,9,12,15,16 (10-19.1.1850)

²⁵ *Matula V. Sturovo dielo Slovanstvo a svet buducnosti...* S.518-555.

²⁶ *Hodža M. Cesko-slovensky rozkol. Prispevky k dejinam slovinciny.* T.sv. Martin, 1920.

²⁷ *Stur L. Slovanstvo a svet buducnosti.* Bratislava, 1993. S.22.

²⁸ *Matula V. Predsmrtne posolstvo // Literarny tyzdennik.* 1994. 23(94) 3.6.1994. S.12-13. Такое короткое, но более журналистски броское название дала моей статье редакция еженедельника вместо первоначального авторского заголовка.

²⁹ *Matula V. Sturov spis Slovanstvo a svet buducnosti // Nad Tatrou sa blyska.* Bratislava, 1994. S.92-111.

³⁰ Listy L'udovita Stura / Pre tlac pripravil a poznamky napisal Jozef Ambrus. Bratislava, 1960. D.III. Dodatky. S.65.

³¹ Matula V. L'udovit Stur a M.F.Rajevskij... S.372-373; Зарубежные славяне и Россия... С.475-476.

³² Письмо Й.Прауса М.Ф.Раевскому от 17(29) марта 1852 г. //ОПИ ГИМ. Ф.Шукина. 530/9. Л.5.

³³ О газете "Zudslawische Zeitung" и Й.Праусе подробнее см.: Horvat J. Povijest novinstva Hrvatske 1771-1939. Zagreb, 1962. S.170-172.

³⁴ Matula V. Sturovo dielo Slovanstvo a svet buducnosti... S.531, pozn.65.

³⁵ Ibid. S.537.

³⁶ Havlicek K. Rusove // Slovan. 10.7.1850. Гавличек был в принципе согласен и с принятием общего литературного языка для всех славян (См.: Slovan. 1851. S.511 и след.)

³⁷ Напомним хотя бы такие его слова: "Отвечайте же, положи руку на сердце, братья, не Россия ли, подобно маяку, светила на наше печальное прошедшее, в глубокую ночь нашей жизни? Не Россия ли оживляла наши упования, ободряла наш упавший дух, подняла нашу почти угасшую жизненную энергию?... Где Россия и не выступала положительно за славянство, она - все же оказывала и продолжает ему оказывать самые важные и жизненные услуги. Если таким образом наше пробуждение нашло себе в России точку опоры, если она прежде была и теперь нам всем полезна, то понятно, что все дальнейшее наше существование, весь наш жизненный вопрос связаны с нею. К чему идти против России, к чему в близорукости, пристрастии, безумии или злобе, словом или делом, трудиться против России?" (Славянство и мир будущего. Послание славянам с берегов Дуная Людевита Штура. Второе изд. СПб., 1909. С. 141-142).

³⁸ Springer A. Geschichte des Revolutionszeitalters (1789-1848). Prag, 1848. S.719.

³⁹ Цит. по: Карасев В.Г. Сербский демократ Живоин Жуевич. М., 1974. С.274-275.

⁴⁰ Напомним, что свою книгу "Narecie slovenske alebo potreba pisanja v tomto nareci" (1846), которая является его важнейшим сочинением, Штур показательно считал "книгой славянской взаимности... о важнейших славянских интересах" (Listy L'udovita Stura. D.II. S.108-109).

⁴¹ Патриотически настроенные славяне тяжело переживали, что когда хотели между собой договориться, должны были прибегать к помощи немецкого языка. Так было на пражском Славянском съезде 1848 г. (над чем иронизировал даже К.Маркс) и при издании всеславянской газеты "Zudslawische Zeitung" (!) О таких чувствах метко свидетель-

ствует и письмо М.Гурбана Ф.М.Раевскому от 15 мая 1859 г., где он подчеркивает, что ему пишет так, как он недавно беседовал с русским послом в Вене, то есть "полу по-русски, полу по-сербски, полу по-словацки, лишь бы не по-панславистски, dixit по-немецки" (Выделено авт. -В.М.) (Зарубежные славяне и Россия... С. 154).

⁴² *Stur L* " Slovanstvo a svet buducnosti... S.170.

⁴³ *Ibid*. S.172-173.

⁴⁴ Об этом более подробно в нашей статье: *Matula V. Sturovo dielo Slovanstvo a svet buducnosti... S.532.*

⁴⁵ Еще в апреле 1859 г. Н.Г.Чернышевский писал о симпатиях к страданиям австрийских славян, но одновременно подчеркивал, что западным славянам полезно было бы хорошо знать жизнь России со всеми ее темными сторонами и в стремлении улучшить свою судьбу полагаться исключительно на свои собственные силы. Если западные славяне думают иначе, то они ошибаются по незнанию. (*Чернышевский Я.Г.* Полное собрание сочинение. Т.6. С. 162.)

⁴⁶ Этим вопросом более подробно занимались Л.П.Лаптева и Г.В.Роккина, участницы конференций о Л.Штуре. См.: *Лаптева Л.П.* Людовит Штур в русской литературе XIX и XX веков // *L'udovit Stur und die slawische Wechselfeitigkei*. Bratislava, 1969. С.394-401; *Lapteva L.P.* Evolucia hodnotenia cinnosti L'udovita Stura v ruskej historiografii // *L'udovit Stur v suradniciach minulosti a súčasnosti*. Bratislava, 1997. S.154-170; *Rokinova G.V.* L'udovit Stur a ruski panslavisti poslednej tretiny 19. storocia // *Ibid*. S.171-178.

⁴⁷ *Пытин А.Н.* Вячеслав Ганка // *Современник*. 1861. Цит. по кн.: *Пытин А.Н.* Мои заметки. М., 1910. С.307.

⁴⁸ *Пытин А.Н.* Панславизм в прошлом и настоящем // *Вестник Европы*. 1878. №11. С.344.

⁴⁹ *Cizevskij D.* Sturova filozofia zivota. Bratislava, 1941. S.I 11-112.

Перевод М.Ю.Досталь

* В настоящее время автограф Л.Штура на немецком языке, написанный латинским шрифтом хранится в ПФ АРАН, а копия, написанная готическим шрифтом, в Архиве Матицы словацкой в Турчанском св.Мартине.

(Примечание переводчика)

“СВЯТОЙ МУЧЕНИК” КАРЕЛ ГАВЛИЧЕК-БОРОВСКИЙ. МИФОЛОГИЗАЦИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ГЕРОЯ

19 августа 1862 года в 10 часов в провинциальном чешском городке Борове (Немецкий Брод) началось торжественное шествие. Над площадью царил праздничный суета. Присутствовавшие выстраивались в колонны по заранее разработанному плану, повсюду развивались флаги. Впереди выступали известные политики и писатели, за ними музыкальный хор, физкультурное пражское общество “Сокол”, делегации от чешских городов, хоровых обществ, представители студенческих организаций и многочисленные гости праздника. Сначала шествие двинулось к местному храму Пресвятой Богородицы, где прозвучал торжественный реквием в память уроженца здешних мест Карла Гавличка, затем – к дому, в котором он родился. Открытие памятной доски сопровождалось стихами, патриотическими песнями, выступлениями политиков и поэтов. Ян Неруда посвятил Гавличку такие строки:

“Ты был истинным сыном этого народа.
Что кровь свою отдал за свободу других,
Ты был не только апостолом свободы,
Ты был и ее святым мучеником”.¹

В стихотворении Иржи В. Яна вновь была продолжена тема мученического подвига Гавличка:

“Громада вечных льдов
Душит чувства, убивает воодушевление,
Неотвратимо свет пробивается впереди
И из бури выступает румяный день,
Одна мысль исчезает, новая возникает
И взращивает мученика,
Умирает один человек, но дело живёт –
И мир продолжает развиваться!”²

В речи Карла Сладковского, одного из лидеров младочешского направления, проводилось сравнение жизни Гавличка с Голгофой. После библейских аналогий следовало красочное описание состояния “чехославянского народа” до появления Карла Гавличка. Абстрактный образ народа, находившегося в “несчастных, разнесчастных разногласиях”, восклицал: “Нет у меня такого языка, которым мог бы я неодолимым потоком красноречия пресечь несправие, которое творят многочисленные и могучие враги народа чехославянского (именно чехославянского, а не чехословацкого –

О.П.)” Деятельность Карла Гавличка в период революции 1848 года оратор с пафосом рисовал как явление Мессии: “И стало мужественным лицо смятенного, со всей решительностью несломленного духа своего встал навстречу всему сонму врагов первый защитник за последние два века угнетения народа чехославянского, явился как создатель общественной печати прославленный наш, в памяти народа своего славный Карел Гавличек Боровский!”³

...Прошло всего шесть лет после смерти Карла Гавличка, в течение которых о нем мало вспоминали в патриотических кругах. И вот во время торжественного праздника в его честь образ Карла Гавличка реконструировался уже сознательно и целенаправленно. Речь Карла Сладковского представляет интерес уже тем, что в ней были намечены контуры нового образа национального героя-мученика, отдавшего жизнь за свободу народа.

Такой образ-символ в начале 1860-ых годов был необходим чешскому движению, постепенно приобретающему массовый масштаб. В материалах Славянского съезда 1848 года содержалось много идей, которые активно использовались в целях коллективной солидарности австрийских славян. Особое значение имели образы-фрустрации “врагов австрийского славянства”, в роли которых выступали сторонники немецкого объединительного движения - “франкфуртисты” и венгры. Но на том уровне национальной агитации фактически отсутствовала идея национального чешского героя. В середине XIX века обращение к героической традиции гуситского движения стало своеобразной нормой патриотических выступлений. Но современных примеров, на основе которых возможно было бы персонифицировать национальную борьбу, в арсенале чешского движения тогда не было.

Торжественное шествие 1862 года феноменально тем, что впервые воссоздавался национальный образ героя-современника, “святого мученика”. Неудивительно, что в книге, изданной в 1862 году на основе материалов этого события, после стихов и политических речей в честь Карла Гавличка были помещены воспоминания доктора Подлипского о его болезни и последних минутах жизни. Он детально описал болезнь жены Гавличка - Юлии и ее смерть, затем - те же симптомы и смерть “великого, искреннего, самоотверженного, единственного нашего Гавличка”⁴ Доктор открыто писал, что причиной ранней кончины Юлии и Карла была ссылка в Бриксен. Идея жертвенного подвига Гавличка была поддержана всеми политиками патриотического направления. Эти черты усиливали эмоциональный заряд, заложенный в образе “святого мученика”. Чешский историк Йозеф Кочи в книге “Возвращение Карла Гавличка из Бриксена” под-

робно описал его похороны 1 августа 1856 году на основе свидетельств близких, а также полицейских донесений. Среди нескольких тысяч участников похоронной процессии открыто обсуждался слух о том, что Гавличка отравили полицейские агенты. Возникновение этого домысла не случайно, представление об “убийстве” Гавличка надолго запечатлится в народной легенде, станет составной частью общего восприятия его “мученической смерти”. Ранняя смерть стала ключевым мотивом героизации его образа.

К. Гавличка лично знали многие деятели чешского движения, и их взаимоотношения были достаточно сложными. Он был искренним и достаточно конфликтным человеком. Когда он вернулся из ссылки и посетил Прагу, то не узнавал любимого города. Его сестра Юлия вспоминала слова Гавличка: “Все передо мной как будто убегают, друзья обходят за несколько шагов. Что так изменилось? Неужели этот Бах сумел сделать из них таких баб? Только госпожа Немцова (Божена Немцова – О.П.), когда меня увидела на Пршикопах, то подбежала ко мне. Я удивился и сказал: “Пожалуйста, не делайте себе проблем”, на что она мне ответила: “Ах, я с правительством ничего общего не делаю”.⁵ Даже Ф. Палацкий отказался обсуждать с ним политические новости, заявив, что обещал жене “больше не влезать в политику”. Собственно за его освобождение из ссылки ходатайствовали перед правительством только родственники, ни одного коллективного протеста со стороны друзей и политических сторонников за три с половиной года не последовало.

Теперь же политики либерального толка сознательно участвовали в формировании его посмертного “культа”. Кавычки здесь не случайны. Это не был культ в прямом смысле слова, скорее – устойчивый национальный миф о несгибаемом герое-мученике. Обращает внимание тот факт, что после поражения революции 1848-1849 гг. ведущие радикалы были по решению австрийского суда сначала осуждены на смертную казнь, затем она была заменена на долготетнее тюремное заключение. Они сражались на пражских баррикадах, претерпели суровые условия заключения. Тем не менее ни один из них не привлек такого внимания общества, и вокруг них не сложился ореол народных мучеников. Условия ссылки Гавличка в тирольской горной деревне были сравнительно благоприятными: он вызвал туда жену Юлию, больную туберкулезом, отмечая, что в Бриксене прекрасный, альпийский воздух. Дом, который они снимали имел пять комнат, у Гавличка был отдельный кабинет. В письмах к родным он признавал, что здоровье жены и его самого здесь улучшилось. Их мучили скорее моральные проблемы – трудно давалось общение с местными жителями-католиками, было болезненным ощущение собственной изо-

лированности и оторванности от родины, угнетал постоянный полицейский контроль. Но в народной легенде ссылка Гавличка приобрела злоеший характер – мучения и жестокие лишения в тяжелых климатических условиях, приведшие к скоропостижной смерти.

В историографии сложилось отдельное направление, исследующее видовые функции национальных мифов.⁶ Мифы, по сути, представляют довольно жесткие идеологические конструкции, обладающие устойчивым набором качеств и ясно выраженной формулировкой цели. Национальные мифы, ориентированные на активизацию интеграционных процессов, как правило, имеют логичную завершенную форму.

В.Шнирельман в ряде работ убедительно доказывает, что процесс мифотворчества напрямую зависит от конкретной этнополитической ситуации.⁷ Общества, переживающие стадии активной интеграции, естественно нуждаются в зримых и доступных символах, усиливающих сознание коллективной солидарности. Процесс строительства нации неизбежно сопровождается реконструкцией исторической традиции, в ходе которой рождаются новые мифы, образы, представления, которые призваны противодействовать культурной и государственной нивелировке, аргументировать борьбу общества за повышение собственного административно-политического статуса, наконец, усиливать сознание коллективной солидарности и чувства национальной идентичности.

Миф национального героя Карла Гавличка-Боровского в 1860-е годы получил широкое распространение в чешской патриотической журналистике, особенно среди младочехов. Он стал фактически признанным посмертно лидером национального движения, образцом истинного патриота, личностью, авторитет которой стал безусловен для разных политических направлений. Староچهки конфликтовали с младочехами, радикалы критиковали и тех, и других, но все эти разнородные силы сходились в том, что Карел Гавличек стоял у истоков современной чешской истории и был организатором национального движения. Даже такой непримиримый радикал, как Йозеф Вацлав Фрич, сторонник революционного насилия, в своих мемуарах подчеркивал: "Всегда этот Гавличек был по натуре нашим человеком".

Осмысление личности Карла Гавличка и его творческого наследия имеет несколько уровней. Наиболее масштабный – образ национального героя, героически преодолевавшего все трудности, негибаемого борца за свободу своего народа, замученного абсолютистским режимом. Именно такой образ Гавличка был зафиксирован в публичных речах, патриотических статьях, произведениях искусства, именно таким Карел Гавличек сохранился в исторической памяти чешского народа.

Другой уровень осмысления деятельности Гавличка формируют научные исследования, которые насчитывают сотни работ, созданные за последние полтора столетия. В академической среде многознание об этом человеке до настоящего времени так и не дает возможности ответить на вопрос: В самом деле, кем же он был – “первым чешским диссидентом”, по выражению чешско-австрийского историка Иржи Моравы, или носителем идеологии “многонационального австрийства”, как считает чешский историк Иржи Коржалка; ревнителем славянской взаимности или убежденным противником России, основоположником чешской национальной идеологии или человеком с трагическим ощущением собственной несвоевременности, так и оставшимся до конца жизни непонятым современниками?⁸

В этой статье не ставится цель разработать авторскую версию ответа на поставленный вопрос. В ряде работ я пыталась проанализировать взгляды Карла Гавличка на славянство и принципы соотношения “национальной свободы” и “свободы социальной” (этим термином в прессе середины XIX века определяли демократические права личности). Исследование его публицистики, а также материалов, свидетельствующих об особенностях развития чешского общества в 1840-е годы, показало, что Карел Гавличек во многом предвосхитил процесс национальной интеграции: не имея серьезного политического веса в годы революции 1848-1849 гг., он тем не менее обосновал фундаментальные принципы чешской национальной политики, признанные уже в шестидесятые годы.

Этот блестящий журналист не был теоретиком и мыслителем такого уровня, как Ф.Палацкий, не имел политического такта и осторожности, как Ф.Ригер, но обладал харизматической убежденностью и искренне верил в силу печатного слова. Противоречия и сомнения, ошибки и раскаяния, которыми насыщена биография Карла Гавличка, исчезнут из мифологизированной трактовки его образа. Уже во время торжеств 1862 года, затем в 1871 году, в 1906 году, когда отмечалась пятидесятая годовщина его смерти, образ Гавличка превратится в “интеллектуальный монумент”, растрепанный на массовом уровне. Еще в 1862 году известный пражский песенник Франтишек Хайис написал слова и музыку к песне “Спи, Гавличек, в своей могилке”, которая стала очень популярной. Ни одно общественное собрание не обходилось без этой незамысловатой песни, которую исполняли торжественно, с чувством народной любви и глубокого преклонения перед его мученическим подвигом.

Во второй половине девятнадцатого столетия его произведения будут неоднократно переиздаваться в серии “Библиотека чешских классиков беллетристов” и отдельными изданиями”. В 1876 году впервые издадут его

сочинение, написанное в ссылке “Крест святого Владимира”, в котором он резко критиковал не только российскую монархию, но и в целом систему неограниченной монархической власти. Ведущие чешские художники (В. Черны, А. Гоффмайстер, Ф. Бидло, Й. Лада и др.) считали за честь предложить в это издание свои иллюстрации. Очень скоро последует второе издание от крупнейшего чешского издательства “Одеон” с иллюстрациями Франтишка Геллера.

В начале XX века помимо произведений Гавличка в чешских городах будут продаваться офорты его портрета кисти художника Т. Геверта по дешевой цене: в зависимости от размера офорта от 3 до 21 кроны. Рекламировались эти произведения как “лучшие украшения для домашних комнат и присутственных мест”. В обширном “Собрании стереоскопических картин” среди чешских замков, видов “Царьграда”, старой Праги и Палестины выделялась серия “Памятные места из жизни Гавличка”. Ведущий мотив народных картин о Гавличке – его ссылка в тирольскую деревню Бриксен, ставшая символом героических мук, которые он испытал за народную свободу. Арест, насильственная высылка, полицейский контроль, суровые условия жизни в Бриксене вдохновили чешского художника В. Оливу на создание нескольких картин о Гавличке. Затем они были отпечатаны на открытках и поступили в широкую продажу. Именем Гавличка назывались всевозможные просветительские общества, а с 1918 года – даже армейские подразделения. Почти в каждом чешском городе периода Первой Республики обязательно была улица Карла Гавличка. Антал Сташек, известный чешский писатель-реалист в 1930-е годы пытался объяснить причины столь широкой народной популярности его личности: “По своему характеру он был и прототипом, и собирательным идеалом чешского человека, потому что понимал людей, и люди понимали его. Он разговаривал с ними не по душам, а из души”.¹⁰

В данной статье важно рассмотреть мотивы мифологизации образа Карла Гавличка в национальном сознании чешского общества. Почему именно из его биографии был создан образ национального героя? Какие основные позиции закладывались в персонифицированный образец истинного патриота и героя-мученика?

Вот краткая хронологическая сводка, составленная из личных и общих дат. Карел Гавличек родился 31 октября 1821 года в семье купца из Борова. С 17 лет он стал жить в Праге. Сначала хотел стать священником, штудировал богословие. Но затем увлекся славянской идеей. В Пражском университете на философском факультете центром притяжения патриотически настроенной молодежи была кафедра чешского языка и литературы, созданная в 1804 году. Примечательный факт, ее воспитанники были в основ-

ном выходцами из среднеобеспеченных городских слоев, а дети высокопоставленных родителей (адвокатов, высших чиновников, профессоров) составляли лишь 2%. Начало биографии Гавличка - типично для представителя формирующегося в чешских землях среднего класса.

Увлечение славянством было искренним. Впоследствии он с иронией вспоминал “блаженное время” студенчества в пражском университете: “в то время, когда большая часть молодых людей была влюблена в девушек, другая, меньшая – в идею, осенила меня тогда нечто о великом Славянском народе, о братстве, одинаковом образе мысли различных племен (...) Отрывки из “Дочери Славы” мы декламировали тихо и вслух, мы также сами создавали стихи, учили различные алфавиты и грамматики разных славянских языков, мы почитали за великую честь спеть две польские, одну русскую и две иллирийские песни”.¹¹ В 1842 году он получил место воспитателя в семье С.П.Шевырева, близкого друга М.П.Погодина. Гавличек жил в Москве, Петербурге и Киеве. Через два года пребывания в России окончательно “излечился” от всеславянских мечтаний и вернулся на родину, по его собственному выражению, “чехом, настоящим, необратимым чехом”.¹² Начал работать в редакциях чешских газет “Чешска Вчела” и “Пражске Новины”.

5 апреля 1848 года под влиянием начавшейся во Франции революции Гавличек стал издавать газету на чешском языке “Народни Новины”. Собственных средств он не имел. Финансировал издание его друг граф Войтех Дейм. Тогда же Гавличек принимал самое активное участие в организации Славянского съезда в Праге, объезжал славянские провинции империи. В июне 1848 года он был вместе с восставшими на пражских баррикадах. После подавления революции в Вене и наступления реакции, начал резкую антиправительственную кампанию в своей газете.

13 апреля 1849 года состоялся первый судебный процесс над Гавличком по обвинению в политическом подстрекательстве против закона и порядка. Это был его первый общественный триумф. Суд вынужден был признать Гавличка невиновным. Но преследования продолжались. Ему постоянно приходилось отстаивать право на издание газеты. 19 января 1850 года “Народни Новины” официально запрещают. Формальный повод – публикация статьи Ф.Палацкого “О централизации и национальном праве в Австрии”. С 8 мая Гавличек начинает издание новой газеты “Славянин”. И опять – сильное цензурное давление. К этому прибавляются неразрешимые финансовые трудности, равнодушие друзей и бывших единомышленников. На десять лет чешское общество, которое еще недавно сотрясали революционные брожения, впадает в “летаргический сон”, именно так будут характеризовать 1850-е годы политики последующего десятилетия.

14 августа 1851 года Гавличек сам прекратил издание “Славянина”. Но, один из немногих, не сдался. Вновь пытался наладить в Праге выпуск политической газеты. Безуспешно. Кругом боязнь и равнодушие. 12 ноября 1851 года его вновь обвинили “в нарушении общественного мира и порядка, а также в подстрекательстве народа против правительства”. И снова суд. И вновь – победа. Его признали невиновным. Уникальный случай в тех условиях. Вскоре он все же был отправлен, без публичного суда, по личному приказу императора в ссылку в альпийскую деревню Бриксен, которую Гавличек в “Тирольских эллегиях” назвал “моя Сибирь”. В ссылке его морально поддерживали письма от Франтишка Палацкого, его советы написать популярную историю России, книги, которые ему посылали родные и друзья из Праги.

На родину вернулся лишь спустя четыре года. Смерть жены Юлии, разделившей с ним годы лишений, окончательно подорвала здоровье. Карел Гавличек умер 29 июня 1856 года¹³...

Вот и все о человеке, который прожил 35 лет, и только три года (с 1848 года по 1851 г.) активно занимался политикой. Вторая его биография – это многочисленные статьи в “Народных Новинах” и “Славянине” и их интерпретации в патриотической среде.

Попробуем выделить основные черты в трактовке личности Гавличка, которые заложили К.Сладковский и Э.Тоннер, первым описавший его биографию: 1) Гавличек-герой революции 1848 года, который “острым пером своим” защищал “национальную, гражданскую и религиозную свободу своего народа”. Благодаря его усилиям австрийские славяне “спасли династию и империю” от немцев и венгров; 2) Гавличек провозгласил, что народ чехославянский должен искать свою свободу в Вене, только в границах Австрийской монархии; 3) Гавличек был “первым вождем народа чехославянского”, его газета “Народни Новины” “стала духом защиты национальной свободы чехославянской”, он вырвал народ из “духовной спячки”. С пафосом Сладковский восклицал: “Выйдите сюда, чехи, мораване и силезцы, которые в духе “Славянина” здесь собрались, выйдите и провозгласите всему миру чехославянскому, провозгласите всем народам в пределах родины чешской, моравской и силезской, провозгласите в общинах и семьях своих, что нам явил дух “Славянина”, чтобы верой в самого себя наш народ из лицемерного круга евободомыслия вышел и вступил на желанную родную почву свободы безусловной, и чтобы сегодняшнее торжество стало торжеством воскресения народа чехославянского”¹⁴

Мифологизация образа Гавличка и столь пристальное обращение именно к его творческому наследию объяснялась, на мой взгляд, двумя обстоятельствами. Во-первых, репрессии после революции 1848-1849 го-

дов серьезно деморализовали национальных радикалов, имевших ранее популярность среди студенчества и средних городских слоев. Роль ведущей политической силы общества перешла к либеральным умеренным кругам, которые возглавляли Ф.Палацкий и Ф.Ригер. Гавличек принадлежал к этому кругу, поддерживал с семьей Палацкого тесные отношения и лично ему посвятил собрание своих политических статей “Дух Народных Новин”, которое издал в 1851 году. Образ национального героя Гавличка фактически вытеснял из народной памяти некогда популярных радикалов. С другой стороны, его взгляды соответствовали новому национальному курсу, разработанному в конце 1850-начале 1860-ых годов либералами. С началом конституционных экспериментов в Австрийской империи чешская журналистика патриотического толка стала активно использовать приемы национальной агитации, образы “чешского народа”, созданные Карлом Гавличком. Формула новой чешской идентичности, впервые изложенная на страницах “Народных Новин”, была воспринята умеренными либералами в шестидесятые годы, как наиболее емкое отражение “национального духа”. Аппеляция к “духу Народных Новин” воссоздавала новую историческую традицию. Особо обращает внимание, что образ Гавличка наделялся не чертами бойца-патриота, а именно – мученика. В этом новом национальном мифе было выражено по сути кредо чешской политики второй половины девятнадцатого века, давшего отраженный свет и на историю двадцатого столетия. Идея мученичества включала не только осознанный протест и противостояние с абсолютистским режимом, но и “непротивление злу насилием”, отказ от насильственного свержения этого режима. Герой-мученик- тот, кто до конца боролся за национальную свободу, претерпел мучения, но протестовал нравственно, а не с оружием в руках. Моральное влияние образа героя-мученика трудно переоценить, поскольку миф о Гавличке стал основой формирования нового типа чехо-патриота. В чешской политической традиции поэтому так усилен образ “будителя” народа, а не революционера. Рассмотрим более подробно базовые принципы “национальной идеи”, сформулированной Гавличком и их развитие последующим поколением политиков.

“Кто мы, чехи?” Этот вопрос был ключевым как в сороковые, так и шестидесятые годы. Гавличек был действительно первым, кто развернул на страницах своих газет национальную агитацию, целью которой было формирование нового самосознания. Он целенаправленно выстраивал внеисторическую схему, представляя “единый народ” вечной и неизменной целостностью. Констатируя реальное существование этого народа, к которому относил и себя, Гавличек трактовал его образ как единый и монолитный, лишенный всяких внутренних противоречий.

В 1860-е годы, когда интенсивно формировалась национальная идентичность чешского народа, формула Гавличка и методы его национальной аргументации приобрели колоссальное значение. Младочешская популярная газета “Народни Листы”, старочешский “Народ” и радикальная газета “Правда” активно использовали те этноцентристские мифологические конструкции, с которыми первым выступал Карел Гавличек.

Уже в статье “Славянин и чех”, опубликованной в “Пражских Новинах” в 1846 году, он шокировал общество таким высказыванием: “Я с гордостью скажу “я-чех” и никогда “я-славянин”. Близкий к Ф.Палацкому и имевший авторитет в интеллектуальной среде Якуб Малы открыто обвинил тогда Гавличка в отсутствии патриотизма и политического такта. Некоторое время он находился в своеобразной изоляции, знакомые и друзья прекратили с ним общение. Впоследствии ему приходилось неоднократно возвращаться к этой провокационной фразе, вновь и вновь объясняя ее смысл и оправдываясь за столь откровенный ригоризм. Тем не менее, с каждым десятилетием эта формула теряла свое первоначальное шокирующее значение. В шестидесятые годы ее уже понимали как выражение первичности национальных чешских интересов над идеями славянской солидарности. Т.Г.Масарик характеризовал знаменитую фразу Гавличка как отражение “cesství” – чешского национального самосознание, более высокого уровня развития нации по сравнению с первоначальным всеобщим увлечением славянской взаимностью.¹⁵

К.Гавличек писал о “чехославянах”, которые, по его мнению, образуют единый народ из чехов, мораван, силезцев и словаков. По образу “единого иллирийского народа”, в реальность которого он искренне верил, Гавличек считал, что целью освободительной борьбы должно стать объединение “чехославянского народа”. Он разрывался между этим идеальным иррациональным образом единого сплоченного народа и, увы, неутешительной реальностью. С одной стороны, он с пафосом писал: “русских повсюду ненавидят, поляков жалеют (...), но на нас, чехов, смотрит мир с симпатией и уважением. Прекрасное, великое это зрелище – народ, героически и мужественно борющийся за собственное сохранение, за свою жизнь, за национальность!” По уровню образованности, в искусстве и литературе, чехославяне, по его мнению, превзошли и русских, и поляков. Но, с другой стороны, настоящая ситуация вызывала у него горечь и разочарование. Чехославяне более других “растратили свой особый характер и национальность, а деревенские пань Францы с гордостью заявляют, что по-чешски даже читать не умеют”.¹⁶ Летом 1848 года издаваемые им “Народни Новины” имели только 1015 подписчиков. В “Слове редактора к своим верным подписчикам” он признавал с грустью, что большинство

соотечественников предпочитают читать немецкие газеты: “Народ не понимает вас, потому что его язык на кухне, да в хлеву, не имеет слов для обозначения более высоких предметов, остальные же, неразумные, злобно посмеиваются над вами, те, о которых вы печетесь, не нуждаются в этом и не признают ваших стараний”.¹⁷

Тем не менее за этот идеальный чехославянский народ Гавличек готов был бороться до конца и верить в его будущее, несмотря ни на что. Ради этой идеи он публично клеймил “словацкий сепаратизм”, обрушивался с критикой на Г. Ваянского и Л.Штура и, уподобляясь немецким публицистам, намекал на то, что словацкие патриоты подкуплены российским правительством.¹⁸ Весной 1848 года он совершил поездку в Моравию для того, чтобы добиться более тесного союза между чешскими и моравскими политиками и пропагандировать идею объединения Чехии и Моравии. “Наше племя чешско-моравское достигнет большой силы и признания в мире”, “мы, славяне, моравско-чешские”, “единый народ чешский и моравский” – все эти определения, которыми Гавличек награждал будущую нацию, должны были аргументировать историческое единство двух ее составных частей. Но путевые впечатления от поездки по моравским городам и селам приносили большие разочарования. Он не мог их скрывать, откровенно признавая на страницах “Народних Новин”: “любой образованный человек выглядит как немец, славянство и пошлость там одно и то же”.¹⁹

Традиция, заложенная Гавличком, наиболее активно в шестидесятые годы была продолжена на страницах чешской политической газеты “Народни Листы” (редактор Юлиус Грегр). Использовался не только этноним, введенный Гавличком – “чехославяне”, но и его базовые характеристики “единого народа”. К примеру, в редакторской статье “Нашим политическим друзьям” Ю.Грегр указывал на огромное значение наследия К.Гавличка-Боровского для единого чехославянского народа. В статье “О моральных качествах народа” констатировалось, что “в настоящее время наш народ силен, сейчас он страшен для иностранцев, как святой Вышеград, стоящий на крутой горе”. Основная идея 1860-ых годов перекликалась с “духом Народних Новин” – единый, могучий чешский народ достоин равноправного положения в империи, борьба его справедлива, а требования – законны. Лозунг “Будем единомудушны!” отражал основную тактическую линию борьбы за конституционное устройство Австрии на основе представительства всех отдельных земель. Главными направлениями национальной деятельности признавалось развитие предпринимательства и образования, “борьба в храме науки и искусства”, поскольку “вся сила нашего народа состоит в моральном и научной образовании”.²⁰ Газета, созданная по примеру “Народних Новин,” стремительно завоевывала популярность,

уже в первый год существования “Народни Листы” имели тираж до 6000 экземпляров. Знаком истории патриотической прессы Карел Гох особо отмечал, что для Юлиуса Грегра “образцом для подражания была личность К.Гавличка. Он был очень упрямым, честолюбивым, но действительно искренним”²¹ Ю.Грегр будет во многом подражать Гавличку, его умеренная оппозиционность режиму станет по сути нормой для патриотической прессы шестидесятых годов. Редактор “Народних Листы” будет отбывать кратковременные заключения за слишком критические статьи и выплачивать штрафы, широко информируя об этом общественность.

Второй важный мотив, привлекавший внимание либералов к творчеству Гавличка – это обоснование ненасильственных методов национальной борьбы. В его статьях второй половины 1840-ых годов основным понятием для определения национальных идей было “humanita”, слово, заимствованное из тогдашней немецкой публицистики. В конце 1840-ых годов пангерманское движение захлестнуло не только немецкие земли, но и владения Габсбургов. Под лозунгом за объединенную немецкую Австрию по всей стране создавались многочисленные общества, издавались журналы. Наиболее часто употреблялся тезис о великой роли германского культуртрегерства, поднявшего славянские народы Центральной Европы до цивилизационного уровня. В пангерманской публицистике весьма активно использовалось тогда понятие “humanitdt” для того, чтобы подчеркнуть, “что этот Дух человечности был рожден в немецком народе”.²² К.Гавличек, убежденный противник пангерманизма, нашел понятию “humanitdt” чешский аналог – “Lidskost” (дословно – человечность). Он придал этому слову новое значение, связав его воедино с чешской национальной идеей.

В августе 1848 года, когда империя Габсбургов переживала тяжелейший революционный кризис, Гавличек сформулировал кредо чешской политики: “Нам нужна справедливость в национальном смысле и умеренность – в политическом”.²³ Политическая умеренность, когда Прага была уже расстрелена пушками А.Виндишгреца, а австрофильский, верноподданный по своему характеру Славянский съезд был разогнан, когда венгерская революционная армия воевала за национальную свободу, а в самой австрийской столице едва удавалось сдерживать кровопролитие. Эти два принципа – справедливость в национальном вопросе и политическая толерантность – стали основой новой идеи “нравственной политики”. За два года, с 1848 по 1850 г., Гавличек создал довольно четкую систему принципов национального движения.

Первый принцип – “политическая свобода без национальной не имеет смысла”. “Справедливость”, равно как и “нравственность”, в политическом смысле являлись для Гавличка отражением демократического по-

рядка, а демократия рассматривалась не только как строй с равными социальными гарантиями и суверенитетом личности, но прежде всего как порядок, при котором все национальности уравниваются в правах. Идея борьбы за “национальную справедливость” занимала приоритетное положение, поэтому Гавличек выступал за то, чтобы патриотический лагерь не разделялся по политическому признаку – на либералов, консерваторов, радикалов или демократов. Гораздо важнее быть истинным патриотом своего народа, т.е. бороться против абсолютизма, аристократизма, бюрократизма.

Второй принцип - “свобода без образования народа невозможна”. Разрушение абсолютистских основ государства, достижение демократического устройства возможны в понимании Гавличка только ненасильственным путем. Он был убежден в том, что народ должен быть внутренне подготовлен к новой демократической форме государства. Никаким насильственным, революционным путем достичь этого невозможно. Свобода должна вызревать из внутренней силы народа – и “такой плодотворной почвой для свободы являются образованность, благородство и мужественность граждан”.

Отказ от радикальных форм борьбы, который проповедовал Гавличек, должен был сочетаться с активной национально-образовательной деятельностью. Став образованным народом, “мы, народ чешский, народ славянский, сможем оказывать огромное влияние на развитие всей Средней и Восточной Европы (...) Только так чехи смогут снискать славу, даже еще большую силу и славу, чем в давние времена Карла и Оттакара”.²⁴

Третье: справедливое решение национального вопроса и демократическое общественное устройство “малые народы” смогут добиться в границах Габсбургской монархии. На первый взгляд парадоксальное утверждение для человека, призывавшего бороться с консерватизмом и аристократизмом. Тем не менее, именно Гавличек, несмотря на гонения со стороны австрийского правительства, оставался убежденным австрофилом. Во время революционных потрясений австрофильство трансформировалось в программу австрославизма, которую провозгласил Славянский съезд в Праге. Австрославизм (с 1860-ых годов – австрофедерализм) являлся, с одной стороны, программой федерализации имперских земель, в которой прослеживается стремление чехов стать ведущей политической силой обновленной Австрии, а с другой – концепцией центральной европейской безопасности, построенной на принципе равновесия сил в регионе. Предполагалось, что реорганизованная Габсбургская монархия могла бы стать крепостью, сдерживающей натиск экспансионистских соседних

держав – России и Германии. Действительно, союз австрийских славян с Габсбургами, за который так ратовал демократ Гавличек, мотивировался не столько романтической приверженностью трону или трогательным сознанием общей исторической судьбы, сколько трезвыми прагматичными расчетами.

Гавличек откровенно признавал, что чехам будет не по карману самим содержать армию, чтобы защищать государственную независимость. Да и революция обойдется народу слишком дорого. Поэтому его газета обрушивалась с критикой на радикалов (или как он писал – “подстрекателей”), пытавшихся подтолкнуть народ к силовым действиям. Не вооруженное сопротивление, а примирение с исторической властью, компромисс с ней на основе конституционной монархии и федерализации.²⁵ В этом смысле австрославизм можно рассматривать как важную составную часть складывавшейся чешской национальной модели. Жертвуя идеей государственного суверенитета, Гавличек отстаивал суверенитет национальный, ограниченный федералистскими установками. Более безопасный и более дешевый.

На протяжении девятнадцатого века вплоть до 1915 года чешские политики продолжали соблюдать легальность и лояльность – два основополагающих принципа, сформулированных Гавличком. Неоднократно они уходили в пассивную оппозицию, демонстративно отказываясь участвовать в заседаниях в представительских органах. Подобная форма протеста должна была заставить правительство и венский двор прислушаться к требованиям федералистского лагеря. Выступления чешских политиков на парламентских заседаниях, довольно резкие по форме, были обращены против непримиримых врагов – немецких централистов и венгерских сторонников дуализма, но никогда – против Габсбургского дома. Тактика пассивной оппозиции не смогла привести федералистов к победе. На первый взгляд, принципы “нравственной политики” не оправдали себя... Но потерпев поражение в большой политике, чешские патриоты с успехом осуществили национальную консолидацию. Большое распространение получила тактика “малых дел”, суть которой сводилась к тому, что “быть патриотом” – значит учиться, заниматься самообразованием, увеличивать свое материальное благополучие. За сравнительно небольшой отрезок времени в чешских городах были созданы физкультурные, хоровые, читательские общества, экономические товарищества. Всех их сближала культурно-просветительская ориентация и общее правило – члены обществ должны были разговаривать друг с другом только по-чешски. Действительно, чешское движение представляло собой яркий пример того, как патриотически настроенная интеллигенция смогла воспитать общество, привить ему оп-

ределенные качества и ориентиры, составлявшие “национальную нравственность”.

Идеи Гавличка были развиты Т.Г.Масариком, который придавал особое значение разработке проблем “демократической этики”. В своей широко известной работе “Социальный вопрос” (1898) он подчеркивал важность отказа от насилия как метода решения конфликтных вопросов: “Демократизм - это не только политическая структура, но также нравственная, прежде всего нравственная... Эта этика имеет свой ясный и определенный, социальный и политический идеал”. Это- “работа, трудолюбие, энергия. Настоящая работа, которая противостоит всем несметным врагам, маленьким, суетным, ежедневным, всем микробам зла и нищеты физической и нравственной”, это и “любовь, которая вообще не допускает насилия”.²⁶

В свое время К.Гавличек, перефразируя известную библейскую заповедь, сформулировал идею, которую Т.Масарик поставил во главу угла чешской идеологии – “не делай другим того, что не желал бы себе”.²⁷ Таким образом, понимание “нравственности” приобретало новый оттенок – от сугубо индивидуального качества (“возлюби ближнего как самого себя”) к идее гармоничного социального и национального компромисса. Утопичная позиция. Но утопичность сознательная, имеющая компенсаторскую функцию. Еще в 1898 году Т.Масарик отчетливо определял смысл национальной идеи: “Палацкий нам показал, что наша чешская идея действительно является мировой идеей, наиболее важным жизненным вопросом, определяющим отношение человека к человеку, народа к народу *sub specie aeternitatis* – в смысле вечности”.²⁸ Континуитет традиции – главный принцип национальной политики – это отрицание насилия, причем под “насилием” чешскими политиками понимался весьма широкий спектр политических действий - от революции до национальной самозащиты, отстаивание интересов своего народа вооруженным путем. Т.Масарик был категорически против “насилия”- “грубого политического материализма, который губит в человеке все нравственные основы и прежде всего свободу духа”. Если К.Гавличек аргументировал отрицание насилия чисто прагматичными соображениями, то у Масарика мотивация уже другая, в духе либерально-этических тенденций начала века – нравственность человечества торжествует над “магерией” и кровью.²⁹ Идея “ненасилия в политике, в экономике, в семье, в духовной работе” стала определяющей темой в трудах Т.Масарика в начале 20 века.

Содержание персонифицированного мифа о Карле Гавличке как “святом мученике” отражает, на мой взгляд, специфику чешской идентичности. Этот миф сознательно реконструировался патриотическими кругами,

стал важным структурным компонентом новой национальной идеологии, и что очень важно был воспринят самыми широкими слоями чешского общества. Эффект глубокого распространения в массовом сознании образа героя – мученика, который боролся с историческим абсолютизмом исключительно интеллектуальными средствами, объяснялся конкретными целями национальной борьбы. Этот миф играл инструментальную роль, усиливал значимость патриотического наследия Гавличка и служил стереотипизации представлений об истинном патриоте – образованном, политически умеренном, занятым конкретными “малыми” делами на собственное благо и благо родины, склонного к компромиссам во имя сохранения социального мира.

Примечания:

1. Na památku Karla Havlicka a slavnosti Borovske dne 19. Srpnu roku 1862, v Praze, 1862, S.4

2. Ibid., S.8

3. Ibid., S.13

4. Ibid., S.34

5. Koci J. Navrat Karla Havlicka z Brixenu. Praha, 1986, S.15

6. Реальность этнических мифов. Под ред. М.Олкотт, А.Малашенко. М., 2000; Хюбнер К. Истина мифа. М., 1996; Eriksen Th. Ethnicity and Nationalism: Antropological Perspectives. London, 1993; Здравомыслов А. Трансформация смыслов в национальном дискурсе // Язык и этнический конфликт. Под ред М.Олкотт, И.Семенова. М., 2001. С.34-58.

7. Шнирельман В. Ценность прошлого: этноцентристские исторические мифы, идентичность и этнополитика // Реальность этнических мифов. С.14-15; Он же. Национальные символы, этноисторические мифы и этнополитика // Македония: проблемы истории и культуры. М., 1999. С.12-13.

* Koralka J. Tschechen im Habsburgerreich und in Europa 1815-1914. Wien-München, 1991, S.28-37; Morava G. Dissident Karel Havlicek. Wien, 1989.

⁹ В 1851 году в Кутной Горе К.Гавличек издал сборник избранных статей, назвав его “Дух Народних Новин”. Эта книга содержала передовые статьи из Народних новин 1848, 1849, 1850 гг., написанные Карлом Гавличком Боровским, редактором этой газеты”.(Duch Narodnich Novin, spis, obsahujici uvodni clanky z Narodnich Novin roku 1848, 1849, 1850, sepsanych od Karla Havlicka Borovskeho, redaktora techto novin. Kutna Hora, 1851, 281 S) Этот сбрник, содержавший 81 статью, был переиздан в 1898 году. В 1886 году под редакцией Карла Тума были опубликованы избранные статьи Гавличка в трех томах[(Vybrane spisy Karla Havlicka Borovskeho. Porada

Karel Tuma. Dil. 1., Kutna Hora, 1886, Dil. 2, s.a., Dil. 3, 1896). Это издание серьезно критиковалось за весьма вольное обращение с оригинальными текстами, объединение двух статей Гавличка в одну, изменение названий некоторых его работ. Наиболее полное издание было осуществлено Зд. Тоболкой в 1901 году в 2-ух томах. (Karla Havlicka Borovskeho Politicke Spisy. Dil. 1-2, Praha, 1901) В 1906 году были изданы “Кутногорские эпистолы и избранные политические статьи” (Karel Havlicek. Epistoly Kutnohorske a vybrane clanky politicke. Praha, 1906; Belletristicke spisy Karla Havlicka Borovskeho. In: Knihovna ceskych klassiku belletristu. Sv. 3, Praha, 1906)

¹⁰ Koci J. Op.cit. S.37

¹¹ Karel Havlicek Borovsky. Slovan a Cech. In: Epistoly Kutnohorske a vybrane clanky politicke. Praha, 1906, S.37

¹² Ibid., S. 37

¹³ Первые опыты подробных биографических исследований о Карле Гавличке – Chalupny E. Havlicek. Obraz psychologicky a sociologicky. Praha, 1908; Tum K. Karel Havlicek Borovsky. Kutna Hora, 1883-1885

¹⁴ Na pamatku Karla Havlicka, S.17; 13-14; 16; 22-23;28-29

¹⁵ Masaryk T.G. Ceska otazka. Snahy a tuzby narodniho odrozeni. Praha,1948. S.139- 140

¹⁷ Havlicek K. Vykklad hesla Narodnich Novin // Narodni Noviny (далее -NN) 4 VI 1848

¹⁸ Havlicek K. Slovan a Cech. S.38. См. подробнее об этом сюжете: Францев В.А. Чешско-словацкий раскол и его отголоски в литературе со- роковых годов. Варшава, 1915. С.3

¹⁹ Havlicek K. Nove volby do Frankfurtu // NN, 22 II 1849; Zasadu Narodnich Novin // NN 5 VI 1848; Pratelum nasim na venkove srdecne pozdraveni // NN 29 VI 1848; Z Moravy // NN 4 XI 1848.

²⁰ O mravnich povahach v narode // Narodni Listy (далее -NL) 14 V 1862; Ceho nam nyri predevsim zapotrebi // NL, 5 I 1861; Nynejši naše uloha // NL, 8VI 1862; Nasi mladezi // NL, 10I 1863

²¹ Hoch K. Dejiny novinarstvi od r/ 1860 do doby soucastne// Ceskoslivenska vlastiveda (Praha, 1933) D.VII, S.453-454

²² Эти идеи были отражены в передовой статье первого номера пан-германского журнала “Schwarz-Roth-Gold” под редакцией И.Рамка, А.Шло-пора (11. VII. 1848)

²³ Havlicek K. Clanek, o kterem bych si pral, aby jej kazdy precetl a rozvazil //NN 30.VIII. 1848

²⁴ Havlicek K. O smeru Narodnich Novin // NN 23. IX. 1848

²⁵ Havlicek K. Clanek o kterem bych si pral...//NN 30.VIII. 1848

²⁶ Masaryk T.G. Otazka socialni. Praha, 1898, S.581

²⁷ Masaryk T.G. Karel Havlicek. Praha, 1896. S.236

²⁸ Masaryk T.G. Palackeho idea naroda ceskeho // Nase doba. Praha, 1898. S.780

²⁹ Masaryk T. G. Nase nynejši krise. Praha, 1895. S.69-70

Лиляна Минкова

КОНСТАНТИН МИЛАДИНОВ В РОССИИ

Когда речь идет о братьях Миладиновых, даже восторженные оценки их деятельности никому не кажутся чрезмерными. Деятельность братьев-учителей апостольская. Собранные ими народные песни входят в сокровищницу духовного богатства болгар, а смерть Миладиновых в константинопольской тюрьме ставит их в ряд мучеников болгарской церкви.

После того, как братьев одного за другим арестовали, у них отобрали большое количество писем и документов, из которых мы почерпнули многое об их жизни. Что-либо новое и неизвестное о них теперь встречается редко, но это только одна из причин, по которой мы так ценим страницы, написанные рукой Константина Миладинова и сохраненные в архиве известного русского слависта Измаила Ивановича Срезневского¹.

Об этой рукописи Константина Миладинова первой сообщила Людмила Ровнякова, сотрудница Института русской литературы (Пушкинского дома) в Санкт-Петербурге. Она включена в ее библиографическую публикацию "Bulgarica" в Ленинградских книгохранилищах". Позже Ровнякова говорит о ней в своей работе "Южнославянская тема в журнале "Русская беседа"². Краткая характеристика этой рукописи дается и в моей статье 1980 г. в газете "АБВ"³.

На первой странице рукописи Срезневский обозначает: "Миладинов, Константин Христофорович". Константин Миладинов, в то время студент в Москве, на листах большого формата записал четырнадцать народных песен из своего сборника. Две из них - "Марко Кралевице и дете дукадинче" и "Огнен одит зета аманета" переведены на русский язык (вторая без нескольких последних строк) Александром Викторовичем Рачинским. Восемь из песен сопровождаются 212-ю объяснительными комментариями, которые придают рукописи особую ценность. Записаны они были Рачинским, но их содержание не оставляет сомнения, что они продиктованы самим Миладиновым. Участие Рачинского объясняется желанием дать примечания побыстрее и на хорошем русском языке. Добавим, что Миладинов несомненно помогал Рачинскому в переводе.

Несколько слов об Александре Викторовиче Рачинском (1826-1877). По образованию он не фольклорист, но рано проявляет интерес к болгарам и их фольклору. Во время Крымской войны, в которой он участвовал как прапорщик 29-ой Смоленской дружины ополчения, он сближается в Измаиле с болгарскими добровольцами. У них он выучил, и, по-видимому, довольно хорошо, болгарский язык. Об этом свидетельствует и Е.Южак, который путешествовал с Рачинским по Македонии⁴. О связях Рачинского с болгарскими и его интересах в области болгаристики мы узнаем из его писем к Осипу Максимовичу Бодянскому и Михаилу Петровичу Подгину⁵.

В своих "Походных письмах ополченца из Южной Бессарабии в 1855-57 г." Рачинский рассказывает, как ездил по болгарским селам, наблюдал обычаи на свадьбах, на Юрьевом дне, дне поминовения усопших, записывал народные песни. В селе Кайраклий он слышал песню о Крале Марко. 5-го мая 1856 г. он отметил в своем дневнике: "Грустные напевы болгар вместе с заунывными звуками гайды врезаются в память мою, так что по возвращении домой, надеюсь угощать вас ими наизусть"⁶.

Сохраненная Срезневским рукопись имела определенное предназначение. Об этом мы можем судить по нескольким строкам из статьи Рачинского "Печальные известия о Македонии", опубликованной в славянофильской газете "День". Автор сообщает о трагической смерти братьев Миладиновых, говорит о них как человек, который их очень хорошо знал. К рукописи относятся следующие слова: "Помню, как удивили содержанием и складом своим некоторые из македонских песен, читанные мною в Археологическом обществе. У И.И.Срезневского доселе должны храниться, вероятно неизданными, лучшие из них."⁷

Небольшой сборник из 14 песен имеет несомненно представительный характер. Его составление и прочтение, очевидно, является попыткой возбудить в научных кругах интерес к большому сборнику "Болгарские народные песни" Миладиновых, чтобы найти средства для его издания. На пути в Болгарию назначенный консулом в Варну А.Рачинский заехал в столицу, чтобы представиться в так называемом Азиатском департаменте. Свое краткое пребывание в ней он использовал и для того, чтобы представить сборник из 14 песен на заседании Археографического общества. А И.Срезневский, который там присутствовал, вероятно, пожелал, чтобы рукописи сборника ему оставили. А его составители, может быть, надеялись, что он что-нибудь предпримет для издания всего сборника целиком.

Когда же был составлен небольшой сборник из 14 песен? Рачинский в нем отметил, что песню "От згора идет сеймени" он записал в Македонии от Нако Станишева 14 декабря 1858 г. В Россию он вернулся в самом начале

1859 г. В письме Раковскому из Москвы от 8 января 1859 г. К. Миладинов рассказывает, что они с Рачинским посетили монастырь Нилова пустынь⁸. Таким образом, работу над сборником следует отнести к первой половине декабря 1858 г. Перевод песен остался неоконченным, потому что Рачинский спешил.

Константин Миладинов отметил в рукописи, что песни взяты из его четырех тетрадей. Поскольку последовательность песен здесь та же, что и в изданном в 1861 г. сборнике, мы можем предположить, что все они были собраны в четырех тетрадках.

В рукописи заглавия некоторых песен отличаются от заглавий в сборнике, изданном в 1861 г. Здесь мы даем заглавие каждой песни согласно рукописи, а когда заглавие отсутствует - ее первую строку. Приводим заглавия песен или первую строку по изданию 1961 г. под редакцией академика Петра Динкова.

Песни в первой тетради:

1. "Марко Кралевике и дете дукадинчо". В рукописи есть перевод и 46 примечаний. В издании 1961 г. песня №121 названа "Марко и дете дукадинче", с. 225-228.

2. "Марко Кралевике болен се каит и се испведвит". В рукописи - 40 примечаний. В издании 1961 г. - №54 ("Марково иповедванье") (церковное), с. 107-109.

Во второй тетради:

3. "Огнен одит зета аманета". Песня почти полностью переведена и снабжена 79-ю примечаниями. В издании 1961 г. - №84 "Латински крал и Огнен", с. 164-171.

В третьей тетради:

4. Песня без заглавия - "Седнал Митре с майка да вечерят" снабжена 33-мя примечаниями. В издании 1961 г. - №192 "Митре и сестра Ангелина" (богатырская), с. 362-364.

5. ("Сльнцено ми е на заод"). 10 примечаний. В издании 1961 г. - №4 ("Сльнцено ми йе на за од") (Из Струги), (русалочья), с. 44-45.

6. "Тодора оит на воска". В издании 1961 г. - №201. "Тодора керка" (богатырская), с. 375-376.

В четвертой тетради:

7. Песня без заглавия. "От згора идет сеймени". Обозначена К. Миладиновым как "арамиска". В издании 1961 г. - №219 ("От згора идет сеймени"), (гайдуцкая), с. 390-391. В рукописи Рачинский добавил к этой песни вариант, привезенный им из Македонии, уточнив: "Та же, в Кукуше, 14 декабря 1858 от Нако Станишева".

8. Без заглавия. "Заплакала ми голема нива". Обозначена К. Миладино-

вым как песня жнецов. В издании 1961 г. - №638 (“Заплакала ми голема нива”) (Из Струги), в отделе песни жнецов, с. 638.

9. Без заглавия. “Що ми ѝе лепо, убо о”. В издании 1961 г. - №33 под тем же заглавием. На с. 76 внизу сноски: “В Прилепе на новый год поют ту же песню”. И приведен ее вариант.

10. Без заглавия. “Прошета света Неделя”. В издании 1961 г. - №34 “Христово воскресание”, с. 77 (церковная).

11. Без заглавия. “А юначе смияниче, Лазаре!” Обозначена К. Миладиновым как “лазарская, холостяку”. 10 примечаний. В издании 1961 г. - №578, “холостяку”, с. 594.

12. “Ой, люле”. В издании 1961 г. - №660 “Ой, люле” (Из Струги), (песня жнецов), с. 628.

13. Без заглавия. “Плела мамо босилко и ясли”. К. Миладинов объяснил: “Когда идут за невестой, поют”. 2 примечания. В издании 1961 г. - №522. Другая, с. 566.

14. “Кога се приближват в църква”. 3 примечания. В издании 1961 г. - №528 “Кога да се приближват в църков” (свадебная), с. 569.

Примечания К. Миладинова к песням представляют большой интерес для балканистов: диалектологов, языковедов, лексикографов. Они содержат: 1. Перевод на русский язык ряда слов. Например: не гибай - не займай, не перегибай моей воли, не противоречь. Сбор - речь, зборвам - разговариваю. Часто проводятся и параллели с греческим языком, который К. Миладинов хорошо знал. 2. Дан перевод и турецких и турецких слов, которые могли бы затруднить членов археографического общества. Например: дели - тур. молодец. Челик - тур. огниво, сталь. Адет - тур. обычай и т.д. 3. При объяснении особенностей македонского говора обычно даются параллели с восточноболгарскими говорами. Например: Ке - в верхней Болгарии ще, ище выговаривается как ште, иште - Букореш - Букорешт. Букорешт. Ще, ище - как вспомогательный глагол для определения будущего времени. Я ке ти опитам - я стану спрашивать. 4. В глаголах даны формы настоящего, прошедшего и будущего: викам, викнаф, ке викнам. 5. Объяснены культурно-исторические реалии. Например: земя дукадинска - нужно предполагать Венецию, дете дукадинче - не дитя ли дука, дух? 6. Описаны игры. Например: камень ке фърляме - будем бросать камень. Игра, которая состоит в том, кто далее перебросит тяжелый камень. Некоторые слова, переведенные или объясненные в примечаниях, мы находим и в небольшом болгарско-хорватском словаре, приложенном к Загребскому изданию “Болгарских народных песен”. Этот факт наводит нас на мысль, что работа над сборником из 14 песен помогла К. Миладинову в подготовке им в Дяково большого сборника к печати.

Примечания являются свидетельством того, что годы, проведенные К. Миладиновым в Москве, не прошли для него даром. Не были им забыты и знания, приобретенные в Афинском университете. Он успешно справлялся с орфографией и другими проблемами в изучении русского языка. В Москве он познакомился и с достижениями современной фольклористики. Лекции профессора Ф. И. Буслаева (с которым общался Л. Каравелов и которого он особенно уважал), по-видимому, укрепили и у К. Миладинова те взгляды о сущности и значении народного творчества (в духе позиций Гердера и братьев Grimm), которые он изложил в предисловии к сборнику. Там он пишет: "Народные песни являются показателем степени умственного развития народа и зеркалом его жизни. В песнях народ изливает свои чувства, в них он увековечивает свою жизнь и совершенные им в прошлом подвиги, в них он находит духовную пищу и развлечения; поэтому в печали и радости, на свадьбе и в пляске "хоро", во время жатвы и сбора винограда, вязанья и пряденья, в поле и в лесу его песни льются щедро, как вода из богатого источника; поэтому можно утверждать, что народ это и вечный и великий певец"⁹.

С 1857 по 1860 г. Константин Миладинов живет в России, учится в Московском Университете. Райко Жинзифов свидетельствует, что в это время он трудится над составлением сборника народных песен. Этот временной отрезок достаточен для того, чтобы предположить, что он тогда не только подбирал песни, но и занимался их транскрипцией, перепиской кириллицей, потому что они первоначально были записаны, как это было принято в те годы в Македонии, греческими буквами.

Приведем факты, доказывающие, что Константин Миладинов еще в России начал переписывать песни славянскими буквами. Это абсолютно понятно, раз он надеялся, раз он старался, чтобы они были изданы в России. Действительно, кто бы стал публиковать там фольклорные произведения, записанные греческими буквами? Рукописный сборник песен - это одно из убедительных доказательств о начале этой работы К. Миладиновым, но есть и другие.

В 1857 г. Осип Максимович Бодянский, руководитель кафедры славистики Московского Университета, издатель памятников староболгарской письменности, профессор, с которым многие болгары, окончившие это высшее учебное заведение, имели тесные связи, пишет в своем дневнике:

"Вечером, сидя у окна, увидел, что подъезжает к моему крыльцу какой-то ополченец. Оказалось, что это был прапорщик Смоленского ополчения Рачинский. Он был мне уже известен по письму к издателю "Русской Беседы". писанной весной, в котором просил обратить свое внимание на подателя его, болгарина из Македонии Миладинова, сельского учи-

теля в Охриде, учившегося прежде в Афинском университете, а теперь прибывшего, при его посредстве, в Москву, для слушания славянских наречий в нашем университете. В письме была приложена одна из весенних песен болгар македонских, которую я одобрил для помещения в "Беседе". Вскоре за тем, в мае, явился ко мне, с другими булгарами, и сам Миладинов, человек уже в летах, очень скромный, как и все, без исключения, его соотичи"¹⁰.

Разумеется, эта песня была представлена на кириллице. Под письмом Рачинского издателю "Русской Беседы" П.Бартеневу Бодянский, вероятно, имеет в виду заметку "Несколько слов о просвещении болгарского народа" (Письмо П.И.Бартеневу), опубликованную в т.4 журнала за 1857 г. Народной песни здесь нет. Если она помещена в другом томе, то это надо проверить.

Кириллицей записаны и народные песни "Воевода Балюр и гречанка" и "Воевода Детелин и Яна", которые К.Миладинов публикует в журнале московских болгар "Братский труд"¹¹. Позволим себе и следующее предположение: Если корреспонденция из Кукуша, опубликованная в журнале "Български книжици" (№24, кн. 2, декабрь 1858 г., с. 344-345) была послана Рачинским и переведена К.Миладиновым, то были ли записаны Нако Станишевым помещенные в ней две народные песни ("Эй, Стамат, молодой Стамат" и "Стадо пасет чобан Яно") греческими буквами, а затем транскрибированы К.Миладиновым? Едва ли случайно и их соседство с напечатанным на с. 350-351 его стихотворением "Грек и болгарин". Это относится и к полученному тоже от Н.Станишева и включенному в рукописный сборник варианту песни "От Згора идет сеймени".

Некоторые авторы решительно утверждают, что этот сборник не вышел в России потому, что этого не желали определенные круги по политическим причинам. Так, Димитр Митрев считает, что даже если по этому вопросу и нельзя прийти к абсолютно конкретным выводам, все-таки здесь не могла не проявиться политика России по отношению к общей борьбе южных славян против греческого засилья. По мнению Митрева, в том факте, что русское правительство не сочувствовало национальным устремлениям поработанных славян, а прежде всего способствовало сохранению единства православной церкви, следует видеть причину неопубликования сборника Миладиновых в России¹².

Действительно, вспоминая, что Константин Миладинов "...свой сборник считал неоцененным сокровищем", Рачинский продолжает: "Главнейший предмет его сетований было невнимание русских ученых, за исключением Безсонова и Беляева, к его сборнику македонских песен, по истине превосходных"¹³.

Имена ученых, достойных упрека, Рачинский все-таки не назвал. Но даже если согласиться, что такой факт имел место, предположение, что эти ученые зависели от политики правительства, остается голословным. Слависты, которые занимались и фольклористикой, а их было много, даже если назвать самых известных - Буслаев, Афанасьев, Котляревский, а также Бодянский, Срезневский, Григорович, симпатизировали освободительным устремлениям южных славян, были в большинстве славянофилами¹⁴, а тесно связанные с Каравеловым Котляревский и Прыжов разделяли взгляды, близкие к революционным демократам. Нам не известны факты, доказывающие, что создавались помехи публикации болгарских фольклорных материалов в русской периодической печати. Что касается Бессонова, то его подход к изданию болгарских народных песен¹⁵ был подвергнут серьезной критике. Отзывы на него Срезневского, Каравелова, Найдена Герова отрицательны. От предисловия Бессонова к болгарским народным песням пошло убеждение, что в отличие от сербов у болгар нет эпоса. Не пользовался славой хорошего ученого и Беляев.

Следовательно, причины, по которым сборник Миладиновых не был опубликован в России, надо искать в другом. Московский славянский благотворительный комитет не был особенно богат. На издание небольшого тома "Памятник народного быта болгар" Л.Каравелова он все же отпустил 170 рублей. Но для большого тома Миладиновых нужно было дать много больше. Попытка Рачинского заинтересовать им Петербургских ученых говорит о том, что от Московского комитета, в котором он имел влияние, необходимые средства получены не были.

Кроме того, сборник Каравелова имеет подчеркнуто сравнительный характер, полностью в духе господствующего в те годы сравнительно-исторического метода в гуманитарных науках. При этом, благодаря Прыжову, материал был представлен на хорошем русском языке. Рачинский же, который жил не в Москве, а в своем имении, не мог помогать К.Миладинову в должной мере.

Каравелов, который жил в Москве дольше К.Миладинова, тоже не сумел издать там свой сборник болгарских народных песен. Из его архива мы знаем, что в процессе подготовки сборника в печать он должен был соотноситься с поставленным ему требованием - песни надо сопровождать примечаниями¹⁶. Известно, что это требование ему предъявил О.М.Бодянский, предполагая опубликовать сборник в издании "Чтения в Обществе истории и древностей российских". Каравелов в Москве не успел закончить эту огромную работу. Его сборник издал в 1905 г. П.А.Лавров, но без примечаний.

Если мы сравним примечания к песням рукописного сборника К.Ми-

ладинова с примечаниями в архиве Каравелова, то установим между ними большое сходство. В них переведены турецкие и греческие слова, объяснены реалии, описаны обычаи. В Москве К. Миладинов общается с болгарскими, которые тоже собирали и издавали фольклорные материалы. Это Любен Каравелов, Райко Жинзифов, Марин Дринов, Сава Филаретов. Их опыт, вероятно, был ему полезен. Но, наверное, более всего Каравелова, который высоко ценил сборник братьев из Струги. Об этом красноречиво свидетельствует его архив. Как при подготовке примечаний к песням, так и в исследованиях о болгарской свадьбе, болгарской женщине, о русалках и др. Каравелов широко использовал сборник К. Миладинова. Позже он скажет: "У нас есть пять сборников народных песен, но только три из них оправдывают свое предназначение - драгоценный сборник братьев Миладиновых, сборник Верковича и сборник В. Чолакова. Другие два сборника - Боегова и Бессонова - не отвечают своему предназначению, особенно последний."¹⁷

Небольшой сборник, подготовленный К. Миладиновым и А. Рачинским, задумывался как представительный. Выбраны песни, обладающие особенно высокими достоинствами. Чувствуется явное желание сделать акцент на богатырских песнях - 514 из общего числа 830-ти. Есть основание предположить, что К. Миладинов хотел опровергнуть тезис Бессонова. Производит впечатление отсутствие любовных песен, хотя в большом сборнике Миладиновых мы находим их чудесные образцы. Однако разнообразие в подборе песен достигнуто: кроме четырех (самых длинных) богатырских песен в сборник включены три церковные, две свадебные, одна русалочья, одна гайдуцкая, две песни жнецов и одна "лазарская". Создается впечатление о солидном по содержанию сборнике. Его разнообразие отметит в 1863 г. И. Срезневский в своем отзыве на издание большого сборника Миладиновых в Загребе¹⁸. При написании этого подчеркнута положительного отзыва автору, по-видимому, помогли сведения о Миладиновых, которыми он к этому времени уже располагал, а также и то, что в его руках была рукопись сборника из 14 песен в переводе на русский и с примечаниями.

Если мы согласимся с тем, что часть работы по транскрипции была сделана еще в России, то станет ясно, почему К. Миладинов сумел справиться в Дяково за такое короткое время с переписыванием на кириллицу 660 песен или 23 272 строк. Тем более что там он работал еще и над предисловием, участвовал в составлении краткого болгарско-хорватского словаря. Важно, что еще в Москве, где у него было с кем советоваться, К. Миладинов выработал для себя определенные правила правописания. Все это, однако, входит в противоречие с принятым утверждением, что молодой

болгарин приступил к транскрипции только в Дяково. Оно основывается на воспоминаниях епископа Йосифа Штросмайера. Защитник славян в Дунайской империи, Штросмайер сделал много хорошего и для болгар. Он предоставил средства для стипендий болгарам в Загребской семинарии, дал деньги на издание Асеманьева Евангелия. Во время сербско-болгарской войны он передал премьер-министру Петко Каравелову 200 дукаатов для Болгарского красного креста. Штросмайер дал деньги и для издания сборника Миладиновых.

За многочисленные заслуги Штросмайер выбран в 1884 г. почетным членом общества "Славянская Беседа". 15 мая 1885 г. епископ пишет о К.Миладинове: "Я всегда вспоминаю один случай из его жизни. Когда К.Миладинов, ныне блаженный усопший, показал мне в Вене впервые свои болгарские народные песни, которые обладают теми же гомеровскими достоинствами, как и хорватские и сербские, они были записаны греческими буквами. Поэтому я ему сказал: "Слушай, Миладинов, если ты хочешь, чтобы я тебе помог издать твои песни, ты должен навсегда отказаться от чужой греческой азбуки. Греки причинили вам, болгарам, много зла и пакостей. Откажись от их букв и прими славянские." Вы не можете себе представить, как радостно заблестели его глаза, как озарилось лицо вашего благородного молодого соотечественника, когда он услышал мои слова." - Блаженны уста, - ответил он мне, - произнесшие это пожелание, и не сомневайтесь, что я его выполню." И он действительно его выполнил во время своего пребывания у меня..."²⁰

Профессор Шишманов, посетивший епископа в 1898 г., пишет: "Штросмайер мне подтверждает то, что он уже сообщил раньше в своем письме "Славянской Беседе", а именно, что песни были записаны в начале греческими буквами и что транскрипция кириллицей проведена исключительно по его совету"²¹.

Когда Штросмайер писал письмо "Славянской Беседе", ему было 70 лет, а во время посещения его Шишмановым - 83. Но не будем спешить с утверждением, что он что-либо забыл или спутал. К.Миладинов, вероятно, действительно показал ему весь сборник целиком в его первоначальном виде - записанном греческими буквами. Это была обычная практика в Македонии того времени. Песни южнославянского народа, записанные греческими буквами - это на самом деле поразило епископа. Он настоял, чтобы они были транскрибированы, и молодой болгарин с радостью согласился. Эта эмоциональная сцена и осталась в памяти Штросмайера. К.Миладинов, возможно, ему не сказал, что некоторые из песен он транскрибировал еще в России. Сегодня мы можем только гадать, не было ли песен, переписанных кириллицей в России, больше, чем тех, о которых у нас есть верные свидетельства.

Мы уже точно знаем, что транскрибирование началось в России, оно действительно происходило из желания издать песни там. Рукописный сборник из архива Срезневского является еще одним доказательством этому. Но это не самое важное. Гораздо существеннее, что теперь мы можем судить о том, что особенно высоко ценил К.Миладинов в сборнике "Болгарские народные песни". Рукописный сборник свидетельствует о его желании опровергнуть утверждения Бессонова о том, что у болгар нет эпоса. Рукопись дает также богатый материал для наблюдений над языком К.Миладинова, принятой им орфографии, доказывает его серьезную филологическую подготовку и осведомленность как фольклориста.

Сказанное здесь о сборнике болгарских народных песен, составленном Константином Миладиновым и Александром Рачинским, содержит и ряд предположений. Некоторые из них могут быть подтверждены и приняты, другие - нет. Но несомненно, что этот сборник значительно обогащает наше знание о том, что К.Миладинов успел сделать за свою короткую жизнь.

Примечания:

1. Архив Академии наук России, Санкт-Петербург. Фонд 216 (Измаил Иванович Срезневский), оп. 3, 847.

2. Ровнякова Л.И. *Bulgarica* в Ленинградских архивохранилищах. В: Русско-болгарские фольклорные и литературные связи. В двух томах. Том 2, Ленинград, 1977, с. 335-373. Ровнякова Л.И. Южнославянская тема в журнале "Русская беседа" (1856-1860). В: Ровнякова Л.И. Борьба южных славян за свободу и русская периодическая печать (50-70-е годы XIX века). Л., 1986, с.31-65.

3. Минкова Л. Нови сведения за Миладиновия сборник. Вестник АБВ, бр. 41/93 от 7.X.1980 г., с.4.

4. Южаков Е. Месяц в Болгарии. Современник, т.84, отд. I, с.196.

5. Письма А.В.Рачинского к О.М.Бодянскому хранятся в архивном отделе Института литературы им Т.Г.Шевченко в Киеве, фонд 99 (Бодянский), №88/104-109. Письма А.В.Рачинского к Погодину - в архивном отделе Российской государственной библиотеки - Москва, фонд Погодин/11, папка 27, №61.

6. Рачинский А.В. Печальные известия о Македонии. "День", №21 от 3.III.1862, с. 13-15.

8. Письмо К.Миладинова к Г.С.Раковскому от 8 января 1859 г. Опубликовано первоначально А.П.Стоиловым в газете "Македония", №144, 30.I.1921 г. Также в: Братья Миладиновы. Переписка. Исследовал, комментировал и редактировал Н.Трайков. София, 1964.

9. Цит. по: Български народни песни. Събрани от братя Миладиновци Димитрия и Константина и издадени от Константина. Четверто издание. под редакция на Петър Динев. С., 1961, с.39-40.

10. Российская Государственная Библиотека - Москва, фонд 36 (Боянский), л.92.

11. Журнал "Братски труд", кн. I, М., 1860.

12. Митрев Д. По трагите од подвигот на Миладиновци. В: Миладиновци. Сборник 1861-1961. Скопје 1962, с. V-LXVI.

13. Рачинский А.В. Печальные известия... с.14.

14. См.: Никитин С.А. Славянские комитеты в России в 1858-1876 гг. М., 1960.

15. Болгарские песни из сборников Ю.И.Венелина, Н.Д.Катранова и других болгар. Издал Петр Безсонов. М., 1855.

16. Из архива на Любен Каравелов. С., 1964. с. 368-400.

17. Любен Каравелов. Събрани съчинения, том 6, С., 1985. с.394-395.

18. Срезневский И.И. Рецензия на "Български народни песни" братьев Миладиновых, Загреб, 1861. В: Известия Отделения русского языка и словесности Русской академии наук, т.10, 1862, с.18-26.

19. Цит. по: С.Юринич. Йосиф Юрай Щросмайер. В: Сбнунк, кн. XXXIII, С., 1906-1907, с. 34.

20. Там же.

21. Иван Шишманов. Владика Йосиф Щросмайер. Спомени от една лична среща. В: Български преглед, г. V, кн. VI, февруари 1899, с. 70.

В.М.Хевролина

ИЗ ИСТОРИИ РОССИЙСКОГО ПОСОЛЬСТВА В КОНСТАНТИНОПОЛЕ ПРИ Н.П.ИГНАТЬЕВЕ

Изучение истории внешней политики России невозможно без знания деятельности дипломатических институтов. Между тем работа как самого Министерства иностранных дел, так и его заграничных представительств слабо исследована в отечественной историографии. В настоящей статье делается попытка впервые рассказать о деятельности российского посольства в Константинополе в тот период, когда его возглавлял талантливый и энергичный дипломат Николай Павлович Игнатъев, имя которого связано с заключением двух значительных международных договоров - Пекинско-

го (1860 г.) и прелиминарного Сан-Стефанского (1878 г.).

Н.П.Игнатьев, выходец из старинной дворянской семьи, начинал свою карьеру как военный. С блеском окончив Пажеский корпус, а затем Николаевскую военную академию, он принял участие в Крымской войне в войсках, оборонявших Балтийское побережье. Затем был российским военным агентом в Лондоне (1857 г.). В 1858 г. направлен с дипломатической миссией в Хиву и Бухару, а в 1859-1860 гг. - в Китай. В 1861 г. назначен директором Азиатского департамента МИД.

После Крымской войны Россия утратила роль сильнейшей державы Европы, которую играла со времени Венского конгресса. Особенно пошатнулись ее позиции на Балканах, где она традиционно считалась покровительницей православных народов. Одной из главных задач внешней политики Петербурга стало восстановление утраченного влияния в Европе и расширение своего присутствия на Балканах, где усилилось значение Англии, Франции и Австрии. Новый министр иностранных дел России А.М.Горчаков предполагал осуществлять внешнюю политику мирными средствами, что налагало сложные обязанности на дипломатическую службу России в Османской империи. Улучшение русско-турецких отношений, возобновление и усиление связей с христианскими народами на Балканах, ограничение европейского влияния являлись основными целями политики России в этом регионе. Нужно было добиться существенного улучшения положения угнетенных христиан, чтобы восстановить их доверие. Российская дипломатия старалась использовать в своих целях решения Парижского договора 1856 г. и указ султана (хатт-и хумаюн) о защите христианского населения и равенстве всех подданных султана перед законом, а также решения договора о том, что ни одна из европейских держав-гарантов не должна иметь в османских владениях преимуществ. Это позволило увеличить количество российских консульств: были созданы консульства в Сараеве, Мостаре, Шкодре, в ряде городов Малой Азии. Значительно расширялись обязанности российской миссии в Константинополе.

Между тем работа миссии не удовлетворяла Петербург: с 1856 по 1864 гг. сменилось три посланника (А.П.Бутенев, А.Б.Любанов-Ростовский, Н.П.Новиков). Записка МИД от 1864 г. красноречиво повествует о слабости миссии: ее руководители бездействуют, не могут найти общего языка с турками, слабо осуществляют защиту интересов христиан и православия в целом, персонал занят в основном своими интересами и т.д.¹

Горчаков долго искал энергичного человека, который бы мог поправить положение. В конце концов его выбор пал на директора Азиатского департамента Н.П.Игнатьева. Последний был этому совсем не рад: военный министр Д.А.Милютин только что сделал ему заманчивое предложе-

ние стать генерал-губернатором вновь образуемого в Восточном Казахстане Степного округа.

Игнатъев давно уже тяготился своей службой в департаменте. Человек энергичный и живой, он жаждал самостоятельности и непосредственного дела, к тому же его угнетала зависимость от Горчакова. Поэтому он с восторгом согласился на предложение Милютина, но Горчаков настаивал на своем и даже угрожал Александру II своей отставкой. Игнатъеву он указывал на важное в политическом отношении значение Константинополя для России и соблазнял дипломата дальнейшей успешной карьерой. В конце августа 1864 г. Игнатъев с семьей прибыл в Константинополь.

В своих записках, опубликованных на французском языке в 1916 г.², он указывал, что ко времени его приезда в Турции преобладало влияние Англии, Австрии и Франции, при этом последняя доминировала. Французский посол Мустье направлял все решения Порты, австрийский посол Прокеш фон Остен симпатизировал Англии и лавировал между Мустье и английским послом Бульвером. Прусский посланник следовал за Англией, а итальянский за Францией. Россия была в изоляции и не имела в Турции никакого влияния. Игнатъев поставил перед собой ряд задач, которые он пытался решить в пределах своих возможностей:

1. Бороться с влиянием Франции и ослабить доверие Порты к Англии и Австрии. Разрушать согласие европейских держав.

2. Внушать туркам, что Россия еще сильна и может быть ее партнером, что у России и Турции есть общие интересы.

3. Постепенно восстановить традиционное влияние России на православные народы Османской империи.

Следуя этому плану, Игнатъев целенаправленно добивался усиления престижа России. Он активно участвовал в решении всех вопросов, связанных с положением автономных государств и христианских провинций империи. Посланник (с 1867 г. - посол) содействовал ослаблению французского влияния в Дунайских княжествах и выступал против идеи Наполеона III от передаче их Австрии; он добился ограничения юрисдикции российских консулов в Румынии, что способствовало расширению ее автономии³. Игнатъев также активно занимался решением греко-болгарского церковного вопроса и во многом помог созданию автокефальной болгарской церкви. В период критского восстания 1866-1869 гг. он выступил с планом реформ в христианских провинциях, предлагая достичь этого путем прямых русско-турецких переговоров, поскольку не надеялся на помощь "европейского концерта". Но его предложение было отклонено Горчаковым. Игнатъев оказал большую помощь критским повстанцам, организовав вывоз их семей в Грецию. Он был горячим сторонником создания Балкан-

ского союза, поскольку считал, что христиане могут достигнуть освобождения, лишь объединив свои усилия.

Направляя Игнатъева в Константинополь, Горчаков призывал его следовать “консервативной, а не революционной политике на Востоке”¹⁴, что на деле означало курс на сдерживание национально-освободительного движения балканских народов. Министр опасался втягивания России в военный конфликт. Однако Игнатъев стремился к активным действиям в поддержку христиан, что обостряло отношения между ним и Горчаковым. В этом духе он направлял деятельность российских консулов. 13 января 1868 г. МИД вынужден был направить специальный циркуляр консулам в Османской империи, где говорилось, что “Министерство находит крайне опасным всякие местные увлечения и нетерпеливые порывы, потому что нынешнее политическое положение отнюдь не может благоприятствовать успешному исходу”¹⁵.

Остановимся на деятельности Игнатъева как руководителя миссии (посольства). Важнейшей своей задачей он считал поднять престиж миссии и российских дипломатов, что должно было способствовать эффективности работы. В 50-70-х гг. XIX в. константинопольская миссия была самым крупным представительством России за рубежом. В ее составе работало 17 чиновников (в европейских посольствах - 4-5). Это объяснялось не только важными и разнообразными задачами работы, но и спецификой Востока. Кроме посла, советника (эта должность была введена в 1867 г. и ее последовательно занимали Е.Е.Сталь, А.М.Кумани и А.И.Нелидов), трех секретарей и двух их помощников, в штате находилось 5 драгоманов, 2 писца, 3 студента-практиканта, окончивших Учебное отделение восточных языков МИД, и врач. Настоятель посольской церкви архимандрит Антонин также нередко выполнял политические поручения посла.

К приезду Игнатъева в Османской империи было 5 российских генеральных консульств, 18 консульств и 7 вице-консульств¹⁶. 22 из них находились на Балканах. По настоянию посланника был открыт ряд консульств в Малой Азии. В записке об учреждении новых консульств, направленной в МИД, Игнатъев писал, что целью их работы должна быть не только защита христиан, но и “сохранение и развитие в населении чувств преданности к России, подчинение его тем новым идеям, которые согласны с видами правительства, ограждение православных от западных миссионеров и агентов” и создание таким образом областей, “обязанных нам своим нравственным самосохранением и материальным благополучием, областей, которые служили бы для нас новым обеспечением для наших оборонительных или наступательных движений на юге”¹⁷. При этом особое внимание Игнатъев обращал на Малую Азию, которая имела для России важное

стратегическое значение. Он писал: “Эта страна есть область наших будущих военных движений, от нее зависит спокойствие и благоденствие Кавказа и Закавказья”⁸. Игнатъев считал, что наилучший путь завоевания проливов (что было его заветной мечтой) лежит не через Балканы, а через Кавказ и Малую Азию, а потому полагал усилить российское присутствие в Багдаде и Сирии и влияние на армянское население на Ближнем Востоке.

Одной из задач Игнатъева было установление хороших отношений с верховными властями империи. Благодаря своей энергии, живому и открытому характеру он быстро вошел в доверие к султану Абдул-Азису. Султан - человек недалекий, не любил заниматься государственными делами, но всячески подчеркивал пышность своего двора. Денег в казне не было, однако при всеобщей нищете народа строились и перестраивались дворцы, мечети, обогащалась чиновничья верхушка. Турция существовала за счет внешних займов, навязанных ей Европой, которые она не могла уже вернуть. Игнатъеву не стоило большого труда убеждать султана в европейской опасности и в необходимости опираться на Россию. Он расположил к себе и часть министров, среди которых были министры иностранных дел Фуад-паша и Савфет-паша. Но в стране усиливались и националистические младотурецкие группировки, враждебные России и связанные с европейскими дипломатами. Злейшими врагами посла были польские эмигранты, активно действовавшие против него. Игнатъеву удалось добиться от Порты закрытия польской военной школы и высылки из Константинополя представителя польского жонда при Порте. Польские эмигранты старались всячески дискредитировать посла. В 1876 г. они опубликовали сборник документов (на французском языке), якобы исходящих от российского посольства (письма Игнатъева к консулам, египетскому хедиву и др.). В предисловии этого издания утверждалось, что восстания на Балканах в 1875-1876 гг. (в Боснии, Герцеговине, Болгарии) были организованы Игнатъевым через консулов. Сборник был сразу же взят на вооружение западными журналистами и переиздан. Изучивший эту публикацию С.А.Никитин пришел к выводу, что она является фальшивкой, составленной в преддверии Константинопольской конференции европейских послов для решения балканского вопроса.⁹ Сам Игнатъев утверждал это с самого начала. Ему удалось достать некоторые сфабрикованные поляками документы на фальшивых посольских бланках. Австрийский посол Прокеш после разъяснений Игнатъева уволил служивших в австрийском посольстве поляков, подготовивших сборник.

Игнатъев стремился активизировать деятельность консулов, направленную на защиту интересов России и христианского населения. В частном письме директору Азиатского департамента МИД П.Н.Стремоухову

от 8(20) ноября 1866 г. он писал: “Надо добиться, чтобы консульская служба приносила существенную пользу”¹⁰. Посол требовал, чтобы консулы установили хорошие отношения с православным духовенством, поощрял выдачу наград священникам, сам платил патриарху за праздничные службы, нередко из своего кармана (в посольстве для этого не было средств). Щедрые подарки церквям и православным школам из России от Синода и славянских благотворительных комитетов также играли свою роль в усилении пророссийских позиций духовенства.

Большинство консулов были единомышленниками Игнатьева. Он продвигал на консульские должности своих секретарей, способных студентов, уважаемых местных деятелей (М.А.Хитрово, А.С.Ионин, И.В.Белоцерковец, Я.П.Славолюбов, болгары Н.Геров, С.Даскалов и др.). В самом посольстве взгляды посла разделялись его ближайшими сотрудниками: А.И.Нелидовым, К.М.Аргиропуло, К.А.Губастовым и др. Не случайно в начале XX в. биографы Игнатьева А.А.Башмаков и К.А.Губастов говорили о школе Игнатьева, отличавшейся патриотической направленностью и стремлением к активным действиям.

Заботясь о поднятии престижа России и миссии, Игнатьев справедливо полагал, что в глазах турок, как и всех азиатов, имеют огромное значение внешние атрибуты. Он проявил завидную энергию в придании достойного антуража зданиям посольства, долгие годы находившимся в плачевном состоянии. В октябре 1864 г. посланник писал своему отцу, П.Н.Игнатьеву: “Загородный и городской дом посольства приходят в разрушение. Для приведения в надлежащий вид требуются несметные суммы. Бутенев все запустил”¹¹.

Он добился от МИД выделения 117 тыс. руб. на перестройку здания посольства в Пере (посольский квартал Константинополя), расширил его, прикупив соседний участок, и возвел 2-й этаж.¹² В 1876 г. в здании российского посольства заседала Константинопольская конференция послов. Дом в Пере и загородный особняк в Буюк-дере выгодно отличались своим великолепным внешним видом и интерьером от зданий других европейских посольств. В них устраивались большие пышные приемы, балы, вечера, любительские спектакли, на которые съезжался весь дипломатический корпус, а также верхушка христианских общин и турецкая элита - до 150-200 чел. В посольстве даже была специальная кухня для приемов: за изготовлением блюд посол следил лично. Приемы устраивались не только для развлечения. Как писал Игнатьев отцу, “вечера наши тем хороши, что не только все миссии в полном составе, но и вообще все нужные люди под рукою. Можно переговорить, с кем хочешь”¹³. На приемы и балы Игнатьев тратил личные средства, так как считал, что на развлечения казенные деньги упот-

реблять нельзя.

Игнатъев писал отцу 25 января 1866 г.: “В положении русского посольства подобные похождения, блестящая обстановка необходимы для пользы дела”. Конечно, добавлял он, лучше было бы откладывать деньги в банк, “но, будучи русским, не могу лицом в грязь ударить”. Тактика Игнатъева приносила свои плоды. В том же письме он сообщает слова персидского посланника в Константинополе о том, что Игнатъев в короткое время “изменил совершенно положение русской миссии” и что “ряд побед над турками и присутствие целого войска не могли бы сего достигнуть”¹⁴.

Нередко посольство давало приемы в честь вновь назначенных иностранных послов, а также турецких министров, которые, как правило, возвращались домой с подарками.

Хорошие отношения сложились у Игнатъева с новым австрийским посланником Ф.Зичи, который почти ежедневно обедал в российском посольстве, а также с американским посланником Морисом. В августе 1868 г. посольство дало обед офицерам фрегата США “Франклин”, который пытался войти в проливы, но не был пропущен турками. Английский и французский послы игнорировали американцев, и прием их в российском посольстве приобретал особое значение, демонстрируя дружественные отношения России и США. “Американцы были очень довольны”, - писал Игнатъев¹⁵.

В посольстве неоднократно устраивались силами иностранных дипломатов любительские спектакли. Так, в феврале 1872 г. в таком спектакле участвовали сотрудники посольства А.М.Кумани, М.А.Хитрово и жена драгомана М.К.Ону, английский поверенный в делах Румбольд и его жена, секретари английского и австрийского посольств, жена германского поверенного в делах мадам Радовиц. Присутствовало около 340 зрителей, в том числе все турецкие министры. После спектакля были танцы и ужин. “Весьма удачно, - писал Игнатъев отцу, - что в русском посольстве вывели на сцену иностранцев и даже английского поверенного в делах”¹⁶. Подобные мероприятия также повышали престиж российского посла.

Во время большого пожара в Пере в мае 1870 г., когда сгорело 4 тыс. домов и 35 тыс. человек остались без крова, Игнатъев раздавал погорельцам пособия, а многих приютил у себя, в том числе 15 семей и местную школу с учителями¹⁷. Неудивительно, что российский посол пользовался огромной популярностью в турецкой столице.

В посольстве царила атмосфера дружбы и доброжелательства. Работавший там некоторое время К.Н.Леонтьев, впоследствии известный писатель и философ, человек болезненно неуживчивый, возвратившись в Россию, писал своему коллеге К.А.Губастову: “Время, которое я провел в

Константинополе, мне будет памятно с самой хорошей стороны”¹⁸. В другом письме Леонтьева читаем: “Только в Царьграде я жил настоящим, только в Царьграде я чувствовал себя на своем месте... Кроме дружбы, кроме общества в моем вкусе (не хамском), кроме вообще обстановки, я, как кошка к дому привязывается, привязался к посольству. Люблю Франческо, Евангели, дворы и сады, фонари и шелест деревьев во дворе, люблю игнатьевские рауты и обеды”¹⁹. А вот отрывок из другого его письма: “Я люблю самую жизнь этого посольства, его интересы, мне родственны там все занятия... Я ежедневно терзаюсь мыслью, что не могу придумать средства переселиться туда навсегда. Лучше бедность на Босфоре, чем богатство здесь”²⁰. Леонтьев с благоговением относился к Игнатьеву, хотя и указывал на его честолюбие и тщеславие. Этих качеств, действительно, Игнатьеву было не занимать. Он любил быть в центре внимания, подчеркивать свою роль, прибегать к внешним эффектам. Константинопольскую толпу поражали выезды посла в Порту или к султану в раззолоченном генеральском мундире на белом коне в сопровождении такого же раздетого ординарца-болгарина. А когда члены посольства выезжали на торжественные приемы, то кортеж составлял до 12 карет.

Задачам поднятия престижа отвечала и широкая благотворительность. Посольство раздавало крупные суммы денег (беднейшим единоверцам, священникам, политическим деятелям). Только в 1868 г. частным лицам, школам и монастырям было роздано 87 тыс. руб.²¹ С помощью Игнатьева ряд лидеров освободительного движения был вызволен из турецких тюрем и ссылок, как, например, боснийский архимандрит В. Пелагич.

На благотворительные средства был выстроен и в 1874 г. открыт в Константинополе Николаевский русский госпиталь для лечения российских подданных, проживавших в столице, паломников, матросов. Принималось туда и турецкое население. Патронессой госпиталя являлась жена Игнатьева Екатерина Леонидовна.

Игнатьев был тесно связан с верхушкой христианских общин - болгарской, греческой, армянской и др., что позволяло ему получать ценную информацию о положении в империи. Была создана широкая сеть осведомителей, которые зачастую работали совершенно бескорыстно. Игнатьев в ответ оказывал им помощь в судебных делах, продвижении по службе. Как свидетельствовал дипломат Ю. С. Карцов, подчиненным редко удавалось сообщить послу новость, которую бы он не знал раньше²². Одной из блестящих операций явилось получение копий секретных контрактов на поставку Турции оружия из США накануне русско-турецкой войны 1877-1878 гг. Эти документы были предоставлены в посольство переводчиком американского посольства, армянином по национальности.

Европейская пресса, в особенности английская и австрийская, враждебно относились к Игнатьеву и России в целом, изображая ее политику на Балканах как цепь провокаций, приведших к восстаниям христиан, с целью утвердить свое влияние и захватить проливы. В 1868 г. Игнатьев предложил Горчакову принять контрмеры и заказать западным журналистам, работающим в Турции, статьи, “выставляющие положение дел в Турции в нашем свете или опровергающие практически возводимые на нас клеветы. Они должны показать, что зло, тяготеющее над Турцией, вызвано не нашей политикой, а обуславливается естественным ходом событий”²³. Посольству стали выделять на эти цели ежегодно по 20 тыс. фр. В декабре 1872 г. Горчаков в докладе царю отмечал благоприятные результаты “для нашей политики” этой меры.

Работал Игнатьев и с российской прессой. Посольство регулярно посылало газетам И.С. Аксакову “День” и “Москва” извлечения из консульских донесений о событиях на Балканах, сам посол снабжал информацией А.Ф. Гильфердинга, В.И. Ламанского и других славянофилов. Особенно хорошие отношения сложились у Игнатьева с работавшим тогда в Константинополе молодым журналистом А.С. Сувориным. Суворин получал от посла сведения о положении Турции, о политике России и др. Не без влияния Игнатьева суворинское “Новое время” в период восточного кризиса 70-х гг. было ярким поборником славянского освобождения.

Отношения Игнатьева и МИД были сложными. Первое время Горчаков был доволен работой Игнатьева и в 1865 г. добился производства его в очередной чин генерал-лейтенанта. Но с началом подъема национально-освободительного движения в христианских провинциях Османской империи, в 1866 г., отношения между Игнатьевым и Горчаковым осложнились. Энергия и инициативы Игнатьева пугали осторожного министра. Положение усугубляли и министерские чиновники, распускавшие слухи о том, что Игнатьев метит на министерское кресло, чего в действительности не было. Наконец, часть консервативных кругов в России, недовольных пассивностью Горчакова, противопоставляла ему Игнатьева. В письмах к отцу последний часто жаловался на недоброжелательность канцлера и министерской верхушки и указывал, что этим пользуются иностранные дипломаты, восстанавливая Горчакова еще больше против посла, в частности, Л. Мустье. Игнатьев был в хороших с Александром II, своим крестным отцом, и часто бывал в Ливадии. Он писал отцу: “В Ливадии имел я случай удостовериться, что меня любят и ценят, но поддержать в случае надобности - характера не хватит”²⁴. Царь считал своего крестника полезным дипломатом, но молодым, горячим и неопытным, поэтому всегда держал сторону Горчакова.

До весны 1876 г. положение Игнатъева в Константинополе было достаточно прочным. Он являлся дуаием дипломатического корпуса, был в прекрасных отношениях с султаном. Семейная жизнь была образцовой. Красавица-жена, разделявшая взгляды своего мужа, была его верной помощницей. Дома у посла была спартанская обстановка, он не терпел ни карт, ни табака, ни спиртного. Пятеро его детей получали самое строгое воспитание, им постоянно напоминали, что их мать, урожденная княжна Голицына, является правнучкой М.И.Кутузова.

Однако все неожиданно изменилось. В мае 1876 г., в результате младотурецкого переворота, поддержанного англичанами, был свергнут и убит султан Абдул-Азис. Константинопольская чернь требовала войны с Россией, считая ее виновницей восстаний христиан на Балканах. После убийства в начале мая в Салониках фанатичной мусульманской толпой французского и германского консулов Игнатъев стал опасаться за свою семью и отправил ее в Россию. Сам он также покинул Турцию, когда стало ясно, что войны не миновать. После неудачного завершения Константинопольской конференции в начале января 1877 г. Игнатъев окончательно вернулся в Россию, оставив временно руководить посольством А.И.Нелидова.

Современники считали, что эпоха Игнатъева была временем наивысшего расцвета русского влияния в Константинополе. Особое положение Игнатъева при султанах, как писал впоследствии сотрудник посольства В.Теплов, было результатом не только личного обаяния посла, но и “пронизавшего все его существо русского духа, пламенного патриотизма”. Он не признавал “европейского концерта”, а предпочитал играть сольную партию и добивался успеха силой личного воздействия”²⁵. Однако, как известно, ни “европейский концерт” - оружие Горчакова, ни личное воздействие Игнатъева на султана не смогли решить балканской проблемы в интересах России и христиан. Потребовалась большая и изнурительная война, которую не смогла предотвратить российская дипломатия. Несмотря на это, Игнатъев - и как дипломат, и как руководитель посольства - является одной из самых ярких личностей в истории внешней политики России, интерес к которой не затухает до сих пор у отечественных и зарубежных исследователей.

Примечания:

1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф.730 (Н.П.Игнатъев) Оп.1.Д.514.Л.1-2.
2. Игнатъев Н.П. Записки. 1864-1874. Петроград, 1916.
3. Международные отношения на Балканах. 1856-1878 гг. М., 1986. С.128-129.

4. ГАРФ.Ф.730.Оп.1.Д.528.Л.4. Записка Н.П.Игнатьева.
5. Архив внешней политики Российской империи. Ф.161. (Спб. Главный архив).У-А².Оп.181.Д.535.Л.121.
6. Там же.Ф.154 (Азиатский департамент МИД). Оп.710/1.Д.626.Л.43-48.
7. ГАРФ.Ф.730.Оп.1.Д.587.Л.1.
8. Там же.Л.3.
9. Никитин С.А. Подложные документы о русской политике на Балканах в 70-е гг. XIX в.//Известия АН СССР. Сер. истории и философии. 1946.Т.1.№3. См. также: Никитин С.А. Славянские комитеты в России. 1856-1876. М., 1960. С.144-145.
10. АВПРИ.Ф.161,У-А².Оп.181.Д.533.Л.7.
11. ГАРФ.Ф.730.Оп.1.Д.4486.Л.129.
12. АВПРИ.Ф.180 (Посольство в Константинополе).Оп.517/2.Д.6972.Л.23.
13. ГАРФ.Ф.730.Оп.1.Д.4487.Л.177.
14. Там же.Д.4488.Л.21об.
15. Там же.Д.4490.Л.73.
16. Там же.Д.4494.Л.16.Письмо от 29 февраля 1872 г.
17. Там же.Д.4492.Л.73,85об.
18. Леонтьев К.Н. Избранные письма. 1854-1891. Спб., 1993.С.107.Письмо от 4 ноября 1874 г.
19. Там же.С.110. Письмо от 15 апреля 1875 г.
20. Там же.С.120.Письмо от 12 августа 1875 г.
21. АВПРИ.Ф.180.Оп.517/2.Д.6874.Л.1.
22. Карцов Ю.С. За кулисами дипломатии.//Русская старина.1908.Т.133.С.91.
23. АВПРИ.Ф.161.И-1.Оп.781.Д.144.Л.26.
24. ГАРФ.Ф.730.Оп.1.Д.4489.Л.86.Письмо от 12 сентября 1867 г.
25. Теплов В. Статья в газ. "Свет"//Славянские известия.1908.№4-5.С.143.

ТАЙНАЯ МИССИЯ Н.Н.РАЕВСКОГО НА БАЛКАНАХ В 1867 г.

Говоря о специфике предлагаемого материала, следует прежде всего объяснить с выбором темы. Как видно из названия статьи, речь в ней пойдет о человеке, который более известен своим участием в русском добровольческом движении времен первой Сербо-турецкой войны и героической смертью в бою с турками под Горним Адровцем 20 августа 1876 г. Кроме того, с ним связана и широко распространенная в Сербии мысль, будто именно он, Николай Раевский - внук легендарного бородинского героя, послужил Льву Толстому прототипом для написания образа Вронского в знаменитом романе "Анна Каренина". В литературе имеются даже намеки на то, что личная драма, схожая с той, какую пережили персонажи Толстого, и толкнула его на Балканы¹. Считая сам вопрос о прототипичности окончательно научно подтвержденным², мы, однако, не разделяем этой романтической версии появления Раевского в Сербии. По нашему убеждению, его участие в Сербо-турецкой войне было отнюдь не следствием всплеска эмоций, но действием глубоко осознанным и продуманным, органично вытекавшим из мировоззрения. Дальнейшее изложение, касающееся дней молодости "графа Вронского", и призвано подтвердить данный тезис.

* * *

Начнем с того, что приезд полковника Раевского на Балканы в 1876 г. не был его первой поездкой сюда. Впервые он посетил регион традиционного славяно-турецкого противостояния девятью годами ранее, причем с секретной миссией. В ходе ее молодой гвардейский штаб-ротмистр разработал "Проект организации восстания на Балканском полуострове", о котором, кроме названия, науке почти ничего неизвестно³.

Напомним, что 1867 г. в европейской Турции - это время складывания Балканского союза, готовившего под руководством сербского князя Михаила Обреновича и его первого министра Илии Гарашанина общевалканское восстание против турок. Особый интерес к данной акции проявляли русские славянофилы. Лидер Московского славянского комитета И.С.Аксаков находился в связи с организацией И.Гарашанина и был в курсе всех приготовлений. Весной 1867 г. он отправил Н.Н.Раевского, которого хорошо знал еще с начала 60-х годов, "в разведку" на место предполагаемых событий. В апреле тот прибыл в Бухарест, где вступил в контакт с болгарской "Добродетельной дружиной", ставившей целью освобождение своей страны от турецкого ига. Все эти действия известны историкам⁴. Им неве-

домо другое, а именно: что поездка его во многом была шагом вынужденным, точнее вторичным, поскольку вначале планировалось совсем не это одиночное путешествие, а нечто иное. Но что же?

Предполагалась куда более масштабная акция, душой которой были Раевский и будущий сербский главнокомандующий генерал-майор М.Г.Черняев. Дело в том, что еще 3 февраля 1867 г. Раевский подал на имя директора Азиатского Департамента МИД России П.Н. Стремоухова записку “О необходимости посылки русских офицеров в Турцию для помощи славянам в борьбе против турок”⁵.

“В виду постоянно усиливающегося волнения на Балканском полуострове, - читаем в ней, - всякому становится ясным, что с наступлением весны там должно вспыхнуть всеобщее восстание христиан против мусульманских властителей”, которое “уже не ограничится испрошением каких-нибудь прав”, но “будет иметь целью совершенное освобождение христианских племен от турецкого ига”. “Для России, - полагал автор, - такое разрешение Восточного вопроса было бы как нельзя желательно не только с точки зрения человеколюбия, но и с точки зрения ее собственных интересов”. И далее он предлагал “меру, которая, будучи принята нашим правительством, должна обнаружить весьма важное влияние на успешный ход восстания”.

Мера эта, как видно из названия документа, - “отправка в Сербию и другие славянские земли Турции нескольких десятков опытных офицеров всех родов оружия для обучения и начальствования сербскими войсками и ополчениями в предстоящую народную войну”. Что имелось в виду конкретно? “Избрать одного опытного и способного штаб-офицера или генерала, пользующегося общим доверием, и поручить ему ведение всего этого дела. Для этого он должен был бы выбрать из числа желающих нужное число офицеров и с ними отправиться в Турцию для принятия под свое начальство и заведывание теми войсками и милициями, которые будут поручены ему сербским правительством. Такой образ действия имел бы ту выгоду, что не все желающие, а только лучшие из них были бы допущены к отправлению в Турцию. И эта горсть отборных офицеров, соединенных под одним общим начальством, могла бы принести делу гораздо более пользы, чем целые сотни офицеров, брошенных в этот край и предоставленных там самим себе, без всякой связи и поддержки”.

В заключение Раевский предостерегал: “Ко всем этим мерам следует приступить немедленно, так как события не ждут и вполне может статься, что восстание в Сербии и соседних с нею областях вспыхнет уже в марте, тотчас после таяния снегов, в каком случае помощь наша могла бы прийти решительно поздно”. И еще резон: “Заблаговременное прибытие наших

офицеров в Сербию имело бы еще ту хорошую сторону, что дало бы им возможность ознакомиться сперва с положением края и заняться организацией самих войск, чего они никак не смогут сделать, если придут туда только к открытию военных действий”.

Данное предложение Раевского не было его личной инициативой - сербские власти, как официально, так и в частном порядке, не раз обращались в Петербург с просьбой о посылке специалистов для оценки военных возможностей Сербии⁶. Он лишь развил уже известные мысли, доведя их до логического конца, и трансформировал идею чистой инспекции в проект максимально эффективного и действенного использования целой группы боевых офицеров. И при этом он максимально корректен политически, стремясь никак не навредить высшим интересам России: “Такая мера могла бы быть принята нашим правительством без явного нарушения миролюбивых отношений, в которых оно находится теперь к турецкому правительству. Для этого достаточно было бы разрешить желающим брать отпуск за границу (в крайнем случае брать отставку), с тем однако, чтобы время отсутствия их было зачтено им за службу и чтобы они не лишились чрез это прав и преимуществ, присвоенных им во время нахождения их на военной службе”.

Перед нами - не что иное, как фактический набросок того порядка, что ляжет в основу русского добровольческого движения девять лет спустя, в 1876 г. Но тогда, увы, подкачает исполнение.

Пока же с запиской Раевского знакомятся весьма влиятельные круги - ее копии мы находим в бумагах военного министерства и личном фонде тогдашнего посла России в Константинополе графа Н.П.Игнатьева. Последнее отнюдь не случайно. В написанных уже на склоне лет воспоминаниях военный министр Д.А.Милютин отмечал, что тот “оказывал явное покровительство вожакам славянского движения. Он давал советы сербскому правительству и даже поручил нашему военному агенту в Константинополе полковнику Франкини проектировать для сербов целый план кампании”⁷. Раевский, как видим, искал и находил единомышленников.

А тем временем, в рамках разработанного плана, был сделан следующий шаг. 7 марта получивший за взятие Ташкента генеральские эполеты М.Г.Черняев обратился с письмом к сербскому князю Михаилу Обреновичу. “Воодушевленный желанием посвятить себя великому делу, - писал он, - которого Вы являетесь представителем и защитником, смею надеяться, что Вы не откажетесь от предложения моих услуг, и прошу Вашу Светлость располагать мною и моей готовностью явиться в Сербию немедленно, как в мирное, так и в военное время”⁸. Монарх согласился и, благодаря генерала за предложение, просил его взять отпуск и приехать в Белград.

Свое ответное письмо он послал через русское посольство в Константинополе, причем Игнатъев сопровождал его особой запиской⁹.

Но не тут-то было. По получении в Петербурге послание князя было вскрыто, а его содержание немедленно доложено Д.А.Милютину - давнему антагонисту Черняева. Последовала бурная сцена, и в результате Дмитрий Алексеевич и Михаил Григорьевич окончательно рассорились: один назвал другого изменником, другой в ответ на это подал в отставку¹⁰. Чего было больше в поступке министра - принципиальности или личной ненависти, сказать трудно, тем более, что Александр II отнесся к замыслу Черняева в общем-то снисходительно.

Как бы там ни было, план Раевского - Черняева в его широкой версии сорвался, на что отставной уже генерал заметил: "Больно видеть, как упущено золотое время, почти ничем не вознаградимое"¹¹. В русской политике победила узкая опция - в ответ на просьбу сербов к ним была послана специальная миссия во главе с полковником Генерального Штаба Леером для экспертизы военного положения страны и конкретной помощи на месте¹². В этих условиях Раевский и выехал на Балканы, в качестве частного лица. Он хотел все увидеть лично, так сказать, "ознакомиться с положением края". Аксаков передал ему свои связи. Начиналось то самое одиночное путешествие...

Мы особо подчеркиваем здесь *неофициальный* характер миссии Раевского, поскольку в сербской литературе настойчиво утверждается, что в Белград его (причем единственного!) отправил лично Д.А.Милютин и чуть ли не по приказу самого Александра II¹³.

Всю надуманность этой версии, порожденную крайне слабым знакомством с русскими архивными источниками, подтверждают воспоминания Милютина. Описывая посылку официальной военной миссии, в состав которой - помимо генштабиста Леера - вошли инженерный полковник Постельников и капитан артиллерии Снесарев, он заметил: "Независимо от того, просились отправиться в Сербию некоторые офицеры, под видом отпуска: гвардейского гусарского полка - Раевский, Преображенского - поручик Кесьяков и другие..."¹⁴. В конечном счете, разрешение посетить Балканы гусарский штаб-ротмистр получил, однако очевидно, что только "под видом отпуска" - никаких поручений от министра ему дано не было. С дороги Раевский отправил письмо Милютину (что могло бы, навстречу, свидетельствовать об их "особых" отношениях - а именно так трактуется послание автор приведенной версии, знакомый с ним не по тексту, но лишь по беглому упоминанию в монографии С.А.Никитина¹⁵), в котором витиевато извинялся за явное нарушение воинской субординации: "Смею надеяться, что цель, которую я имел в виду, сообщая Вашему Высокопре-

восходителю эти сведения, извинит меня в глазах Вашего Высокопревосходительства за ту смелость, которую я беру писать Вам, не будучи на то уполномочен Вашим Высокопревосходительством...¹⁶ . Но вернемся к самой поездке.

* * *

Посетив весной 1867 г. Бухарест и Константинополь и установив нужные контакты, посланец Славянского комитета подготовил “Проект организации восстания на Балканском полуострове”. Датированный 20-м апреля, документ предназначался “для подачи генералу Игнатьеву”¹⁷ . Копия же была послана Черняеву, в архивном фонде которого хранится и поныне¹⁸ . Ознакомление с ее текстом показало, что разработанный Раевским план был в высшей степени оригинален.

Из его преамбулы следовало, что в первую очередь антитурецкому возмущению подлежала Болгария, движение в которой стало бы началом общебалканской акции. При этом, учитывая разделенность страны на низменную часть и горы, организовывать борьбу предстояло двояким образом: “В горной части должно быть теперь же положено основание партизанским действиям, которые, начавшись сперва в форме гайдучества, должны мало помалу возрасти до самых обширных размеров. В долинах, до поры до времени, должно избегать всяких столкновений с турками, так как борьба с ними в открытой местности невозможна до тех пор, пока сербские войска не вступят в пределы Болгарии”. Это, так сказать, общая диспозиция. Для успешного же “устройства восстания” в горах документ предусматривал целый ряд мер. Всего их было пять.

В качестве главной задачи он определял формирование “партизанских отрядов” и набор волонтеров “из горной и низменной части Болгарии, из Сербии, Черногории и других славянских стран”, а также доставку оружия, как сухим путем - из Молдавии, Валахии и Сербии, так и морем - через Варну и Бургас, где с этой целью следовало держать специальных агентов.

Далее предполагалось одновременное начало и единство партизанских действий, для чего “весь хребет на пространстве от Черного моря и до границ Сербии, должен быть разделен на несколько частей, из которых каждая должна быть поручена одному опытному офицеру из числа болгар, сербов или русских”. В их тесном общении друг с другом и взаимной координации планов автор “Проекта” видел неперемное условие синхронности акции. В случае же недостатка офицеров следовало разделить всю цепь Балкан на семь более крупных округов: от Сливенского и Габровского - на востоке, до Пиротского и Нишского - на западе.

Верховное военное руководство операциями повстанцев планирова-

лось возложить на “более опытного и сведущего офицера” - через него “должны производиться все сношения действующих в горах отрядов с городскими комитетами, которые будут снабжать их оружием и припасами”. Кроме того, “на обязанности этого начальника будет лежать сговориться с сербами на счет предстоящего образа действий и поддерживать постоянное соглашение с ними для успеха общего дела”.

Для того же, чтобы “с самого начала придать восстанию несколько точек опоры, которые бы облегчили формирование партизанских отрядов и их первоначальные действия”, эmissар Аксакова полагал необходимым “отправить на Балканы несколько сотен черногорцев (прирожденных воинов, имевших большой опыт повстанческой борьбы с турками. - А.Ш.), распределив их малыми партиями на всем протяжении от Черного моря и до границ Сербии”. Эти небольшие группы, утверждал он, “принесли бы ту пользу, что образовали бы собою ряд маленьких центров”, вокруг которых “не замедлили бы собраться толпы болгарских волонтеров”.

И, наконец, последний пункт проекта, касающийся “способа ведения войны”. Он явно заслуживает того, чтобы привести его полностью. Итак, “самый способ ведения войны должен состоять вначале только в том, чтобы нападать на турецкие пикеты и небольшие отряды, перехватывать почты, транспорты с оружием и припасами и вообще наносить всевозможный вред Турецкому правительству. В то же самое время должно воздерживаться от нападения на турецкие деревни и от всяких враждебных действий против турецкого населения, стараясь напротив сблизиться с ним и повторяя при всяком удобном случае, что настоящая война отнюдь не есть война религиозная, а что цель ее избавиться от притеснений чиновников, которые своими беспрестанными поборами разоряют как христианское, так и мусульманское население и довели наконец край до совершенного истощения”.

Как видим, наряду с предложением целой системы продуманных и по-военному четких мер по организации и тактике восстания (какое под пером автора “Проекта” приобретало некий общеславянский оттенок - болгары, сербы, черногорцы, русские), он не забывал и о его идеологическом обеспечении, стремясь заручиться, если не поддержкой, то хотя бы нейтралитетом турецкого населения. Весьма редкая в ту пору и всегда похвальная политическая дальновидность...

Закончив работу над “Проектом организации восстания”, Н.Н.Раевский 26 апреля отбыл из Константинополя. Весь май и начало июня он провёл в Сербии и Боснии. Поездка по западным Балканам носила инспекционный характер и, судя по всему, была одобрена на самом высоком уровне - в государственном архиве в Белграде сохранились четыре письма рус-

ского офицера сербскому военному министру Миливое Петровичу-Блазнавцу. Они опубликованы¹⁹. О чем же шла речь в тех письмах?

Во-первых, объезжая места дислокации воинских частей и наблюдая за их учениями, гость делился с министром своими впечатлениями от увиденного. Но не только. Отгалкиваясь от них, он разработал детальный план реформирования сербской кавалерии (на основе использования русского опыта) с целью поднятия ее боевых качеств. И, наконец, “имея в виду, что Босния в очень скором времени станет театром военных действий между Сербией и Турцией”, Раевский предоставил Блазнавцу информацию о наличии и состоянии дорог за Дриной. Мало того, он даже составил целый список путей сообщения с сербской стороны, которые следовало срочно реконструировать для беспрепятственной переброски войск на боснийскую границу и далее, когда наступит “время Ч”.

Такой подход к делу, проявленный Раевским в переписке с военным министром Княжества, свидетельствовал о его несомненном стратегическом мышлении, а также компетентности, понимаемой как отсутствие иллюзий, свойственных большинству славянофилов, и признание необходимости всесторонней подготовки каждого серьезного шага. Неслучайно, ознакомившись с реальным положением дел в сербской кавалерии, он высказал весьма трезвое суждение относительно сроков завершения ее возможной перестройки: “Если упорно работать осень и зиму, при полной самоотдаче офицеров и солдат, то к будущей весне появится хороший полк регулярной конницы, полностью готовый сразиться с неприятелем”. В этих своих выводах Раевский по существу предвосхитил весьма схожие заключения официальной военной миссии о состоянии сербской армии в целом...

И не его вина, что практические наработки остались без применения - в ноябре 1867 г., несмотря на протесты из Петербурга, главный “архитектор” Балканского союза Илия Гарашанин был уволен в отставку, что означало усиление в Сербии австрийского влияния. В стране начался внутренний кризис, разрешившийся в конце концов 29 мая 1868 г. убийством князя Михаила Обреновича в Топчидерском парке под Белградом. Планы анти-турецкого выступления были сданы в архив. На время.

Как бы там ни было, С.А.Никитин в своей классической работе назвал балканские деяния Н.Н.Раевского и стоявшего за ним И.С.Аксакова “самыми крупными актами политической деятельности комитетов (Славянских. - А.Ш.), за исключением съездов 1867-1868 гг.”²⁰. И это при том, что ученый даже не подозревал о поездке офицера в Сербию и Боснию, бегло оценив один только болгарский эпизод.

* * *

Приведенные факты, думается, более чем наглядно подтверждают ту глубокую мотивированность и осознанность выбора, сделанного Раевским девять лет спустя, в 1876 г., когда в отношениях между Сербией и Турцией все-таки наступило “время Ч”. Никакой иной реакции, кроме решения тут же отправиться на место событий, ожидать от него не приходилось... 2 сентября 2001 г. исполнилось 125 лет со дня героической гибели русского офицера под Горним Адравцем. Напомнить об этом - цель настоящей статьи.

Примечания:

¹ См., например: *Опачић П., Скоко С.* Српско-турски ратови. 1876-1878. Београд, 1981. С.114-115; *Ђокић Н.* Нови подаци о Рајевском // Победа. Крушевац. 31 март 2000. Бр.2420. С.17; *Поточан Б.* Вронски. Част и љубав. Београд, 2002. С.41; *Петров А.* Добровольцы // Родина. 1998. № 5-6. С.105.

² Данный вопрос подробно исследован нами в брошюре “Смерть графа Вронского”. М., 2002. С.14-52.

³ Этот “Проект” Н.Н.Раевского крайне бегло упомянут в работах: *Никитин С.А.* Славянские комитеты в России в 1858-1876 годах. М., 1960. С.153; *Моисеева Г.Н.* Образ Вронского в романе Л.Н.Толстого “Анна Каренина” (О литературном прототипе) // Классическое наследие и современность. Л., 1981. С.198; *Сафронов В.И.* Н.Раевский как прототип графа Вронского - героя романа Л.Н.Толстого “Анна Каренина” // Од Делиграда до Делиграда. 1806-1876. Београд, 1997. С.252; *Поточан Б.* Пуковник Рајевски о Србији // Даница. Београд, 1998. С.187; *Он же.* Вронски. Част и љубав... С.17, 29. Очевидно, что единственным источником при упоминании о “Проекте” в позднейшей литературе была работа С.А.Никитина.

⁴ См.: *Никитин С.А.* Славянские комитеты в России... С.152-153.

⁵ Российский Государственный Военно-исторический Архив (далее - РГВИА). Ф.349. Оп.1. Д.13. Л.113-116 об. (копия); Государственный Архив Российской Федерации. Ф.730. Оп.1. Д.957. Л.1-4 (копия).

⁶ Дата появления документа отнюдь не случайна. Черняев предполагал incognito выехать в Сербию уже в конце января 1867 г. (Отдел рукописей Российской Государственной Библиотеки (далее - ОР РГБ). Ф.169 (Д.А.-Милютин). Карт.16. Ед.1. Воспоминания. Кн.XVII (1867 г.)).

⁷ *Јакшић Г., Вучковић В.* Спољна политика Србије за владе кнеза Михаила. Први Балкански савез. Београд, 1963. С.305.

⁸ Отдел рукописей Российской Государственной Библиотеки (далее - ОР РГБ). Ф.169 (Д.А.Милютин). Карт.16. Ед.1. Воспоминания. Кн.XVII (1867 г.).

⁹ Письма властителей Сербии к М.Г.Черняеву (предисловие А.М.Черняевой) // Русский архив. 1914. № 1. С.35.

⁹ РГВИА. Ф.349. Оп.1. Д.11. Л.17.

¹⁰ Письма властителей Сербии к М.Г.Черняеву... С.29.

¹¹ Два письма М.Г.Черняева, 1867 года // Шукинский сборник. М., 1912. Вып.10. С.242.

¹² *Овсяный Н.Р.* Сербско-турецкая война 1876 г. // *Овсяный Н.Р.* Ближний Восток и славянство. СПб., 1913. С.143; *Никитин С.А.* Дипломатические отношения России с южными славянами в 60-х годах XIX века // Славянский сборник. М., 1947. С.285-288; *Карасев В.Г.* Илия Гарашанин и Балканский союз 60-х гг. XIX в. в контексте русско-сербских отношений // Илия Гарашанин (1812-1874). Сборник радова. Београд, 1987. С.257-258.

¹³ *Поточан Б.* Вронски. Част и љубав... С.15-17.

¹⁴ ОР РГБ. Ф.169 (Д.А.Милютин). Карт.16. Ед.1. Воспоминания. Кн.XVII (1867 г.).

¹⁵ Ср.: *Никитин С.А.* Славянские комитеты в России... С.152, *Поточан Б.* Вронски. Част и љубав... С.29.

¹⁶ ОР РГБ. Ф.169 (Д.А.Милютин). Карт.36. Ед.61. Л.1.

* В качестве “контраста” приведем обращение к Милютину капитана Н.А.Снесарева – члена официальной миссии: “Пользуясь позволением Вашим писать Вам, я буду писать по мере возможности...” (ОР РГБ. Ф.169 (Д.А.Милютин). Карт.36. Ед.63. Л.2 об.).

¹⁷ Архив Раевских. Т.V. Пг., 1915. С.483.

¹⁸ Отдел письменных источников Государственного Исторического Музея. Ф.208. Оп.1. Д.17. Л.1-4.

* В своем первом письме сербскому министру из Чачка от 15 мая Раевский приоткрывает характер и обстоятельства своего путешествия: “Прежде всего позвольте выразить Вам глубокую благодарность за все, что Вы сделали для облегчения моей поездки по Сербии. Столь сердечные встречи, которых я был удостоен на протяжении всего пути от Шабца до Ужице, причем как со стороны властей и офицеров, так и населения, превзошли все мои ожидания. Я знаю, что обязан этим исключительно Вашей любезности” (*Митровић В.* Николај Рајевски о реорганизацији српске војске // Војно-историјски гласник. 1997. Бр.2-3. С.243). Тогда же наш путешественник сообщил Блазнавцу о письме, которое получил от него (там же).

¹⁹ За последние пять лет они публиковались в полном объеме четыре (!) раза. См.: *Митровић В.* Николај Рајевски о реорганизацији српске војске // Војно-историјски гласник. 1997. Бр.2-3. С.241-250. Тот же материал напечатан и в сборнике: Од Делиграда до Делиграда... С.349-360. Год спустя переписку Н.Н.Раевского с Блазнавцем опубликовал Б.Поточан (*Поточан Б.* Пуковник Рајевски о Србији... С.185-201). И он же, еще через четыре года: *Поточан Б.* Вронски. Част и љубав... С.18-28.

²⁰ *Никитин С.А.* Славянские комитеты в России... С.154.

СЕРБСКИЙ ПОСЛАННИК ПРИ РУССКОМ ДВОРЕ (1886-1887 г.г.)

Сербский посланник Сава Груич (1840-1913гг.) прибыл в Россию в очень сложное для Сербии время. Она проиграла войну, которую сама же и начала. Война эта с болгарским княжеством не прибавила популярности и до того встречающему холодный прием в России, не жалуемому и в собственной стране сербскому королю Милану Обреновичу.

Королю исполнился 31 год, но он уже обладал солидным опытом государственного управления. Наследником сербского престола он стал в 14 лет, в 1868 году после трагической смерти двоюродного дяди князя Михаила. До его совершеннолетия страной управлял регентский совет, а в 1872 г. восемнадцатилетний Милан стал полноправным правителем Сербии. В 1876 году вассальное княжество Сербия объявило войну своему сюзерену Османской империи. Союзником Сербии была лишь крошечная Черногория и после четырех месяцев неравной борьбы Сербия оказалась перед угрозой тотального разгрома и оккупации. Вступилась Россия, и Сербия была спасена. В декабре 1877 года Сербия вновь вступила в войну с Турцией, на сей раз в союзе с успешно продвигающейся к Константинополю русской армией. Берлинский конгресс 1878 года принес Сербии полную и окончательную независимость, страна вошла в европейскую международную систему на равных правах. Но результаты конгресса вызвали обиду и разочарование в Сербии. Она получила значительно меньше того на что рассчитывала в плане территориального приращения, а главное не получила выхода к морю. Обиду вызывало особое покровительственное отношение России к соседней Болгарии. Княжество Болгария, правда, получило в отличие от Сербии лишь автономию, а значительная часть болгарских земель осталась в составе Турции, но Россия определенно стремилась к его укреплению. Осенью 1885 г. болгарский князь Александр Баттенбергский объявил о воссоединении княжества с болгарской провинцией в составе Турции - Восточной Румелией. Воспользовавшись сложной ситуацией на Балканах, сербский король начал войну против Болгарии. Сербо-болгарская война была короткой и принесла победу болгарской армии. События эти в Европе широко комментировались и не без злорадства - вот, мол, вам освобожденные братья-славяне, сразу же между собой дерутся. Для Сербии при заключении мира и урегулировании конфликта важнейшей была позиция России. Именно поэтому в Петербург следовало отправить человека, который обладал бы и дипломатическим опытом и был бы благожелательно принят при русском дворе.

Лучшей кандидатуры, чем генерал Сава Груич трудно было и пожелать. Этот человек был известен и уважаем в России. Савву Дмитриевича Груича, как называли его в России, хорошо знали в Петербурге. Он закончил в 1868 году престижное высшее военное учебное заведение - Михайловскую артиллерийскую академию. Сюда принимали только потомственных дворян, учились в академии и великие князья. Артиллерия - была привилегированным родом войск, но получить такую специальность было нелегко. Обучение было сложным, требовало хорошей предварительной подготовки и усидчивости. Сава Груич не только закончил академию с отличием, но и был оставлен для службы при Артиллерийском арсенале в Петербурге¹. И только спустя почти два года после окончания академии вернулся в Сербию.

Современники говорят о нем как о спокойном, уравновешенном талантливом и трудолюбивом человеке. Он носил очки, и на портретах скорее напоминает интеллигента-разночинца, чем бравого вояку. Его так и характеризует известный русский писатель и общественный деятель И.С. Аксаков: "У сербов из интеллигенции один порядочный человек теперь - это начальник артиллерии Груич, и это потому только, что он воспитан не в Вене, и не в Париже, а в России. Тут есть единство идеалов и возможность взаимного понимания"². Способный офицер, Груич получил самые лестные характеристики от своих русских учителей, а затем и от своих русских боевых товарищей. Он был начальником артиллерии Тимоко-Моравской армии, которой командовал русский генерал М.Г. Черняев в сербо-турецкой войне в 1876 г. Участвовал в боях при Заечаре, Шуматоваце, Алексинаце, Бобовиште и Джунисе вместе с русскими добровольцами. Во время второй сербо-турецкой войны (1877-78 гг.) он занимал пост военного министра Сербии. Его знания, опыт, выдержанность и армейский талант высоко ценили в Сербии. Но вот после войны постарались отстранить от руководства армией и вообще удалить из страны. Король Милан, да и многие сербские политики побаивались авторитета Савы Груича. И дело здесь не только во всегдашнем страхе перед возможностью военного переворота, когда есть сильный и любимый в армии военачальник. Сава Груич имел помимо репутации блестящего военного, успешно делающего карьеру, еще и характеристику "красного".

Да, этот полковник, а с 1887 г. генерал, был в молодости близок к революционному и социалистическому движению. Курсант военной школы в Берлине Сава Груич в 1863 году оставил учебу, чтобы принять участие в польском восстании. А в декабре 1873 года артиллерийский капитан 1-го класса Сава Груич был уволен в запас в связи с участием в издании сербской социалистической газеты "Явност", редактор которой Светозар

Маркович был осужден на десять месяцев тюрьмы. Правда, через год Груич вернулся в армию и занял ответственный пост начальника Крагуевацких артиллерийских мастерских, но и здесь был замешан в антиправительственных выступлениях. Груич был под следствием по делу о первой демонстрации под красным флагом, которая прошла на территории вверенных ему артиллерийских мастерских в г. Крагуеваце в феврале 1876 г. Он был другом расстрелянного в 1877 г. за организацию восстания в войсках полковника Еврема Марковича, брата Светозара Марковича. В это время Сава Груич был уже военным министром Сербии, но ни его вмешательство, ни даже личная просьба русского императора Александра II не спасла Георгиевского кавалера Еврема Марковича от смертной казни. Это событие было ярким проявлением усилившегося авторитаризма сербского князя (с 1882 г. ставшего королем) Милана, решительно боровшегося с оппозицией. Сава Груич не мог не вызывать опасений короля. Прошлого его было хорошо известно, свои политические взгляды он никогда не скрывал, а теперь ко всему прочему прибавилась еще и широкая популярность его имени в Сербии. С ним была связана не только победная компания против Турции в 1877-78 гг., но также реорганизация и модернизация сербской армии. Когда военачальник любим в армии, популярен в стране и находится в оппозиции к режиму, это уже угроза стабильности режима.

Груич на сей раз был устранен с политической арены Сербии дипломатично как в переносном, так и в прямом смысле слова. Кадровый военный стал дипломатом, он был назначен в 1879 году генеральным консулом в Софию, а в ноябре 1882 года в ранге чрезвычайного и полномочного посланника переведен в Афины.

В 1881 г. соратники Светозара Марковича создали сильную и многочисленную партию, оппозиционную правящей власти - Радикальную партию. Сава Груич был ее активным членом. В 1883 г. партия была запрещена, многие ее члены арестованы, а лидер Никола Пашич эмигрировал. Груич же продолжал нести свою дипломатическую службу. Болгария и Греция были для Сербии не только соседними государствами, но и важнейшими стратегическими союзниками по окончательному выдавливанию Турции с Балканского полуострова. Трудная проблема будущего передела территорий, и, прежде всего Македонии, во многом влияла на эти отношения.

Непростой была дипломатическая миссия Груича на Балканах, но еще более сложной должна была она стать в России, куда он был назначен посланником в декабре 1885 г. Тяжело было ему на дипломатическом посту в Греции слышать о результатах сокрушительного поражения сербской армии, становлению которой он отдал столько сил. Назначение в Рос-

сию он принял, как и положено военному человеку беспрекословно. Его стратегической задачей в Петербурге была нормализация русско-сербских отношений, серьезно ухудшившихся за последние пять лет. Главной же оперативной задачей для Груича было добиться помощи России в деле урегулирования сербо-болгарского конфликта.

Холодным январским днем 1886 года прибыл он в столицу Российской империи, в которой провел пять лет своей молодости. За 16 лет, прошедших со времени отъезда из России он успел отвыкнуть от ее сурового климата. Здесь, в Петербурге у него было немало знакомых и друзей, знали его и при дворе. Груич вел в Петербурге дневник³, который позволяет нам представить себе не только его деятельность по урегулированию русско-сербских отношений, но и увидеть Петербург и русский двор глазами сербского дипломата. Груич внимательный наблюдатель, он дает характеристики и членам императорской семьи, и правительственным чиновникам, но главное внимание естественно уделяет отношению официальной России к сербским проблемам. Сербский посланник в своих заметках анализирует и балканскую политику России в целом. Комментируя основные направления русской внешней политики, он отмечает, что Н. К. Гирс и его помощники больше беспокоятся о европейской, чем о собственной политике. Они думают, пишет он, что они трудятся во имя Европы, которой эта бесплатная услуга очень по душе, особенно это радует Австрию.

Дневник этот скуповат на эмоции, он носит скорее деловой характер, тем интереснее внезапные прорывы искреннего чувства обиды или радости, которые мы здесь встречаем. Никогда эта обида не несет личного характера. Человек дела, Груич реагирует только на нанесение ущерба престижу его страны, непризнание ее полноправным субъектом международного права. Ведь теперь Россия, которая на протяжении трех четвертей века оказывала Сербии покровительство, способствовала восстановлению ее государственности, находилась в иных отношениях с Сербией. С 1878 г. это уже отношения двух полноправных европейских государств. Перемена эта нелегко давалась русской дипломатии и правительству. Все хотелось по-прежнему поучать, наставлять, журить за ошибки прежнего протеже. А Сербия ведет уже самостоятельную политику, в том числе и внешнюю. России приходилось привыкать к новому ходу официальных и дипломатических отношений и для начала полностью менять атрибутику, формальную сторону этих отношений. Теперь надо было переходить от политики советов и консультаций, завуалированных встреч и переговоров через третьих лиц (использовались деятели славянских комитетов и отставные генералы, якобы едущие в Палестину через Сербию) к новой фазе межгосу-

дарственных отношений - обмен посланниками, официальным визитам, двусторонним и многосторонним отношениям. Готова ли была русская государственная машина так быстро перестроиться? Похоже, процесс признания нового независимого статуса Сербии, как державы способной вести самостоятельную политику, шел нелегко.

Это до определенной степени тяготит и сербского посланника. После бала и приема в Зимнем дворце в феврале 1886 г. Сава Груич с горечью записывает в дневнике, что церемониймейстер сначала разделил всех присутствующих дипломатов на две группы: тех, кто имел право сегодня беседовать с русским императором, и тех, кому это по рангу не положено, которых грубо оттеснили в сторону. Среди этих, по выражению Груича, "посланников второго сорта" оказался и он сам. "Здесь я, еще раз почувствовал унижение, нанесенное представителю свободной и независимой страны только потому, что у этой страны нет стольких штыков, как у великих держав. Теория о равноправии независимых суверенных народов вовсе не относится и не применяется по отношению к их представителям"⁴. И это пишет человек с устойчивой и небезосновательной репутацией "руссофила". Особое негодование Груича вызвало то, что он не был приглашен на открытие 12 октября 1886 г. в Петербурге Памятника Славы в честь войны 1877/78 гг. Обращаясь к министру иностранных дел России Н.К. Гирсу, Груич заметил, что он мог бы рассчитывать на приглашение и как офицер, и как военный министр союзного России во время той войны государства⁵.

Дневник Груича отражает и общую тенденцию в межгосударственных отношениях Сербии к России в то время. Это выглядит приблизительно так: надежда на русскую поддержку и опору в международных делах Сербии, в ее территориальных спорах и пограничных конфликтах и одновременно нежелание какого бы то ни было вмешательства России во внутренние сербские дела. Вполне логичная схема для позиции небольшого государства в отношении великой державы. Груич довольно часто выражает недовольство недостаточной инициативой России в защите сербских интересов во время Бухарестских переговоров по сербо-болгарскому урегулированию. Он также жалуется Гирсу на издателей русских газет Каткова, Суворина, Комарова, упрекая их в неверном освещении славянской проблемы. Он считает, что тон этих газет агрессивен по отношению к государственной самостоятельности славян. По мнению Груича, ими развернута широкая кампания по пропаганде идеи русского контроля над славянскими народами. Все это, считает Груич, вызывает страх и недоверие к русской политике у балканских народов⁶. Парадоксально, пишет Груич, но в качестве реакции на эти публикации, в защиту национальной само-

стоятельности славян выступает западноевропейская пресса, в том числе и австрийская.

Еще более его раздражают негативная реакция русской прессы по поводу возможной балканской федерации, объединяющей Сербию, Черногорию и Болгарию. Гирс по этому поводу заявляет Груичу, что сама идея балканской федерации не находит противодействия в русских правительственных кругах, тем более, что она не нова, но может быть одобрена лишь при условии, что она не направлена против России⁷.

Любопытны и характеристики, которые дает сербский дипломат царской семье, государственным деятелям. Беседа с Александром III произвела на него чрезвычайно благоприятное впечатление. Ему очень понравился русский царь, который являл собой, по мнению Груича, "тип простого русского человека". В откровенной беседе русский император выразил сожаление, что "Сербия с некоторых пор чуждается России, и дружеские советы России в Белграде больше не слушают". На что Груич дипломатично ответил, что "традиционные симпатии сербского народа к России остались неизменными, и сербы не могут забыть все то добро, которое сделала для них Россия". Царь на это возразил, что народ-то сербский хорошо расположен к России, да вот политика короля Милана направлена против России и вредит самой Сербии. Александр III не скрыл от сербского посланника своего негативного отношения к королю Милану и к болгарскому князю Александру⁸. Когда Груич рассказал об этом русскому министру иностранных дел, тот заметил, смеясь, что и сразу видно, что император совсем не дипломат. Следует заметить, что неприязнь к Милану царь сохранил до конца своей жизни, именуя его не иначе как скотом, подлецом и мерзавцем⁹.

Груич успешно справился со своим заданием, ему удалось добиться благоприятной позиции России в деле сербо-болгарского урегулирования. Он и сам неоднократно подчеркивает, что не видит оснований для розни двух братских народов. Он пользовался доверием в русском министерстве иностранных дел и был даже посвящен в обстоятельства выбора очередного кандидата на болгарский престол. Деятельность Груича в Петербурге способствовала и нормализации русско-сербских межгосударственных отношений. Все же Груич свою дипломатическую службу считал временной. Он стремился к государственной работе в Сербии. Пост военного министра вполне отвечал его желаниям.

В энциклопедическом словаре Брокгауза в 1903 г. Груич характеризуется как "радикал, но весьма умеренный и притом дельный и образованный офицер". В дневнике Груич и сам признается в своем весьма умеренном радикализме. Король Милан вызвал его в апреле 1886 г. в Белград и

спросил: “Как обстоит дело с твоим радикализмом?” На что Груич ответил, что, во-первых, как военный не принадлежит ни к одной партии, а во-вторых, не видит счастья для страны в той партийной системе, которая сложилась в Сербии. Он заявил, что в Радикальной партии видит два элемента - один умеренный, который он считает близким к либеральной партии и носителем истинного либерализма, а второй крайний и бескомпромиссный. “Я сочувствую первому элементу в радикальной партии”, - объявил Груич¹⁰. Но, несмотря на эти заверения, король все же еще больше года не решался ввести Груича в правительство, опасаясь его популярности и выставляя его по мере надобности перед политическими противниками то радикалом, то социалистом. Но ситуация в стране требовала решительных перестановок и 1 июня 1887 Груич был назначен военным министром Сербии, а в декабре 1887 г. возглавил первый радикальный кабинет. За время его премьерства 1887-1891 гг. была принята новая конституция и произошли серьезные преобразования в политической структуре страны. Дальнейшая политическая карьера Груича была насыщенной. Он пять раз возглавлял правительство, был военным министром и министром иностранных дел, был посланником в Константинополе и вновь в Петербурге. В аналитической справке русского министерства иностранных дел начала XX века он характеризуется, как “один из наиболее выдающихся сербских государственных деятелей, искренний русофил и сторонник сербо-болгарского сближения, над которым много поработал”.

Человек, исповедующий в молодости социалистические идеалы, страстный патриот, кадровый военный, блестящий специалист в артиллерийском деле, военный историк, автор трудов по теории и практике военного дела, преподаватель Военной академии, дипломат и государственный деятель - все это Сава Груич. Умер он в канун Первой мировой войны. В этой войне Сербия воевала в союзе с Россией, Францией и Англией, Болгария воевала на стороне Германии и Австро-Венгрии. Сербская армия, делу становления которой Груич отдал много сил, проявила себя здесь с самой лучшей стороны.

Примечания:

¹ РГВИА, ф.310, оп.1, т.2, е.х. 4708, лл.79-79 об.

² РГИА, ф.651, оп.1 е.х.854, л.11. - Письмо И.С. Аксакова к А.И. Васильчикову от 16 октября 1876 г. - Груич в свою очередь очень высоко ценил вклад И.С. Аксакова в дело освобождения южных славян. Он записал в своем дневнике 22 января 1886 г. в связи с кончиной Аксакова, что его труды должны читать и знать не только русские, но и сербы.

³ Оригинал этого дневника хранится в Архиве Сербии (СР Югославия,

г. Белград) в фонде Савы Груича, наряду с другими его бумагами. - АС, ф. Поклони и Откупи (ПО), кут.82. бр.191.

⁴ АС, ф. ПО, к.82, бр.191, лл.9-9 об.

⁵ Там же, лл.71 об.-72.

⁶ Там же, лл.60-61.

⁷ Там же, лл.67.

⁸ Там же, лл.5-6.

⁹ Ламздорф В.Н. Дневник 1894-1896. М.,1991.С 36-39.

¹⁰ АС, ф. ПО, к.82, бр.191, лл. 33 об.-34.

Е.П.Аксенова

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СЛАВЯНСКИХ КОМИТЕТОВ ВОЦЕНКЕ А.Н.ПЫПИНА

В многогранной исследовательской деятельности С.А.Никитина изучение истории и общественной роли славянских комитетов в России занимает особое место. Этой теме посвящена его монография, опубликованная в 1960 г.¹ В начале книги автор отмечал, что литература предмета «ничтожна», и из дореволюционных изданий он указывал лишь брошюру Н.А.-Попова об истории Московского славянского комитета². Это, безусловно, один из основных источников по теме. Но этой публикацией не исчерпывается историография славянских комитетов. В частности, в известной работе А.Н.Пыпина «Панславизм в прошлом и настоящем» (впервые изданной в 1878 г.)³ часть главы VI посвящена деятельности славянских комитетов в России и организации славянского съезда 1867 г. в Москве. С.А.Никитин называл это исследование в связи с характеристиками, которые Пыпин дал съезду и его итогам⁴ (на роли комитетов в подготовке и проведении съезда Пыпин не останавливался). При этом Никитин отмечал, что Пыпин черпал сведения из опубликованного источника -- протоколов съезда (Пыпин мог пользоваться материалами, опубликованными в издании Н.Попова⁵, а также публикациями в «Современной летописи», «Московских ведомостях», «Голосе», «Русском инвалиде» и др.). Однако Никитин почему-то даже не упомянул об оценке Пыпиным деятельности славянских комитетов за период с 1858 по 1878 г.

Взгляд Пыпина на славянские комитеты интересен тем, что, во-первых, он был современником и очевидцем событий, во-вторых, он не разделял славянофильских взглядов и потому мог со стороны и непредвзято

оценивать деятельность этих организаций. В то же время, не будучи близок к славянофильским кругам и не входя в число членов благотворительного общества, Пыпин не мог обладать всей полнотой информации о деятельности комитетов; он пользовался в основном теми сведениями, которые печатались в периодических изданиях (в основном протоколы заседаний и отчеты), к тому же он наверняка был знаком с брошюрой Н.А.Попова о Московском комитете⁶.

По мнению С.А.Никитина, традиция, «идушая от Н.Попова, изображает возникновение Московского славянского комитета, первого по времени образования», как инициативу московских славянофилов⁷. Сам Никитин, основываясь на документах, показал, что «мысль о необходимости образования специального общества для поддержки просвещения и помощи южным славянам» существовала одновременно и в Москве, и в высших кругах Петербурга⁸. Кроме того, напоминал Никитин, следует иметь в виду, что и во внешней политике России была славянская линия: русское правительство придавало большое значение народам Балканского полуострова и их возможному участию в Восточной войне 1853-1855 гг., рассчитывая на восстание подвластных Турции христиан⁹.

Так или иначе, Пыпин начинал изложение деятельности комитетов внешне в «традиции, идущей от Н.Попова». Мысль о славянском благотворительном обществе, писал Пыпин, родилась в Москве, т. е. он так же, как и Попов, отдавал в этом деле приоритет московским славянофилам, хотя тут же уточнял, что членами открытого в 1858 г. Московского комитета были не одни славянофилы, но и «люди других кругов»¹⁰ (Пыпин не называл их, но из исследования С.А.Никитина мы узнаем, что среди учредителей Московского комитета, наряду со славянофилами, были также С.М.Соловьев, М.Н.Катков, Ф.И.Буслаев, М.П.Погодин, Ф.И.Иноземцев и др.¹¹). Кроме того, объясняя побудительные мотивы создания общества, Пыпин подчеркивал, что намерение основать подобную организацию возникло после Крымской войны и Парижского мира, намекая на стремление определенных общественных кругов (после поражения в войне и провала балканской политики России) к сближению со славянами и усилению влияния России на славянские национальные движения. Созданные в конце 1860-х годов Петербургский и Киевский комитеты Пыпин называл «отделениями» Московского общества¹². Формально они, действительно, учреждались как отделы Московского комитета, но фактически были самостоятельны в своей деятельности¹³.

Пыпин отмечал, что в основе деятельности славянских комитетов лежало «чувство славянской солидарности», и сама эта деятельность должна была способствовать сплочению славянства. Но славянство и его пробле-

мы были мало известны в России. Поэтому, по мнению ученого, комитетам следовало бы познакомить русское общество со «славянским миром», не замалчивая при этом проблемы межславянских, в том числе русско-польских отношений. Пыпин писал, имея в виду антипольские позиции славянофилов: «Для сближения и примирения со славянами нужно было беспристрастие»¹⁴.

Но именно этого в направлении, избранном комитетами, и не было. Комитеты, по словам Пыпина, имели «свой особенный стиль и характер», поскольку отразили в своей деятельности славянофильские понятия о славянстве. С самого начала, под «влиянием первых председателей»¹⁵ в работе комитетов закрепилась «особая тенденциозность». С этим можно было бы примириться, считал Пыпин, будь «тенденция искренна и серьезна»¹⁶.

Пыпин отмечал, что при создании комитета цель его деятельности определялась как благотворительная и заключалась в «доставлении средств славянам, искавшим образования в России, посылке книг для западных и южных славянских школ и т.п.». Осуществление этого замысла Пыпин оценивал очень высоко, поскольку, по его словам, «некоторые из славянских племен, как балканские, как венгерско-русинское, были в таком отчаянном положении, что помощь им была давно необходима». Объективно комитеты в этом отношении сделали немало полезного, и Пыпин, не будучи сторонником славянофилов, вполне признает их заслуги. Правда, оговаривается он, комитеты «иногда ошибались в предметах филантропии», но такие ошибки вполне объяснимы «новостью дела и недостатком сведений»¹⁷.

Однако «в постановке дела», по мнению Пыпина, «сказались другие, более существенные недостатки». Пыпин имел в виду то, что комитеты не всегда оставались в рамках поставленных задач и порой отходили от своей «филантропической роли». Прежде всего он имел в виду Петербургский комитет, действия которого были, по его словам, «больше известны»¹⁸ (именно на его деятельности Пыпин останавливается более подробно). Так, Петербургский комитет, по ироничному замечанию Пыпина, «придал своим делам, так сказать, клерикальный характер: ежегодно повторялось празднование дня Кирилла и Мефодия, памяти Гуса». Признавая, что само по себе это «дело прекрасное», Пыпин в то же время считал, что, расширяя задачи и направления работы¹⁹, комитет должен был бы вспомнить не только о «древности», но «и о настоящем» и четко определить свою позицию в вопросе «о славянских отношениях»; вместо этого, в Петербургском комитете, по выражению Пыпина, «шла одна фразеология»²⁰.

В различных своих работах Пыпин не раз подчеркивал, что славянофилы порой доходят до ненависти к славянским народам; и это касалось

не только поляков -- «отступников» от славянского дела и православной веры (с точки зрения славянофилов). Парадоксальность положения заключалась в том, что, как отмечал Пыпин, в правящем органе комитета²¹ «заседал деятель, заявлявший своими писаниями вражду к болгарскому народному делу»²²; в речах, произносимых членами комитета на праздниках 11 мая (день святых Кирилла и Мефодия по старому стилю), «встречались вещи прямо обскурантные». Этим Пыпин объясняет, что люди, сочувствовавшие славянам, но не разделявшие славянофильских взглядов, не вступали в комитеты (чтобы не выходить из них вскоре в виду несогласия с характером их деятельности)²³.

Подчеркивая славянофильскую ориентацию комитетов, Пыпин не только выявлял недостатки, но в то же время приводил примеры и положительных результатов их работы. Так, он отмечал, что Петербургский комитет «задумал и отчасти исполнил» дело, которое «заслуживает сочувствия, именно издание книг о славянстве», что было в то время, по мнению ученого, первостепенной необходимостью. В частности, комитет издал хорошую, по оценке Пыпина, этнографическую карту славянских народов²⁴ (хотя «редакционная сторона издания» его не вполне удовлетворяла). Пыпин считал, что цель изданий комитета должна состоять в том, чтобы интересующемуся славянством читателю давать важнейшие фактические сведения о славянской этнографии и истории и непредвзято объяснять существовавшее в то время политическое положение славянства. Однако, замечал Пыпин, в изданных Петербургским комитетом «Славянских сборниках»²⁵ эта цель почти не достигалась: в них были опубликованы «более или менее полные историко-этнографические данные о некоторых племенах, но никакого цельного обзора» (кроме двух статей А.С.Будиловича²⁶, которые, впрочем, «не решают вопросов, а разве только ставят их»). Некоторые члены комитета считали нужным вместо сборников издавать популярные книжки о славянстве²⁷. Пыпин полагает, что «они действительно были бы нелишни», но ограничиваться ими было бы неверно²⁸.

По мнению Пыпина, Петербургский комитет не понял потребность общества в информации о славянстве. Он должен был бы разъяснить читателям своих изданий «объем славянского вопроса, указать основные черты в современном политическом положении племен и наше желательное к нему отношение». Но комитет этим не занимался: он делал только «общие заявления братских чувств». Однако вопреки этим заявлениям были в деятельности и изданиях комитета «странности», по определению Пыпина, «неуместные и неприличные». Не говоря уже об известном всем отношении славянофилов к полякам и польскому вопросу, Пыпин обратил внимание на то, что на изданной комитетом этнографической карте и в

объяснениях к ней в ряду «славянских наречий» отсутствует малорусское. Автор тем самым прозрачно намекает, что деятели комитета проигнорировали украинский народ, не признавая его самостоятельности в этническом и языковом отношении в период развития украинского национального движения²⁹, хотя в том же издании отмечены верхние и нижние лужицане и словаки (т. е. народы менее многочисленные, чем украинцы). Это, наряду с проблемами внутри страны, могло породить сложности в межславянских отношениях. Комитет не подумал, отмечал Пыпин, «как покажется такое обращение с этнографией нашим «братьям»» из славянских земель³⁰.

Подводя итоги двадцатилетнего существования славянских комитетов³¹, Пыпин отметил как заслугу этих организаций их активную деятельность по сбору пожертвований во время герцеговинского восстания и отправке добровольцев на Балканы. В то же время Пыпин констатировал, что в течение двадцати лет славянские комитеты очень плохо разъясняли положение дел в славянском мире русскому обществу, которое, по его мнению, так и осталось неподготовленным к пониманию славянского вопроса (даже те, кто участвовали в русско-турецкой войне 1877-78 гг., подчеркивал Пыпин, зачастую не могли определить свое отношение к славянам). За указанный период деятельности комитетов, заключает Пыпин, результаты могли бы быть более ощутимыми³².

Итак, знакомство с работой А.Н.Пыпина «Панславизм в прошлом и настоящем» позволяет сделать следующий вывод. Несмотря на то, что заметки ученого о славянских комитетах, строго говоря, не являются документальным источником об этих организациях, они, тем не менее, приносят определенную пользу, благодаря собранным автором сведениям, отмеченным им положительным и отрицательным сторонам деятельности комитетов, и представляют несомненный интерес, отражая мнение одного из современников. Будучи постоянным оппонентом славянофилов, Пыпин, возможно, излишне критично отнесся к комитетам. О текущих событиях не всегда было просто писать прямо и открыто. Расшифровать намеки и неясные места в тексте Пыпина зачастую помогает обращение к исследованию С.А.Никитина. В то же время изучение книги профессора Никитина «Славянские комитеты в России в 1856-1876 годах» дает возможность обнаружить в ряде случаев сходство позиций и оценок двух исследователей разных эпох.

Примечания:

¹ Никитин С.А. Славянские комитеты в России в 1856-1876 годах. М., 1960.

² *Попов Н.А.* Из истории Славянского благотворительного комитета в Москве. Вып. 1-2. М., 1871-1872.

³ Вестник Европы. 1878. № 9-12. В виде книги опубл.: СПб., 1913 (ссылки даются на это издание).

⁴ *Никитин С.А.* Славянские комитеты... С. 156.

⁵ *Попов Н.* Всероссийская этнографическая выставка и славянский съезд 1867 г. М., 1867.

⁶ См. сноску 2.

⁷ *Никитин С.А.* Славянские комитеты... С. 10.

⁸ Там же. С. 27, 31.

⁹ Там же. С. 10.

¹⁰ *Пыпин А.Н.* Панславизм в прошлом и настоящем. С. 117.

¹¹ *Никитин С.А.* Славянские комитеты... С. 34, 39.

¹² *Пыпин А.Н.* Панславизм в прошлом и настоящем. С. 117.

¹³ *Никитин С.А.* Славянские комитеты... С. 46-47, 50.

¹⁴ *Пыпин А.Н.* Панславизм в прошлом и настоящем. С. 117.

¹⁵ Из книги Никитина узнаем, что первым председателем Московского комитета был попечитель Московского учебного округа А.Н.Бахметьев. Время его руководства Комитетом (до мая 1861 г.) Никитин назвал «диктатурой Бахметьева». Вскоре после образования Петербургского комитета его возглавил известный ученый-славист А.Ф.Гильфердинг. Во главе Киевского комитета стоял историк церкви, археограф и палеограф К.А.Успенский (епископ Порфирий). Учрежденное в 1870 г. Одесское благотворительное общество избрало своим председателем попечителя Одесского учебного округа С.П.Голубцова (см.: *Никитин С.А.* Славянские комитеты... С. 40, 48, 51, 54).

¹⁶ *Пыпин А.Н.* Панславизм в прошлом и настоящем. С. 117-118.

¹⁷ Там же. С. 117.

¹⁸ Там же. С.А.Никитин считал, наоборот, что деятельность Московского комитета, благодаря брошюре Н.Попова, была лучше представлена, чем деятельность Петербургского, Киевского и Одесского комитетов, не отраженная в подобных исторических обзорах (*Никитин С.А.* Славянские комитеты... С. 9-10). Из опубликованных материалов он упоминает лишь издание протоколов заседаний Петербургского комитета (Первые 15 лет существования С.-Петербургского славянского благотворительного общества... по протоколам общих собраний его членов. СПб., 1883). Но Пыпин, как житель Петербурга, безусловно, следил за работой Петербургского комитета по материалам столичной прессы.

¹⁹ В книге Никитина мы также находим указание на то, что Петербургский комитет, не отвергая задачу помощи культурному развитию славян-

ских народов, определял для себя и другую цель -- «внедрение славянской идеи в сознание русского общества» (Никитин С.А. Славянские комитеты... С. 93).

²⁰ *Пытин А.Н.* Панславизм в прошлом и настоящем. С. 118.

²¹ Речь идет об исполнительном присутствии в составе председателя, секретаря, казначея и наиболее активных членов (см.: Никитин С.А. Славянские комитеты... С. 83).

²² Вероятно, А.Н.Пыпин намекал на позицию председателя комитета А.И.Васильчикова, который в 1875 г. отрицательно относился к возможности помощи Болгарии в ее освобождении, не веря в успех болгарского национального движения (см.: Никитин С.А. Славянские комитеты... С. 289).

²³ *Пытин А.Н.* Панславизм в прошлом и настоящем. С. 118. Пыпин, очевидно, напоминал о выходе некоторых членов из состава Московского комитета, которые, однако, позже вновь вступили в эту организацию (за исключением нескольких человек, в том числе В.И.Даля). Обстоятельства и подробности этого дела описаны в книге Никитина (Никитин С.А. Славянские комитеты... С. 87).

²⁴ Имеется в виду «Этнографическая карта славянских народностей» М.Ф.Миклошича, изданная Петербургским отделом Славянского благотворительного комитета в 1875 г. В качестве приложения к ней опубликованы «Статистические таблицы распределения славян. А) По государствам и народностям. Б) По вероисповеданиям, азбукам и диалектам (наречиям). С объяснительною запискою» А.С.Будиловича. Кроме того, в виде приложения ко второму тому «Славянского сборника» была издана «Этнографическая карта русского населения в Галичине, северо-восточной Угрии и Буковине».

²⁵ Славянский сборник. Т. I. СПб., 1875; Т. II. СПб., 1877.

²⁶ *Будилович А.* О современном положении и взаимных отношениях славян западных и южных // Славянский сборник. Т. I. СПб., 1875. С. 585-604; *Он же.* Несколько замечаний об изучении славянского мира // Славянский сборник. Т. II. СПб., 1877. С. 1-54.

²⁷ Петербургским комитетом были изданы, например: *Гильфердинг А.Ф.* Гус. Его отношение к православной церкви. СПб., 1871; *Успенский Ф.И.* Первые славянские монархии. СПб., 1874; *Будилович А.С.* Чехия и Моравия. СПб., 1874.

²⁸ *Пытин А.Н.* Панславизм в прошлом и настоящем. С. 118-119.

²⁹ В то время как раз была развернута борьба с украинофильством.

³⁰ *Пытин А.Н.* Панславизм в прошлом и настоящем. С. 119.

³¹ В 1878 г. был закрыт Московский комитет.

³² *Пытин А.Н.* Панславизм в прошлом и настоящем. С. 119-120.

ИСТОЧНИКИ О ЖИЗНЕННОМ И ТВОРЧЕСКОМ ПУТИ АКАДЕМИКА В.И.ЛАМАНСКОГО

С именем В.И. Ламанского связана целая эпоха в развитии отечественной славистики. Во второй половине XIX–начале XX вв. он был широко известен как историк, филолог, председатель этнографического отделения Императорского Русского географического общества, активный общественный деятель и педагог. Жизнь В.И. Ламанского была долгой – он прожил 81 год (1833–1914). За это время на российском престоле сменилось четыре монарха, неоднократно варьировалась и политика государства. Но одно оставалось неизменным – интерес Российской империи к соседним славянским народам, их политической судьбе, в которой Россия стремилась играть ведущую роль. Поэтому славистические исследования шли рука об руку с государственной политикой, играли далеко не последнюю роль в создании настроений в обществе, хотя отношение к идеям учёных и публицистов было неоднозначным.

Изучение славянской идеи во всём многообразии её направлений и аспектов было стержнем научных трудов В.И. Ламанского. Исследованию славянских языков, славянской истории, политики, этнографии посвящены не только его многочисленные научные и публицистические работы, но и письма, дневниковые записи, черновики выступлений. Данная статья посвящена обзору богатейшей источниковой базы, которую можно использовать при изучении жизни и творчества этого крупнейшего российского славяноведа и поборника славянской идеи в целом. Отметим, что подобного описания источников о творчестве В.И. Ламанского в современной отечественной историографии пока не существует.

Весь комплекс документов и изданий, являющихся источниками по изучению жизненного пути и творческой деятельности учёного можно разделить на две большие группы – опубликованные и неопубликованные, каждая из которых, в свою очередь, включает в себя несколько подгрупп.

К первой группе источников относятся опубликованные труды В.И. Ламанского. Крупный исследователь истории славяноведения Л.П. Лаптева отмечает, что в справочных изданиях указывается 410 опубликованных работ, вышедших из-под пера Ламанского. Однако она полагает, что имеющиеся в литературе списки далеко не полны.¹ И это действительно так. В «Библиографии учёно-литературных трудов В.И. Ламанского и материа-

лах для его биографии”, составленных П.Д. Драгановым указано 467 трудов слависта на 1904 г.² Правда, в представленный список вошли не только научные и публицистические произведения учёного, но и его рецензии, включены в него также и сборники, в составлении которых В.И. Ламанский участвовал в качестве редактора. Не удалось выявить новых исследований, написанных и изданных славистом в последнее десятилетие его жизни, однако, после смерти Ламанского в 1914 году были переизданы некоторые более ранние произведения учёного.³ Новое обращение к научным трудам Ламанского было связано не только с уходом историка из жизни, но и с началом Первой мировой войны и, как следствие, с оживлением обсуждения славянской темы в российском обществе.

Таким образом, многие научные и публицистические произведения В.И. Ламанского были напечатаны. Его работы выходили как отдельными изданиями, так и издавались в журналах. За свою долгую творческую жизнь историк сотрудничал со многими научными, просветительскими и публицистическими изданиями. Статьи исследователя печатались в журналах “Русская беседа”, “Библиографические записки”, “Отечественные записки”, “Русская старина”, в “Журнале Министерства Народного Просвещения”; в газетах “Голос”, “День”, “Новое время” и многих других; в специализированных научных и общественных изданиях, таких как “Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских” при Московском университете и “Известия Санкт-Петербургского Славянского благотворительного общества”.⁴ По инициативе В.И. Ламанского в 1890 году было образовано новое научное издание Императорского русского географического общества – журнал “Живая старина”. С этого времени до 1910 года Владимир Иванович являлся его главным редактором и опубликовал там много материалов, в числе которых архивные документы, эпистолярное наследие отечественных и зарубежных славистов и многое другое.⁵

Изучение этой группы источников чрезвычайно важно для исследователей, занимающихся творчеством учёного. Опубликованные исторические, публицистические и филологические произведения В.И. Ламанского, его яркие, эмоциональные общественные выступления, многие из которых нашли отражение в печати,⁶ позволяют нам судить об учёном не только как о специалисте в той или иной области славяноведения, они дают возможность взглянуть на его творчество более широко. Труды В.И. Ламанского позволяют нам определить, как представлял учёный “ремесло историка”, какие методы использовал он в своих исследованиях источников, какой обширной теоретико-познавательной и практической системой знаний он обладал.

По степени научной значимости можно выделить несколько произведений В.И. Ламанского из числа опубликованных отдельными изданиями. Первым своим ученым трудом он считал магистерскую диссертацию “О славянах в Малой Азии, в Африке и в Испании”,⁷ защищенную 20 января 1860 года (здесь и далее даты указаны по старому стилю – О.С.). Своим исследованием молодой учёный продолжал достаточно традиционную для этого периода тему: поиск памятников культуры и письменности и выяснение истории малоизученных, исчезнувших, исчезающих и малочисленных групп славянства. Интерес славистов второй половины XIX века к этой проблематике был высок, так как своими исследованиями они пытались подспудно решить и более общую задачу – определить будущность славянских народов, находящихся под политической властью инациональных государств.

Свой первый научный труд Владимир Иванович посвятил чешскому историку и политическому деятелю Франтишеку Палацкому. В тексте посвящения он выразил свой взгляд на славянство и степень изученности истории славянских народов и определил, какими он видит задачи своей научной, творческой жизни. Занятия историей славянства представлялись В.И.Ламанскому делом новым и необычным. Что же касается классификации европейских народов и всего хода исторического процесса, уже в этой ранней своей работе В.И.Ламанский упоминал: 1) мир романо-германский; предтечей “нового” (современного – О.С.) мира являлся мир древний, классический; 2) мир греко-славянский, который В.И.Ламанский не разделял на предшествующий и современный. Греко-славянский мир представлялся Ламанскому отделенным от романо-германского как от центра европейской жизни, в которую ему только еще предстояло влиться. Лидерство в этом процессе исследователь отдал России.

Наиболее значимыми работами В.И. Ламанского стали его докторская диссертация “Об историческом изучении греко-славянского мира в Европе”, исследование по истории Восточного вопроса “Государственные тайны Венеции”⁸ (крупнейший сборник документов, собранных славистом в Италии и изданных в 1884 г.) и работа, яснее всего характеризующая историософскую концепцию учёного, – “Три мира Азийско-Европейского материка”.

В.И.Ламанский сам определил свою докторскую диссертацию как “историко-критическое исследование о некоторых мало разработанных или неправильно понимаемых вопросах и частях политической и культурной истории Восточной Европы или греко-славянского мира как средних, так и новых времен”.⁹

В 1-й главе работы В.И.Ламанский разделил “азийско-христианское

человечество Старого Света” на греко-славянский и германо-романский миры. Значительная часть исследования посвящена историографическому обзору греко-славянского мира. Наибольший интерес для В.И.Ламанского представляли сочинения нескольких поколений немецких ученых, писателей и публицистов различных школ и направлений. Ученый отметил, что в сознании европейском, преимущественно германском, Россия в славянстве исключения не составляет, и русский народ от южных и западных славян строго не отделяется. Указав на большое внимание и распространённость этих мнений в российском обществе и научной литературе, В.И.Ламанский объяснил внутреннюю несостоятельность строгого критического разбора и научной проверки их.

Примечательна 3-я глава исследования, в которой ученый проанализировал господствовавшее в Германии общее воззрение на способности, ход исторического развития и будущность славянских народов. Исследуя причину различия исторических судеб “племени германского” и славянства, В.И.Ламанский выдвинул теорию “разности исторических возрастов обеих рас”.¹⁰ Следовательно, полагал он, несходство славян и германцев является “культурным”, а не “коренным и природным”. Свою идею В.И.-Ламанский доказывал путём хронологического сопоставления основных периодов в истории кельтских, германских и славянских народов.

В заключение ученый сопоставил исторические исследования с политическими реалиями эпохи, предсказав возможный в будущем конфликт между Россией и Германией, в котором планы последней в отношении славянских народов будут играть одну из ведущих ролей.¹¹ Можно понять почему Ламанский так подчеркнул политическую злободневность своего исследования. Однако характер этих прогнозов надолго связал имя учёного с панславистским направлением российской внешней политики.

Вершиной историософской концепции В.И.Ламанского стал его труд “Три мира Азийско-Европейского материка”. Эту книгу М.А.Робинсон назвал последним историософским сочинением славянофильского направления в русском славяноведении.¹² Работа впервые увидела свет в 1893 г. в Санкт-Петербурге, в 1893 и 1894 гг. она вышла в Оломоуце на чешском языке в переводе К.Вольфа под заглавием “*Tai svmtu Azijsko-Evropske revpinu*”.¹³ Отрывок из этого исследования был опубликован в сборнике статей “Русско-славянская цивилизация: исторические истоки, современные геополитические проблемы, перспективы славянской взаимности”, вышедшем под редакцией Е.С. Троицкого. (М., 1998. С. 397-406).

В 1916 году, вскоре после смерти В.И.Ламанского, его книга была переиздана в Петрограде. Этот факт весьма показателен: Первая мировая война вновь поставила проблему независимости славянских народов Цен-

тральной Европы и Балканского полуострова и вопрос о союзах славянских народов, “славянском братстве” в эпицентр европейской и мировой политики. Новые условия побудили часть ученых и общественных деятелей вновь обратиться к основным теоретико-методологическим концепциям славянофильства.

Историософский трактат В.И. Ламанского “Три мира Азийско-Европейского материка” неизменно вызывает глубочайший интерес исследователей, поэтому мы позволим себе сослаться на уже существующие работы по этому вопросу.¹⁴

Второй подгруппой опубликованных трудов В.И. Ламанского являются его публицистические произведения. Публицистика и научная работа – основные направления деятельности этого учёного. Неудивительно, что не только в научных, но и в публицистических его трудах тесно сплелись два понятия: собственно славянская идея и “наука славянская”. Под последней Ламанский подразумевал все науки о славянстве: филологию, историю, этнографию, палеографию, географию – то есть все отрасли знания, которые могут изучать судьбы славянских народов, их языков, мест их расселения. Основу славянской идеологии В.И. Ламанского составили: идеи взаимной пользы от изучения и создания общеславянского языка; взаимные успехи русской и славянской образованности; успехи русской и славянской гражданственности; историко-сравнительное изучение социального и экономического быта, внутренней и внешней политики России и существовавших ранее славянских государств.¹⁵

В.И. Ламанский был одним из самых деятельных сотрудников Санкт-Петербургского отделения Славянского благотворительного общества. В своей речи “Чего нам особенно желать и что нам нужнее делать в западно-славянских землях?”, произнесенной в Общем собрании Славянского общества 15 ноября 1884 года, В.И. Ламанский наметил некоторую программу взаимоотношений России со славянскими народами. Она состояла из трех пунктов: 1) улучшение издания “Известий Славянского общества” и приобретение ими все большего круга читателей и подписчиков; 2) распространение русских книг в зарубежных славянских землях (пожелание обязательного знакомства западных славян с русской культурой, распространения среди них русского языка не раз служило предметом самых горячих споров, в связи с чем Ламанский подчеркнул, что “принимаемый столь различно ... этот вопрос в практическом смысле есть вопрос более или менее далекого будущего, а в настоящее время он принадлежит к вопросам еще неразрешённым и открытым”;¹⁶ 3) содействие славянам “единоверным” – болгарам и сербам в развитии у них высшего светского и особенно духовного образования.

Приоритетной задачей для славянских народов на ближайшую историческую перспективу В.И. Ламанский продолжал считать преодоление разногласий, выработку принципов обсуждения и решения общих проблем, принятие единого “органа образованности” – общеславянского литературного языка.¹⁷

Переходной подгруппой от опубликованных к неопубликованным источникам являются материалы о В.И. Ламанском как педагоге. Они представляют собой литографированные тексты лекционных курсов слависта. Как известно, учёный вёл активную преподавательскую деятельность. В 1865 г. Ламанский получил должность доцента по кафедре славянской филологии Санкт-Петербургского университета, в 1871 г. он стал экстраординарным, а в 1873 – ординарным профессором кафедры славянской филологии, в 1890 г. удостоился звания заслуженного профессора, а в 1900 г. – академика.¹⁸ С 1872 г. он преподавал также в Санкт-Петербургской духовной академии, где 25 лет занимал кафедру русского и церковнославянского языка и истории русской литературы.¹⁹ С 1890 по 1900 гг. Ламанский состоял профессором Академии Генерального штаба. Учёный так и не издал ни одного своего лекционного курса отдельной монографией, хотя части его лекций вошли в историософские сочинения слависта, например в знаменитые “Три мира Азийско-Европейского материка”.²⁰ Однако наиболее значительные курсы лекций В.И. Ламанского были литографированы по его разрешению в соответствии с записями студентов. Таким образом увидели свет “Записки по истории славян – Венгрии и Чехии” (курс, прочитанный В.И. Ламанским для специалистов в 1878–1879 акад. году), “История славян” (курс 1881–1882 акад. года), “Обозрение славянских наречий и народностей” (курс 1882–1883 акад. года), а также “Лекции по славяноведению”.²¹ По этим изданиям можно рассмотреть содержание лекционных курсов учёного и педагога по славянской истории и филологии, проследить, каким образом они изменялись с течением времени, какие именно теоретические выкладки слависта легли в основу не только его преподавательской деятельности, но и историософской концепции.

Вторую группу источников о жизненном пути и творческой деятельности В.И. Ламанского составляют неопубликованные документы. Корпус неопубликованных материалов весьма значителен. Источники находятся в нескольких архивных учреждениях. Большая часть документов хранится в архивах Санкт-Петербурга.

Первую подгруппу данной категории источников составляют документы официального или актового характера. Официальные источники о жизни и деятельности В.И. Ламанского размещены в нескольких фондах Российского государственного исторического архива (РГИА). В фонде №

733 – “Департамент народного просвещения” собраны дела о жизни и научной деятельности профессоров высших учебных заведений (в том числе виднейших славистов – В.И. Ламанского, Ф.Ф. Фортунатова, А.Н. Пыпина, А.А. Шахматова и других), уставы и отчёты научных обществ при вузах. В этом фонде также представлены сведения о культурных связях России с зарубежными славянами: о прохождении представителями зарубежных славянских народов курса российских учебных заведений, о попытках объединения научных сил славянских народов для совместного решения ряда проблем в области славяноведения и многое другое. Фонд № 733 чрезвычайно обширен, документы о В.И. Ламанском составляют лишь часть его, но несмотря на это, они дают нам большое количество сведений о жизненном пути, исследовательских и общественных проектах учёного: В Деле Департамента народного просвещения об утверждении и увольнении профессоров Санкт-Петербургского университета за период с 23 января 1888 г. до 10 мая 1889 г. содержится послужной список В.И. Ламанского.²² В фонде имеются сведения о научных командировках исследователя в славянские земли, в Германию, Италию, Австрию и Швейцарию, об изучении им славянских языков, о присвоении ему учёных степеней и званий, о награждении его черногорским орденом, об избрании его почётным членом Харьковского университета.²³ В фонде № 733 содержится обширная официальная переписка В.И. Ламанского разных лет с попечителями Петербургского учебного округа о разрешении ему читать циклы публичных лекций в пользу несостоятельных студентов университета.²⁴ Большой интерес представляет также документ, свидетельствующий о представлении императору труда В.И. Ламанского “Secrets d’Etat de Venise”.²⁵ Дело Департамента Народного Просвещения о назначении пособия профессору В.И. Ламанскому на издание журнала “Славянский мир” содержит прошение Ламанского в Департамент об издании нового журнала славянской тематики от 24 апреля 1895 г. и отказ Департамента учёному от 28 мая 1895 в связи с отсутствием финансовых средств.²⁶ Следовательно, документы подобраны таким образом, что могут свидетельствовать не только о жизненном пути, научных взглядах и общественных убеждениях учёного, но и о направлениях правительственной политики в исследуемый период.

В фонде № 744 – “Указы и доклады по министерству” – находится дело об утверждении В.И. Ламанского ординарным академиком.²⁷ В фонде № 740 РГИА хранится дело о назначении пенсии дочери В.И. Ламанского – О.В. Покровской²⁸ и некролог В.И. Ламанского с перечислением его научных заслуг.²⁹

Большой комплекс документов, также носящих официальный характер, по общественной деятельности В.И. Ламанского в Санкт-Петербургс-

ком Славянском благотворительном обществе в период с 1868 года до конца его жизни находится в Центральном государственном историческом архиве Санкт-Петербурга в фонде № 400 – “Петроградское Славянское благотворительное общество, 1868-1918”.³⁰ Эта подборка документов широко раскрывает направления деятельности Славянского общества, его программы, огромную роль, которую играл В.И. Ламанский в деятельности Общества, реакцию общественности и правительственных кругов на мероприятия, проводимые этой организацией. Здесь же находятся документы, свидетельствующие о живом участии, которое принял В.И. Ламанский в организации и редактировании журнала “Известия Санкт-Петербургского Славянского благотворительного общества”. Сведения об этом находятся также в личном фонде учёного, хранящемся в Санкт-Петербургском филиале архива Российской Академии Наук.³¹

В фонде № 14 Исторического архива города Санкт-Петербурга – “Петроградский университет, 1819–1919” – хранится личное дело В.И. Ламанского как студента, а позднее – преподавателя университета.³²

Следующей подгруппой неопубликованных источников являются документы личного характера. Большинство их хранится в личном фонде академика В.И. Ламанского, который находится в Санкт-Петербургском филиале архива Российской Академии Наук (ПФА РАН).

Трудно переоценить значение личного фонда учёного. Фонд № 35 – “Ламанский Владимир Иванович” был приобретён архивом Академии Наук от наследников учёного в 1925 году. В архив также вошла небольшая часть фонда из Рукописного отделения библиотеки Академии Наук, а в 1932 году была принята часть фонда из Историко-лингвистического института (главным образом рукописи трудов Ламанского). Часть писем учёного (от А.К. Толстого, Н.Г. Чернышевского, Ф.М. Достоевского, Ф.И. Тютчева, Н.Ф. Щербины) была передана в Пушкинский Дом при приобретении фонда в архив Академии Наук в 1925 году.

В личном фонде В.И. Ламанского хранятся документы, относящиеся к 1823 – 1919 гг. Всего собрание насчитывает 2382 единицы хранения.³³ Фонд учёного классифицирован работниками архива и содержит четыре описи: опись № 1 – переписка, опись № 2 – рукописи трудов В.И. Ламанского, опись № 3 – материалы для биографии и по деятельности учёного, опись № 4 – труды других лиц и материалы к научным трудам.

Документы личного характера, находящиеся в фонде В.И. Ламанского, можно разделить на несколько групп.

1. Рукописи трудов и по языку и истории славянских народов и материалы к ним. Комплекс этих материалов, большей частью опубликованных, весьма обширен. Они состоят из следующих разделов.

Труды по истории развития общеславянского языка (“Об общеславянском значении русского литературного языка”, “Появление и развитие литературных языков у народов славянских. Глава I”, рецензии на статьи по вопросам об общеславянском языке, “Славянские племена и языки”, “Восточный славянский язык”, “О разделении славянских наречий”, “Исторический очерк учения о глаголице как изобретении Константина Философа и о так называемой кириллице, изобретении неизвестных греков, крестивших русского князя Владимира - мнение Добнера, или изобретении Климента Величского (ум. в 916 г.) – мнение Шафарика, Миклошича и Ягича” и др.).

Труды по истории и литературе славян (“Об изучении греко-славянского мира в Европе”, “История славян”, “История усюков” и материалы к этой работе, “Краткая история латышей и общее их изображение” и материалы к этой работе, “Болгары на острове Кипре в XIV в.”, “История славянства и современное положение народов”, “Об отношении Чехии к Германии”, “Об отношении чехов к Польше и России (по поводу одной библиографической редкости)”, “Об отношении славян к мадьярам”, “Письма о славянстве вне России”, материалы для издания “Secrets d’Etat de Venise” и др.).

Среди этих работ хранится большое количество черновиков, подготовительных материалов, отрывков, не вошедших в опубликованные труды. Некоторые исследования В.И. Ламанского так и не вышли в печати. Так, среди исторических и литературных трудов учёного нами обнаружено несколько неопубликованных: “Очерк истории польской литературы”, “О необходимости сохранения латинской азбуки для литовцев” и материалы к этой работе,³⁴ “Проекты славянских федераций”,³⁵ “Исторические письма об отношении русского народа к его соплеменникам”³⁶ и др. Последние три текста хранятся среди исторических работ в разделе “Статьи публицистического и полемического характера” и имеют большое значение для изучения мировоззрения слависта.

Политические успехи Российского государства В.И. Ламанский напрямую соединял с “самостоятельным движением русской литературы и науки, чисто славянским направлением мысли и образованности”.³⁷ В “образованности” любого народа В.И. Ламанский выделил четыре главных действующих начала: 1) просвещение; 2) крепость народного быта и обычая; богатство, свежесть и разнообразие народного языка – одним словом, непосредственную, творческую жизнь народа; 3) разнообразие местных географических условий, климата, течения рек и т.д.; 4) разнообразие внешних иноземных влияний, которые будут восприняты народом сообразно особенностям его страны и быта, переработаны в горниле народно-

го духа и подчинены его духовному и нравственному идеалу”.³⁸

Ученый полагал, что Россия во всех этих четырех “началах” превосходит остальные славянские народы, что делает её лидером всего славянства и центром славянских объединений. В этом Ламанский видел главную внешнеполитическую и культурную обязанность русского народа. С функциями же “общего дипломатического языка и общего органа образованности для всех славян” может справиться, отмечал исследователь, только русский язык.

Весьма интересна дефиниция В.И. Ламанским понятий “народность” и “нация”. В определении понятия “нация” В.И. Ламанский использовал не только культурные (“образованность”, литературный язык и т.д.), но и политические характеристики, причем последние для него были определяющими. Важна для В.И. Ламанского и историческая ретроспектива: народность, обладавшая политической независимостью в прошлом, но не имеющая её а настоящий момент времени, приравнивается им к нации.³⁹

Как известно, в 1910 году В.И. Ламанский добился отмены правительственного запрета использовать в литовском языке латинский шрифт. Защищая права литовцев на традиционный для них латинский алфавит, ученый отметил, что наличие словесности на литовском языке способствовало пробуждению “чувства народности” у литовцев, проживавших на территории Российской империи, чему, по мнению Ламанского, нельзя не радоваться.⁴⁰ Учёный считал необходимым предостеречь российское правительство от унификационных мероприятий, подобных проводимым ранее австрийскими правящими кругами в Галиции в отношении обязательности применения латинского алфавита в галицко-русских областях. Уже одно это обстоятельство ставит под сомнение устоявшийся взгляд на В.И. Ламанского как на доктринёра-славянофила.

2. Рукописи лекций В.И. Ламанского по истории славянских народов и по славяноведению. Например, “История Чехии, Польши и Венгрии до XIV в.”, “Краткий обзор внешних и внутренних событий с Ягайла до Стефана Батория с 1386 по 1586 г.”, “Обозрение народностей и наречий славянских” и др. Отметим, что эти материалы так и не были опубликованы.

3. Рукописи по изучению биографии М.В. Ломоносова и других учёных и писателей, такие как “М.В. Ломоносов. Биографический очерк”, “М.В. Ломоносов и Академия Наук” и материалы к этой статье, “Столетняя память М.В. Ломоносову. 4 апреля 1865 г.”, “Об увековечивании памяти М.В. Ломоносова”, “Краткая биография И.И. Срезневского”, “К биографии И.С. Аксакова” и др.

4. Рецензии В.И. Ламанского на труды других лиц, черновики докладов, сообщений и речей, посвящённых памяти учёных-славистов А.Ф.

Гильфердинга, Я. Коллара, Л. Н. Майкова, А. С. Хомякова, некролог Ю. Ф. Самарина, речь по поводу столетнего юбилея П. О. Шафарика.

5. В личном фонде В. И. Ламанского имеются его многочисленные выписки из русских и иностранных печатных источников, списки и копии с документов, хранящихся в архивах России и за границей. Среди них находятся материалы по истории славянского средневековья, по истории славянских литератур, по исторической географии, истории болгарского народа, по истории Венгрии, Польши, Чехии и других народов; выписки из сербских летописей, из старинной рукописи о путешествии русских в Индию, из сочинения Птолемея о Сарматии и Европе, выписки из рукописей по вопросам сравнения христианской и иудейской религий, тетради с записями по русской истории, по истории распространения христианства в Европе, материалы по славянской геральдике и лингвистике, по грамматике церковно-славянского языка и многие другие.

6. Десять записных книжек с записями научного характера, принадлежащими перу В. И. Ламанского.

7. Достаточно большое место в личном фонде слависта занимают материалы, связанные с его деятельностью в Академии Наук, в Санкт-Петербургском университете, в Русском географическом обществе, в Русском археологическом обществе, в том числе – статьи В. И. Ламанского об истории и о деятельности этих организаций.

8. Биографические материалы учёного содержат: его дневники различного времени – от студенческих лет до конца жизни; черновики заявлений; доверенности; документы о поездке за границу; грамоты и знаки отличия; дипломы, например о присвоении В. И. Ламанскому учёной степени доктора славянской филологии в 1871 г.; об избрании его действительным членом Русского географического общества; поздравительные адреса; семейные бумаги В. И. Ламанского о браке и узаконении своих детей. К биографическим материалам можно также отнести юношеские работы Ламанского, такие как: тетради с записями по средневековой истории, по русской словесности, по греческому языку и по русской грамматике; тетради латинских и французских переводов; примечания к переводу “Одиссеи” В. А. Жуковского; выпускное сочинение В. И. Ламанского в университете “Рассуждение о языке Русской Правды”.

9. В фонде В. И. Ламанского сохранились также рукописи других учёных, с которыми славист сотрудничал в университете, в Академии Наук или в различных обществах, состоял в тесных научных контактах, например: работа В. В. Макушева “Итальянские архивы. Неаполь и Палермо”, труд И. В. Ягича “К истории сербского языка” и другие.

10. Отдельная опись посвящена эпистолярному наследию В. И. Ламан-

ского, сохранившемся в его личном фонде. Учёный вёл оживлённую переписку с родными, коллегами и друзьями. Темой писем были научные исследования, современная политическая ситуация, причём преимущественно обсуждались события в России и в славянских землях, и, безусловно, события личной жизни авторов. В письмах содержатся просьбы Ламанского и к Ламанскому о присылке статей и рецензий для публикации в научных журналах, сведения о передаче исследователями друг другу копий и выписок из исторических документов. В письмах учёного, относящихся к 80-м гг. XIX в. очень часто встречаются сетования на непопулярность славянской идеи и, следовательно, славистической периодики в российском и особенно чешском общественном мнении. Письма В.И. Ламанского и к В.И. Ламанскому служат поистине бесценным источником по исследованию его биографии, уточнению политических предпочтений и научных взглядов (ведь зачастую в личной переписке содержатся факты и мнения, которые по тем или иным обстоятельствам не могут оказаться в печати или в официальных документах). Эпистолярное наследие В.И. Ламанского также показывает, насколько широк был круг научного общения слависта и как многообразны научные и политические сюжеты, обсуждавшиеся его коллегами, друзьями и учениками. Среди адресатов учёного были как русские, так и зарубежные исследователи, писатели и композиторы.

Часть эпистолярного наследия В.И. Ламанского хранится также в Отделах рукописей Российской государственной библиотеки, Российской национальной библиотеки, Центральной научной библиотеки Украины и в некоторых других архивах. Из-за сравнительно небольшой подборки документов в этих хранилищах отсутствует фонд В.И. Ламанского, письма от него и к нему можно найти в собраниях других лиц. Кроме того, в «Литературном Архиве Памятника Национальной Письменности» в Праге в наследии А. Патеры находится 40 писем Ламанского к этому библиотекарю Чешского музея, большому знатоку памятников древнечешской письменности, а также архивных материалов.⁴¹ Отдельные письма Ламанского были напечатаны в различных сборниках,⁴² большая же часть его эпистолярного наследия осталась неопубликованной.

Таким образом, этот широкий и разнообразный круг источников позволяет, на наш взгляд, достаточно полно осветить историю жизни и деятельности, а также исследовать научную концепцию талантливого учёного, яркого общественного деятеля и педагога В.И. Ламанского. Проведённый анализ источниковой базы позволяет сделать выводы о том, что хотя значительная часть научных и публицистических работ исследователя была напечатана, архивохранилища содержат богатейший материал официаль-

ного и личного характера, ряд неопубликованных работ, позволяющих полнее и многограннее осветить личность и научные взгляды выдающегося слависта второй половины XIX–начала XX вв. В.И. Ламанского. При этом значительная часть неопубликованных источников о В.И. Ламанском только начинает вводиться исследователями в научный оборот.

Примечания:

¹ Лаптева Л.П. Ламанский Владимир Иванович. // Историки России. Биографии. М., 2001. С. 268.

² Новый сборник статей по славяноведению, составленный и изданный учениками В.И. Ламанского при участии их учеников по случаю 50-летия его учёно-литературной деятельности. СПб., 1905. С. XI–LXIV.

³ Например: Ламанский В.И. Славянское житие Св. Кирилла как религиозно-эпическое произведение и как исторический источник. Критические заметки. Пг., 1915; Ламанский В.И. Три мира Азийско-Европейского материка. Пг., 1916.

⁴ Новый сборник статей по славяноведению... С. XI–LXIV.

⁵ Лаптева Л.П. Указ. соч. С. 269; Лаптева Л.П. В.И. Ламанский и славянская тема в русских журналах рубежа XIX–XX веков. // Славянский вопрос: вехи истории. М., 1997. С. 118–129; Саприкина О.В. Славянская идея в трактовке В.И. Ламанского на страницах российских периодических изданий (60–80-е годы XIX века). // Россия и Европа: поиск единства и апология самобытности. Выпуск 4. М., 1999. С. 7.

⁶ Например: Ламанский В.И. Могушество турок-османов в Европе (1396–1739). / Речь, почитанная на ежегодном акте Санкт-Петербургского университета 8 февраля 1880 года. СПб., 1881; Ламанский В.И. Чего нам особенно желать и что нам делать в западно-славянских землях. / Речь, произнесённая в Общем собрании Славянского общества 15 ноября 1884 года. СПб., 1885; Речь Почётного члена Общества В.И. Ламанского в Санкт-Петербургском Славянском благотворительном обществе 23 ноября 1886 года по поводу болгарских событий. СПб., 1887 и др. Насколько нам известно, последняя публикация общественного выступления Ламанского состоялась: Ламанский В.И. Речь на Славянском съезде 1867 г. // Русско-славянская цивилизация: исторические истоки, современные геополитические проблемы, перспективы славянской взаимности. (Сборник статей). / Под ред. Е.С. Троицкого. М., 1998. С. 393–394.

⁷ Ламанский В.И. О славянах в Малой Азии, в Африке и в Испании. СПб., 1859.

⁸ Lamanskij V.I. Secrets d'Etat de Venise. Saint-Petersbourg. 1884.

⁹ Ламанский В.И. Об историческом изучении греко-славянского мира

в Европе. СПб., 1871. С. 1.

¹⁰ Там же. С. 2.

¹¹ Там же. С. 3.

¹² Робинсон М.А. Ламанский и его историософский трактат “Три мира Азийско-Европейского материка”. // Славянский альманах, 1996. М., 1997. С. 97.

¹³ Lamansky V.I. Tri svety Azijsko-Evropske pevniny. // Obzor Matice Slovanske. Rocnik I-II. Olomouc. 1893-1894.

¹⁴ Робинсон М.А. Указ. соч. С. 90–106; Робинсон В.А. Основные идейно-научные направления в отечественном славяноведении конца XIX–начала XX вв. // Славяноведение и балканистика в отечественной и зарубежной историографии. М., 1990. С. 191–208; Саприкина О.В. Академик В.И. Ламанский: патриарх русского славяноведения. // Новый исторический вестник. № 2. М., 2001. С. 167–171.

¹⁵ Ламанский В.И. Чтения о славянской истории в Императорском Санкт-Петербургском университете. Чтение I. Изучение славянства и русское народное самосознание. // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1867. № 1. С. 145.

¹⁶ Ламанский В.И. Чего нам особенно желать и что нам нужнее делать в западно-славянских землях. СПб., 1885. С. 2-4.

¹⁷ Подробнее об этом см.: Саприкина О.В. Указ соч. С. 173–174.

¹⁸ РГИА. Ф. 733. Оп. 150. Д. 316. Л. 8 об.–9 об.

¹⁹ Там же. Л. 9 об.

²⁰ Подробнее об этом см.: Князев Г.М. Предисловие к: Ламанский В.И. Три мира Азийско-Европейского материка. Пг., 1916. С. 14; Саприкина О.В. Указ соч. С. 168.

²¹ Записки по истории славян – Венгрии и Чехии. (Курс профессора В.И. Ламанского для специалистов, читанный в 1878–1879 acad. году). СПб., издание студентов Санкт-Петербургского университета, 1879; История славян. (Курс, читанный В.И. Ламанским в 1881–1882 acad. году). Из записок студента-филолога В. Казанского. СПб., 1882; Обзорение славянских наречий и народностей. (Лекции, читанные профессором В.И. Ламанским в 1882–1883 acad. году). Изданы по запискам студента Бороздина. СПб., 1884; Ламанский В.И. Лекции по славяноведению СПб., литография Руднева, 1891.

²² РГИА. Ф. 733. Оп. 150. Ед. хр. 316. Л. 1–15.

²³ Там же. Оп. 27. Ед. хр. 87. Л. 11; Оп. 141. Ед. хр. 3. Л. 96; Оп. 193. Ед. хр. 38. Л. 3–4; Оп. 120. Ед. хр. 503. Л. 102–103, 123–123 об., 125; Оп. 121. Ед. хр. 972. Л. 31, 32, 33, 39, 42; Оп. 151. Ед. хр. 205. Л. 46–47; Оп. 152. Ед. хр. 121. Л. 27, 27 об., 28, 30, 30 об.; Оп. 145. Ед. хр. 65, 124.

²⁴ Там же. Оп. 193. Ед. хр. 238. Л. 11, 12, 16, 18, 19, 22; Ед. хр. 492. Л. 46–48, 53, 54.

²⁵ Там же. Оп. 121. Ед. хр. 764. Л. 6.

²⁶ Там же. Оп. 194. Ед. хр. 774. Л. 263, 268.

²⁷ Там же. Ф. 744. Оп. 1. Ед. хр. 81. Л. 19.

²⁸ Там же. Ф. 740. Оп. 28. Ед. хр. 665.

²⁹ Там же. Оп. 47. Ед. хр. 57.

³⁰ Исторический архив г. Санкт-Петербурга. Ф. 400 – “Петроградское Славянское благотворительное общество, 1868 - 1918”.

³¹ ПФА РАН. Ф. 35. Оп. 2. Ед. хр. 144. Л. 1–1 об. (Неопубликованная работа В.И. Ламанского “Об издании журнала “Известия Санкт-Петербургского Славянского благотворительного общества”. Автограф).

³² Исторический архив г. Санкт-Петербурга. Ф. 14 – “Петроградский университет, 1819-1919”.

³³ ПФА РАН. Ф. 35 – “Ламанский Владимир Иванович”. Описи 1–4.

³⁴ Там же. Оп. 2. Ед. хр. 148. (Неопубликованная работа В.И. Ламанского “О необходимости сохранения латинского алфавита для литовцев”).

³⁵ Там же. Ед. хр. 110. (Неопубликованная работа В.И. Ламанского “Проекты славянских федераций. Обзор”).

³⁶ Там же. Ед. хр. 109. (Неопубликованная работа В.И. Ламанского “Исторические письма об отношении русского народа к его соплеменникам”).

³⁷ Там же. Л. 59.

³⁸ Там же. Л. 59 об.

³⁹ Там же. Ед. хр. 110. Л. 2 об.

⁴⁰ Там же. Ед. хр. 148. Л. 1–2 об.

⁴¹ Подробнее об этом см.: Лаптева Л.П. Переписка между русским славистом В.И. Ламанским и чешским учёным Адольфом Патерой как источник по истории русско-чешских связей во второй половине XIX в. // *Zbornik filozofickej fakulty university Komenskeho. Rocnik XXXI. Historica. Bratislava, 1980.*

⁴² См.: Переписка двух славянофилов (И.С. Аксакова и В.И. Ламанского). Русская Мысль. 1916. Книги 9, 12. 1917. Книги 2–4; Покровская О.В. Из переписки Н.И. Костомарова с В.И. Ламанским (1858–1867). Голос Минувшего. 1917. № 1; Документы к истории славяноведения в России (1850–1912). / Под ред. Б.Д. Грекова. М., 1948; *Slovanska korespondence K.J. Erbena. (Korespondence s cizimi korespondenty).* / Red. Zd. Urban. Praha, 1971; *Зарубежные славяне и Россия. Документы из архива М.Ф. Раевского. 40–80 гг. XIX в.* / Под ред. С.А. Никитина. М., 1975.

**СЛАВИСТ И.И.СРЕЗНЕВСКИЙ
И ЕГО ОТНОШЕНИЯ С УЧЕНИКАМИ
(по данным неопубликованной переписки)**

И.И.Срезневский (1812-1880) является столь крупной фигурой в европейском славяноведении XIX в., что в данном случае нет необходимости распространяться о его значении в нашей науке. О Срезневском существует огромная литература с анализом и оценкой его творчества и освещением его жизненного пути. И в наши дни изучение духовного наследия этой личности продолжается. Так, в России (в Рязани, но также и в других городах) в дни славянской культуры уже несколько лет подряд проводится международная конференция по пропаганде русского языка, неоценимый вклад в изучение которого внес, как известно, И.И.Срезневский.

Однако имеются некоторые стороны жизни и творчества этого ученого, еще не нашедшие полного освещения в литературе. К таковым принадлежат в частности отношения между Срезневским и его учениками по Петербургскому университету. Остановимся на некоторых наиболее ярких примерах.

Как известно, Срезневский в течение многих лет преподавал в Петербургском университете весь комплекс славянских дисциплин - языковедческих, историко-литературных и т.д., т.к. Устав Российских университетов предусматривал лишь одну штатную единицу на кафедре истории и литературы славянских наречий. Поэтому среди его учеников были и те, которые стали специалистами по славянскому языкознанию, и такие, кто посвятил свою научную деятельность разработке славянской истории и литературы.

Среди лингвистов, называвших Срезневского своим учителем, выдающееся место в истории языкознания занимает Иван Александрович (Ян Игнацы Нецислав) Бодуэн де Куртенэ (1845-1929)¹. Поляк по происхождению, он окончил историко-филологический факультет варшавской Главной школы и уже в студенческие годы занимался изучением ряда языков, а по ее окончании продолжил свое образование в Пражском, Йенском, Берлинском университетах. В 1868-1870 г. он стажировался в Петербургском университете, где под руководством Срезневского готовил магистерскую диссертацию на тему "О древнепольском языке до XIV столетия", которую опубликовал в 1870 г. в Лейпциге, и за которую ему была присуждена степень магистра филологии в Петербургском университете, а в Лейпциге - степень доктора. В предисловии к изданной диссертации автор

писал: “Я считаю приятнейшим долгом засвидетельствовать здесь глубокую благодарность И.И.Срезневскому, который и предложил мне заняться этим вопросом, и во время моих занятий не отказался быть моим руководителем и наделял меня своими советами, которые преимущественно при составлении словаря были для меня неоценимым пособием”².

С 1872 по 1876 г. Бодуэн де Куртенэ снова был в заграничной командировке и изучал славянские наречия юго-западной Австрии и Северной Италии. К этому времени относится его письмо Срезневскому, в котором признается высокий научный авторитет петербургского профессора в области изучения южнославянских говоров. В октябре 1873 г. Бодуэн писал: “С общей точки зрения, занятие славянскими говорами может показаться совершенно излишним, так как они отлично охарактеризованы Вами, почтеннейший Измаил Иванович, еще в Ваших отчетах³ и преимущественно в Вашем рассуждении “О наречиях славянских”⁴. Но дело в том, что Вы поставили было себе общую задачу, обняв своим орлиным взглядом все пространство, занимаемое южными славянами: С этой общей точки зрения Вы удивительно метко начертили общую характеристику отдельных говоров. Следовательно, если бы я захотел повторить Ваш труд, он явился бы совершенно излишним; при том же подобное предприятие не всякому по силам, в особенности же оно не по силам научной посредственности, которая еще сумеет набрать материал и сделать первичные общие выводы, но никак не в состоянии из этих первичных выводов сделать выводы еще более общие и, таким образом, озарить целое светом обобщающего гения. - Поэтому я, никак не думал снимать вторично план, так мастерски начерченный Вами 30 лет тому назад, поставил себе задачу, на общем, Вами нарисованном фоне и следуя Вашим драгоценным указаниям, изучить некоторые местности с всевозможной точностью и аккуратностью, то есть сделать для некоторых отдельных говоров то, что Вы сделали для славянских наречий и языков вообще”⁵.

Трудно определить степень искренности оценки Бодуэном значения упомянутого труда Срезневского. Не исключено, что лествиная риторика автора письма была не бескорыстной. Бодуэн хотел продлить свою командировку за казенный счет, что видно из следующих строк того же письма: “Будучи уверен в Вашем ко мне расположении и снисходительности, осмеливаюсь обратиться к Вам, почтеннейший Измаил Иванович, с покорнейшею просьбою, чтобы Вы, пользуясь Вашим влиянием как ученый и государственный деятель, изволили, если только возможно, содействовать продлению срока моей командировки еще на один год ... В случае невозможности продлить мою командировку, благоголите известить меня, могу ли я рассчитывать на удовольствие служить вместе с Вами и пользоваться

Вашими советами и Вашим покровительством”⁷⁶.

Срезневский “изволил посодетствовать” Бодуэну, и последний получил желаемое продление командировки. В Петербург он возвратился в 1875 г. и защитил здесь докторскую диссертацию на тему “Опыт фонетики резьянских говоров”. Как и на магистерскую диссертацию Бодуэна, Срезневский дал положительный отзыв также на новое произведение своего ученика⁷⁷, и в результате Академия наук в 1876 г. присудила Бодуэну Уваровскую премию. В связи с этим Бодуэн, уже находясь в Казани, писал 4 октября 1876 г. следующее: “Милостивый государь Измаил Иванович! Если б не Ваш совет, я не вздумал бы представлять свое сочинение о резьянских говорах на соискание премии графа Уварова⁷⁸; затем, если б не Ваш отзыв об этих книжках, мне никогда бы не была признана премия. Говорю я это по глубокому убеждению, ибо знаю невеликую цену моих трудов. Поэтому позвольте, почтеннейший Измаил Иванович, выразить Вам от всей души глубокую признательность Вашего ученика и почитателя”⁷⁹.

Защитив докторскую диссертацию, Бодуэн уехал в Казань и в течение 9 лет работал на кафедре славянской грамматики и санскрита. Из Казани он неоднократно писал Срезневскому письма, полные уважения, благодарности и почтения.

В феврале 1880 г. И.И.Срезневский умер, а уже в том же году, в 5 номере воронежских “Филологических Записок”, рецензируя книгу Карла Аппеля, Бодуэн дает совершенно иную оценку педагогической и научной деятельности Срезневского. Он уже не называет покойного своим учителем, не находит слов благодарности за то, что профессор практически создал ему условия для научной карьеры. Теперь Срезневский уже стал бесполезен, и Бодуэну ничто не мешает сказать о нем то, что раньше оказалось бы крайне невыгодно. Упоминая о своей работе по древнепольскому языку, Бодуэн пишет “Тема эта (собрание материала для истории польского языка из латинских грамот) была мне предложена покойным И.И.Срезневским, не желавшим вовсе понимать задач и метода настоящего языковедения, ... и не добивавшегося от молодых чернорабочих (какими были для него люди, “занимавшиеся под его руководством”) ничего другого кроме словаря, да и то обыкновенно словаря с каким-нибудь курьезным порядком слов. Подобная работа не могла удовлетворить ума хоть сколько-нибудь живого и желающего понимать настоящие научные вопросы. Она действовала на крепостного [т.е. обладавшего крепостническими замашками - Л.Л.] почтенного палеографа подавляющим образом и вызывала потребность хоть кое-как вознаградить все бессмыслие и чисто механический труд навязанной работы, труд, который впрочем не был бы так тяжелым, если б “руководящий” согласился дать хоть какое-

нибудь указание относительно приемов, делающих возможным самое скорое и целесообразное производство подобных работ. Отсюда-то и появилось в сочинении "О древнепольском языке до XIV стол." недостаточно обдуманые выводы, незрелые и чрезвычайно смелые объяснения и обобщения фактов, не дающие сами по себе никакого права на это, и вообще то странное несоответствие, какое замечается, с одной стороны, между самым тщательным, самым строгим и самым добросовестным сопоставлением и обработкою всевозможных мелочей из грамот и других древнепольских памятников, а, с другой стороны, между большою смелостью и отчасти фантастичностью общих выводов. Впрочем, несмотря на всю подавленность ума этою египетскою работою мне все-таки удалось сделать несколько совершенно верных и до того неизвестных объяснений"¹⁰.

Подобную же характеристику дал Срезневскому Бодуэн де Куртенэ в автобиографии, представленной им в "Критико-биографический словарь" под редакцией С.А. Венгерова. Здесь читаем: "Срезневский ... не мог терпеть обобщений, и всякое проявление новой или хотя бы даже старой, но хоть сколько-нибудь смелой научной мысли было ему противно. После этого легко понять, что подобный руководитель не хотел и не мог признавать ни малейшего значения за моим трудом "Einge Falle der Wirkung der Analogie". Не допуская вовсе подобных обобщающих работ, для диссертации на степень магистра сравнительного языкознания он требовал от меня составления словаря польских слов, встречающихся в латинских грамотах ... Подобное бессмысленное занятие должно было иметь роковое влияние на молодой ум. Я стал апатичен, равнодушен ко всему, потерял почти все мое честолюбие, не находил никакого удовольствия в труде, никакого стимула ни в самом себе, ни в окружающей среде. Я, правда, оправился впоследствии; но то, что раз было потрясено, не могло уже никогда возвратиться к моей прежней энергии"¹¹.

Таким образом, в отзывах о Срезневском, опубликованных после его смерти, Бодуэн старался показать, что его руководитель не только не принес ему пользы (о которой он писал раньше в своих письмах), но даже навредил его научному росту. Труды Срезневского Бодуэн считал устаревшими и полностью отвергал их значение. В литературе о польском лингвисте нередко можно встретить его оценку как гениального ученого, предвосхитившего своими трудами развитие славянского языкознания в будущем. У нас нет оснований не верить специалистам-языковедам. Но моральная сторона поступков этого великого ученого не может не вызывать осуждения. Представитель нового направления в языкознании самоутверждался способами, далекими от нравственных норм в отношениях между людьми. В журнале "Славяноведение" №6 за 2001 г., в статье польского

ученого Б.Бялокозовича “Лев Толстой глазами Яна Бодуэна де Куртенэ” рисуется образ ученого-гуманиста, сторонника справедливости и любви к ближнему. На наш взгляд, лицемерие в отношении “ближнего”, а именно эта черта проявилась в Бодуэне, когда речь идет о Срезневском, отнюдь не является показателем его гуманности и высоких моральных качеств. Заметим однако, что в своем ниспровержении Срезневского (да и других языковедов, например, А.Шлейхера) Бодуэн был несправедлив, так сказать, “исторически”. Каждая наука развивается поэтапно и в то же время по принципам диалектики, которые предусматривают и отрицание достигнутого ранее. Но это не означает, что прошедший этап лишь тормозил развитие науки. Напротив, предшественники всегда создавали интеллектуальный фундамент для новых теорий и методов, на котором и вырастали будущие ниспровергатели установившихся традиций. Трудно себе представить, чтобы в начале XIX в. в славянском языкознании мог появиться ученый типа Бодуэна де Куртенэ. Понадобился еще ряд десятилетий, чтобы Бопп, Шлейхер, Буслаев, Срезневский и другие представители традиционного языкознания оказались устаревшими, чтобы появилась возможность оформить новые принципы и подходы к науке о языке.

За свою продолжительную профессорскую деятельность И.И.Срезневский имел много учеников. Практически каждый, кто проходил обучение на историко-филологическом факультете Санкт-Петербургского университета с 1847 по 1880 г., в той или иной мере были учениками Срезневского. Большинство ограничивались знакомством со славянскими языками и литературами на лекциях Срезневского, но на некоторых слушателей он имел и более глубокое влияние. Такое обучение проходили у Срезневского в частности и Н.Г.Чернышевский, и будущий автор первого обобщающего труда по истории славянских литератур А.Н.Пыпин.

Но были среди учеников Срезневского и такие, кто воспринял его взгляды на славянство, на методы работы и даже в известной мере на способ мышления. К таковым можно отнести среди прочих В.В.Макушева (1837 - 1883), ставшего крупным историком славянских народов. Написано о Макушеве по сравнению с литературой о Бодуэне довольно мало. Кроме того, анализ его творчества осуществлен лишь в последнюю треть XX в., что объясняется рядом факторов, в частности и тем, что в годы советского режима в нашей стране исследование творчества “буржуазных” историков не считалось актуальным, что и привело к забвению многих деятелей культуры и науки^{1 2}. В.В.Макушев проходил обучение у Срезневского в Петербургском университете. Как уже указывалось, в XIX в. славяноведение в российских университетах преподавалось одним профессором, читавшем все теоретические и исторические курсы и практически обучав-

шим слушателей славянским языкам. Поэтому и Макушев познакомился с преподаваемыми предметами в полном объеме, получив в частности и хорошую лингвистическую подготовку, хотя стал в конечном итоге преимущественно историком славянства; на этом поприще он и добился наибольших успехов. В течение нескольких лет он исследовал документы в итальянских и южнославянских архивах, где обнаружил много неизвестных науке материалов. На их основе Макушев написал ряд важнейших исторических работ, явившихся вообще первыми в историографии соответствующих тем. К ним принадлежат монографии по истории Дубровника, Болгарии, Сербии и др. Макушев стал в России основателем изучения истории Албании. Большое значение для изучения истории славян приобрели его публикации документов, извлеченных из дубровницких и итальянских архивов. Они создали источниковую базу для дальнейших исследований.

Макушев был талантливым, неординарной натурой. За свою короткую жизнь он внес большой вклад в славяноведение, а в качестве профессора-слависта Варшавского университета воспитал много учеников.

Со Срезневским Макушев находился в контакте, видимо, с 1860 г. по 1879 г.; во всяком случае, корреспонденция между ними сохранилась именно за этот период времени. Письма Макушева извлечены нами из архивного фонда И.И.Срезневского в Российском Государственном Архиве Литературы и Искусства (РГАЛИ). В них, как и в письмах Бодуэна, открываются отношения между учителем и учеником. - Срезневский оказывал Макушеву всяческую помощь. Уже студенческое сочинение последнего представлено Срезневским к награде золотой медалью и опубликовано по его же инициативе за счет университета^{1 3}. Со Срезневским Макушев советовался по теме магистерской диссертации и ее публикации. Срезневский хлопотал о командировке Макушева в итальянские архивы. А присылавшиеся Макушевым отчеты о проделанной работе и статьи на темы о найденных в архивах документах Срезневский публиковал в изданиях Академии наук. По отзыву Срезневского о книге В.В.Макушева "Исследование об исторических памятниках и бытописателях Дубровника" (1867) автору была выдана премия графа Уварова, присуждавшаяся Российской Академией наук. Словом, профессор и академик Срезневский помогал и покровительствовал Макушеву в том же духе, как ранее и Бодуэну де Куртенэ.

В письмах Макушева много сообщений о розыскании и доставке Срезневскому из-за границы различных книг, которых русский академик до этого не имел. Уже будучи профессором Варшавского университета, Макушев дорожит трудами Срезневского и его мнением о собственных рабо-

тах. 3 апреля 1878 г. он пишет учителю из Варшавы: “На Ваше предложение украсить мою библиотеку Вашими драгоценнейшими изданиями могу ответить только глубокою благодарностию и пожеланием иметь, буде возможно, следующие Ваши труды: 1. Памятники юсового письма; 2. Глагольского, 3. Биографию Караджича (Из “Братской помочи”). Не желая злоупотреблять Вашею любезностью, ограничиваюсь этими тремя трудами, которых у меня нет, и которыми я пользуюсь в моих лекциях. “Памятники глагольского письма” особенно мне нужны: их нет даже в нашей университетской библиотеке, хотя я несколько раз заказывал”.

Далее Макушев пишет: “Я весьма желал бы знать Ваше мнение о лекциях моих о старочешской письменности, печатающихся в “Филологических записках”. Приступаю теперь к обработке лекций о Зеленогорской рукописи; затем последует ряд лекций о Краледворской рукописи и о глоссах *Mater verborum*. Когда печатание окончится, все эти лекции выйдут отдельною книгою, которую я желал бы посвятить Вам, “незабвенному моему учителю”, если только Вы позволите украсить Вашим именем мой слабый труд”¹⁴.

Следует подчеркнуть, что, выражая Срезневскому высшую степень почтения, Макушев не всегда и не во всем соглашался с учителем. В 70-е гг. XIX в. в литературе, особенно чешской и немецкой, шла ожесточенная полемика относительно подлинности известных чешских памятников письменности - Краледворской и Зеленогорской рукописей (РКЗ). Подавляющее большинство чешских деятелей национальной культуры отстаивали тогда, не считаясь со средствами, подлинность древних “сокровищ” языка и литературы. Поддерживали их и многие славянские деятели других стран. В России практически все слависты верили тогда в подлинность РКЗ. Срезневский же не просто поддерживал эту веру, но и использовал РКЗ в своих работах в качестве источников и печатно защищал их подлинность. Макушев едва ли не первым в России оказался на стороне противников этого взгляда, он филологическими аргументами доказывал подложность РКЗ. Позиция Срезневского в этой сфере была для Макушева неприемлема, и свое мнение он открыто высказал в письме к учителю в весьма академической форме. 6 мая 1878 г. он сообщал: “Вчера, наконец, отправил к А. А. Хованскому третье чтение (о Любушином суде) [т.е. Зеленогорской рукописи - Л.Л.] и вздохнул посвободнее. Не знаю, будете ли Вы согласны с моими выводами, которые оказались неожиданными для меня самого. Год тому назад, когда я читал лекции о Любушином суде, я был иного мнения. Хотя кое-что и казалось мне сомнительным, я не решался заподозрить так называемой Зеленогорской рукописи и относил ее по языку, правописанию и некоторым археологическим признакам ко второй половине XIII

века. Теперь же, обрабатывая свою лекцию для печати, я рассмотрел более обстоятельно все признаки и пришел к убеждению, что эта рукопись относится к началу нашего столетия. Кто falsarius - не решаю, но подделка для меня несомненна”.

Посылая Срезневскому выпуск своих “Чтений о старочешской письменности”¹⁵, Макушев говорит о том, что посвящает свое произведение Срезневскому: “В знак моего глубокого уважения к Вашим трудам и с искреннейшей благодарностью за то, что Вы не только научили меня работать, но также постоянно меня поддерживали в моих занятиях и поощряли не только словом, но и делом” - так комментировал Макушев свое посвящение этой работы учителю. И далее в письме читаем следующие проникновенные слова: “Сознавая все мое ничтожество перед Вами, я горжусь тем, что принадлежу к Вашим ученикам. Я был бы счастлив, если бы мои ученики вспомнили обо мне когда-нибудь с таким чувством благодарности, с каким я вспоминаю и всегда буду вспоминать о Вас. Вы были для меня образцом не только ученого, но и профессора, и благодаря Вам я не стал профессором-ремесленником, а вложил в свои лекции всю душу, положил на них всю мою жизнь. Работать своим умом по Вашему примеру стало для меня неперемennым правилом, неизменною потребностью. Такой самостоятельный труд представляют изданные мною теперь чтения - это единственное их достоинство. О недостатках прошу Вас, по прекрасному Вашему выражению, судить строго и снисходительно”¹⁶.

Самостоятельное, хотя и противоположное мнению учителя суждение Макушева о происхождении РЗ корифей российской науки принял, видимо, спокойно. Во всяком случае, о какой-либо отрицательной реакции у нас сведений нет. Более того, поздравляя Срезневского с праздником Пасхи 30 марта 1879 г., Макушев писал: “Не могу пропустить этого случая, чтобы не принести Вам искреннейшую благодарность за письмо Ваше от 24 февраля [1879 г. - Л.Л.]. В этом письме так превосходно изображается Ваша прекрасная душа, Ваше благородство характера, Ваш глубокий ум, Ваше истинное образование. Не многие могут так говорить и писать, как Вы: для этого нужно стать выше других, для этого нужно обладать тою нравственною и умственною силою, которая заставляет быть строгим к себе. Получая такие письма как Ваше, возвышаешься в собственных глазах и в глазах товарищей. Не буду таиться: я с гордостью давал читать Ваше письмо тем, которые стоили того - и не только товарищам, но и ученикам своим ... Посвящая Вам мои чтения, я исполнил долг совести перед Вами: я хотел принести хотя ничтожную дань глубокого моего уважения к Вашим заслугам и искреннейшей благодарности за все доброе, которое получил от Вас. Я посвятил Вам этот труд, а не какой другой, потому что

почти каждая страница его напоминает мне Вас как ученого и профессора. Так и Вы поняли. С нетерпением жду новых доказательств некоторых из Ваших прежних домыслов. Воспользуюсь ими для будущих моих чтений”.

Приведенные строки показывают, что несмотря на разногласия в трактовке каких-то научных проблем между Срезневским и Макушевым существовало полное взаимопонимание в подходе к задачам науки. Это естественно. Ученики нередко превосходят своих учителей в разработке тех или иных вопросов, подчас приходя к выводам, противоположным тем, которые были усвоены во время ученичества. Без такого закономерного процесса развитие науки могло бы остановиться. Но столь же закономерна и преемственность между поколениями. Макушев жил и воспитывался в иных исторических условиях нежели Срезневский. Он уже не разделял романтических убеждений в отношении славян, что еще было характерно для Срезневского, не был лично связан со славянскими корифеями, среди которых жил и работал создатель фальсификатов В.Ганка, друг Срезневского. Макушев не только более трезво и рационалистично относился к славянам, но и имел моральное право их критиковать, чего волею обстоятельств был лишен Срезневский. Представляется не случайным тот факт, что никто из представителей первого поколения русских славистов не выступал в разгоревшейся полемике по поводу подлинности РКЗ на стороне критиков. Можно полагать, что этот факт объясняется не только романтическим отношением к славянству, но и моральным долгом по отношению к тем чешским корифеям, которые на заре славистической подготовки русских ученых помогли последним овладеть азами славяноведения и поделились с ними своими знаниями. И хотя первое поколение русских славистов в результате своих заграничных студий славянства получило материал, дополнявший, а подчас и опровергавший заключения, например, Й.Добровского о времени возникновения глаголицы (Григорович) или П.Й.Шафарика о границах славянских языков (Срезневский) и классификации славянских языков и народов (Прейс), - они не считали себя вправе осуждать ошибки своих предшественников во имя самоутверждения собственной личности. Элементарные нормы общечеловеческой морали и нравственности в русском славяноведении также имели преемственность - наряду с преемственностью идей, знаний и методов, что, несомненно, относится к Макушеву.

В заключение следует отметить, что, на наш взгляд, рассмотренные примеры отношений учеников к учителю весьма актуальны и в наше время. Нельзя не заметить, что чем энергичнее и рационалистичнее молодой человек, тем чаще он относится к учителю потребительски, даже если сам умен и талантлив. Такие люди используют помощь учителя в качестве трам-

плина для карьерного взлета, а по достижении своих целей начисто забывают о тех, кто их вскармливал.

Примечания:

¹ Литература об А.И.Бодуэне де Куртенэ огромна. Сведения о нем имеются практически во всех справочных изданиях, касающихся лингвистики и филологии вообще. См., например: Булахов М.Г. Восточнославянские языковеды. Библиографический словарь. Т.1. Минск, 1976 (список сочинений о Бодуэне де Куртенэ на стр. 34-35). За последнюю четверть века литература о нем еще значительно выросла.

² Бодуэн де Куртенэ И.А. О древнепольском языке до XIV столетия. Лейпциг, 1870. С.IV.

³ Имеется в виду: Донесение адъюнкта Срезневского в министерство народного просвещения из Загреба от 2 (15) августа 1841 г. // ЖМНП. 1842. Ч.XXXIII.

⁴ ЖМНП. 1841. Ч.XXXI.

⁵ Письма Бодуэна де Куртенэ хранятся в Российском Государственном Архиве Литературы и Искусства (РГАЛИ) в Москве, в фонде И.И.Срезневского. Часть их опубликована С.В.Смирновым в кн.: Труды по русской и славянской филологии. XXII. Серия лингвистическая. Tartu, 1973. С.191-217. Приведенные здесь и ниже цитаты взяты из этой публикации, в данном случае - из письма от 9/21 октября 1873 г., текст на С.193.

⁶ Там же. С.194.

⁷ Срезневский И.И. Отчет о трех книгах А.И.Бодуэна де Куртенэ // Сборник Отделения Русского языка и Словесности Российской Академии наук. Т.21. 1881. С.33-47.

⁸ Уваровской премией была награждена монография Бодуэна де Куртенэ "Опыт фонетики резыанских говоров" (Варшава - Петербург, 1875).

⁹ Указ. публикация писем. С.202.

¹⁰ Бодуэн де Куртенэ И.А. [Рец. на соч.] Карл Аппель: 1)Заметки о древнепольском языке. 2)К славянскому народному словообразованию // Филологические Записки. 1880. №5. С.3-4.

¹¹ Критико-биографический словарь русских писателей и ученых. Под ред. С.А.Венгерова Т.V. С.32. - Эти отзывы Бодуэна де Куртенэ о И.И.Срезневском см. также в статье: Смирнов С.В. И.А.Бодуэн де Куртенэ и И.И.Срезневский // Труды по русской и славянской филологии. Указ. изд. С.186-187.

¹² В настоящее время о В.В.Макушеве имеются следующие работы (перечисляем в хронологическом порядке): Владыко Н.И. В.В.Макушев как историк южного славянства. Автореферат диссертации на соискание

ученой степени кандидата исторических наук. М., 1981; Минкова Л. Переписка Викентия В.Макушева с Марином Ст.Дриновым (1869-1878) // Bulgarian Historical Review. 1981. 1-2. P.180-213. Лаптева Л.П. Макушев как исследователь средневековой Албании // Общественное сознание на Балканах в средние века. / Межвузовский тематический сборник. Калинин, 1982. С.155-173; Laptewa L.P. Vikentij Makusev und Karl Hopf. Ein Beitrag zu der deutsch-russischen Wissenschaftsbeziehungen im 19. Jahrhundert // Jahrbuch für Geschichte der sozialistischen Länder Europas. Bd. 25/2. Berlin, 1982. S.107-121; Eadem. O zivote a dile ruskeho slavisty V.V.Makuseva // Slovansky Prehled. 1983. С.4. S.297-306; Минкова Л. В.В.Макушев и становление болгарской исторической науки // Actualne problemy dejen slavistiky. Bratislava, 1986. S.161-175; Владыко Н.Н. Макушев как историк Черногории // Вопросы истории славян. Вып. 8. Воронеж, 1985. С.87-94; Лаптева Л.П. Профессор Варшавского университета Викентий Макушев и его работы о Польше // История и историография зарубежного мира в лицах / Межвузовский сборник научных статей. Вып. I. Самара, 1996. С.156-167; Она же. Контакты русских славистов с немецкой наукой в 20 - 60-е годы XIX века / Россия и Германия. Вып.2. М., 2001. С.71-91.

¹³ Речь идет о работе: Макушев В.В. Сказания иностранцев VI-X вв. о быте и нравах славян. Спб., 1860.

¹⁴ РГАЛИ. Ф.436 (И.И.Срезневский). Д.1282. Оп.1. - Все цитируемые письма из этого фонда.

¹⁵ Имеет в виду: Макушев В.В. Из чтений о старочешской письменности. I-IV. Вып.1. Воронеж, 1879.

¹⁶ Макушев - Срезневскому 25 февраля 1879 г. // Указ. фонд.

Т. Чепелевская

ИЗ ИСТОРИИ РОССИЙСКО-СЛАВЯНСКИХ СВЯЗЕЙ. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ А.В. АМФИТЕАТРОВА НА БАЛКАНАХ В КОНЦЕ XIX - НАЧАЛЕ XX в.в..

В центре нашего внимания - жизнь и творчество Александра Валентиновича Амфитеатрова, писателя, публициста, литературного и театрального критика, драматурга, автора сатирических стихов. Он родился 14 декабря 1862 г. в Калуге в семье протоиерея Валентина Николаевича Амфитеатрова, впоследствии настоятеля Архангельского собора в Москве, известного проповедника и автора трудов по ветхозаветной истории. В родос-

ловной А.В.Амфитеатрова немало имен, внесших вклад в русскую духовную культуру: Филарет - митрополит Киевский, Антоний - архиепископ Казанский, профессора Киевской и Вифанской духовных академий, С.Е.-Раич - переводчик Тассо и Ариосто. Со стороны матери А.В.Амфитеатров приходился племянником профессору политической экономии Московского университета А.И.Чупрову (ему писатель посвятил роман "Восьмидесятники").

Вскоре после рождения А.В.Амфитеатрова семья переезжает из Калуги в Москву. Здесь, окончив 6-ую гимназию он поступает в Московский университет на юридический факультет, который заканчивает в 1885 г. Уже в студенческие годы Амфитеатров сотрудничает в журнале "Будильник" (под разными псевдонимами: "Амфи" и др.), где знакомится с А.П.Чеховым. Однако сближение с московскими литераторами не помешало юноше сделать поначалу неожиданный профессиональный выбор. Он решает посвятить себя оперной карьере: сначала в качестве ученика классов пения, а затем уезжает в Италию для совершенствования вокального мастерства. В течение двух сезонов Амфитеатров выступал в опере Тифлиса и Казани. Однако музыка не стала его судьбой.

С конца 1880-х гг. он полностью отдается литературной работе. В 1892 г. молодой человек возвращается в Москву и начинает работать театральным обозревателем в газете "Новое время". Его фельетоны воскресной рубрики "Москва. Типы и картинки", подписанные "Old gentleman", пользуются неизменным читательским успехом.

В 1897 г. в качестве корреспондента он едет в Польшу. Эта поездка сильно повлияла на взгляды писателя, поколебала, по собственному признанию, его доверие к "охранительству и национализму". В 1899 г. Амфитеатров переживает период "мучительного нравственного перелома". Вместе с В.М.Дорошевичем (знакомым по работе в "Будильнике") он приступает к изданию собственного печатного органа - радикальной газеты "Россия". Но в начале 1902 г. газета подвергается репрессиям за фельетон Амфитеатрова "Господа Обмановы" (1902 г., 13 января) - острый памфлет на царствующий дом. Автор фельетона был выслан в Минусинск, но в 1903 г. его переводят в Вологду, учитывая заслуги отца. В ссылке он напряженно работает: создает цикл очерков "Сибирские этюды", высоко оцененные критиками. Именно в годы первой ссылки литература становится его жизнью. В 1903 г. ему разрешают поселиться под Петербургом, и он сразу включается в журналистскую деятельность, своими статьями и фельетонами способствуя успеху газеты "Русь". Однако за очередную острую статью в защиту студентов Горного института, обвиненных в японских настроениях, Амфитеатров вновь выслан в Вологду. Здесь он

продолжает работать над статьей о предпринятом С.А. Венгеровым издании сочинений Шекспира, ведет активную переписку с деятелями русской культуры.

Именно в этот период он осуществляет новый проект - собирает воедино статьи, очерки, материалы, написанные им во время поездок в страны Балканского полуострова (1894-1901), в сборник "В моих скитаниях. Балканские впечатления" (СПб., издание И.В. Райской, 1903).

В I часть книги, получившую название "В моих скитаниях", помимо статей "У румын - за Дунаем", "Софийские впечатления 1901 г.", "Белград и король Александр", "Черногорский Орел", вошли очерки "Афинские дни", "Константинополь", "Корфу", основанные на личном впечатлении Амфитеатрова. Вторую часть книги 1903 г. составили очерки, объединенные общим названием "Страна раздора. Балканские впечатления": "В македонской глуши", "Салоники", "За Шаром", "На славянской Адриатике", "Повелитель правоверных", "Петко Каравелов". В Приложение вошли объемные работы: "Данные славянского расселения", "Замечания о македонском освободительном движении" и даже фельетон "Почтовый скандал" - о повсеместной практике перлюстрации почтовых отправлений¹.

Объясняя необходимость этого издания для будущих исследователей эпохи, Александр Валентинович выделял в первую очередь политические мотивы, он писал: "Включенные в эту книжку путешествий рассказы о свиданиях моих с главами балканских государств я считаю не лишним сохранить в отдельном издании от забвения на старых газетных листах"².

Действительно, в книгу вошли подробные описания его бесед в качестве корреспондента петербургских газет с князем Фердинандом Болгарским (1894 г. и 1896 г.), с сербским королем Александром Обреновичем в апреле 1901 г. При этом Амфитеатров пытается дать развернутую характеристику этим историческим деятелям, что делает его тексты крайне интересными для современного читателя. Так, запись аудиенции с Александром Обреновичем, длившейся более 40 минут (она вошла в книгу как Приложение 2), после трагической гибели Александра Сербского (как его называли в то время в официальных кругах России) перепечатали многие русские газеты. Амфитеатров дает не только политический портрет Александра, (приводя его высказывания по поводу принятия новой конституции и "поворота к руссофильско-национальной политике"), но и его физический и психологический портрет, тем самым снимая налет парадности и официоза с фигуры молодого балканского лидера. Отмечая личную храбрость Александра, Амфитеатров писал: "Этот маленький, черненький, некрасивый мальчик, с беспокойными глазами много раз доказал, что он уродился не родного десятка, в мать, а не в отца". Однако при этом писа-

тель стремится объективно оценить его характер как политического лица: «Полный упрямства и капризов в личной жизни, Александр в вопросах государственных был, да и остался бы впредь, вечною игрушкой временных любимцев или удачников, случайных людей и хотя женясь на Драге, он обещал, что “сюрпризов в Сербии больше не будет”, но, по неустойчивости подозрительного ума и капризной слабости характера, никакой иной политики, кроме “сюрпризной”, вести он не мог. Он удивительно легко расставался с друзьями и приближал к себе врагов. Близорукость нравственная едва ли не превосходила в нем близорукость физическую» (I; 242-243).

Текст разговоров с Фердинандом Болгарским (1894 г.) также “был неоднократно цитирован в софийском Народном собрании как наиболее открытое изложение первоначальной политической программы князя; его приводили и органы болгарской печати”³³. Весьма интересные сведения дает Амфитеатров в Приложении 1, где более подробно раскрывает содержание бесед с Фердинандом, дополняя текст отступлениями, содержащими анализ общественно-политической ситуации в Болгарии, приводя высказывания Фердинанда во время церемонии в феврале 1896 г. по случаю восстановления дипломатических, торговых и общественно-культурных отношений между Россией и Болгарией.

“От меня требовали и ждали, - пишет журналист, - простого рассказа, кто из политических деятелей, что творит в Болгарии, требовали впечатлений совершенно объективных, способных явиться твердым и незаподозренным материалом для суждения по ним о чувствах болгарского народа и правительства. Эту задачу я и старался выполнить и, кажется, *небезуспешно и бесполезно* (выделено нами - Т.Ч.)” (I; с. 225). Отмечая сложность стоящей перед ним проблемы, Амфитеатров настаивает на такой, как он пишет, “нескромной” оценке своего труда, так как в результате победили его взгляды, “а не взгляды венских русофобов, российских шовинистов, сознательных и бессознательных врагов славянского единства” (I; с. 225).

Мысли о России, ее месте и роли в жизни народов, и в первую очередь, славянских народов Балканского полуострова пронизывают всю книгу, но в некоторых главах тема России становится доминирующей. Так, в главе “Черногорский Орел” писатель приводит пространные высказывания черногорского князя Николая Негоша, сделанные во время их встречи в 1901 г.: “Россия - все для нас, славян, - сказал он голосом теплым, проникновенным. - Мы - дети России. Если бы когда-либо что-либо противорусское случилось в моем государстве, я подумал бы: пришли последние времена - дети бьют родную мать. Пересчитать все нравственные благодея-

ния, оказанные нам Россией, невозможно. А - еще мало ли делает нам она и материальных услуг и поддержек!.. Россия - моя величайшая любовь, которую понесу я в душе моей до самого конца моей жизни. И я счастлив тем, что знаю: не один я так думаю в Черногории! - со мною одинаково мыслит весь народ..." (I; с. 108) Далее в разговоре, стремясь пояснить патетический характер своего признания, собеседник Амфитеатрова добавляет: «...Вот уже третье столетие, как народ наш - весь, целою массою, точно магнитная стрелка в компасе, - обращен взорами на русский север. Это не "направление", а инстинктивное чувство, - его нельзя ни заглушить, ни купить. Бывали периоды, когда русские как будто забывали про нас, не до нас им было, и нам в периоды эти приходилось очень туго, - однако преданность наша России и тогда не гасла, не уменьшалась ни на йоту. Мы продолжали обожать Россию и верить в нее, вопреки ей самой... Разве мало соблазнов пережили мы, разве мало сулили нам денег, выгод, земель, - только бы мы отступились от России?.. Мы убеждены, все до единого, что в день, когда Черногория потеряет любовь России или сама пойдет против ее целей и желаний, она уже перестанет существовать морально, а за концом моральным недолго ждать и политического...» (I, с. 107) Так, в терминах родства (мать - дети), опираясь на опыт вековой истории, оценивает взаимоотношения двух славянских народов начала XX в. князь Николай. В его речи, безусловно, достаточно атрибутики официальных интервью. И вместе с тем, опытный журналист и писатель, Амфитеатров, без сомнения, сумел отличить парадную риторику от искренних убеждений политика, выступающего на защиту интересов своего народа. Примечательно, что в продолжении разговора собеседник Амфитеатрова переходит на другой уровень анализа, выступая в защиту общеславянских национальных интересов и рассматривает их в рамках оппозиции "свой - чужой". При этом в качестве второго члена оппозиции у него выступает Европа, европейское. "Кто уводит славян от России, - горячо повторил он, - тот либо сам не понимает, что он делает, либо сознательно стремится уничтожить их расовую физиономию, индивидуальность, хочет переделать их из резко определенных и самобытных национальностей в безразличную, нейтральную, международную массу европейцев не европейцев, а так... европейского облика." (I, с. 111)

Из приводимых Амфитеатровым высказываний разных людей, с которыми он встречается, складывается, как мозаика, удивительно интересная дискуссия по проблемам славянства, к которым не остается равнодушным практически ни один из его случайных собеседников. Например, в главе "На славянской Адриатике" писатель передает свой разговор в Дубровнике (Рагузе) с полковником австрийской армии. Тот, рассуждая о роли

Черногории, “за спиной которой стоит Россия”, видит в ней не только “...край старинных усюков - гордый, своеобразный, непоклонная голова” (II, с. 132), но и своеобразный символ, маяк, “по которому здешние славяне знают, что существует где-то далеко великая страна, которая блюдет славянские интересы и защищает верных ей славян” (II, с. 135).

Возвращаясь к общей характеристике книги А.В. Амфитеатров, хотелось бы обратить внимание на весьма интересные, разбросанные по всему тексту портреты как известных людей, так и случайных попутчиков русского корреспондента. Иногда такие зарисовки становятся своеобразными подступами к описанию национального типа, характера. Наиболее яркие описания он дает черногорцам (“Черногорский Орел”), албанцам (“За Шаром”), македонцам (“В македонской глуши”). При этом автор старается вскрыть исторические причины развития определенных черт национального характера. Например, утверждая, что “арнауты всюду разбойники и своевольцы” (“За Шаром”), Амфитеатров поднимает вопрос о влияющей на жизнь албанского мужского населения традиции кровавой мести, практически изолирующей мужчин от нормальной жизни и заставляющей их уходить на заработки в другие земли или становится разбойниками. Не менее интересны и попытки писателя провести определенные параллели. Так, в уже упоминавшейся главе “Черногорский Орел” он сравнивает стариков черногорцев с гоголевскими казаками: “Старики в Черногории вообще внушительны и красивы; от них веет гетманщиною, Запорожьем, старою славянскою свободою. Глядя, как важно выступают по улицам Цетинья эти огромные старцы, с серебряными головами и сивыми усами по самые плечи, с бронзовыми лицами, опаленными порохом, изрубленными в давних боях, как величаво и живописно драпируются они в свои струки - то и дело так и хочется воскликнуть из “Тараса Бульбы” - “Эка пышная фигура!” (I, с. 103)

Говоря о македонцах - “чудные работники, трезвые, умелые держаться за копейку скопидомы”, - Амфитеатров называет их малороссами Балканского полуострова (II; с. 14). Весьма интересными, проецируемыми к современной ситуации в Косово, нам кажутся и размышления автора о роли миграционных процессов в истории славянского населения Старой Сербии (историческое название Косова), которое после поражения в Косовской битве 1389 г. начало вытесняться мусульманскими переселенцами: “Это край страшной, кровавой, систематически напряженной, воинственной иммиграции, которою албанцы последовательно вытесняют из Великой Сербии ее исконных и законных обитателей сербов... Если продолжится, если правительство стамбульское не стряхнет с себя преступной слабости и робости перед албанцами, то не пройдет и десяти лет, как в

Старой Сербии не останется ни одного серба... (II; с. 88) При этом Амфитеатров проводит параллели с миграционными процессами в России, в частности, говорит переселенцах из Боснии в Сибирь.

Во второй части книги Амфитеатрова можно с уверенностью выделить две ведущие темы: “македонский вопрос” и современную ситуацию в Старой Сербии, т.е. в Косово. Писатель пытается вскрыть не только политические, экономические, но и историко-культурные тенденции развития ситуации в этих, по его убеждению, “горячих” точках Балкан, да и всей Европы. В своих рассуждениях он во многом опирается на мнения современных ученых, как русских, так и западных (Буэ, Макензи), на позиции русских консулов (А.А.Ростковского, Н.А.Илларионова, В.Ф.Машкова и др.). Не менее значимыми для него были высказывания торговых агентов и представителей духовенства, работающих в Турции, Болгарии, Сербии, Греции с которыми он встречался на длинных балканских дорогах. Его живые и подробные описания подобных встреч помогают воссоздать облик и характер людей, работающих в этих сложных условиях.

Так, в статье “За Шаром” писатель дает портрет одного из таких представителей - русского консула А.А.Ростковского⁴, человека “еще молодого, в высшей степени порядочного, умного, сдержанного, образованного” (II, с. 113), который, рискуя своей жизнью, отправляется через перевал в город Элбассан разобраться в сложившейся ситуации: там группа тайных христиан православного вероисповедания из племени шпатиотов вдруг решила в полном составе перейти в униатство. Молодой консул с честью справляется с поставленной задачей. Следует отметить, что Амфитеатров делает интересные выводы о работе русских консулов и представителей, опираясь не только на личные встречи. “Ознакомившись с архивами нескольких наших консульств, - пишет он в уже упоминавшейся статье “За Шаром”, - я был поражен тою массою литературно-критической работы, к которой обязан русский консул, каждое донесение его в посольство есть одновременно и фактическая, подробная, проверенная корреспонденция “с места”, и обстоятельная передовая статья по поводу корреспонденции” (II, с. 112-113). Описывая далее практику оседания подобных материалов в Константинополе и в Петербург (куда попадают дубликаты донесений), Амфитеатров с горечью восклицает: “Архивы нашего министерства иностранных дел полны драгоценнейшим этнографическим и политико-историческим материалом из консульских донесений, слежавшимся и пропадающим в недрах дипломатико-бюрократических бесцельно, бесплодно и безвыходно” (II, с. 113). В этом замечании и высокая оценка труда многих и многих русских представителей на Балканах, и обращение к современникам - не упустить драгоценнейших свидетельств времени. А кро-

ме того вспомнить тех безвестных людей, которые, подобно тому, как 30 лет до них русские добровольцы, отправились на Балканы, чтобы своим трудом и способностями служить Российскому государству и делу славянской общности.

Особо следует выделить внимание автора книги к вопросам религии и религиозной пропаганды, а также проблемам образования и просвещения. В статье “В македонской глуши” Амфитеатров, подробно описывая перипетии религиозной борьбы за влияние на македонцев и, стараясь разобраться в вероятной самоидентификации этого “народа без сознания национальности”, приходит к грустному заключению: “Народ видит пред собою столько проповедников религии, что, в конце концов, теряет веру во всех них и идет не к тем, чье убеждение веры ему внятнее и ближе к сердцу, но к тем, с которыми оставаться выгоднее житейски, кто дает пастве большие удобства политические и материальные... Дают мужику пол франку в сутки - он зовет себя сербом-патриаршистом; воспитывают даром его детей в школе - он болгарин-экзархист” (II; с. 19-20). Еще более откровенной критике за пьянство и беспардонное вымогательство помощи через переписку с русскими благодетелями подвергает автор книги афонское монашество (в первую очередь, келиотов, т.е. монахов-пустынников), приводя при этом многочисленные высказывания своих собеседников, русских мастеровых, приезжающих на Афон на заработки (“Салоники”, II; с. 82-83).

Хорошо осознавая важность культурно-просветительской работы среди славян Балканского полуострова, Амфитеатров подробно описывает работу филиала Мариинского института, воспитанницами которого являются черногорские, далматинские, словенские, боснийские и герцеговинские девочки. Особое внимание он уделяет личности директора филиала, Софье Петровне Мертваго и подчеркивает успех этого предприятия, как “единственного умного, практического и прочного дела русской политики на славянском Адриатическом побережье” (“На славянской Адриатике”, II; с. 155-160).

Итак, развернутые комментарии к освещаемым журналистом событиям, рассуждения по разным вопросам балканской политики и жизни разных народов Балканского полуострова позволяют воссоздать и образ самого автора - сильного, смелого человека (в какой-то мере, его можно сравнить с журналистами сегодняшнего дня, работающими в “горячих” точках), а также умного и думающего исследователя общественных процессов современной ему эпохи.

Жизнь А.В.Амфитеатрова в предреволюционные и послереволюционные годы была сложной, а порой и трагичной. В 1905 г. он получает

разрешение уехать за границу. Его первая эмиграция длилась более 10 лет. Он переезжает в Париж. Здесь читает курс истории Древнего Рима, курс лекций о роли женщин в общественном движении России в Русской школе социальных наук. Также создает независимое издание - журнал "Красное знамя", которое придерживается "левой ориентации, хотя А.В.Амфитеатров всегда подчеркивает свою беспартийность"⁵. В 1909 г. как корреспондент петербургских периодических изданий: "Наша газета", "Киевская мысль" и "Одесские новости" Амфитеатров вновь уезжает на Балканский полуостров. Результатом его длительной командировки становится появление в 1912 г. в Москве книги очерков и материалов с выразительным названием "Славянское горе".

В 1916 г. Амфитеатров возвратился в Россию из Италии, где в начале первой мировой войны был корреспондентом газеты "Русское слово". Февральская революция 1917 г. спасла его от ссылки в Иркутск за публикацию в "Русской Воле" "Этюдов", содержащих критику в адрес министра внутренних дел А.Д.Протопопова. Октябрьскую революцию он не принял: об этом красноречиво свидетельствуют дошедшие до нас высказывания и письма⁶ - переписка с А.М.Горьким⁷, Д.С.Мережковским, З.Н.Гиппиус⁸, Б.В.Савиновым⁹ и др. 23 августа 1921 г. он буквально убегает за границу (переплывает вместе с многочисленной семьей на лодке через Финский залив). После непродолжительного пребывания в Гельсингфорсе, Берлине и Праге, семья обосновывается в Италии в Леванто, на берегу Генуэзского залива, где писатель умирает 26 февраля 1938 г.

Здесь в Италии Амфитеатров отметил полувековой юбилей своей писательской деятельности. В статье, посвященной этому событию, И.С.Шмелев писал: "Он романист и публицист, и историк, и драматург, и лингвист, и этнограф, и историк искусства и литературы нашей и мировой, - он энциклопедист-писатель, он русский писатель широкого размаха, большой писатель, неумный русский талант - характер, тратящий порой без меры"¹⁰. К этому хотелось бы добавить: и журналист, мыслитель, внесший свой вклад в отечественную славистику.

Примечания:

¹ Амфитеатров А.В. В моих скитаниях. Балканские впечатления. Спб. 1903. С. X. Далее в тексте ссылки на издание даются в скобках с указанием части (римскими цифрами) и страницы (арабскими цифрами) издания.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Александр Аркадьевич Ростковский (1860-1903), российский императорский консул в Битоли/Монастыре (ныне г. Битола в Респуб. Ма-

кедонии), погиб при исполнении служебного долга 26 июля 1903 г. Спустя 10 лет, в июле 1913 г. в Битоли (располагавшейся в т.н. Вардарской Македонии, отошедшей в результате Второй Балканской войны к Сербии) был установлен памятник - большой крест - А.А.Ростковскому на месте его гибели. Как сообщалось в телеграмме с места события, это было сделано "для выражения признательности русскому народу за вековое покровительство сербам и вообще христианам и в воздаяние священного долга памяти русского мученика Ростковского, бывшего здесь консулом и убитого за содействие освобождению этой страны..." - См.: Голос Москвы", М. 1913, 28 июля. (После Второй мировой войны, вероятно, ввиду каких-то строительных работ, памятник был разобран.)

⁵ В нем сотрудничали А.И.Куприн, Д.Я.Айзман, К.Д.Бальмонт, М.Волошин, активную роль играл А.М.Горький.

⁶ Так, осенью 1921 г., вскоре после бегства за границу, А.В.Амфитеатов пишет открытое письмо В.И.Ленину, которое было опубликовано в ревельской газете "Последние известия" и сохранилось во фрагментах в машинописи в одном из русских архивов Амфитеатрова. В нем, все еще находясь под сильным напряжением после своего отъезда и всего того, что ему предшествовало, писатель писал: "Мне удалось, пользуясь утренним туманом и нерадивостью Ваших патрулей", покинуть "пределы Вашей Империи, которая когда-то называлась моим отечеством..." // См.: Г.Бродская "Окаянные годы" Амфитеатовых... // Культура. М. 1995, 18 ноября. С. 5.

⁷ См.: Литературное наследие. М. 1988. Т. 94.

⁸ Звезда", 1995, № 7. С. 158-169

⁹ Амфитеатов А.В., Савинков Б.В.: переписка 1923-1924 гг. (Публикация писем политических деятелей) // Минувшее. 1993. Т. 13. С. 73-158.

¹⁰ Цитируется по: Амфитеатов А.В. Мертвые боги. Рассказы. Роман. М. 1991. С. 17.

**«МНЕ СЕРДЕЧНО ЖАЛЬ МАКЕДОНСКИХ СЛАВЯН, НО...»
(А.А. РОСТКОВСКИЙ В МАКЕДОНИИ. НАЧАЛО XX в.)**

Драматичным был 1903 год для служащих МИД Российской Империи на Балканах. Летом 1903 г. в городе Битоля/Монастир (ныне - Битола в Республике Македония) от пули албанского фанатика погиб русский консул, один из лучших дипломатических представителей России на Балканах - Александр Аркадьевич Ростковский.

Российская империя добилась права назначать своих консулов в Турцию по Кючук-Кайнарджийскому мирному договору 1774 г. Начало российским консульским учреждениям в Македонии положило открытие в последней четверти XVIII в. консульства в Солониках (с 1878 г. - генеральное консульство). В 1856 г. Россия вместе с другими государствами-участниками Парижского конгресса стала гарантом его постановлений. В связи с этим расширяется российская консульская сеть на Балканах. В задачу консульств входило наблюдение за реализацией реформ объявленных хатти-хумаюном (указом) Порты в 1856 г. и предусматривавших уравнивание в правах христиан и мусульман¹. В Битоли консульство было основано в 1861 г. В период русско-турецкой войны 1877-1878 гг. оно временно прекратило свою деятельность, а по окончании войны было восстановлено в 1881 г. Преобразованное тогда в вице-консульство, в 1901 г. оно вновь получило статус консульства. Консульство в Ускюбе (ныне - г. Скопье, столица Республики Македония) было организовано в конце XIX в.

Консульские функции были очень обширны и многообразны, и это позволило Бисмарку отметить, что “легче быть хорошим дипломатом, нежели хорошим консулом”². Известный журналист начала века Александр Валентинович Амфитеатров характеризовал положение русских консулов в славянской Турции как “двусмысленное”: с одной стороны, всесильные “в воображении здешних властей и народа”, а с другой, “совершенно бессильные и безгласные пред Константинополем и Петербургом”³. В задачи консула входило информирование своего правительства о политических, экономических и прочих аспектах жизни соответствующего консульского округа. В этой связи будет уместно сослаться на того же А. Амфитеатрова, очевидца многих событий начала века на Балканах, лично знавшего едва ли не всех консулов России в этом регионе. Он писал: “Ознакомившись с архивами нескольких наших консульств, я был поражен той массой литературно-политической работы, к которой обязан русский консул; каждое донесение его в посольство есть единовременно и факти-

ческая, подробная, проверенная корреспонденция “с места”, и обстоятельная передовая статья по поводу корреспонденции. Еженедельно, а то и чаще, уходят из консульских пунктов наших в Константинополь огромные пакеты с тяжелыми тетрадами таких донесений, а дубликаты их идут в Петербург. И вот - как дойдут они до этого богоспасаемого города, тут им и кажут: их очень ласково принимают, нумеруют, складывают в архивный шкаф и... покойся милый прах, до радостного утра! Архивы нашего министерства иностранных дел полны драгоценнейшим этнографическим и политико-историческим материалом из консульских донесений, слежавшимся и пропадающим в недрах дипломатико-бюрократических бесцельно, бесплодно и безвыходно.⁴” Сам же Ростковский с горечью говорил (разумеется, в частной беседе) о консульских донесениях: “...Читает это лишь посол в Константинополе, а в России - лишь министерские... мыши”⁵.

Императорский Российский консул, статский советник Александр Аркадьевич Ростковский родился 18 октября (здесь и далее даты даны по старому стилю) 1860 г. Он происходил из старинной семьи могилевских дворян. Отец его, Аркадий Николаевич Ростковский, долгое время был офицером Генерального штаба и начальником штаба 8-й кавалерийской дивизии, а в царствование Николая I находился в чине майора, являлся участником Венгерской кампании 1848 г. и по поручению Царя передал императору Францу-Иосифу сабли сорока венгерских генералов, сложивших оружие перед русскими войсками при Вилагоше. Майор Ростковский был награжден тогда австрийским орденом Железной короны. А.Н. Ростковский участвовал и в Крымской войне. Умер в 1882 г. в чине генерала в отставке. Александр Аркадьевич Ростковский воспитывался в одной из одесских гимназий, а затем получил образование в Императорском Александровском лицее, полный курс которого окончил в 1883 г. Желая посвятить себя службе на мусульманском Востоке, А.А.Ростковский поступил в Азиатский (позже - Первый) департамент министерства иностранных дел. Вскоре он был командирован в Болгарию на должность второго секретаря Императорского Российского дипломатического агентства и генерального консульства. Затем его перевели на должность секретаря и драгомана генерального консульства в Иерусалиме. Здесь он пробыл три года, кропотливо изучая быт, законодательство, культуру и наречия народов мусульманского Востока. В 1887 г. он оказался на аналогичном посту в Янине, а потом в Бейруте. Осенью 1890г. коллежский ассессор Ростковский - заместитель агента МИД в Одессе Путяты. В 1893 г. он был назначен вице-консулом в Бриндизи (Италия). Спустя два года Ростковский вновь попадает на Балканы, теперь вице-консулом в Битоли (с 1899 г. по 1901 г. он также находился на должности консула в Ускюбе), а после преобразования

соответствующего вице-консульства в консульство в 1901 г. - консулом.

Обеспеченный человек, служивший по призванию, не ради личных выгод, он был великолепным знатоком истории и быта населения современной ему Македонии. Находясь на консульской службе в Македонии, Ростовский не ограничивался строгими рамками своих прямых обязанностей и проводил скрупулезную работу и в других сферах деятельности. Например, в журнале «Живая старина» в выпуске №1 за 1899 г. и в выпуске №4 за 1900 г. вышли, соответственно, его исследования «Распределение жителей Битольского вилайета по народностям и вероисповеданиям в 1897 г.» и «Распределение жителей Солунского вилайета по народностям и вероисповеданиям в 1899 г.». Эти труды были оценены наградой Императорской Академии Наук (Если верить А.Амфитеатрову, то, по свидетельству самого А.А.Ростовского, МИД воспринял публикацию холодно-безразлично.)

Город Битоли (Битоля, Битолия, Монастырь) являлся центром Битольского вилайета - одного из трех (также Салоникский/Солунский и Ускупский/Косовский) вилайетов, которые административно (в той или иной степени) охватывали территорию историко-географической области Македония. Большую часть населения Битольского вилайета составляли православные славяне. На западе провинции достаточно компактно проживали албанцы-мусульмане.

В начале XX в. обстановка в Македонии постепенно обостряется. Между тем, все внимание Российской Империи было сосредоточено на Дальнем Востоке, а первейшая задача внешней политики России на Балканах состояла в поддержании там статус кво.

И именно в это время македонские революционные комитеты (Еще в 1893 г. в Салониках была создана организация, позже ставшая известной под именем Внутренней Македонской Революционной Организации; несколько позднее в Софии был создан Верховный Македонский Комитет. Между двумя организациями существовали значительные разногласия по многим вопросам, однако, начало XX в. характеризуется их активным взаимодействием.) все более определенно берут курс на подготовку и проведение восстания в македонских вилайетах, целью которого провозглашалось достижение автономии Македонии (программная цель организаций). Лидеры повстанцев прекрасно понимали бесперспективность своей затеи. Много позже, в 1925 г. новые лидеры ВМРО признают: «Даже Илинденское восстание, в 1903, самое большое и массовое восстание, не могло рассчитывать само завоевать свободу Македонии, а имело целью принудить общеевропейское общественное мнение и международную дипломатию разрешить македонский вопрос»⁶.

Итак, лидеры организации в полной мере понимали обреченность своей акции. Трудно было не понять (исходя из прошлого опыта), что выступление будет подавлено в относительно короткие сроки. Однако предполагалось, что неминуемо последующая за вооруженным выступлением резня христиан подтолкнет Великие державы к вмешательству и вынудит Турцию предоставить автономию Македонии. Ставка делалась и на помощь Болгарии. Кроме того, деятели комитетов рассчитывали, что болгарское вмешательство подтолкнет к решительным действиям и Сербию. Такая позиция лидеров революционного движения резко противоречила планам России. Освоем негативном отношении к деятельности комитетов Императорское правительство сообщало неоднократно через консулов в Македонии, дипломатических представителей в Балканских странах и публично.

Показательной в этом отношении является секретная телеграмма посла России в Константинополе от 5 февраля 1903 г. Ростовскому: «Ввиду продолжающихся происков революционных комитетов, имеющих целью вызвать восстание в Македонии, предлагаю принять зависящие от Вас меры для внушения христианскому населению, что деятельность комитетов строго осуждается Императорским Правительством, что зачинщики и участники беспорядков не должны ни под каким видом рассчитывать на поддержку России, и что, в случае принятия турецким правительством мер к подавлению беспорядков, они будут предоставлены собственной участи»⁷.

Официальная точка зрения переключалась и с настроениями самого русского консула в Битоли. Еще в 1900 г. в частной беседе он заявил: «В скромных пределах моих полномочий я сделаю все от меня зависящее, чтобы предотвратить осложнения, могущие вовлечь Россию в политическую авантюру. Мне сердечно жаль македонских славян, но русские интересы мне дороже и по личному чувству, и по долгу службы»⁸.

Между тем, государственный механизм Османской империи к этому времени был полностью атрофирован. Христианское население Македонии было терроризируемо албанскими разбойниками и абсолютно беззащитно против произвола турецких чиновников. Войска рыскали в поисках комитаджий (деятелей революционных комитетов) по селам, срывая злобу на крестьянах, безжалостно избивая и грабя их (солдаты и офицеры месяцами не получали жалованья, будто умышленно подталкиваемые к грабёжам). Пытаясь хоть как-то умиротворить обстановку, осенью 1902 г. Россия поставила перед Портой вопрос о проведении реформы системы управления в трех македонских вилайетах. В январе-феврале 1903 г. Россия и Австро-Венгрия выработали проект реформ для Македонии (т.н. Венская программа). Порта должна была дать обещание, что назначенный ею ге-

нерал-инспектор европейских вилайетов будет возглавлять их администрацию в течение трех лет, имея право распоряжаться находящимися там войсками. Турция должна была передать дело реорганизации местной жандармерии в руки иностранных офицеров. Предлагаемая финансовая реформа включала ежегодное составление бюджета для каждого вилайета, использование доходов на местные нужды, проведение сбора налогов органами общинного самоуправления вместо существующей откупной системы. Порта должна была принять меры против произвола башибузуков и даровать амнистию политическим заключенным и беженцам. Эта программа была вручена австро-венгерским и российским послами в Константинополе великому везиру в феврале 1903 г.

Программа реформ была «встречена в штыки» и албанцами, увидевшими в ней покушение на свое привилегированное положение, и лидерами македонских комитетов, а местная администрация была не способна (и не хотела?) их провести. Ростковский в связи с этим докладывал, что местные «турецкие власти прилагают все свои старания, чтобы парализовать вводимые реформы и с этой целью не исполняют даже предписаний высшего начальства», а несколько позже он констатировал: «... Турецкая администрация дошла до полного расстройствa, никто не желает исполнять приказания своего начальства»⁹.

Ростковский еще в 1901 г. докладывал о таком примечательном случае: В округе Поречье, соседнем с Дебарским, и «населенном почти исключительно сербами, мудир (управитель небольшой казы/округа. - М.Я.) без ведома высших властей разрешил жителям-христианам приобрести ружья и иметь в каждом селе вооруженную стражу, которая не допускала бы албанцев-разбойников грабить население. По сведениям, полученным из Поречья, в течение этого года (донесение от 1 сентября 1901 г. - М.Я.) не было нападений разбойников и никогда еще население не пользовалось такой безопасностью, как в нынешнем году»¹⁰.

Подстрекаемое своими вождями, албанское население видело в представителях России живое воплощение курса на «ущемление своей свободы» и «попрание вековых традиций». Весной 1903 г. первой жертвой стал консул в Митровице (Старая Сербия) Григорий Степанович Щербина, убитый турецким солдатом-албанцем.

С другой стороны, руководители революционных комитетов с нескрываемой ненавистью относились к представителям России, постоянно «осуждавшим» пыл горячим головам. В донесениях русских консулов говорится и о жестокостях творимых мусульманами в отношении христиан и о провокационных действиях революционных комитетов, направленных на обострение ситуации и на ожесточение мусульман против христиан.

Да, позиция России абсолютно не удовлетворяла устремлений лидеров македонского движения, Это вело к озлоблению их против проводников внешнеполитического курса России - консулов (Получили даже хождение слухи о готовящемся покушении на Ростовского со стороны революционных деятелей. (Македонский историк Д. Димески отмечает¹¹, между тем, что в 1898 г. члены комитетов планировали похищение Александра Аркадьевича во время его поездки в Буков монастырь с целью выкупа для получения "средств на Организацию".) Однако сами участники комитетов, - писал по этому поводу консул, - уверяли, «что, несмотря на всю ненависть питаемую комитетом ко мне, моя жизнь в полной безопасности»¹².) Достаточно резко и вполне недвусмысленно А.А.Ростковский сообщает о целях лидеров революционных комитетов (которых он, кстати, называл «интеллигентный пролетариат», ибо комитеты состояли, главным образом, из учителей болгарских гимназий). По его мнению, они «не столько заботятся о благе сельского населения, как о себе лично». Они «мечтали уже, что при введении автономии они получат хорошо оплачиваемые выдающиеся места в администрации». Ростовский считал, что проект реформ разработанный Россией и Австро-Венгрией, был встречен комитетами холодно, «т.к. не обеспечивает здешнему интеллигентному пролетариату возможность пристроится на государственную службу, о чем они мечтали, требуя автономии для Македонии». Ростовский отмечал, что комитеты противодействуют реформам, заставляют селян покупать оружие и присоединяться к четам, угрожая им в противном случае смертной казнью¹³.

Мирное христианское население оказалось в самом жутком положении. В январе 1903 г. Ростовский так писал о жителях христианских сел: «С одной стороны, они страдают от посещения турецких солдат, уносящих с собой все, что им попадет под руку, и, к тому же, подвергающих пыткам жителей с целью узнать, где скрываются инсургенты, с другой стороны, бесчисленные революционные банды, постоянно увеличивающиеся в числе, отнимают у жителей последние крохи»¹⁴. В своем донесении от 19 июля 1903 г. (по итогам поездки по селам округа) Ростовский напишет: «Несмотря на все бесчинства и грабежи турок, во многих селах мне говорили, что жители сел еще больше страдают от банд, которые поставили себе целью довести население до полного отчаяния и тем заставить его примкнуть к революционному движению. Для ободрения и внушения мужества селянам инсургенты уверяют, что нынешние страдания скоро кончатся, т.к. Россия поддерживает революционное движение и ждет только момента, чтобы оно разрослось, чтобы иметь предлог вмешаться в македонские дела и освободить здешних христиан от турецкого ига»¹⁵.

Александр Аркадьевич, непоколебимый и последовательный в проведении внешнеполитического курса России, в исполнении служебного долга, нажил себе множество врагов. (Неспроста, даже и по прошествии десяти лет со дня смерти Ростковского, некоторые прямо обвиняли австрийского консула Краля в подстрекательстве к его убийству или, более того, в заговоре с этой целью.) При этом консул отличался завидным бесстрашием. Он обычно не брал с собой револьвера. Он вышел безоружным вместе с женой на прогулку по улицам города на следующий день после резни христиан в Битоли в апреле 1903 г., одним своим появлением успокоив христианское население. Вот, что писал о Ростковском всемирно известный византист Н.П.Кондаков: “В это время (1900 г. - М.Я.) в Битоле русским консулом был уже и тогда известный храбрец, знаток края, изъездивший его вдоль и поперек А.А.Ростковский. В бытность нашу в Битоле он жил на даче в Буково, на высокой горе, не более, как в нескольких верстах от города, в одном из таких монастырей, которого обширные кельи сдаются иностранцам под дачу... Александр Аркадьевич был настоящий храбрец и, пренебрегая всякими действительными и мнимыми страхами ездил всюду один, или, самое большее, с кавасом (телохранителем. - М.Я.), бравируя все окружающее¹⁶.”

В Албании есть город Эльбасан. На рубеже 19-20 вв. он входил в состав Битольского вилайета. Вблизи этого города жило племя албанцев-шпатиотов, исповедовавших православие. Не будем вдаваться в подробности, лишь скажем, что в тот период случился массовый переход шпатиотов в унию. Для разбирательства причин на месте, может быть, для исправления положения дел Константинопольским посольством был направлен Ростковский. Вот как описывает этот “поход” известный нам А.Амфитеатров: «В недоступные горные ущелья шпатиотов консул наш добрался 3-х суточным переходом по пояс в снегу. После первых двух часов странствия он упал в обморок, - полагали, что нечего думать ему продолжать путь, - однако, молодая энергия взяла свое, консул отдышался, оправился и снова поплелся вперед, поплеывая кровью на белые снега. Проводники отказались за ним следовать. Тогда он вручил свою судьбу разбойничей шайке, атаман которой и доставил его к цели...” Дело разрешилось тогда благополучно и шпатиоты вернулись в лоно православия. “Очень Вы измучились тогда? - спросил я консула, когда встретился и познакомился с ним. Отвечает:

- Не столько измучился, сколько выгрязнился. Три недели не раздевался, сапог не снимал. Ночевка на земляном полу, по курным избам. Копоть, насекомые. Когда я вернулся, мне была заранее приготовлена баня, и я распорядился, чтобы меня никто не встречал: страшно было показаться

своим. Одежду сбросил во дворе и велел сжечь ее; а сам - прямо бух в горячую ванну, и вода в ней стала сразу черная, как сажа. Уж именно, только когда в семи водах вымылся начал чувствовать себя немножко человеком¹⁷”.

Летом 1903 г А.А.Ростковский с семьей жил неподалеку от Битоли - в Буковском монастыре. Жене и детям консула там было легче переносить летний зной. Каждое утро по делам службы А.А.Ростковский направлялся в Битоли.

20 июля (Ильин день) революционные комитеты объявили всеобщее восстание. 22 июля в частном письме генеральному консулу России в Салониках А.А.Гирсу Ростковский напишет: “...Комитет объявил... восстание и банды напали на мусульманские села, жители коих особенно отличаются разбойничеством... Нападения не удались... Опасаюсь взрыва мусульманского фанатизма и чтобы не начали резни христиан. Мы переехали в Буково, и наслаждаемся прохладой, а по вечерам видим постоянные пожары кругом¹⁸”.

26 июля Ростковский (Накануне его сыну Борису исполнилось 9 лет. Бориса Александровича захватит трагическая судьба отца. Он примет военную присягу на верность Императору в день отречения Николая II, а позже бесследно пропадет на фронтах гражданской войны.) вместе с домашним воспитателем своих детей, учителем местной гимназии К.Мисирковым ехал в коляске в город. Было около 10 ч. 10 мин. утра, когда при въезде в город у одной из караулок постовой жандарм не отдал А.А.Ростковскому установленной для консулов чести и, более того, продолжал сидеть. Не останавливая экипажа, Ростковский дважды подал знак часовому об отдании чести. Но тот и не шелохнулся, продолжая вызывающе глядеть на консула. Тогда консул приказал остановить экипаж и вышел из него, направляясь к часовому, который поднялся ему на встречу. Ростковский спросил жандарма его имя. В ответ тот вскинул винтовку и выстрелил. Первая пуля прошла мимо. Мисирков крикнул, что это русский консул. Жандарм перезаряжал ружье. Мисирков закричал тогда консулу: «Александр Аркадьевич, оставьте его, садитесь в экипаж». Как предполагал Мисирков, первый выстрел оглушил консула (выстрел был произведен с семи шагов) - держась левой рукой за голову, он отходил от часового, правой рукой делая знак не стрелять (Выше уже говорилось - Ростковский никогда не носил с собой револьвера, хотя, на него уже однажды было совершено покушение). Раздался второй выстрел. Пуля насквозь пробила правую руку, смертельно ранив консула навывлет в правый бок. Сделав пару шагов и подойдя к дереву, он начал медленно опускаться на землю. Жандарм выстрелил и в сторону Мисиркова, но не попал. Учитель лег на

землю, и убийца подумал, что покончил с ним. Затем он подошел к консулу и выстрелил в упор в голову (консульская фуражка была прострелена и насквозь пропитана порохом). Озверевший жандарм нанес затем мертвому уже консулу удар прикладом в правую сторону лица, так что были проломлены все кости щеки, ушедшие внутрь головы. На выстрелы сбегалась толпа. Мисирков поднялся и в сопровождении трех турецких офицеров добрался до русского консульства. По его словам, в собравшейся толпе солдат и офицеров были слышны крики «дикой радости» по поводу убийства ненавистного «москова».¹⁹

Когда весть о гибели русского консула достигла Белграда, толпы возмущенного народа собрались у турецкой миссии, устроив грандиозную антитурецкую демонстрацию. Несмотря на защиту полиции в здании камнями были выбиты все окна.

Николай Второй, помиловавший весной 1903 г убийцу Г.С.Щербины, на этот раз проявил так не свойственную ему твердость. Вероятно, в первом случае не нашлось никого, кто бы напомнил ему, что на Востоке великодушные чаще всего воспринимают как малодушие и слабость. Николай Второй потребовал самой суровой кары убийце. Среди требований к султану: наказание жандарма “безотлагательное и самое тяжкое”, “арест и примерное наказание стрелявших в экипаж российского консула”, “немедленная строгая кара для всех гражданских и военных чинов ответственных за убийство российского консула”. В 75-ти верстах от Босфора встал отряд черноморского флота в составе 4-х броненосцев, прибывших из Севастополя.

Жандарм и его напарник были повешены 1 августа на том самом дереве, возле которого погиб Ростковский.

Судебное расследование было довольно скоротечным. Существовало предположение (не опровергнутое, но и не доказанное), что на пути следования Ростковского были еще и другие засады, а все случившееся отнюдь не случайность, а результат заговора. А в ходе подготовки к казни, когда убийца и его соучастник осознали, что участь их решена, казалось, что они были готовы выдать тех, кто подстрекал их к убийству.

Ряд австрийских и немецких газет обвинили Ростковского (как ранее Г.С.Щербину) в том, что он сам виноват в случившемся, так как, якобы, своим «вызывающим» поведением «восстановил» против себя турецкое население, а, кроме того, помогал инсургентам деньгами и советами. По меткому выражению одного русского журналиста, «всех заткнула за пояс» одна венская газета, оклеветав покойного консула, будто бы тот «сам с нагайкой напал на не отдавшего ему чести часового, несмотря на то, что тот валялся у него в ногах и кричал «аман» (пощадите), и, наконец, хотел

застрелить его из револьвера»²⁰. (И по прошествии десятилетий с упорством достойным лучшего применения западные историки развивают лживую версию произошедшей трагедии. Так, английский автор Дэйкин называет русского консула в Битоли «яростным [“violent”] человеком, который был довольно глуп, чтобы ударить албанца-мусульманина жандарма за неотдание чести²¹.)

Исполнение приказа об отдании чести консулам имело огромное значение. Ростковский мог бы проехать мимо (тем более, что он хорошо знал о судьбе Щербины). Но уже к вечеру по всему маленькому городишку носились бы известия о том, что жандарм не отдал чести «москову», а тот не посмел потребовать от него исполнения внешнего знака почтения. Консула бы просто перестали принимать всерьез, мусульмане бы презирали его, а христиане не доверяли бы. Парадоксально, но верно по этому поводу высказался А.Амфитеатров: «Покойный Ростковский, например, пользовался большим уважением албанцев, т.е. его боялись. И именно поэтому албанцы его терпеть не могли и, в конце концов, его застрелил-таки албанец. Но, в то же самое время, кавасами Ростковский держал только албанцев и были они ему преданы, как влюбленные дети»²².

Султан ассигновал на обеспечение семьи убитого крупную денежную сумму - 400 тысяч франков. Вдова покойного отвергла подобную «помощь», заявив, что «нет того вознаграждения, которое она могла бы принять от Турции» за убийство мужа и, что она считает позорным деньгами искупить его кровь, посоветовав султану отдать деньги своим жандармам, чтобы те не грабили крестьян. Екатерина Васильевна Ростковская (урожденная княжна Дабижа) отмечала: «Оставить без внимания презрительное и умышленно-недружелюбное отношение к себе со стороны турецкого жандарма мой муж находил нежелательным еще и потому, что это могло бы быть истолковано, как слабость или трусость. Покойный исполнил свой долг. Он защитил честь своего мундира и той страны, которой он служил так искренне, так преданно. Так должен был поступить русский, желающий поддержать свой престиж и так поступил бы каждый русский офицер, если бы его вздумали оскорблять»²³.

...В июле 1913 г., после раздела Македонии, в Битоли (располагавшейся в т.н. Вардарской Македонии, отошедшей в результате Второй (Межсоюзнической) Балканской войны к Сербии) был установлен памятник А.А.Ростковскому на месте гибели (большой православный восьмиконечный крест из камня). Как сообщалось в телеграмме с места события, это было сделано «для выражения признательности русскому народу за вековое покровительство сербам и вообще христианам и в воздаяние священного долга памяти русского мученика Ростковского, бывшего здесь консу-

лом и убитого за содействие освобождению этой страны...»²⁴

Похоронен Ростковский был 14 августа 1903 г в Одессе на Новом кладбище, там же, где и его отец.

Примечания:

¹ Хевролина В.М. Донесения российских консулов в Боснии и Герцеговине как источник по истории их дипломатической деятельности. 1856-1874. // Внешняя политика России. Источники и историография. М., 1991. С.42.

² Кожевников Ф.И. Русское государство и международное право. М., 1947. С.216.

³ Амфитеатров А.В. Страна раздора. Балканские впечатления: С.-Пб., 1903. С.115.

⁴ Амфитеатров А.В. Страна раздора. Балканские впечатления. С.-Пб., 1907. С.112-113.

⁵ Там же. С.114.

⁶ Национальный вопрос на Балканах через призму мировой революции. Ч.1.М., 2000. С.272.

⁷ Архив внешней политики Российской Империи (далее АВПРИ). Ф.213(Консульство в Битоли).Д.14.Л.12.

⁸ "Русский вестник" (далее РВ).1903.IX.С.352.

⁹ АВПРИ.Ф.180.Посольство в Константинополе.Д.1455а.Л.129,213.

¹⁰ Там же. Д.1453.Л.58.

¹¹ Димески Д. Македонского национальноосвободительное движение во Битольском вилайете (1893-1903). Скопје, 1981. С.253.

¹² АВПРИ.Ф.180.Д.1455а.Л.99.

¹³ Там же. Л.27, 34, 43-43об.

¹⁴ Струкова К.Л. Новые документы о положении в Битольском вилайете в 1903 г. (Из донесений русских консулов) // Славянский архив. Сборник статей и материалов. М., 1963. С.257.

¹⁵ АВПРИ.Ф.180.Д.1455а.Л.215а.

¹⁶ Кондаков Н.П. Македония. Археологическое путешествие. С.-Пб., 1909. С.213.

¹⁷ Амфитеатров А. Ук. Соч. С.105-111.

¹⁸ Государственный архив Российской Федерации. Ф.892.Д.227.Л.5-6.

¹⁹ "Новое время". 20.08.1903.; РВ, 1903.IX.С.337.

²⁰ РВ, 1903.IX.С.341.

²¹ Dakin D. The Greek Struggle in Macedonia. 1897-1913. Thessaloniki, 1966., P.110.

²² Амфитеатров А. Эхо. М., 1913. С.232-233.

²³ РВ, 1903.IX.С.343-344.

²⁴ "Голос Москвы". 28.07.1913.

БОЛГАРИЯ В РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИКЕ В НАЧАЛЕ 1916 г.

Представленная тема долгое время находилась на периферии историографического процесса. После 1944 г. на протяжении десятилетий ее непредвзятому и всестороннему рассмотрению препятствовало своеобразное понимание социалистического интернационализма историками СССР и Болгарии. Из-за идеологических и конъюнктурно-политических ограничений они получили социальный заказ изучать и прославлять все то, что сближало российский и болгарский народы в течение веков, пропагандировать «братство по оружию». Между тем, именно осенью 1916 г. на румынской территории в первый и единственный раз за последнюю тысячу лет после балканских походов киевского князя Святослава произошло непосредственное вооруженное столкновение между Россией и Болгарией. Данная статья базируется на обновленной источниковой базе и, несмотря на фрагментарность, призвана внести свой вклад в воссоздание цельного и полнокровного исторического полотна первой мировой войны.

14 октября 1915 г., совершив нападение на союзную Антанте Сербию, Болгария вступила в войну на стороне Центральных держав. Для членов Антанты данный факт стал *casus belli*, и они объявили войну Болгарии. Россия это сделала 18 октября манифестом Николая II(1). Однако до непосредственного вооруженного столкновения русских и болгарских войск дело пока не дошло. После тяжелых военных поражений 1915 г. российскому военно-политическому руководству оставалось лишь признать самому себе, что у него слишком короткие руки для того, чтобы «покарать» Болгарию за ее пресловутую «измену славянству, православию и России». Болгары же, успешно координируя с Центральными державами свои военные действия против Сербии, за два месяца заняли территорию Вардарской Македонии и тем самым добились, как им казалось, осуществления своей главной военно-политической цели, ради которой они и вступили в войну.

С осени 1915 г. в российской прессе бушевал шквал негодования по адресу Болгарии. В Таврическом дворце на заседаниях Государственной думы в марте 1916 г. во время дебатов раздавались призывы покарать «неблагодарную» Болгарию, даже стереть ее вообще с карты Европы, вознаградив верную и преданную Сербию (2) Царская Россия не принадлежала к числу стран с устойчивыми демократическими традициями и свободной от правительства прессой. Однако по ряду причин иногда общественное мнение оказывало здесь сильное воздействие на процесс принятия внеш-

неполитических решений, связанных с балканским православным славянством. Так было во время Восточного кризиса 1875-1878 гг.(3). Так произошло и в годы первой мировой войны в отношении Болгарии. По причинам историческим (многовековые контакты русского и болгарского народов, их этническая, культурная, языковая и религиозная близость, роль России в освобождении Болгарии от османского ига и т.д.), возмущение и негодование общественности по адресу Болгарии получили больший резонанс, чем в других странах антантовской коалиции. Можно утверждать, что в 1916 г. и вплоть до Октябрьской революции 1917 г. в России гораздо больше, чем в какой-либо другой стране Четверного согласия, именно эмоционально-психологический момент в ущерб трезвому, прагматичному расчету оказывал влияние на процесс принятия важнейших внешнеполитических решений, связанных с Болгарией. С ним должен был считаться и император, тем более, что это совпадало с его собственными чувствами. В апреле 1916 г. он заявил князю Г.Н. Трубецкому, бывшему посланнику в Сербии: «Я выключил Болгарию из своего сердца» (4). Учитывая роль Николая II в механизме принятия внешнеполитических решений, можно сказать, что такое его отношение стало определяющим для формирования российской политики в отношении Болгарии.

С начала 1916 г. болгарский фактор в политике России и всего антантовского блока стал тесно увязываться с проблемой вовлечения в войну Румынии. Этот фактор, помимо прочего, обусловил упорное нежелание начальника штаба Ставки русской армии генерала М.В. Алексеева видеть Румынию в стане Антанты. Будучи фактическим главнокомандующим российской армии, он отдавал предпочтение не военному содействию Румынии, а ее нейтралитету. «Обеспеченный нейтралитет Румынии прикрывает сам по себе нашу границу от Черновцов до Дуная..., освобождает от разброски сил и дает возможность избежать непосредственной борьбы с болгарями», - писал Алексеев в феврале (5).

Он вовсе не полагал, что все пути для примирения с Болгарией закрыты, а потому столкновение с болгарской армией представлялось ему в высшей степени нежелательным и со стратегической, и с политической точки зрения. Это убеждение разделял военный министр А.А. Поливанов (6).

К февралю же относятся первые разговоры о возможности и желательности отрыва Болгарии от Центрального блока. путем заключения с нею сепаратного мира. По своим причинам первыми подняли эту проблему итальянские дипломаты и военные. Они пытались втянуть союзников в обсуждение данного вопроса, особое внимание уделяя России. Тогда Алексеев отнесся к такой идее скептически. «Мне кажется, что до устрани-

ния Фердинанда Кобургского Болгария будет во власти Германии и Австрии», - заметил он, узнав о позиции итальянцев. Директор дипломатической канцелярии при Ставке князь Н.А. Кудашев, сообщая 7 марта мнение Алексея министру иностранных дел С.Д. Сазонову, добавил от себя: «С этими словами нельзя не согласиться. Царь болгарский, несомненно, самое главное препятствие к каким бы то ни было уговорам нашим с Болгарией, могущим поссорить последнюю с Центральными державами. ... Впрочем, - продолжал Кудашев, - не только личность болгарского государя послужит препятствием осуществлению комбинации, по существу нам выгодной. Трудно войти фактически в конфиденциальные сношения с Болгарией и еще труднее было бы убедить наше общественное мнение пойти на примирение с «изменницею славянскому делу» Болгариею, причем последняя, вместо заслуженной кары, получила бы территориальные выгоды за счет Сербии и Греции». И все же, по мнению Кудашева, эта мысль итальянцев «настолько интересна, что заслуживает, чтобы с ней ознакомилось императорское министерство» (7).

Но предложение князя не нашло отклика в душе Сазонова. Это видно из содержания и результатов его бесед с Н. Филипеску, одним из столпов румынской консервативной партии, активно действовавшим в пользу присоединения своей страны к Антанте. Как раз в те дни он прибыл в Петроград с целью прояснить вопрос о перспективах российско-румынского военного сотрудничества. Филипеску прямо заявил, что без сильного русского контингента, который прикроет румынам тыл против возможного нападения болгар, Румыния не сможет вступить в войну на стороне Антанты (8). В более интимном разговоре с французским послом в Петрограде М. Палеологом, содержание которого, очевидно, стало известным Сазонову, Филипеску признался: «Посылка русской армии на юг от Дуная нам необходима не только стратегически, она необходима для окончательного бесповоротного разрыва между Россией и Болгарией» (9).

В дневнике МИД читаем запись от 4 марта: «Узнав, что г. Филипеску находится под впечатлением, будто в России допускают возможность скорого примирения с Болгарией и соответственной перемены русской политики по отношению к Румынии, министр иностранных дел счел нужным вызвать г-на Филипеску к себе, чтобы самым решительным образом рассеять это впечатление и заявить ему, что при нынешних обстоятельствах Россия не может забыть измены Болгарии, а потому страх Румынии перед поворотом русской политики по отношению к ней неоснователен. Это сообщение, по-видимому успокоило г-на Филипеску». Его заверяли, что вопрос об отправке российских войск в Добруджу Ставка рассматривает исключительно с военной точки зрения, полагая, что с изменением

обстановки эти «войска ныне больше нужны для общего дела на других фронтах» (10).

О содержании этих разговоров Сазонов телеграфировал российскому посланнику в Бухарест 10 марта, т.е. после прочтения депеши Кудашева (11). Восстановив хронологию движения дипломатических документов, можем сделать вывод, что позиция главы российского внешнеполитического ведомства по болгарскому вопросу была твердой и полностью совпала с мнением императора. Вот почему у Сазонова вызывала возмущение дипломатическая деятельность румынского премьер-министра И. Брэтиану. Тот понимал, что только французское правительство, как наиболее заинтересованное в вооруженном выступлении Румынии, может оказать давление на Россию и настоять на отправке воинского контингента в Добруджу. Но для этого надо было убедить французов, что Россия препятствует присоединению Румынии к лагерю союзников, надеясь на скорое примирение с Болгарией. И Брэтиану делал это даже после того, как Филипеску изложил ему результаты своего российского турне (12). Сазонов подобные действия румынского премьера квалифицировал как «лицемерные жалобы» (13). Однако документы показывают, что опасения Брэтиану не были напрасными, по крайней мере, в отношении Алексеева.

Алексеев постепенно приходил к осознанию неприятного для себя факта, что антантофильская оппозиция в Болгарии не оправдала возлагавшихся на нее надежд и встала под знамена царя Фердинанда и прогерманского правительства В. Радославова. К началу 1916 г. значительная часть русского генералитета еще продолжала верить в то, что Болгария выступила на стороне Германии «против традиционного настроения своего народа, исключительно по немецфильству династии (Кобургской) и правительства» (14). Но уже с января стали поступать агентурные сведения, полученные от самих болгар, «что, несмотря на русофильское большинство армии, ныне настроение болгарских войск таково, что в случае встречи с русскими нельзя рассчитывать на их несопротивление» (15). Главнокомандующий болгарской армии генерал Н. Жеков заявил во всеуслышание: «Если Россия попытается атаковать нас, она обнаружит, что наша армия будет сражаться с таким же энтузиазмом, как против англичан и французов» (16). Сказывалось головокружение от военных успехов болгар, достигнутых в боях против сербов. Поэтому к концу марта настроение Алексеева изменилось. Получив 25 марта сведения об имевшихся якобы крупных разногласиях среди болгарских военачальников из-за стратегического положения Болгарии, начальник штаба Ставки удрученно наложил резолюцию: «Особого значения не имеет. Ни одного решительного человека нет, который сверг бы Фердинанда и повернул бы положение Болгарии на

другой фронт» (17). Как видим, в его уме угнездилась идея о желательности государственного переворота в Болгарии. Прошло чуть более недели, и «решительный человек» нашелся.

3 апреля Алексеев призвал к себе Н.А. Базили, нового директора дипломатической канцелярии при Ставке. Он просил передать Сазонову следующее: «Со стороны вполне серьезного лица - генерала, деловитость которого уже не раз была доказана, - сделано предложение устроить в Болгарии государственный переворот. Предложение это заключается в том, чтобы при содействии некоторых болгарских государственных деятелей организовать низложение и даже «устранение» Фердинанда болгарского. Указанным болгарским деятелям, по словам генерала, надлежит обещать: 1) присоединение к Болгарии Македонии до Вардара; 2) присоединение к Болгарии Фракии по линии Энос-Мидия и 3) отнятие от Греции Салоник и образование из них с прилегающей территорией нейтральной области». Добавление, что «в осуществлении изложенного плана имеют принять участие чехи» наводит на мысль, о каком генерале шла речь. Очевидно, имелся в виду только что назначенный на должность командующего 12-й армией Радко Димитриев, в 1914 г. сыгравший определенную роль в формировании так называемой Чешской дружины из числа бывших военнопленных австро-венгерской армии (18). Он уже имел опыт по части «низложения» болгарских монархов, будучи одним из главных организаторов свержения князя Александра Баттенберга в 1886 г.

С помощью такой комбинации Алексеев предполагал решить вопрос о борьбе с Турцией. Кроме того, «вносимое ею изменение в балканской политике, - рассуждал он, - выгоднее для нас, чем выступление Румынии на предлагаемых ею условиях». Сообщая об этих предложениях Сазонову во время поездки в Петроград, состоявшейся 4-8 апреля, Базили от себя добавил: «Генералу Алексееву вообще хотелось бы избежать пролития нами болгарской крови. По его мнению, не надо рыть пропасти между нами и болгарским народом. В будущем болгары могут быть нам нужны, особенно на Проливах (19). Как видим, Брэтиану имел основания для беспокойства.

Сазонов отнесся к данной идее скептически и усмотрел в ее возможной огласке большую опасность компрометации российского правительства. В таком случае весьма вероятным было бы и сближение Румынии с Центральными державами. Кроме того, по словам Базили, министр заявил следующее: «Устранение Фердинанда» само по себе не будет иметь последствием перехода Болгарии в наш лагерь. Оно, вероятно, лишь приведет к занятию австро-германцами Болгарии. Наконец, не надо себе делать иллюзий в отношении питаемых Болгарией к нам чувств. Среди болгар,

особенно в руководящих кругах, у нас совершенно нет сторонников. Те, которые выдавали себя за таковых, нам решительно изменили (20). Последнее утверждение Сазонова было весьма близким к истине. Применительно к первой половине 1916 г. трудно назвать болгарские антантофильские партии в целом, в отличие от ситуации, имевшей место до вступления страны в войну, когда политические партии различались, главным образом, по своей внешней ориентации. С осени 1915 г. линия водораздела проходила уже внутри этих партий, а не между ними. В той или иной степени под влиянием болгарских военных успехов все без исключения буржуазные и мелкобуржуазные политические партии осуществили некоторый дрейф в прогерманском направлении и время от времени делали реверансы Германии.

Что же касается территориальных условий, связанных с предположениями Алексеева, то Сазонов, сделав некоторые оговорки в отношении Салоник, все же считал эти условия в общем приемлемыми для России. Но учитывая печальный опыт «болгарского лета» 1915 г., (21) он опасался затягивания в территориальный торг. Поэтому министр просил Алексеева при переговорах «ограничиться общим заверением, что на изложенных основаниях Россия и союзники без труда сговорятся с болгарями в случае их перехода в наш (т.е. Антанты. - Г.Ш.) лагерь (22). От себя добавим, что при таком подходе к вопросу едва ли можно было надеяться на удачу. Во всей широкой палитре болгарских политических деятелей вряд ли бы нашелся такой, который, памятуя опять-таки о «болгарском лете», согласился резко развернуть руль государственного корабля, вывести его из германского фарватера и переметнуться на сторону Антанты, «клянуv» на столь туманные обещания и общие заверения, но не имея при этом реальных гарантий со стороны Антанты и, в первую очередь, России.

Сазонов, судя по всему, не особенно и рассчитывал на удачу. Безоговорочно соглашаясь с Алексеевым, что низложение Фердинанда Кобургского является *conditio sine qua non* любых переговоров с Болгарией, министр отстаивал свою твердую позицию и в разговоре с английской аристократкой леди Л. Пэдджет. Он состоялся в конце марта, примерно за неделю до бесед с Базили. Осенью 1915 г. леди находилась в Скопье при союзной сербской армии с миссией милосердия во главе британского санитарного отряда (23). Когда в город вступили болгарские войска, все члены миссии были отправлены в Софию, а оттуда специальным поездом, который для них выделил Фердинанд, в нейтральную Румынию. В Бухаресте и позднее в Петрограде леди Пэдджет настойчиво проводила мысль, что, поскольку, заняв Вардарскую Македонию, Болгария осуществила свою основную военную цель, союзники должны воспользоваться благоприят-

ным моментом для заключения соглашения с болгарями и привлечения их на свою сторону. Такой оборот дела, по утверждениям дипломатствующей аристократки, освободил бы англо-французские войска от операции на Балканах, повлиял на выступление Румынии и Греции и приблизил бы окончание войны (24).

Заблаговременно предуведомленный о новоявленной болгарофилке, Сазонов предпринял ряд мер, дабы ограничить ее словоизлияния в петроградских салонах (25). Но не принять самому такую высокопоставленную даму политес все же не позволял. Ведь ее супруг известный дипломат сэр Ральф Пэджет тогда занимал важный пост в Форин оффис, будучи помощником министра иностранных дел. Еще более щекотливой делал ситуацию тот факт, что отец леди Пэджет генерал сэр Артур Пэджет состоял личным адъютантом короля Георга V и всего лишь за месяц до описываемых событий, 29 февраля 1916 г., от имени своего монарха вручал в Ставке Николаю II жезл фельдмаршала британской армии (26).

В разговоре с Сазоновым леди заявила, будто болгары только ожидают знака от России, дабы оторваться от германской коалиции. Министр ответил леди Пэджет, что при тогдашнем положении дел в Болгарии и в особенности при наличии во главе ее Фердинанда Кобургского такой «знак» означал бы «амнистию болгарского предательства и принесение Сербии в жертву». По его словам, для русского правительства, действовавшего в этом отношении в полном единении с общественным мнением, была исключена всякая возможность входить в какие-либо переговоры с Болгарией, так как это рассматривалось бы как измена по отношению к Сербии. Кроме того, Сазонов высказал леди Пэджет свое сомнение относительно действительности гарантий, которые можно было бы получить от Болгарии в том, что она честно выполнит свои новые обязательства.

Позабывшись о том, чтобы побыстрее выпроводить леди из Петрограда в Англию, Сазонов поделился своими впечатлениями с послами союзных держав. По мнению министра, вдохновителем этого «женского маневра» был царь Фердинанд. «Он желает получить от нас сигнал, - уверял Сазонов Палеолога, - для того, чтобы убедиться, что мы все еще согласны иметь дело с его персоной или, по крайней мере, с его династией. Если болгары искренне желают снова занять свое место в славянской семье, им следует отправить своего Кобурга обратно в Германию и отвести свои войска от Салоник. Затем мы обсудим с нашими союзниками, как по справедливости можно было бы с ними обойтись. До этого никакие переговоры невозможны», - заключил министр (27). Николай II полностью одобрил его действия в случае с леди Пэджет (28).

В то время, когда Сазонов в Петрограде отмахивался от назойливых

внушений английской аристократки, в Париже 27-28 марта 1916 г. состоялась политическая конференция держав Антанты, ставшая важным рубежом в процессе внутреннего укрепления антигерманской коалиции. Представители союзных государств приняли общие принципы ведения коалиционной войны и, помимо прочего, по настоянию сербской делегации более или менее определились в своем негативном отношении к возможности заключения сепаратного мира с Болгарией (29). С данного момента российская политика в отношении этой страны все явственнее стала формироваться и осуществляться в контексте выработки Антантой общесоюзнической стратегии скорейшего окончания войны. Одновременно с каждым месяцем все очевиднее становились взаимосвязь и взаимозависимость болгарского и румынского факторов в политике союзников. Приближавшееся вступление Румынии в мировой конфликт реанимировало надежды антантовской дипломатии на отрыв Болгарии от центрального блока. Но, как уже отмечалось, эта тема еще ждет своего исследователя (30).

Примечания:

¹ См. подробно: *Жильяр П.* Император Николай II и его семья. Л., 1990. С. 127; *Шкундин Г.Д.* Болгарская дилемма в дипломатической стратегии Антанты (октябрь 1915 года)// Первая мировая война: Пролог XX века. М., 1998. С. 173-174.

² Государственная дума. Четвертый созыв. Сессия четвертая. Пг., 1916. Стб. 3291,

3292, 3295-3297; *Васюков В.С.* Внешняя политика России накануне Февральской революции. 1916 - февраль 1917 г. М., 1989. С.76.

³ См.: *Никитин С.А.* Славянские комитеты в России в 1858-1876 гг. М., 1960.

⁴ *Трубецкой Г.Н.* Русская дипломатия в 1914-1917 гг.: Война на Балканах. Монреаль, 1983. С. 273.

⁵ Международные отношения в эпоху империализма. Сер. III. Т. X. М., 1938

(далее - МОЭИ). №85.

⁶ *Nekhdoff A.* Souvenirs diplomatiques. P., 1926. P. 175.

⁷ МОЭИ. №324.

⁸ *Duca I.G.* Memorii. Vol. II. Partea II. Timicoara, 1993. P. 110.

⁹ *Палеолог М.* Царская Россия накануне революции. М., 1991. С. 68.

¹⁰ Дневник МИД за 1915-1916 гг.//Красный архив. Т. 32. М., 1929. № 1. 20.11.1916.

¹¹ МОЭИ. №312.

¹² АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 3779. Л. 250; Arhivele naționale. București. Colectia «Les Archives de Ministère des affaires étrangères. Paris» (далее - AN, АМАЕФ). Guerre 1914-1918. Rola 102. P. 70 bis, 82; *Buletin* I. Arcul actelor. 1914. 1915. 1916. București, 1981. P. 315.

¹³ AN, АМАЕФ. Guerre 1914-1918. Balkans-Roumanie. Vol. 340. Doss. gen. IV. Rola

88. P. 157.

¹⁴ См.: *Деникин А.И.* Путь русского офицера. М., 1990. С. 276.

¹⁵ РГА ВМФ. Ф. 716. Оп. 1. Д. 55. Л. 130.

¹⁶ АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 3892. Л. 141.

¹⁷ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1633. Л. 117.

¹⁸ См. подробнее: *Дренски И.* Генерал Радко Димитриев. София, 1962. С. 167; *Клеванский А.Х.* Чехословацкие интернационалисты и проданный корпус. М., 1965. С. 21.

¹⁹ Константинополь и Проливы. Т. I. М., 1925. С. 215-216.

²⁰ Там же. С. 218-219.

²¹ См. подробно: *Нотович Ф.И.* Дипломатическая борьба в годы первой мировой войны. Т. I. Потеря союзниками Балканского полуострова. М.; Л., 1947. С. 539-698; За балканскими фронтами первой мировой войны. М., 2002. С. 182-188.

²² Константинополь и Проливы. Т. I. С. 219.

²³ См. подробно: *Paget, Lady.* With Our Serbian Allies. L., 1915; *Стошић А.* Велики дани Србије (1914-1918). Сведочења. Крушевац; Београд, 1994. С. 671-672.

²⁴ МОЭИ. № 391; I Documenti diplomatici Italiani. Quinta ser. Vol. V. Roma, 1988. №

628. P. 464; Централен държавен архив. София. Ф. 176. Оп. 3. А.е. 313. Л. 109.

²⁵ Научен архив на Института по история при БАН. Колекция «АМАЕФ». Guerre

1914-1918. Bulgarie. T.6.NS/241 (далее - НАИИ, АМАЕФ). P. 215.

²⁶ *Лемке М.* 250 дней в царской Ставке. Пг., 1920. С. 551-552.

²⁷ НАИИ, АМАЕФ. P. 220.

²⁸ МОЭИ. № 436.

²⁹ Там же. №№ 420, 425, 426. Протоколы конференции.

³⁰ См.: *Шкундин Г.Д.* Рец. на кн.: *Писарев Ю.А.* Сербия на Голгофе и политика великих держав. 1916 г. М., 1993 // Новая и новейшая история. 1994. № 4-5. С. 346-347.

“СЛАВЯНСКИЙ АСПЕКТ” РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ В ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (по материалам Архива внешней политики Российской империи)

Историю российско-американских отношений в период Первой мировой войны, а точнее в 1914-1917 гг., вряд ли можно назвать темой, обделенной вниманием как в отечественной, так и в зарубежной историографии. Достаточно указать на ставшие классическими труды Р.Ш. Ганелина и В.В. Лебедева,¹ на авторитетные работы обобщающего характера У.Э. Уильямса и Дж. Гэддиса, а также специальное исследование темы Б.Л. Грей-сона и новейший фундаментальный труд Н. Сола.² Однако остается дискуссионным вопрос о степени сближения двух стран в годы войны, о причинах и факторах, препятствовавших встречному движению России и США в указанный период.³ Кроме того, введение в научный оборот материалов, обнаруженных в архивохранилищах, создает возможность для поиска новых и, порой, неожиданных ракурсов исследования столь сложной и многогранной темы.

Работа в фондах Архива внешней политики Российской империи при подготовке сборника “Россия и США: дипломатические отношения. 1900-1917”⁴ позволила выявить целый комплекс информативно насыщенных и не использованных ранее в исследовательской литературе документов, связанных со “славянским аспектом” российско-американских отношений в годы Первой мировой войны. Материалы по “славянской теме”, отложившиеся в фондах АВПРИ, затрагивают сюжет, который остается малоизвестной страницей истории двухсторонних контактов в период мирового военного противостояния (исключение, пожалуй, составляет вопрос о независимости Польши). Эти документы позволяют создать целостное представление о многоаспектной деятельности славянских групп за океаном, уточнить восприятие Россией нейтралитета, объявленного США, обнаружить дополнительные факторы, влиявшие на позицию американского общества и эволюцию межгосударственных отношений в 1914-1917 гг., а также более полно представить то видение послевоенного устройства мира, которое складывалось по обе стороны Атлантики. К тому же, изучение “славянского аспекта” затрагивает проблему национальных воинских формирований, действовавших в составе русской армии и вооруженных сил стран Антанты, которая до сих пор остается недостаточно исследованной в отечественной историографии.

Документы, о которых пойдет речь, обнаружены в фондах “Особый

политотдел”, “Архив “Война”, “Канцелярия МИД”, “Посольство в Вашингтоне”, а также в фондах консульств и частично опубликованы во втором разделе сборника в параграфе “Россия и национальные группы в США”⁵.

Анализ содержания архивных источников выводит нас на понимание сложного характера “славянского аспекта” российско-американских отношений.

Первый крупный блок документов позволяет реконструировать отношение России к деятельности представителей славянских диаспор (чехов, словаков, южных славян и поляков) на территории Соединенных Штатов, ориентированной на оказание помощи европейским славянским организациям, формирование влиятельного общеславянского движения в заокеанской республике, поиск сочувствия со стороны американского правительства и общества. Сведения по “славянскому вопросу” проскальзывали в донесениях русских дипломатов в США с начала XX в. Но лишь в период Первой мировой войны, когда возникла необходимость противостоять русофобской по своей сути германской и австрийской агитации среди славянского населения за океаном, была поставлена задача привлечь его симпатии на сторону России.

Интерес российского посла Ю.П. Бахметева (занимал пост с 1911 по 1917 гг.) вызвали энергичные действия прибывшего в США в марте 1915 г. учредителя “Московского чешского комитета” С. Коничека-Горского, который планировал организовать прорусскую общественную кампанию в противовес действиям немцев, стремившихся оказать влияние на американцев и давление на вашингтонскую администрацию, а также решить вопрос о создании гуситских и американо-славянских дружин для отправки на театр военных действий.⁶

Активизация деятельности славянских групп вызвала неоднозначную реакцию Ю.П. Бахметева. Пока английский посол в США и близкий друг экс-президента Т. Рузвельта С. Спринг-Райс прилагал немалые усилия к созданию антигерманской славянской лиги, российский дипломат пришел к выводу о том, что любая попытка воздействия на славянские круги будет истолкована как вмешательство во внутреннюю политику США, а главное, нарушение американского нейтралитета. Даже после получения в июне 1916 г. циркулярного письма товарища министра иностранных дел А.А. Нератова, в котором подчеркивалась необходимость сбора максимально полных сведений о политическом движении среди славян в Америке, Бахметев продолжал настаивать: “От здешних славян мы ничего полезного ожидать не можем”, “посольству и консульствам следует весьма осторожно относиться к их запросам и предложениям услуг”, так как полученная информация может быть использована немецкой пропагандой с целью

обвинить Россию в нарушении нейтралитета и опорочить ее действия в глазах американского общества.⁷ Параллельно военный агент в США полковник Н.Л. Голеевский в своем рапорте в штаб Верховного главнокомандующего критиковал бездействие посольства и настоятельно рекомендовал обратить внимание на изучение взглядов и намерений представителей славянства в Соединенных Штатах, что, несомненно, должно дать чрезвычайно ценный осведомительный материал в то время, когда решается вопрос о будущем России и славянства вообще.⁸

В отличие от посла в Вашингтоне русский консул в Чикаго А. М. Волков (он же А. М. Вольф) придерживался иного мнения и развернул чрезвычайно активную деятельность в подведомственном ему округе по созданию Всеславянского союза. Донесения Волкова, имевшего обширные связи в славянских кругах, представляют особый интерес и привлекают внимание своей информативностью. Наиболее полные и ценные сведения о деятельности славян в Америке посольство получало из консульства в Чикаго, где находился крупнейший центр славянской иммиграции и располагалось большинство ведущих славянских организаций. В апреле 1916 г. здесь был создан Славянский союз под председательством Дж. Степины, куда вошли представители различных славянских групп в США за исключением болгар и поляков. А.М. Волков получил предложение стать почетным председателем Союза, а секретарь консульства Ю.С. Романовский вошел в дирекцию и составил конституцию организации. Уже в следующем месяце она опиралась на Чешский национальный союз Америки, Словацкую лигу и Югославянский союз, включив в орбиту своего влияния часть этнической прессы (около 10 газет). Цель Славянского союза – “ознакомление американцев с сущностью славянства и его ролью в современном мире”, а также сбор средств на благотворительность. Среди проблем, наиболее интересовавших его создателей, значилась славянская программа российского правительства от взглядов на югославянский вопрос до позиции по вопросу о независимости Польши. Политическая пропаганда не входила в задачи Союза, что, с точки зрения Волкова, позволяло консульству развернуть активную деятельность.⁹

Однако посольство не согласилось с мнением консула, указав на необходимость прекратить всякое участие в любых националистических союзах, митингах и иных манифестациях и ограничиться лишь общим выражением сочувствия представителям американского славянства. В ответ Волков, выйдя вместе с Романовским из состава Союза, писал Бахметеву в мае 1916 г.: “... по моему мнению, было бы предпочтительным для нас не отталкивать от себя тянущиеся к нам руки славян, столь многочисленных в районе моего Консульства. Лишенные отечества славяне основали в Ев-

ропе комитеты (в Лондоне, Париже, Петрограде, Москве и т.д.), где работают их лучшие представители. Но самая масса славян живет в Штатах, непосредственно в связи со своими комитетами, посылает комитетам деньги и всячески их поддерживает и, как только славянский вопрос получит свое достойное разрешение, - сотни тысяч преданных нам людей вернутся в Европу и унесут с собой то впечатление о России, которое мы сами же создадим здесь в этот тяжелый переходный момент".¹⁰

Возникшие разногласия стали предметом разбирательства между посольством и МИД. Неожиданно для Ю.П. Бахметева министерство встало на защиту консула, действия и помыслы которого вызвали всяческое одобрение на берегах Невы, о чем свидетельствуют пометы на полях его донесений, сделанные рукой министров иностранных дел С.Д. Сазонова и Н.Н. Покровского.¹¹ Особый интерес, учитывая планы России в отношении народов Балканского полуострова, представляли донесения А.М. Волкова о настроениях в среде южных славян. В январе 1917 г. Н.Н.Покровский, отдавая должное его успешной деятельности, призывал посольство всеми возможными средствами облегчить работу русских консулов в среде американских славян, сообразуясь при этом "со шепетильным и, быть может, не всегда даже вполне беспристрастным толкованием права нейтралитета американским правительством".¹²

Ю.П. Бахметеву пришлось оправдываться, обвиняя консула в нарушении служебной этики и указывая на завышенную оценку возможностей чикагского союза, данную тем при создании организации, а также повторять доводы о соблюдении нейтралитета.¹³

А.М. Волков, в свою очередь, объяснив неудачу деятельности Славянского союза действиями посольства, подчеркивал принципиальную значимость для будущих геополитических интересов России взглядов тех славян, которые в случае победы союзников вернутся на родину, а также на не менее значимую позицию славян в самих Соединенных Штатах, где они являлись весомой частью электората. В качестве подтверждения последней мысли Волков ссылался на последнюю предвыборную кампанию, в ходе которой хорваты создали известный "калифорнийский перевес" В. Вильсона над его конкурентом. "И если бы в свое время г. Вильсон не оттенял в речах своих симпатий к иммигрантам, не говорил бы о правах мелких национальностей и не отвечал бы любезно на все посылаемые ему приветствия от различных славянских организаций, - подводил итог консул, - легко могло бы стать, что "калифорнийского перевеса" у него и не было бы".¹⁴ А.М. Волкову нельзя отказать в проницательности. Его роль в сборе и обобщении информации по славянскому движению исключительна.¹⁵ В первую очередь на основе донесений этого консула Н.Н. Кра-

тиров в 1917 г. составил аналитическую записку “Славяне в Америке”.¹⁶ В ней подчеркивался вклад славян в дело союзников в США, как результат противодействия усилиям австрийского посла К.Т. Думбы и немецкого посла И.-Г. фон Бернсторфа, а также энергичных коллективных протестов против предложения “несвоевременного мира” В. Вильсоном в декабре 1916 г., что ставило под угрозу всю внешнеполитическую программу России. Кроме того, привлекает внимание раздел записки, посвященный чехам, где речь идет о росте влияния Национального чешского союза и в целом чешской колонии, которая могла сыграть значимую роль в следующих президентских выборах. Ю.П. Бахметев в своем донесении от 12/25 января 1917 г. характеризовал “чешско-словацкий элемент” как “наиболее сплоченный и влиятельный из всех славянских групп в Америке, на симпатии которого мы в настоящее время можем рассчитывать”. По убеждению посла, наиболее представительные члены чешской общности в США были в состоянии оказать реальное влияние на формирование американского общественного мнения “в нужном для нас направлении”.¹⁷ Однако в дальнейшем Россия окончательно упустила контроль над чешско-словацкими организациями за океаном. В сентябре 1917 г. Б.А. Бахметев, прибывший в США в июне месяце во главе чрезвычайной миссии для ведения переговоров о займах и военных поставках и одновременно аккредитованный в качестве посла Временного правительства, сообщал о многотысячном чешско-словацком митинге в Нью-Йорке. Тревогу посла вызвали выступления в США официальных представителей союзных держав, которые “в сопоставлении с нашей ... сдержанностью в вопросе о самостоятельном бытии австрийских славян, ставят нас в трудное положение перед последними и создают невыгодное для России впечатление”.¹⁸

В период Первой мировой войны в связи с участием католической церкви в пропагандистской кампании, развернутой Германией и Австро-Венгрией в заокеанской республике, особую актуальность приобрела деятельность русской церкви по распространению православия в США, о чем свидетельствуют документы АВПРИ. Полковник Голеевский в своем рапорте подчеркивал значение религиозного фактора для укрепления русского влияния в среде западного славянства в США, указывая на самоотверженную работу архиепископа Алеутского и Североамериканского Евдокима.¹⁹ МИД еще в 1914 г. поддержало предложение обер-прокурора Синода В. Саблера об учреждении Североамериканского православного братства в Петрограде с целью единения славянских народностей за океаном с русским народом. Саблер обращал внимание на важность мероприятия, учитывая военные успехи Российской империи и присоединение в пределах Австрии многомиллионного населения, которое должно было

оказаться в “одной церковной ограде” с русским народом. В таких условиях частная помощь России делу распространения православия в Америке представлялась обер-прокурору Синода настоятельной необходимостью.²⁰ Внешнеполитическое ведомство на берегах Невы расценивало создание Североамериканского православного братства в качестве дополнительной возможности для сбора информации по “славянскому вопросу”. В конечном итоге Ю.П. Бахметев пришел к выводу, что прогерманская позиция католической церкви и католической печати, о чем на протяжении войны сообщали русские консулы,²¹ стала одним из главных препятствий к созданию всеславянского движения за океаном, ориентированного на Россию.²²

Одним из важнейших направлений деятельности представителей различных славянских групп в Соединенных Штатах в 1914-1918 гг. стало формирование воинских соединений по национальному принципу с целью их участия в войне на стороне стран Антанты. Этому сюжету посвящен целый комплекс документов, выявленный в фондах архива.

Весной 1915 г. чехи и юго-славяне начали предпринимать энергичные шаги по созданию военных частей для отправки на театр боевых действий. Бахметев получил письмо от принадлежавшего к старой сербской династии князя С. Лазаровича-Хребельяновича, который был женат на внучатой племяннице Джона Кэлхуна, крупнейшего идеолога Юга, и являлся автором нескольких солидных трудов по истории Востока, Сербии и славянства. Лазарович-Хребельянович сообщал о своем проекте формирования югославянских воинских соединений, который находился на рассмотрении правительства Великобритании. Россия же, будучи заинтересована в использовании таких полков в военных действиях против Австро-Венгрии и Турции, могла бы, по его мнению, способствовать реализации плана. Параллельно С. Коничек-Горский ставил в известность российского посла о результатах своей успешной работы по комплектованию гуситских дружин из американцев и славян при содействии подпоручика американской службы доктора Моравека и выражал готовность поручиться за благонадежность, принимаемых в дружину добровольцев.²³ Возможность создания американскими славянами воинских соединений, по сообщению А.М. Волкова, обсуждался на Втором югославянском конгрессе в Питтсбурге²⁴. Главная проблема, которая возникала при решении данного вопроса, заключалась в необходимости соблюдения американского нейтралитета, поэтому предполагалось проводить работу тайно, привлекать не натурализованных американцев и перебрасывать военные отряды в Канаду.

Основное внимание России привлекли планы по формированию польских легионов в США. Этот сюжет напрямую связан с польским воп-

росом, ставшим важнейшей составляющей “славянского аспекта” российско-американских отношений в период Первой мировой войны и вызвавшим серьезные разногласия между Россией и США. Член совета МИД И.Я. Коростовец в своей записке о перспективах сближения двух стран, составленной 26 января/8 февраля 1917 г., указывал на его разное толкование Петербургом и Вашингтоном как на одно из препятствий встречного движения России и Америки.²⁵ Если для правительства Николая II польский вопрос мыслился в рамках внутренней национально-религиозной политики, для администрации В. Вильсона он стал способом реализации идеи об особой миссии США по защите малых угнетаемых наций Европы и вписывался в глобальную стратегию президента, базировавшуюся на идее создания содружества наций-государств, открытого для экономического, политического и духовного общения.

Особое значение в этих условиях приобрела деятельность 4-миллионной польской колонии в Соединенных Штатах, неоднородной по своему составу и расколотой на два крупных лагеря, которые были ориентированы на разные воюющие блоки, создавали различные филантропические организации и занимались формированием воинских соединений для участия в боевых действиях на стороне стран Антанты или Центральных держав. Последняя проблема оказалась в центре внимания польской общины в США с первых месяцев войны и нашла отражение в российско-американских отношениях.

Осенью 1914 г. от американских поляков начали поступать предложения по созданию польских корпусов в США с целью их отправки через Канаду на Восточный фронт, где эти формирования могли бы стать важной пропагандистской силой для привлечения на русскую сторону недовольных поляков в германской и австрийской частях Польши. Продемонстрированная американскими поляками готовность принять участие в военных действиях на стороне Антанты объяснялась их надеждами на то, что в случае победы Россия присоединит к себе все польские земли и предоставит им автономию. Между военным и внешнеполитическим ведомствами началась длительная переписка по вопросу о комплектовании польских воинских соединений на территории США. В декабре 1914 г. военный министр В.А. Сухомлинов в письме на имя министра иностранных дел С.Д. Сазонова заявил, что “произведенный опыт формирования особого польского легиона не дал ожидающихся от этой меры благоприятных последствий”, а, следовательно, речь может идти лишь о вступлении американских поляков в ряды русской армии в качестве добровольцев.²⁶

Изменение ситуации на Восточном фронте (Горлицкий прорыв германских армий в апреле-июне 1915 г.) способствовало активизации дея-

тельности военного министерства, тем более что Манифест вел. кн. Николая Николаевича от 2/15 августа 1915 г., в котором в качестве одной из целей войны провозглашалось создание единой, свободной, автономной Польши, подготавливал необходимую почву для выступления американских поляков. В январе 1916 г. начальник Генерального штаба М.А. Беляев обратился к А.А. Нератову с письмом, где, ссылаясь на рапорт полковника Голеевского, сообщал о готовности польского союза в Чикаго отправить на театр боевых действий отряд численностью до 30 тыс человек. От российского правительства требовалось лишь обеспечить доставку этого военного контингента на Восточный фронт. Беляев оценивал ситуацию в США как благоприятную для разрешения вопроса, напрямую связанного с интересами действующей армии. В ответ МИД в очередной раз указало на серьезные трудности набора польских добровольцев в Северной Америке в связи с необходимостью соблюдения американского нейтралитета и существованием в польской среде антирусских настроений, которые всячески поддерживаются Австро-Венгрией и Германией.²⁷ Военное министерство, не оставлявшее надежды на успешное разрешение вопроса, вновь вернется к нему осенью после ноябрьского демарша Центральных Держав.

5 ноября 1916 г. Германия и Австро-Венгрия заявили о создании “самостоятельного государства” из польских земель, “вырванных из-под русского господства”. В своих ноябрьских донесениях в МИД Ю.П. Бахметев с удовлетворением отмечал, что американская печать единогласно высказала свое недоверие к искренности данного обещания и к возможности его осуществления, а мнение польских кругов в США, по замечанию посла, было не столь важно, ибо американских поляков нельзя считать настоящими представителями польского народа.²⁸ Бахметев явно недооценивал значение деятельности польской общины в США, игравшей важную роль в выработке В. Вильсоном и Э.М. Хаузом позиции по польскому вопросу, а также реально влиявшей на формирование общественного мнения в заокеанской республике и вносившей свой вклад в создание образа России в сознании американцев.

Оппонентом посла выступил осведомленный консул в Чикаго А.М. Волков, который представил подробный отчет о настроениях, существовавших в среде польской общины, разделив ее на три партии в зависимости от отношения к манифесту императоров Центральных держав: прорусски ориентированную во главе с Н.Л. Пиотровским, выступавшую с осуждением Манифеста; партию Я.Ф. Смутьского, увидевшую в нем кроме конъюнктурных соображений важный вклад в обретении польским вопросом международного статуса; и, наконец, отличавшуюся крайней ру-

софобией партию польских социалистов, с восторгом приветствовавшую Манифест двух императоров. Консул, ссылаясь на интервью с Пиотровским, подчеркивал, что в целом “Манифест центральных императоров был сильным ударом по нервам поляков... и дал толчок польскому разочарованию в России”, а, следовательно, необходимо ответное действие русской стороны, которое бы “исправило впечатление от немецко-австрийского манифеста, и дало бы полякам веру в непреложность русского слова, и прекратило бы невыгодные для союзников нападки прессы на Россию в странах нейтральных, и поставило бы Россию не только по праву, но и на деле высоко во мнении прочих славян, ожидающих от ее заступничества столь многого”.²⁹

12 декабря 1916 г. ответ России прозвучал в форме Высочайшего приказа по армии. “Создание свободной Польши, состоящей из всех трех частей, до сих пор разделенных” на началах автономии и при сохранении единой с Россией государственностью провозглашалось в качестве одной из основных целей войны. Военное министерство посчитало момент подходящим для возобновления переговоров с внешнеполитическим ведомством. В конце декабря военный министр Д.С. Шуваев в письме министру иностранных дел Н.Н. Покровскому рассматривал прибытие нейтральных американских поляков в ряды русской армии в качестве возможности поднять значение приказа Николая II и оказать воздействие на поляков, сражавшихся в рядах германских и австрийских войск. Прикомандированные к штабу Польской стрелковой бригады офицеры сообщали, что польская колония в США располагает хорошо обученными сокольскими дружинами, представлявшими добровольческую армию численностью до 60 000 человек (могла быть при необходимости удвоена), полностью экипированную и вооруженную за исключением артиллерии. Участие польских дружин дало бы державам Согласия от 3 до 5 свежих хорошо обученных дивизий и могло бы иметь большое моральное и политическое значение. Военный министр обращался к министру иностранных дел с просьбой высказать принципиальное согласие на эту меру при условии, что польские легионы будут формироваться на территории Канады, куда граждане США могли бы отправиться одиночным и негласным порядком, а оттуда уже в Российскую империю или на один из Союзных фронтов.³⁰

Ситуация, наконец, разрешилась после свершения февральской революции в России и вступления США в войну. В марте 1917 г. Временное правительство опубликовало воззвание “К полякам”, в котором шла речь о создании независимого польского государства, находящегося в “свободном военном союзе с Россией”, и, следуя пожеланиям союзников, пошло на превращение польского вопроса в предмет международного обсужде-

ния. В России началось формирование польского добровольческого корпуса и чехословацких полков из числа военнопленных чехов и словаков. Параллельно, уже в мае 1917 г., одобрение Временного правительства получила обсуждавшаяся в то время на Западе идея организации польских войск во Франции.³¹

В июне французский президент Р. Пуанкаре издал декрет о создании самостоятельной польской армии на территории страны, а в США под влиянием деятельности представителей польских кругов приступили к осуществлению плана по формированию воинских соединений из числа американских поляков.³² В конце июня 1917 г. Б. А. Бахметев телеграфировал об этом в МИД, сообщив содержание своего разговора с лидером польского движения в США И. Падеревским, поддерживавшим личные контакты с В. Вильсоном и полковником Э. М. Хаузом. Речь шла о помощи со стороны русского правительства в деле подготовки стотысячной польской армии для переброски ее во Францию в начале августа 1917 г. По сообщениям Бахметева, США с особым сочувствием отнеслись к подобному начинанию, рассматривая создание польской армии в качестве важнейшего шага по укреплению и поддержанию объявленной независимости Польши. Посол, встретившись с госсекретарем Р. Лансингом, пришел к заключению, что вашигтонская администрация считает голос русской стороны решающим в этом вопросе, ибо России принадлежит инициатива создания независимой Польши, и она выделяет часть своей территории для осуществления данного обещания. Бахметев, являвшийся горячим сторонником идеи российско-американского сближения, расценивал содействие к посылке польской армии как необходимое условие для последующего встречного движения двух стран.³³

Временное правительство одобрило формирование добровольческой армии в США, а Генштаб ускорил решение вопроса об отправке за океан польских офицеров, взятых в плен русскими войсками. Б. А. Бахметев, со своей стороны, продолжал настойчиво проводить мысль о непременном участии России в организации Польского войска, что будет способствовать укреплению ее авторитета среди поляков и привлечению симпатий американцев.³⁴

Параллельно западными союзниками активно обсуждался вопрос о признании Польского национального комитета (ПНК), созданного в Париже 15 августа 1917 г. во главе с Р. Дмовским. 2 октября в день памяти Костюшко М.И. Терещенко в ответ на очередную декларацию Австро-Венгрии и Германии о Польше подтвердил мартовское воззвание Временного правительства к полякам, выступив от имени стран Антанты. Таким образом, международный характер польского вопроса был окончательно

признан Россией. Этот шаг, по сообщениям Б.А. Бахметева, нашел живейшее сочувствие по другую сторону Атлантики. В своих телеграммах посол обращал особое внимание на стремление американской администрации выступить совместно с Россией в вопросе о признании ПНК и готовность В. Вильсона, несмотря на давление со стороны Лондона, ждать ответа Петербурга. Посол действовал на основе телеграммы МИД от 28 июня /11 июля 1917 г. В ней сообщалось об одобрении Временным правительством идеи создания во Франции Национального польского комитета в качестве выразителя объединенных польских интересов в союзных странах, но при условии, что он не будет представлен на будущей мирной конференции, где планируется решение общего вопроса о политическом устройстве Польши.³⁵ Бахметев пришел к выводу, что участие в Комитете И. Падеревского, пользующегося неограниченным доверием в Америке, является для Вашингтонской администрации достаточным условием в вопросе о признании Комитета. Посол справедливо отмечал серьезную политическую ценность желания США выступить солидарно с Россией, что могло бы послужить основанием к дальнейшим совместным действиям в международных вопросах.³⁶ В этой ситуации Соединенные Штаты оказались единственной державой, пытавшейся согласовать свои действия с русской стороной, т.к. уже в сентябре-октябре 1917 г. ПНК был признан Францией, Англией, и Италией. Вашингтон ожидал согласия Петрограда при условии присоединения русских поляков к Парижскому комитету. Послу США в России Д. Фрэнсису были даны соответствующие инструкции. Однако правительство А.Ф. Керенского, несмотря на настоятельные рекомендации Бахметева, затягивало с ответом, уклоняясь от признания Комитета единственным официальным представителем польских интересов. Через три дня после начала Октябрьской революции в России Вашингтон признал ПНК. Официальное заявление в прессе появилось 1 декабря 1917 г.³⁷

Таким образом, анализ документов, выявленных в фондах АВП-РИ, позволяет сделать вывод, что «славянский вопрос» отразил две тенденции, существовавших в российско-американских отношениях в 1914-1917 г.: негативную, реализация которой способствовала обострению взаимоотношений, и позитивную, ориентированную на их потепление, на процесс сближения двух стран.

С одной стороны, любые попытки России оказать влияние на славянское движение в США или способствовать решению вопроса о создании вооруженных формирований южных и западных славян на территории заокеанской республики до апреля 1917 г. наталкивались на необходимость соблюдения нейтралитета, объявленного США, что усиливало недоволь-

ство Петрограда, истолковывавшего нейтралитет Америки как желание нажиться на войне и “скрытое германофильство”. Польский вопрос, ставший одним из самых сложных в российско-американских отношениях, изначально воспринимался Россией в качестве важной составляющей национально-религиозной проблемы внутривосточного развития, в то время как США выступали за его интернационализацию. Превращение же польского вопроса в механизм реализации принципов вильсоновской дипломатии, привело к столкновению российского мессианизма, основанного на идее панславизма, и американского, питавшегося идеей освободительной миссии и распространения демократических идеалов (в данном случае прав малых народов на самоопределение и создание независимого государства). И, наконец, недовольство России посредническими усилиями Вильсона в установлении “несвоевременного мира”, укреплялось позицией США по вопросу о судьбе австрийских славян. Даже после объявления войны Германии Соединенные Штаты все еще надеялись на заключение сепаратного мира с Австро-Венгрией и вместе с Великобританией выступали против раздробления империи Габсбургов, стремясь отколоть ее от германского союзника, что наносило удар по славянским программам сначала царского, а затем Временного правительств.³⁸

С другой стороны, вследствие сближения славянской политики России с установками союзных держав вообще и США в частности, как результат изменения ее позиции по вопросу о независимости Польши выветилась дополнительная возможность для политического сотрудничества. Наиболее ярко это проявилось в ходе дебатов о признании Польского национального комитета в Париже и формировании добровольческой польской армии в США, а также югославянского корпуса.

Кроме того, представленные документы дают возможность уточнить отношение двух сторон к “славянскому вопросу”. Если говорить о России, то следует заметить, что и правительство Николая II, и Временное правительство не смогли по достоинству оценить влияния славянского движения в Америке на позицию администрации В. Вильсона и в целом его роли в деятельности славянства в период Первой мировой войны. Это объяснялось европейской ориентацией внешнеполитического курса России, а также утилитарной политикой, направленной на использование американского партнера в качестве кредитора и работодателя. В свою очередь, славянское движение в США оказалось своеобразной “лакмусовой бумажкой”, так как настроения представителей славянских диаспор за океаном явились достаточно яркой иллюстрацией падения авторитета России в среде славянства, разочарования ее медлительностью и неготовностью к решительным действиям.

Что же касается Соединенных Штатов, то совершенно очевидно укрепление их роли в качестве защитника интересов славян, чему способствовала позиция В. Вильсона в иммиграционном вопросе, его неизменное внимание к обращениям различных славянских организаций, рассуждения о правах малых наций, привлекавшие к нему голоса славянских иммигрантов. Энергичная деятельность польских кругов в Америке во главе с И. Падеревским способствовала ранней активизации В. Вильсона в польском вопросе, который обрел форму конкретной программы уже в знаменитом президентском обращении “Мир без победы”, произнесенном в сенате 22 января 1917 г. Параллельно деятельность южных славян и чехо-словаков принесла свои позитивные результаты. И если в 1916-1917 гг. в их адрес не прозвучало никаких конкретных обещаний со стороны президента, уже в июне 1918 г. исполнявший обязанности консула в Сан-Франциско Ю.С. Романовский констатировал: “Американское общественное мнение, а за ним и правительственное будет поддерживать не нытье, а эффективное национальное движение... Американское правительство... ныне всячески старается поощрить такого рода движение”.³⁹

В целом выявленный в фондах АВПРИ документальный комплекс, посвященный “славянскому вопросу”, позволяет расширить наши представления о взаимоотношениях России и США в период Первой мировой войны, создать их более сложную, многоуровневую, а, следовательно, более объективную картину. Кроме того, в этих разноплановых и информационно насыщенных документах, затрагивается круг проблем, которые вызовут несомненный интерес специалистов по истории России, Центральной и Юго-Восточной Европы, международных отношений, а также военной истории.

Примечания:

¹ Ганелин Р.Ш. Россия и США. 1914-1917: очерки истории русско-американских отношений. Л., 1969; см. также написанную Р.Ш. Ганелиным главу “США и Россия. 1914-1917” в кн.: “История внешней политики и дипломатии США. 1867-1918” М., 1997. С. 336-356; Лебедев В.В. Русско-американские экономические отношения (1900-1917 гг.). М., 1964.

² Williams W.A. American-Russian Relations 1784-1947. N.Y., 1952; Gaddis J.R. Russia, The Soviet Union and the United States. N.Y., 1978; Greyson B.L. Russian-American Relations in World War I. N.Y., 1979; Saul N.E. War and Revolution: The United States and Russia, 1914-1921. Lawrence, 2001.

³ См., например: Козенко Б.Д. Несостоявшееся сближение: США и Россия в 1914-1917 годах // Первая мировая война. Пролог XX века. М., 1998. С. 140-157.

⁴ Россия и США: дипломатические отношения 1900-1917. Сост.: Ю.В. Басенко, В.И. Журавлева, Е.Ю. Сергеев. / Под. ред. Г.Н. Севостьянова, Дж. Хэзлема. М., 1999 (далее – Россия и США...).

⁵ Россия и США... С. 316-356.

⁶ Россия и США... С. 319. См. также письма С. Коничека-Горского Ю. П. Бахметеву // АВПРИ. Ф. Посольство в Вашингтоне. Оп. 512/Л. Д. 393. Л. 89-94.

⁷ Россия и США... С. 319-321, 327-328, 330. См. также: АВПРИ. Ф. 170. Посольство в Вашингтоне. Оп. 512/Л. Д. 393. Л. 12, 51.

⁸ Н.Л. Голеевский – И.Л. Романовскому, 31 октября/13 ноября 1916 г. / Россия и США... С. 338-340. См. также: АВПРИ. Ф. 170. Посольство в Вашингтоне. Оп. 512/Л. Д. 401. Л. 2-7.

⁹ Россия и США... С. 324-326.

¹⁰ АВПРИ. Ф. 135. Особый политотдел. Оп. 474. Д. 352. Л. 53, 57.

¹¹ См., например: АВПРИ. Ф. 135. Особый политотдел. Оп. 474. Д. 343. Л. 34-38.

¹² Россия и США... С. 345-346.

¹³ Там же. С. 342-344. См. также: АВПРИ. Ф. 135. Особый политотдел. Оп. 474. Д. 343. С. 59 об.

¹⁴ А.М. Волков – К.М. Ону, 31 октября / 13 ноября 1916 г.; 31 декабря/13 января 1916/1917 г. // АВПРИ. Ф. 135. Особый политотдел. Оп. 474. Д. 343. Л. 61-64; Ф. 170. Посольство в Вашингтоне. Оп. 512/Л. Д. 417. Л. 2-9.

¹⁵ Бесспорный интерес представляют также донесения Г.В. Чиркова о Втором юго-славянском конгрессе, состоявшемся в Питтсбурге в ноябре 1916 г. См. публикацию, подготовленную А.Л. Шемякиным: Главнейшие задачи юго-славян // Исторический архив. 1994. № 3. С. 103-127.

¹⁶ АВПРИ. Ф. 135. Особый политотдел. Оп. 474. Д. 364. 1-84. Отрывок о русских выходцах из Австро-Венгрии напечатан в сборнике: Россия и США... С. 346-347.

¹⁷ АВПРИ. Ф. 135. Особый политотдел. Оп. 474. Д. 242. Л. 4-4об. О деятельности чехов в США см.: Д. 242. Л. 8-20; Д. 224. Л. 56-56 об., 9-9об, 159, 194.

¹⁸ АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия. Оп. 470. 1917. Д. 65. Т.1. Л. 34. См. также. Д. 64. Л. 147.

¹⁹ Россия и США... С. 321-322.

²⁰ В. Саблер - С.Д. Сазонову, 29 ноября/12 декабря 1914 г. // Там же. С. 317-318.

²¹ См., например, донесение генерального консула в Неме и Сизтле Н.В. Богоявленского // АВПРИ. Ф. 170. Посольство в Вашингтоне. Оп. 512/Л. Д. 408. Л. 23.

²² АВПРИ. Ф. 135. Особый политотдел. Оп. 474. Д. 343. Л. 59 об.

²³ АВПРИ. Ф. 170. Посольство в Вашингтоне. Оп. 512/Л. Д. 393. Л. 54-57, 91-92.

²⁴ АВПРИ. Ф. 135. Особый политотдел. Оп. 474. Д. 343. Л. 35-35 об.

²⁵ Россия и США... С.648.

²⁶ Дж. Боек - С.Д. Сазонову, 23 октября /5 ноября 1914 г. // Россия и США... С. 316. Переписку С.Д. Сазонова и В.А. Сухомлинова по данному вопросу см.: АВПРИ. Ф. 135. Особый политотдел. Д. 55. Л. 9, 15-16.

²⁷ Россия и США... С.322-324. АВПРИ. Ф. 135. Особый политотдел. Оп. 474. Д. 55. Л. 21-22, 25-25 об.

²⁸ Россия и США... С. 331-332. АВПРИ. Ф. 135. Особый политотдел. Оп. 474. Д. 83. Л. 138-151 об.

²⁹ Донесения А.М. Волкова см.: Россия и США... С. 332-337; АВПРИ. Ф. 135. Особый политотдел. Оп. 474. Д. 353. Л. 17-23. В подтверждение мнения Волкова см. также: АВПРИ. Ф. 291. Консульство в Филадельфии. Оп. 1. Д. 138. Л. 2-5.

³⁰ Россия и США... С.344-345. См. также записку Генштаба по данному вопросу: АВПРИ. Ф. 135. Особый политотдел. Оп. 474. Д. 59. Л. 27-30.

³¹ АВПРИ. Ф. 135. Особый политотдел. Оп. 474. Д. 59. Л. 31-33.

³² *Wandycz P.S. The United States and Poland. L., 1980. P. 115-116.*

³³ Россия и США... С. 348-349. АВПРИ. Ф. 135. Особый политотдел. Оп. 474. Д. 101. Л. 12-13.

³⁴ АВПРИ. Ф. 135. Особый политотдел. Оп. 474. Д. 59. Л. 34-36, 39; Д. 101. Л. 21; Ф. 170. Посольство в Вашингтоне. Оп. 512/Л. Д. 511. Л. 102. В августе 1917 г. Временное правительство поддержало идею создания югославянского корпуса на территории США для отправки его на Салоникский фронт // АВПРИ. Ф. 134. Архив "Война". Оп. 473. Д. 189. Т.3. Л. 62.

³⁵ АВПРИ. Ф. 135. Особый политотдел. Оп. 474. Д. 59. Л. 37.

³⁶ Россия и США... С. 349-351.

³⁷ *Wandycz P.S. Op. cit. P. 117.*

³⁸ *Mamatey S.V. The United States and East Central Europe. 1914-1918. A Study in Wilsonian Diplomacy and Propaganda. Princeton, 1957. P. 41, 49, 84.*

³⁹ АВПРИ. Ф. 287. Российское генеральное консульство в Сан-Франциско. Оп. 1. Д.27. Л. 6-8.

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС НА БАЛКАНАХ В СВЕТЕ ДОКУМЕНТОВ КОМИНТЕРНА НАЧАЛА 1920-х гг.

В январе 1920 г. в Софии состоялась 3-я Балканская социалистическая конференция. Она преобразовала себя в коммунистическую и заявила об образовании Балканской коммунистической федерации (БКФ) в составе компартий Болгарии и Югославии, социалистических партий Греции, а несколько позже и Румынии. Как отмечал В. Коларов, тогда ещё не были созданы исполнительные органы БКФ, но были заложены её теоретические основы. Ведущими в БКФ провозглашались идеи мировой революции, диктатуры пролетариата, советской власти. Конкретно для Балкан предусматривалось создание социалистической республики в каждой из стран полуострова и объединение их всех в Балканскую советскую федеративную социалистическую республику, которая, в свою очередь, станет частью будущей Всемирной социалистической федеративной республики.

Выдвигая на первый план интересы мировой революции, основатели БКФ утверждали, что после России пролетарское движение именно на Балканах организовано лучше всего и что в близкой перспективе Балканы могут явиться одним из возможных очагов мировой революции. (1)

Изучение документов Коминтерна позволяет выявить характерные особенности деятельности БКФ в начале 1920-х гг. Это, во-первых, доминирующая роль компартии Болгарии в этой организации и, во-вторых, более четко выраженная, по сравнению с другими балканскими компартиями, целеустремленность, нацеленность БКП на революцию. Последнее определялось не одной только преданностью болгарских коммунистов революционной идее: в наличии были и другие «подталкивающие» факторы.

В частности, большое значение имел факт разделения Версальской системой балканских стран на победителей (Югославия, Румыния, Греция) и побежденных (Болгария). И с этой точки зрения БКП находилась внутри БКФ, условно говоря, на одном полюсе, а компартии Югославии, Румынии и Греции - на другом. После поражения в мировой войне положение болгарского государства было весьма неустойчивым. Его национально-государственные интересы, как они тогда понимались, казались необеспеченными, тем более, что армия подлежала резкому сокращению и, практически, разоружению. Настроение населения Болгарии, окруженной демонстрирующими враждебность соседями по полуострову - государствами-победителями, наверное, лучше всего может быть охарактеризовано как беспомощность и неуверенность. Подобные обстоятельства не

могли не находить отклика в душах тех болгар, что поклонялись социалистическому идеалу и в составе БКФ присоединились к Коминтерну. Но само это присоединение означало исповедование веры в особый путь решения национально-государственных задач, а именно: через мировую революцию.

Клеймя банкротство национальной политики балканской буржуазии и противопоставляя ей лозунги мировой пролетарской революции, руководители БКФ переводили все сюжеты национальной проблематики на сугубо классовую основу и не уставали доказывать, что национальные противоречия на Балканах разрешимы только путем социалистической революции и в социалистическом обществе. Разделяя марксистские догмы теоретически, руководители коммунистов Болгарии стремились и к скорейшей их практической реализации.

В такой ориентации БКП, несомненно, играло роль обстоятельство, что Коминтерн олицетворялся не только с мировой революцией, но также с Москвой, Россией, упование на которую всегда было сильно среди части болгар. Кроме того, революционная волна в России смыла императора Николая II, коварно отвернувшегося от Болгарии в канун мировой войны. Пришедшие же к власти большевики придали России другое лицо - интернационалистское. Победивший «старший брат» как бы доказывал на практике реальные возможности социалистической революции, диктатуры пролетариата, власти советов. К тому же Советской России, как и Болгарии, пришлось не по вкусу Версальская система мирных договоров.

Впрочем, зависимость создания БКФ от международного положения Болгарии была впрямую обоснована на учредительной конференции одним из её инициаторов - В. Коларовым, заявившим, что БКФ является «стратегической необходимостью», ибо Пловдив находится в шести часах от южной границы Болгарии, Плевен - в 40 км от северной; Болгария же разоружена (2). Как рефрен, в выступлениях делегатов 11-й конференции БКФ (4-6 мая 1921 г.) повторялся тезис: в настоящее время Болгарии грозит оккупация со стороны её соседей и раздел (3). Об особой заинтересованности именно БКП в создании БКФ говорит сам факт конституирования Федерации как раз в Софии и спустя всего два месяца после подписания унижительного для Болгарии мирного договора, преподнесенного её представителям в форме международного диктата.

Но существует и другая сторона вопроса: руководители БКП, как рьяные революционеры, даже не ставили вопроса о цене ориентации на большевистскую Россию, курса на мировую революцию. Выбрав же эту стезю, они оказались готовы платить за достижение цели жизнью тысяч людей своей страны (впрочем, не щадили и собственные жизни). В. Коларов,

Г.Димитров постепенно вращались в структуры Коминтерна, а получив отдельные участки работы, старательно копировали и внедряли в них методы и приемы большевистской партии. Более того, проявляли немалую активность, вносили свой вклад. Их усердием маленькая Болгария, которой в Коминтерне поначалу уделяли не слишком много внимания, заявляла о собственном значении своей революционностью, готовностью выйти на острие мировой революции. Как утверждалось в одной из подготовленных Коларовым статей, побежденные страны представляют собой «благоприятнейшую почву» для развития «международной революции»; Болгария же начала 1920-х гг., по его мнению, была самым слабым пунктом Версальской системы (4).

И не случайно в БКФ с её местопребыванием в Софии болгарские коммунисты стали играть руководящую роль. В.Коларов, Хр.Кабакчиев, Г.Димитров, сменяя друг друга, возглавляли руководство Федерации на протяжении ряда лет. Болгарские коммунисты численно преобладали при распределении квоты в руководящих органах БКФ.

Также в течение некоторого времени в Коминтерне имело место выделение БКП среди других партий БКФ, в частности, благодаря подчеркиванию её «коммунистической исправности». Секретарь ИККИ О.Куусинен писал, например, в Исполком БКФ (14 апреля 1923 г.): «Кажется, что, помимо Болгарии, ни одна из остальных секций не в состоянии работать последовательно в духе решений Коминтерна» (5). Болгарские коммунисты направлялись в качестве испытанных борцов для постановки работы в Бухарест, Белград, Константинополь или обучали новичков (6). В отношении компартии Греции документы сохранили такую запись: решено мобилизовать товарищей греческой национальности, прошедших болгарскую коммунистическую выучку, и поставить их на соответствующую работу в Греции (7).

Подчеркивание авторитета БКП в БКФ служило, помимо прочего, цели использовать мотив пролетарской солидарности - в данном случае, уставное единение и совместную деятельность в составе БКФ компартий как побежденной Болгарии, так и победителей - Югославии, Румынии, Греции. КПЮ, КПР, КПГ должны были не позволить подавить революцию в Болгарии, если она там вспыхнет, правительствам своих государств, а также помешать им осуществить интервенцию в болгарские пределы.

Однако намечавшиеся Исполкомом БКФ пропагандистские мероприятия и конкретные действия не воспринимались в КПЮ, КПР и КПГ столь однозначно, как в БКП. Последняя получала от них в свой адрес обвинения во вмешательстве во внутренние дела других партий. Одним из поводов для выражения в 1922 г. фактического недоверия БКП явилось решение

Исполкома БКФ о необходимости работать в спорных пограничных балканских областях, в том числе в Македонии; компартии Югославии, Румынии. Греции практически не выполняли этого решения, и БКП стала заполнять вакуум своими боевыми товарищами. Скандал с трудом удалось уладить. А вскоре на 5-й конференции БКФ (декабрь 1922 г., Москва) было подтверждено, что БКФ обязана взять на себя организацию пропагандистской работы в тех областях, где деятельность соответствующих партий невозможна. Определять такие области должен был Исполком БКФ по согласованию с руководством балканских компартий или с их представителями в ИК БКФ (8). В ходе дискуссии представители части югославской делегации (Цесарец, например) отмечали, что в настоящий момент БКП располагает наибольшим количеством лучших кадров и должна предоставлять их в распоряжение других секций по их требованию и по согласованию.

Между тем жизнь всё настойчивее выдвигала в повестку дня деятельность компартий национальный вопрос.

На состоявшемся в 1920 г. II-м конгрессе Коминтерна национальный вопрос был поставлен лишь в общей форме, подробно в международном коммунистическом движении национальная проблематика, недооценивавшаяся в коммунистической теории в целом, ещё не рассматривалась. Характерно, что в приветствии, направленном III-м конгрессом Коминтерна в адрес очередной 3-й конференции БКФ (19-22 июля 1921 г., Москва), национализм назывался особым препятствием для революции на Балканах, и ставилась задача его преодоления. В документе подчеркивалось, что балканская буржуазия прибегает к методам националистических подстрекательств и отравления сознания народных масс националистическим ядом и что всё это отвлекает внимание народных масс от вопросов повседневной классовой борьбы (9).

Но вскоре Коминтерну пришлось совершить поворот в своём отношении к национальным проблемам вообще и на Балканах, в частности, и вместо препятствия для революции видеть в них один из главных её рычагов. Хотя, естественно, такой поворот произошел не вдруг и не сразу.

Одно из первых обращений к национальной проблематике на Балканах состоялось на 4-й конференции БКФ, проходившей 10-13 июня 1922 г. в Софии. В резолюции о ситуации на полуострове говорилось, что «насильственный режим сербской буржуазии вновь поднимает македонский вопрос», а это вызывает ухудшение отношений между Болгарией и Югославией вплоть до возможного вооруженного конфликта между ними (10); положение признавалось чреватым конфликтами также из-за Фракии и Добруджи, Албании и Фиуме. Вслед за осуждением политики денационализации и террора в отношении национальных меньшинств участники

конференции ещё раз подтвердили верность программному положению БКФ: вопрос о национальном освобождении и самоопределении балканских народов может быть решен только путем пролетарской революции и создания на Балканах советской социалистической федерации. Никаких более конкретных тактических решений тогда принято не было.

Тем временем в КПЮ развернулась дискуссия по национальному вопросу, в ходе которой, как отмечалось в коминтерновской справке «Коммунистическое движение в Югославии», «молодые товарищи из Хорватии и Словении» предлагали относиться к национальному вопросу, как к исходной точке всех выступлений партии, т.к. по их мнению, именно национальные конфликты создают благоприятную почву для революционного движения. «Не отодвигать национальные конфликты на задний план, - говорилось в справке, - не затушевывать их, а, наоборот, подчеркивать и обострять их, переносить на классовую почву», стараться убедить массы, что буржуазные партии не могут защитить их интересы. Таков был стратегический план дальнейшей деятельности, предлагавшийся молодыми югославскими коммунистами (11).

В 1923 г., когда активизировалось национальное движение в Вардарской Македонии, Косово и Метохии, в Хорватии, Черногории, когда ряд представителей национально-революционных организаций (не только ВМРО), заинтересованные советской пропагандой лозунга о праве наций на самоопределение и будто бы блестящим решением национальных проблем в Советском государстве, оказались готовы вступить в переговоры с советскими властями и Коминтерном о совместных действиях, в Коминтерне стали задумываться о реальном использовании национальных проблем для дела балканской революции. Правда, пока что, как отмечал Куусинен в письме от 14 апреля 1923 г., мало удавалось «повлиять на борьбу национальных меньшинств, т.е. использовать их в нашем смысле» (12).

Готовых рецептов в Коминтерне не было и составлять их оказалось делом весьма трудным. К тому же выяснилось, что балканские коммунисты, с одной стороны, не слишком склонны придавать большое значение национальным проблемам - как проблемам «буржуазным» (для коммунистов, дескать, важны интересы пролетариата, а он, согласно марксистской теории, не имеет отечества). С другой стороны, именно подходы к запутанным национальным вопросам на Балканах стали вызывать сложности в отношениях между балканскими коммунистами, причем разногласия возникали даже внутри самих компартий, как это имело место в КПЮ при обсуждении вопроса о сущности «трехименного сербо-хорвато-словенского народа».

О том, что ИККИ был застигнут врасплох необходимостью дать бал-

канским компартиям рекомендации по национальной политике, свидетельствует переписка между В.П.Милютиним (представителем ИККИ в подпольном коммунистическом центре в Вене) и И.А.Пятницким (руководителем Отдела международных связей ИККИ в Москве). Милютин («Эмтин»), наблюдая за положением в Югославии, деятельностью оппозиции в КПЮ, движением Ст.Радича и словенских сепаратистов, видимо, раньше других коминтерновских функционеров понял необходимость серьезного подхода к национальному вопросу. Но нужных установок в Коминтерне ещё не было, как и не было ясности в том, кто займётся их разработкой. Весной 1923 г. Милютин запрашивал Пятницкого: поручили ли кому-либо «написать работу о национальном вопросе». Отвечая Милютину, Пятницкий писал 2 апреля 1923 г.: «Конечно, никому не поручили», и в свою очередь спрашивал: «Кому это можно было бы поручить?» (13).

Оживлённое внимание ИККИ к югославским делам было связано как с предстоящей конференцией КПЮ, так и с необходимостью учитывать реалии политической жизни этой страны, особенно в связи с результатами недавних выборов в Народную скупшину: в ходе их ХРКП, выступавшая с требованием автономии Хорватии, вышла на второе место по числу собранных голосов, и вслед за тем Ст.Радич выдвинул программу реорганизации государственного устройства Югославии на принципах федерализма.

Стремясь учесть балканскую специфику, ИККИ стал требовать от каждой компартии полуострова постановки национального вопроса на уровне партийной программы. Куусинен в апреле 1923 г. рекомендовал: «Наше мнение - существующие программы нуждаются именно в национальных и аграрных вопросах, в целесообразных дополнениях, основанных на нынешнем уровне».

Характерно, что, несмотря на ситуацию в Болгарии, сложившуюся после государственного переворота 9 июня 1923 г., и многотрудное выяснение отношений между ИККИ и ЦК БКП по поводу политического курса болгарской компартии, в Софии удалось провести 22-24 августа 1923 г. заседание Исполкома БКФ с участием представителей Болгарии, Югославии и Румынии, а также прибывшего из Вены «делегата» Коминтерна А.Е.Абрамовича-Четуева («Альбрехт»). Среди вопросов повестки дня, пожалуй, впервые был обозначен пункт: позиции балканских компартий в отношении национальных движений на Балканах и, в частности, в отношении движения в Македонии, Хорватии и других областях Югославии. В принятом на заседании решении говорилось о возможности восстания в Македонии в близком будущем и о вспышке национально-революционного движения в Хорватии и в других местах, что приведет к «острому

революционному кризису в Болгарии и Югославии и вызовет войну между ними». В связи с этим руководство БКП и КПЮ обязывалось зорко следить за событиями. КПЮ, кроме того, должна была разоблачать террор в Македонии и поддерживать там национально-революционное движение, для чего основывать парторганизации во всех значительных центрах Македонии и «вообще усилить деятельность партии в этой провинции»(14).

Тогда же собравшиеся заявили о намерении провести в 20-х числа сентября в Софии или Вене очередную конференцию БКФ, на повестку дня которой вынести среди других и национальные вопросы.

Одновременно в органах Коминтерна всё более интенсивно стали вырабатываться подходы к национальному вопросу как к важному резерву революции и возможному импульсу к её началу. Особенно это касалось Балкан, где, раздувая революционную истерию, деятели Коминтерна ожидали чуть ли не на днях либо грандиозного восстания, либо войны. И чтобы не быть застигнутыми врасплох, вновь, как и В.И. Ленин в разгар мировой войны, актуализировали большевистский привесок к лозунгу права наций на самоопределение - «вплоть до отделения».

Милютин, например, в письме в ЦК КПЮ от 14 сентября 1923 г. так формулировал линию в отношении Македонии: самоопределение Македонии вплоть до отделения. Формулировал пока что в общей форме - как лозунг, долженствующий подготовить сознание югославских коммунистов к грядущему в скором времени решению вопроса.

Поворот же БКФ к определению конкретных задач для каждой балканской компартии произошел на 6-й конференции БКФ, состоявшейся в Москве в ноябре 1923 г.

В начале её председатель Исполкома Коминтерна Г.Е. Зиновьев заявил, что у компартий Балкан должна быть ясная программа по национальному вопросу. Отвергая игнорирование национальной проблематики коммунистами, Зиновьев теперь видел в ней ключ революции, с которым можно подойти к крестьянству. «Правильным решением национального вопроса, - говорил он, - мы привлечём большую часть крестьян. Национальный вопрос в таких странах, как балканские, находится на первой линии крестьянского вопроса; национальный вопрос - вообще главный в крестьянском вопросе. Итак, мы не должны кормить крестьян такими фразами, как «пролетариат не имеет отечества». Это правильно для нас, но мы хотим иметь дело с миллионами крестьян, которые вовсе не являются коммунистами и не хотят быть ими, но которые хотят государство и [государство] без национального угнетения» (15).

Не разбирая это высказывание Зиновьева детально, отметим лишь его эклектичность, смешение невероятного с очевидным. Но основное, с чем

трудно согласиться, - это генеральный вывод председателя Коминтерна, гласящий: «национальный вопрос - главный в крестьянском вопросе». Ибо, нет сомнения, что эти вопросы - разные и по своей сути, и по «фактуре», ведь совсем не крестьянство в недостаточно развитом капиталистическом обществе является носителем национальной идеи. Лишь понаслышке зная о сложности балканской ситуации, выражавшейся, в частности, в том, что крестьянские партии в странах полуострова стали играть значительную роль в политической борьбе, а партия Ст.Радича использовала ещё и лозунг национального обособления хорватов в той или иной форме, Зиновьев поспешил сблизить национальный и крестьянский вопросы, а на деле упростить их слиянием в одну политическую проблему. При этом имелось в виду не стремление действительно справедливо разрешить указанные вопросы, но прежде всего использовать их в целях подготовки революционного взрыва.

На 6-й конференции БКФ обсуждение межнациональных отношений и политики компартий было бурным и сбивчивым. Представители компартий предлагали противоречивые варианты резолюций, исходя из собственных, ещё не достаточно сформировавшихся представлений по национальному вопросу, и указывая прежде всего на условия, в которых той или иной компартии приходилось действовать. Так, на предложение И.А.Пятницкого: «Нужно во всех резолюциях сказать: право наций на самоопределение, вплоть до отделения», румынский делегат Г.Кристеску возражал: «Для меня формула «до отделения» означает возможное присоединение к венгерскому государству, что затруднило бы пропаганду среди румынского населения, которое является крестьянским и восстало бы против этого. Поэтому лучше сказать, мне кажется, «до образования свободного государства»»(16).

Тем не менее формула «до отделения» вошла во все довольно детализированные решения 6-й конференции БКФ по национальному вопросу, принятые для каждой балканской партии отдельно. Так, в резолюции о национальных меньшинствах в Греции, в которой среди негреческого населения назывались турки, болгары, арумыны, евреи, албанцы, армяне, говорилось, что КПГ должна бороться за право на самоопределение национальных меньшинств, проживающих на её территории. И такое право на самоопределение, «в свою очередь, должно дать компактным национальным меньшинствам право отделиться от Греции» (17).

В Болгарии самостоятельными нациями объявлялись македонская, а также фракийская и добруджанская.

При решении югославских проблем конференция, в противовес «защитникам сербской гегемонии» среди членов КПЮ, предлагала исходить

из следующего: Югославия является продуктом не национальной революции, а вооруженной победы Антанты, в результате чего нарушено право на самоопределение всех национальностей, населяющих оккупированные сербской монархией области. По этой логике национально-освободительная борьба в Югославии объявлялась борьбой против Версальской системы мирных договоров. Поскольку в Югославии уже проявил себя хорватско-словенский сепаратизм, КПЮ должна была поддержать его, причем из руководства этого движения следовало как можно скорее вытеснить буржуазные элементы, ибо - и этому учила коммунистическая догматика - достичь «настоящего самоопределения можно только рука об руку с пролетариатом». Принятой резолюцией КПЮ обязывалась поддержать право угнетенных народов на самоопределение, вплоть до образования ими независимых государств. КПЮ должна была вступить в соглашение о «едином фронте» со всеми организациями, «не находящимися на службе буржуазии» и выступающими за самоопределение, и в первую очередь, обратиться к ХРКП.

Конференция брала на себя и решение судьбы Македонии. В её материалах констатировалось, что Македония - это нераспутываемый клубок болгар, сербов, греков, албанцев, турок, румын и других, у них не развито никакое национальное сознание, причём даже все христиане, вместе взятые, не имеют большинства. На основе понимания, что Македония являет собой «географическое и экономическое единство» и что среди её разнородного населения существует «по меньшей мере в латентной форме» представление об общих интересах и об их несовпадении с интересами сербской, болгарской и греческой буржуазии, балканские коммунисты признали возможным и справедливым лозунг «Македония для македонцев» и не согласились с перспективой присоединения её ни к одной из борющихся за неё стран. Государство Македония проектировалось в составе трёх частей, распределённых по Версальской системе между Югославией, Грецией и Болгарией (18). В документах БКФ эти части определялись как «оккупированные» названными странами при подчёркивании, что большая часть находится у Югославии, а меньшая у Болгарии, в чём, думается, отразилась ментальность болгарских коммунистических руководителей как представителей страны, потерпевшей тяжелое поражение в войне.

Каким же образом такая конфигурация Македонии в интерпретации последних могла отвечать национально-государственным интересам Болгарии? Видимо, их обеспечение всецело перекладывалось на будущую Балканскую социалистическую федерацию, в рамках которой предполагалось идеальное решение всех национально-территориальных проблем,

где Болгария не будет униженной, но равной со всеми, и где её интересы будут надёжно защищены едиными действиями всех балканских компартий. Быть может, при этом не сбрасывалось со счёта руководящее положение БКП в БКФ.

Примечания:

1. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф.509. Оп.1. Д.1. Л.4.

2. Там же. Д.6. Л.26.

3. Там же. Д.4. Л.1.

4. Там же. Д.34. Л.10-11.

5. Там же. Д.28. Л.33.

6. Там же. Л.14.

7. Там же. Д.24. Л.147.

8. Там же. Д.11. Л.35.

9. Там же. Д.6. Л.2.

10. Там же. Д.9. Л.49.

11. Там же. Д.28. Л.187.

12. См., например, там же. Ф.495. Оп.18. Д.210. Л.23.

13. Там же. Ф.509. Оп.1. Д.28. Л.33 об.

14. Цит. по: Косев Д. Септемврийското въстание 1923. Второ издание. София. 1973. Приложения-документи. Док. № 20. См. также РГАСПИ, Ф. 509. Оп.1. Д.27. Л.4-6.

15. Там же. Д.22. Л.24.

16. Там же. Д.39. Л.233.

17. Там же. Д.25. Л.117.

18. Там же. Л.70-в, 70-д.

**ВОСПРИЯТИЕ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ В ВЕНГРИИ
В XIX - ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX В.
В МЕНЯЮЩЕМСЯ ИСТОРИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ.
ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ЭТАПЫ.**

Изучение российско-венгерских контактов в области художественной культуры имеет довольно обширную историографию(1). Однако и по сей день существует немало «белых пятен» в истории диалога русской и венгерской культур. Кроме того, огромный эмпирический материал, уже введенный в научный оборот, не всегда легко позволяет отличить существенное от второстепенного. Нужда в работах обобщающего, концептуального характера тем более велика, что завершение XX столетия лишней раз напоминает нам о необходимости подведения некоторых итогов. В центр внимания данной обзорной статьи, претендующей не более, чем на пунктирное обозначение основных вех истории русско-венгерских культурных связей на протяжении полутора столетий, вынесен только один из аспектов (хотя и чрезвычайно важный) этих многогранных связей - восприятие русской культуры в Венгрии, находившееся в определенной зависимости от смены эпох, от изменения социально-исторического контекста. Нельзя забывать о том, что параллельно происходил, пусть и менее интенсивно, обратный процесс - со времени наполеоновских войн и походов русской армии в Центральную Европу (2), венгерская культура неизменно оказывалась в поле зрения российской образованной публики. Триумфальные гастроли Ф.Листа в Петербурге и Москве в 1840-е гг. и деятельность художника М.Зичи, связавшего несколько десятилетий своего творческого пути с Россией, немалая популярность поэзии Ш.Петефи в среде разночинной интеллигенции пореформенной России и многочисленные русские переводы исторических романов М.Йокаи в последние десятилетия XIX в., вклад Б.Уитца в советское изобразительное искусство и приезд великого композитора Б.Бартока в СССР в конце 1920-х гг. - эти и многие другие факты двусторонних связей также оставили яркий след в истории диалога двух культур.

Начало российско-венгерским отношениям в новое время было положено еще в эпоху Петра I, который в 1707 г., в разгар войны со Швецией, тайно встретился в Варшаве с руководителем антигабсбургского освободительного движения венгров князем Трансильвании Ференцем II Ракоци. Попытки российского царя «назло надменному соседу» провести своего венгерского протеза на пустовавший в то время польский престол не увен-

чались успехом, не смог Петр также оказать Ракоци действенную поддержку в борьбе с Габсбургами, закончившейся поражением венгров. Главным итогом встречи явилось установление торговых связей - отведав вкус токайского вина, сановный Санкт-Петербург во главе с царем-реформатором решил поставить закупку венгерских вин на более прочные основания. Уже позже, при дочери Петра Елизавете с этой целью была создана токайская комиссия, просуществовавшая более полувека (кстати, среди ее сотрудников был и проживший в Венгрии несколько лет знаменитый украинский философ Г.Сковорода (3)). Контакты виноделов стимулировали связи и в других областях. Большая сербская община Венгрии регулярно получала из России церковную и учебную литературу, некоторые из присланных в XVIII в. книг и сейчас можно видеть в музее сербской культуры в городе Сентэндре близ Будапешта, где находилась крупная колония сербов. Уже в XIX в. в Сентэндре жили и работали некоторые видные представители сербской национальной культуры (писатель Я.Игњатович и др.), творчество и общественная деятельность которых неизменно привлекали внимание С.А. Никитина и его учеников, всегда учитывавших в своих работах многогранный венгерский контекст сербско-российских культурных связей.

В конце XVIII в. венгерская пресса, в ту пору делавшая лишь первые шаги, только эпизодически обращалась к российским проблемам. Роль России в наполеоновских войнах, увеличение ее веса в европейской политике после победы над Францией, посещение Александром I со свитой Буды и Пешта по пути с Венского конгресса способствовали повышению читательского интереса к российской тематике, в 1810-1820-е гг. получавшей все более частое освещение в венгерской периодике. Появляются первые обзорные статьи о современной русской литературе, а затем и переводы произведений русских писателей. Сочинения А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Н.В. Гоголя пришли к венгерской аудитории еще в годы, предшествовавшие революции 1848 г.

Говоря об особенностях восприятия русской культуры в Венгрии, нельзя, конечно, не учитывать довлевший в венгерском национальном сознании страх перед панславизмом. На протяжении всего XIX в. образованные слои венгерского общества с неизменным беспокойством следили за славянскими национальными движениями Габсбургской монархии, видя в них угрозу интересам венгров, а после заключения в 1867 г. соглашения с Габсбургами - юридически закрепленному статусу Венгрии в системе дуализма. При этом за всеми подлинными и мнимыми проявлениями славянской общности чудилась фигура русского царя. В своих опасениях панславизма венгры не были одиноки - эту угрозу во времена правления Ни-

колая I видела вся либеральная Европа. Вместе с тем в Венгрии опасность со стороны России иной раз преувеличивалась. Хотя отношения двух соседних держав постоянно отягощались политическим соперничеством, царизм, как правило, не был заинтересован в поддержке радикальных национальных движений в Австрии. И дело отнюдь не только в монархической, династической солидарности, не допускавшей явно враждебных жестов, способных нанести смертельную обиду венскому двору. Решающую роль играли схожесть представлений обеих правящих элит об основах равновесия сил в Европе, общность консервативных держав в противостоянии любым попыткам революционного переустройства снизу системы международных отношений, санкционированной решениями Венского конгресса 1814-1815 гг. Связи России со славянами монархии Габсбургов, хотя и довольно интенсивные, относились по преимуществу к сфере культуры. И все-таки для страха перед Россией были реальные основания, что подтвердила интервенция 1849 г., усугубившая антипатию широких кругов венгерского общества не только к политическому режиму Николая I, подавившему одну из великих европейских революций XIX в., но и к России в целом. Почва для антирусских настроений сохранялась и позже, даже в начале XX в., когда уже сошли со сцены те поколения венгров, которые помнили 1849 год. Ведь после того, как в 1860-е гг. спор Австрии и Пруссии за роль центра в процессе объединения немецких земель завершился поражением венского двора и Габсбурги под нажимом Бисмарка были вынуждены уйти из Германии, экспансионистские притязания Австрийской империи (с 1867 г. Австро-Венгерской монархии) стали все более смещаться в сторону Балкан. А здесь устремления Вены напрямую сталкивались с интересами Петербурга. Причем враждебная России направленность австро-венгерской внешней политики определялась, в первую очередь, восточной половиной монархии и, в частности, влиятельным венгерским аристократическим лобби (у истоков внешнеполитической доктрины Австро-Венгрии стоял в 1870-е гг. наиболее выдающийся ее министр иностранных дел венгерский граф Д. Андраши). Позицию правящих кругов Венгрии довольно откровенно выразила еще в 1860-е гг. газета «Пешти напло»: «Мы считаем, что не заслуживает права называться венгерским политиком тот, кто главной опасностью для Венгрии считает не русскую, кто не в естественных противниках русских видит естественных союзников Венгрии» (5).

Но сколь бы ни были сильны антирусские настроения в постреволюционной Венгрии, они все же не перечеркнули усилий популяризаторов русской литературы, которая именно в это время, в 1850-1860-е гг., начала привлекать к себе серьезное внимание венгерского (как и западно-

европейского) читателя. Классик венгерской эпической поэзии Я.Арань (1817 - 1882) увлекался творчеством Гоголя и впервые перевел на венгерский язык «Шинель». Его сын Л.Арань, тоже видный поэт, испытал большое влияние Лермонтова. Как романтизм «Мцыри», так и глубокий реализм «Героя нашего времени» находились в созвучии с настроениями скепсиса и меланхолии, которые Л.Арань разделял в 1870-е гг. со многими своими современниками, увидевшими в прозаических буднях дуалистической Австро-Венгрии жалкую карикатуру на высокие идеалы свободы и независимости, провозглашенные в 1848 г.

При переводах русской литературы в качестве языка-посредника обычно выступал немецкий. Но опубликованный в 1866 г. перевод «Евгения Онегина» был выполнен непосредственно с оригинала. Блистательный стихотворный перевод К. Берци, выдержавший более двух десятков изданий, вызвал множество подражаний, сильно повлияв на формирование в венгерской поэзии жанра романа в стихах. Более того, органично вписавшись в контекст литературного процесса 1860-х гг., этот перевод сыграл немалую роль в преодолении избитых романтических шаблонов, утверждении реалистического метода в венгерской литературе. По замечанию одного из венгерских литературоведов, в трактовке Берци «Евгений Онегин» был скорее «библией любви», чем «энциклопедией русской жизни» (6). Отлично овладевший русским языком талантливый переводчик был слишком далек от российских общественных реалий 1820 - 1830-х гг., чтобы каждый раз тонко улавливать подтексты пушкинского повествования, особенно там, где дело касалось иронических намеков на конкретные обстоятельства и лица. И все-таки Берци сумел выделить в романе и донести до венгерской публики то, что в наибольшей мере соответствовало ее тогдашним духовным устремлениям. Хорошо переданный переводчиком скептицизм «Евгения Онегина» оказался созвучным умонастроениям значительной части венгерского общества в канун, в момент и после заключения соглашения с Габсбургами в 1867 г., когда многим людям, жившим идеалами 1848 г., пришлось ради будущего спокойствия в общем доме с горечью отказаться от всякой мысли о борьбе за независимую Венгрию. Отчасти в этом заключался секрет популярности пушкинского романа. Уже в 1921 г. крупный писатель Ж. Мориц имел все основания заметить, что «венгерскую литературу все еще осеняет тень Пушкина» (7).

Распространение русской культуры в Венгрии отнюдь не сводилось к публикации литературных произведений. В 1858 г. в Пеште успешно концертировал А.Рубинштейн. В 1870-е гг. венгерскую сцену начинает завоевывать русская драматургия. Немалый отклик зрителя нашла постановка

Национальным театром в Будапеште гоголевского «Ревизора» в 1874 г. (кстати, намного опередившая по времени первый спектакль по этой пьесе в Германии). Позже успешно ставятся пьесы Л.Н. Толстого, А.П. Чехова. Постановка пьесы М. Горького «На дне» состоялась в Будапеште в 1903 г., всего через полгода после московской премьеры. Эта пьеса шла в Венгрии и на провинциальной сцене, а в 1910-е гг. была экранизирована.

Каждое поколение венгров искало в русской литературе и - шире - культуре ответы на вопросы не только вечные, но актуальные для своего времени. Если поначалу при обращении к русской литературе читателя привлекала экзотичность и непохожесть на Венгрию изображенного в ней мира, то начиная с 1860 - 1870-х гг. он все более мог отметить сходство в развитии двух народов. Ведь в последние десятилетия XIX в. обе страны переживали переход к капитализму через мучительную ломку отживших себя, но все еще крепких феодальных структур. «Он весь, до мельчайшей клеточки своей, мог бы сойти за венгерский роман», - написал об «Обломове» И.А. Гончарова классик венгерской литературы первой половины XX в. М. Бабич (8). Одним из самых читаемых в Венгрии конца XIX в. зарубежных писателей был И.С. Тургенев - под влиянием его романов базаровские типы стали характерным явлением венгерской прозы. Как и в России, в Венгрии в это время литература постепенно изживала романтические тенденции, развивала в себе реалистические начала и опыт ведущих русских писателей оказывался востребованным венгерскими литераторами.

Целый этап в восприятии русской литературы в Венгрии начался в 1880 - 1890-е гг. с переводом основных произведений Ф.М. Достоевского и Л.Н. Толстого. «Взволнованная, жаждущая искупления Европа жадно впитывала в себя глаголы мессианских романов, и у образованнейших читателей Венгрии предвоенных лет не было писателя более популярного, чем Достоевский», - вспоминал начало XX в. тот же М. Бабич (9).

Привязанность к конкретным российским реалиям отнюдь не исключала универсальности проблем, которые ставила русская литературная классика. Молодой К. Манхейм (впоследствии классик европейской социологии XX в.) писал в начале 1912 г. своему духовному наставнику Д. Лукачу о том, что обращение к Достоевскому дает возможность разрешить занимающие его моральные дилеммы, поскольку мир Достоевского «очень схож с нашим со всеми его противоречиями, всей его дисгармонией» (10). Сам Д. Лукач, активно не принимавший современной ему западной цивилизации, бездуховной, чреватой войнами и несущей в себе угрозу гибели культуры, в поисках нравственных абсолютов обратился к России, и мир произведений Достоевского многое дал венгерскому мыслителю для ее

постижения. В Достоевском Лукач видел коренного реформатора европейского романа, создателя новейшей эпопеи, не просто адекватно воспроизводящей во всей широте взаимосвязей погрязшую в грехе действительность, но способной ей противопоставить целостный мир, который зиждется на совершенно иных моральных основаниях. Этика, воплощенная в романах Достоевского, по Лукачу, более глубока, нежели кантовская этика, поскольку утверждает нравственную ответственность индивида не только за свои собственные поступки, но за все зло, совершаемое на земле. Этические нормы, господствующие в современном обществе, есть не более чем одна из сил отчуждения. Мир героев Достоевского выше мира господствующих социальных форм и обычных этических норм; отношения между людьми в нем определяются не через их социальный статус, а посредством общения обнаженных душ, преодолевающего социальные узы. Из оставшейся незавершенной работы о Достоевском выросло одно из главных сочинений молодого Лукача - «Теория романа» (1916).

С боснийским кризисом 1908-1909 гг. Россия и Австро-Венгрия превратились в заклятых врагов, войну между ними уже едва ли можно было предотвратить. Первая мировая война, где основным противником монархии Габсбургов стала именно Россия, была всецело поддержана венгерским общественным мнением. «Европейская культура вступает в борьбу с российским варварством... Падение России означает победу более высокой культуры и большей свободы», - писала 3 сентября 1914 г. социал-демократическая газета «Непсава». Но при всей антипатии к царизму и, более того, при всей определенности антироссийских настроений венгерское общество отнюдь не утратило способности откликаться на то поистине ценное, что было в русской культуре. Так, например, с большим триумфом прошли в Будапеште незадолго до войны гастроли дягилевской балетной труппы.

В первые месяцы войны лишь одиночки (и в их числе крупный поэт Э.Ади, философ Д.Лукач) нашли в себе смелость пойти против течения. Лишь по мере затягивания войны милитаристский угар в сознании венгерской интеллигенции преодолевался, все сильнее звучал голос антивоенных движений. Февральские, а затем и октябрьские события 1917 г. в России способствовали радикализации общественного мнения в Венгрии, пробудили у немалой части интеллектуалов мессианские надежды на грядущее переустройство человечества. Известно, что установление в 1919 г. Венгерской советской республики и начавшиеся социалистические эксперименты поначалу были с воодушевлением встречены многими выдающимися деятелями венгерской культуры. В условиях, когда российский опыт выступал в качестве образца, совершенно по-новому воспринима-

лась и роль русской литературы. «В России столетиями шла подготовка этой революции. Каждая книга, написанная в течение прошедших веков рукою русского человека, - своего рода скрытая пропаганда приближающегося нового мира. Вся печаль и тоска, пронизывавшая голоса русских писателей, звучала во имя спасения страдальцы-родины», - писал весной 1919 г. один из ведущих венгерских писателей Д.Круди (11).

Левацкие эксцессы, сопутствовавшие социалистическим преобразованиям в Венгрии 1919 г., не могли не оттолкнуть даже многих из тех интеллигентов, кто вначале восторженно приветствовал пролетарскую власть. Падение Венгерской советской республики сопровождалось заметным сдвигом вправо в общественном сознании. В немалой мере этому способствовал и воспринимавшийся как прямое следствие революции Трианонский мирный договор 1920 г., лишивший страну более 2/3 площади земель «венгерской короны», в эпоху дуализма управлявшихся из Будапешта, и тем самым травмировавший национальные чувства миллионов венгров (12).

Пришедший на смену советской власти правоавторитарный хортистский режим всячески преследовал любые проявления коммунистической идеи. Страх перед угрозой с Востока, как и в прежнюю эпоху, продолжал доминировать в сознании правящих кругов Венгрии (да и более широких масс), хотя и сменил свое обличье: теперь угроза виделась не в традиционном панславизме, а в большевизме. «Для человечества нет спокойствия, безопасности и счастья, пока не уничтожим Советы», - такова была позиция венгерского правителя М. Хорти, изложенная в одном из писем Гитлеру (13). Очень показательно, однако, то, что большевизм воспринимался правыми силами Венгрии опять-таки весьма своеобразно - как видоизмененная форма панславизма. При всем различии в мировоззрении «русский большевизм и панславизм преследуют одинаковые цели, как военные, так и политические», - писал Хорти Гитлеру в 1935 г. Эти цели сводятся к экспансии на Запад, непосредственно угрожающей Венгрии. При этом большевизм располагает сильным оружием, которое отсутствовало у старого панславизма - речь идет о пропаганде мировой революции. С другой стороны, наблюдая за эволюцией сталинского режима, правитель Венгрии, как и другие небеспристрастные иностранные наблюдатели, не мог не обратить внимания на коренную трансформацию его идеологии, перенесение акцента с интернационалистских идей на апологию державных ценностей: «Опасность мировой революции уменьшится, если в России возобладает национализм и панславизм, но зато значительно возрастет ее военная мощь как национального государства» (14). Когда в середине 1930-х гг. ненавистная Хорти Чехословакия (по его выражению, «злокачествен-

ная опухоль Европы») стала ориентироваться на союз с СССР, это дало регенту венгерского королевства основания сделать вывод о том, что славянство сейчас «почти идентично с большевизмом» (15). Именно стремление к ревизии Трианонского договора и страх перед коммунизмом привели хортистов к союзу с фашистской Германией, имевшему катастрофические последствия для страны.

Изменения в духовной жизни венгерского общества после 1919-1920 гг. отнюдь не перечеркнули интереса к русской литературной классике, которая в 1920-е гг. раскрывается новыми своими гранями, дает духовную пищу для осмысления опыта Первой мировой войны и последующих великих революций, радикально перекроивших карту Центральной и Восточной Европы. Воспринимая Трианон как национальную катастрофу, венгерская консервативная мысль связывала ее с губительными идеями, пришедшими прежде всего с Востока. В попытках выявления истоков русской революции, оказавшей, по мнению многих, столь роковое влияние на судьбу Венгрии, ведущие умы снова обратились к творчеству Достоевского, прочитанного теперь уже совсем иными глазами. Столетие со дня рождения писателя, отмеченное в 1921 г., дало импульс появлению новых публикаций с толкованием его творчества.

Культурные связи между СССР и Венгрией, происходившие в 1920-1930-е гг. по официальным каналам, сводились прежде всего к обмену научной литературой, причем в весьма ограниченных масштабах (16). Наибольшее в межвоенный период «потепление» в отношениях двух стран наметилось в 1939-1941 гг. - оба государства были в это время союзниками гитлеровской Германии. Советский павильон на международной выставке в Будапеште весной 1941 г. посетили многие сотни венгров. В те же месяцы советской стороной были возвращены правительству Венгрии знамена венгерской революционной армии, захваченные войском фельдмаршала И.Ф. Паскевича в 1849 г. (17).

Хортистский режим, правоавторитарный, консервативно-охранительный, но все же не тоталитарный, запрещая деятельность компартии, допускал в определенных пределах существование левой оппозиции. В недолговечных полулегальных и нелегальных прокоммунистических, легальных социал-демократических и либеральных изданиях периодически появлялась информация о событиях культурной жизни СССР. Сборник «Современный русский декамерон», составленный крупным поэтом Д. Ийешем в 1936 г., познакомил венгерского читателя с рассказами советских писателей. В литературной периодике и даже отдельными изданиями выходили произведения М. Горького, В. Маяковского, М. Шолохова, А. Фадеева, В. Катаева и др. Возможности ознакомления венгерской публики

современной российской культурой далеко не соответствовали большому интересу к ней не только в левых политических кругах, но и среди более широких слоев интеллигенции. «Я тоже с жадностью читал «Россию» Дюлы Ййеша (очерки, написанные Д. Ййешем после посещения СССР в качестве гостя I съезда советских писателей в 1934 г. - А.С.). Кто может не интересоваться Россией?... Экспериментальной лабораторией человеческого общества... За знаменитыми Вратами как будто начинается царство грядущего и снов... Любая весть оттуда волнует. И с известным волнением беру я в руки даже самую безразличную, но переведенную с русского книгу», - писал на страницах влиятельнейшего журнала «Нюгат» М. Бабич, человек либерального склада, как правило, отмежевывавшийся от коммунистической идеологии (18). Интерес венгерской публики к современной русской культуре подтверждается многими фактами. В середине 1920-х гг. в Будапеште с успехом прошли гастроли артистов Московского Художественного театра, несколько раз давал концерты С. Прокофьев. В середине - второй половине 1930-х гг. гастролеровал А. Тосканини были дважды исполнены произведения Д. Шостаковича, привлёкшие большое внимание любителей музыки.

В 1930-е гг., в условиях наступления фашизма, в рядах венгерской интеллигенции происходит перегруппировка сил, сопровождавшаяся новым полевением общественного сознания; часть либеральных и консервативных интеллектуалов, всегда однозначно отвергавших коммунистические доктрины, теперь сделала нелегкий выбор в пользу союза с коммунистами в едином антифашистском фронте. В новой обстановке приобретает иное звучание и русская классика. В 1937 г. на собрании венгерской литературной общественности по случаю 100-летия со дня смерти А.С. Пушкина М. Бабич говорил, что образ великого русского поэта «никогда не казался более современным и трагическим, чем в наши дни. Это глубокое, неиско- ренимое и безнадежное стремление к свободе приобретает особое значение под сенью современных диктатур. Цари больше не правят, но порой и нас, как героя Пушкина, охватывает стремление вырваться отсюда, оставить эту тиранически суровую, губящую человека цивилизацию, бежать в какой-то наивный... мир, где первобытные страсти, кочующие цыганы и дикие горы...» (19).

Новый этап в восприятии русской культуры в Венгрии начался по окончании Второй мировой войны. Роль Красной Армии в победе над гитлеризмом способствовала заметному повышению авторитета СССР в глазах зарубежной интеллигенции, усилению просоветских настроений даже в тех ее кругах, где прежде симпатии к большевизму были явлением чрезвычайно редким (20). Все это не могло не стимулировать интереса не только

к политико-экономической системе, в рамках которой были организованы военные усилия страны, но и к советской культуре и, более того, ко всей многовековой традиции русской культуры. Но размышляя о причинах повышения такого интереса, нельзя все, конечно же, сводить лишь к преклонению перед побеждающей силой советского оружия. Долгие месяцы гитлеровской оккупации и террора повлекли за собой существенные изменения в сознании населения стран, переживших войну, способствовали переоценке многих ценностей, выработке нового взгляда на культурно-историческое наследие той или иной нации. В каждом из регионов и каждой из стран эта переоценка приобретала свое, обусловленное конкретным историческим опытом, звучание. Так, в государствах-наследниках монархии Габсбургов, на протяжении веков связанных более или менее тесными узами с немецкой культурой, в умонастроениях интеллигенции проявилась тяга к отмежеванию от традиции, ориентированной на близость с Германией. В венгерской публицистике остро и подчас с некоторыми полемическими перехлестами ставился вопрос о том, сколь негативные последствия для венгров имело в разные века соседство их земель с немецкими. Германскому воздействию противопоставлялись более благотворные культурные влияния - как западные (из Франции и англо-саксонского мира), так и восточные. Интерес к русской (в том числе и современной советской) культуре, который всего через несколько лет стал искусственно подогреваться режимом Ракоши, насильственно насаждавшим в Венгрии эту культуру в ее далеко не лучших образцах, был в самые первые послевоенные годы совершенно естественным, проистекавшим из глубоких потребностей венгерской нации в переломный момент истории заново осмыслить свое место в Центральной Европе, на перепутьи между Востоком и Западом. «Перед нами распахнулись ворота Востока, и мадьяры сейчас с освобожденной и жадной душой обратились к источникам своей древней родины», - отмечал в 1945 г. далекий от симпатий к большевизму и впоследствии эмигрировавший писатель Л.Зилахи (21). «Спрос на нашу литературу здесь огромный и она может распространяться как на венгерском, так и на немецком языках», - докладывал в 1945 г. в Москву уполномоченный Всесоюзного общества культурных связей с заграницей (ВОКС) по Венгрии (22). С первых послевоенных лет публикуются большими тиражами произведения советских писателей, выходит новыми изданиями литературная классика. Ставятся на сцене оперы великих русских композиторов; без влияния системы Станиславского (при всей неоднозначности этого влияния) невозможно представить себе развитие венгерского театрального искусства (23).

Когда стала общедоступной ранее запрещенная советская литература,

точкой отсчета в спорах о ней стала русская литературная классика. Характерно, например, что в венгерском городе Дебрецене местное отделение общества культурных связей с СССР провело в 1946 г. семинар «Советский человек по романам Достоевского» (24). Обращаясь к поискам в новейшей русской культуре черт преемственности с классикой, критика чаще всего констатировала разрыв с традицией, что, впрочем, отнюдь не всегда означало отрицание продуктивности послеоктябрьских веяний. В отличие от героев Достоевского «новый русский человек не отличается глубиной и не страдает эпилепсией, он целеустремлен, трезв и здоров. У него меньше душевных проблем, чем у его отцов, его идеал - не болезненное сочувствие, а действенная солидарность. Венгерский читатель пока еще мало знаком с этим типом. Когда он его узнает, то влияние его будет, вероятно, плодотворнее влияния предков», - слова венгерского литературоведа А. Комлоша, относящиеся к 1946 г., передают ожидания той части интеллигенции, которая видела в советской культуре один из источников обновления духовной жизни Венгрии (25).

Советская культура не только не была явлением однородным, но, пожалуй, и не воспринималась таковым. Левые силы, жаждавшие революционных перемен, проявляли особый интерес к тому ее пласту, который, главным образом в силу причин отнюдь не художественных, в СССР относился к давно пройденному историческому этапу. Речь идет об авангарде 1920-х гг., пронизанном коммунистической тенденциозностью и в то же время явно не укладывавшемся в прокрустово ложе норм сталинско-ждановской эстетики 1940-х гг. Так, в венгерских журналах были неоднократны упоминания В. Мейерхольда, хотя в условиях политического диктата СССР конъюнктура совсем не благоприятствовала ознакомлению с его творчеством. При этом показательно, что некоторые левые и вместе с тем дистанцировавшиеся от Москвы венгерские издания (например, журналы Л. Кашшака) пропагандировали литературный, художественный, театральный, кинематографический авангард 1920-х гг. как бы в пику соответствующим ведомствам СССР, упорно делавшим вид, будто той культуры не существовало. Таким образом, содержание самого феномена «советская культура» понималось совсем не одинаково представителями официальной Москвы и венгерской интеллигенцией (26).

Впрочем, не только классика советской эпохи, но и культура, вполне умещавшаяся в узконормативных рамках «соцреализма», находила свою аудиторию и вызывала определенный интерес. Это подтверждается обилием рецензий, и не только в коммунистической прессе. «В первые годы после 1945 г., при некотором оттеснении классической литературы на второй план, главным элементом в возросшем интересе к литературе советс-

кой оказывается экзистенциальное влечение, возникающее из желания познать завтрашний день, полный еще туманного обещания нашего собственного будущего», - так объясняет это явление венгерский исследователь И.Феньешеш. Причем «в результате этого повышенного интереса неизбежно отступал на второй план художественно-эстетический характер произведений литературы», - продолжает он (27). Еще точнее ту же мысль сформулировал в 1959 г. публицист и социолог Л.Кардош: «В той жадности, с которой мы принялись за чтение советской литературы, было немало от поверхностного любопытства, заинтересованности новизной, но еще больше от жажды поглубже узнать советскую действительность, продиктованной насущной потребностью отчетливее представить условия существования при новой жизни... Через советскую литературу, изображающую жизнь советских людей, мы надеялись заглянуть в собственный завтрашний день.» При этом «заинтересованность, проистекавшая из беспокойства за конкретные условия существования, несколько притупила наше эстетическое чутье» (28). И у тех, кто жил в атмосфере надежд на осуществление коммунистических идеалов, и у тех, в ком преобладала настороженность, были, таким образом, и некоторые общие мотивы обращения к культуре социалистического реализма.

Даже те из ведущих венгерских художников, кто однозначно поддерживал коммунистов и последовательно выступал за социалистическую альтернативу, в большинстве своем видели в обращении к советскому опыту прежде всего путь к обогащению национальной культуры, приобщению ее к новым источникам развития. Их ожиданиям явно не соответствовал поворот конца 1940-х - начала 1950-х гг., создавший в культурной жизни Венгрии принципиально иную ситуацию: почти полностью вытесняется современная западная культура, принижается значение отечественной традиции, русская классика также отходит на второй план, уступая место насквозь идеологизированной и политизированной духовной продукции советского и местного происхождения. Иллюзии, связанные с переориентацией национальной культуры на Восток, оказались, таким образом, недолговечными в сознании даже той части интеллигенции, которая на время была им подвержена. Только после 1956 г., в эпоху Кадара, удалось до некоторой степени восстановить положение, при котором из русской культуры (классической и современной) бралось действительно ценное и политическо-конъюнктурный момент не играл решающей роли. Но и в эти десятилетия сохранявшееся неравноправие советско-венгерских политических отношений препятствовало налаживанию естественного диалога культур и формированию свободного от политики, объективного взгляда венгерской интеллигенции на проблему культурного влияния с Востока (29).

Примечания

1. См.: *Tanulmányok a magyar-orosz irodalmi kapcsolatok korebol. I-III kot.* Budapest, 1961; Венгерско-русские литературные связи. М., 1964; из публикаций последних десятилетий следует выделить пятитомное собрание источников «Русские писатели: взгляд из Венгрии»: *Orosz irok magyar szemmel. Vp., 1983-1992.* См. также: Советско-венгерские связи в художественной культуре (Отв. редакторы И. Светлов, Л. Солнцева). М., 1975.

2. Именно путевые заметки дворян-офицеров, участвовавших в наполеоновских войнах (Ф.Н. Глинки, А.И. Тургенева, В.Б. Броневского, А.М. Данилевского), открыли венгерскую тему в русской литературе. Из тех, кто ее продолжил в последующие десятилетия, можно выделить А.И. Герцена, в своей публицистике осмыслявшего уроки революции 1848-1849 гг., а в автобиографической книге «Былое и думы» оставившего отзывы о Л. Кошуте и других видных венгерских политиках, с которыми познакомился в эмиграции.

3. См.: Григорий Сковорода в Венгрии // Я.И. Штернберг. Мир поэзии и дружбы (поиски и находки). Ужгород, 1979. С. 63-82.

4. Историк Л.Мольнар насчитал в венгерской печати до 1815 г. 120 сообщений о России и российской культуре (Ласло В. Мольнар. Русско-венгерские культурные связи. 1750-1815. Йошкар-Ола, 1993; см. в этой работе также большой материал по истории российско-сербских связей в Венгрии). Авторы этих заметок, как правило, черпали информацию из немецких изданий. Важно то, что венгерская пресса в начале XIX в. отреагировала на реформаторские попытки Александра I, в осуществлении которых, кстати, приняли активное участие выходцы из Венгрии - юристы, врачи, педагоги, специалисты других областей (один из них, экономист М.Балугьянский, стал впоследствии сенатором, первым ректором (1819 - 1821) Петербургского университета, Я.Орлай служил придворным лейб-медиком Александра I, а позже, став директором Нежинской гимназии, был учителем у Н.В.Гоголя, оставившего положительные отзывы о нем). Русская тема нашла отражение и в художественном творчестве. Так, еще в конце 1780-х гг. поэты Й.Гвадани и М.Патаки откликнулись на взятие Очакова.

5. Цит. по: *Dioszegi I. Osterreich-Ungarn und der franzosisch-preussische Krieg 1870 - 1871.* Budapest, Akademiai Kiado, 1974. S. 21.

6. *Peter M. Megjegyzések Puskin «Jevgenyij Anyegin»-jének magyar forditasahoz // Tanulmányok a magyar-orosz irodalmi kapcsolatok korebol. I. kot. Vp., 1961.*

7. *Moricz Zs. Vilagirodalom fele // Nyugat. 1921. 1 sz. 72.* о. Подробнее см.: Стыкалин А.С. Творчество А.С. Пушкина в контексте восприятия русской литературной классики в Венгрии (XIX - первая половина XX века) /

/ Славяноведение. 1999, N.3. С.74-83; Он же. Отношение к панславизму в Венгрии XIX - первой половины XX в. и восприятие творчества А.С. Пушкина // А.С. Пушкин и мир славянской культуры (к 200-летию со дня рождения поэта). М., 2000. С.264-275.

8. Цит.по: Гал И. Бабич, русская революция и классики русской литературы // *Studia Slavica*. N.20. Вр., 1974. С. 306.

9. Там же. С. 319. Подробнее см.: Стыкалин А.С. Русская литература в сознании венгерской читающей публики эпохи дуализма // Австро-Венгрия: интеграционные процессы и национальная специфика (Отв. редактор О.В. Хаванова). М., 1997.

10. Цит.по: Gluck M. *George Lukacs and his generation. 1900-1918*. Harvard University Press. Cambridge (Mass.). 1985, p.27.

11. Krudy Gy. *Orosz hangok* // *Magyarorszag*. 1919, marc.30.

12. См.: Стыкалин А.С. Трианонский мирный договор 1920 г. и идеология хортистского режима // Авторитарные режимы в Центральной и Восточной Европе (1917 - 1990-е годы). М. 1999 (Центральноевропейские исследования. Выпуск 1). С.52-71.

13. Цит. по: История Венгрии. Т.3. М., 1972. С. 292.

14. Архив внешней политики России РФ (АВПР). Ф.077. Оп.29. Папка 137. Д.55. Л.125-126.

15. Там же. Л.160.

16. Государственный Архив Российской Федерации (ГАРФ). Фонд 5283 (ВОКС). Опись 6. Дела 785-800.

17. См.: Научные издания московского Венгерского колледжа. Вып.1. Отв. редактор Й.Горетить. М., 2001.

18. *Nyugat*. Budapest, 1935. 1 sz. 145. o.

19. Цит.по: Гал И. Бабич, русская революция и классики русской литературы. С. 313-314.

20. Очень показателен в этой связи отчет советских кинематографистов об их участии в первом Каннском фестивале (1946), где говорилось, что хотя в фестивальной жюри не было ни одного коммуниста и состав съехавшейся аристократической публики «не давал оснований предполагать, что в ее лице мы встретим почитателей советской культуры ... каждое появление тов. Сталина (на экране при демонстрации фильма кинорежиссера М. Чианурели «Клятва» - А.С.) вызывало аплодисменты как жюри, так и зрительного зала» (Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Фонд 17. Оп.125. Д.469. Лл. 58, 62).

21. ГАРФ. Ф. 5283. Оп. 17. Д. 115. Л. 14 (из выступления на заседании венгерского общества культурных связей с СССР).

22. АВПР. Ф. 077. Оп. 25. Папка 115. Д. 42. Л. 49.

23. См.: Стыкалин А.С. Русская культура в Венгрии во второй полови-

не 1940-х годов. Новый этап в диалоге двух культур // Власть и интеллигенция. Вып.3. Культурная политика в странах Центральной и Восточной Европы. 1920-1950-е годы. М., 1999. С.121-160.

24. В Москве подобный ракурс рассмотрения проблемы советского человека едва ли мог найти понимание тех, кто ведал распространением русской культуры за рубежом. «Подобная ложная и недопустимая постановка вопроса способна только извратить и опошлить образ советского человека в понимании венгерской аудитории и ничего кроме вреда принести не может», - ответил ВОКС своему уполномоченному в Венгрии (АВГР. Ф.077. Оп.26. Папка 119. Д.43. Л.144). Как говорилось в той же связи в другом документе, «учитывая, что за рубежом обычно стараются односторонне подчеркнуть наиболее реакционные черты творчества Достоевского», «нашу точку зрения на Достоевского важно противопоставить существующему в Венгрии восприятию» (Там же. Д.44. Л.75).

25. ГАРФ. Ф.5283. Оп.17. Д.127. Л.20-21.

26. В Москве рамки официально признанной «советской культуры» были заметно (и далеко не в первый раз) сужены небезызвестными идеологическими постановлениями 1946-1948 гг. Это самым непосредственным образом сказалось на популяризации советского искусства за рубежом. Так, после принятия в феврале 1948 г. постановления ЦК ВКП(б) об опере В.Мурадели «Великая дружба» руководство ВОКСа в письмах своим уполномоченным в странах Центральной Европы предлагало поставить перед радиокомпаниями вопрос об исключении из репертуара «формалистических» произведений С.Прокофьева, Д.Шостаковича, Н.Мясковского (АВГР. Ф.077. Оп.28. Д.52. Папка 131. Л.46-51). Получался парадоксальный феномен: ведомства, отвечавшие за пропаганду за рубежом советской культуры, не только не способствовали, но иногда даже противодействовали распространению наиболее ценного, что было создано в СССР за годы большевистской власти, даже если оно в принципе не противоречило коммунистическим идеалам.

27. Acta Universitatis Szegediensis de Attila Jozsef nominata dissertationes Slavicae. N.19. 1988. 173-174 o.

28. Цит. по: Hungaria litterata, europae filia. Вр., 1985. p.185.

29. Метаморфозы восприятия русской культуры в условиях социалистической Венгрии могут стать предметом самостоятельного исследования. Из наших работ, написанных на материале первого послевоенного десятилетия, см.: Стыкалин А.С. Советский фактор в развитии венгерской культуры (1945 - первая половина 1950-х годов) // Власть и интеллигенция. Из опыта послевоенного развития стран Восточной Европы. Вып. 2. М., 1993.

АНТОН КОРОШЕЦ
В ПРАВИТЕЛЬСТВЕ МИЛАНА СТОЯДИНОВИЧА
(24 ИЮНЯ 1935 – 21 ДЕКАБРЯ 1938 гг.)

Одним из наиболее заметных событий 30-х годов в Королевстве Югославия была деятельность первого Правительства Милана Стоядиновича. О Стоядиновиче и о его правительстве существует весьма обширная литература. Как известно, это правительство было своего рода коалицией центристских партий, выражавших интересы широких слоёв населения Югославии. Словенцы были одной из «титовых» наций королевства, поэтому в этом правительстве были и их представители. Крупнейшей словенской политической организацией на тот момент была Словенская Народная Партия, которая хотя и была распущена, как и другие югославские партии в 1929 году, однако сумела сохранить структуру и большинство сторонников. СНП была по своему характеру право-консервативной партией, опиравшейся, прежде всего, на крестьянство и предпринимателей мелкого и среднего бизнеса, а также на Католическую церковь. С 1917 года СНП возглавлял Антон Корошец, который за 20-е и 30-е годы стал признанным лидером словенского народа. Во время всего существования Первой Югославии Антон Корошец не раз входил в состав различных правительств, а в 1928 году полгода занимал пост премьер-министра¹. Таким образом масштаб и степень влияния Корошца во властных кругах Югославии сложно переоценить. Работа его в правительстве Стоядиновича интересна тем, что для Корошца это было временем, когда он фактически возобновил свою карьеру «с нуля»: после опубликования в 1932 году «Словенской декларации», где выражались весьма радикальные взгляды на устройство Югославии², он оказался в ссылке и на несколько лет был отстранён от активной политической деятельности. Многим казалось, что его карьера как политика пришла к концу, однако это было не так – он сумел снова занять видное место в югославской политической элите. В Правительстве Стоядиновича Корошец занимал весьма ответственный пост министра внутренних дел. Основными направлениями его деятельности были: умиротворение страны, борьба с различными сепаратистскими и экстремистскими организациями. Кроме того, Корошец, как один из влиятельнейших деятелей Католической церкви не мало способствовал заключению конкордата между Ватиканом и Югославией. Именно поэтому мы считаем, что рассмотрение деятельности Антона Корошца в первом правительстве Милана Стоядиновича.

Получив известие о покушении в Марселе на короля Александра и его смерти, Корошец был поражён, хотя и не был очень сильно расстроен. Большинство тех, кто описывает его пребывание в ссылке, говоря о событиях 9 октября 1934, утверждают, что основной темой обсуждения в ближайшем окружении Корошца являлся вопрос о его скорейшем освобождении. Это усиливали слухи о том, что король Александр якобы собирался после возвращения освободить Корошца (большинство соратников Корошца уверено, что у короля действительно были такие планы)³.

В действительности же летом 1934 года король посылал к Корошцу своих эмиссаров с предложением в обмен на освобождение принять конституцию 1931 г. и на отказе от своей «Словенской декларации». Корошец согласился на такие условия, однако король не успел его освободить⁴.

Переговоры продолжились и после смерти короля Александра. Так, 6 октября Антон Корошец после разговора с Стоядиновичем направил письмо о возможности вхождения в правительство премьер-министру Николе Узуновичу⁵.

В 10-х числах октября Корошец самовольно покинул ссылку и вернулся в Белград, где он практически сразу же включился в политическую деятельность. К сожалению, мы не обладаем достаточно полными сведениями о его позиции по вопросу дальнейшего существования единого государства после смерти Александра. Однако, Стоядинович, который оказался в Сплите вскоре после покушения на короля Александра свидетельствует, что когда он встретил там Корошца, то последний ему заявил: «Сейчас настал такой момент, когда мы должны забыть все наши разногласия и должны объединить наши усилия для того, что бы у Югославии было лучшее будущее»⁶. То же самое заявил он и во время похорон короля Александра (кстати, он лично нёс гроб монарха), когда выступил с речью, в которой обратился ко всем политикам с предложением объединить усилия для сохранения государства⁷. Надо отметить, что по свидетельству Стоядиновича, эти высказывания Корошца сильно удивили многих югославянских политиков, так как последние 3 года, после обнародования знаменитой «Словенской декларации», Корошец имел репутацию «сепаратиста». Не были удивлены подобной сменой акцентов в высказываниях Корошца только сам Стоядинович и Узунович, так как они знали, что Корошцу уже предложено войти в правительство⁸.

Однако, сам он не спешил выполнить своё же предложение. Так, когда в декабре 1934 г. было распущено последнее правительство Николы Узуновича, и Боголюб Евтич стал формировать новое правительство, предложив Корошцу войти в его правительство, последний отказался. В это время между представителями Югославской мусульманской организации

(ЮМО), радикалов и Словенской народной партии (СНП) велись переговоры о формировании некоего единого политического объединения. Сразу же после падения правительства Узуновича, Корошец обратившись к своим соратникам заявил, что «мы требуем правительства оппозиции». Но это осуществить ему правящие круги не дали, поэтому он и отказался от участия в правительстве Евтича. Интересно, что никто из его соратников не объясняет, почему же он отказался: создаётся впечатление, что для них это было вполне естественно. 9.

Таким образом, Антон Корошец остался в оппозиции после смерти короля. Не изменил он своей оппозиционности и во время выборов 5 — го мая 1935 года в скупщину (6 февраля 1935 г. скупщина была распущена, и на 5 мая были назначены новые выборы). Так, СНП бойкотировала выборы, хотя клерикалы, радикалы и представители ЮМО вели переговоры с представителями Владко Мачека (ХКП), Йовановича (Земельский союз) и демократов с целью создания единого предвыборного блока, причём инициатива о создании блока исходила от демократов и Мачека. Но эти переговоры не увенчались успехом, и поэтому партии Корошца так же, как и радикалы отказались участвовать в выборах. Надо отметить, что Корошцу не так просто оказалось убедить руководство СНП бойкотировать выборы. Дело в том, что к этому времени образовались две группы в руководстве СНП, которые обе были недовольны политикой Корошца. Но одна группа, возглавляемая бывшим министром Госаром и руководителем т.н. мариборской группы СНП (которая всегда отличалась оппозиционностью по отношению к Корошцу и предприняла попытку его отстранения в 1922 г.) Весеньяком, считала, что на выборы обязательно нужно идти, но объединяться следует с правительственным блоком. Другая же группа во главе с М. Натлаченом и Ф. Куловцом предлагали объединиться с оппозиционным блоком В. Мачека. Более того, Натлачен и Куловец даже начали вести переговоры с Мачеком, однако получили крайне строгий выговор за эти действия от Корошца. Ситуация в руководстве СНП была настолько напряжённой, что недолго было и до раскола партии, но своим авторитетом Корошец смог сохранить партию единой и настоять на своей точке зрения о бойкоте выборов 10.

Сами выборы прошли в крайне напряжённой обстановки. В Словении развернулась достаточно острая борьба между сторонниками СНП, которые агитировали не ходить на выборы и представителями словенской части Югославянской национальной партии (либералы и часть диссидентов из СНП). Но всё-таки победили сторонники Корошца и в целом явка избирателей на выборах была крайне низка, ещё ниже, чем на выборах в ноябре 1931 года (для сравнения: 65% на выборах-31 и 47% на выборах-35) 11. В

целом на выборах победил правительственный блок Б. Евтича, который получил 303 места в парламенте из 370 (67 получил блок Мачека) 12 .

Однако, не смотря на победу на выборах, правительство Евтича было вынуждено уйти в отставку 24 июня, а уже 28 июня было образовано правительство Милана Стоядиновича, куда вошёл и Корошец 13 .

Таким образом, Антон Корошец вышел из оппозиции. Надо отметить, что состав правительства, предложенный Стоядиновичем был такой, за который Корошец выступал после падения Узуновича в декабре 1934 г. – коалиция радикалов, СНП и ЮМО. Поэтому, Корошец счёл для себя возможным войти в это правительство и занять один из ключевых постов: министра внутренних дел.

Время пребывания в оппозиции было для Корошца достаточно тяжёлым, особенно его ссылка. Как мы видим результатом его ухода в оппозицию стало разочарование в диктатуре, как строе при котором возможно была стабилизация положения в стране и улучшение жизни населения. Так же его уход в оппозицию был следствием того, что в правительстве Живковича у Корошца не было практически никакого политического веса, что Корошца, как известного политика, оскорбляло и мешало работать. В оппозиции он выбирал между двумя оппозиционными центрами – белградский и загребским. Он выбрал более умеренный – белградский, что, однако, не помешало создать ему ультрарадикальную «Словенскую декларацию», носившую ирредентистский характер. Как уже выше отмечалось, мы на сегодняшний день не располагаем достаточной информацией, позволяющей нам объяснить причины резкого изменения позиции Корошца. За «Словенскую декларацию» Корошец был отправлен в ссылку в Боснию, где пробыл полтора года. В ссылке лидер клерикалов не оставял политической деятельности, хотя его связь с внешним миром на некоторых этапах его ссылки была затруднена (Тузла). После смерти короля он возвращается из ссылки, однако по-прежнему остаётся в оппозиции: отказывается от участия в правительстве Евтича, бойкотирует выборы 5-го мая 1935 года и т.д. Выходит он из оппозиции, когда мандат на формирование правительства был дан радикалу Милану Стоядиновичу.

Образование правительственной коалиции

Саму идею о сотрудничестве трёх консервативных и народных партий, как-то: Народной радикальной партии, ЮМО и СНП, нельзя назвать новой. Подобные правительственный и парламентские комбинации были не раз за всё время существования единого югославянского государства. Более того, зачастую, особенно в начале 30 – х годов их рассматривали как безусловных союзников. Можно с уверенностью сказать, что в то время Стояди-

нович и Корошец были идейными союзниками. Их объединяла консервативная идеология и стремления защитить интересы, прежде всего, крестьян. И у Радикальной партии, и у СНП основная социальная база было крестьянство. Так же на сельское население опиралась и Югославянская мусульманская организация во главе с Мехмедом Спахо. И все три партии исповедывали консервативную идеологию. Кроме того, и радикалы, и представители СНП, и сторонники ЮМО находились как бы в центре политической сцены Югославии. Справа от них находились такие партии и организации как Югославская национальная партия Б. Евтича и Югославянское национальное движение «Збор». Слева стояли ХКП Мачека, Земледельческий союз Йовановича, Демократическая партия. Поэтому было вполне логично объединиться именно СНП, ЮМО и Радикальной Партии. Однако такое центральное положение несло так же и отрицательные последствия: регулярные нападки с обеих сторон, в результате чего правительству приходилось на всём протяжении своего существования постоянно лавировать между правой и левой оппозициями.

Первые шаги к созданию действительной коалиции этих трёх партий предпринял сам Милан Стоядинович, который, будучи министром в правительстве Евтича, активно контактировал с Корошцем и Мехмедом Спахо. Надо отметить, что сразу же после выборов в скупщину среди политических кругов начались разговоры о желательности отставки правительства Евтича. В качестве кандидатуры на пост премьер-министра рассматривали либо Стоядиновича, либо Живковича. В конце концов остановились на Стоядиновиче, которому и был дан мандат на формирование правительства¹⁴.

С Корошцем, как уже выше отмечалось, вёл переговоры о вступлении в правительство Милан Стоядинович. Сам Корошец был согласен войти в правительство. Иван Ахчин рассказывает, что Корошец собрал где-то в середине июня руководство партии и объяснил им, почему он решил вступить в правительство: «Сейчас пришло время выполнить то, к чему мы со Стоядиновичем уже долго готовились. Нужна такая правительственная коалиция, которая бы управляла до того, как король достигнет совершеннолетия, а может быть, и после этого. В этом случае наша партия бы вышла бы из оппозиции и вступила в правительство, что Вы так долго и добивались. Так же должен вам сказать следующее: создание этого правительства не означает решения главной нашей задачи – словенской автономии – того, чего мы добиваемся уже 16 лет. Так же регентский совет (регент-принц Павел и др.) нам объяснил, что не стоит ожидать изменения конституции 1931 года до тех пор, пока сын короля Александра не достигнет совершеннолетия. Внутреннюю политику будем проводить в соответ-

ствии с существующим законодательством. Корошец снова чётко сказал, что автономии словенцы не получат до королевского совершеннолетия... Если мы в нынешней ситуации вступим в правительство, то мы снова выберем для себя оппортунизм. Но сейчас у нас появляется возможность, состоя в правительстве, подготовить выполнение нашей национальной словенской программы. И в правительстве у нас будет больше возможностей, чем в лагере оппозиции. – Вот так говорил Корошец. Однако не все члены руководства партии согласились с Корошцем и требовали более веских причин. Тогда Корошец сказал, что одной из задач правительства является достижения согласия с хорватами. В результате дискуссии руководство дало согласие на вхождение в правительство»¹⁵.

Этот достаточно длинный отрывок мы привели с той целью, что бы показать, какая достаточно напряжённая атмосфера была в руководстве партии. Иван Ахчин, в чьих воспоминаниях описано это заседание (сам он как главный редактор главного органа партии «Словенца» так же присутствовал на заседании), не называет тех, кто посчитал аргументы Корошца не достаточными, однако, если учесть тот момент, что этих людей убедило согласие Корошца добиваться договора с хорватами, то можно предположить, что это были члены руководства СНП Натлачен и Куловец, которые, выступали за союзничество с Владко Мачеком (ХКП). В целом, Корошец вступая в правительство, хотел достичь некоторой стабильности в управлении государством. Не маловажным фактором, в связи с которым Корошец согласился войти в правительство, была его уверенность в том, что в этом новом правительстве он будет играть не последнюю роль, что за ним будет достаточно влиятельный пост. Ведь именно то, что Корошец не был влиятелен в правительствах Живковича, очень сильно задевало лидера клерикалов и в результате привело к острому конфликту с королём.

Итак, 24 июня 1935 года было образовано правительство Стоядиновича, в котором Антон Корошец занял пост министра внутренних дел. Мехмед Спахо стал министром путей сообщения. Правительство состояло из членов ЮМО, Радикальной партии, а так же диссидентов из ХКП Мачека. Кроме того, в правительстве на должности министра армии и флота оказался Петр Живкович, который как бы представлял двор в правительстве (однако, он достаточно скоро вышел из правительства, уведя за собой трёх министров; исследователи называют эти действия Живковича «попыткой расколоть и отправить правительство в отставку»¹⁶). Кроме Корошца, из членов СНП в состав правительства Стоядиновича вошёл член секретариата СНП – Миха Крек, который получил пост министра без портфеля.. За этим правительством осталось именование – «правительство троицы», т.е. Стоядинович – Корошец – Спахо¹⁷.

Деятельность правительства и работа в нём Антона Корощца.

К сожалению, мы достаточно ограничены в формате нашей работы, поэтому подробно мы не станем рассматривать всю деятельность правительства Стоядиновича, но остановимся (так же достаточно кратко) на наиболее значительных событиях и мероприятиях этого правительства, которые были важны для Корощца (как об этом свидетельствуют Иван Ахчин и Миха Крек¹⁸): создание Югославянского радикального союза (с июня 1935 по июнь 1936 гг.), выборы в местные органы самоуправления в сентябре-декабре 1936 и кризис в связи с ратификацией конкордата между Югославией и Ватиканом летом 1937 г.

Ситуация, в которой оказалось новое правительство, была далека от спокойной. Достаточно частр происходили волнения (однако, вопреки расхожим мнениям о «жестокостях» полиции и массовых избиениях надо сказать, что, к примеру, всего с 1 июля года по 15 ноября 1935 года пострадало 17 граждан и 4 полицейских¹⁹). Поэтому, в своей декларации правительство прежде всего провозгласило одной из основных своих задач – это умиротворение страны²⁰.

Уже после создания ЮРС Антон Корощец 24 декабря 1935 на заседании дравского отделения ЮРС заявил, какие именно цели преследует правительство Милана Стоядиновича: остановить волну насилия над гражданами, предоставить в рамках существующих законов все гражданские права (собраний, свободы слова, создания партий и проч.), строго придерживаться закона, и поднять на должную высоту авторитет как закона, так и центральной власти, восстановить справедливость в отношении тех граждан, которые пострадали от бывшего правительства, а когда страна полностью умиротвориться, и мы выполним все наши вышеозначенные задачи, мы предоставим народу все те свободы, которые были у них до 1929 года²¹.

Однако одних программных заявлений было недостаточно, что бы создать некую опору новому правительству. Поэтому, практически же сразу после создания правительства Спахо, Корощец и Стоядинович обсуждали вопрос создания единой политической партии, которая могла бы стать надёжной опорой правительству и стать главной центристской партией в Югославии. Создание партии нужно было для того, что бы на ближайших парламентских выборах потеснить Югославянскую национальную партию, которая имела большинство мест в парламенте.

От первых заявлений о создании партии до опубликования программы партии прошло два месяца: 20 августа 1935 года в ряде крупнейших газет страны была опубликована программа Югославянского радикального союза (далее - ЮРС). Собственно программа партии не несла в себе ничего особо выдающегося. Эта была классическая программа центрист-

ской партии, с югославянскими особенностями, конечно. Но, особое внимание было уделено вопросам равноправия трёх народов: сербов, хорватов и словенцев. Признавалось, что каждый из них имеет свою национальную культуру и право на защиту и уважение своих традиций и национальных интересов. Не мало внимания партия уделяла и социальным вопросам. Так, провозглашалось, что партия будет бороться за снижение налогов, за социальное обеспечение трудящихся. Одной из главных своих задач партия считала защиту интересов крестьянства, как государственными путями, так и путём поддержки кооперативного движения²². В организационном плане партия управляется Исполнительным комитетом, в который вошли Милан Стоядинович, Антон Корошец, Мехмед Спахо и известный радикал Ацо Станоевич. Собственно Корошец стал главой словенской части ЮРС²³. Однако до организационного оформления новой партии было далеко. Лишь 1 июня 1936 года состоялся Учредительный съезд ЮРС

Не менее важной для как для правительства, так и для Корошца были выборы в местные органы самоуправления осенью 1936 года. Одной из своих политических целей, которые Корошец ставил перед собой, когда он шёл в правительство – это воссоздание местных органов самоуправления. Так, на заседании расширенного исполнительного комитета ЮРС 7 июля 1936 года, он выступил с докладом, в котором обосновывал причины, по которым следует восстановить местное самоуправление. Кроме всего прочего, Корошец заявил, что контролируя местное самоуправление, через выбранных депутатов, принадлежащих к ЮРС, правительство получает контроль над страной. Как известно, основная социальная база ЮРС – это крестьянство и поэтому не стоит опасаться проигрыша на выборах. Более того, в своём докладе Корошец представил расширенную программу действий местных органов самоуправления, выполнив которую можно было решить многие социальные и экономические вопросы²⁴.

Собственно выборы проходили в сентябре, октябре и ноябре во всех бановинах. В Дравской бановине (т.е. в Словении) выборы проходили 25 октября. Убедительную победу на выборах одержали представители ЮРС (члены СНП): они победили в 264 общинах, так как оппозиция (представители ЮНП) победила в 3625. Надо отметить, что со стороны ЮРС выступали клерикалы, а со стороны ЮНП либералы, то есть повторение старого словенского противостояния клерикалы-либералы. Всего же на выборах ЮРС получило 70% голосов, то есть расчёт Корошца оправдался на поддержку со стороны сельского населения страны.

Третьим важнейшим событием во время существования правительства Стоядиновича была ратификация конкордата Югославии с Ватикана

ном²⁶. Статус Католической церкви в Югославии был достаточно не определён, однако католики в едином государстве составляли около 30 % населения: католицизм исповедывали хорваты и словенцы. Конкордат официально закреплял статус Католической церкви. Собственно идеи о заключении конкордата между Югославией и Ватиканом появились сразу же после принятия Видовданской конституции 1921 года, когда правительство образовало комитет по делам религий, в который вошли представители трёх основных религий страны: ислама, православия и католицизма. В результате бурных дискуссий правительство решило в июле 1922 года создать комитет по вопросам заключения конкордата с Ватиканом. От словенцев в него вошли Епископ Люблянский Антон (Еглич) и член Югославянского клуба в скупшине и СНП Йосип Хохнвец. С переменным успехом работа этой комиссии длилась до установления диктатуры короля Александра, который предпринял попытку узаконить деятельность основных религиозных конфессий страны. Так, были приняты законы о Сербской православной церкви (далее - СПЦ), о иудеях, о мусульманах. Именно в начале 30-х годов активизируется переговорный процесс с Ватиканом. Собственно позицию Корошца по вопросу отношений с Православной Церковью и о конкордате в 20-х годах мы рассмотрели в предыдущей главе. Корошец внимательно следил за переговорным процессом и тогда когда он был в составе правительств Живковича. Он подчёркивал, что необходимость подписания конкордата крайне важна для католиков в Югославии в целом и для словенцев в частности. В Любляне в июне 1935 года прошёл 2-ой Евхаристический конгресс (1-ый прошёл в 1930 г. в Загребе, а 3-ий в 1941 г. – в Сплите), который являлся своего рода съездом всех католиков Югославии. На нём присутствовало около 150 000 человек²⁷. Огромная цифра для маленькой Словении. На этом конгрессе Корошец играл одну из ведущих ролей, так как основную подготовку в проведении конгресса провела СНП. В одной из своих речей Корошец заявил, что одной из главных задач клерикалов является подписание конкордата с Ватиканом, который бы узаконил положение Католической церкви в Югославии²⁸.

• Однако подписание самого договора между Ватиканом и Югославией произошло в первые дни существования правительства Стоядиновича, хотя основная подготовительная работа была проведена правительством Боголюба Евтича.

Сам конкордат был подписан 25 июля 1935 года. Однако для того, что бы он стал действовать, надо было, что бы он был ратифицирован югославской скупщиной. В этом-то и заключалась основная проблема для правительства. Конкордат имел слишком многих противников: от «Збора» до коммунистов. Наиболее влиятельным противником ратификации кон-

кордата была Сербская православная церковь, представители которой считали, что подписание конкордата открывало бы путь для католической экспансии. Напряжении нарастало с каждым месяцем. Правительство не решилось сразу же отправить конкордат на ратификацию. Это было сделано по двум причинам: во-первых, в парламенте большинство имела оппозиция – Югославянская национальная партия, а во-вторых, правительство не хотело провоцировать массовые волнения²⁹. В парламенте была создана специальная комиссия по изучению конкордата (фактически же по подготовке парламента к его ратификации). ЮРС имела в комиссии 12, а ЮНП – 9 мест. Именно в этой комиссии и происходила основная борьба. Наибольшего напряжения эта борьба достигла летом 1937 года, когда правительство всё-таки решилось внести в парламент конкордат на ратификацию. В июле проходили постоянные массовой манифестации противников конкордата. Масла в огонь подлил и Синод СПЦ, который 14 июля постановил, что те депутаты, которые будут голосовать за конкордат, будут отлучены от Церкви. 19 июля прошёл крестный ход, больше напоминавший манифестацию, нежели церковное священнодействие, противников конкордата, который вылился в столкновения с полицией (кстати, Корошец запретил проведение этого крестного хода). Все обвинения в массовых беспорядках посыпались на Корошца, который якобы специально отдал приказ разогнать манифестацию³⁰. Надо отметить, что положение Корошца в это время было крайне тяжёлым. Он – лидер клерикальной партии, католический священник, занимает один из ответственных постов в правительстве и находится фактически во враждебном окружении. К нему приковано внимание многих, как противников, так и союзников. Причём, зачастую он не находил понимания и среди высшего католического духовенства. Руководство Католической церкви в Югославии постановило, что те депутаты-католики, которые будут голосовать против конкордата будут отлучены от церкви. Это вызвало резкую критику со стороны Корошца, справедливо считавшего, что это решение лишь обострит и без того накалённую обстановку. В связи со всем выше обозначенным, Корошец в первой половине 1937 года старался публично не высказываться по поводу конкордата³¹. В результате всего правительство победило, и 23 июля скупщина большинством голосов ратифицировала конкордат.

Основной работой Корошца в этот период была деятельность на посту министра внутренних дел. Став министром, Корошец практически сразу же принялся за работу. Так, в свой первый же рабочий день лидер клерикалов разослал во все бановины две телеграммы. В первой, он приказывал немедленно прекратить любые полицейские акции с применением чрезмерной силы. Во второй телеграмме он предупреждал, что те, кто приме-

нят оружие против мирного населения, будут строго наказаны, вплоть до суда³².

Основными направлениями его деятельности на посту министра стало: усмирение волнений, противодействие сепаратистским и различным экстремистским силам: усташам, немецким нацистам, скрывавшихся под вывеской «Культурбунда», коммунистам. Кроме того, он старался оптимизировать управление полицейскими силами королевства. Так, с его подачи в 1936 году были созданы местные отряды самообороны с целью ликвидации распыления сил полиции на охрану и контроль небольших населённых пунктов, а так же с целью повышения авторитета полиции в глазах местных жителей³³. Не забывал он, конечно же и нужды Словении. Так, он вложил не мало сил в то, что бы в в Любляне была построена университетская библиотека (которая на сегодняшний день остаётся самой крупной в Словении – Национальная и университетская библиотек)³⁴.

Пост министра внутренних дел был для Корошца крайне тяжёлой должностью, хотя и весьма почётной. Его деятельность на этом посту подвергалась резкой критике как левыми, так и правыми. В «Истории Югославии», которая отражает, точку зрения крайне левой оппозиции правящему режиму – компартии Югославии, говорится, что именно Корошец повинен в «кровавых расправах над рабочими»³⁵. Это своего рода миф о Корошце. Как мы можем понять из всей его деятельности ему была чужда жестокость. Так же его предписания начальникам полиции не менее красноречиво свидетельствует о том, что он был против любого пролития крови. Другой вопрос, что он был рьяным противником коммунистических, атеистических и материалистических идей. В его политической карьере были такие моменты, которые могут даже заставить усомниться в его антикоммунизме. Так, он положительно воспринял октябрьскую революцию в России. Кроме того, однажды на выборах в местные органы самоуправления его партия шла в одном блоке с коммунистами. Но в Октябрьской революции он приветствовал не коммунистические идеи, а то, что она провозгласила право наций на самоопределение. То есть именно то, за что боролся Корошец и его товарищи из Югославянского клуба во время первой мировой войны. Во втором же случае Корошца с коммунистами объединили идеи помощи крестьянам. Ведь сам Корошец был христианским социалистом, то есть он придерживался социалистических идей в вопросе переустройства мира и был ярым противником «дикого» капитализма. Но не менее важным для Корошца был вопрос о христианстве. Для него христианство было главным стержнем всей жизни, приверженность Католической церкви была обязательной. Он считал, что безбожный и материалистический социализм есть одна из главных соблазнов и опасно-

стей его времени. Он опасался, что народ, уверуя в те утопические коммунистические идеалы, пойдёт за коммунистами, которые отвернут народ от Бога. А что такое по сути дела коммунизм? Это христианство без Бога. И именно простой народ (в особенности крестьян) очень легко обмануть этим фальшивым христианством (что произошло и в России в начале XX века, и в Югославии во время 2-ой Мировой Войны). Кроме того, коммунисты предлагали насильственный путь реформ, и своей деятельностью они так же как усташи, раскачивали государственный строй Югославии. Именно в связи со всеми этими причинами, Корошец так яростно выступал против коммунистов, особенно в середине 30-х гг., когда окреп СССР, когда к власти в Испании пришли республиканцы, среди которых были коммунисты и анархисты.

По свидетельству Ивана Ахчина главными неприятелями, которые стремятся ослабить государство и с которыми следует бороться, Антон Корошец считал фашизм, а особенно популизм и коммунизм, которые предлагают лёгкие и нереальные пути решения национальных, экономических и культурных проблем государства. В этой связи основная деятельность Корошеца была, естественно помимо собственно запретительных мер, в разъяснении населению через средства массовой информации: «Полицейские акции и аресты это лишь временные и малоэффективные меры – говорил Корошец во время одного своего выступления перед членами правительства – Идеям нужно противопоставить идеи. Именно церковь и школа должны играть одну из главенствующих ролей в нашей борьбе. Так же должны помогать в нашей борьбе политические партии, культурные и социальные общества и экономические организации, которые должны охватить весь народ... Все, кто любит свободу и демократию должен бороться против коммунизма и популизма. Министерство внутренних дел будет и дальше, как и до сих пор, без страха, без колебаний бороться за все идеалы нашей югославянской родины»³⁶.

Когда в марте 1936 года совершили покушение на Милана Стоядиновича, Корошец выступил со следующим заявлением: «Если мы хотим здоровую демократию, то должны исключить из политической жизни любое насилие. Не должны стрелять в тех, кто думает не так как мы. Не сжигать дома тех, кого выбрали другие депутатом. Подобные поступки не просто антигосударственные - они антихристианские»³⁷.

Кроме всего прочего, на посту министра внутренних дел Корошец боролся с антиюгославянской деятельностью «Культурбунда» – объединения немцев Югославии, которых достаточно много было в Словении. На этом поприще он заработал себе множество врагов, однако подрывная деятельность этой организации была не так активна³⁸.

После выборов в скупшину 11 декабря 1938 года (последних в Королевстве Югославия), в результате которых ЮРС одержало победу с небольшим перевесом (54% - ЮРС и Объединённая оппозиция под руководством В. Мачека – 44%), 21 декабря правительство было распущено. В новое правительство, которое так же составил Стоядинович, Корошец не был включён, однако в нём остался Мехмед Спахо. Это было причиной ухудшившихся отношений между Корошцем и Стоядиновичем. Соратники Корошца в своих мемуарах объясняют это тем, что Корошец проводил чрезвычайно самостоятельную политику, особенно во время выборов, когда он оказался применять полицию для террора над представителями оппозиции. Так, тогдашний личный секретарь Корошца Йошко Крошель пишет: «Корошец отказывался подчиняться самовольству Стоядиновича. Он отказывался выполнять его противозаконные требования. На заседании правительства, посвящённом обсуждению результатов выборов, разгорелась достаточно бурная дискуссия между Корошцем и Стоядиновичем. После того, как Стоядинович сказал, что политика Корошца враждебна правительству, Корошец спросил его: «Это значит, господин председатель, что я должен подать в отставку?» Но Стоядинович на это не ответил. Однако сразу же после этого заседания, Корошец в своём кабинете написал Стоядиновичу письмо следующего содержания: «Господин председатель, прошу принять мою отставку. Др. Корошец». Так, Корошец 21 декабря 1938 года перестал быть министром внутренних дел»³⁹. Так же пишет и Миха Крек, который был включён в состав нового правительства как министр строительства. Он сказал, что «Стоядинович обиделся на Корошца за то, что последний отказался применить силу для того, что бы помешать Мачеку добиться успехов на выборах»⁴⁰. В целом это подтверждает и сам Стоядинович, который пишет в своих мемуарах: «Ответственность за поражение на выборах ложится на Корошца, чьи службы защищали оппозицию и не защищали сторонников правительства от террора «Крестьянской обороны» В. Мачека... Корошец так же выступал против моего проекта договора с хорватами»⁴¹. Известный сербский историк Момчило Зечевич считает, что конфликт между Стоядиновичем и Корошцем произошёл так же на почве проблем внешней политики: Корошец считал возрождающуюся германскую империю врагом Югославии, а Стоядинович, наоборот, выступал за союзничество с Германией⁴².

Таким, образом, с выходом Корошца из правительства прекратило существование правительство «троицы»: Стоядинович-Корошец-Спахо.

Заключение.

Первое правительство Милана Стоядиновича было коалицией право-

консервативных партий, ставивших себе целью как сохранение целостности Югославии, так и умиротворение страны. В этой связи весьма важной была деятельность Министерства внутренних дел, которое возглавлял Антон Корошец. Деятельность его была многостороння: это и борьба с полицейским произволом с одной стороны, а с другой борьба с различными экстремистскими и сепаратистскими движениями; это и работа по заключению конкордата с Ватиканом, и налаживание системы местного самоуправления.

Период работы Корошца в правительстве Стоядиновича было достаточно тяжёлым для Корошца: Пост, который занимал Корошец, был крайне ответственен и находился под пристальным вниманием общественности. Однако, нельзя не сказать, что в целом он был не успешен. Так, был заключён (25 июля 1935 года) и ратифицирован (23 июля 1937) конкордат с Ватиканом – то, чего в течении всех 20-х и первой половины 30-х гг. добивались клерикалы и вся Католическая церковь Югославии. Кроме того, именно в это время происходит восстановление местного самоуправления, то за что всегда выступал Корошец. Этот этап был так же временем возвращения Корошца в большую политику после полуторогодичной ссылки.

Примечания:

1 В разное время он был премьер-министром (кстати, единственный премьер-министр – не серб), вице-премьером, трижды министром транспорта, дважды министром просвещения, дважды министром внутренних дел, министром лесного хозяйства и горнодобывающей промышленности, министром продовольствия заместителем министра по делам религий и председателем Сената

2 «Словенская декларация» требовала немедленной реформы административного деления государства – создание автономных единиц. Но если это требование было не ново для клерикалов – они это требовали практически с самого создания единого югославянского государства, то требование реорганизации государственного строя на конфедеративной основе («свободный договор между территориальными единицами») было абсолютно новым. Более того, каждая единица должна иметь все атрибуты независимого государства (флаг и т.д.), а так же независимость в проведении экономической и социальной политики. То есть Корошец и его товарищи требовали создание вместо жёсткого централизованного государства, каковым являлось Королевство Югославия на момент написания декларации, децентрализованной конфедерации, минуя стадию федерации. И это при всём том, что даже и во время шестоянварской диктатуры Словения имела особый статус и была единственной национальной единицей,

неразделённой в административном плане (границы Дравской бановины практически совпадали с границами национальными Словении). Более того, в первом пункте говорилось, что Югославия ни есть родина словенцев, а лишь одно из 4-х государств, в которых живут словенцы. Именно в этом и видится чрезвычайная радикальность декларации. Хотелось бы сказать, что реализация требований Корошца означало просто на просто гибель единого государства, особенно в тех внутренне и внешнеполитических условиях. Как мы видим, эта декларация носит крайне радикальный характер – в политической карьере Корошца её можно сравнить лишь с Майской декларацией 1917 года.

3 Ahin Ivan, dr. Dr. Anton Korošec // Godeža Bojan, Dolenc Ervin. Izgubljeni spomin na Antona Korošca iz zapuščine Iv. Ahina. Ljubljana. Delo. 1999 – str. 100, Grubišič Pavel. Tuzla – najtežji dnevi korošecve internacije // Zbornik Svobodne Slovenije 1966. Buenos-Aires. 1965. – str. 213, Grubišič Pavel. Začetek in konec korošecve internacije // Zbornik Svobodne Slovenije 1966. Buenos-Aires. 1965. – str. 204.

4 Zeinvič Miroslav. Neki pogledi u Srbiji na politiku delatnost dr. Antona Korošca 1918 – 1940 // Hivljenje in delo dr. Antona Korošca. Prispevki za novejšo zgodovino. Letnik XXXI, let. 1. Ljubljana. Institut za novejšo zgodovino. 1991. – str. 71 – 72.

5 A.J. 37-11-77, 447

6 Stojadinovič Milan, dr. Ni rat ni pakt. Buenos-Aires. El Economista. 1963. – 289

7 Krek Miha, dr. Iz hiviljenja in dela dr. Antona Korošca // Zbornik Svobodne Slovenije 1961. Buenos-Aires. 1960. – str. 84.

8 Stojadinovič Milan, dr. Ni rat ni pakt. Buenos-Aires. El Economista. 1963. – 289 - 290

9 Stojkov Todor, dr. Opozicija u vreme lestojanuarske diktature. Beograd. Prosveta. 1969. – str. 282 – 288.

10 Ahin Ivan, dr. Dr. Anton Korošec // Godeža Bojan, Dolenc Ervin. Izgubljeni spomin na Antona Korošca iz zapuščine Iv. Ahina. Ljubljana. Delo. 1999 – str. 133 – 136, Stojkov Todor, dr. Opozicija u vreme lestojanuarske diktature. Beograd. Prosveta. 1969. – str. 297 – 300, Korošelj Jolko. Dr. Korošec in Hrvati // Zbornik Svobodne Slovenije 1961. Buenos-Aires. 1960. – str. 95 – 96 и Peljčelj Branko, dr. Dr. Vladko Maček in Slovenci // Zbornik Svobodne Slovenije 1965. Buenos-Aires. 1964. – str. 93.

11 Krek Miha, dr. Iz hiviljenja in dela dr. Antona Korošca // Zbornik Svobodne Slovenije 1961. Buenos-Aires. 1960. – str. 84.

12 Stojkov Todor, dr. Opozicija u vreme lestojanuarske diktature. Beograd. Prosveta. 1969. – str. 311.

13 Krek Miha, dr. Iz hiviljenja in dela dr. Antona Koroљca // Zbornik Svobodne Slovenije 1961. Buenos-Aires. 1960. – str. 84.

14 Stojkov Todor, dr. Vlada Milana Stojadinoviќa (1935 - 1937). Beograd. I. S. I. 1985. – str. 22 – 25.

15 Ahiin Ivan, dr. Dr. Anton Koroљec // Godeљa Vojan, Dolenc Ervin. Izgubljeni spomin na Antona Koroљca iz zaruљine Iv. Ahiina. Ljubljana. Delo. 1999 – str. 150.

16 Stojkov Todor, dr. Vlada Milana Stojadinoviќa (1935 - 1937). Beograd. I. S. I. 1985. – str. 63 – 71.

17 Iulinoviќ Fedro. Jugoslavija izmeru dva rata. II. Zagreb. 1961 – str. 232.

18 Ahiin Ivan, dr. Dr. Anton Koroљec // Godeљa Vojan, Dolenc Ervin. Izgubljeni spomin na Antona Koroљca iz zaruљine Iv. Ahiina. Ljubljana. Delo. 1999 – str. 147 и Krek Miha, dr. Ob 20-letnici smrti najveќega slovenskega drћavnika dr. Antona Koroљca // Zbornik Svobodne Slovenije 1961. Buenos-Aires. 1960. – str. 70.

19 AJ.37.46.138

20 Slovenec, 25.06.1935.

21 AJ.37.1.340

22 Slovenec, 20.08.1935

23 Stojadinoviќ Milan, dr. Ni rat ni pakt. Buenos-Aires. El Economista. 1963. – str. 350.

24 Slovenec, 7.07.1936

25 Slovenec, 27.10.1936

26 Здесь и далее по статье Кгољeј Јољко. Borba za konkordat in dr. Koroљec // Zbornik Svobodne Slovenije 1966. Buenos-Aires. 1965. – str. 181 – 201.

27 Ahiin Ivan, dr. Dr. Anton Koroљec // Godeљa Vojan, Dolenc Ervin. Izgubljeni spomin na Antona Koroљca iz zaruљine Iv. Ahiina. Ljubljana. Delo. 1999 – str. 159.

28 Ahiin Ivan, dr. Dr. Anton Koroљec // Godeљa Vojan, Dolenc Ervin. Izgubljeni spomin na Antona Koroљca iz zaruљine Iv. Ahiina. Ljubljana. Delo. 1999 – str. 161.

29 Stojadinoviќ Milan, dr. Ni rat ni pakt. Buenos-Aires. El Economista. 1963. – str. 519 – 522.

30 Истoрия Югoславии... - с. 156.

31 Кгољeј Јољко. Borba za konkordat in dr. Koroљec // Zbornik Svobodne Slovenije 1966. Buenos-Aires. 1965. – str. 189 – 192, 200.

32 Stojkov Todor, dr. Vlada Milana Stojadinoviќa (1935 - 1937). Beograd. I. S. I. 1985. – str. 41 – 42.

33 AJ. 37 - 46 - 256

34 AJ. 37 - 62 - 184 - 187

35 История Югославии... - 2 т. с. 149.

36 Ahiin Ivan, dr. Dr. Anton Kогольес // Godelja Vojan, Dolenc Ervin. Izgubljeni spomin na Antona Kогольса iz zarubnine Iv. Ahiina. Ljubljana. Delo. 1999 - str. 184.

37 Ahiin Ivan, dr. Dr. Anton Kогольес // Godelja Vojan, Dolenc Ervin. Izgubljeni spomin na Antona Kогольса iz zarubnine Iv. Ahiina. Ljubljana. Delo. 1999 - str. 187.

38 Kгольелj Jолько. Dr. Kогольес, sporazum s Hrvati in Slovenci // Zbornik Svobodne Slovenije 1969. Buenos-Aires. 1968. - str. 112.

39 Kгольелj Jолько. Dr. Kогольес in Hrvati // Zbornik Svobodne Slovenije 1961. Buenos-Aires. 1960. - str. 98.

40 Krek Miha, dr. Ob 20-letnici smrti najveinega slovenskega drhavnika dr. Antona Kогольса // Zbornik Svobodne Slovenije 1961. Buenos-Aires. 1960. - str. 70.

41 Stojadinoviж Milan, dr. Ni rat ni pakt. Buenos-Aires. El Economista. 1963. - str. 560, 565.

42 Зеиевиж Mомило. Neki pogledi u Srbiji na politiku delatnost dr. Antona Kогольса 1918 - 1940 // Tivljenje in delo dr. Antona Kогольса. Prispevki za poveeljo zgodovino. Eetnik XXXI, лт. 1. Ljubljana. Институт за poveeljo zgodovino. 1991. - str. 72.

Волокитина Т.В.

СУДЬБА ЭКЗАРХА СТЕФАНА В КОНТЕКСТЕ СОВЕТСКО-БОЛГАРСКИХ ОТНОШЕНИЙ (40-50-е гг. XX в.)

В истории Болгарии и Болгарской православной церкви религиозная и общественно-политическая деятельность экзарха Стефана занимает значительное место, однако в течение длительного времени она оставалась за пределами внимания исследователей. Обычным явлением были краткие, общего характера упоминания в болгарской научной литературе об избрании Стефана экзархом в 1945 г., о его вкладе в отмену схизмы и т.п. Характерно при этом, что и эти скромные констатации вышли из-под пера, главным образом, церковных историков¹. Для болгарской светской историографии, которая славится в целом успешными попытками

персонифицировать национальную историю, “населить” ее конкретными действующими лицами, такое отношение к Стефану, далеко не рядовой фигуре, было не случайным. Объяснение лежало в круге политико-идеологических причин, диктовавших подходы к той или иной личности.

В 90-е годы XX в., когда в Болгарии начался демонтаж “реального социализма”, исследователи получили возможность объективного, деидеологизированного освещения религиозной проблематики. В ноябре 1997 г. усилиями историков и культурологов в Софийском университете была организована научная конференция “Религия и церковь в Болгарии. Социальные и культурные измерения православия и его специфика в болгарских землях”, а в 1999 г. свет увидел сборник под таким же названием. В ряде опубликованных в нем статей, как и в других работах по истории государственно-церковных отношений, появившихся на волне болгарской перестройки, различные аспекты деятельности Стефана получили более взвешенные и обоснованные оценки². Особое место в современной историографии занимает монография Д. Калканджиевой³. Насыщенная новыми оригинальными материалами эта работа на сегодняшний день является единственной, где на документальной основе всесторонне исследуется церковная обстановка в Болгарии и деятельность Стефана в 1944-1948 гг., то есть вплоть до его отставки.

Что касается отечественной историографии, то лишь в конце 90-х годов XX в. личность Стефана получила освещение в работах светских историков, причем приоритет здесь принадлежит ученым, исследующим историю Первой мировой войны и межвоенного периода⁴.

Перед российским читателем Стефан предстает как активный общественный и политический деятель, интеллигентный, прозорливый человек, наделенный прекрасным ораторским даром, за что прослыл “златоустом”. В межвоенные годы Стефан занимал четкие русофильские позиции, являлся сторонником экуменической доктрины, последовательно выступал за единство славянства и православия. Следует подчеркнуть, что он получил прекрасное и разностороннее образование, окончив Духовную академию в Киеве, протестантский университет в Женеве и католический университет во Фрайбурге. В годы Второй мировой войны Стефан неоднократно открыто выражал протест против прогерманской внешней политики правительства и Дворца, находился в тесной связи с руководством политической группы “Звено”, известной своими республиканскими настроениями, внес определенный вклад в дело спасения болгарских евреев. Эта активная гражданская позиция дополняла заметную деятельность Стефана как авторитетного и опытного церковного деятеля – главы Софийской епархии, члена Св. Синода. Гораздо меньше известно о дея-

тельности Стефана после 9 сентября 1944 г., хотя он сразу же занял ведущее место в контактах церкви и государства. Специальные работы в российской историографии единичны⁵.

Свою задачу автор настоящей статьи видит в том, чтобы, опираясь на материалы российских архивов, выявить причины, обусловившие драматический поворот в судьбе предстоятеля Болгарской церкви, и роль в этих событиях советского политического руководства. Такой ракурс исследования представляется обоснованным прежде всего по той причине, что по итогам Второй мировой войны Болгария, наряду с другими странами Восточной Европы, была включена в сферу влияния СССР. Советский фактор оказывал значительное воздействие на внутривнутриполитические процессы в стране. Вместе с тем его воздействие, в свою очередь, корректировалось и порой существенно, этими процессами. В полной мере такая взаимозависимость проявлялась и в религиозной сфере.

Уже на заключительном этапе Второй мировой войны советское политическое руководство сформулировало четкую позицию в отношении Русской православной церкви (РПЦ): ей отводилась роль важного инструмента в осуществлении геополитических планов Москвы. Начиная с 1943 г., РПЦ активно использовалась в качестве канала для проведения за рубежом советского влияния⁶. Приобретя статус покровительствуемой конфессии, она обязалась обслуживать государственные интересы в сфере внешней политики и пропаганды. Иными словами, обе стороны – церковь и государство – действовали на взаимосогласованной компромиссной основе.

Документы российских архивов свидетельствуют о том, что советская сторона внимательно отслеживала церковную обстановку за рубежом, тщательно изучала характеристики церковных деятелей, определяя для себя круг лиц, на которых могла опираться в интересах большой политики. По государственной линии эту работу проводил созданный в сентябре 1943 г. Совет по делам Русской православной церкви, возглавлявшийся опытным сотрудником НКВД СССР Г. Г. Карповым. Фигура Стефана, естественно, не могла не попасть в поле зрения ведомства Карпова, причем гражданская позиция болгарского иерарха поначалу воспринималась в целом положительно, на что имелись веские основания.

Уже в первом официальном заявлении по софийскому радио, сделанном 19 сентября 1944 г. от имени Св. Синода, Стефан выразил уверенность в совместной плодотворной работе церкви и государства во имя счастливого будущего болгарского народа, подчеркнул, что “народный характер” правительства Отечественного фронта (ОФ) дает ему возможность служить стране, а не властвовать⁷. Об отношении церковного руководства к

народно-демократической власти красноречиво говорит и факт создания при Болгарской православной церкви Временного комитета ОФ. Не исключено, что немалую роль в этом сыграл личный авторитет Стефана, поскольку уже в октябре 1944 г. Св. Синод выразил резкое несогласие с участием священников в деятельности комитетов Отечественного фронта.

В сентябре же на страницах болгарского “Церковного вестника” на русском и болгарском языках Стефан опубликовал Послание к русскому народу, отразившее сильные прорусские настроения митрополита, его понимание славянской идеи и ее значения для Болгарии.

Стефан уверенно констатировал, что судьба Болгарии будет решаться в Москве, что русский народ станет “подлинным старшим братом” в семье славянских народов, что под его “мудрым и мощным воздействием” славянские народы, “не теряя свою самобытность и свои национальные идеалы, сплотятся в дружную семью, сильную сознанием своего славянского единства и общности своих врагов...”⁸

Послание к русскому народу было замечено в Москве. 5 октября 1944 г. патриарший местоблюститель митрополит Алексей в письме Стефану назвал его “первосвятителем” и предстоятелем Болгарской православной церкви⁹, хотя пост заместителя-председателя Св. Синода Стефан занял лишь 16 октября. Д. Калканджиева, заметив эту нестыковку в датах, считает, что в момент написания письма Алексием отставка прежнего заместителя митрополита Неофита и избрание на его пост Стефана были уже делом решенным, и Москва была проинформирована об этом¹⁰. Более того, оценка Алексием деятельности Стефана как “высокого подвига” открыто свидетельствовала о позитивном отношении руководства РПЦ, а значит, и советского политического руководства к личности софийского митрополита.

Взгляды и настроения Стефана нашли отражение в донесении советских представителей в СКК в Болгарии А. И. Черепанова и Д. Г. Яковлева, которые 15 ноября 1944 г. имели встречу со Стефаном. На основании переданной ими в НКВД СССР и Генеральный штаб Красной Армии информации Г. Г. Карпов подготовил специальную справку, отметив в ней симпатии Стефана к России, его обеспокоенность в связи с действовавшей схизмой Болгарской церкви, намерение содействовать дальнейшему сближению Русской и Болгарской церквей. «Стефан высказал мнение, что вначале необходимо закончить реорганизацию руководства Болгарской церкви, указав при этом, что когда он зондировал почву провести через Синод распоряжение по всем епархиям о молитве в церквях (постоянно) за “освободителей Болгарии и ее вождей и воинов”, то это не всем составом Синода было одобрено. И сейчас это распоряжение действует только по Софийской епархии. Стефан предложил следующий план действия: как

можно скорее избрать Московского патриарха с тем, чтобы потом был выбран в лице Стефана Болгарский патриарх, который должен получить патриарший клобук от Московского патриарха, а затем Московский патриарх мог бы прибыть в Болгарию, затем в Югославию, что и было бы началом закрепления влияния Русской церкви не только в Болгарии, но и на Балканах», - говорилось в справке¹¹.

Позиция Стефана, на наш взгляд, говорит о нем не только как о церковном деятеле, но и как о политике. Кстати, эту его особенность впоследствии подмечали и советские, и болгарские руководители не единожды. Думается, что Стефан осознавал роль и значение православных церковных каналов для распространения советского политического влияния в регионе.

Софийский митрополит адекватно оценивал и внутривластную обстановку в стране. На это указывает, в частности, высказанное им мнение, что «Рабочей партии необходимо идти на сближение с партией земледельцев, а не выступать против»¹².

Показательно, что в вышеупомянутой справке Карпов прокомментировал эти слова Стефана весьма своеобразно, оценив их как «тезис всех англофилов»¹³. Очевидно, имелись в виду факты, когда западные представители в СКК поднимали вопрос о правильных отношениях внутри коалиции Отечественного фронта, обвиняя коммунистов в нежелании считаться со своими партнерами. Данное заключение Карпова явилось «первой ласточкой»: в дальнейшем суждения об англофильстве Стефана будут повторяться с завидным постоянством и перерастут в открытые обвинения.

В конце 1944 г. в жизни Стефана и всей Болгарской церкви произошло важное событие. 18 декабря Св. Синод принял решение обратиться к правительству с просьбой о проведении выборов предстоятеля Болгарской церкви с титулом Экзарх Болгарский. 25 декабря секретарь ЦК БРП(к) Тр. Костов радировал в Москву Г. Димитрову о том, что принято решение об избрании экзархом Стефана. 29 декабря Совет министров утвердил закон об изменениях в экзархийском уставе и новом порядке проведения выборов.

Итак, выборы Стефана были предрешены. Велик соблазн констатировать нарастание тоталитарных тенденций в коммунистическом руководстве уже на данном этапе послевоенного развития Болгарии. Однако более взвешенной представляется позиция Д. Калканджиевой, которая утверждает, что в декабре 1944 г. власть коммунистов в стране была «под вопросом», и «они с трудом могли использовать силовые методы для проведения своих решений в жизнь». «Более того, - пишет исследовательница, - и

до 9 сентября имелись случаи predetermined митрополичьих выборов” в стране¹⁴.

21 января 1945 г. 84 голосами из 90 участников церковного собора Стефан избран главой Болгарской церкви. Это событие было, безусловно, знаковым, поскольку через 30 лет после смерти последнего болгарского экзарха Иосифа церковь обрела, наконец, своего предстоятеля. В речи по окончании процедуры выборов Стефан особенно подчеркнул необходимость установления гармонии в отношениях между церковью и государством. Не мог не затронуть он и своей любимой темы – славянство и православие, призвав сделать эти два принципа “знаменем” болгарского общества, доказать на деле “неразрывную духовную мощную связь с великой православной Русской церковью”¹⁵.

Подчеркнутое славянофильство и русофильство Стефана, демонстрировавшаяся им лояльность по отношению к государству делали его фигуру как главы Болгарской церкви исключительно удобной, тем более, что в указаниях Г. Димитрова из Москвы неоднократно подчеркивалась задача использования церкви на службе новой власти¹⁶. В ее решении большое значение имело укрепление связи православных церквей, и экзарх Стефан, несомненно, мог принести здесь немалую пользу.

Весной-летом 1945 г. состоялся обмен делегациями Болгарской и Русской православных церквей. Глава делегации РПЦ архиепископ Псковский Григорий в своем докладе по возвращении на родину так охарактеризовал болгарского иерарха: «Экзарх митрополит Стефан, несомненно, самый умный из архиереев, пользуется большим авторитетом среди болгар, большой дипломат и до мозга костей политик. По-видимому, его отношение к немцам, по существу, было отрицательным, хотя он принужден был лавировать. Англоманство в нем скрытно, вероятно, еще есть в некоторой степени и теперь. Но сейчас он чрезвычайно ярко проявляет свое русофильство, и можно думать, что это направление сейчас в нем (м.б. отчасти в связи с внешними обстоятельствами) твердо. Идею славянства и его объединения под главенством России он громко заявляет в своих речах (между прочим, он очень хороший и горячий оратор). О своих митрополитах он отзывается как о “немцах”, о митрополите Иосифе как о “ренегате”. Тем не менее эти “немцы” – митрополиты являются его ближайшими помощниками (м. Михаил и м. Паисий), хотя вообще он всех их держит довольно властно... Теперь он приблизил к себе и поставил на ответственные должности наилучших людей русофильского направления...»¹⁷. Ознакомившись с докладом, Карпов распорядился подготовить на его основе проект докладной записки на имя И.В. Сталина¹⁸. Таким образом, по всей вероятности, оценка состояния Болгарской церкви и характеристика иерархов, в

первую очередь, Стефана дошли до самого верха советской властной вертикали.

Поднятый в докладе архиепископа Григория вопрос об “англоманстве” Стефана нуждается, с нашей точки зрения, в существенном уточнении. Представляется, что первые кризисные потрясения в Болгарии в конце 1944 – начале 1945 г. (декабрьский кризис в связи с вопросом о демократизации армии, отставка д-ра Димитрова – Гемето с поста лидера влиятельной крестьянской партии БЗНС, осложнения в отношениях между партнерами по ОФ и др.), обусловившие поиски властями “виновных” как внутри страны, так и за ее пределами, акцент в связи с этим на подрывные действия “англо-американцев” объясняют появление подобных характеристик Стефана. 30 мая 1945 г. Тр. Костов сообщил Г. Димитрову о решении руководства БРП(к) заняться демократизацией церкви и ограничить при этом права экзарха, который “все больше начинает показывать свое истинное лицо низкопробного полит[ического] интригана, коммунистофоба и англофила. Оживление политической реакции в последнее время по внушению англо-американцев не оставило в стороне и экзарха...”¹⁹ На чем строились подобные обвинения, остается неясным. Документы, которыми мы располагаем, не дают оснований для столь категоричных и жестких выводов. Обратимся к фактам.

Во время пребывания русской церковной делегации в Софии экзарх просил архиепископа Григория передать патриарху Алексию конфиденциальную информацию, согласно которой афинское правительство, недовольное действиями Вселенского патриарха в вопросе о снятии схизмы с Болгарской церкви в феврале 1945 г., прекратило субсидирование Константинопольского патриархата. “... Было бы полезно для укрепления русского влияния в Константинополе (и вообще в Турции), если бы Константинопольскому патриархату была оказана из России материальная поддержка (примерно, по словам м. Стефана тысяч в 20 турецких лир в месяц: по 1000 лир епископам – 12 тысяч и 8 тысяч Патриарху). Если бы это было принято и сделано быстро и в полном секрете, то можно было бы предупредить возможность подобного же шага со стороны Англии, которая, если узнает, может воспользоваться этим обстоятельством для укрепления своего влияния там”, - так передал архиепископ Григорий слова Стефана в докладной записке в Совет по делам РПЦ²⁰.

Аналогичные идеи Стефан высказывал и во время трехнедельного пребывания в СССР во главе болгарской церковной делегации в июне-июле 1945 г. В ходе беседы в Совете с Г. Г. Карповым он говорил, в частности, о намерении англичан “свалить Вселенского патриарха Вениамина”, назначив своего ставленника, обосновывал перспективу перехода Констан-

тинополя с Проливами к СССР (взамен удовлетворения американских интересов на Дальнем Востоке), а Константинопольской патриархии под руководством русского иерарха и при этом заметил: "...англичане уже сейчас там действуют, нужно и Вам что-то предпринимать"²¹. В письме Карпову от 25 июля 1945 г. Стефан подчеркивал: "Славянскому миру необходима могущественная Русская церковь, такая церковь, которая способна была бы объединять разрозненные славянские племена. Сильная Русская церковь необходима всему православному миру для противовеса политиканствующему католицизму и иссушающему человеческие души протестантизму, могущим быть захватчиками, но не друзьями Советского Союза и славянства. Русской православной церкви настало время выдвинуть себя – занять первое, руководящее место в ряду всех Православных церквей. [...] По нашему разумению, настало время исполниться пророчеству инокка Филофея о Москве – третьем Риме"²².

Думается, что приведенные документы менее всего свидетельствуют об англофильстве Стефана в тот период. Экзарх, зная, по-видимому, об упреках в свой адрес, говорил Карпову о своем англофильском прошлом, подчеркивая, что ныне он "целиком русофил". "На меня можете положиться: я ваш первый агитатор на Балканах, а если нужно и в других странах. Россия – это родина моя, ибо она - родина всех славян"²³.

Тем не менее, в записях Карпова четко отражено его настроенное отношение к Стефану как к человеку хитрому, "большому дипломату", "неплохому артисту", "больше политику, чем духовнику".

Отчасти эти суждения совпали с оценками Г. Димитрова, который, находясь в то время в Москве, дважды принимал Стефана у себя на квартире в неофициальной обстановке. 3 июля Димитров отметил в дневнике "чрезвычайно душевную атмосферу встречи". Запись от 11 июля гласит: "Принял у себя в городской квартире второй раз болгарского экзарха. Сидели почти до утра. Он говорил бесконечно... Дал самые торжественные заверения, что поддерживает и будет неуклонно поддерживать Отечественный фронт и его политику... Весьма хитрая лиса..."²⁴ В беседе с Карповым Димитров заметил, что "хотя в прошлом знает Стефана как человека, часто меняющего свои взгляды, его выступления и заверения в данное время он считает искренними"²⁵. 13 июля в письме Тр. Костову Димитров подчеркнул: "Очевидно, что он [Стефан] осознает необходимость не вступать с нами в конфликт. ... Хитрая лиса, но в определенные моменты и по определенным вопросам может быть полезен"²⁶.

Вернувшись из Москвы в Софию, Стефан 7 августа 1945 г. направил Димитрову письмо, в котором подтвердил от имени Болгарской "народной церкви" намерение участвовать "в строительстве великого дела Болга-

рии Отечественного фронта”, следовать двум основным принципам – православию и славянству²⁷. “Одно, - писал Стефан, - можете знать как аксиому: нет силы, которая омрачила бы всенародное желание неразрывного единения с нашей Освободительницей. Это желание мы возведем в культ, ибо только его осуществление является солидной гарантией, что Болгария будет и пребудет...”²⁸

Тема “англофильства” Стефана получила дальнейшее развитие в связи с активизацией после окончания войны экуменического движения, главная цель которого, как официально объявлялось, состояла в осуществлении вселенского объединения христианской церкви для разрешения церковных вопросов. Заметим, что советская сторона считала, и не без оснований, подобную формулировку целей экуменистов “формальной”, подчеркивая активную политическую направленность движения. Позиция Москвы в этом вопросе, несомненно, формировалась под сильным, если не сказать определяющим, влиянием внешнеполитических установок экуменистов, касавшихся послевоенных реалий. Так, на конференции в Женеве в 1946 г. экуменисты потребовали пересмотра Потсдамских решений в отношении Германии, заявили о необходимости борьбы против марксизма и пр. Советское руководство считало, что экуменизм активно использовался прежде всего американцами в целях подчинения православных церквей славянских стран на Балканах и изоляции РПЦ. Однако в отношении экуменистов, представленных англиканской и другими протестантскими церквями, предполагалось применять достаточно гибкую тактику: не исключалась, например, возможность временных блоков с “прогрессивными элементами” среди экуменистов, настроенными оппозиционно к американцам. Внимательно отслеживая ситуацию в экуменическом движении и, в частности, учитывая наличие в нем сил, готовых создать при участии РПЦ центр, противостоящий американскому влиянию, советское руководство в течение определенного времени колебалось в своих оценках экуменизма и целесообразности участия в нем РПЦ²⁹. Позиция Москвы неоднократно менялась. Так, например, в 1947 г. возможности сотрудничества с экуменистами рассматривались через призму доминанции РПЦ и других религиозных организаций СССР в этом движении. Были выработаны условия участия, которые предполагалось предъявить во время переговоров русских иерархов с архиепископом Кентерберийским:

а) обеспечение чисто церковной деятельности экуменистов, то есть отказ от политических выступлений, и б) существенное расширение представительства православных церквей во главе с РПЦ, в том числе в руководстве движения. (Согласно действовавшему положению в руководящих органах экуменистов православным церквям предоставлялось лишь 17 мест

из 90, а для участия в совещаниях 85 из 450³⁰). Однако на том этапе достичь соглашения с возглавлявшей экуменическое движение англиканской церковью не удалось. Сложность ситуации заставила патриарха Алексия в апреле 1947 г. сообщить главам православных церквей о том, что Русская церковь “не решается одна, без обеспечения себе поддержки со стороны братских церквей, ни войти в ряды сотрудников экуменического движения, ни выразить этому движению обоснованный, хотя и горький для него отказ”³¹.

В этих условиях Москва проявила особое внимание к тем зарубежным иерархам, которые были известны своими контактами с экуменистами. В их числе был и болгарский экзарх.

Летом 1945 г. Карпов на основании бесед со Стефаном заключал: “Митрополит Стефан показал себя сторонником и большим защитником так называемого экуменического движения. ... Он считает себя членом церковного комитета этого движения и высказывает желание, чтобы Русская православная церковь включилась в это движение и заняла в нем и в комитете подобающее ей место. Митрополит Стефан сказал, что он был участником почти всех конгрессов данного движения и считает, что в предстоящем конгрессе примет участие и Русская православная церковь”. Вместе с тем Стефан допускал присутствие русских представителей в качестве наблюдателей³². Заметим, что Стефан настойчиво стремился выяснить у Карпова и патриарха Алексия отношение РПЦ к экуменическому движению, о чем свидетельствовали его письма осенью 1945 г., причем в них он особенно подчеркивал намерения экуменистов действовать согласованно во имя прочного и длительного мира³³.

Однако в декабре 1945 г. во время встречи с митрополитом Николаем (Крутицким) Стефан констатировал: “Моя ориентация на Восток, на великий и могучий Советский Союз, на Русскую церковь, на патриарха Алексия неизменны и непоколебимы. Тут, в Софии, кое-кто меня заподозрил в интимных сношениях с англичанами и симпатиях к ним. Нет и нет. Моей души там не было и не будет. Если я переписываюсь с Кентерберийским архиепископом, так это – акт вежливости, я с ним хорошо лично знаком. В экуменическом движении нам, православным, нужно быть только наблюдателями, не больше. Это движение не наше, не православное”³⁴.

В чем же причина столь резкого поворота в отношении Стефана к экуменическому движению? Какие обстоятельства, кто и как воздействовали на него?

Документы позволяют с определенностью констатировать, что основной причиной стал вопрос о возведении Болгарской православной церкви в патриархию и возможном избрании экзарха первым патриархом. После

визита в Москву в июле 1945 г. Стефан сообщил Св. Синоду, что вопрос о введении в Болгарии патриархии якобы был инициирован Алексием на заседании Синода РПЦ³⁵. Но выше мы приводили план реорганизации Болгарской церкви, изложенный Стефаном советским представителям в СКК в ноябре 1944 г., в котором он по своей инициативе поднимал вопрос о патриархии и сане патриарха. Летом 1945 г. в беседах с Карповым Стефан вполне определенно дал понять, что иной кандидатуры на пост патриарха, кроме собственной, он не мыслит. Карпов записал в одной из информационных справок, что Стефан «мечтает быть патриархом Болгарским, но как видно из его высказываний, с этим не спешит. “Изберет ли меня Синод патриархом, будет ли указ Вселенского патриарха, назначит ли меня болгарское правительство, все равно интронизацию меня в патриархи оставляю за патриархом Алексием”»³⁶.

По-видимому, Карпов все же ошибался. Стефан вовсе не склонен был откладывать решение о патриаршестве в долгий ящик, рассчитывал, что этот вопрос решится в 1946 г. и что Карпов окажет ему в этом “полное и мощное... содействие”. В Москве, однако, отреагировали сдержанно. Карпов в ответном письме Стефану решительно заявил, что вопрос о патриаршестве в Болгарии не имеет отношения к его обязанностям и является сугубо внутрицерковным делом³⁷. Еще одним подтверждением явного нетерпения Стефана стало внесение на утверждение в правительство летом 1945 г. Устава Болгарской патриархии.

Однако к концу 1945 г. стало ясно, что власти не торопятся с решением вопроса о патриархии. В личной беседе с митрополитом Николаем в декабре 1945 г. Стефан пояснил: “Задержалось дело о моем патриаршестве. Конечно, главе древней Болгарской церкви надо быть патриархом. Но Димитров посоветовал пока не торопиться с этим. Затем он хочет, чтобы я получил интронизацию в патриархи от руки Московского Патриарха, и говорит, что лучше для этого мне съездить в Москву, там получить Патриаршество и вернуться в Болгарию готовым Патриархом, чтобы сразу потушить все возражения тех церковников наших, которые носят глухую оппозицию ко мне. Так что сейчас все дело за Московским Патриархом. Ему принадлежит инициатива в этом деле. Когда он скажет Димитрову, что уже пора возглавить Болгарскую церковь патриархом, тогда это и произойдет”³⁸.

Совет Димитрова не спешить требует пояснения. Известно, что принципиальной установкой народно-демократической власти являлось отделение в перспективе церкви от государства. Возвышение экзархии в патриархию до того, как отделение стало бы реальностью, объективно означало большую автономию церкви по отношению к государству, вело к росту ее

авторитета, что шло в разрез с планами болгарских коммунистов. 13 ноября 1947 г. в беседе с Карповым о положении в Болгарской православной церкви главный секретарь Министерства внутренних дел Каменов сообщил: "...Болгарское правительство категорически против образования патриархата, считая, что образование патриаршества укрепит религиозные позиции в стране. Поэтому они против поставления не только митрополита Стефана в патриархи, но и других каких-либо лиц..."³⁹ Таким образом, к концу 1947 г. мечта Стефана о патриаршем сане была еще более далека от воплощения, нежели это казалось ему двумя-тремя годами ранее. Не известно, правда, осознавал ли это экзарх?

Советская сторона к этому времени оперировала крайне необъективными, резко отрицательными характеристиками Стефана. Так, заведующий консульским отделом миссии СССР в Болгарии Г.Н.Шнюков в справке "О положении в Болгарской православной церкви" от 13 августа 1947 г. причислил Стефана к "реакционной группе" болгарского духовенства, ориентировавшейся на англо-американцев и сомкнувшейся с откровенно фашистской частью клира. Экуменическое прошлое экзарха было оценено как борьба с безбожием и коммунистической опасностью. Ему были приписаны "полулегальные связи" с экуменистами, призывы к борьбе против ОФ, выдвижение на руководящие посты "наиболее реакционных и скомпрометировавших себя связями с немцами" священников. Общее заключение Шнюкова, что "руководство болгарской церкви находится в руках самой черной реакции", а Стефан "поддерживает... постоянную связь с болгарской оппозицией и, по существу, является ее сторонником"⁴⁰, приобрело характер обвинения и ставило экзарха в весьма трудное положение.

Справка Шнюкова была направлена в Совет по делам РПЦ, где к тому времени уже накопилась разнообразная информация также негативного характера.

Сложная ситуация, в которой Стефан оказался к тому времени на родине, в частности, затянувшаяся тяжелая болезнь, растущая оппозиция в Синоде, открытые обвинения в том, что «экзарх находится в плену у властей "по русскому образцу"»⁴¹, обусловила, по всей вероятности, определенную пассивность его позиции. В Москве же расценили это как верное доказательство колебаний и неустойчивости Стефана в вопросах об экуменическом движении и сотрудничестве с РПЦ, причем в сложных международных условиях разгоравшейся холодной войны. При этом свои соображения и оценки деятельности Стефана руководители Совета по указанию В.М. Молотова довели до сведения Г.Димитрова⁴².

В Софии внимательно ознакомились с выводами советской стороны.

В преддверии назначенного на июль 1948 г. совещания глав православных церквей в Москве Г. Димитров и В. Коларов смогли убедить Стефана в необходимости противостоять болгарскому Синоду, выразившему к тому времени согласие участвовать в предстоящей ассамблее екуменистов в Амстердаме, публично заявить о своем полном разрыве с ними. Взамен Стефану в очередной раз был обещан патриарший сан. Экзарху было прямо сказано, что вопрос о сане будет решен “в зависимости от его линии поведения на московском совещании и ... отношения Болгарской церкви к правительству Отечественного фронта”⁴³. То, что планка в этих переговорах была поднята так высоко, объяснялось важным политическим значением проводившегося в Москве мероприятия. Хотя формальным поводом к нему послужило празднование 500-летия автокефалии РПЦ, фактически же на основе антиватиканской и антиэкуменической платформ решалась политическая задача по созданию регионально-ограниченного восточноевропейского блока православных церквей под руководством РПЦ⁴⁴.

Стефан принял условия предложенного ему компромисса. Однако незадолго до открытия совещания в Москве Политбюро ЦК БРП(к) постановило отложить решение вопроса о возведении экзархии в патриархию и проконсультроваться с советским правительством⁴⁵. Точных данных о позиции советской стороны у нас нет, как нет и подтверждения ее прямого вмешательства. Вместе с тем известно, что после беседы со Стефаном 1 июня 1948 г. поверенный в делах СССР в Болгарии К.Д. Левычкин передал в Москву свои предложения, в частности, “не торопиться с возведением Стефана в сан и, умело используя это, добиться перестройки Болгарской церкви в интересах ОФ”⁴⁶. Именно такую позицию и заняло болгарское руководство, фактически манипулируя экзархом в собственных интересах и в интересах Москвы.

Очевидно, под влиянием решения болгарских властей (М.И. Бълхова оценивает его как “просчет”⁴⁷) Стефан, находясь в Москве, сделал заявление о поддержке экуменического движения и целесообразности участия православных церквей в амстердамской ассамблее, назначенной на август 1948 г. Однако, судя по документам, он испытывал мучительные колебания. От информаторов в церковной среде советские спецслужбы, контролировавшие ход совещания, регулярно получали информацию о противоречивых высказываниях Стефана, выражавшихся им в конфиденциальных беседах с православными иерархами сомнениях в правильности своих действий. В аналитических материалах советских “органов”, направлявшихся в правительство, превалировали негативные характеристики экзарха как “хитрого политика и дипломата”, “двуличного человека”, “прожженного

политикана”, “типичного хамелеона” и пр. Подводил черту общей вывод о том, что поведение Стефана “требует к себе особого внимания”⁴⁸.

Узнав о заявлении экзарха, болгарские руководители срочно поменяли свою позицию, сообщив в Москву о готовности положительно решить вопрос о патриархии и патриаршем сане для Стефана. Реакция советской стороны была положительной: Москва сочла подобные действия в тот момент целесообразными⁴⁹.

Вновь круто меняется и позиция Стефана: он безоговорочно поддержал антикумнические решения московского совещания и ... подтвердил тем самым обвинения в собственном “хамелеонстве” и “двурушничестве”.

Однако вскоре после возвращения в Софию, в сентябре 1948 г., Стефан вместо обещанного патриаршества получил неожиданный удар – отставку с поста предстоятеля Болгарской церкви.

Сегодня на основании источников можно констатировать, что отставка Стефана явилась результатом сочетания целого ряда обстоятельств.

Постепенно накапливавшееся недовольство Стефаном со стороны властей отчетливо проявилось в августе 1948 г. в связи с твердой позицией экзарха в вопросах о роли церкви в воспитании молодежи, об отношении священников к реорганизованному на социалистических принципах Отечественному фронту, к кооперативному движению в стране и пр. Болгарские руководители считали, что Стефан провоцировал конфликт между церковью и государством. Особенно непримиримо был настроен В. Коларов⁵⁰.

Не менее сложными были отношения Стефана со Св. Синодом, где против него развернулась острая борьба. Особую активность развернули митрополиты Кирилл и Паисий и архимандрит Дамаскин, информировавшие Дирекцию по делам вероисповеданий буквально о каждом шаге экзарха. Кирилл, в частности, сообщал, что Стефан в течение 20 лет состоял на службе в Интеллидженс сервис, добавив: “Я думаю, что он и сейчас тот же. Так считает и врачанский митрополит Паисий. Доказательств этому мы Вам представить не имеем возможности, но Вы можете сами собрать такие доказательства”. Отсутствие доказательств тем не менее не мешало иерархам настойчиво называть Стефана в своих доносах “англо-американским агентом”⁵¹. Откровенно не желая видеть Стефана патриархом, болгарские иерархи безошибочно использовали против него такие обвинения, которые были для них беспронгрышными, а для экзарха в действительности становились приговором.

4 сентября 1948 г. на чрезвычайной сессии Св. Синода противникам Стефана, знавшим его вспльчивый нрав, удалось спровоцировать отставку экзарха. Характерно, что Стефан, рассчитывая устным заявлением об

отставке погасить конфликт, советовался по этому поводу с директором департамента по вероисповеданиям Д. Илиевым. Илиев поддержал намерение экзарха, а фактически стал участником провокации против него с далеко идущими последствиями.

8 сентября Св.Синод принял решение об отставке Стефана, причем не только с поста экзарха, но и Софийского митрополита, о чем речь в Синоде вообще не шла. Показательно, что перед заседанием у Илиева побывали митрополиты Кирилл и Паисий, заявившие, что маневр Стефана с отставкой “продиктован его политической англо-американской ориентацией”⁵². Такая последовательность событий свидетельствует о явном сговоре иерархов и высокопоставленного государственного чиновника, сговоре, целью которого было устранение Стефана с поста предстоятеля Болгарской церкви.

10 сентября определилась позиция Политбюро ЦК БРП(к): было принято решение № 52, согласно которому вопрос о патриаршестве с повестки дня не снимался и кандидатуру будущего патриарха предстояло определить дополнительно. Институт патриаршества, указывалось в решении, призван усилить общественный авторитет болгарской церкви, способствовать организации борьбы православных церквей против Ватикана и его реакционной политики⁵³. Добавим, что немного позднее мотивация болгарского руководства была дополнена в вопросе о патриаршестве тезисом о необходимости борьбы и с экуменическим движением.

Мы не располагаем сведениями, откуда Стефан узнал о решении Политбюро, но 12 сентября в письме Г. Димитрову он писал: “Происшедшее на днях острое столкновение между мной и Св.Синодом и принятое решение, которое, как нас заверили, было одобрено Вами, подтверждают испытываемое мной чувство, что я не желаем Вами и не удобен Вам как скромный, но искренний сотрудник в Ваших усилиях построить нашу народную республику”⁵⁴.

Интересно проследить, как оформлялась в это время позиция советской стороны. Заместитель министра иностранных дел Болгарии С.Гановский информировал посла М.Ф. Бодрова, что “отставка Стефана является результатом конфликта между Стефаном и большинством членов Синода, которые не доверяют Стефану и не хотят, чтобы он стал патриархом”. Бодров сообщил в Москву в МИД: “В беседе со мной... 9 сентября Стефан подтвердил, что он подал в отставку, что он будто бы ведет борьбу против экуменизма и защищает идею единства славян, а большинство Синода выступает против этой его линии... 10 сентября на обеде Димитров сообщил мне, что Политбюро ЦК Болгарской рабочей партии приняло решение об отставке экзарха Стефана. Вопрос о кандидатуре на пост патриарха

Болгарии еще в Политбюро не решен, но, по заявлению Костова, друзья намереваются выдвинуть патриархом Пловдивского митрополита Кирилла... Димитров просит сообщить ему мнение Москвы по данному вопросу...” Первоначальный проект ответа болгарской стороне гласил: “Передайте Димитрову, что, по мнению Москвы, этот вопрос должны решить сами болгарские друзья”. Однако резолюция Сталина на проекте существенным образом изменила позицию советского руководства: “Нужно ответить, что не возражаем против снятия экзарха Стефана. И. Сталин”. 16 сентября 1948 г. соответствующее указание советскому послу ушло в Софию. Как сообщил К.Д. Левычкин В.М. Молотову 18 сентября, болгарская сторона была удовлетворена тем, что “соображения болгарского правительства об отставке Стефана не встретили возражения в Москве”⁵⁵.

Стефан, расценивший свою отставку как “инсценированный конфликт”, тяжело переживал случившееся и надеялся на вмешательство московского патриарха Алексия⁵⁶.

Судя по документам, Москва продолжала внимательно отслеживать положение в руководстве Болгарской церкви, понимая, что отставка Стефана не упростила, а, напротив, усложнила ситуацию. В подготовленной в ведомстве Карпова справке о последствиях отставки бывшего экзарха подчеркивалось, что уход Стефана явился “ударом экуменистов по Московской патриархии и сложившемуся вокруг нее объединению православных церквей”, что митрополиты Кирилл и Паисий поддерживают нелегальные связи с экуменическим движением и пр.⁵⁷ Эти выводы подтверждались и полученной Советом информацией от протоиерея церкви Св. Недели в Софии В.Д. Шпиллера, согласно которой причиной борьбы в Св. Синоде явилось “общее направление деятельности экзарха”: эта деятельность “слишком сближает Болгарскую церковь с Русской”, “слишком подчиняет Болгарскую церковь нынешнему болгарскому правительству”. Шпиллер вместе с тем полагал, что одной из причин отставки был и личный мотив – нежелание иерархов видеть во главе Болгарской патриархии Стефана⁵⁸.

Данная информация расходилась с оценками, дававшимися официальными болгарскими лицами. В декабре 1948 г. в беседе со Шпиллером Илиев заявил, что “наш общий враг № 1 - Стефан” мешал сближению Русской и Болгарской церквей, был главной помехой в этом деле, и после его отставки “дело пойдет на лад”⁵⁹. Необъективность и предвзятость данной оценки очевидны.

После отставки Стефана в течение довольно длительного времени решался вопрос о его дальнейшем местопребывании. В вышеупомянутом решении Политбюро ЦК БРП(к) от 10 сентября 1948 г. указывалось на целесообразность отъезда бывшего экзарха в один из монастырей СССР. В

материалах Совета по делам РПЦ воспроизводился разговор Стефана с В. Коларовым. Последний убеждал собеседника: «И вот я вам скажу: поезжайте-ка к Александрию в гости. У него вы будете обставлены всеми удобствами, они богатые и дадут вам все». Стефан отреагировал болезненно:

«Вы меня выбросили на помойку. Каким же гостем может быть такое “ничто”? Восстановите меня в моих правах и тогда отправляйте». Коларов: «Ну, тогда поезжайте к нему на службу. Патриарх готов принять вас к себе на службу и сделать вам отличное служебное положение». Стефан, не имея приглашения от Александра, отказался⁶⁰. Тем не менее, в течение некоторого времени болгарское руководство продолжало рассчитывать на удаление Стефана из страны.

У Св. Синода имелись свои соображения. 14 сентября в письме Коларову синодальные архиереи предложили определить бывшему экзарху местопребывание в Болгарии, но за пределами ранее руководимой им Софийской епархии, назвав подходящее, по их мнению и с точки зрения состояния здоровья Стефана, место его будущего жительства – с. Баня Карловской околии, куда прежде Стефан ездил на лечение. Несколькими днями позже Совет министров специальным постановлением оформил это предложение Синода. Советское посольство в Софии было уведомлено о том, что Стефан лишается права передвижения по стране, что ему назначается персональная пенсия.

Какова была в этот момент реакция советской стороны?

Примечательно, что поначалу ведомство Карпова поддержало предложение болгарского Синода. Карпов сообщил в Совет министров, что удаление Стефана из страны, означавшее фактическую изоляцию бывшего экзарха, негативно отразится на положении и авторитете РПЦ в международных церковных кругах, «даст возможность даллесовской агентуре поднять волну лжи и клеветы». Одновременно Совет разработал подробный план компрометации Стефана с целью предания его сначала церковному, а впоследствии и гражданскому суду. Совет считал необходимым предложить болгарскому Синоду расследовать расходование Стефаном полученного им в 1947 г. от РПЦ на нужды болгарской церкви займа в 30 млн. левов и вскрыть якобы имевшие место финансовые злоупотребления. По гражданской линии предлагалось инкриминировать Стефану «политические преступления против республики», но сделать это позднее, «при более благоприятной обстановке»⁶¹. К этому плану мы еще вернемся, а пока посмотрим, как же решился вопрос о местопребывании Стефана.

Судя по тому, как развивались события, идея выслать Стефана из страны получила одобрение у советского руководства. Уже 30 сентября 1948 г. Карпов в записке на имя заместителя министра иностранных дел В. А. Зо-

рина обосновал возможность принятия Стефана на покой в один из монастырей СССР. В Московской патриархии прорабатывались следующие варианты: Троице-Сергиев монастырь, Почаевская Лавра и Псково-Печерский монастырь, причем предпочтение отдавалось более благоустроенной и удаленной от столичных центров Почаевской Лавре в Тернопольской области. Совет по делам РПЦ предложил небольшой монастырь в г. Мичхете в 18 км от Тбилиси. Принципиальное согласие советского руководства на приезд Стефана было дано, но болгарская сторона не стала пересматривать уже принятое на уровне правительства решение, а Москва не настаивала.

Попытки уговорить Стефана добровольно покинуть Софию не увенчались успехом, и под давлением Св.Синода, требовавшего от правительства ускорить высылку бывшего экзарха, Политбюро 18 ноября 1948 г. приняло решение №175 о принудительной отправке Стефана к месту жительства⁶².

Дальнейшая судьба Стефана трагична. Документы рассказывают о тяжелых условиях жизни его в с.Баня, лишенной не только необходимых удобств, но превратившейся фактически в борьбу за существование.

В эти годы Стефан неоднократно обращался к патриарху Алексию. Московский патриарх изредка отвечал краткими телеграммами, в частности, по поводу Нового года или церковных праздников. В январе 1955 г. Карпов сообщал в МИД СССР Молотову: “Получение таких писем нежелательно, и они ставят иногда патриарха Алексия в затруднительное положение... Однако этого не избежать”⁶³.

Летом 1949 г. болгарские власти решили приступить к реализации упоминавшегося выше плана по компрометации Стефана. Момент был выбран не случайно: развернулась реализация принятого в феврале Закона об вероисповеданиях, ограничившего независимость церкви и закрепившего право государственного вмешательства в ее дела. 30 июня бывшему экзарху было вручено постановление финансовой инспекции, обязывавшее его внести в кассу Софийской епархии сумму займа. Но Стефана предупредили: если он докажет, что займ являлся “подлинным дарением”, то возможно его освобождение от подозрений в растрате и, следовательно, от судебной ответственности.

Стефан находится на грани отчаяния. 8 июля 1949 г. он пишет в Софию архиепископу Серафиму, русскому по национальности: “Ах, как страдает душа моя, Бог видит... Страдание мое простирается до того, что начинаю жалеть о моем беспредельном и всепреданном служении православию и славянству...”⁶⁴

В столь щекотливой ситуации патриарх Алексей проявил исключи-

тельное благородство. 30 июля 1949 г. в письме Карпову он заявил о том, что переданная Стефану сумма лишь по формальному признаку имела вид займа, а по существу являлась дарением болгарскому экзарху⁶⁵. Твердая позиция Алексия способствовала тому, что несправедливое обвинение было со Стефана снято.

Рубеж 40-50-х гг. ознаменовался в Болгарии усилением наступления государства на позиции церкви, и к началу 1951 г. властям удалось добиться серьезных успехов в политике “демократизации” Болгарской православной церкви⁶⁶, а точнее, ее подчинения. В этих условиях среди части болгарского епископата возникли настроения в пользу возвращения Стефана. Подстудным мотивом этих настроений была надежда на то, что Стефан смог бы лучше защитить интересы церкви перед государством, быть “верным правительству патриархом”. Одновременно среди духовенства высказывалось мнение, что Стефан пострадал не от правительства ОФ, а от митрополитов. В феврале 1950 г. В.Д.Шпиллер докладывал в Совете по делам РПЦ: “Стефан... сидит в деревне. Он почти под домашним арестом. Нигде не бывает, и его никто не посещает. Митрополиты в восторге, что им удалось убрать неприятного им собрата. Стефан на голову выше их всех по уму, держался независимо, начальнически, не считался с митрополитами, не входил в их дрязги и интриги. Все это митрополитам не нравилось”⁶⁷.

Летом 1952 г. среди священников прошел слух, что после своего избрания патриархом митрополит Кирилл якобы вернет Стефана на Софийскую епархию. По некоторым данным, в январе 1953 г., незадолго до патриарших выборов Кирилл, действительно, ездил к Стефану на переговоры. Бывший экзарх поначалу благосклонно отнесся к перспективе своего возвращения к церковным делам, но затем былая обида взяла верх: иерархи рассорились, и найти общий язык им не удалось⁶⁸.

Мы не располагаем документами, подтверждающими, что подобный шаг Кирилл предварительно согласовал с официальной властью, но в преддверии назначенных на май 1953 г. выборов патриарха вряд ли бы он осмелился действовать столь независимо. Против такой возможности говорят и приведенные Д.Калканджиевой свидетельства исключительной услужливости Кирилла, делавшей его послушным орудием власти⁶⁹.

Нам представляется, что объяснение этому факту следует искать в круге как канонических, так и политических причин. Решение о восстановлении патриархии в Болгарии принималось без согласия Вселенской церкви, и резко отрицательную реакцию Константинополя на это прямое нарушение канонов церковной жизни нетрудно было предугадать. В этих условиях смягчению ситуации, наверное, способствовал бы авторитет Стефана. Урегулирование отношений с Вселенским патриархатом, в свою

очередь, могло бы в обстановке холодной войны позитивно отразиться на репутации политического режима в Болгарии на международной арене.

Впоследствии в отношении Стефана со стороны государства наблюдаются некоторые подвижки. В январе 1955 г., например, ему было несколько увеличено месячное содержание, однако к церковному служению он так и не вернулся. 14 мая 1957 г., продолжая оставаться на положении ссыльного, Стефан закончил свой земной путь.

Подводя итог, следует подчеркнуть, что судьба Стефана была предопределена как внутренним, так и внешним факторами. Стремление ексарха к реальной внутренней самостоятельности и самоуправлению Болгарской православной церкви, в принципе гарантированных Конституцией, к превращению церкви в сильный общественный институт, независимый и равнопоставленный по отношению к государству, шли в разрез с советской политической моделью, внедрение которой началось в Болгарии после установления монополии компартии на власть в конце 40-х гг. XX в. Для Москвы определяющим стало недоверие к Стефану не только как к церковному деятелю, что объяснялось “генетическим” для коммунистов неприятием религии и ее служителей, но и как к экуменисту. Экуменическое движение рассматривалось советским руководством как орудие Запада, противостоявшее геополитическим планам прежде всего в Восточной Европе. Вместе с тем документы не дают, на наш взгляд, оснований для излишней демонизации роли Москвы в судьбе ексарха Стефана. Сего уходом перспектива превращения Болгарской православной церкви в послушный государству институт определилась полностью.

Примечания:

¹ Погподоров Т. Възстановяване на патриаршеския институт в ново време (1953 г.) // Българската патриаршия през вековете. София, 1980. С.31; Събев Т., Кочев Н., Стоянов Хр. Междуцърковно положение // Там же. С.74.

² Мигев В. Българската православна църква в политиката на управляващите в България (9 септември 1944 – 1960 г.) // Религия и църква в България. Социални и културни измерения в православие и неговата специфика в българските земи. София, 1999. С.271-280; Огнянов Л. Свещеническият съюз в България (1944-1955) // Там же. С.281-292; Елдров С. Духовната мобилизация на Българската православна църква (1939-1944) // Там же. С.250-260; Стоянова В. Църковно-административната уредба на Македония и Тракия и изборът на патриарх на Българската православна църква (април 1941 – септември 1944 г.) // Минало. №2. 1994. С.55-65 и др.

³ Калканджиева Д. Българската православна църква и държавата. 1944-1953. София, 1997.

⁴ Шкундин Г.Д. Миротворческие усилия болгарских церковных деятелей в годы Первой мировой войны // Балканские исследования. Вып. 17. Церковь в истории славянских народов М., 1997. С.286-299; Гришина Р.П. Общественно-политическая деятельность митрополита Стефана в 20-30-е годы XX века // Там же. С.300-309.

⁵ Бълхова М.И. Правда об экзархе Стефане // Церковь в истории России. Сб.3. М., 1999. С.191-214.

⁶ Подробнее см.: Шкаровский М.В. Русская православная церковь при Сталине и Хрущеве (Государственно-церковные отношения в СССР в 1939-1964 годах). М., 1999; Волокитина Т.В. Русская церковь и православные автокефалии на Балканах после Второй мировой войны (За кулисами интеграции) // Человек на Балканах в эпоху кризисов и этнополитических столкновений XX в. СПб., 2002 и др.

⁷ Калканджиева Д. Указ. соч. С.32.

⁸ Там же. С.32-33.

⁹ Там же. С.35.

¹⁰ Там же.

¹¹ Государственный архив Российской Федерации (далее ГА РФ). Ф.6991. Оп.1. Д.13. Л.270.

¹² Там же.

¹³ Там же.

¹⁴ Калканджиева Д. Указ. соч. С.39.

¹⁵ Там же.

¹⁶ См., например: Георги Димитров. Дневник. 9 март 1933 - 6 февруари 1949. София, 1997. С.452.

¹⁷ ГА РФ. Ф.6991. Оп.1. Д.16. Л.88.

¹⁸ Там же. Л.85.

¹⁹ Калканджиева Д. Указ. соч. С.57.

²⁰ ГА РФ. Ф.6991. Оп.1. Д.16. Л.91-91об.

²¹ Там же. Л.136.

²² Там же. Л.192.

²³ Там же. Л.137.

²⁴ Георги Димитров. Дневник... С.486, 487.

²⁵ ГА РФ. Ф.6991. Оп.1. Д.16. Л.142.

²⁶ Калканджиева Д. Указ. соч. С.60.

²⁷ ГА РФ. Ф.6991. Оп.1. Д.16. Л.195.

²⁸ Там же. Л.196.

²⁹ Волокитина Т.В. Указ. соч. С.252.

³⁰ Там же. Л.253.

³¹ Там же. С.252.

- ³² ГА РФ. Ф.6991. Оп.1. Д.16. Л.134-135.
- ³³ Там же. Л.131-131об, 210 об.
- ³⁴ Там же. Д.132. Л. 59.
- ³⁵ Калканджиева Д. Указ. соч. С.61.
- ³⁶ ГА РФ. Ф. 6991. Оп.1. Д.16. Л.138.
- ³⁷ Там же. Л.193-194.
- ³⁸ Там же. Д.132. Л.59.
- ³⁹ Там же. Оп.2. Д.10. Л.51.
- ⁴⁰ Там же. Оп.1. Д.132. Л.220-222, 225, 227-228.
- ⁴¹ Там же. Л.85.
- ⁴² Там же. Л.83.
- ⁴³ Там же. Д.412. Л.61.
- ⁴⁴ Волокитина Т.В. Указ. соч. С.244-259.
- ⁴⁵ Бълхова М.И. Указ. соч. С.208.
- ⁴⁶ ГА РФ. Ф.6991. Оп.1. Д.418. Л.116.
- ⁴⁷ Бълхова М.И. Указ. соч. С.207.
- ⁴⁸ Волокитина Т.В. Указ. соч. С.256.
- ⁴⁹ Советский фактор в Восточной Европе. 1944-1953 Документы. Т.1.1944-1948. М.,1999.С.645.
- ⁵⁰ Подробнее см.: Калканджиева Д. Указ. соч. С.222-223.
- ⁵¹ Там же. С.216, 217.
- ⁵² ГА РФ. Ф.6991. Оп.1. Д.290. Л.247.
- ⁵³ Калканджиева Д. Указ. соч. С.230.
- ⁵⁴ Георги Димитров. Дневник... С.627.
- ⁵⁵ Советский фактор в Восточной Европе... С.645.
- ⁵⁶ ГА РФ. Ф.6991. Оп.1. Д.291. Л.45.
- ⁵⁷ Там же. Д.419. Л.207-208.
- ⁵⁸ Там же. Л.69-70.
- ⁵⁹ Там же. Л.171.
- ⁶⁰ Там же. Л.205.
- ⁶¹ Там же. Д.290. Л.252.
- ⁶² Калканджиева Д. Указ. соч. С.235-236.
- ⁶³ ГА РФ. Ф.6991. Оп.1. Д.1321. Л.6.
- ⁶⁴ Там же. Д.576. Л.132.
- ⁶⁵ Там же. Л.127.
- ⁶⁶ Подробнее см.: Калканджиева Д. Указ. соч. С.311-322.
- ⁶⁷ ГА РФ. Ф.6991. Оп.1. Д.731. Л.39, 37.
- ⁶⁸ Там же. Д.1101. Л.15-17.
- ⁶⁹ Калканджиева Д. Указ. соч. С.327-328

ПРОЦЕССЫ ВНЕШНЕГО ДОМИНИРОВАНИЯ НА БАЛКАНАХ В 40-90-е ГОДЫ XX в. (ФАШИЗАЦИЯ, СОВЕТИЗАЦИЯ И НАТОИЗАЦИЯ)

Уже давно Балканы называют “пороховым погребом” Европы. Такая репутация за полуостровом была еще раз подтверждена в последнее десятилетие XX в. Балканы вновь напомнили о себе как о самом взрывоопасном месте европейского континента, а термин “балканизация” или “югославизация” стал применяться и к другим районам мира. Вспомним, например, определение З.Бжезинского “евразийские Балканы” применительно к Кавказу(1). Обычным стало видеть в Балканах лишь зону постоянной нестабильности, а жителей полуострова обвинять в том, что они так и не научились мирно жить со своими соседями.

Объяснялось это прежде всего почти полным незнанием Балкан. Например, многие американцы, запутавшись в лабиринтах тамошней истории, вообще пришли к выводу, что понять ее западному человеку невозможно. Неслучайно подлинным бестселлером, выходящим массовыми тиражами, стала в США книга журналиста Роберта Каплана “Балканские привидения: путешествие сквозь историю”. Каплан нарисовал жуткую картину балканской истории, где действуют дикие, кровожадные люди. Любопытно, что такое отношение к балканцам, прежде всего к сербам, было характерно и для самых высших представителей западных посредников в югославском кризисе. Так, архитектор Дейтонских договоренностей Р.Холбрук и его подчиненные, бывая в Боснии, по-видимому, ощущали себя героями вестернов, так как территории, контролируемые сербами, называли между собой “землями индейцев”(2).

Масло в огонь подлила и “информационная война”. И хотя давно известно, что первой жертвой любой войны становится правда, наверное, впервые дезинформация достигла таких масштабов и стала столь заметным фактором, в чем-то даже более существенным, чем война обычная - на поле брани. Жертвой этой войны опять же стали прежде всего сербы, превратившиеся под пером и объективом журналистов чуть ли не во второе пришествие нацистов на европейском континенте. Не добавили ясности в понимание кризиса и вышедшие уже на Западе мемуары многих действующих лиц югославской трагедии: Р.Холбрука, Д.Оуэна, У.Циммермана, К.Билдта и др. По образному замечанию сербского журналиста С.Релича, в них проводилась мысль, что события в Югославии и, в частности, в Боснии - “обычная балканская резня, в которой мы выступали как дикари,

не знающие, как положить ей конец, до тех пор, пока, пусть и с помощью Божией, где-то за семью морями не был найден Дик Холбрук - исполин, удар которого ладонью о (переговорный) стол был такой силы, что все наши предводители затряслись от страха, и подписали мир”(3).

Так ли уж справедливы все эти оценки, с легкостью даваемые балканским народам? Был ли югославский кризис обычной балканской резней или, возможно, происходили более глубинные процессы? Сегодня, через 10 лет после начала все еще продолжающегося югославского кризиса, уже можно попытаться ответить на эти вопросы.

Первое, о чем хотелось бы сказать. Балканы всегда были скорее объектом, нежели субъектом международных отношений. Так было во времена Османской и Австрийской империй, так было и когда балканские страны обрели независимость. Возьмем для примера историю Сербии в XIX и XX веках. Она имеет определённую цикличность и четко распадается на четыре части: обретение независимости, самостоятельное Сербское государство, Сербия в составе “первой” и “второй Югославии”. И что характерно, каждый этап заканчивается и одновременно начинается с больших международных потрясений: наполеоновские войны, Восточный кризис 70-х годов XIX в., Первая и Вторая мировые войны и, наконец, современный югославский кризис. То есть именно международные события, борьба держав на Балканах и за Балканы в решающей степени влияли на очередные крутые повороты в сербской истории.

Повторим, так происходит и сегодня. Процесс, который мы наблюдаем в настоящее время на Балканах, можно назвать процессом их натоизации. И, как бы мы к нему ни относились, подчеркнем, что исторически в нем нет ничего исключительного. Достаточно посмотреть на Балканы нескольких последних десятилетий.

Так, 40-е годы прошедшего века были связаны с процессом фашизации балканских государств. Эта политика, инициатором которой была гитлеровская Германия, затронула Венгрию, Румынию и Болгарию. Осуществлялись попытки ее распространения на Югославию. Разумеется, как это обычно и бывает, такая политика прикрывалась разговорами о “новом порядке”, о “заинтересованности в сохранении мира на юго-востоке Европы” и т.п. Не претендуя на полную аналогию, заметим, что современный процесс натоизации Балкан, также прикрывался и прикрывается рассуждениями о “новом мировом порядке”, об укреплении стабильности в Юго-Восточной Европе, об утверждении там демократических ценностей.

Между фашизацией и натоизацией Балкан пролегал период в пол с лишним века, и он был отмечен важным и в чем-то схожим процессом.

Процесс этот, сопровождавшийся также соответствующим идеологическим обеспечением, - советизация Балкан и всей Восточной Европы. В советизации, в отличие от двух других процессов, один из которых был скоротечным из-за поражения Германии в войне, а второй не так давно начался, можно выделить ряд этапов.

Первый этап советизации в ее крайней сталинской форме проходил вплоть до смерти коммунистического диктатора в 1953 г. Затем начинается этап десталинизации как внутри СССР, так и в его отношениях со странами "социалистического лагеря". Фактически это означало переход в 1955-1957 гг. в отношениях с социалистическими странами "от протектората к ограниченному суверенитету". Однако "оттепель", как известно, не привела к весне, вновь наступили "заморозки". Они были связаны с событиями 1968 г. в Чехословакии. По мнению ряда исследователей, "Пражская весна" является своего рода водоразделом в истории "социалистического содружества". После чехословацкого кризиса отношения между социалистическими странами "шли неизменно под уклон"(4). Собственно говоря, и понятие "ограниченного суверенитета" или "доктрины Брежнева" появилось именно после 1968 г.

В Югославии, несмотря на всю специфику, развитие в общих чертах шло синхронно с остальными европейскими социалистическими странами:

- 1964-1965 гг. - начало самых радикальных экономических реформ;
- в период подготовки к X съезду СКЮ и на самом съезде (1974 г.) - курс на свертывание преобразований, укрепление роли компартии и государства, усиление идеологического воздействия на все сферы жизни.

В целом в 1968-м г. в Праге была окончательно убита вера в возможность реформирования "реального социализма", придания ему "человеческого лица". В то же время не будет преувеличением сказать, что чехословацкие события оказали влияние и на часть советского партийного руководства - более молодую и менее догматическую. Именно из нее через 20 лет рекрутировались кадры горбачевской перестройки.

Кстати, сравнивая современные Балканы с периодом советизации, можно сказать, что сегодня в разных балканских странах существует сочетание ограниченного суверенитета, протектората и даже элементов прямой оккупации, как в Боснии или Косово. Возможно, этот сценарий будет повторен и в Македонии. Но, повторим, разными способами проводится одна политика - натоизация. Впрочем, политика ограниченного суверенитета по существу проводится США и по отношению к своим союзникам - другим странам НАТО.

Любопытно отметить, что самый сильный отпор всем трем отмечен

ным нами процессам на Балканах - фашизации, советизации и натоизации - оказывала одна и та же страна - Югославия, прежде всего ее сербское население. Вспомним, что в конце марта 1941 г. правительство Югославии подписало соглашение о присоединении к Тройственному союзу, и это вызвало в Белграде массовые демонстрации под лозунгом "Лучше война, чем пакт", а затем и государственный переворот. Да и во время Второй мировой войны на территории Югославии действовало самое сильное партизанское движение из всех стран, где существовали движения Сопротивления. Вспомним и 1948 г., когда конфликт между И.Броз-Тито и И.Сталиным привел к выходу Югославии из так называемого "социалистического лагеря". (Потом "откололась" и Албания.) И, наконец, яркое доказательство всему сказанному дает современный югославский кризис. Выяснение этого феномена - почему "крепким орешком" для всех сил внешнего доминирования оказывались именно сербы - требует специального исследования. Но одна из причин этого состоит в том, что сербы привыкли занимать на Балканах центральное место, играть ведущую роль. Это небольшой народ с менталитетом большого.

В какой-то степени общее развитие с другими балканскими странами в последние несколько десятилетий избежала только Греция. Однако и там можно разглядеть сходные процессы: совпадающий с оккупацией период фашизации (его слабым и более поздним отголоском кто-то, наверное, может назвать семилетний режим правления "черных полковников" в 1967-1974 гг.); попытка советизации, проявившаяся в гражданской войне 1946-1949 гг; наконец, вступление в НАТО первой из балканских стран еще в 1952 г. И все же, несмотря на полувековое развитие в рамках Североатлантического альянса, Греция, на наш взгляд, типологически не стала частью Западной Европы, а остается восточно- или центральноевропейской, в любом случае - балканской страной, и нет никаких признаков того, что в обозримом будущем что-то изменится. Это убедительно подтвердила и ее отличная от стран Запада реакция на те же события 90-х годов в бывшей Югославии.

Сравнивая современные события на Балканах с 40-ми годами, следует сказать подробнее и о позиции России. В те далекие уже годы Советский Союз пытался не остаться в стороне от балканских проблем, однако Германия явно не желала вступать с ним в переговоры. Боясь посмотреть правде в глаза, советское руководство трактовало споры с Германией как "расхождения либо частные, либо региональные" и "упорно продолжало следовать уже выработанному курсу". Тем не менее, именно "балканские проблемы стали тем пробным камнем в советско-германских отношениях, который показывал истинные намерения нацистского руководства".

Региональный характер событий лишь камуфлировал стратегический масштаб противоречий двух держав. “Кремль в итоге оказался неспособным что-либо противопоставить тому драматическому развитию событий, которое привело к полному подчинению Балкан фашистской “осью”, а затем и к нападению на Советский Союз”(5). Вновь не претендуя на полную аналогию, заметим, что современный кризис на Балканах также выявил истинные стратегические цели альянса, любящего рассуждать о правах человека, демократических ценностях, гуманитарной интервенции и т.п. И НАТО также долго не сталкивалось с противодействием российской дипломатии, которая загипнотизированная словом “партнерство”, не могла или не хотела понять сути происходившего.

Любопытно, что российское общественное мнение среагировало гораздо точнее и быстрее. Было просто невероятно, что события в Югославии нашли столь горячий отклик, что называется, в “простом народе”. Как очень точно подметил российский политолог И.Максимычев, говоря о середине 90-х годов, “боснийский кризис выявил немаловажное влияние общественного мнения России на ее внешнюю политику. Никто не ожидал подобного эмоционального подъема в задавленной внутренними бедами и неразумной экономической политикой стране по не затрагивающему непосредственно ее материальных интересов поводу. Широчайшая поддержка сербов ... продемонстрировала, что общественное мнение в России живо и что с ним приходится считаться”(6). Добавим, что особенно поддержка сербов в российском общественном мнении проявилась в первые дни агрессии НАТО против Югославии в конце марта 1999 г.

Причем, эта позиция пришла на смену явной симпатии к США, которые в начале 90-х во многом рассматривались в России в качестве своего рода эталона общественного развития. Как не без основания пишет американский политолог С.Козн, широкое распространение антиамериканских настроений в посткоммунистической России не является наследием холодной войны. Они “стали углубляться, когда вместо несбывшихся обещаний больших иностранных инвестиций бремя российского внешнего долга выросло настолько, что государство перестало платить пенсии и зарплату, чтобы выполнить предъявляемые Западом требования к бюджету. Распространяясь все дальше, эти настроения усилились после расширения в 1998 г. НАТО на Восток, в чем справедливо увидели нарушение данных американцами обещаний, а после того, как, действуя под началом США, НАТО приступила к 1999 г. к бомбардировкам Югославии, стали практически повсеместными и невиданно ожесточенными”(7).

Следует подчеркнуть, что процесс натоизации Балкан, о котором мы ведем разговор, тесно связан с более крупной проблемой - формировани

ем натоцентристской модели европейской безопасности. И именно поэтому югославский кризис заметно отличается от всех других европейских конфликтов последнего времени - например, северо-ирландского или кипрского. И именно поэтому, говоря о сербской истории, мы поставили его в один ряд даже с мировыми войнами.

В конце 80-х - начале 90-х гг. после окончания "холодной войны" и прекращения блокового противостояния встал вопрос о создании новой системы европейской безопасности. Россия, будучи одним из полюсов прежнего биполярного мира, выступала, как известно, за создание всеобъемлющей системы безопасности на основе общеевропейской организации - ОБСЕ. Однако успеха не имела. После некоторого колебания США посчитали, что являются единственным победителем в "холодной войне" и имеют право действовать, исходя из логики "победитель получает все". Фактически это означало начало "передела уже поделенного мира". Где-то такой передел шел мирным путем, путем расширения НАТО на Восток, присоединения к блоку некоторых восточноевропейских стран; где-то, как в Югославии, - военным(8).

Смена модели системы международной безопасности - событие эпохальное. Российский историк, директор Института славяноведения РАН В.К.Волков пишет: "Балканский кризис ускорил те процессы, которые неизбежно должны были произойти в системе международных отношений. Их суть состоит в замене одной конкретно-исторической модели этой системы (Ялтинско-Потсдамской) на иную, которая пока не получила своего названия. Это сдвиг поистине тектонического масштаба... За последние четыре столетия подобная смена происходит пятый раз (после Тридцатилетней войны в Европе и Вестфальского мира 1648 г.; эпохи Наполеоновских войн и Венского конгресса 1815 г.; Первой мировой войны и системы Версальских договоров 1919-1920 гг.; Второй мировой войны и Ялтинско-Потсдамского урегулирования 1945 г.)"(9).

Итак, в XX веке поочередно существовали три из названных пяти моделей системы международной безопасности. Причем при замене их одну на другую важнейшую роль неизменно играли Балканы. И даже в годы "холодной войны" роль Балкан (и в частности, Югославии) "определялась не столько их внутренними проблемами, сколько идеологическим и политическим противостоянием, характерным для двухполюсного мира". И сегодня "в двусторонних российско-американских отношениях в Европе Балканы явно претендуют на второе место после вопроса о расширении НАТО на Восток. Общее между этими двумя проблемами в том, что обе они связаны с перспективами безопасности в Европе"(10).

В.К.Волков предсказывает, что, возможно, роль Балкан при смене мо-

делей международной безопасности сохранится и впредь. Сегодня “Балканы превратились в зону повышенного внешнеполитического риска как для России, так и для НАТО, а также США, хотя и по разным причинам... Не исключено, что Балканам суждено стать “пороховым погребом” НАТО... Смогут ли США выдержать бремя единственной сверхдержавы в мире? И, может быть, будущие поколения тоже будут говорить: “Все начиналось с Балкан!”(11)

Заметим, что последние события в бывшей Югославии, попытки расширения косовскими албанцами сферы своей террористической деятельности на юг Сербии и особенно на Македонию, заставляют отнести к этому предположению со всей серьезностью. Новый момент в сложившуюся расстановку сил вносит начало США антитеррористической операции в ответ на теракты в Нью-Йорке и Вашингтоне. Не секрет, что добровольцы из исламских стран, тесно связанные с так называемыми “международными террористами” и, в частности, с У. бен Ладеном, принимали активное участие в боснийских и косовских событиях. Многие из них натурализовались и осели в Боснии и Косово.

Таким образом, как и раньше, в 90-е гг. XX в. Балканы вновь были местом столкновений чужих интересов. И говорить о какой-либо врожденной агрессивности балканцев и вследствие этого постоянной нестабильности Балкан было бы не совсем справедливо, это означало бы “сваливать с больной головы на здоровую”. По крайней мере, и в Первую и во Вторую мировые войны военные действия пришли на Балканы извне. (Злополучный выстрел Г.Принципа в 1914 г. был лишь поводом: если бы его не было, нашли бы любой другой и в любом другом месте). О вмешательстве извне и его негативных последствиях следует говорить и применительно к югославскому кризису 90-х гг.

Такое мнение доминирует в российской историографии. Недавно умершая английская исследовательница, политолог и журналист Н.Белофф в своей последней книге “Югославия - война, которую можно было избежать” писала, что, “если бы не было вмешательства извне, то конфликта в Югославии можно было бы избежать, а Югославское государство в том или ином виде сохранить”(12). Наверное, это не совсем так. Но верным представляется то, что высокомерное вмешательство Запада в дела Югославии, применение так называемых “двойных стандартов” только затягивало конфликт, приводило к новым жертвам. Так, французский генерал, соратник де Голля, а ныне специалист по геополитике П.-М.Галлуа считает, что хотя начальные условия для кризиса создала сама Югославия, но кризис спровоцировала Германия, а затем его углубили США с надеждой извлечь максимум пользы из поддержки боснийских мусульман(13).

И косовских албанцев, добавим мы. А это сегодня уже дает о себе знать новыми кровопролитиями.

В целом можно сказать, что сегодня на пространстве бывшей Югославии протекает сразу несколько процессов. Один из них - сам югославский кризис, который, перемещаясь с северо-запада на юго-восток бывшей Югославии, состоял из нескольких этапов: словенского, хорватского, боснийского, косовского. Теперь, похоже, начинается македонский этап. Второй процесс, связанный с внешним фактором, - натоизация Балкан. И, наконец, третий процесс, который мы наблюдаем сегодня на Балканах, это - усиление албанской экспансии. Она, в свою очередь, тесно связана с общей активизацией всего мусульманского мира, с наличием так называемой южной "дуги нестабильности", проходящей, в том числе, и по югу Балкан(14).

Новые моменты в балканские события способна внести акция возмездия США против международных террористов, хотя к таковым они пока не причисляют незаконные вооруженные формирования тех же албанцев в Косово и Македонии. И все же присутствовать везде сил может не хватить. Придется чем-то поступиться. Как подчеркивает сербский историк М.Экмечич, "любой кризис на востоке Европы затихал, когда существовал какой-нибудь кризис на западе континента"(15). М.Экмечич говорит о Балканах XIX - начале XX века, но это наблюдение остается справедливым и для сегодняшнего дня.

Примечания:

1. См. Бжезинский З. Великая шахматная доска. М. 1999.
2. Holbruk R. Put u Dejton. Od Sarajeva do Dejtona i posle. Beograd, 1998. S. 1-16.
3. Рельић С. Била једном једна сила // НИИ. Београд, 2000. Бр. 2607-14 децембра. С. 46-48.
4. Волков В. Узловые проблемы новейшей истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 2000. С. 195.
5. Там же. С. 25, 28, 54.
6. Максимычев И. Бесцеремонность силы и стыд бессилия // Комсомольская правда, 1995, 4 октября.
7. Коэн С. Провал крестового похода США и трагедия посткоммунистической России. М., 2001. С. 205-206.
8. О событиях в Югославии подробнее см., например: Никифоров К. Между Кремлем и Республикой Сербской (Боснийский кризис: завершающий этап). М., 1999.
9. Волков В. Указ. соч. С. 322.

10. Там же. С. 343, 355.
11. Там же. С. 325.
12. Belof N. Jugoslavija - jedan rat koji se mogao izbeži. Beograd, 1999. S.11-12.
13. Галоа П.-М. Крв петрола: Босна: геополитички есеј. Београд, 1996. С. 174-175.
14. См., например: Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? // Понимание. 1993, № 1.
15. Екмечић М. Срби на историјском раскршћу. Београд, 1999. С. 10.

А.З.Нюркаева
Пермский университет

КОСОВСКИЙ КРИЗИС: ПРИЧИНЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ

Балканы на протяжении XVIII-XXI веков являются очагом межэтнических и межгосударственных конфликтов, втягивавших и великие державы. Сопряженность внутрибалканских проблем с интересами Запада - неизбежный результат геополитического и стратегического положения Балкан. В балканском лимитрофе смыкаются глобальные притязания евроатлантической, православной, арабо-иранской цивилизаций на контроль за развитием стран Юго-Восточной Европы и Ближнего Востока, как ближних подступов к восточномедитерранской нефти. Внутренние факторы конфликтности на Балканах связаны с незавершенностью, замедленностью становления наций и национальных государств у сербов, боснийцев-мусульман, албанцев, палестинских арабов, что обусловлено этнотерриториальными, этнокультурными процессами и столкновением цивилизаций в этом районе. К тому же развивающийся процесс глобализации противодействует укреплению национальных государств.

Косово, Метохия, Рашка заселены сербскими племенами с 20-40-х гг. VI в. Это колыбель духовной и государственной жизни сербов. Именно здесь сосредоточены древние памятники сербской национальной культуры, "священное Косово поле". Территория Косова и Метохии равна 12% общей площади современной Сербии. Переломным в миграционных процессах в Старой Сербии был 1690 г., когда под натиском турок ушло из Сербии 60-70 тыс. человек, а опустошенные районы по распоряжению Порты заселены албанцами. Еще в 1929 г. в Косове проживало 61% сербов и черногорцев, 39% представителей албанской и других национальностей.

На основе переписи 1981 г. можно говорить, что в Косове проживало 57% албанцев от общей численности населения региона, данные за 1998 г. свидетельствуют, что их численность возросла до 60%, сербов - 15%. Утверждение, что албанцев в Косове 90% неточно, эта цифра включает в себя мусульман. Но в любом случае на протяжении XVIII-XX вв. Косово стало местом проживания албанской популяции, хотя не исчезла специфика региона, которому присуща неоднородность по этническому, религиозному, культурному признаку. В ходе исторических катаклизмов албанцы превратились в большинство на местном уровне, а коренное сербское население стало меньшинством. Сербско-албанские противоречия, таким образом, лежат в историческом прошлом и в этнотерриториальных спорах. Существует объективный демографический закон - этнос оценивает себя исторически неполноценным без объединения в государственность. Сербь в силу рано развившейся этнической сплоченности и солидарности, отработанности национальной идеологии державно конституировались в XIX в., полностью в 1878 г., а у албанцев эта проблема не решена до сего времени. Как косовский кризис 1999 г., так и македонский 2001 г. свидетельствуют тому, но объективные задачи этноса албанцы решают радикально экстремистскими путями. Незавершенность становления наций и государств, нестабильность статуса национальных меньшинств и этнических групп порождают межэтнические конфликты на Балканах, преодоление которых связано с длительным процессом становления гражданского общества и правового государства.

Территориально-этнические факторы усугубляются конфессиональными. В современной жизни ислам в противовес христианству сохранил способность освещать религиозным авторитетом не только представления веры, но и политико-правовые и этнокультурные ценности политику. Ислам для мусульман является интегрирующей силой в этнополитических процессах. Мусульмане, как правило, связывают сопричастность религии с принадлежностью к своей нации. Глубокая устойчивость в обыденном сознании и быту исламских религиозных норм и стереотипов поведения масс позволяет политическим силам использовать религию как радикальное средство политической борьбы. Ислам освещает синтез религиозной и национальной традиций, обладающих особенной прочностью как в индивидуальном, так и массовом сознании. Албанцы, как и чеченцы, идентифицируют свои национальные интересы с исламом, в то время как политика Западной и Восточной Европы в период модернизации дистанцировалась от религии.

Тенденции политического развития Косова также обостряли ситуацию в Югославии. В СФРЮ Косово имело статус автономного края, кото-

рый по Конституции 1974 г. был приравнен к республиканскому, что дало толчок движению за провозглашение Косово седьмой республикой Югославии. Республиканский статус фактически вывел Косово из-под прямого управления Сербии. Политическая ошибка на конституционном уровне была исправлена 23 февраля 1989 г., когда парламент Сербии поправкой к Конституции 1974 г. возвратил статус автономного края Косово в прямое подчинение Сербии. Данным актом границы политической автономии Косова были сужены, что не могло не породить агрессивный национализм и сепаратизм у албанцев.

Развязывание косовского кризиса происходило при активном вмешательстве стран Запада. Новая политическая философия НАТО исходит из того, что Организация Североатлантического договора - это детище западной либеральной цивилизации и ударная сила ее новой исторической миссии. Военно-политическое вмешательство США и НАТО в боснийский и косовский кризис свидетельствует, что новую роль НАТО стремится опробовать прежде всего на Балканах. Объективно политика НАТО нацелена на разрушение сербского этнического пространства и создание системы малых государств под эгидой Запада, что в основном уже претворено в жизнь с 1992 г. Остается еще окончательно разрушить Союзную Республику Югославию.

Политический диктат стран евро-атлантической цивилизации открывает путь для стабилизации ее позиций в Персидском заливе и юге Средиземноморья. Средиземноморье имеет тройное значение: обеспечивает доступ к Ближнему Востоку; южный берег его богат энергоносителями; отделяет Европу от Африки. США и НАТО стремятся к контролю за источниками энергии и превращению африканского континента в XXI веке в главного поставщика сырья и энергоносителей.

Германия и Европейский Союз тоже заинтересованы в присутствии на Балканах, приоритетными для них являются балканские стратегические коридоры. Их на Балканах три: Люблянские ворота, Паннонский и Моравско-Вардарский коридоры, обеспечивающие свободный поток транзитного транспорта, товаров, капитала и людей из Центральной Европы через Балканы.

Для США косовский кризис - это возможность трансформации власти в Югославии, приход политиков прозападной ориентации, что удалось достигнуть на президентских выборах 24 сентября 2000 г. С другой стороны, косовский кризис отвлекал мировое сообщество от тупика палестино-израильской и иракской проблем. Наконец, косовский кризис и активность в нем США прикрыли личные затруднения президента Б. Клинтона.

Россия всегда имела интересы на Балканах и проводила там активную

политику. С балканскими народами Россию связывает единое цивилизационное пространство, этническая общность, близость культуры. В косовском кризисе Россия была на позициях интересов сербского народа. В сущности Югославия не была привержена новому порядку натовской стратегии и ее расчленение или падение сократят геополитическую границу между Россией и Западом, что опасно для России тем более при быстром росте действия НАТО за счет восточно-европейских стран.

Агрессия НАТО в Косово продолжалась 78 дней, с 24 марта по 10 июня 1999 г. США и НАТО удалось сплотить вокруг себя силы Запада. Достаточно напомнить, что 19 стран приняли участие в военных действиях против Югославии.

НАТО в косовском кризисе реализовало новую стратегию - переход от оборонительной к военно-наступательной в Европе и мире. НАТО - региональная организация, но в Косове она пыталась взять на себя полномочия ООН, решала "косовский вопрос" исключительно военными средствами. НАТО и США продемонстрировали в Югославии высокотехнологичную войну и завоевательную стратегию.

США - организатор войны в Югославии, расположенной на стыке цивилизационных интересов Запада и Востока. Во время Косовского кризиса опробованы новые методы и средства ведения войны. В глобальном масштабе решались две задачи: разрушение единства Югославии, что позволяло быстрое втягивание малых стран Балкан в орбиту влияния США, как главного стержня мировой политики. Вторая задача восходила к глобальным финансовым проблемам - дестабилизировать евро в конкурентной борьбе с долларом, ибо евро имеет тенденцию развития в качестве второй мировой валюты.

Действия США и НАТО в косовском кризисе продемонстрировали рецидив "политики силы", создание условий для нового витка вооружения, распространения новых типов оружия массового уничтожения, что подрывает устойчивость системы современных международных отношений. В частности США и НАТО использовали в косовском кризисе снаряды с небогащенным ураном, нарушив основные принципы международного гуманитарного права. Такие боеприпасы применялись в 8 зонах, из них 7 на территории Сербии, 1 в Черногории. В Косове снаряды с небогащенным ураном 238 применялись в районах Призрена, Урошеваца, Джаковицы, Дечане и Джураковицы. Нанесен экологический урон природе и человеку. Частицы окиси урана проникают на кожу, в легкие человека и вызывают заболевание раком, особенно крови. Лейкемия или "балканский синдром" обнаружилась среди военнослужащих, связанных с бомбардировками снарядами с небогащенным ураном 238.

Косовский кризис выявил неустойчивость и поверхностность взаимосвязей между Россией и Западом. Эта неустойчивость российско-американских отношений отчетливо продемонстрирована администрацией президента Джорджа Буша Младшего в так называемом “шпионском скандале” марта 2001 г. Хотя Россия в косовском кризисе действовала более динамично нежели в боснийском, широко используя “посредничество” как средство мирного урегулирования конфликта, тем не менее Косово подняло перед Россией вопрос о переосмыслении стратегических приоритетов во внешней политике. Динамичность политики России в сохранении многополярности мира и ведущей роли ООН в нем предопределила принятие Советом Безопасности Резолюции 1244 от 10 июня 1999 г. Эта резолюция направлена на стабилизацию ситуации в Косове, а не на оправдание действий США и НАТО в ней четко определены задачи миротворческих сил и гражданской администрации ООН в Косово (1).

Самые тяжелые потери в ходе агрессии в Косово понесла Югославия. Гуманитарная, хозяйственная, экологические катастрофы - основные последствия косовского кризиса для Югославии. В ходе кризиса беженцев из Косова около 1 млн. человек, убитых 2 тыс., раненых 6 тыс. В течение года после кризиса из Косова бежали еще 350 тыс. сербов, черногорцев, цыган, мусульман, но перешло в Косово более 200 тыс. албанцев из Албании.

Военный ущерб народному хозяйству страны предварительно исчисляется югославским правительством в 100 млрд. долларов, а ущерб соседних стран - 2,2 млрд. долларов.

Экологический ущерб трудно учесть, но медленно разлагающиеся элементы хлорных соединений, тяжелых металлов несут опасность для флоры и фауны Сербии, где токсичные вещества загрязнили реки, в том числе Дунай, почву, места обитания рыб, птиц, насекомых. Отсюда задача санации районов бомбардировки приоритетна, капиталоемка и трудоемка.

Теоретически Косово остался в составе Югославии, но его политическое будущее крайне нестабильно. В Косове не достигнуты ведущие принципы культуры мира - толерантность и сотрудничество. Это регион великоалбанских притязаний, опасный очаг постоянных кризисов на Балканах, о чем красноречиво свидетельствует так называемый “македонский кризис”, начавшийся с конца февраля и начала марта 2001 г. Объективно косовский и македонский кризис подтверждают усиление исламского экстремизма.

С прекращением существования Югославии 14 марта 2002 г. Косово, проходящее по всем международным документам как часть Югославии, приобретает новые возможности для изменения своего статуса. Международные организации, не допускающие власти в Сербии к участию в

политических и экономических процессах края, делают все возможное, чтобы приблизить день провозглашения независимости Косова.

Примечание:

1. Редакция не согласна с этим утверждением.

Н.А. Лучинина

ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ В УНИВЕРСИТЕТСКОМ КУРСЕ ИСТОРИИ ЗАРУБЕЖНЫХ СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ

Имя Сергея Александровича Никитина навсегда вошло в историю отечественного славяноведения. С ним связано возрождение славяноведения как отрасли исторической науки в послевоенный период. Не менее весом его вклад в становление истории южных и западных славян как учебного предмета. С 1947 по 1961 гг. С.А. Никитин заведовал кафедрой истории южных и западных славян в Московском государственном университете. Именно в эти годы были разработаны основные принципы преподавания, подготовлены специалисты, началось формирование научных коллективов в университетах страны.

В дни празднования 90-летия со дня рождения С.А. Никитина неоднократно подчеркивались его заслуги в деле развития университетского славяноведения¹. Сегодня, спустя 10 лет, настало время вновь обратиться к состоянию истории южных и западных славян как учебной дисциплины на исторических факультетах университетов, выявить проблемы и наметить пути их решения.

Известно, что основным структурным подразделением российской высшей школы, осуществляющим учебный процесс и научную деятельность является кафедра. Однако возможность иметь специализированную кафедру истории южных и западных славян имеют лишь немногие ведущие вузы страны. В условиях же провинциального вуза, где штатное расписание напрямую зависит от количества бюджетных мест для студентов и косвенно - от учебной нагрузки, открыть отдельную кафедру истории зарубежных славян весьма проблематично. К числу таких вузов относится Тверской государственный университет, опыт которого в преподавании истории южных и западных славян будет обобщен в предложенной статье. На историческом факультете ТГУ по изложенным выше причинам не удалось открыть кафедру истории южных и западных славян. Поэтому мы

пошли по пути создания межкафедрального объединения – сектора исторической славистики, объединяющего преподавателей разных кафедр, чьи научные интересы лежат в области славяноведения. Инициатором и создателем сектора был профессор М.М. Фрейденберг, в настоящее время сектор возглавляет профессор И.Г. Воробьева.

Истекшее десятилетие явилось переломным как для отечественной исторической науки, так и для высшей школы: пересматривалась методология, обновлялась проблематика, изменялась организационная структура. В середине 90-х г. исторический факультет Тверского государственного университета перешел на многоуровневую систему: общая подготовка осуществляется в бакалавриате (4 года обучения), углубленное - на уровне подготовки специалиста с квалификацией «Историк. Преподаватель» (срок обучения 4+1) и в магистратуре (срок обучения 4+2), где лучшие студенты проходят углубленную специализацию и получают академическую степень «Магистр истории». Организационная перестройка потребовала коренного пересмотра учебных планов. Процесс их переработки завершился в сентябре 2000 г., с введением в действие нового государственного стандарта высшего профессионального образования по направлению «История». Он всецело исходит из цивилизационного подхода к изучению исторического процесса и предлагает сравнительный принцип в изучении западно- и восточноевропейского вариантов средневекового исторического развития, европейской цивилизации нового времени, Восточной Европы в контексте новейшей истории². Такой подход поставил перед кафедрами вопрос о целесообразности сохранения некоторых учебных дисциплин в прежнем виде. В полной мере это проявилось на примере курса истории зарубежных славянских народов. Обсуждался вариант учебного плана, в котором история славянских народов включалась в общие курсы по истории средних веков, нового и новейшего времени. Аргументом для сторонников такого подхода явились публикации в научной периодике о целесообразности комплексного изучения региона Центральной и Юго-Восточной Европы как единого целого³. Вновь повторилась ситуация конца 50-х гг., когда, как известно, также возникла угроза упразднения истории южных и западных славян как общего курса в программе университетской подготовки историка, и С.А. Никитину пришлось приложить немало усилий для его сохранения⁴. Аргументами в пользу сохранения прежней структуры явилось наличие на факультете сектора исторической славистики, а также то, что новый образовательный стандарт предусматривает двоякий путь изучения истории мировых цивилизаций: либо как единый курс, либо как систему согласованных курсов. Учебный план подготовки бакалавров истории в ТГУ исходит из второй модели: всеобщая история преподается

как система курсов. В их числе – история южных и западных славян. При весьма скромном объеме учебных часов (общий объем – 140 часов, в т.ч. аудиторных – 86) в неё заложено изучение средневековья, нового и новейшего времени. Поэтому оптимальным способом построения учебной дисциплины стало сочетание лекционного курса, построенного по проблемному принципу, с практическими и семинарскими занятиями, в основу которых положен страноведческий подход. Так, в общем курсе истории славян центральное место отводится следующим ведущим проблемам: этногенезу славянских народов; становлению и развитию средневековых славянских общностей; освободительному движению славянских народов и образованию независимых государств; формированию наций и национальных культур; истории межславянских связей. На семинарских занятиях эта проблематика конкретизируется на примерах отдельных славянских народов⁵.

Тесные рамки учебного плана бакалавриата, насыщенного многочисленными общеобразовательными дисциплинами, не позволяют осуществлять углубленную подготовку студентов в области славянской истории. Однако уже на этапе бакалаврской подготовки среди дисциплин специализаций по кафедре истории древнего мира и средних веков вводится спецкурс профессора И.Г. Воробьевой «Межславянские культурные связи в средние века», а по кафедре новой и новейшей истории спецкурсы доцента С.А. Голубева «Русско-польские отношения последней трети XIX – начала XX вв.» и доцента Н.А. Лучининой о проблемах современной Югославии. Среди тем выпускных квалификационных работ бакалавров традиционно присутствуют темы по славянской истории, например, «Проблема характера богомильского учения в Болгарии IX – XIII вв.»; «История средневековой Сербии в трудах Е.П. Наумова» и другие.

С открытием магистратуры появились новые возможности для углубленного изучения теоретических проблем исторической науки: методологии истории, наций и национальных отношений, а также истории отечественного славяноведения. Главное внимание в подготовке магистра истории уделяется научно-исследовательской работе, подготовке магистерских диссертаций. В последние годы особенно возрос интерес студентов к современной проблематике: Косовская проблема, Македонский вопрос, Гражданская война в Югославии, Дейтонские соглашения по Боснии и Герцеговине и т.п. Однако финансируется магистратура по остаточному принципу, расходов на научные командировки студентов не предусмотрено, а уровень магистерской выпускной работы тем не менее предполагает использование серьезной источниковой базы. В этих условиях научные руководители предлагают для разработки такие темы, которые можно

выполнить на материалах местных архивов, например: «Польская арестантская рота г. Твери в контексте польского вопроса в Российской империи (60 – 80-е гг. XIX в.)», или на основе опубликованных источников: «Боснийская проблема во внешней политике России накануне Восточного кризиса середины 70-х гг. XIX в.»

Подводя итоги, следует отметить, что первый опыт работы исторического факультета Тверского государственного университета свидетельствует, что многоуровневая система подготовки историков дает хорошие возможности для расширения и углубления специализации «История южных и западных славян».

Примечания

1. См. об этом: Балканские исследования. Вып. 14. Путь ученого. К 90-летию со дня рождения С.А. Никитина. М., 1992.

2. Государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования. Направление 520800 История. Степень - бакалавр Истории. М., 2000. С. 12-13.

3. Исламов Т.М. Изучение истории Средней Европы в новое время в Институте славяноведения и балканистики РАН // Новая и новейшая история. 1996. №5.

4. Боброва С.П., Таранова В.Г. С.А. Никитин и историческая славистика в Воронежском университете // Балканские исследования. Вып. 14. М., 1992. С. 78.

5. См: Методические указания к семинарам по истории южных и западных славян в новое время. Польское освободительное движение в конце XVIII - 60-х гг. XIX вв. Составитель Лучинина Н.А. Тверь, 1994.

РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ В ПРАГЕ ЧАСТЬ I. ТРУДНОЕ НАЧАЛО

Место действия. 4 (16) августа 1874 г. состоялось торжественное открытие русской православной церкви св. Николая в Праге. Местом действия стал знаменитый костел св. Микулаша на Старом Месте – один из древних и красивейших храмов. Он находится буквально в сердце г. Праги, в Старом Городе, рядом с Ратушей. Основанный богатыми горожанами этой части города изначально как романская постройка, позднее он был перестроен в готическом стиле. Первое упоминание о костеле на этом месте в источниках относится к 1273 г., когда наводнение в Праге было столь катастрофическим, что вода поднялась до уровня входа в храм. Ситуация повторялась в 1432, 1481 и 1560 гг.

Костел часто был местом и свидетелем самых значительных событий в чешской истории. Так, 18 июля 1419 г. здесь “учинили великое буйство гуситы”. Огромный пожар в 1556 г. нанес костелу колоссальный урон, уничтожил ценную библиотеку в здании приходского священника. В 1628 г. король Фердинанд II подарил его Страговскому монастырю. Однако Фердинанд III передал комплекс строений славянским бенедиктинцам из емаузского монастыря на Словенех. Приобретя внушительное состояние, они построили монастырь и новый костел. Его возведение было завершено в 1735 г. по проекту известного архитектора пражского барокко Килиана Игнаца Диензенхофера (1696-1752). По признанию специалистов, построенный храм – вершина его творчества. В свою очередь, его великолепнейший интерьер – пример композиционного единства внутреннего убранства, освещения и пластического оформления. Освящение этой жемчужины храмового строительства состоялось 6 декабря 1737 г.

После закрытия почти совсем разорившегося бенедиктинского монастыря в 1785 г. в период правления Иосифа II здание костела и относящиеся к нему постройки на аукционе в 1791 г. купила община г. Праги всего за 1600 злотых. Долгое время этот комплекс использовался для хозяйственных нужд (как складское помещение, затем архив). Только в 1865 г., благодаря великолепной акустике, костел был переустроен как концертный зал церковной музыки¹. Согласно правилам здание могло быть продано лишь с одобрения земского сейма и санкции императора. Решение об аренде принимали городские власти.

Современная историография о русской православной миссии в Чехии. История возникновения и деятельности русской православной церк-

ви в Праге вплоть до последнего времени не изучалась. Первым из отечественных историков обратил внимание на эту проблему исследователь с чрезвычайно широким кругозором С.А. Никитин в 1975 г. в довольно пространных комментариях к интереснейшей публикации документов “Зарубежные славяне и Россия”. В частности, он полагал, что церковь в Праге была создана Славянскими комитетами, которые надеялись, что она “явится средоточием тяготеющих к православию и средством его распространения”. Далее он разъяснял, что Славянские комитеты исходили из “представления славянофильских историков (в существе своем ошибочного) о том, что гуситское движение являлось борьбой за возврат к кирилло-мефодиевской (православной) традиции и что в чешской среде и в XIX в. сохранились эти тенденции”².

Слишком широкое название статьи О.В. Лебедевой (Павленко) “Культурные и политические аспекты православной миссии России в землях австрийских славян в XIX в.” может ввести читателя в заблуждение. К сожалению, эта талантливая исследовательница лишь наметила основные тенденции в генезисе русской “православной миссии” в Австрийской империи в 30-60-е годы XIX в., т.е. в период ее становления. Бесспорно, эта статья, написанная в значительной степени на материалах Святейшего Синода, содержит ряд интересных тезисов. Одним из них является утверждение, что “общественная мысль более активно осваивала православную идею, чем дипломатия”. Не вызывает сомнений положение, что поддержка православия за границей рассматривалась и как христианский долг, и в качестве политической акции. Причем последнее утверждение справедливо, на наш взгляд, лишь в широком историческом плане. В конце статьи автор сделала вывод о том, что к 60-м годам XIX в. православная миссия России в монархии Габсбургов оформилась в особый церковно-дипломатический орган³. Однако, как показывают документальные материалы, это заключение применимо лишь к деятельности русской посольской церкви в Вене, пока там настоятелем с 1842 до конца своих дней был М.Ф. Раевский (1811-1884). Причем его влияние в начале и в конце пребывания в австрийской столице было неодинаково. Во всех других случаях этот принципиальной важности вывод требует серьезных доказательств. Очевиден подчиненный характер православной миссии по отношению к актуальным внешнеполитическим задачам. Именно это обстоятельство предопределяло выбор разнообразных методов и средств воздействия на славянские народы даже в границах монархии Габсбургов.

Лишь в 1999 г. была опубликована весьма интересная как с точки зрения сформулированной в ней концепции, так и введенного в научный оборот материала статья словацкой исследовательницы Татьяны Ивантыши

новой “Православие в русско-чешских отношениях в 60-70-е годы XIX века. К истории костела св. Микулаша в Праге”⁴. В ней автор утверждает, что освящение православной церкви св. Николая в Праге 16 августа 1874 г. “было символическим актом, которым увенчались усилия русских панславистских кругов о постепенном сближении с лидерами чешского политического представительства”⁵. Начало же этого процесса она относит ко второй половине 60-х годов. Его кульминацией стало путешествие славян на Этнографическую выставку в Москву в мае 1867 г. Серьезной аргументации требует утверждение словацкой исследовательницы о “политически более развитой” чешской среде по сравнению с российской. В то же время целый ряд положений заслуживает особого внимания. Так, автор указывает, что в 60-е годы помимо интенсификации чешско-русских контактов особенно в сфере культуры у чехов возникла готовность пойти навстречу стремлениям консервативных членов славянских комитетов, действовавших в России, к расширению православия в Чехии. Затем исследовательница подчеркивает, что “с чешской точки зрения история православного костела в чешско-русских связях является маргинальной, прежде всего потому, что в оценке ее преимущественно прагматико-политического содержания никогда не было противоречий”⁶. Что касается русской стороны, то открытие православного храма в Праге Т. Ивантышинова связывает исключительно с деятельностью панславистских кругов, расценивает как попытку их “духовного” влияния на “мало-религиозное” чешское общество. При этом мечты некоторых русских панславистски настроенных деятелей о духовном единении славян она распространяет на политическую сферу, настоятельно ведет речь о расширении политического влияния. В более широком контексте эту акцию она вписывает в рамки православной миссии России.

До сих пор полностью неизвестной остается судьба православной церкви св. Николая в Праге. Так, С.А. Никитин в 1975 г. указывал, что “отсутствие достаточного тяготения чехов к православию и недостаток средств у Славянских комитетов привели позже к неудаче замысла”⁷. В свою очередь, Т. Ивантышинова утверждает, что “преувеличенные надежды на обращение чехов в православие оказались полностью нереальными” и “в начале 90-х годов костел закрыли”⁸.

Задачи исследования. Таким образом, уже на первый взгляд представляется необходимым рассмотреть несколько составляющих в истории православной церкви св. Николая в Праге. Прежде всего, восстановить хронологию событий, затем уяснить мотивацию сил, особенно российской стороны, высказавшихся в пользу открытия церкви, и, наконец, раскрыть характер ее деятельности в первые годы существования.

Начало. Т. Ивантышинова, выстраивая систему доказательств, появление православной церкви в Праге увязывает с личной инициативой чешского адвоката, старочеха, влиятельного политика из окружения лидеров чешского национального движения Фр. Палацкого (1798-1876) и Фр. Ригера (1818-1903) – Франтишека Браунера (1810-1880). В этом действе, что более существенно, она видит “реакцию на домогательства с русской стороны”⁹. Между тем сам ход событий заставляет серьезно усомниться в истинности данного тезиса, а аргументы словацкой исследовательницы, обосновывающей приоритет российских славянолюбов в распространении православия в Праге, представляются недостаточно убедительными.

Следует сказать, что русские авторы традиционно возникновение идеи православной церкви в Праге связывают с путешествием в Россию представителей чешской политической и культурной элиты в 1867 г. Считается, что именно здесь «Фр. Палацкий, д-р Ладислав Ригер, д-р Ф. Браунер и д-р К. Сладковский высказали пожелание возродить славянское богослужение в Праге». По мнению Димитрия Славина, опубликовавшего в 1938 г. в газете «Народни Листы» статью, посвященную юбилею храма, «тогдашние славянофильские круги в России радостно приветствовали эти чаяния»¹⁰. Именно такую трактовку событий дает и В. Григорич, изучавший историю православной церкви в чехословацком государстве. Обратимся к такому документу как «Выписка из книги Владимира Григорича, касающаяся Пражской православной церкви». В пункте первом говорится, что «по просьбе ведущих чехов (Сладковский, Ригер, др. Браунер) был Славянским Благотворительным обществом в Петрограде основан в 1870 г. храм для “греко-славянских богослужений”»¹¹.

Что касается непосредственных действий по реализации высказанной чехами идеи, то материалы Санкт-Петербургского славянского благотворительного комитета (переписка его председателей, известного учено-слависта Александра Федоровича Гильфердинга (1831-1872)¹² с Иваном Петровичем Корниловым (1811-1901), а также специальное дело “О Пражской церкви” за 1868-1913 гг.) свидетельствуют об их синхронности с обеих сторон. Толчком к появлению конкретного проекта стало “пожелание Е.И.В. Великой княгини Е.П.” пожертвовать в домовую православную церковь в Праге иконостас походной церкви в Карловых Варах. В ответ на известие об этом намерении Елены Павловны, жены великого князя Михаила Павловича, брата Николая I, сообщенное М.Ф. Раевским 24 мая 1868 г. в Санкт-Петербургский славянский благотворительный комитет, было принято решение прояснить ситуацию в Праге. К делу был подключен В.И. Ламанский, “имеющий быть” в это время в чешской столице. Ему было поручено “посоветоваться с главнейшими из представителей чешск

ких относительно приблизительной сметы расходов”. Причем со стороны русских речь шла о найме помещения “для временной, пока, домово́й церкви”.¹³ Однако чешская сторона не хотела ограничиваться столь скромным проектом.

О желании чехов “иметь русскую церковь” граф Комаровский¹⁴ общал М.Ф. Раевскому в своем письме от 26 ноября (8 декабря) 1869 г. из Дрездена. Реализацию этого плана он связывал с назначением в Вену князя Орлова. Комаровский просил настоятеля русской посольской церкви “через него выхлопотать устройство в Праге русского консульства и при нем русской церкви”¹⁵. Действительно, князь Николай Алексеевич Орлов (1827-1885) выполнял обязанности российского посланника в Австро-Венгрии с 13 декабря 1869 г. до 2 мая 1870 г. Однако, какова его истинная роль в реализации этого проекта, пока не ясно. Можно лишь заметить, что все принципиальной важности решения были приняты в его бытность в Вене.

В конце 1869 г. Комаровский пишет М.Ф. Раевскому о том, что лидеры обеих чешских политических партий, т.е. и старочехи и младочехи “с равным, по-видимому, сочувствием относятся к делу устройства в Праге русской церкви”. Разумеется, точки зрения отдельных политиков имели свои нюансы. Так, Антонин Отокар Цейтгаммер (1832-1919), соредатор газеты “Политика” (“Politik”), органа Национальной партии, считал, что “скорейшее средство” иметь русским в Праге церковь “есть устройство там консульства”, причем “в весьма скором времени”¹⁶. Между тем другой деятель этой партии Фр. Браунер, по словам Комаровского, был полностью согласен с тем, чтобы “чехи не на словах только, а на деле, наконец, выразили чем-нибудь расположение свое к России и стремление свое сблизиться с русскими”. Он и взял на себя обязательство обсудить весь этот комплекс вопросов с Фр. Ригером. Отслеживать ситуацию согласился чешский языковед и историк литературы Адольф Патера (1836-1912). В свою очередь М.Ф. Раевский, а вслед за ним и Комаровский считали “более практичным” ограничиться разрешением австрийских властей на “особого священника” в Карлсбаде, который зимой проживал бы в Праге.¹⁷ Оба они больше всего опасались отказа австрийского правительства, поскольку подобный исход испортил бы дело окончательно.

Как показывает переписка Комаровского с Раевским, 9 февраля 1870 г. на заседании магистрата г. Праги было решено передать “во владение русских одну из великолепных пражских церквей, находящуюся близ ратуши”. В своей блистательной речи Фр. Л. Ригер “выразил желание думы (т.е. магистрата – З.Н.) содействовать делу русской церкви в Праге всеми зависящими от нее средствами”. Комаровский обращал внимание Раевского на очень важное обстоятельство: заседание магистрата было “част-

ным”, чтобы принятое решение об открытии православного храма не стало известным немцам.

Таким образом, 9 февраля 1870 г. – вот исходная дата, когда чехами был разрешен вопрос о появлении русской православной церкви в Праге в принципе, заметим в весьма короткие сроки. Благодаря благожелательной позиции наиболее известных представителей чешской интеллектуальной и политической элиты русская мечта могла получить свое воплощение в ближайшем будущем в блистательном исполнении. Именно в этих условиях, “ввиду того горячего и деятельного сочувствия, с которым чехи отнеслись к делу нашей церкви в Праге”, – как с восторгом пишет Комаровский, – он сам и его окружение посчитали возможным “начать действовать”. Следовательно, на наш взгляд, вопрос о появлении православной церкви в Праге, хотя и являлся делом “слишком великой важности” для некоторых российских деятелей, включая М.Ф. Раевского, был все-таки решен чехами, на которых не только не оказывалось никакого давления, а наоборот, высказывались “увещания”, чтобы они “не торопились”¹⁸.

В России первым к реализации проекта был подключен Михаил Петрович Погодин (1800-1875), известный русский “славянолюб”. К делу подключился и Славянский благотворительный комитет в Санкт-Петербурге. Практически в то же самое время пражский городской магистрат через посредничество Йозефа Коларжа (1830-1910), чешского филолога, писателя и поэта, преподавателя славянских языков Пражского университета обратился в Славянский благотворительный комитет в Москву. Туда же, его секретарю, Нилу Александровичу Попову (1823-1891), с 1860 г. профессору Московского университета отправил сообщение и 3 (15) февраля княжна Н.П. Шаликова¹⁹ (сестра С.П. Катковой), проживавшая в Праге, которой было поручено следить за ходом событий²⁰.

Теперь многое зависело от позиции Москвы и Санкт-Петербурга. Как указывает уже упоминавшаяся Д. Славин, в обеих столицах при славянских комитетах были созданы особые комиссии для сбора денежных средств, необходимых для оплаты аренды. В московскую комиссию вошли М.П. Погодин, граф А.Ф. Комаровский, Ю.Ф. Самарин, князь В.А. Черкасский, и «славянский трибун» И.С. Аксаков. Председателем петербургской комиссии стал А.Ф. Гильфердинг, а секретарем граф П.А. Голенищев-Кутузов²¹.

Между прочим, переписка Комаровского с Раевским показывает, что они совсем не были уверены в благосклонности к этому проекту даже славянофилов. “Слава в вышних богу! Москва за нас, Москва нам вполне сочувствует!” – с радостью пишет Комаровский в Вену²². Действительно, наиболее деятельные из “друзей славянства”: М.П. Погодин, И.С. Аксаков

и др. – постановили “устроить церковь на славу”. Русская сторона дала согласие, что план “внутреннего расположения” церкви предложат чехи

23

Однако именно в этот момент, когда казалось, что основные преграды преодолены, свою позицию заявили российские официальные структуры. Причем она была более чем сдержанной. В конце апреля - начале мая 1870 г. Гильфердинг ведет активную переписку с рядом государственных и общественных деятелей. Вся она носила строго конфиденциальный характер. Об этом он сообщает в письме от 29 апреля 1870 г. Федору Петровичу Корнилову. Выражая личную благодарность за переданные последним на устройство православной церкви 100 руб., он замечает, что “щедрость дара ... служит на пользу славянству”. Однако более существенен факт пересылки адресату ряда важнейших документов. В качестве материала для обсуждения были предложены: письмо Раевского, в котором излагалась ситуация в Праге и представления последнего о будущем храме; письмо Гильфердинга графу Толстому “в коем изложена программа действий”; подлинный отзыв обер-прокурора Св. Синода²⁴.

Главным был вопрос о собственности, правовом статусе церкви. Мнения участников переписки разошлись. Так, Ф. П. Корнилов высказался в пользу приобретения костела. “Надо купить здание, а не нанимать”, - считал он. В ответ Гильфердинг в письме от 10 мая, также конфиденциальном, сообщает, что “соображения эти будут приняты в полное внимание лицом, которое на сих днях отправляется в Прагу и Вену для соби́рания на месте точных данных о лучшем способе устроить это дело”²⁵. Пока остается неизвестно, кто же оказался этим посланцем. Переговоры же о приобретении храма св. Микулаша в собственность велись с Александром Алексеевичем Киреевым (1833-1910). Генерал-адъютант при великом князе Константине Николаевиче, являвшийся в это время также и секретарем Санкт-Петербургского Славянского благотворительного комитета оказался, как свидетельствует Браунер, вполне подходящей фигурой.

Однако ситуация в Праге была достаточно сложной. Позиция пражских лидеров, вставших на путь переговоров с Веной по поводу заключения чешско-австрийского соглашения, в отношении к российским партнерам была весьма неустойчивой. Российская сторона заговорила даже о «несговорчивости чехов», поскольку они отказались организовать в Праге собственный комитет, который бы занимался делами церкви. Эта инициатива московских славянских деятелей была отвергнута пражанами “по политическим и другим соображениям”²⁶. Подобную непоследовательность в действиях чешских политиков можно объяснить сложной внутриполитической ситуацией в Цислейтании.

В конфиденциальном письме от 23 мая 1870 г. А. Гильфердинг ставит в известность Раевского, что “приступить к делу прямо в тех обширных размерах”, которые были тем предложены, “по зрелом обсуждении здесь и в Москве и по совещании с П.Н. Стремоуховым и графом Д.А. Толстым признали совершенно невозможным”. Российские власти, прежде всего МИД, хотя и “крепко озаботились исполнением” мысли Раевского об устройстве православной церкви в Праге, но сочли необходимым “принять для этого несколько иной способ”. Петр Николаевич Стремоухов (1828-1885), директор Азиатского департамента МИД в 1864-1875 гг., и Дмитрий Андреевич Толстой (1823-1889), с 1865 г. – обер-прокурор Синода и одновременно министр народного просвещения – фактически выступили против идеи приобретения в Праге здания для православной церкви. Идея же консульства, осуществления которой через Раевского добивались чешские лидеры, осталась вовсе за рамками обсуждения.

Главной причиной столь жесткой позиции также стали “соображения политические”. Гильфердинг прямо пишет о том, что на “политическую невозможность проекта” указало Министерство иностранных дел. Еще более усилила отрицательное отношение к обсуждаемым планам “невозможность материальная – именно денег решительно нет”²⁷.

Аксакову, Погодину и представителям Московского славянского благотворительного комитета для реализации такой, казалось бы заманчивой идеи, как православная церковь в Праге, оставалось надеяться на финансовую поддержку общественности. Между тем в Санкт-Петербурге было реально собрано всего 2 000 рублей.

Итак, российские официальные сферы приняли решение об аренде костела св. Микулаша. Гильфердинг просит Раевского покориться “горькой действительности”: “Нужно только, чтобы здание было нанято, и мы могли бы отстоять в нем богослужение, хоть при самом скромном убранстве”. Причем для ведения служб рекомендовалось временно воспользоваться “приглашенным из Ирома причтом”.

Огромный интерес представляют размышления Гильфердинга о будущем этого проекта. Он раздумывал над двумя сценариями событий. В первом случае он надеялся, что “дело пойдет само собою”, и при благоприятном стечении обстоятельств через некоторое время вокруг православной церкви может образоваться “хоть самая малая, но местная паства”. Впрочем, он вполне допускал и другой вариант. В частности, “в славянской Праге” дело могло и не пойти. Подобная реакция чехов, по мнению Гильфердинга, не означала бы “того фиаско”, как в случае с приобретением в собственность храма св. Микулаша²⁸.

Таким образом очевидно, что ни о каком намерении со стороны офи

циальной России и отчасти общественных организаций, по крайней мере некоторых деятелей Санкт-Петербургского Славянского благотворительного комитета создать в Праге церковно-дипломатический орган говорить не приходится. Столь же далеко от истины и стремление видеть в открытии церкви инструмент для расширения политического влияния Российской империи в Центральной Европе. В известной мере свидетельством отсутствия подобных намерений является удаление от переговорного процесса, лишение возможности непосредственно контактировать с чехами графа Комаровского, сторонника расширения функций церкви.

Ведение диалога в Праге было поручено П.А. Голенищеву - Кутузову²⁹. В свою очередь граф Комаровский осенью 1870 г. был вынужден в результате "непонятных действий А.Ф. Гильфердинга" возвратиться в Россию и отказаться от дел пражской церкви³⁰.

Важнейшим документом для уяснения ситуации в это время является письмо Петра Аркадьевича Голенищева-Кутузова от 7 июля 1870 г., направленное в пражский городской магистрат. Оно находится в фондах Архива города Праги. В этом письме обращают на себя внимание несколько пунктов. Во-первых, автор послания выражал согласие арендовать костел св. Микулаша. Во-вторых, выступал он от своего собственного имени, отрекомендовавшись как «выдающийся шляхтич и государственный деятель». Никаких ссылок на славянские комитеты в документе не содержится. В-третьих, руководствовался он исключительно интересами австрийских подданных, тем, чтобы «многочисленным православным была дана возможность иметь свое постоянное богослужение». В этой связи в письме указывается, что «Австрийская империя насчитывает свыше 3-х миллионов православных христиан» и именно их «душевным потребностям будет соответствовать установление православного богослужения в Праге». Не была забыта и экономическая подоплека: появление православного храма способствовало бы процветанию чешской столицы, ибо здесь бы останавливались многочисленные паломники и гости. Далее в письме оговаривалось право первого покупателя прилежащих к костелу построек и несколько других моментов³¹.

На заседании пражского магистрата 14 июля 1870 г., несмотря на возражения каноника пражского епископата Брадача, условия аренды сроком на 30 лет были решены окончательно. Ежегодные платежи составляли 300 австрийских дукатов. Кроме того, были согласованы и другие пункты, касающиеся денежного залога, преимущественного права покупки здания в будущем для арендаторов³².

Итак, договор об аренде с российской стороны 26 июля 1870 г. подписал Петр Аркадьевич Голенищев-Кутузов, причем как официальный предста-

витель Московского славянского благотворительного комитета. 4 февраля 1871 г. здание костела по описи было передано Фр. Браунеру как поверенному графа Голенищева-Кутузова. 5 февраля им был выплачен первый полугодовой взнос. Как отмечает в своем письме Браунер М.Ф. Раевскому, с этого момента пошел отсчет времени аренды³³. Одновременно “тихо, без всякого шума” началась грандиозная и дорогостоящая реконструкция здания, как писал Браунер 1 (13) марта 1872 г., — “достойная отделка церкви”.

Между тем проблема финансирования оказалась намного более сложной, чем казалось в Праге и в Вене. На самые неотложные нужды лишь в первые дни потребовалось 3 000 рублей, сумма, которую “в надежде будущих благ” выделил в виде беспроцентного займа Александр Дмитриевич Башмаков, впоследствии списавший вместе со своим братом Сергеем Дмитриевичем эту ссуду³⁴.

В то время как в Праге работа продвигалась “очень быстро и энергично”, в России устройством православного храма св. Николая помимо двух специальных комиссий по сбору средств при Славянских комитетах занимались и частные лица. Наибольшую активность проявил граф Комаровский. Однако, несмотря на его бурную деятельность, “денег было собрано очень мало”, а сбор их продвигался “очень туго”³⁵. На этот процесс явно сдерживающее влияние оказывала позиция официального Санкт-Петербурга. Как писал Комаровский “в северной... столице ветер дует весьма нам неблагоприятно”³⁶. Более того, он допускал закрытие комитета по сбору средств.

Между тем чехи торопили, некоторые из них сначала ожидали освящения церкви в ноябре 1871 г.³⁷, или же, по меньшей мере, на следующий год. Именно этим фактом можно объяснить интенсивную деятельность вокруг публикации сочинений на чешском языке с православной литургией. В то же время в чешской среде практически не оказалось меценатов, которые вложили бы свои средства в дело реконструкции церкви. Все заказы, будь-то перевод молитвенника на чешский язык или какие-то другие виды работ, а их было бесчисленное множество, оплачивались арендатором.

Лишь благодаря “средствам, пожертвованным преимущественно московским купечеством” начатая реконструкция была закончена к 1874 г. Весьма значительными, на наш взгляд, вопреки критике Комаровского, а за ним и историков, были пожертвования членов императорской семьи. Такие вклады преподносились неоднократно. Так, в 1876 г. от “Ее императорского Величества церковь получила молебен, облачение, прибор сосудов, иконы” как “знак внимания” к храму. Причем, священнослужители

скрывали этот факт от газетчиков из опасений, что те “придадут такое значение этому дару, что могут возбудить неприятные толки в немецких и мадьярских газетах”³⁸. Немного позднее в 1880 г. мастерами гарраховских заводов была создана люстра в виде царской короны весом в 1400 кг. Каждый посетитель храма вплоть до сегодняшних дней восхищается этим даром императорской семьи. Была объявлена и подписка, в том числе и в Вене при посольстве, специально на Пражскую церковь. Для того чтобы окончить храм, потребовалось 35 000 руб., а вопрос об обеспечении причта в течение многих десятилетий оставался крайне острым³⁹.

Во всех документах отмечается “бескорыстная деятельность по устройству храма земского адвоката Королевства Чешского” Ф. Браунера⁴⁰. Судя по материалам, хранящимся в фонде Петербургского отделения Славянского благотворительного общества, последний предстает как безукоризненно честный, преданный делу человек, руководивший всеми финансовыми потоками в период, предшествующий освящению храма.

Чешские реалии глазами протоиерея А. Лебедева. Интереснейшим источником, раскрывающим ситуацию в Праге в конце 60-х – начале 70-х годов XIX в., являются письма протоиерея церкви св. Николая Александра Лебедева, служившего здесь с 1874 по 1882 г. История появления этого священнослужителя в Праге оказалась далеко не простой. Как отмечает Д. Славин, «трудности с австрийским правительством начались с вопроса о назначении священника»⁴¹. Ф. Браунер рассчитывал, что ему удастся привлечь к богослужениям в Праге протоиерея К.Л. Кустодиева, настоятеля русской православной церкви в Ироме (Ыrome, недалеко от Пешта) при усыпальнице великой княгини Ольги Павловны. Летом в разгар «русского сезона» он служил и в Карловых Варах. Однако австрийское правительство потребовало, чтобы «священник являлся австрийским подданным». Лишь благодаря вмешательству в дело Браунера и адвоката Плавенского удалось урегулировать правовую сторону вопроса. В разрешении конфликта приняли участие и члены царской семьи: княжна Александра Иосифовна, которая подарила в капеллу св. Вацлава костела св. Вита на Градчанах великолепную люстру, и императрица Мария Александровна (1824-1875). По ее просьбе в дело вмешался российский посол в Вене в 1870-1880 гг. Евгений Петрович Новиков (1826-1908)⁴². В результате всех этих усилий на освящение храма в Прагу прибыл А. Лебедев.

Любопытно, что он рассматривал себя “официальным представителем русских в Праге”. Часть корреспонденции настоятеля церкви адресована Ивану Петровичу Корнилову⁴³. В то время он уже сложил с себя звание председателя Санкт-Петербургского Славянского благотворительного комитета и лишь временно исполнял его обязанности⁴⁴. Пять писем

А. Лебедева, весьма насыщенных оценками чешских событий, направлены также князю Александру Илларионовичу Васильчикову, публицисту, по своим взглядам близкому к либеральным кругам, новому председателю этого общества с 18 апреля 1876 г.⁴⁵. В них раскрываются с неожиданной стороны многие аспекты возникновения и деятельности православной церкви, в целом чешско-русские связи. Так, конец 60-х годов характеризуется корреспондентом как “период руссомании”, когда и зародилась идея об устройстве церкви в Праге. В столь благоприятных условиях, на волне “такого сочувствия” было необходимо “завязать узел для взаимного сближения и изучения”⁴⁶.

Какие же цели преследовало учреждение православной церкви в Праге? С самого начала австрийские власти видели в появлении православной церкви в Праге угрозу. Именно поэтому ее функции были строго ограничены. Условия ее существования были определены указом «и. к. министра исповеданий и просвещения наместнику Богемии от 30 марта 1875 г.». Согласно этому акту “за православным богослужением в церкви св. Николая [был] признан характер частного, совершаемого для русских подданных православного вероисповедания”. Не исключалось и “случайное присутствие частных лиц”. Эта позиция имела важное значение: от причта не требовалось австрийского подданства. В то же время все религиозные действия вне храма были воспрещены, хотя и имелись определенные послабления. Разрешалось совершать некоторые приходские акты, которые имели исключительно церковное значение, когда в них участвовали русские подданные православного вероисповедания. Очень важен следующий пункт: православный причт церкви (священник, диакон и псаломщик) был подчинен Санкт-Петербургскому митрополиту. Содержание же он получал от св. Синода⁴⁷.

Фактически с 1874 по 1914 г. православная церковь вела метрические записи на русском языке. На протяжении сорока лет «совершение треб не было запрещено, но весьма ограничено. Священник, прежде всего, не имел права пропагандировать православие, не смел совершать богослужебных треб открыто (были запрещены крестные ходы, священник не смел носить на улице рясу), на погребениях и т.д.»⁴⁸.

Служители церкви, как пишет А. Лебедев, могли бы следить “за движениями и колебаниями подлинных сочувствий”, а православный центр мог стать “органом для взаимного сближения русских с чехами». Что касается консульства, то, согласно точке зрения настоятеля, таковое “устроить здесь не представлялось надобным”.

Между тем идея расширения полномочий этого скромного заведения для современников была вполне естественной. Именно в таком ракур-

се рассуждал Ф. Браунер. А. Лебедев, поддерживавший с ним самые тесные взаимоотношения, в своем письме в Санкт-Петербург сообщал, что, по Браунеру, чехи устроили церковь “в следующих видах: 1. чтобы привлечь русских в Прагу; 2. устроить здесь впоследствии консульство; 3. свести здешнее духовенство с православным; 4. иметь постоянное средство для взаимного нашего общения”⁴⁹.

Что же касается религиозной жизни чехов, то настоятель православного храма открыто признавал, что “в религиозном отношении – пока ничего не можем”. Он расценивал как значительный успех уже сам факт существования православного прихода в Праге: “Довольно того, что мы служим, а чешский народ видит и слышит наше богослужение”. Лишь в будущем не исключалась возможность “каких-нибудь влияний на религиозное состояние здешнего общества”.

Перспективы православия в Чехии были ничтожно малы. “Православие, в той форме, как мы его понимаем и как оно у нас держится, здесь можно сказать, немислимо”, – пишет А. Лебедев в своем письме к кн. А.И. Васильчикову от 28 мая 1876 г. Свои собственные возможности в данном отношении он оценивал весьма скромно: “Образоваться приход может хоть сейчас из небольшого числа расположенных к нам чехов, – поясняет он, – но чтобы они сделались православными в полном смысле, и чтобы впоследствии православие, опять скажу в нашем смысле, сделалось господствующим – этого нельзя сделать”⁵⁰.

В таком контексте особенно существенен вопрос о предназначении Пражской церкви. Пожалуй, во всей полноте он раскрывается самим протоиереем А. Лебедевым.

Что касается соображений русской стороны, то в данном случае он отрицал в качестве побудительного мотива “какую-нибудь силу агитации против Австрии”⁵¹. Протоиерей полагал, что “в большинстве людей, сочувствовавших делу устройства церкви в Праге” были иные побуждения. “Главное – это была уверенность, что чехи желают принять православие”. Он пишет, что “в таком смысле высказывались некоторые из представителей московских славянофилов”. По его мнению, некоторые наиболее последовательные из них сохраняли такую точку зрения на протяжении долгого времени. “Уверенность эта была ошибочной, но искренней и имела за собой некоторые основания”. Подобные рассуждения требовали серьезных пояснений. Они последовали в августе 1876 г. Настоятель православного храма в Праге писал: “Я больше и больше утверждаюсь в той надежде, что церковь наша, наше богослужение со временем послужит поворотом к устройству в Чехии народного богослужения, народной церкви”⁵².

Он вновь и вновь повторяет ранее уже высказанную мысль, что “наде-

яться на утверждение православия в той форме, как мы понимаем его, невозможно". Он ищет наиболее убедительные аргументы и прежде всего указывает на неприемлемость для чехов "постов и нашего продолжительного богослужения". Затем А. Лебедев находит более широкую формулу: "современное отречение чехов от своих церковных привычек, песнопений, обрядов невозможно"⁵³. В качестве дополнительного аргумента он приводит спор "с одним русским дипломатом", который заявлял, что "в интересах России нежелательно, чтобы папизм погиб". Тем самым распалось бы единство католической церкви. Без противодействия Рима Бисмарк "сошьет из Германии одно твердое и плотное целое"⁵⁴. В таком контексте А. Лебедев резко выступил против приоритета политической целесообразности. Он полагал, что "в деле распространения истины мы должны обращать внимание не на ее политическую пригодность, а на ее существо"⁵⁵.

Чем же были так привлекательны чехи? Российский представитель достаточно прямо отвечает и на этот вопрос. С его точки зрения, чехи должны быть дороги России по нескольким доводам. "Во-первых, как славяне; во-вторых, как более других католических славян сочувствующие нам". Он оспаривает тезис, высказанный А.И. Васильчиковым, что русские "явились здесь поздно со своей пропагандой". В свою очередь протоиерей полагает, что "поздно, но не слишком", поскольку "народное самознание пробудилось здесь с особенною живостью не очень давно"⁵⁶.

А. Лебедев был искренне убежден, что в Чехии всегда "возможно возбуждение гусситизма"⁵⁷. При этом он полагал, что "ключ к этому движению" Россия держала в своих руках. Что же подразумевалось под столь фантастическим заявлением? Ход рассуждений русского священника достаточно парадоксален. Все предпосылки ("элементы") для возрождения "гусситизма", по его мнению, сохранялись в многочисленной среде чехов-переселенцев в России. Отсюда "гусситизм" должен был идти в Чехию. Однако в России на религиозные чувства переселенцев не обращалось никакого внимания. А это была уже серьезная ошибка. Что же конкретно рекомендовалось предпринять? Прежде всего "следовало войти в сношения с тамошними священниками, побуждать их к тому, чтобы они воскрешали в народной памяти клич Гуса и его стремления, чтобы устраивали в память о них праздничные процессии"⁵⁸.

Кроме того, предлагалось максимально расширить деятельность по переводу "на чешский язык богослужебных книг". При этом имелись в виду книги "как наши, так и католические, латинские, в особенности Литургии". А. Лебедев вел речь также о ряде важных организационных мер. В частности, было необходимо "устроить из тамошнего духовенства ка-

кое-нибудь маленькое Управление (?) общиной, – и ни под каким видом подчинять их католической Консистории”⁵⁹. Далее в письме следует просьба “исписаться” с епископом Волынской епархии, взяться за это дело “горячо и действовать последовательно и неутомимо”. Именно от волыньских чехов “движение гусситизма перешло бы в Кутногорский округ, далее в северо-восточную часть Чехии”⁶⁰. В одном из более поздних писем протоиерей высказывал надежду, что священники Волынской епархии “согласятся вводить мало-помалу славянско-чешское богослужение”⁶¹.

Были поставлены и более общие задачи. “В видах дарования чехам средств изучать Россию” было предложено “снабдить по возможности лучшими книгами здешние музеи и общества”. Естественно, планировалось пополнить фонды русского отдела библиотеки Чешского национального музея. По наблюдениям протоиерея А. Лебедева, чешский музей “едва существовал”. Его финансовое положение было плачевным, поэтому “ожидать от музея, чтобы он сам приобретал русские книги, было невозможно”⁶². Русский священник брал на себя обязательство “снести со всеми русскими университетами”, чтобы “ученые корпорации снабдили своими исследованиями чешскую библиотеку”. К его удивлению, в Чехии не было и славянских обществ, подобных отечественным славянским комитетам. “Славия”, учрежденная студентами, не пользовалась “ни сочувствием, ни помощью со стороны богатых и влиятельных классов общества”. Настоятель православного храма в Праге был раздражен и тем, что “здешние богатые люди совершенно равнодушны к изучению славянства, хотя посылают значительные лепты в Рим”⁶³. Причем он акцентировал особое внимание на славянских исследованиях, ибо без них “невозможна здравая политика и искреннее разумное отношение чехов” к русским.

Одним из весьма деликатных был вопрос о финансировании деятельности не только самой Пражской церкви, но и различных проектов, способствовавших бы “ознакомлению с нашими воззрениями”. Деньги испрашивались на переводы Литургии на чешский язык с пояснениями, и на подготовку книги для чтения по “истории церкви”, в которой бы раскрывалась “фальшь, какая залегла в основу католических воззрений” и которая бы служила учебником для православных славян⁶⁴. Как показали последующие события, вечная российская проблема нехватки денег и бюрократическая волокита стояли на пути реализации подобных замыслов.

Протоиереем А. Лебедевым и князем А.И. Васильчиковым обсуждались самые различные пропагандистские проекты, направленные на ознакомление чешского общества с жизнью России и догматами право-

славия. В этом отношении работа с периодикой была признана малопродуктивной, поскольку “здесьние газеты так малы, что не могут помещать на своих столбцах статей крупных и серьезных”⁶⁵. Кроме того, отдельные издания очень плохо расхитились. В этой связи русский священник язвительно замечает, что “здешняя публика, хотя и считает себя образованной, скупа на книги”. В качестве свидетельства приводится отсутствие интереса к переводам с русского трудов самого протоиерея, а заодно и поэзии А.С. Пушкина и М.Ю. Лермонтова. Настоятель православной церкви в Праге с горечью замечает: “то ли переводы слабы (а некоторые действительно слабы, потому что невозможны), или потому, что сама жизнь чужда для чехов, только эти переводы тихо идут у книгопродавцов”⁶⁶.

Чрезвычайный интерес представляет вопрос о финансировании православной церкви в Праге. Он был жизненно важен не только для существования храма св. Николая, как и всех православных церквей за границами России, но и позволяет осветить многие стороны ее деятельности.

Формально проблема финансового содержания, так же как и правового статуса церкви св. Николая, была отрегулирована в 70-е годы XIX в. Однако в действительности она оказалась такой же сложной, как и тот путь, который предстояло пройти этому русскому центру в Праге. Ведь последний настоятель православной церкви протоиерей Николай Рыжков (вместе с диаконом А. Соловьевым и псаломщиком Брянским) был арестован 7 августа 1914 г. и обвинен в государственной измене. Три с лишним года он находился в самых тяжелых условиях (несколько месяцев он провел в одиночной камере) в австрийских тюрьмах. 7 мая 1917 г. Н. Рыжкову был сообщен приговор: смертная казнь через повешение. Лишь энергичное заступничество испанского короля и целый ряд других мер российского правительства спасли его жизнь.

В заключение, следует признать, что в настоящий момент будет правильнее не выносить окончательное суждение о характере деятельности русской православной миссии в Праге в лице церкви св. Николая. Большой массив оригинальных материалов, имеющийся в распоряжении автора, нуждается в дальнейшем тщательном анализе. Предпринятая попытка воссоздать несколько моментов из истории православного храма в Праге на первом этапе его существования показывает, что в это время ни о каком распространении православия в Чехии говорить не приходится. В этой связи следует заметить, что только в конце XIX в. несколько чехов перешло в православную веру. Содержание переписки протоиерея церкви св. Николая А. Лебедева с Санкт-Петербургом убедительно свидетельствует об отсутствии каких-либо реальных оснований рассматривать православную миссию в Праге в 70-е – начале 80-х гг. как некий особый

церковно-дипломатический орган. Представители миссии, пусть и во многом под давлением обстоятельств, сознательно отказались от проведения в жизнь православной идеи, провозглашавшей единство всех славянских народов. Таким образом идея единоверия оставалась лишь искусно созданным мифом в арсенале приверженцев славянофильских идеалов, отстаивавших особый путь развития России, свое собственное понимание ее интересов в Центральной Европе. На наш взгляд, даже теоретически идея религиозного единства не имела каких-либо реальных перспектив в этом регионе. Столь же далеко от истины и утверждение об интеграционных притязаниях, гегемонистской направленности⁶⁷ православной идеи, особенно когда речь идет о чехах. В свою очередь, отличительной особенностью православной миссии в Праге был безоговорочный приоритет практики над теорией, насущная необходимость выживания в общем-то неблагоприятных условиях.

Примечания:

¹ Archiv hl. M. Prahy. Fond: Magistrát hl. m. Prahy – Prezidium. Signatura: 52/6. Nové chrám vojenský posádky u Sv. Mikuláše na Starém Městě Pražském. V Praze, 1916. S. 4-11.

² Зарубежные славяне и Россия. Документы архива М.Ф. Раевского. Составители В. Матула, И.В. Чуркина. М., 1975. С. 138. См. комментарий к письму № 108. А. Гильфердинг – М.Ф. Раевскому. 23 мая 1870 г.

³ См.: Лебедева О.В. Культурные и политические аспекты православной миссии России в землях австрийских славян в XIX веке // Российское общество и зарубежные славяне. XVIII – начало XX в. Балканские исследования. Выпуск 16. М., 1992. С. 96, 102.

⁴ Ivantuľynovb Tatiana . Pravoslávie v rusko-ieských vzťahoch v 60.-70. rokoch 19. stor. (K histórii Kostola sv. Mikuláša v Prahe) // StredoEurópske púrody na kriľovatkách novodobých dejín . 1848-1918. Preľov – Bratislava – Wien. 1999. S. 109 – 116.

⁵ Ibid. S. 109.

⁶ Ibid. S. 110.

⁷ Зарубежные славяне и Россия. С. 138.

⁸ Ivantuľynovb Tatiana . Pravoslávie v rusko-ieských vzťahoch S. 116.

⁹ Ivantuľynovb Tatiana . Pravoslávie v rusko-ieských vzťahoch. S. 112.

¹⁰ Slavin Dimitrij. Jubileum prazského slovaského chrámu // Nôrodni Listy. № 18. 19.1.1938.

¹¹ См.: Выписка из книги Владимира Григорича, касающаяся Пражской православной церкви (С. 1), а также саму брошюру: Grigorovii Vladimír. Pravoslavnô Chrkev ve stôte Ieskoslovenském. V Praze. 1928. S.

40-41. Эти материалы находятся в Славянской библиотеке в Праге в фонде Н. Рыжкова. Речь идет в буквальном смысле о чемодане, принадлежащем последнему протоиерею православной церкви в Праге Николаю Рыжкову, служившему в ней с 1901 по 1914 г. Материалы были предварительно обработаны (описаны и сгруппированы в картонные) дочерью Рыжкова и переданы ей в библиотеку. До сих пор они археографически не обработаны, не пронумерованы. Фонд не имеет описи. Slovanská knihovna. Fond N. Ryžkova. Karton 1. Obal 1.

¹² А.Ф. Гильфердинг занял этот пост 26 января 1869 г. ЦГИА Санкт-Петербурга, ф. 400, оп. 1, д. 1; л. 2, 2 об.; 20-20 об.

¹³ ЦГИА Санкт-Петербурга, ф. 400, оп. 1, д. 198, л. 1.

¹⁴ Инициалы этого деятеля отличаются у разных исследователей. В публикации документов архива Раевского он обозначен как граф Г.Н. Комаровский. Т.Ивантышинова пишет, что речь идет о графе Алексее Евграфовиче Комаровском. Дмитрий Славин дает его инициалы как А.Ф.

¹⁵ Зарубежные славяне и Россия. С.218. № 190. Г.А. Комаровский-М.Ф. Раевскому. 26 ноября (8 декабря) 1869 г.

¹⁶ Там же. С. 219. № 191. Г.А. Комаровский – М.Ф. Раевскому. 27 декабря 1869 г. (8 января 1870 г.).

¹⁷ Там же. С. 220.

¹⁸ Там же. С.220. № 192. Г.А. Комаровский – М.Ф. Раевскому. Письмо Комаровского из Дрездена датировано 30 января (11 февраля) 1870 г.

¹⁹ Там же. С. 221. № 193. Г.А. Комаровский – М.Ф. Раевскому. 15 (27) февраля 1870 г.

²⁰ Ivantuľynovb Tatiana. Pravoslǎvie v rusko-ieskǎch vzt'ahoch. S. 112; Зарубежные славяне и Россия. С.220. № 191. Г.А. Комаровский- М.Ф. Раевскому. 27 декабря 1869 г. (8 января 1870 г.)

²¹ Slavin Dimitrij. Jubileum prazskǎjho slovaskǎjho chrǎmu // Nbrodnn Listy. № 18. 19.1.1938. Также как и в случае с Комаровским, здесь в инициалах Самарина возможна ошибка, ибо членом Московского славянского комитета был Дмитрий Федорович Самарин.

²² Зарубежные славяне и Россия. С. 221. № 193. Г.А. Комаровский-М.Ф. Раевскому. 15 (27) февраля 1870 г.

²³ Там же.

²⁴ ЦГИА, ф.970, И.П. Корнилова, оп. 1, д.960, л.3 об.

²⁵ Там же, л. 4

²⁶ Зарубежные славяне и Россия. С. 138. См. комментарий № 2 к документу № 108. А. Гильфердинг – М.Ф.Раевскому. 23 мая 1870 г.

²⁷ Зарубежные славяне и Россия. С. 138. № 108. А. Гильфердинг – М.Ф. Раевскому. 23 мая 1870 г.

²⁸ Там же. С. 138.

²⁹ Там же. С. 137.

³⁰ Зарубежные славяне и Россия. С. 224. № 197. Г.А. Комаровский – М.Ф. Раевскому. 5 июня 1871 г.

³¹ Archiv hl. M. Prahy. Sbirka papirovych listin. 2. he oddeleni. Signatura PPL II/106/S 1-3. В одном блоке с письмом находится записка от 12 июля 1870 г., в которой говорится, что городской совет готов сдать костел в аренду и для этого надо создать комиссию, которая бы обсудила вопрос об условиях найма; 14 июня необходимо представить документ о найме общинным старостам.

³² Зарубежные славяне и Россия. С. 77. № 46. См.: Комментарий № 2 к письму Браунера от 24 февраля 1871 г. К сожалению, публикаторы не включили его письма ни от 11 февраля, ни от 22 октября 1870 г. в 1-ый том издания документов, а использовали содержащуюся в них информацию в комментарии.

³³ Зарубежные славяне и Россия. С. 76. № 46. Dr. Fr. A. Brauner – М.Ф. Раевскому. 24 февраля 1871 г.

³⁴ ЦГИА Санкт-Петербурга, ф. 400, оп. 1, д. 198, л. 3 об.

³⁵ Зарубежные славяне и Россия. С. 224. № 197. Г.А. Комаровский – М.Ф. Раевскому. 5 июня 1871 г.

³⁶ Там же. С. 225.

³⁷ Там же. С. 87. № 57. Эдуард Георгиевич Валечка – М.Ф. Раевскому. 4 (16) августа 1871 г.

³⁸ ЦГИА, ф. 651, оп. 1, д. 851, л. 15-15 об., 16. Письмо протоиерея Лебедева от 14 (26) октября 1876 г.

³⁹ РГИА, ф. 970 (Корнилова И.П.) оп. 1, д. 960, л. 3 об., 6, 6 об., 14.

⁴⁰ Там же, л. 4 об., 5 об.

⁴¹ Slavín Dimitrij. Jubileum pražského slovanského chrámu Nbrodny Listy. N 18. 19.1.1938.

⁴² Там же.

⁴³ РГИА, ф. 651 (князей Васильчиковых), оп. 1, д. 895.

⁴⁴ ЦГИА Санкт-Петербурга, ф. 400, оп. 1, д. 19, л. 87-87 об.

⁴⁵ Там же, д. 14, л. 165; д. 68, л. 5-5 об.

⁴⁶ РГИА, ф. 651, оп. 1, д. 871, л. 1.

⁴⁷ Зарубежные славяне и Россия. С. 24. № 7. Н. Апраксин – М.Ф. Раевскому. 18 сентября 1883 г.

⁴⁸ Из письма священника Н. Рыжкова митрополиту Антонию в Санкт-Петербург от 28 апреля 1905 г. (171). Цит. по: Выписка из книги Владимира Григорича, касающаяся Пражской православной церкви.

⁴⁹ РГИА. Ф. 651, оп. 1, д. 871, л. 1.

⁵⁰ Там же, л. 3.

⁵¹ Там же, л. 9 об.

⁵² Там же.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Там же, л. 10.

⁵⁵ Там же л. 10.

⁵⁶ Там же, л. 10.

⁵⁷ Там же, л. 3.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ Там же, л. 10 об.

⁶² Там же, л. 3 об.

⁶³ Там же.

⁶⁴ Там же, л. 7 – 7 об.

⁶⁵ Там же, л. 8.

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ Об этом подробнее см.: Лебедева О.В. Культурные и политические аспекты православной миссии России в землях австрийских славян в XIX веке // Российское общество и зарубежные славяне ХУІІІ- начало ХХ в. Балканские исследования. Выпуск 16. М., 1992. С. 90.

Н.С. Пильно

СОВЕТСКИЕ ГРАЖДАНЕ В РЯДАХ НАРОДНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ АРМИИ СЛОВЕНИИ

Борьба советских граждан в рядах Народно-освободительной армии и партизанских отрядах являлась неотъемлемой частью освободительного движения в Словении. В отечественной историографии встречается ряд публикаций, посвященных советским людям, которые воевали в составе НОА и ПОЮ¹. Среди таких работ можно назвать статьи В.В.Зеленина «Участие советских людей в народно-освободительной войне в Югославии»², «Герои Русской бригады»³; Т.С.Бушуевой «Народно-освободительная война в Югославии и участие в ней советских людей»⁴; Л.Каплина «Иду по следам героев»⁵. Интересные сведения содержатся в монографии Семиряги М.И. «Советские люди в Европейском сопротивлении»⁶. Следует так же упомянуть сборник «Советские люди в освободительной

борьбе югославского народа», в котором опубликованы воспоминания тех, кто воевал на территории Югославии в составе частей НОАЮ. Задача данной работы заключается в обобщении уже имеющихся сведений о советских гражданах воевавших на территории Словении и пополнении этих материалов новыми, которые были найдены в словенской историографии и в фондах архива Республики Словения.

Первые советские граждане стали появляться на территории Словении в 1943 г., после капитуляции Италии. В основном это были те, кому удалось бежать из трудовых лагерей, размещенных на территории Австрии и Италии, и попасть в словенские или итальянские партизанские отряды. Другие же дезертировали или были взяты в плен в ходе сражений с подразделениями Русской освободительной армии. Так, например, много пленных было захвачено в ходе сражений при Постойне со 162 Туркестанской дивизией, были так же пленными из 4 казачьего полка Русского охранного корпуса и из полка «Варяг».

Одними из первых в конце 1943 г. на территории Словении оказались двое русских, бежавших из трудового лагеря: Г.А.Фаворский (старший сержант-артиллерист) и Б.Полунин (ефрейтор-парашутист). Они оба работали на фабрике, шившей обувь для фашистской армии⁷. По мнению М. Паулина, словенского журналиста и публициста, служившего в годы войны комиссаром 15-й бригады 15-й дивизии НОАЮ, «они не только являлись первыми советскими гражданами, которые стали партизанами Югославии, но и первыми из советских людей, присоединившимся к движению сопротивления против фашизма в Европе»⁸. После побега они оказались в Краинском отряде, который занимался организацией словенцев, поддерживающих народно-освободительное движение, а так же уничтожением мелких полицейских гарнизонов в селах. После гибели командира этого отряда, на его место был избран Г.А.Фаворский. Первоначально отряд не был связан с руководящим центром словенской Народно-освободительной армии. Когда началась реорганизация партизанских частей, Фаворский был назначен референтом при Компартии Словении для «популяризации» СССР⁹. Б.Полунин погиб в одном из сражений.

Похожая судьба была у А. Желевской и Т. Бушковой. Они познакомились на «рабовладельческом рынке» в Клагенфурте (Австрия), где были проданы мелким австрийским землевладельцам. Их хозяева не придерживались инструкций по содержанию «приобретенной рабочей силы», сажали своих работников за один с собою стол, позволяли навещать друзей в соседних городках и деревнях по выходным дням. Это, в свою очередь дало им возможность собрать информацию о партизанском движении в Словении и составить план побега, который был удачно осуществлен. По-

пав к партизанам, дни служили в агитбригадах¹⁰.

Сейчас мы можем, к сожалению, назвать слишком мало имен тех, кто воевал в составе словенских партизанских отрядов. Среди них Н. Гаридов, служивший в 28-й дивизии 8-й ударной бригады; участвовал в штурме Кочевья, был командиром пулеметного отделения разведки; С. Клименко воевавшая в бригаде им. Милоша Зиданшка¹¹, а так же Пампушка И., который находился на принудительных работах в пограничной части Австрии, а после побега в мае 1944 года был зачислен в 1-й батальон Западно-Каринтийского отряда. Закончил войну в Северо-кринтийском батальоне 14-й дивизии НОАЮ, участвовал в форсировании Дравы, в уничтожении подразделений гестапо и полевой жандармерии в районе гор Свинска планина¹². Г. Гриценко бежавшая из нацистского лагеря Либенау близ г. Граца в Марибор, где работала на освобожденной территории до февраля 1944 г., после вступила в партизанскую бригаду «Любо Шерцер». С августа 1944 г. и до конца войны являлась бойцом Камнинско-Засавского партизанского отряда¹³.

Первая партизанская рота из граждан Советского Союза была сформирована в октябре 1943 г., и входила в состав Второго Международного батальона Второй Сочской бригады, которая в конце октября того же года была переименована в 18-ю Словенскую народно-освободительную бригаду 30-й дивизии (сокр. СНОБ), а в октябре 1944 г. после удачных боев в районе севернее Триеста получила звание ударной (сокр. СНОУБ). Осенью 1943 г. германские войска начали наступление в направлении г. Кобарид, который являлся центром освобожденной территории, получившей название «кобаридской республики» общей площадью 400 кв. км. Территорию вокруг Кобарида защищало 14 партизанских батальонов. Перед Первой и Второй Сочской бригадами была поставлена задача охранять дорогу Кобарид-Бовец-Трбиж. Бои шли в течение семи дней. Международный партизанский батальон принимал активное участие в этих сражениях. О деятельности Русского отряда мы узнаем из боевого дневника рядового Г. Жилея, который оказался в Словении в середине 1943 г. совершив побег из рабочей армии «ТОДТ». Сначала он попал в итальянский партизанский гарibaldiйский батальон. Там узнал, что в составе IX корпуса НОА Словении организуется русская рота. Осенью 1943 г. перешел к словенским партизанам. Вот как описывает одно из первых сражений Г. А. Жилев: «Мы расположились на низком холме и хорошо замаскировались. На другой стороне находилась асфальтированная дорога Бовец-Кобарид... Неожиданно на дороге появляются контуры трех велосипедистов. Наверняка это фашистские разведчики. Мы их пропускаем. Через десять минут они проезжают мимо нас и исчезают за поворотом. Отряд замер.

Вскоре на дороге появилась колонна приблизительно из ста человек. Когда колонна поравнялась с нашей засадой, ночную тишину разорвал треск пулеметов и автоматов... Бой продолжался. С другого фланга из-за скал гитлеровцы открыли огонь из легких минометов. В этот момент Григорий Мерзяев заметил, что небольшая группа с минометами в руках переходит поток. Враг собирался напасть с тыла. Но им это не удалось. Мы отступили, унося на руках нашего первого погибшего товарища Льва Калантова, рабочего из Самарканда и много наших раненых»¹⁴. Партизанские части не сумели задержать противника. В начале ноября Кобарид был занят германскими войсками.

В начале 1944 г. части германской армии начали наступление в районе Трновского леса, который почти полностью находился к тому времени в руках партизан. Командование штаба IX корпуса поставило перед 18-й бригадой задачу охранять дорогу Трново-Локве-Чепован. Однако противнику удалось прорваться к селу Локвы. Руководство 18-й бригады сумело вовремя сориентироваться и внезапно напасть на противника. В результате хорошо спланированной операции немецкие части понесли значительные потери: 250 убитых и 300 раненых. Руководство IX корпуса отметило: «мы должны признать, что лучше всех себя проявила 18-я СНОУБ, которая после проведенных ею акций может называться одной из самых лучших словенских бригад. Храбрость командующего состава и рядовых солдат была настолько велика, что враг в этом наступлении, впервые с момента оккупации Словенского Приморья, понес большие потери и при этом не разбил ни одного нашего отряда»¹⁵. За проявленный героизм штаб IX корпуса выразил отдельную благодарность капитану Г. Рацо, командиру бригады, полковнику Д. Сретену, полковнику Красной Армии А.И. Дьяченко¹⁶.

К марту месяца 1944 г. личный состав 18-й бригады значительно увеличился. Наряду с советскими гражданами в отряде служили англичане, французы, австрийцы, которые во всех отношениях были равноправны со словенскими воинами. Однако командование 30-й дивизии приняло решение реорганизовать отряды и батальоны по национальному признаку, для облегчения командования ими. Возглавить отряды должны были командиры соответствующих национальностей.

Командиром Второго (русского) батальона был избран Анатолий Игнатьевич Дьяченко. До войны он служил моряком-подводником на Тихоокеанском флоте. В 1940 г. его по состоянию здоровья освободили от военной службы. В 1941 г. был направлен в Харьков на краткосрочные курсы по подготовке партизан. В ходе 1942 г. командовал диверсионной группой и провел ряд успешных операций на территории Украины и Белоруссии. В

начале 1943 г. был взят в плен и отправлен в один из лагерей Северной Италии, в сентябре того же года, ему и некоторым его товарищам удалось бежать. После долгих скитаний по горам они попали к словенским партизанам, воевавшим в окрестностях Кобарида¹⁷.

Под командованием Дьяченко Русский батальон сумел отличиться в боях за Нижнюю Идрию¹⁸. Этот район был стратегически важен, поскольку там находился крупнейший в Европе ртутный рудник. В конце марта начале апреля 1944 года 18 бригада получила задание при помощи артиллерии уничтожить позиции врага. Разведчики корпуса составили довольно точный план расположения вражеских сил. Вечером перед боем командиры 18-й и 19-й бригад, а так же члены штаба дивизии рассматривали план совместных действий. В разработке этого плана участвовал и А. Дьяченко. В боях за Нижнюю Идрию партизаны Приморья впервые применили тяжелую артиллерию. Сражения шли с переменным успехом. После нескольких неудачных маневров Второму батальону удалось выполнить поставленную перед ним задачу по отвлечению врага от основных партизанских сил¹⁹.

Русский батальон так же принимал участие в уничтожении вражеских колонн. В одном из таких сражений был ранен командир батальона А. Дьяченко. Советские воины осуществили удачное нападение на колонну на шоссе Айдовщина-Горица²⁰. В боях отличились командиры взводов Доробаев, А. Тиенцев, А. Гусев, Е. Орзали²¹.

В декабре 1943 г. Советское правительство приняло решение направить в Югославию военную миссию, которая состояла из опытных военных специалистов. В Словении военная миссия была открыта в апреле 1944 г., в ее состав входили подполковник Б. Богомилов, полковник Г. Лихо и подполковник Е. Куликов²². 20 августа представитель советской миссии в Словении при штабе IX корпуса, подполковник Красной Армии И. П. Рыбаченков посетил штаб 30-й дивизии. Вероятно ему предстояло выяснить, сколько советских граждан служило в рядах словенской партизанской армии, и главное каким образом они оказались в НОА. Как уже говорилось выше, часть из них была из так называемой Русской освободительной армии, которая состояла как из военнопленных советских граждан, так и из русских эмигрантов. Другая же часть оказалась на территории Словении в результате побега из трудовых лагерей Италии и Австрии. После этого визита, Второй Русский батальон продолжал участвовать в операциях 18-й СНОУБ. В мае 1944 года началось одно из генеральных наступлений оккупантов против частей НОАЮ. Германской армии удалось заманить части IX корпуса на север в высокогорную часть Словении и полностью занять Словенское Приморье. Г. Жилыев вспоминал об этом так: «Мы оказались

окруженными на высокой горе Облаков врх. Положение было критическим. Почти совсем не было боеприпасов, кончились продукты. К 11 часам появились гитлеровские самолеты. Летчики начали бомбежку и обстрел. Минут через пять рота нашего батальона, возглавляемая Джавадом Акмели, уже спешила к месту боя Прешерновой бригады. Нам удалось вскоре выйти из окружения»²³. Русский батальон не только прорвал окружение, он подготовил путь для спуска тяжело раненых партизан²⁴. Совместно с Дьяченко этой операцией руководил подполковник И.П.Рыбаченков²⁵.

Помимо вооруженной борьбы, Второй батальон занимался агитационной деятельностью. В газете 18-ой СНОБ «Сошки глас» публиковались статьи на словенском, сербохорватском и русском языках. Статьи в основном носили пропагандистский характер. В третьем номере «Сошки глас» было опубликовано стихотворение Г.Жилиева, посвященное дню рождения Тито. Содержание свидетельствует о том, что уже в 1943 г. начал развиваться культ личности Тито, который был наделен чертами характера национального героя, сумевшего сплотить в единой борьбе против фашистских оккупантов все югославские народы.

Ты рос для народов, ты вырос к сражениям,
Народы на битву ведешь за собой,
И имя твое будут знать поколения,
Овеянный славой народный герой.
Героем Тебя возвенчали народы,
И маршалом нашим признали Тебя,
Идут с твоим именем в бой наши роты,
В сердцах, неся светлое имя вождя²⁶.

В ходе наступательных операций в ноябре 1944 г. руководство IX корпуса поручило Второму батальону задержать врага по направлению к Локвам. Удачно выполнив операции, батальон перебросили в Трново, где находился вражеский штаб. Перед руководством Русского батальона была поставлена задача, установить точное местонахождение штаба и уничтожить его. Операция была назначена на 7 ноября. «6 ноября в 22 часа отдельные группы приблизились к вражеским объектам. Тихо пробираясь между домами они вскоре достигли штаба. Главным препятствием являлся часовой. Партизаны подождали, пока он повернется к ним спиной, и после тихо ликвидировали его. Внезапно из дома вышел немецкий офицер. Не теряя ни минуты, партизаны ворвались в штаб и открыли огонь. Воспользовавшись паникой, партизаны захватили карты и оружие»²⁷. С утра враг попытался разгромить Второй батальон, но был отбит. Бои продолжались до 10 ноября.

Зимой 1944 г. была проведена реорганизация Русского батальона.

Первоначально он состоял из пяти стрелковых отрядов, что значительно усложняло командование. В каждом отряде были тяжелые орудия, и это в свою очередь снижало их маневренность. 29 января из пяти отрядов были организованы три стрелковые отряда и один отряд, на вооружении которого были минометы, пулеметы и противотанковые орудия. Помимо этого солдатам была выдана новая английская униформа. После реорганизации был проведен смотр, на котором политкомиссар 18-й бригады и член Советской военной миссии наградили 26 рядовых и офицеров батальона за боевые заслуги.

Свой боевой путь батальон закончил 5 мая 1945 г. после тяжелых боев в районе Кобарид на Соче с выходом в район Опчине под Триестом. Штаб 30-й дивизии отдал распоряжение, согласно которому все бойцы Второго батальона должны были вместе со своим командиром А.И.Дьяченко, переправиться в Шемпас, а затем в Советский Союз.

Из сохранившихся записей следует, что Русский батальон прошел в целом 8 тыс. километров по горам и тропам Словенского Приморья. Самостоятельно или совместно с частями IX корпуса советский батальон имел 150 больших и малых боев. 256 бойцов и командиров было награждено Югославским правительством орденами и медалями²⁸. 175 человек погибло, 39 пропало без вести, 287 - ранено²⁹.

Помимо Второго Русского батальона 18-й СНОУБ 30-й дивизии IX корпуса в Словении существовал и другой Русский батальон в составе 9-й СНОУБ 18-й дивизии VII корпуса НОАЮ, который был создан в марте 1944 г. и состоял из двух отрядов³⁰. Батальон участвовал в боях за Рибницу. Решающее сражение состоялось 19-20 апреля. После батальон был расформирован, и его бойцы были распределены по частям 18 дивизии НОАЮ, в составе которых они воевали до самого конца войны³¹.

В последние дни войны в части 4-ой оперативной зоны НОА Словении вступило множество представителей различных национальностей иностранных государств, среди них был англичане, американцы, французы, а так же бойцы из Советского Союза. Они были включены в состав международного батальона, образованного 18 апреля 1945 г. в составе 1 СНОУБ имени Тоне Томшича и в международный батальон, сформированный 25 апреля 1945 г. в составе 6 партизанской бригады имени Славко Шландера. Кроме того, 28 апреля года в составе 11 бригады имени Милоша Зиданшега был создан Русский батальон, насчитывавший тогда 80 человек и выросший в дальнейшем по своей численности³².

В шестидесятые годы розыском советских участников народно-освободительной войны в Словении занимался журналист словенской газеты «ТВ-15» М.Паулин. В его личных бумагах, которые в настоящее время

хранятся в Архиве Республики Словения, есть несколько писем от участников событий, о которых было сказано выше. Так есть письма от Г.Гриценко, И.Пампушки и др. В них в основном содержатся воспоминания о прошедших событиях и практически ничего не говорится о том, как сложилась их жизнь после войны. Есть некоторые сведения о Г.А. Жилиеве. После войны он закончил факультет журналистики МГУ и работал в Москве, проживал в г.Люберцы. Известна так же судьба командира Русского батальона Дьяченко А.Г. По возвращении в Советский Союз он работал инженером в г.Николаеве. Как сложилась жизнь остальных советских граждан, которые воевали вместе со словенскими партизанами, нам не известно. Утверждать что-либо точно, мы не имеем права. Есть сведения о том, что некоторые из них остались в Словении, большинство же вернулось в СССР.

В целом на территории Югославии в рядах НОА сражалось свыше 6 тыс. советских граждан³³. Из них около 2 тыс. находилось в подразделениях НОА Словении. Однако эти данные не могут быть окончательными, так как документы о численности многих частей НОАЮ не сохранились. Среди личного состава словенской Народно-освободительной армии большой процент составляли бывшие военнослужащие, попавшие в плен. Остальные же являлись гражданскими лицами, которые были угнаны на принудительные работы в Австрию и Италию. Возраст многих из них не достигал шестнадцати лет. В целом советские люди имели те же права и обязанности, что и словенские воины. Многие из них были награждены орденами и медалями Народно-освободительной армии Югославии.

Примечания:

¹ Народно-освободительная армия и партизанские отряды Югославии.

² Советское славяноведение.-1965. №6

³ Советская Россия.-1964.- 4 июля

⁴ Советские люди в освободительной борьбе югославского народа.- М.,1973

⁵ Комсомольская правда.-1966.-26 ноября

⁶ Семиряга М.И. Советские люди в европейском сопротивлении».- М.,1970

⁷ Комсомольская правда.-1966. 26 ноября

⁸ Arhiv Republike Slovenije, AS 1871, dopolnilno gradivo o delavskem gibanju in narodnoosvobodilnem boju. Gradivo Mileta Paulina.

⁹ AS 1871, Gradivo Mileta Paulina.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² Советские люди в освободительной борьбе югославского народа. - М.,1973. С.177.

¹³ Там же. С.178.

¹⁴ *Franjo Bavec-Branko*. Bazoviska brigada. - Ljubljana, 1970. С.77.

¹⁵ Zbornik dokumenata i podatka o narodnooslobodilackom ratu jugoslovanskih naroda. -Beograd,1953, d. VI, knj.10. С.297, d. VI. knj..11. С.11-33.

¹⁶ *F.Bavec-Branko*. Bazoviska... С.163.

¹⁷ *F.Bavec-Branko*. Bazoviska... С.163.

¹⁸ Zbornik dokumenata i podatka...1966.-d.VI, knj.12. С.448.

¹⁹ *Zdravko Klanjscek*. Deveti korpus narodnoosvobodilne vojske 1943-1945.- Ljubljana, 1999. С.98-99.

²⁰ Zbornik dokumenata i podatka... 1968.- d.VI,knj.14. С.145-146.

²¹ *F.Bavec-Branko*. Bazoviska...С.261-262.

²² Arhiv Republike Slovenije. AS 1887. Slovenski porocevalec, 27.04.1944, a.e.S6

²³ AS 1871. Gradivo Mileta Paulina.

²⁴ *А.И.Дьяченко*. На земле Словенского приморья./ Советские люди в освободительной борьбе югославского народа.-М.,1973. С.68.

²⁵ *Семиряга М.И.* Советские люди в Европейском сопротивлении.- М., 1970. С.128.

²⁶ *F.Bavec-Dranko*. Bazoviska... С.201.

²⁷ *F.Bavec-Branko*. Bazoviska... С.382-383.

²⁸ AS 1871, Gradivo Mileta Paulina.

²⁹ Советские люди в освободительной борьбе югославского народа. М.,1973. С.158.

³⁰ Zbornik dokumenata i podatka ... d.6,knj.12,1966, с.89-90.

³¹ *Velimir Krasevec-Igor*. Deveta Kocevsa brigada. Ljbljana, 1991. С.158.

³² *Enotni v boju- enotni v miru*.- Ljubljana – Portoroz, 1979. С.28-29.

³³ *Бушужева Т.С.* Народно-освободительная борьба в Югославии и участие в ней советских людей./Советские люди в освободительной борьбе югославского народа.- М.,1973. С.27.

Научное издание

**ПРОФЕССОР
СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ НИКИТИН
И ЕГО ИСТОРИЧЕСКАЯ ШКОЛА**
**Материалы международной
научной конференции**

Отв. редактор д.и.н. *И.В. Чуркина*

Редколлегия: *С.И. Данченко*

А.В. Карасёв

М.Л. Ямбаев (секретарь)

Верстка *А.А. Безgodов*

Подписано в печать 19.11.2004 г.

Бумага офсетная. Формат 60x90/16.

Гарнитура Times New Roman. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 27,5 Тираж 300 экз.

Подготовка к изданию

ИГ «Археодоксія»

